

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ СИБИРИ В XX–XXI ВЕКАХ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сборник материалов VI Международной
научно-практической конференции

28–30 ноября 2016 г.

Электронное издание

Ответственный за выпуск

Н. П. Коцева

Красноярск
СФУ
2017

УДК 314.7(571.1/5)(082)
ББК 60.73-5(253)я43
С718

Ответственный за выпуск *Копцева Наталья Петровна*

С718 **Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы** : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., 28–30 ноября 2016 г. / отв. за вып. Н. П. Копцева. – Электрон. дан. (5,8 Мб). – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. – 1 электрон. опт. диск. (CD-Rom). – Систем. требования : PC не ниже класса Pentium I ; 128 Mb Ram ; Windows 98/XP/7 ; Adobe Reader v 8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7638-3705-6

Приведены материалы участников конференции по следующим темам: этнокультурная динамика и этническая мобильность в XXI веке, актуальные проблемы миграционных исследований, роль социально ориентированных некоммерческих организаций в процессах адаптации трудовых мигрантов в принимающем сообществе, русский язык как государственный язык Российской Федерации и язык межэтнической коммуникации, в том числе проблема обучения русскому языку как иностранному. Кроме того, рассмотрены актуальность и перспективы российского и зарубежного миграционного законодательства.

Представляет интерес для студентов, аспирантов, преподавателей, ученых, занимающихся вопросами этнических миграционных процессов и специализирующихся в области этнологии и религиоведения.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

УДК 314.7(571.1/5)(082)
ББК 60.73-5(253)я43

Электронное научное издание

Корректор *Я. Н. Лысь*
Компьютерная верстка *А. А. Быковой*

Подписано в свет 24.07.2017. Заказ № 1917
Тиражируется на машиночитаемых носителях

Библиотечно-издательский комплекс Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а, тел. (391) 206-26-67
<http://bik.sfu-kras.ru>; e-mail: publishing_house@sfu-kras.ru

ISBN 978-5-7638-3705-6

© Сибирский федеральный
университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА И ЭТНИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В XXI ВЕКЕ

ДЯТЛОВ В. И.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКИХ КЛАСТЕРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ЛЕДЕНЕВА В. Ю.

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

КОРОВУШКИН Д. Г.

ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ МОЗАИКИ СРЕДНЕЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ФАКТОРЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

КРИВОНОГОВ В. П.

ВЛИЯНИЕ УРБАНИЗАЦИИ НА ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ СИБИРИ

ШЕВЦОВА Е. В.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ¹

ПОГОДАЕВ Н. П.

ВЫЗОВЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В ЗЕРКАЛЕ «ТЕОРИИ РИСКОВ». ЗАРУБЕЖЬЕ – «БЛИЖНЕЕ» ИЛИ «НОВОЕ» – К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ ОПИСАНИЯ

СЕРЕДКИНА Н. Н., ТРОФИМОВА И. В.

ПОНИМАНИЕ ПОЗИТИВНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА

БРЯЗГИНА Д. Е.

МИГРАНТЫ В ГОРОДСКОМ СООБЩЕСТВЕ: ЭТНИЧЕСКИЙ РЫНОК КАК МЕСТО ВСТРЕЧИ

КОРНЕВА О. Л.

МИГРАЦИЯ КИТАЙЦЕВ В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ: НАПРАВЛЕНИЯ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

БАБАЙЦЕВ М. Н.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ИНТЕРАКТИВНОЙ ИНФОГРАФИКИ С ПРИМЕНЕНИЕМ 3D-ТЕХНОЛОГИЙ, ОТРАЖАЮЩЕЙ МИГРАЦИЮ ПОЛЯКОВ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ В XVI–XXI ВЕКАХ

ИВАНОВА Е. С., КАСЕНОВА Н. Н.

МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ г. НОВОСИБИРСКА КАК УСПЕШНАЯ ПЛАТФОРМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

ПАРФЕНОВА Е. И., ЧЕБАКОВА Н. М., ШВЕЦОВ Е. Г.

КЛИМАТ В АСПЕКТЕ КОМФОРТНОСТИ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ИЗМЕНЕНИИ КЛИМАТА В СРЕДНЕЙ СИБИРИ В XXI ВЕКЕ

ШМАЛЬЦ М. Е.

МИГРАЦИОННАЯ ТРАВМА КАК ФАКТОР ОБЕДНЕНИЯ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ: ПРИМЕР НИЖНЕКОЛЫМСКИХ ЮКАГИРОВ

МАДЮКОВА С. А., ПЕРСИДСКАЯ О. А.

ЭТНИЧЕСКИЕ АНКЛАВЫ В ПРОСТРАНСТВЕ г. НОВОСИБИРСКА

КАСЕНОВА Н. Н.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

ТАНАБАСОВА У. В.
УСТАНОВКИ КОЛЛЕКТИВИЗМ – ИНДИВИДУАЛИЗМ КАК ФАКТОР РИСКА ФОРМИРОВАНИЯ
ДЕПРЕССИИ У НАРОДОВ СИБИРИ

СЕРЕДКИНА Н. Н.
ОБРАЗ ЯКУТСКОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ГРУППЫ В СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИКАХ

ИШМУХАМЕТОВ Р. Ф.
КОНСТРУИРОВАНИЕ МИГРАНТАМИ ОБРАЗА ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА: НА ПРИМЕРЕ
ГОРОДА ИРКУТСКА

ОБМОРОКОВА А. М.
СПЕЦИФИКА ПОНИМАНИЯ СЛОВА «РОДИНА» В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА 2011 И 2016 ГОДОВ

ДУБЕНКИНА Ю. А., КАСЕНОВА Н. Н.
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ФЕДОТОВ Б. В., ДВОРЕЦКИЙ М. И.
ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ К НОВОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

ДИВЕЕВА К. А.
МОЛОДЕЖНЫЙ ЭТНИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

НЕМАЕВА Н. О.
ЭТНОСПЕЦИФИКА СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «СВЯЩЕННОЕ»: РЕЗУЛЬТАТЫ АССОЦИАТИВНОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА

ЕВДОКИМОВ А. И.
ВЛИЯНИЕ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЙ МИГРАЦИИ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ
РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА САЯНО-АЛТАЯ

ОСИПОВ О. Г.
ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ПРИЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА В XX–XXI ВЕКАХ

АРПЕНТЬЕВА М. Р.
ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ И МИГРАЦИИ СИБИРИ

МОВНАР А. П.
МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И КИНО: ОБРАЗ ИРАКЦЕВ И КУРДОВ В
ИРАНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

КИСТОВА А. В.
СЛОЖНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СИБИРСКИХ ХУДОЖНИКОВ
КАК РЕЗУЛЬТАТ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА (ТВОРЧЕСТВО ДАШИ НАМДАКОВА)

БРОТТРАГЕР Э. Б.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ДРЕВНОСТИ И СОВРЕМЕННОСТИ У
ЭТНИЧЕСКИХ КЫРГЫЗОВ

БЛОХИН В. Н.
ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИИ БЕЖЕНЦЕВ: БЕЛОРУССКИЙ ОПЫТ

КИМ А. С.
СЕВЕРОАМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА
И ЭТНОМИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

- ФЕДОТОВА Т. А.
ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В УПРАВЛЕНИИ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ
- МОСТАХОВА Т. С.
МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ: СПЕЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ
- АКСЮТИН Ю. М.
МИГРАЦИЯ И МИГРАНТЫ КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ОЦЕНКАХ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ЮЖНОЙ СИБИРИ
- КУРКИНА Л. В.
ПРОБЛЕМЫ В НАПРАВЛЕНИИ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ-МИГРАНТОВ,
ПРИБЫВШИХ НА ОБУЧЕНИЕ В КЕМЕРОВСКУЮ ОБЛАСТЬ НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОГО ГСХИ)
- ШИНКЕВИЧ П. П.
РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В УПРАВЛЕНИИ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(НА ПРИМЕРЕ АГРАРНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА)
- ВИНОКУРОВА Д. М.
ЯКУТИЯ – «ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО»: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ
- ТОМАШЕВСКАЯ М. А.
К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В ДЕТСКОЙ И МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ
В РОССИИ
- МОНАСТЫРСКАЯ Т. И., КУЗИНА Е. В., КОВАЛЕВА А. А.
АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ
- ЖИРНОВА Е. А.
ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ
- ПРИХОДЬКО Ф. С.
ИМПЕРАТИВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОТ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА К КОСМОПОЛИТИЗМУ
- КОШЕЛЕВ М. С.
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ
- ЛЮЛЯ Н. В.
«УКРАИНСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО НА АЛТАЕ»: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
- СМОЛЯНИНОВА О. Г., КОРШУНОВА В. В.
ИНТЕГРАЦИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ МИГРАНТОВ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
СРЕДСТВАМИ ЭЛЕКТРОННОЙ ПЛАТФОРМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
- СЕРЕДКИНА Н. Н., КРАВЧЕНКО Н. А.
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ К. ГИРЦА К ИССЛЕДОВАНИЮ КУЛЬТУРЫ:
МЕТОД ПЛОТНОГО ОПИСАНИЯ
- ЛИБАКОВА М. Н.
ГЕНДЕРНЫЕ ОБРАЗЫ В СКАЗКАХ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ СЕВЕРА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В КОНТЕКСТЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
- Д. С. ПЧЕЛКИНА
ЭТНИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОБРАЗОВ ШКОЛЬНИКАМИ
(РЕЗУЛЬТАТЫ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УЛЯЕВА А. Г.
ДИСПРОПОРЦИИ РАССЕЛЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН
В РЕЗУЛЬТАТЕ УСИЛЕНИЯ АГЛОМЕРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

ЛЫСЕНКО И. С.
СОДЕРЖАНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

ГУЛЯЕВА Н. П.
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ КАК ФАКТОР МИГРАЦИИ

ЛЫТКИНА А. Ю., ПАСТУХОВА К. И.
УЧЕБНАЯ МИГРАЦИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В КРАСНОЯРСКОМ
КРАЕ

ПАДЕРИНА К. В.
МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ

ДОВГОПОЛОВ Е. Ю.
ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ КАК КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ
ПРОБЛЕМА МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

АНЖИГАЛОВА Л. В.
РЕСУРСЫ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: СИСТЕМНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ

ГУСЕЛЬНИКОВА Т. О.
СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ТРУДОВЫМИ МИГРАНТАМИ КАК ЗАЛОГ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ОРГАНИЗАЦИИ

СЕДЕЛЬНИКОВ С. С.
МАРГИНАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ И УТРАТА ИДЕНТИЧНОСТИ

СОКРУТА Л. В.
УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПОТОКАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ В РФ

МИКИДЕНКО Н. Л., МОНАСТЫРСКАЯ Т. И., СТОРОЖЕВА С. П.
ОПЫТ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ТРУДОВОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НСО)

ПЕТРОВА К.
ПАТРИОТИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.
ОСОБЕННОСТИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ У ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКА
(НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

СМОЛЯНИНОВА О. Г., ПОПОВА Ю. В.
ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА КАК ИНСТРУМЕНТ
ИНТЕГРАЦИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕСТВО¹

СЕКЦИЯ 3. РОЛЬ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОЦЕССАХ АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ И ИХ ИНТЕГРАЦИИ В ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО

МЕЩЕРЯКОВ Н. В.
НКО КАК ИНСТРУМЕНТ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

СМОЛИНА М. Г., МОРОЗОВА М. В.
ВНУТРЕННЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СРЕДЕ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ
СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОЙ ШКОЛЫ КЕРАМИКИ)

ТАРАСОВА М. В., КОЧЕРОВА А.
ИНТЕГРАЦИЯ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО: ВНЕДРЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КУРСА «МИРОВАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА» КАК МЕТОД СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

ИНГОВАТОВ В. Ю., ФИСЕНКО Б. М.
ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ФОРМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

КЛЫЧНИКОВА О. В.
«ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ» МИГРАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ЛАПИН Д. В.
ЭТНИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ГОРОДСКОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ НОВОСИБИРСКА

РОГАЧЁВА И. Г.
ОПЫТ КУЛЬТУРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В КРАСНОЯРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ

ТОПОЕВА М. В.
«НОВАЯ ЭТНИЧНОСТЬ» КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

РОДАК О. И.
ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА УРОВЕНЬ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ

СЕКЦИЯ 4. РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КАК ЯЗЫК МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ. ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

ДАЙНЕКО Я. М., СМОЛЯНИНОВА О. Г.
ИССЛЕДОВАНИЕ КОМПОНЕНТОВ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БАКАЛАВРОВ – БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

МАЛЕТИНА Ю. С., КАСЕНОВА Н. Н.
ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ГОРОДА НОВОСИБИРСКА

ШЛЕГЕЛЬ Д. В.
ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ СЕМАНТИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ-ИНОФОНОВ И РУССКОГОВОРЯЩИХ ДЕТЕЙ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОДНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

БАКУРОВА О. К.
ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ НА ОСНОВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НОЗИРЗОДА Ш. С.
ЗНАЧИМОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

ГРЯЗНУХИНА Т. В., ГРЯЗНУХИН А. Г.
РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ

КУЛЬКО Е. И.
ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

СЕКЦИЯ 5. РОССИЙСКОЕ И ЗАРУБЕЖНОЕ МИГРАЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: АКТУАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ПАВЕЛЬЕВА Э. А.
ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЕС

ЛУЗАН В. С.

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

СИДОРОВА Т. Ю.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ
КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

ПАЙТЯН Р. Х.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ БЕЖЕНЦЕВ

ПИКУЛЕВА И. В., ТЕРЕШКОВА В. В.

ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ УСМОТРЕНИЯ ГОСУДАРСТВА В ДЕЛАХ О ДЕПОРТАЦИИ ИНОСТРАНЦЕВ

АНДРЕЙЧЕНКО Е. Э., ТЕРЕШКОВА В. В.

ЗАЩИТА ПРАВ МИГРАНТОВ КАК ПУБЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС ГОСУДАРСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ И ГЕРМАНИИ

МЕЩЕРИКОВ В. А.

ТАМОЖЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ В МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

ФРАНЦ В. А.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МИГРАНТОВ КАК УСЛОВИЕ ИХ ЭФФЕКТИВНОЙ
ИНТЕГРАЦИИ В ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО

ЛОЙКО А. И.

БЕЛОРУСЫ В СИБИРИ: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА

ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ С. А.

СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА 1950-Х ГОДОВ

ШЕЙБАК В. В.

КАЛИНИНГРАДСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО БЕЛОРУСОВ: ФОРМИРОВАНИЕ, СТРУКТУРА, ОСНОВНЫЕ
НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

БЕДРИНА Е. Б., СТРУИН Н. Л.

САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РЕГИОНОВ УРАЛА И СИБИРИ В УСЛОВИЯХ
ПОВЫШЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

КОРНИЕНКО Н. А.

О СООТНОШЕНИИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ, ПАТРИОТИЗМА И НАЦИОНАЛИЗМА

КОЩЕЕВ Б. А.

ИМПЕРАТИВЫ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ В СИБИРЬ

МЕЛЬНИКОВА А. С.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ
МИГРАНТОВ

СЕКЦИЯ 1

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА И ЭТНИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В XXI ВЕКЕ

УДК 331.556-054

В. И. Дятлов

*Доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории
и международных отношений Иркутского государственного университета*

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКИХ КЛАСТЕРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Этнические кластеры – места и точки жилищной концентрации, сосредоточения социальной, культурной, религиозной жизни, экономической деятельности представителей тех или иных этнических групп, обычно в иноэтничном окружении. Система экономических и социальных связей мигрантов, создаваемых ими формальных и неформальных структур и институций является той средой, в которой формируются и функционируют территориальные кластеры. Это настолько взаимосвязанные и взаимозависимые феномены, что рассматривать их можно только в комплексе.

В российской ситуации у них были прототипы и исторические предшественники – гетто (в каком-то смысле – вся «черта оседлости»), «немецкие слободки», аграрные поселения приглашаемых в империю на жительство иностранцев. В дореволюционную эпоху иноэтнические и инорелигиозные (относительно русского и православного большинства) мигранты могли быстро растворяться в общей городской среде, а могли и формировать в ней свои особые сегменты. Это могли быть религиозные общины, имеющие собственную развитую инфраструктуру (храмы, кладбища, школы, благотворительные учреждения, институции), места жилищной концентрации, особые экономические ниши, особый юридический статус и т. д. Это вполне органично вписывалось в общий сословный тип организации общества вообще и городского пространства в частности. Говорить о них как об этнических кластерах представляется возможным только в связи с разложением сословного типа организации общества, с началом формирования общества массового и вытекающей из этого актуализации этничности. То есть в позднеимперскую эпоху.

Особую роль этот феномен начинает играть с началом массовых трудовых трансграничных миграций. Для России это также позднеимперская эпоха. Трансграничные миграции, представленные китайцами и корейцами на только что присоединенном Дальнем Востоке, привели к формированию мест их жилищной и деловой концентрации («китайские слободки», «китайские кварталы», корейские деревни), особому типу их экономической деятельности, образованию специфических экономических ниш. Специальные правовые режимы для мигрантов подкреплялись эффективным функционированием мощных общинных структур, которые осуществляли помимо этнокультурных и конфессиональных функций еще и задачи внутреннего контроля, регулирования, социального контроля и санкций.

Однако советская эпоха, особенно со времен «великого перелома» 1929 года, привела к радикальному изменению ситуации. Трансграничные мигранты были частично выдвинуты за границу, частично подвергнуты репрессиям (аресты, коллективные депортации и т. д.). Они исчезли из жизни страны вообще и городского пространства в частности. Остались только в быстро ослабевающей исторической памяти. Противоречивые эксперименты в области «национального строительства» исключали возможность этнической самоорганизации и нормальной религиозной жизни, даже при проведении политики нациестроительства, включавшей в себя «коренизацию», практики «позитивной дискриминации». Этнические проблемы считались неудобными для публичного обсуждения и рефлексии. Государство, осуществляя крупные внутригосударственные миграционные проекты на востоке страны, выработало и эффективные формы, и механизмы адаптации мигрантов, препятствующие развитию их коллективной субъектности и возможности самоорганизации.

Только к концу советской эпохи возобновляется (и то в крайне ограниченных размерах) деятельность синагог и мечетей, маркирующих не только конфессиональные, но и этнические элементы городского пространства.

В качестве нового – и в перспективе чрезвычайно значимого – этнического и миграционного сегмента позднесоветского городского пространства стало появление на их «колхозных рынках» торговцев овощами, фруктами и цветами из различных регионов Северного Кавказа и особенно Закавказья. В массовом сознании принимающего общества они были выделены (и тогда уже стигматизированы) как «кавказцы» или «лица кавказской национальности». Полулегальная рыночная специализация, осуждаемая массовым общественным мнением и официальной идеологией рыночная ментальность и образ жизни, выделяющийся стиль поведения в сочетании с непривычными этнокультурными элементами сделали их предметом пристального и недоброжелательного общественного внимания.

В целом же присутствие мигрантов **как особой группы** в городском пространстве советского города было сведено к исчезающему минимуму, что находилось в разительном контрасте с эпохой поздней империи.

Постсоветские миграции становятся мощнейшим (хотя и не единственным) инструментом актуализации этничности и возвращения ее в пространство повседневности. Возникающие мигрантские объекты (рынки, торговые базы – чаще плодоовощные, позднее – строительные объекты) становятся отчетливыми маркерами возвращения *этнического* в российское пространство. По-новому структурируя физическое пространство города, эти объекты выстраивали новые границы в пределах локального социального пространства, основанные на этнической идентичности, границы не только барьерные (хотя и эта функция новых границ развивалась в полной мере), но и контактные, выполняющие роль пространства контакта (иногда болезненного) сообществ, ранее не контактировавших между собой в этих статусах (как этнические сообщества).

Фактически во многом именно мигрантские объекты выступили терминалом вхождения позднесоветского общества в этническое поле. Здесь вырабатывались межэтнические дистанции и практики их преодоления, а попытки осмысления и включения в «картину мира» нового феномена приводили к формированию новых образов и стереотипов. Возникно-

вление новых дистанций (новой системы диспозиций), в свою очередь, дало мощный импульс формированию сложного комплекса мифов (как способов осмысления новой реальности) и фобий, в которых сложно и причудливо перемешались представления о мигрантских, этнических, конфессиональных группах. Наложившись на непростую ситуацию 1990-х, этот процесс имманентно включил в представления о миграции и мигрантах их связь (и подлинную, и конструируемую) с криминалом, наркотрафиком и иными вызовами и угрозами. Возникнув как часть осязаемого пространства города, мигрантские объекты стали важнейшими узлами его ментального пространства, одной из несущих конструкций современного массового сознания горожан.

Динамично развивающееся взаимодействие городских сообществ с мигрантами и мигрантскими объектами (прежде всего, рынками) приводило и к заметным сдвигам в социальной организации российских городов. Если начало и середина 90-х сделали этнические (и, прежде всего, китайские) рынки и другие мигрантские объекты очень важными элементами жизни большей части горожан, то уже в 2000-х эти же объекты становятся механизмом и маркером имущественного и социального расслоения. Сформировавшаяся за два десятилетия вокруг мигрантских объектов инфраструктура вместе с обширным комплексом представлений об их «этничности» все более явственно влияет на реструктурирование и зонирование города. Так, например, в этом процессе центральная историческая часть города, занятая «китайским» рынком, становится в медийном дискурсе «клоакой», чужим и чуждым городу объектом, исключенным из городского пространства. Представление об объекте при этом становится не менее, а иногда и более мощным инструментом такого исключения, чем специфика внутренней организации и деятельности такого объекта.

Став неотъемлемой частью городской повседневности, мигрантские объекты не просто выступают узлами новой структуры физического и социального пространства. Производимые на их основе статусы и отношения тесно увязаны с определением новых пространственных границ, микрозонирования города. Иными словами, мигрантская инфраструктура города, этнически маркированная в масс-медиа и обыденных представлениях, становится важнейшей связкой физического и социального пространства города, одной из важнейших несущих конструкций его повседневности.

Исходя из мирового опыта, можно выдвинуть гипотезу о том, что кластеры могут выполнять две противоположные функции. С одной стороны, они могут стать механизмом сегрегации мигрантов, способом сворачивания их жизни в непроницаемые для принимающего общества «ядра», общины. И если мигрантов будет достаточно много, это может стать причиной формирования всего общества на общинной основе, особенно учитывая фактор трансграничности образа жизни и модели поведения мигрантов в современную эпоху. С другой стороны, кластеры могут быть механизмом адаптации мигрантов к принимающему обществу, способом коллективной, диаспоральной интеграции с ним. Таким образом, проблема кластеров приобретает стратегический характер, ибо от тенденций их развития зависят судьбы не только мигрантов и их сообществ, но и тенденции развития принимающего общества.

В идеологическом дискурсе и в массовом сознании все описанные выше функции, сегменты городской жизни, связанные с мигрантами, часто концентрируются в категории

«чайнатауна». Под этим понимается и место жилищной концентрации мигрантов, и средоточие «этнической экономики», деловой активности, и социальный организм с формальными и неформальными институциями, и место встречи с горожанами, площадка и механизм продажи им «этнического продукта» (туризм как продажа впечатлений и образов, этническая кухня, экзотические товары, сувениры и т. д.).

Такое понимание сформировалось через наблюдения за чайнатаунами крупных городов Европы и Северной Америки, чья история длится уже почти двести лет. Возникнув в качестве места концентрации китайских мигрантов, они стали сейчас той частью городского пространства, где китайцы живут, работают, вступают в многообразные связи и отношения, создают собственные механизмы социального регулирования, власти и контроля. Это место, где по-китайски говорят, выглядят, ведут себя, с китайскими вывесками, рекламами, запахами, районы, где «китайскость» продается в качестве товара многочисленным туристам.

Этому пониманию не мешает то обстоятельство, что со временем произошла дифференциация этих функций и смена их значений и иерархии. Первоначальная основная роль механизма первичной адаптации мигрантов, способа их выживания в чужом и враждебном мире постепенно отступала. Ей на смену шла функция площадки для формирования общинных социальных и экономических структур, центра общинной жизни и сохранения культуры предков. Кроме того, центра «этнической экономики». И уже затем на первый план выходит функция «туристического аттракциона», места, где люди «работают китайцами», производят и продают сувениры, национальную еду и впечатления. И все это в форме территориального ядра. Анклава.

Символическое значение феномена чайнатауна оказалось так велико, что с началом массовой китайской миграции в Россию именно через эту категорию стал оцениваться сам процесс и его возможные последствия. Здесь преобладает интерес к чайнатауну как механизму адаптации мигрантов к принимающему обществу и одновременно способу сегрегации, тормозу адаптации. Однако больше всего волнует их предполагаемая экстерриториальность, замкнутость внутренней жизни и непроницаемость для контроля и регулирования властей.

Чайнатаун предстает как модель и орудие «демографической экспансии», массового мирного проникновения, освоения, а затем отторжения от России ее восточных регионов. Чем дальше от китайско-российской границы, тем более распространены представления о многих миллионах китайских мигрантов, значительная часть из которых уже осела в постоянных китайских поселениях, экстерриториальных, непроницаемых для контроля и управления российскими властями. Подчеркивается также, что это результат целенаправленной политики Китая как государства. На деле, чайнатаунов в сибирских и дальневосточных городах пока нет. В этом при желании очень несложно убедиться. Они присутствуют в массовом сознании и идеологической сфере как некая «виртуальная реальность». Их нет, но есть бурно обсуждаемая проблема.

Однако это не снимает вопроса о перспективах. Отсутствие чайнатаунов, отрицательное отношение к ним общественного мнения и властей не дают гарантии от возможности их появления. Возможное (но не обязательное) появление этого феномена уже не в вирту-

альном качестве сформирует новую и весьма специфическую часть городского пространства, вызовет нарушение прежде сложившегося равновесия, обогатит город и новыми ресурсами, и новыми проблемами.

Его возникновение станет и симптомом, показателем формирования новых сложных и противоречивых по последствиям миграционных проблем, главная из которых – появление тенденции к долговременному и даже постоянному оседанию мигрантов в сочетании с отставанием процесса их культурной и социальной адаптации. Пока же общинность, функционирование собственных механизмов социального контроля, элементы этнической экономики уже имеются в восточных городах России, но без их территориальной концентрации.

УДК 331.556:364-785.14

В. Ю. Леденева

Доктор социологических наук, заведующая кафедрой конфликтологии и миграционной безопасности ИПуНБ РАНХиГС

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современных миграционных процессах одним из наиболее важных вопросов является организация мониторинга состояний межнациональных отношений на территориях, куда прибывают и где работают мигранты.

Государственный мониторинг, безусловно, призван служить целям регулирования межнациональных (межэтнических) отношений и предупреждения конфликтных ситуаций. В то же время в центре внимания государственной национальной политики должны стоять не только межнациональные отношения и конфликтные ситуации, а этносоциальные процессы в целом, локализованные в рамках региональных и муниципальных межэтнических сообществ.

В процессе реализации национальной политики должны существовать разные виды мониторинга: и автоматизированный как средство оперативного реагирования со стороны органов управления на текущие конфликтные ситуации и социокультурный мониторинг регионального межэтнического сообщества как важное условие отслеживания и прогнозирования долгосрочных тенденций этносоциального развития.

Осуществлять мониторинг социальной адаптации мигрантов на территориях помогают диаспоры и общественные объединения, занимающиеся проблемами адаптации мигрантов.

Рассмотрение регионов как единого субъекта миграционной политики существенно затрудняет решение разнообразных проблем в сфере миграции. Меры в области социальной

адаптации и интеграции трудовых мигрантов, предпринимаемые государственными и негосударственными организациями, характеризуются низкой эффективностью. Низкая эффективность вызвана в первую очередь эпизодическим и разрозненным характером мероприятий и инициатив, реализуемых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

В структуре региональных интересов должны доминировать конкретные интересы личности, социальных групп, что и будет определять достижение безопасности на региональном и местном уровнях. На региональном уровне определяющими становятся задачи сохранения и развития социального и человеческого капитала, обеспечения социальной защищенности мигрантов и членов принимающего общества.

Актуальные проблемы, существующие на муниципальном уровне:

- 1) стихийность и неопределенность миграционных процессов;
- 2) неформальный статус мигранта;
- 3) отсутствие адекватных мер по адаптации и интеграции различных категорий мигрантов;
- 4) увеличение недовольств среди местного населения;
- 5) административно-бюрократические барьеры;
- 6) отсутствие в миграционной политике региональных и муниципальных бизнес-проектов и программ.

Вклад мигрантов в развитие муниципального образования одновременно является условием эффективной адаптации мигрантов в городском сообществе и основным критерием действенности миграционной политики. Миграционные трудовые ресурсы должны рассматриваться как потенциал для динамично развивающейся экономики муниципального образования, то есть эффективное использование этих ресурсов возможно при условии разработки и реализации концепции миграционной политики в регионе и муниципальных программ для успешного действия административно-правового, экономического, социального механизмов.

Муниципальные (локальные) модели содействия интеграции трудовым мигрантам – это практика работы, обеспечивающая в местных сообществах приспособление взаимодействующих сторон друг к другу на основе культуры прав человека, межнациональных, межрелигиозных отношений и мотивирующая у мигрантов уважение и принятие правил общежития принимающего общества. Локальные модели – аналог предполагаемой ситуации на местах, реальное изучение которой позволяет выявить наличие или отсутствие определенной работы по интеграции мигрантов

Основными направлениями деятельности диаспор в поддержке мигрантов являются:

1. Экономическая поддержка. Данное направление декларируется в качестве основного представителями диаспор народов Средней Азии. Экономическая поддержка реализуется в первую очередь путем решения проблемы трудоустройства вновь прибывающих в регион мигрантов.

2. Обеспечение безопасности и правовая поддержка. Это направление деятельности диаспор подразумевает, прежде всего, правовую поддержку трудовых мигрантов в процессе их регистрации и получения рабочего места. Диаспоры занимаются поддержкой своих соплеменников, попавших в конфликтные ситуации.

3. Образовательная деятельность. Первое направление – это обучение родному языку, религии и родной культуре детей своей национальности. Второе направление – обучение вновь прибывших мигрантов русскому языку.

4. Культурная деятельность. Сохранение и развитие национальной культуры также указывается лидерами диаспор в качестве важного направления их деятельности. Оно реализуется, во-первых, за счет создания и поддержки самодеятельных коллективов, занимающихся народными танцами, пением, и отдельных артистов и художников. Во-вторых, это организация и совместное проведение национальных и религиозных праздников и дней культуры того или иного народа

5. Информационная деятельность. Создание собственных регулярных печатных изданий и сайтов. В качестве целей данного направления обозначается информирование членов диаспоры о предстоящих событиях и мероприятиях, а также презентация общественно-политической и культурной жизни народа.

Таким образом, в постсоветской России проблемы мигрантов, а также конфликты, обусловленные низким уровнем интеграционного потенциала мигрантов, являются одними из наиболее острых. Причины данных явлений кроются в отсутствии системы взаимодействия региональных и федеральных миграционных служб, коррумпированность на местах и т. д. Лишь в последнее десятилетие интерес государства привел к принятию ряда федеральных программ, способных в перспективе снизить уровень конфликтности мигрантов, оптимизировать деструктивные последствия миграции.

Для успешной реализации программ по социальной адаптации мигрантов на муниципальном уровне необходимо четко понять главную цель миграционной политики России, для привлечения необходимой категории мигрантов. Негосударственная поддержка адаптации мигрантов должна осуществляться силами добровольных некоммерческих объединений. Основная работа по адаптации трудовых мигрантов должна быть организована на уровнях субъекта федерации/муниципалитета и исходить из миграционной ситуации, сложившихся специфических проблем региона в сфере миграции, а также из ресурсного потенциала. Реализация программ культурной интеграции должна быть направлена как на местное население (с целью снижения настроений ксенофобии), так и на мигрантов, целесообразно разрабатывать и проекты, ориентированные на смешанную аудиторию. Важнейшим элементом механизма социальной адаптации мигрантов являются научно-исследовательские организации и вузы, в задачи которых входит проведение научно-исследовательских работ. Региональные и муниципальные адаптационные программы должны иметь адресный характер и учитывать, к какой группе трудовых мигрантов они обращены.

Рекомендации органам муниципального управления:

1) совместно с хозяйствующими субъектами города разработать комплекс мер по приоритетным отраслям муниципальных образований, где возможно привлечение труда рабочих;

2) разработать систему различных видов социологического, экономического и политического мониторинга, реализации интеграционных программ;

3) рассмотреть возможность создания в муниципальных округах ресурсного миграционного центра, основные цели которого будут заключаться в сборе, совершенствовании и распространении информации об удачных примерах и положительных практиках интеграции мигрантов;

4) создать в каждом муниципалитете несколько образовательных учреждений, преподающих курсы по интеграции для иммигрантов. Более того, каждый муниципалитет должен иметь достаточно высокую степень свободы в определении конкретного содержания и формы обучения интеграционных программ.

УДК 314.156(571.51)»18/20”

Д. Г. Коровушкин

Доктор исторических наук, президент Научно-исследовательского фонда «Наследие Сибири»

ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ МОЗАИКИ СРЕДНЕЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ФАКТОРЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Средняя Сибирь – понятие более культурно-историческое, нежели географическое. Границы Средней Сибири вполне совпадают с территорией таких современных субъектов Российской Федерации, как Иркутская область, Красноярский край, Республика Хакасия, входящих в Сибирский федеральный округ.

Обширный регион, охватывающий практически весь бассейн Енисея и бассейн Лены в верхнем течении, исторически играл роль, вполне сравнимую с Алтаем, Двуречьем, Индо-Гангской низменностью, Малой Азией, бассейном реки Хуанхэ. Тысячелетиями человек современного типа населял Среднюю Сибирь, мигрировал по ней, использовал для транзита на Северо-Восток и далее на американский континент. В этом историческом калейдоскопе менялись археологические культуры, протоэтноты, народы, племенные союзы, государства и империи.

При том, что древняя история – предмет увлекательный сам по себе, современность и ближайшее будущее, несомненно, более актуальны для большинства ныне живущих. Мир, в котором мы живём, даже в Сибири не является застывшим континуумом. И наибольшим изменениям подвергается само общество, все его грани, включая аспекты трансформаций этнического и этнодемографического облика. Предугадать направления этих трансформаций, предотвратить негативные проявления можно лишь на основе изучения исторического опыта ещё «живой» истории. Наиболее достоверным источником, статистически описывающим области жизни социума, связанные с его национальным составом, являются данные всеобщих переписей населения.

Последние восемь-девять веков II тыс. н. э. для описываемой территории стали временем относительной стабильности в этнической картине сибирского мира, лишь единожды потревоженной русской «струёй», отнюдь не превратившейся в «цунами». Этому способствовало относительно мирное (как минимум не запятнавшее себя геноцидом) освоение Сибири Российским государством, эволюционное, по сути своей, более дающее, чем берущее. Да и сама технологическая основа общества до конца XIX века не предполагала внутренних потрясений, а внешние обходили Сибирь стороной.

Повседневная жизнь автохтонного населения относительно спокойно протекала в устоявшихся «родовых» границах, во вполне традиционных занятиях, в полной мере устраивавших взявшее их под «длань» Российское государство. Повседневная жизнь и хозяйствование немногочисленных русских сибиряков также проходили в неспешном единении с окружающим миром и размеренном, хотя и не всегда взаимовыгодном, сосуществовании с сибирскими «инородцами» [10]. Даже каторжные и ссыльные не слишком возмущали этот мир, не будучи его частью. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года зафиксировала это историческое «полотно» в стройных цифрах статистического учёта (табл. 1, 2) [11].

Последнее десятилетие XIX века стало концом патриархальной Сибири. Грандиозная стройка Великого Сибирского пути (Транссибирской железнодорожной магистрали) привела к величайшим изменениям Сибири и её этнического облика. Огромный проект вызвал к жизни всё нарастающую волну разноэтничных переселенцев, захлестнувшую вначале Сибирь Западную и определившую её национальную структуру на целое столетие, а затем докатившуюся до Средней и Восточной Сибири, российского Дальнего Востока.

Последующие тридцать лет явили новую, по сути, Страну Сибирь – новые люди, новые языки, новые культуры, новые сёла и города. Статистические итоги Всесоюзной переписи населения 1926 г. показывают нам иной мир (табл. 3), в котором автохтонное население Севера стало всё больше «теряться» в сухих цифрах статистики на фоне новосёлов [1]. При этом реальное место, их сущностная роль на гибельных для людей иной культуры северных просторах отнюдь не уменьшилась. Статистически заметными на описываемой территории оставались и остаются до настоящего времени лишь относительно компактно расселённые буряты и хакасы. Следует отметить, что между этими обзорными срезами (1897–1926 годы) уместились Первая мировая и Гражданская войны, изрядно проредившие сибирское население.

Бурлящий котёл российской истории не дал застыть «холодной» Сибири и дальше: индустриализация резко встряхнула и перемешала только сложившуюся структуру. Свою страшную лепту внесли переселения раскулаченных, ГУЛАГовское «освоение» страны, депортации «виноватых». Новая страшная встряска была связана с Великой Отечественной войной: призыв представителей всех народов в войска, потери военные и тыловые, хлынувшие эвакуированные и «провинившиеся». Из полутысячи эвакуированных предприятий пятая часть была размещена в Средней Сибири. Помимо оборудования эшелоны везли десятки тысяч работников предприятий и членов их семей.

Послевоенное индустриальное развитие Красноярья и Приангарья внесло очередные новации в структуру населения, привело к созданию новых городов и посёлков. Огромное

влияние на население региона оказало гидроэнергетическое строительство, коренным образом изменившее не только ландшафты, но и структуру населения зон затопления водохранилищ ГЭС. Уже Всесоюзная перепись населения 1959 года продемонстрировала тот каркас народонаселения Средней Сибири, который, по сути, не меняется до сего дня (табл. 4) [2].

Необходимо отметить, что всё вышеозначенное привело к возникновению новых культурных сущностей: старые сибирские северные города (подобные Енисейску) и устоявшиеся культурно-этнографические локальные сообщества (кежмари, например) теряли своё значение и влияние на жизнь меняющегося сибирского социума. При этом явился особый лагерный мир, по-своему деформировавший не только историко-культурный ландшафт, но и язык, и саму душу общества. Возникли новые (Ангарск, Братск, Норильск) или получили второе рождение уже существующие города (Ачинск, Дудинка) со своими историей, социумом и менталитетом.

Кардинальные изменения пришли в жизнь автохтонных этносов: 1) технические и технологические новации, призванные облегчить жизнь человека; 2) транспортная доступность всего и всюду в послевоенные советские времена благодаря развитию всеобъемлющей сети водного и авиационного сообщения; 3) «изъятие» детей северных кочевников для обучения в школах-интернатах. Всё это исподволь разрушало традиционный быт, традиционное хозяйство и, в итоге, традиционную этническую культуру. Замена традиционных элементов культуры на «общесоветские», а ныне «глобальные», утрата позиций национального языка и его уход даже из сферы семейного общения – и этнос растворяется в иноэтничном окружении. Достаточно вспомнить историю енисейских кетов. Абстрагируясь от эмоциональных оценок, следует заметить, что этот абсолютно ненасильственный, в естественном течении, процесс – суть нередкий ныне случай фактической утраты человечеством целого народа с его удивительной, многогранной культурой и многовековой историей.

В числовом выражении весь описанный выше советский период представлен в результатах Всесоюзных переписей населения 1979 [3; 6; 8; 12].

Постсоветский этап истории Средней Сибири как части российской истории характеризуется теми же особенностями, которые в полной мере можно признать универсальными для всей Азиатской России в наши дни:

1. Общий отток населения и миграции из села в город.
2. Тотальное сокращение числа сельских населённых пунктов и их измельчание.
3. Информационная и культурная глобализация в основном российского ещё уровня.
4. Всеобъемлющая утрата позиций национальных языков с замещением их на русский во всех сферах функционирования.

Итогом стала повсеместная тенденция к смене этнического самосознания, несколько замедленная формально лишь в среде коренных малочисленных народов Севера (благо, закон даёт некоторые преференции их представителям) либо в субъектах с преобладанием титульного этноса.

Современная этническая мозаика Сибири в целом (и Средней Сибири в том числе) выражена в результатах постсоветских всеобщих переписей населения России 2002 [9; 5]

(табл. 6) и 2010 годов (табл. 7). Обращает на себя внимание снижение в общей численности доли некоторых ранее выделявшихся удельной величиной этнических групп (белорусы, латыши, мордовцы, немцы, удмурты, украинцы, чуваша, эстонцы и ряд других). И если сокращение численности немцев обусловлено в том числе их эмиграцией в Германию, то для всех остальных это сокращение (нередко двукратное) лишь следствие исключения обозначения национальности гражданина в паспорте и смены им официальной этнической самоидентификации.

Отдельный вопрос, на протяжении более чем столетия будоражащий умы россиян и сибиряков в особенности, – азиатская (в начале XX века китайская) «угроза». Не вдаваясь в подробности истории вопроса (см. напр.: Коровушкин и др., 2016), стоит заметить, что психологические основы этой многолетней фобии вполне укладываются в определение боязни «нависания», наиболее карикатурные формы приобретающей ныне в русофобской истерии администраций прибалтийских лимитрофов, столетиями входивших в состав России и не утративших при этом национальной идентичности. Проблема лишь одна, общая для нашей благословенной страны, – политическая воля к реальному правоприменению существующих административных и юридических механизмов. При этом опыт советской системы административного учёта, как бы мы не бежали её «тоталитарности», не стоит скидывать со счетов.

Реалии XXI века внесли свои «правки» в объектную среду этих фобий. «Китайскую угрозу» в восприятии сибиряков дополнила всё нарастающая приливная волна бывших соотечественников по распавшемуся Союзу (применительно к Сибири – из близлежащих кавказских и среднеазиатских республик) (табл. 8), основой которой стало сочетание резкого падения уровня жизни там и финансового пузыря здесь, беззастенчивая страсть к наживе отдельных представителей бизнес-сообщества и непродуманная миграционная политика власти. Этот «cocktail» на фоне разразившегося кризиса и резкого обнищания резидентов резко обострил и обнажил ранее латентные противоречия. Тенденции к увеличению доли мигрантов, фиксируемые официальной переписной статистикой, отнюдь не в полной мере отражают уровень раздражающего воздействия на восприятие «чужаков» местным населением, поскольку не дают представления об уровнях локальной концентрации людей иной поведенческой и конфессиональной культуры, языка и фенотипа. И если географическая (поселенческая) концентрация лишь фиксируется как признак опасности, то вызывающие поведенческие проявления, демонстрация конфессиональной общности, массивное занятие производственных ниш вызывают резкое отторжение у принимающей стороны, вполне способное рождать движения за «чистоту» дворов, культурного наследия и т. п.

Таким образом, различные условия и факторы оказывали воздействие и продолжают влиять на этническую структуру населения Средней Сибири. Главным принципом её сложения *de facto* стала консолидация различных этнических компонент без навязываемого кому бы то ни было своих стандартов, без насильственной ассимиляции и угнетения по национальному признаку. При том что этническая и этнокультурная адаптация нередко приводит к смене культурного и языкового кода с последующей сменой этнического самосознания, этот процесс более естественный, нежели вынужденный. Существующая этническая мозаика подвержена неизбежным изменениям, часть которых вполне возможно скор-

ректировать в интересах всего общества, предотвратив негативные последствия управленческих и иных решений. Оглядываясь назад в стремлении учиться на чужих ошибках, стоит вспомнить о десятках процветавших империй, канувших в Лету, и постараться учесть уроки прошлого.

Говоря о перспективах и направлениях положительных трансформаций этнического пространства Средней Сибири, отмечу следующее:

1. Главным вызовом на современном этапе развития России является внешнее давление и связанная с этим насущная необходимость защиты периметра, невозможная без консолидации общества на основе учёта интересов всех его членов, культурных и этнических в том числе.

2. Именно гуманитаризация образования, большее внимание к изучению и широкой популяризации знаний об этнических и культурных особенностях народов и этнических групп, населяющих Сибирь и Россию в целом, может способствовать росту мотивации, реального, а не показного патриотизма, присущей российскому обществу в прошлом терпимости (веротерпимости, напр.), а не абстрактной «толерантности» в ущерб собственным интересам.

3. Применительно к «новым мигрантам» необходимо исключить условия для анклавизации, проводить политику их адаптации и интегрирования в существующую полиэтническую культурную среду. Необходима взвешенная и внятная миграционная политика, создание равно привлекательных экономических условий как для внешних и внутренних мигрантов, так и для постоянного населения.

4. Непременным условием развития огромных ресурсоёмких территорий, предотвращения «схлопывания» региональных экономик является ставка на собственные, внутренние, ресурсы, сохранение существующей поселенческой сети, создание предпосылок для демографического роста собственного народа.

Таблица 1

**Численность этнических групп Енисейской губернии Российской Империи по итогам Всероссийской переписи населения 1897 года
(всё население в порядке убывания общей численности по губернии, чел.)**

Этническая группа	Енисейская губерния	Красноярский округ	Ачинский округ	Енисейский округ	Канский округ	Минусинский округ	Туруханский край	Усинский округ
<i>Всё население</i>	570 255**	98 909	111 474	67 621	96 440	182 781	10 923	2 107
Русские, включая великороссов*, малороссов, белоруссов	494 462	93 602	98 451	63 517	90 338	143 587	3 045	1 922
Коренные тюрки (инородцы)	40 562	215	9 454	29	835	29 873	0	156
Поляки	5 986	1 883	911	474	1 463	1 237	6	12
Евреи	5 047	1 554	1 141	787	1 354	207	4	0
Мордва	3 745	75	234	20	167	3 245	0	4
Татары-крестьяне	3 640	567	416	761	1 278	611	6	1
Тунгусы	3 169	1	0	1 333	4	0	1 831	0
Латыши	1 451	87	23	23	59	1 254	0	5
Тавгийцы и енисейские самоеды	1 326	1	0	0	0	0	1 325	0
Эсты (<i>эстонцы</i>)	1 289	56	19	8	29	1 174	0	3
Остяки енисейские	988	0	0	78	0	0	91	0
Остяко-самоеды	984	0	0	140	0	0	844	0
Цыгане	979	191	140	93	248	307	0	0
Якуты	976	1	0	0	1	0	1 028	0
Долгане	967	0	0	0	0	0	967	0
Немцы	956	192	82	34	78	564	1	3
Юраки	935	0	0	0	0	0	935	0
Чуваши	650	57	471	6	30	86	0	0
Финны	471	18	5	4	15	377	2	0
Молдаване	244	40	14	16	136	38	0	0
Черкесы	243	44	11	79	107	2	0	0
Литовцы	238	101	25	31	45	34	2	0
Зыряне (<i>коми-зыряне</i>)	131	11	3	77	10	30	0	0

Примечания. Исчислено по [10, 11].

* Наименования групп приведены в соответствии с источником, расшифровка курсивом наша.

** Важное замечание: цифровые данные официальных результатов переписи, опубликованные в 1899–1905 годах, разнятся с данными, приведенными в труде С. К. Патканова [10, 11]. Различия в основном незначительны: так, численность немцев в официальном выпуске по Томской губернии определена в 1 439 человек обоего пола [14] (вводная статья написана Серафимом Кероповичем), тогда как в его же труде 1911 года их совокупная численность определена в 1 375 человек [10]. Полагаю, что данные 1911 года верны в большей степени в связи с углубленной перекрестной выверкой статистической информации с данными «всех других... официальных источников и документов». Это обстоятельство и обусловило выбор данного источника как основного по этому временному срезу.

Для справки привожу соотношение данных по некоторым этническим группам Енисейской губернии в формате «офиц. данные»/«данные Патканова»: всё население 570 161/570 255; русские 495 096/494 462; евреи 5 058/5 047; зыряне 128/131; латыши 1 445/1 451; литовцы 212/238; молдаване 54/244; мордва 3 773/3 745; немцы 946/956; остяки енисейские 993/988; поляки 5 941/5 986; тунгусы 2 948/3 169; финны 293/471; эсты 1 406/1 289; якуты 2 181/976.

Таблица 2

**Численность этнических групп Иркутской губернии Российской Империи по итогам Всероссийской переписи населения 1897 года
(всё население в порядке убывания общей численности по губернии, чел.)**

Этническая группа	Иркутская губерния	Иркутский округ	Балаганский округ	Верхотенский округ	Киренский округ	Нижнеудинский округ
<i>Всё население</i>	515 070	163 079	146 355	69 118	55 469	81 049
Русские, включая великороссов*, малороссов, белоруссов	376 291	121 950	89 288	41 309	49345	74 399
Буряты	110 745	31 979	52 413	24 744	11	1 598
Евреи	7 540	4 143	1 002	732	935	728
Татары (вкл. коренных тюрков)	6 467	1 871	1 681	841	495	1 579
Поляки	4 043	1 621	871	269	291	991
Якуты	2 739	7	1	2	2 727	2
Тунгусы	2 191	134	44	613	1 399	1
Мордва	1 234	11	39	13	5	166
Цыгане	1 115	216	355	232	62	250
Немцы	662	358	142	18	18	126
Карагасы (<i>тофалары</i>)	386	0	0	0	0	386
Черкесы	384	119	98	72	21	74
Киргизы	274	49	55	32	8	130
Молдаване	232	26	43	76	10	77
Армяне	207	62	33	17	29	66
Грузины	187	91	28	15	21	32
Литовцы	136	43	26	14	8	46
Лезгины	109	33	36	21	5	14
Чеченцы	101	7	12	16	7	59

Примечания. Исчислено по [11; 13].

* Наименования групп приведены в соответствии с источником, расшифровка курсивом наша.

** Важное замечание: см. примечание о цифровых данных к табл. 1.

Таблица 3

Численность некоторых этнических групп Сибирского края по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 года (всё население в порядке убывания)

<i>Этническая группа</i>	Численность (чел.)	<i>Этническая группа</i>	Численность (чел.)
<i>Всё население</i>	8 681 177	Кумандинцы	6 334
Русские	6 767 892	Литовцы	5 619
Украинцы	827 536	Теленгиты	3 415
Белорусы	320 320	Теленгеты	3 415
Мордва	107 794	Карагасы (<i>тофалары</i>)	2 825
Татары	96 135	Тептяри	2 234
Немцы	78 798	Башкиры	2 194
Казахи	48 392	Телеуты	1 897
Чуваши	48 011	Юраки	1 879
Поляки	45 854	Финны	1 603
Хакасы	45 591	Остяко-самоеды	1 595
Алтайцы	39 037	Ойраты	1 533
Евреи	32 750	Енисейцы	1 427
Эстонцы	29 890	Китайцы	1 409
Латыши	26 878	Самоеды	1 221
Шорцы	12 586	Мишари	1 121
Зыряне	12 458	Марийцы	927
Бухарцы	11 674	Корейцы	678
Пермяки	8 545	Долганы	656
Латгальцы	8 191	Армяне	575
Остяки	8 188	Грузины	434
Тунгусы	7 948	Черкесы	245
Цыгане	7 200	Осетины	186
Вотяки (<i>удмурты</i>)	6 418	Чечены (<i>чеченцы</i>)	91

Примечание. Исчислено по [1]

Наименования групп приведены в соответствии с источником, расшифровка курсивом наша.

Таблица 4

Численность некоторых этнических групп регионов Средней Сибири по итогам Всесоюзной переписи населения 1959 года (всё население в порядке убывания совокупной численности, чел.)

Этническая группа	Иркутская область	Красноярский край	Совокупная численность
<i>Всё население</i>	1 976 453	2 615 098	4 591 551
Русские	1 661 831	2 205 409	3 867 240
Украинцы	97 184	85 384	182 568
Татары	39 061	39 945	79 006
Немцы	8 051	66 733	74 784
Буряты	70529	н.д.	70 529
Хакасы	н.д.	51 816	51 816
Белорусы	23 277	24 561	47 838
Литовцы	15 625	17 574	33 199
Чуваши	10 182	21 102	31 284
Мордва	6 473	17 971	24 444
Евреи	10 313	6 883	17 196
Латыши	1 170	12 772	13 942
Эстонцы	1 087	11 075	12 162
Поляки	4 234	6 394	10 628
Эвенки	1 787	4 485	6 272
Удмурты	1 819	4 406	6 225
Якуты	1 366	4 343	5 709
Марийцы	1 251	2 204	3 455
Башкиры	2 094	1 354	3 448
Китайцы	1 540	1 841	3 381
Финны	622	2 437	3 059
Цыгане	1 453	1 392	2 845
Армяне	1 482	1 207	2 689
Грузины	1 690	915	2 605
Азербайджанцы	1 198	1 073	2 271
Ненцы	н.д.	1 925	1 925
Корейцы	571	1 095	1 666
Греки	н.д.	1 646	1 646
Тувинцы	н.д.	1 044	1 044
Кеты	н.д.	984	984
Нганасаны	н.д.	694	694
Тофалары	429	н.д.	429
Селькупы	н.д.	350	350

Примечание. Исчислено по [2]; использованы некоторые данные Demoscope Weekly.

Таблица 5

Численность некоторых этнических групп регионов Средней Сибири по итогам Всесоюзной переписи населения 1989 года (всё население в порядке убывания совокупной численности, чел.)

Этническая группа	Иркутская область	Красноярский край	Совокупная численность
<i>Всё население</i>	2 824 920	3 605 454	6 430 374
Русские	2 499 460	3 110 972	5 610 432
Украинцы	97 405	118 763	216 168
Татары	39 609	54 052	93 661
Буряты	77 330	1 463	78 793
Хакасы	563	69 325	69 888
Немцы	7 616	54 254	61 870
Белорусы	25 713	33 856	59 569
Чуваши	11 417	26 865	38 282
Мордва	6 781	14 873	21 654
Азербайджанцы	4 741	8 327	13 068
Марийцы	2 172	7 748	9 920
Башкиры	3 893	5 485	9 378
Евреи	4 796	3 620	8 416
Удмурты	3 174	5 240	8 414
Латыши	760	6 414	7 174
Поляки	3 118	4 056	7 174
Казахи	2 866	3 827	6 693
Эстонцы	615	6 061	6 676
Армяне	2 833	3 375	6 208
Литовцы	2 634	3 520	6 154
Эвенки	1 369	4 382	5 751
Долганы	20	5 460	5 480
Цыгане	2 012	2 358	4 370
Грузины	1 881	2 301	4 182
Якуты	2 020	1 778	3 798
Киргизы	869	2 547	3 416
Тувинцы	554	2 570	3 124
Осетины	884	1 957	2 841
Ненцы	46	2 661	2 707
Корейцы	1 157	1 275	2 432
Таджики	852	1 377	2 229
Чеченцы	497	1 114	1 611
Греки	347	1 179	1 526
Финны	374	1 076	1 450
Коми	474	788	1 262
Нганасаны	21	1 128	1 149
Китайцы	472	554	1 026
Кеты	4	994	998
Тофалары	630	16	646
Селькупы	5	367	372
Эвены	110	197	307

Примечание. Исчислено по: [3, 6, 8, 15].

Таблица 6

Численность некоторых этнических групп регионов Средней Сибири по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года (всё население в порядке убывания совокупной численности, чел.)

Этническая группа	Иркутская область	Красноярский край	Республика Хакасия	Совокупная численность
<i>Всё население</i>	2581705	2966042	546072	6093819
Русские	2320493	2638281	438395	5397169
Украинцы	53631	68662	8360	130653
Буряты	80565	1051	188	81804
Татары	31068	44382	4001	79451
Хакасы	397	4489	65421	70307
Немцы	6298	36850	9161	52309
Белорусы	14185	18149	2590	34924
Азербайджанцы	6125	19447	1672	27244
Чуваши	7295	16859	2530	26684
Армяне	6849	10807	839	18495
Мордва	3879	7526	1853	13258
Марийцы	1439	5104	729	7272
Башкиры	2451	3874	336	6661
Таджики	2576	3507	298	6381
Эвенки	1431	4632	21	6084
Киргизы	1322	3876	626	5824
Долганы	1	5805	7	5813
Удмурты	1895	3250	331	5476
Узбеки	1904	2778	668	5350
Поляки	2298	2519	481	5298
Эстонцы	327	4104	308	4739
Латыши	384	3747	415	4546
Евреи	2475	1798	157	4430
Казахи	1138	2613	424	4175
Цыгане	1639	1992	399	4030
Литовцы	1669	2029	301	3999
Грузины	1633	1918	317	3868
Корейцы	1570	1207	489	3266
Ненцы	30	3188	0	3218
Тувинцы	513	1492	494	2499
Осетины	610	1754	76	2440
Якуты	922	1368	52	2342
Китайцы	1409	665	199	2273
Чеченцы	712	999	125	1836
Греки	243	930	206	1379
Кеты	9	1189	10	1208
Финны	245	635	140	1020
Ингуши	332	496	52	880
Нганасаны	0	811	0	811
Коми	231	353	170	754
Тофалары	723	12	4	739
Селькупы	4	412	5	421
Эвены	23	17	4	44

Примечание. Исчислено по [9].

Таблица 7

Численность некоторых этнических групп регионов Средней Сибири по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года (всё население в порядке убывания совокупной численности, чел.)

Этническая группа	Иркутская область	Красноярский край	Республика Хакасия	Совокупная численность
<i>Всё население</i>	2 428 750	2 828 187	532 403	5 789 340
Русские	2 144 075	2 490 730	427 647	5 062 452
Буряты	77 667	1 051	179	78 897
Украинцы	30 827	38 012	5 039	73 878
Хакасы	298	4 102	63 643	68 043
Татары	22 882	34 828	3 095	60 805
Немцы	3 725	22 363	5 976	32 064
Азербайджанцы	5 384	16 341	1 494	23 219
Белорусы	7 929	9 900	1 452	19 281
Армяне	6 558	10 677	776	18 011
Чуваши	4 589	11 036	1 824	17 449
Киргизы	4 507	8 423	1 875	14 805
Узбеки	4 367	6 434	1 300	12 101
Таджики	4 169	6 304	524	10 997
Мордва	2 128	4 295	1 124	7 547
Долганы	11	5 810	11	5 832
Эвенки	1 272	4 372	22	5 666
Тувинцы	1 674	2 939	936	5 549
Башкиры	1 637	2 955	251	4 843
Марийцы	931	3 314	444	4 689
Цыгане	1 305	1 901	559	3 765
Китайцы	1 118	2 439	103	3 660
Ненцы	7	3 633	2	3 642
Удмурты	1 180	2 026	212	3 418
Казахи	952	1 970	363	3 285
Корейцы	1 342	1 029	547	2 918
Поляки	1 364	1 268	273	2 905
Евреи	1 594	1 147	91	2 832
Эстонцы	153	2 346	219	2 718
Латыши	217	2 189	229	2 635
Грузины	1 080	1 336	202	2 618
Литовцы	1 046	1 277	175	2 498
Якуты	858	1 468	39	2 365
Осетины	423	1 493	81	1 997
Чеченцы	475	685	63	1 223
Кеты	4	957	8	969
Греки	182	635	133	950
Ингуши	359	448	59	866
Нганасаны	1	807	-	808
Тофалары	678	23	2	703
Финны	116	303	81	500
Коми (зыряне)	98	159	50	307
Селькупы	4	281	3	288
Эвены	13	27	1	41

Примечание. Исчислено по: Официальные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс] (дата обращения 15.11.2016). URL: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/; http://krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/; http://hahasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/hahasstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/.

Таблица 8

Динамика численности некоторых этнических групп в регионах Средней Сибири в 1989–2010 годах (всё население в порядке убывания совокупной численности в 2010 году, чел.)

Этническая группа	ВПН 1989	ВПН 2002	ВПН 2010	Тенденция изменения численности*
<i>Всё население</i>	6 430 374	6 093 819	5 789 340	↓
Русские	5 610 432	5 397 169	5 062 452	↓
Буряты	78 793	81 804	78 897	↔
Украинцы	216 168	130 653	73 878	↓
Хакасы	69 888	70 307	68 043	↔
Татары	93 661	79 451	60 805	↓
Немцы	61 870	52 309	32 064	↓
Азербайджанцы	13 068	27 244	23 219	↑
Белорусы	59 569	34 924	19 281	↓
Армяне	6 208	18 495	18 011	↑
Чуваши	38 282	26 684	17 449	↓
Киргизы	3 416	5 824	14 805	↑
Узбеки	8 278	5 350	12 101	↑
Таджики	2 229	6 381	10 997	↑
Мордва	21 654	13 258	7 547	↓
Долганы	5 480	5 813	5 832	↔
Эвенки	5 751	6 084	5 666	↔
Тувинцы	3 124	2 499	5 549	↑
Башкиры	9 378	6 661	4 843	↓
Марийцы	9 920	7 272	4 689	↓
Цыгане	4 370	4 030	3 765	↓
Китайцы	1 026	2 273	3 660	↑
Ненцы	2 707	3 218	3 642	↑
Удмурты	8 414	5 476	3 418	↓
Казахи	6 693	4 175	3 285	↓
Поляки	7 174	5 298	2 905	↓
Корейцы	2 432	3 266	2 918	↔
Евреи	8 416	4 430	2 832	↓
Эстонцы	6 676	4 739	2 718	↓
Латыши	7 174	4 546	2 635	↓
Грузины	4 182	3 868	2 618	↓
Литовцы	6 154	3 999	2 498	↓
Якуты	3 798	2 342	2 365	↓
Осетины	2 841	2 440	1 997	↓
Чеченцы	1 611	1 836	1 223	↓
Кеты	998	1 208	969	↔
Греки	1 526	1 379	950	↓
Ингуши	748	880	866	↔
Нганасаны	1 149	811	808	↔
Тофалары	646	739	703	↔
Финны	1 450	1 020	500	↓
Коми	1 262	754	307	↓
Селькупы	372	421	288	↓
Эвены	307	44	41	↓

Примечание. Исчислено на основании табл. 5, 6, 7.

* ↑ возрастание ↓ убывание ↔ среднее статистическое равновесие

Список литературы

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. VI. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. М., 1928.
2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат Центр: стат. упр. РСФСР, 1963.
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Красноярскому краю. Красноярск: Краснояр. краев. упр. статистики, 1990.
4. Коровушкин Д. Г., Коровушкин И. Д. Расселение и численность китайцев в азиатской России (конец XIX – начало XXI века): региональные итоги // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2016. № 4 (22). С. 97–122.
5. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Красноярского края: итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Красноярск: Красноярскстат, 2006. (Статистический сборник, № 8–60).
6. Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). М.: РИИЦ, 1990.
7. Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М.: Центр. стат. упр. РСФСР, 1982.
8. Национальный состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). М.: Финансы и статистика, 1991.
9. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Кн. 1. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Т. 4).
10. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материалов переписи 1897 г.). СПб., 1911. Т. II. Тобольская, Томская и Енисейская губ.; 1912. Т. III. Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин.
11. Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 года / под ред. Н. А. Троицкого. СПб., 1905. Т. LXXIII. Енисейская губерния; Т. LXXV. Иркутская губерния; Т. LXXIX. Томская губерния.
12. Социально-демографические показатели, характеризующие национальный состав населения края (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Красноярск: Краснояр. краев. упр. статистики, 1991.

УДК 325.111:314.156(571.51)

В. П. Кривоногов

*Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, профессор
кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета*

ВЛИЯНИЕ УРБАНИЗАЦИИ НА ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ СИБИРИ

Доля городского населения среди малочисленных коренных народов Сибири до недавнего времени была сравнительно невелика, достигая в среднем примерно 1/10 части этносов. Тем не менее некоторое влияние на этнические процессы своих народов города оказывали, так как чаще всего в них концентрировалась национальная интеллигенция, прослойка чиновников, специалистов, чье влияние на свой народ, несомненно, сильнее, чем обычных трудящихся – оленеводов, охотников или рыбаков. Велика их роль в развитии национальной культуры, они принимают активное участие в создании национальной письменности, литературы, различных культурных, образовательных учреждений и т. д. Но постепенно кроме узкой прослойки интеллигенции и служащих в поселки городского типа и города потянулись и «простые люди», которые становились на новых местах рабочими, выбирали городские профессии или просто становились городскими разнорабочими низкой квалификации. Доля горожан у некоторых этносов достигла 1/5 численности, 1/4 и даже выше. Вместе с ростом доли горожан логично предположить и усиление влияния городских жителей на сельское население, так как, как правило, в первое время после переселения связи городских и сельских жителей сохраняются. В связи с этим важно выяснить, что нового в культуру и вообще в образ жизни и этнические характеристики вносят горожане, или, несколько упрощая, чем горожане отличаются от сельских жителей по основным этническим характеристикам. Попробуем рассмотреть эту проблему на примере некоторых коренных малочисленных народов Средней Сибири. За последние 30 лет на территории Средней Сибири проведены крупные этнографические и этносоциологические исследования среди всех малочисленных коренных народов – тофаларов и чулымцев, эвенков и кетов, энцев и ненцев, нганасан и долган. У многих народов исследования проведены несколько раз, с интервалами в 10–20–30 лет. В многочисленных экспедициях были проведены массовые опросы населения с высоким уровнем охвата (наиболее малочисленные народы – со 100-процентным охватом). Эти исследования показывают этнические особенности сельских и городских жителей, что и позволяет строить определенные прогнозы будущего этнического развития этих этносов с учетом того, что урбанизация продолжится и городские группы этих народов будут оказывать все большее влияние на средние показатели. Сравним основные этнические показатели у городских и сельских жителей двух народов – кетов, проживающих в Туруханском районе Красноярского края [1], и нганасан [2], живущих на Таймыре. У кетов урбанизация выражается в концентрации в районном центре – Туру-

ханске и в двух поселках городского типа – Бор и Светлогорск. Для нганасан характерен переезд в город Дудинка и районный центр – Хатанга.

О масштабах урбанизации говорят показатели наших экспедиций о динамике доли коренных народов, сконцентрированных в этих населенных пунктах.

В 1991 году во время экспедиции к кетам мы выяснили, что в трех названных поселках проживает 54 представителя кетов из общего числа 872, то есть 6,2 %. В 2001 году в новой экспедиции мы насчитали всего 885 кетов, из которых в трех названных поселках кетов стало уже 211 кетов, или 23,8 %. В 2014 году мы обнаружили в этих же поселках уже 316 человек, или 33,0 % от числа обнаруженных нами на Енисее кетов (958 чел.). Таким образом, урбанизация у кетов идет весьма быстрыми темпами. И это не считая кетов, уехавших с Енисея и расселившихся по многим городам России. То есть здесь мы имеем в виду только урбанизацию в пределах основной этнической территории кетов.

По нганасанам мы имеем материалы двух экспедиций – 1993–1994 и 2003–2004 годов. В первой экспедиции мы насчитали на Таймыре 899 нганасан, из которых переехали в Дудинку и Хатангу 68 человек, или 7,6 % от их общего числа. Десять лет спустя мы обнаружили в Дудинке 131 нганасан, в Хатанге 20, или 17,4 % от общего числа нганасан на Таймыре 867 человек. За десять лет доля нганасан выросла более чем в два раза, что также позволяет сделать выводы о быстром и все нарастающем процессе урбанизации у нганасан.

Перейдем к этническим особенностям городских и сельских жителей. Для этого отберем три важных показателя: уровень владения языком своей национальности, количество национально-смешанных браков и уровень межнациональной, межрасовой метисации.

Для обоих народов характерны развернувшиеся процессы языковой ассимиляции. Есть ли разница в темпах этих процессов в городе и селе? Результаты – в табл. 1 и 2.

По таблицам видно, что развернувшийся у обоих народов процесс языковой ассимиляции активнее идет в городах и поселках. Оторванные от традиционных занятий, оказавшиеся в окружении во много раз превосходящего по численности пришлого, в основном русского, населения, коренные народы быстрее отходят от традиционной культуры, от родного языка. Хотя и в сельской местности ассимиляция также идет довольно быстро, особенно у кетов. Можно сказать, что урбанизация ускоряет языковую ассимиляцию. И это несмотря на то, что в школе эти языки преподаются.

Таблица 1

**Степень владения кетским языком у сельских и поселковых кетов
(по данным опроса 2014 года, %)**

Тип населенного пункта	Степень владения кетским языком				
	Владеют свободно	Владеют с некот. затрудн.	Владеют со значит. затрудн.	Только понимают	Не владеют
Село	7,2	5,1	7,3	14,8	65,6
Поселки	2,2	1,3	4,7	9,8	82,0

Таблица 2

**Степень владения нганасанским языком у сельских и городских нганасан
(по данным опроса 2003–2004 годы, %)**

Тип населенного пункта	Степень владения нганасанским языком				
	Владеют свободно	Владеют с некот. затрудн.	Владеют со значит. затрудн.	Только понимают	Не владеют
Село	38,3	5,5	10,5	18,1	27,6
Город	24,5	3,3	4,0	20,5	49,7

Преобладание инонационального окружения в крупных поселках и городах ускоряет смешение коренных народов с пришлым населением и в сфере семьи. Для обоих народов характерен прорыв эндогамии, но в городах и поселках это смешение идет интенсивнее.

У кетов в трех крупных поселках мы обнаружили 37 однонациональных и 84 национально-смешанных семей (доля смешанных – 69,4 %). В остальных, в основном мелких, поселках соотношение оказалось 89 и 104 (53,9 %), то есть немного меньше.

У нганасан разница тоже существенна. В Дудинке и Хатанге однонациональных семей оказалось 19, смешанных 38 (66,7 %). На остальном Таймыре соответственно 116 и 89, то есть 43,4 %.

Оба народа антропологически относятся к разным вариантам монголоидной расы, но смешанные браки ведут к изменению генотипа, к усилению европеоидных черт во внешности. Это больше относится к кетам, которые в большинстве своем заключают смешанные браки с русскими. Браки с соседними коренными народами – эвенками и селькупамы относительно редки. У нганасан больше браков с соседними народами – долганами, а также ненцами и энцами, но и у них более трети браков также заключается с русскими и другими европейскими народами.

В городах и крупных поселках процесс метисации идет интенсивнее. В крупных поселках на кетской территории 89,9 % кетов являются метисами, в остальных (небольших) поселках – 79,1 %. У нганасан показатели метисации – 72,8 % в городском населении, 66,3 % – в сельском. Разница хоть и небольшая, но явная.

В целом можно утверждать, что урбанизация ведет к ускорению ассимиляционных процессов у малочисленных народов Сибири.

Список литературы

1. Кривоногов В. П. Кеты: Десять лет спустя (1991–2001 гг.). Красноярск, 2003.
2. Кривоногов В. П. Народы Таймыра в начале XXI века. Красноярск, 2007.

УДК 314.174(571.14)

Е. В. Шевцова

Доцент кафедры менеджмента, кандидат политических наук, начальник научно-информационного отдела Сибирского института управления – филиала РАНХиГС

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ*

Миграция населения представляет собой сложное социальное явление, которое отличается значительным разнообразием [1, с. 54]. Традиционно активным образом изучается миграция населения на постоянное место жительства и практически не изученным остается вопрос исследования временной миграции, особенно это касается территорий Сибири и Дальнего Востока. Новосибирская область является базовым регионом Сибирского федерального округа, в связи с чем в качестве цели исследования был выбран анализ этнокультурных и социально-экономических последствий временной миграции населения в Новосибирской области.

Эмпирической базой исследования является социологический опрос населения муниципальных районов и городских округов Новосибирской области. Было проведено анкетное исследование населения – выборка 1400 респондентов, также было проведено 10 фокус-групп, охвачено 140 респондентов.

Типологизируя временные миграции населения в Новосибирской области, разделим их на маятниковые (челночные) и сезонные (вахтовые).

Маятниковые (челночные) миграции – ежедневные поездки населения от мест жительства до мест работы (учебы), расположенных в разных населенных пунктах и обратно.

Сезонные (вахтовые) миграции – это перемещения главным образом экономически активного населения к местам временной работы и жительства на срок в несколько месяцев, с сохранением возможности возвращения в места постоянного жительства [2, с. 13].

Основными факторами, побуждающими население совершать маятниковые и сезонные миграции, являются неудовлетворительное материальное положение, низкий уровень жизни, отсутствие работы и возможность получения более высокого заработка [3, с. 83].

В ходе исследования были выявлены характерные особенности временных миграций в Новосибирской области. Систематизируем выявленные особенности по географическому расположению муниципальных районов относительно регионального центра Новосибирской области – городу Новосибирску: Новосибирский район; городские округа (г. Бердск, г. Обь, г. Искитим); муниципальные районы, находящиеся в радиусе до 150 км от регионального центра; муниципальные районы, находящиеся на расстоянии от 150 до 300 км.

от города Новосибирска; муниципальные районы, находящиеся на расстоянии от 300 до 450 км от регионального центра; муниципальные районы, находящиеся на расстоянии более 450 км от столицы Сибири.

Новосибирский район, находящийся в непосредственной близости от города Новосибирска имеет четыре характерные особенности маятниковой миграции: маятниковая миграция населения с высоким уровнем дохода из коттеджных поселков, сезонные маятниковые перемещения «дачников», ежедневная миграция населения из рабочих поселков и поездки иностранных трудовых мигрантов, проживающих в садовых обществах.

В Новосибирской области активно идет строительство малоэтажного жилья в коттеджных поселках, предлагается определенной части населения формат загородной жизни: отсутствие шума и суеты городского многоэтажного проживания, непосредственный контакт с природой, хорошую экологию. Часть населения с высоким и выше среднего уровнем дохода выбирает проживание в загородных поселках коттеджного типа («Березки», «Серебряный лес», «Солнечный», «Ближкий», «Гринвилл» и т. д.). Обычно максимальная удаленность строительства подобного рода коттеджных поселков не превышает 50 км от города Новосибирска. Жители этих поселков готовы примириться с ежедневными пробками на въезде в город, получая, по их мнению, комфорт проживания за городом. Доля таких домовладельцев пока невелика. В коттеджные поселки ежедневно направляется обратный поток маятниковой миграции: строители, подсобные рабочие, няни, домработницы. Обычно это представители стран СНГ, работающие по патентной системе.

В России доля горожан, имеющих дачные дома и связанных с жизнью и отдыхом в сельской местности, составляет 68 %. В целом эта система расселения оказалась исторически устойчивой [4, с. 145]. Социологические исследования подтверждают наличие маятниковой «дачной» миграции в Новосибирском районе. При этом летом число мигрантов увеличивается, зимой сокращается. [5, с. 238]. Такая общероссийская особенность может быть крайне важна для улучшения здоровья горожан, а также формирования части дохода семьи за счет выращивания овощей и фруктов.

Ежедневная маятниковая миграция из рабочих поселков и сел Новосибирского района связана, прежде всего, с тем, что население не хочет или не может по экономическим причинам переехать в город на постоянное место жительства. Основная причина работы в городе – невозможность найти работу в своем населенном пункте.

Еще одна особенность Новосибирского района – маятниковые перемещения иностранных трудовых мигрантов, проживающих в садовых обществах, в Новосибирск и обратно. Основная причина проживания в садовых обществах – дешевизна арендной платы. Также причиной является возможность подработки в свободное от основной занятости время. Необходимо отметить, что данный поток имеет сезонный характер – теплое время года, в целом немногочислен.

Город Бердск находится в нескольких километрах от города Новосибирска, обладает хорошей транспортной доступностью. В непосредственной близости расположен научно-инновационный центр Новосибирской области – Академгородок. Вследствие этого для города Бердска характерна маятниковая миграция в Академгородок – часть жителей при-

езжает трудиться и учиться в научные институты и университет, также часть населения выезжает ежедневно на работу и учебу непосредственно в Новосибирск. По результатам экспертного интервью до трети населения г. Бердска ежедневно осуществляет маятниковую миграцию. Для городских округов Новосибирской области (г. Оби, г. Искитима) также характерна маятниковая миграция, основными причинами которой являются более низкая заработная плата и невозможность устроиться по специальности.

Муниципальные районы, находящиеся в радиусе до 150 км от регионального центра (Коченевский, Ордынский, Искитимский, Черепановский, Мошковский, частично Колыванский муниципальные районы), демонстрируют стабильную маятниковую миграцию населения – до 80 % трудоспособного населения ежедневно выезжают в г. Новосибирск на работу или учебу. Основные причины мобильности заключаются в отсутствии работы и низкой заработной плате в районах. В районы осуществляется обратный поток иностранных трудовых мигрантов из Новосибирска. Этот поток осуществляет по типу маятниковой миграции, а также короткой вахты – 2–3 недели. Иностранные трудовые мигранты работают на низкоквалифицированных, низкооплачиваемых трудовых позициях, иногда составляя конкуренцию местным жителям. Однако уровень конкуренции остается на крайне низком уровне, так как коренные жители предпочитают работать в региональном центре на более высокооплачиваемых местах. Таким образом, замещение временно выбывающего коренного населения в этих районах происходит главным образом за счет временного населения из стран СНГ, что часто является неэквивалентным по образовательному и квалификационному статусу. Также данное население имеет определенные этнокультурные особенности: это преимущественно переселенцы из сельской местности, плохо владеющие русским языком, с низким уровнем образования и квалификации.

Муниципальные районы, находящиеся на расстоянии от 150 до 300 км от регионального центра (Чулымский, Маслянинский, Кочковский, Каргатский, Убинский, Болотнинский муниципальные районы), демонстрируют вахтовые миграции на короткий период времени – от 2 недель до 1 месяца, главным образом в г. Новосибирск и соседние регионы (Томская, Кемеровская области, Красноярский и Алтайский края). Основными причинами также являются более низкая заработная плата и трудности в трудоустройстве. Замещение коренных жителей происходит частично за счет иностранных трудовых мигрантов – представителей стран СНГ, приезжающих вахтовым методом на работы на аналогичный период времени. Таким образом, в районах создается реальная конкурентная борьба за рабочие места между трудовыми мигрантами и коренными жителями, так как мигранты осуществляют демпинг по заработной плате, выходя на рынок труда этих районов. Необходимо отметить, что данные случаи довольно редки, однако создают определенную межнациональную напряженность.

Муниципальные районы, находящиеся на расстоянии от 300 до 450 км от регионального центра (Барабинский, Куйбышевский, Здвинский, Доволенский муниципальные районы), показывают наличие преимущественно вахтовых миграции на период от 3 месяцев до полугода, главным образом в северные регионы (Тюменская область, Ямало-Ненецкий АО). Основными причинами являются отсутствие работы, низкий уровень жизни в районе.

Муниципальные районы, находящиеся на расстоянии более 450 км от регионального центра (Северный, Кыштовский, Венгеровский, Татарский, Усть-Таркский, Чистоозерный,

Купинский муниципальные районы) демонстрируют наличие тотальных вахтовых миграции на долгий период времени – от полугода до года и выше в северные регионы страны с последующим переездом на постоянное место жительства в эти регионы. Основная причина – отсутствие работы, особенно в сельских поселениях, где уровень скрытой безработица доходит до 70–80 %.

Вахтовые миграции на долгий срок от полугода до года негативным образом сказываются на социально-демографической ситуации в районах области. Очень часто мужчины-вахтовики заводят вторые семьи в регионе, где осуществляют занятость. Это приводит к напряженности, скандалам, а часто заканчивается разводом. Число неполных семей увеличивается. В дальнейшем может привести к еще большему сокращению рождаемости и нарастанию депопуляционных процессов.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что временные миграции в Новосибирской области существенным образом воздействуют на этнокультурное и социально-экономическое развитие региона. Сложившаяся ситуация требует пристального внимания региональных органов власти в плане принятия адекватных решений по регулированию временных миграций в регионе, отвечающих интересам государства и вызовам времени.

Список литературы

1. Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. Временная миграция в России: понятийный аппарат, классификация и статистический учет // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014. № 4 (16). С. 52–57.
2. Волох В. А., Суворова В. А. Внутренняя миграция: учеб. пособие / Государственный университет управления, Институт государственного управления и права ГУУ. М.: ГУУ, 2014. 161 с.
3. Кузьмин А. И., Носов А. А. Социокультурные факторы и мотивы маятниковой миграции // Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России: сб. материалов VI Уральского демографического форума с международным участием. Т. II. Экономико-демографическое поведение домохозяйств в условиях перехода на инновационный тип развития. Медико-демографические аспекты естественного и механического движения населения. Опыт демографической политики на постсоветском пространстве: риски пенсионной реформы (круглый стол) / отв. ред. А. И. Татаркин, А. И. Кузьмин. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2015. С. 78–86.
4. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред. Л. М. Григорьева, С. Н. Бобылева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. 260 с.
5. Касьянова Е. А., Дорофеева Л. А. Маятниковая миграция в Новосибирском районе // География и геоэкология на службе науки и инновационного образования: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., посвященной Всемирному Дню Земли и 100-летию запovedной системы России: сб. 2016. С. 235–238.

УДК 314.151:378

Н. П. Погодаев*Доцент философского факультета**Национального исследовательского Томского государственного университета***ВЫЗОВЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА
В ЗЕРКАЛЕ «ТЕОРИИ РИСКОВ». ЗАРУБЕЖЬЕ – «БЛИЖНЕЕ»
ИЛИ «НОВОЕ» – К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ ОПИСАНИЯ****Зарубежье – «ближнее» или «новое»**

Прежде чем перейти к основному содержанию доклада по поводу образовательной миграции из Таджикистана, хотелось бы обратить внимание на используемую терминологию. В сентябре 2016 года в Томске проходил антропологический симпозиум «Антропология в поисках нового языка описания». Поиск нового языка, как я понимаю, это стремление более точно отразить через категориальный ряд некие социальные реалии. В связи с этим предлагаю на обсуждение использование в дискуссиях и публикациях терминов не «ближнее» и «дальнее» зарубежье, а зарубежье «новое» и «старое». Подобная терминология использовалась рядом исследователей в середине 90-х годов [1]. Но в дальнейшем была утрачена. Понятие «ближнее зарубежье» не выдерживает критики ни с географической, ни с политической точки зрения. Китай, Япония и Корея географически гораздо ближе к России, чем Таджикистан и Киргизия. А страны Балтии политически гораздо дальше, чем иные страны так называемого «дальнего зарубежья». Термин «новое зарубежье» позволяет более точно описывать проблемы взаимодействия частей некогда единого государства с точки зрения хронотопа – соотношения временной и территориальной детерминант. Хотелось бы услышать ваше мнение по этому поводу. А теперь к собственно образовательной миграции.

Новые тенденции взаимодействия России и Таджикистана в образовательной сфере

Последний десяток лет был отмечен ростом образовательной миграции из Таджикистана. Больше всего студентов из этой страны было в столичных университетах, хотя в целом они учатся почти по всей России. По регионам этот поток можно отследить лет за десять. Так, в томских университетах в 2006 году было всего 9 студентов из Таджикистана, а в 2015 – 275 [2]. Минобрнауки приводит данные по этому вопросу лишь с 2014 года, когда в России училось 8 777 человек. Год спустя – 11 731 [3]. На первый взгляд, главной проблемой, с которой столкнулись студенты из Таджикистана, является владение русским языком. Подготовка по этому предмету студентов из «старого» и «нового» зарубежья заметно отличается. По словам представителя администрации одного из томских университетов, «*чтобы учиться в российском университете, нужен уровень не менее Б-1. Это 600-700 часов русского языка как иностранного... А у них (студентов из стран Центральной Азии – Н.П.) вот эти 120 часов*» [4].

Одной из причин такого положения дел являлся «фантом бывшего билингвизма». В наших университетах по инерции считали, что все жители «нового зарубежья» хорошо владеют русским. Но реалии оказались иными. Многие студенты из Таджикистана относительно неплохо справлялись с русским разговорным, но при чтении учебных материалов, выполнении письменных работ, восприятии на слух речи преподавателей с разной дикцией и ведении конспектов, использовании профессионального арго испытывали большие трудности. Год от года ситуация усугублялась. Новые потоки студентов приезжали с ещё более низким уровнем русского языка, а у преподавателей и руководства университетов накапливалось негативное отношение к уровню их подготовки и успеваемости. Ответ на этот вызов мог быть двояким. Либо создание системы обучения русскому языку в Таджикистане с помощью русскоязычных специалистов и годичное обучение в России на подготовительных отделениях, либо фактическое сокращение сотрудничества с Таджикистаном в образовательном пространстве. Сегодняшняя практика свидетельствует, что первый вариант не реализован, и потому есть большая вероятность использования второго.

Окончательный вывод делать ещё рано, но определенные тенденции уже просматриваются. По словам сотрудника Приёмной комиссии, одного из томских университетов, «...из Таджикистана мы уже почти не набираем. В основном это произвольный самопоток, который идет, так скажем, через Россотрудничество либо через какие-то знакомые связи – может, друг сюда приехал, родственники приехали, вот и они их перетягивают» [5]. В то же время на федеральном уровне предприняты меры именно для реализации первого варианта, то есть повышения качества обучения студентов-таджиков русскому языку. Речь идет о Письме Министерства образования и науки России «Об обучении иностранных граждан русскому языку как иностранному» от 23 января 2015 года № ВК-74/05 [6]. В нём, со ссылкой на Закон № 273-ФЗ, даётся разъяснение, что Федеральный государственный образовательный стандарт предоставляет ряд возможностей для освоения иностранными студентами русского языка как иностранного.

Во-первых, в качестве иностранного языка может изучаться и русский язык. Во-вторых, университеты могут по своему усмотрению использовать в этих целях вариативную часть ФГОС. В-третьих, русский язык может изучаться на факультативах за пределами основной образовательной программы. В-четвертых, университетами могут создаваться онлайн-курсы для изучения русского языка иностранцами ещё до поступления в высшее учебное заведение. И наконец, в сентябре 2016 года появилась информация о том, что Минобрнауки вводит для иностранных студентов обязательный экзамен по русскому языку. С этой инициативой в июне того же года на заседании Совета по русскому языку при Правительстве РФ выступил ректор РУДН Владимир Филиппов. Но практика показывает, что нередко эти новые возможности оказываются невостребованными. Объяснить это можно тем, что университеты идут по пути оптимизации усилий в работе с иностранными студентами из «нового зарубежья». Вполне рационально они ищут в странах Центральной Азии контингент, который позволит минимизировать дополнительные усилия при обучении и сохранить количество иностранных студентов. «Сейчас мы для себя открыли Узбекистан, потому что мы не думали, что Узбекистан так пойдет на диалог с нами, потому что мы слышаны, что Уз-

бекистан более закрытый, чем Таджикистан, Киргизия и Казахстан» [7]. Из Узбекистана в российские университеты едут либо собственно русские, либо дети от смешанных браков, либо те молодые узбеки, которые хорошо знают русский язык. В стране всё ещё остались школы с русскими классами, есть определенный круг общения с оставшимися русскими и, видимо, достаточно эффективно работает Россотрудничество. Это привело к тому, что работа по набору из Таджикистана стала заменяться работой по набору из Узбекистана. Насколько подобные практики одного-двух лет получают широкое распространение – предстоит ещё проверить временем. Пока трудно сказать и о том, насколько такая позиция университетов соответствует интересам российско-таджикского сотрудничества. Речь идет как о «мягкой силе» сохранения влияния в этом регионе, так и о стремлении части молодёжи в Таджикистане использовать систему образования в качестве наиболее доступного институализированного канала перемещения в страну с более высоким уровнем жизни.

Таким образом, взаимодействие двух государств в образовательной сфере создает новые проблемы и вызовы. И главное здесь – не просто проблема освоения русского языка, а образовательная политика ряда российских университетов, не нашедших пока адекватной модели работы со студентами из этого государства Центральной Азии.

Травма неоправдавшихся ожиданий

Студенты-иностранцы, в отличие от представителей трудовой миграции, не просто адаптируются к жизни в принимающем сообществе, но и вовлекаются в процесс инкультурации. Идеальный тип образовательной миграции представлен процессами освоения значимых паттернов принимающего общества, русского языка в трёх его ипостасях – разговорного, письменного и профессионального арго, получения качественных знаний по изучаемым направлениям, формирования устойчивых социальных связей в принимающем сообществе. Эти процессы формирования человеческого капитала, используя терминологию английского социолога Энтони Гидденса, представляют собой «колонизацию будущего», то есть открывают в дальнейшем для студентов из Таджикистана путь к дефицитным социальным ресурсам и на родине, и в России. Те, кто останется в России, станут частью её гражданской нации. Они пополнят ряды «новых русских азиатов» – выходцев из стран Центральной Азии, получивших высшее образование в России или добившихся здесь успехов в сфере бизнеса.

Плохое знание русского языка и потому низкая эффективность обучения в университетах становятся серьезным барьером на этом пути. Как это может отразиться на их последующей жизни в России, с какими проблемами могут столкнуться и какие жизненные стратегии станут использовать? Эту проблему можно рассмотреть в рамках теории «общества рисков», сформулированной в работах английского социолога Энтони Гидденса и немецких социологов Ульриха Бека и Никласа Лумана. Данная теория характеризует состояние общества постмодерна в целом. Высокая динамика разнонаправленных процессов разрушает привычную для общества модерна стабильность. Риски возникают вследствие неуверенности, будущие опасности рассматриваются как проекция существующих проблем. Э. Гидденс говорит, что рискам подвержены все стороны человеческого существования: «любая дея-

тельность, даже строго увязанная с установленными образцами, в принципе исчисляется в понятиях риска, то есть поддается своего рода общей оценке степени ее рискованности с точки зрения возможных результатов» [8, с. 109]. И объективные основания, и субъективные ощущения риска усиливаются в период перехода человека от привычных условий жизни к новым, неизвестным и потому рискованным практикам. К таким «роковым моментам», как их называет Э. Гидденс, относится и образовательная миграция. Создаваемые ею перспективы кроме позитивных достижений могут быть чреватые и новыми рисками личностных катастроф. Данный методологический подход интересен в данном случае тем, что связан с прогностической функцией. Представление о рисках образовательной миграции из Таджикистана формирует наше предвидение возможных негативных ситуаций. *«Риски имеют дело с предвидением, с ещё не наступившими, но надвигающимися разрушениями, которые сегодня реальны именно в этом значении»,* – пишет У. Бек [9, 22]. По мнению Н. Лумана, *«оценка риска и готовность принять риск – это проблема не только ментальная [psychische], но прежде всего социальная»* [10, с. 136].

Причины пониженной чувствительности к рискам в сфере освоения языка, качества образования и дальнейшей инкультурации в среде студентов-мигрантов связаны с тем, что они, по терминологии Э. Гидденса, воспринимают эту ситуацию пока в рамках «приемлемых границ риска». Считают, что она носит преходящий характер. Сам факт жизни в России, учёбы в университете, включенности в толерантную студенческую среду с относительно невысоким уровнем конкуренции является для них неким «защитным коконом», заслоняя возможные риски радужными надеждами. Но эти надежды могут не подтвердиться в момент выхода студентов из-под крыла Alma Mater на рынок труда с его гораздо более острой конкуренцией, при взаимодействии со структурами общества за пределами университетского кампуса.

Если выпускник университета попадёт на этом рынке труда в число аутсайдеров, то в процессе «колонизации будущего», в процессе выстраивания своих жизненных стратегий он может использовать иные средства, нежели его более успешные однокашники. В борьбе за жизненные ресурсы он может прибегать к различным нелегитимным средствам. При этом он, скорее всего, сможет обратиться к «существующим образцам» – участию в криминальных структурах. По мнению респондента, участвующего в организации новых наборов студентов: *«те, кто не смогли опять же жить там, в Таджикистане, и не смогли добиться успеха здесь и теперь ... эта категория лиц, которая начинает лезть в криминал... в основном ... это воровство...потому что в принципе опять же, рынок, базар и существовала торговля и было воровство за которое в Таджикистане раньше, как и вообще в Средней Азии, отрубали руки. И второе направление, конечно, это наркоторговля, потому что опять же в силу специфики региона, где они жили, они в принципе в этом разбираются... Как говорится, не получилось ассимилироваться в нормальном обществе и начинают ассимилироваться в неправовом обществе, именно в таком теневом»* [11]. Кроме этого, сегодня одной из возможных ниш криминала являются радикальные религиозные течения и терроризм.

Таким образом, проблема индивида, не решенная обществом в лице университета, выходит на более широкий план и становится проблемой для общества. В близком контексте на эту проблему обращает внимание известный германский политик, бывший сенатор

Берлина Тило Саррацин. Он говорит о том, что исламские террористы «редко были выходцами из бедных семей и зачастую посещали колледж или университет» [12, с. 244]. Можно предположить, что неудачники из числа студентов-иностранцев сформировали в принимающем обществе отрицательный «человеческий капитал», который обычно срабатывает в кризисные моменты развития общества.

Прогнозирование рисков негативной социализации студентов-иностранцев призвано не столько констатировать их неизбежность, сколько противопоставить конструкту возможного риска конструкт его преодоления на всех трёх уровнях – личностном, социальном и институциональном [13, с. 98–99]. И если Н. Луман в работе «Понятие риска» отдаёт предпочтение дихотомии «риск/опасность», то в нашем случае предпочтительнее упоминаемая им дихотомия «риск/надёжность», то есть снижение рассмотренных в данном случае рисков связано с повышением надёжности работы системы образования. Именно такой подход может предотвратить травму неоправдавшихся ожиданий, снизить количество подверженных рискам аутсайдеров и стать инструментом создания условий для успешного развития многонациональной России, в том числе и за счет интеграции в гражданскую нацию «новых русских азиатов».

Список литературы

1. Макарова Л. В. Россия и новое зарубежье: миграционный обмен // Социс. 1995. № 3. С. 95–100.
2. Рыбаковский Л. Л. Миграционный потенциал русского населения в странах нового зарубежья // Социс. 1996. № 11. С. 31–42.
3. Основные результаты деятельности системы высшего и профессионального образования Томской области. 2015.
4. Министерство образования и науки Российской Федерации. Департамент стратегии, анализа и прогноза. URL: <http://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2015>.
5. Интервью ПАУ-4 // Архив автора.
6. Интервью СПКУ-1 // Архив автора.
7. Министерство образования и науки Российской Федерации. Письмо от 23 января 2015 года № ВК-74/05 «Об обучении иностранных граждан русскому языку как иностранному». URL: <http://docs.cntd.ru/document/420258447>.
8. Интервью СПКУ-1 // Архив автора.
9. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 107–134.
10. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
11. Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 135–160.
12. Интервью СПКУ-1 // Архив автора.
13. Саррацин Т. Германия: самоликвидация: пер. с нем. М.: Рид Групп, 2012. 400 с.
14. Погодаев Н. П. Владение русским языком как условие адаптации студентов-мигрантов из Таджикистана в университетском пространстве Томска // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1 (29). С. 91–103.

УДК 159.923.2:371.212

Н. Н. Середкина, И. В. Трофимова*Кафедра культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета***ПОНИМАНИЕ ПОЗИТИВНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА**

Динамика миграционных потоков напрямую связана с необходимостью формирования позитивной этнической идентичности, как среди отдельных индивидуумов, так и общества в целом. Данный тип этнической идентичности наделяется характеристикой нормы межэтнического взаимодействия, обеспечивающей гармоничное, бесконфликтное сосуществование этнокультурных групп (Солдатова, 1998). Цель данного исследования состоит в выявлении социальных смыслов, которые вкладываются в выражение «позитивная этническая идентичность» студенческой молодежью. Представление социального понимания феномена «позитивная этническая идентичность» имеет важное прогностическое значение в выстраивании стратегии межэтнического взаимодействия, тем более что молодежь выступает здесь как одна из ключевых социальных групп, определяющих вектор развития межэтнических взаимоотношений России в ближайшем будущем. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) изучение современных исследований, посвященных этнической проблематике;
- 2) проведение ассоциативного эксперимента среди студенческой молодежи;
- 3) статистический анализ полученных ассоциатов;
- 4) интерпретация результатов эксперимента.

Этническая проблематика продолжает и сегодня оставаться в центре научных дискуссий как зарубежных ученых, так и российских. Данному вопросу посвящают свои исследования А. J. Umana-Taylor, S. J. Schwartz, R. M. Lee, B. L. Zamboanga, T. Yip, J. B. Unger, S. Y. Kim, D. Rivas-Drake, M. Syed, C. B. R. Evans, S. Douglass, W. E. Cross, L. G. Castillo, J. J. Burrow-Sanchez, R. M. Sellers, P. R. Smokowski, D. W. Soto, R. C. Smith и др. (США), С. G. Sibley, K. Yogeeswaran, С. A. Houkamau (Новая Зеландия), M. Verkuyten (Нидерланды), N. P. Koptseva, V. I. Kirko, I. S. Karabulatova, A. V. Serikov, (Россия), R. Dimitrova (Швеция), R. Rosnati, P. Voccagni (Италия), N. Demireva, A. Heath, L. Ryan, E. Kipnis, A. J. Broderick, C. Demangeot, (Великобритания), M. Ehala (Эстония), H. Liu (Сингапур), J. Hakim-Larson, K. A. Noels (Канада) и др. Необходимость поиска стратегий гармонизации межнационального общества, характеризующегося с позиции конфликтности, столкновения интересов (G. Jiménez-Moya, R. Spears, R. Rodríguez-Bailón, S. de Lemus, E. Scharrer, S. Ramasubramanian, 2015), гетерогенности и напряженности (A. S. Frolova, A. V. Lubsky, O. Y. Posukhova, A. V. Serikov, Y. G. Volkov, 2015), определяет вектор научных исследований ученых со всего мира.

S. J. Schwartz, M. Syed, T. Yip, G.P. Knight, A. J. Umaña-Taylor, D. Rivas-Drake, R. M. Lee (2014) обращаются к концептуальным и методологическим вопросам исследования этниче-

ской и расовой идентичности. Ученые отмечают важность междисциплинарного подхода к исследованию теории этнорасовой идентичности. Важной представляется выработка единой терминологии и методологических подходов к синтезированию и сопоставлению данных, полученные в рамках различных областей знания.

Анализу роли этнической и расовой идентичностей на фоне происходящих процессов трансформации народонаселения в Соединенных Штатах Америки, Германии, Нидерландах посвящены исследования А. J. Umaña-Taylor, S. M. Quintana, R. M. Lee, W. E. Cross Jr., D. Rivas-Drake, S. J. Schwartz, M. Syed, T. Yip, E. Seaton, C. Markstrom, S. French, B. Martinovic, M. Verkuyten (2014). По мнению исследователей, этническая и расовая идентичности представляют собой два конструкта, сосуществующих друг с другом. Точка соприкосновения личностно-этнического и этнорасового опыта в социоисторическом контексте закрепляется в исследованиях учеными термином «метаконструкт», применимым к гибридному понятию «этнорасовая идентичность». Данные теоретические выводы подкрепляются эмпирическими исследованиями, проводимые учеными с 1990-х годов в США среди подростков и молодых темнокожих людей совершеннолетнего возраста, когда собственно происходит формирование этнорасовой идентичности. Однако, согласно замечанию авторов, этот период не должен расцениваться как единственный период, когда этнорасовая идентичность представляется значимой. Результаты эмпирического исследования показали, что конструирование этнической и расовой идентичностей связано с психосоциальным компонентом в структуре личности, академическими убеждениями, поведением и отношением в подростковой среде. Концептуальное внимание исследователей обращено к позитивному этнорасовому аффекту, иными словами, к тому, как молодые люди относятся к своей этничности и расовой принадлежности. С этой целью был проведен мета-анализ 46 англоязычных исследований, результаты которых опубликованы на платформах EBSCO, Medline и Web of Science. Авторы пришли к выводу, что конструирование позитивной этнической и расовой идентичностей является одной из важнейших стратегий в адаптации молодежи к социуму. Позитивная этническая идентичность, согласно результатам эмпирического исследования, ассоциируется с чувством собственного достоинства, гордостью, тогда как негативная ассоциируется с депрессивными признаками. Выявлено, что уровень образования является значимым регулятором для позитивной установки. Наиболее сильные ассоциации позитивного содержания отмечены у студентов высшей школы и наиболее слабые – у обучающихся начальной школы.

Исследованию отношения подростков к своей этнической принадлежности посвящают свои работы А. J. Romero, L. M. Edwards, S. A. Fryberg, M. Orduña, J. Thijs, M. Verkuyten (2014), J. M. Aldridge, K. G. Ala'i, B. J. Fraser (2016).

Этническая идентичность как феномен, поэтапно формирующийся в сознании индивида и в своей заключительной стадии развития способствующий позитивному отклику на неблагоприятную ситуацию, вызванную дискриминацией, рассматривается А. J. Romero, L. M. Edwards, S. A. Fryberg, M. Orduña (2014). Авторы вслед за Marcia и Phinney, теоретиками теории социальной идентичности, придерживаются следующей схемы развития этнической идентичности: 1 этап – диффузный (отсутствие интереса к своей истории, этнической груп-

пе); 2 этап – foreclosed (приверженность к своей этнической идентичности без активного интереса к ее культурной истории, традициям и языку); 3 этап – мораторий (интерес к изучению культуры, истории, традициям, языку своей этнической группы); 4 этап – достигнутая идентичность (основа принятия личностной идентичности, в наибольшей степени способна защитить душевное здоровье от ударов дискриминации). Проведя опрос среди 125 подростков (13–18 лет), исследователи пришли к выводу, что этническое подтверждение и сформированная этническая идентичность (соответствующая 4-му этапу своего развития) обладает защитным воздействием на депрессивные симптомы и усилением чувства собственного достоинства. По мнению авторов, эволюционные этапы этнической идентичности представляют не только динамичный процесс осознания респондентами своей этнической истории, но и представляют собой источник устойчивости для подростков, принадлежащих к этническим меньшинствам, перед лицом дискриминации и предвзятого отношения.

Проведя исследование среди 4 067 школьников (63 % из них в возрасте от 12 до 17 лет), J. M. Aldridge, K. G. Ala'i, B. J. Fraser (2016) отмечают сильные и позитивные связи между общим климатом среди школьников и их этнической идентичностью.

Взаимозависимость этнической социализации родителей и формирование этнической идентичности подростков, как в духовном личностном отношении, так и в отношении учащихся к обучению, достижению академической эффективности, внешней социализации в целом, обсуждается A. J. Umaña-Taylor, M. O'Donnell, G. P. Knight, M. W. Roosa, C. Berkel, R. Nair (2014). Проанализировав 749 семей мексиканского происхождения, ученые пришли к выводу, что этнические взгляды родителей играют центральную роль в формировании этнической идентичности подростков. В данном случае отмечается, с одной стороны, повышение академической самооффективности и уровня социализации, с другой – уменьшение депрессивных признаков и противозаконных социальных действий.

J. Lee, M. Zhou (2014) вводят модель культурных фреймов, для того чтобы объяснить, как дети иммигрантов, чьи семьи имеют низкий социоэкономический статус, достигают успеха в карьере. Основываясь на результатах проведенного глубинного интервью с совершеннолетними детьми китайских и вьетнамских иммигрантов, авторы показали, что респонденты используют этническую принадлежность как средство для конструирования и поддержания «успешного фрейма». Одним из важнейших факторов достижения успеха, по мнению респондентов, является хорошие образование и работа. Это то, что позволяет иммигрантам чувствовать себя конкурентоспособными, следовательно, включенными в социальную систему доминирующего общества. Однако, по замечанию авторов, в контексте данного концепта актуальным становится вопрос этнической изолированности. Респонденты, проживающие вне этнически родной территории, дистанцируются от соэтнических сообществ, нивелируя, таким образом, значимость своей этнической идентичности. Это проявляется через выбор профессии, которая для национальной культуры является невостребованной, но имеющей большой потенциал в иной культуре. Примером может служить выбор профессии свободного художника одним из респондентов (Поль, 33 года, китайская этническая идентичность, живет в Америке). По его словам, подобный выбор нежелателен внутри китайской культуры, чем обусловлено и нежелание отца респондента оплачивать обучение сына в данном направлении, в частности в Академии искусств. Желанными для отца как пред-

ставителя китайской культуры были такие профессии, которые связаны с научной деятельностью, медициной либо юриспруденцией. Предпочтительным университетом признавался Гарвардский. Кроме этого, характерно изменение правописания этнической фамилии с целью нивелирования своей изначальной этнической идентичности, что было важно для респондента при встрече с заказчиками. По мнению данной группы респондентов, этничность и успешный фрейм неразрывно связаны между собой, чем обусловлено стремление респондентов приблизиться к той этнической идентичности, которая является социально-приоритетной.

Идентичность как стратегия, позволяющая повысить социальный статус мигранта, в рамках процесс-ориентированного подхода исследуется R. C. Smith (2014). Автор более 15 лет посвятил исследованию идентичности, изучая судьбу детей мексиканских мигрантов, проживающих в Нью-Йорке. Данный проект был реализован в три этапа: 1987–1994 (штат Пуэбло (Мексика), Нью-Йорк), 1997–2002, 2005–2013. На первом и втором этапах было проведено более 100 интервью с мигрантами и их детьми с регулярной периодичностью. Исследование предполагало не только интервью, но и наблюдение за жизнью детей в школе, их перемещение на родину. На третьем этапе были опрошены около 80 тех же респондентов, что и на первых двух этапах, включая их близкое окружение – семью, друзей. Важным представлялось исследовать динамику отношения респондентов к своей этнической принадлежности в разные их возрастные периоды. На основе полученных ответов, а также результатов анализа статистических данных, включая перепись населения и наблюдение за социальными процессами, происходящими внутри мексиканского сообщества, автор приходит к следующим выводам: 1) реальное положение темнокожих мексиканцев не укладывается в рамки господствующего положения теории ассимиляции, согласно которому ассимиляция с черной расой имеет негативные последствия для индивида, в частности, связанные с принижением его социального статуса. Согласно R. C. Smith принадлежность к черной расе среди мексиканцев обеспечивает, напротив, позитивную мобильность в социальном отношении, давая возможность обучаться в элитном университете и достичь успехов в профессиональной карьере. Особенно ярко данная тенденция проявилась в конце 1990 – начале 2000-х годов в Нью-Йорке, когда ряд мексиканцев приняли культуру темной расы с целью достижения более высокого социального статуса; 2) для анализа динамики процессов, влияющих на идентичность, ученый разрабатывает два понятия – «конъюнктурная этническая принадлежность» и «действующая идентичность». Конъюнктурная этническая принадлежность предполагает рассмотрение идентичности в различных контекстах: 1) на уровне локальном (расовые и этнические иерархии, соседство, образование); 2) историческом (развитие межгруппового членства, миграционные процессы); 3) жизненном (динамика взросления индивида от периода юношества до совершеннолетия, периода взрослости). «Действующие идентичности» – это ментальные конструкты, передающиеся посредством символического взаимодействия этнических, расовых и гендерных образов; 3) идентичность имеет временную функциональность для исследуемой группы, поскольку осознается как необходимый инструмент для повышения социальной позиции в обществе лишь в подростковый период, тогда как в более взрослом возрасте данный момент теряет свою актуальность.

Следует выделить отдельно ряд исследований, в которых вопрос этничности раскрывается через одну из глобальных проблем современности – проблему межгрупповых

конфликтов, порожденных предвзятым отношением и дискриминацией и являющихся корнем геноцида, этнической чистки, терроризма, процессов, влекущих за собой смерти, болезни и разрушения. В данном контексте проводят исследования G. Jiménez-Moya, R. Spears, R. Rodríguez-Bailón, S. de Lemus, E. Scharrer, S. Ramasubramanian (2015).

Влияние групповой идентификации на побуждение совершения радикальных поступков, в частности насилия и терроризма, анализируется G. Jiménez-Moya, R. Spears, R. Rodríguez-Bailón, S. de Lemus (2015). На основе результатов прикладного исследования авторы приходят к выводу, что те члены, которые в меньшей степени идентифицируют себя со «своими», для которых социальная идентичность не имеет большого значения, в большей степени склонны поддерживать радикальные действия в отличие от тех, кто сильнее привержен своей группе. Объясняется это тем, что последние не желают разрушать образ своей группы, терять свой статус и репутацию в результате совершения экстремальных поступков, идущих вразрез общепринятыми нормами социального поведения.

Медиапространство как инструмент снижения межгрупповой напряженности является объектом прикладных исследований E. Scharrer и S. Ramasubramanian (2015).

Таким образом, современные исследования раскрывают вопрос этнической идентичности с различных сторон: во-первых, вводится понятие «метаконструкт» по отношению к этнической идентичности; во-вторых, отмечается зависимость осознания своей этнической идентичности от стадий развития личности; в-третьих, этническая идентичность раскрывается как стратегия адаптации человека к социуму; в-четвертых, этническая идентичность раскрывается как сдерживающий, защитный механизм сознания индивида перед ситуациями, вызванными дискриминацией, различного рода радикальными, противозаконными действиями. В контексте этнической проблематики немаловажным представляется вопрос того, как понимает студенческая молодежь позитивную этническую идентичность, какие смыслы она вкладывает в это понятие. Данному вопросу посвящено наше исследование.

С целью выявления социального понимания феномена «позитивная этническая идентичность» был применен метод ассоциативного эксперимента, основные принципы которого обоснованы российскими учеными А. И. Назаровым и Р. В. Соколовым (Назаров, Соколов, 2007). Данный метод исследования позволяет обнаружить не только общие представления респондентов о предмете, но и глубину его понимания. Для этого был использован как количественный метод (статистический анализ полученных ассоциатов) для выявления приоритетных смыслов исследуемого понятия, так и качественный метод – анализ и интерпретация результатов.

Ассоциативный эксперимент со словом-стимулом «позитивная этническая идентичность» был проведен в 2016 году. В эксперименте приняли участие студенты Сибирского федерального университета города Красноярска (Россия). Всего было опрошено 124 респондента. Из них 64 человека приняли участие в эксперименте в очной форме. Респонденты получили понятие-стимул «позитивная этническая идентичность» в устной форме и записывали ассоциаты на бумажные листы. Остальные 60 участников вводили ассоциаты в заранее заготовленную google-форму [5] с помощью компьютера. Существенных отличий в содержании, полноте и качестве ответов первой и второй группы не обнаружено. Соотношения представителей различных групп в выборке следующее (рис. 1):

- Среди опрошенных студентов 66,9 % – женщины, 33,1 % – мужчины.
- В качестве направления обучения 77,4 % указали гуманитарное, 14,5 % – техническое и 8,1 % – естественнонаучное.
- Возраст респондентов: 6,45 % – 17 лет, 25 % – 18 лет, 25,81 % – 19 лет, 25,81 % – 20 лет, 10,48 % – 21 год, 4,03 % – 22 года, 1,61 % – 23 года, 0,81 % – 25 лет.
- Вероисповедание: 54,8 % отметили в анкете православие, 27,4 % – атеисты, 16,1 % указали малоизвестные религиозные системы, 0,8 % отметили ислам, также 0,8 % – буддизм.
- В ответ на вопрос о национальной принадлежности 90,37 % респондентов указали, что они русские, 3,23 % респондентов ответили «метис», по 0,8 % набрали армяне, буряты, евреи, киргизы, латыши, немцы, украинцы и шорцы.

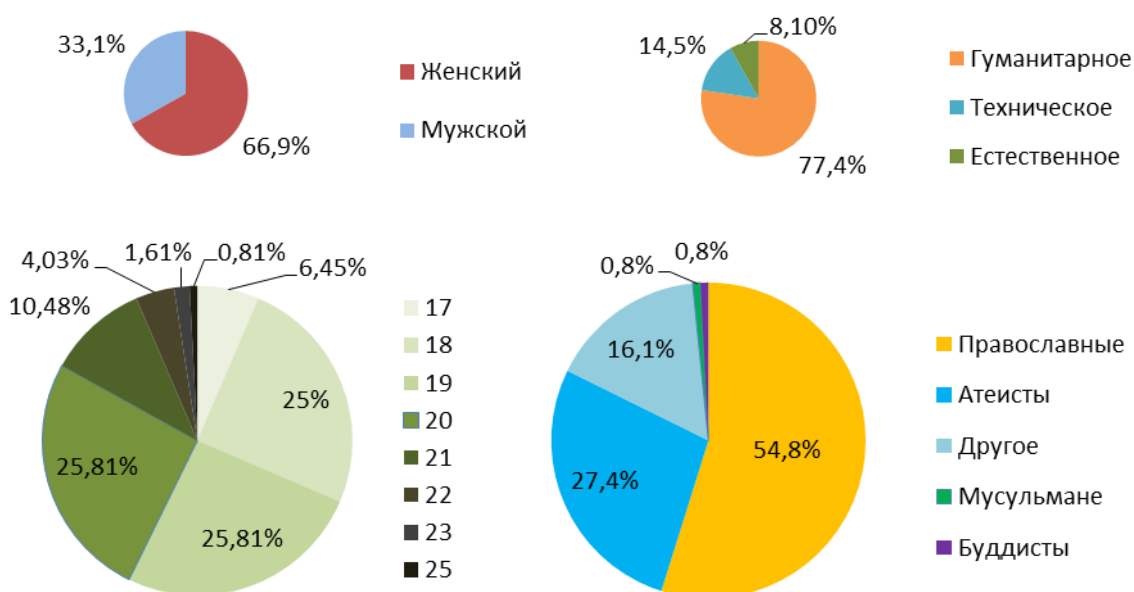

Рис. 1. Статистические данные об участниках проведенного ассоциативного эксперимента (2016 г.)

Результаты исследования

Всего в ходе эксперимента было получено 350 ассоциатов, которые были поделены на 9 крупных смысловых групп (рис. 2).

Наибольшее количество полученных ассоциатов ожидаемо связано с **этнокультурной сферой** (1¹) (93²) – сюда входит все, что связано с этносами, народами и их взаимодействием. Ассоциаты: этнос (25), культура (19), национальность (19), народ (18), народы (11), нация (8), история (5), дружба народов (4), раса (3), народности (2), нации (2), племя (2), ассимиляция (1), братство народов (1), все этносы равны (1), единое прошлое (1), жить среди людей своей наци-

¹ Цифровое обозначение в скобках (здесь и далее) указывает порядковый номер выделенной смысловой группы ассоциатов.

² Количество полученных ассоциатов, входящих в выделенную смысловую группу.

ональности (1), интернационализм (1), культурная память (1), любовь к своей культуре и знание нее (1), межкультурные коммуникации (1), межнациональные отношения (1), межэтнические контакты (1), межэтнические отношения (1), метисы (1), многонациональность (1), народности (1), народный (1), национальности похожи между собой (1), национальный (1), не ставить свою культуру центром мира (1), общины (1), отношение к разным национальностям (1), принимать законы и культуру других народов (1), различия между нациями нет (1), фолк (1), этнической идентичности нет, все люди разные (1), этничность (1).

Рис. 2. Процентное соотношение смысловых групп, объединяющих полученные ассоциаты

Четыре самых упоминаемых ассоциата данной группы также являются самыми упоминаемыми по всему списку полученных результатов. Проанализировав данные ассоциаты, можно сказать, что позитивная этническая идентичность представляется студентам в первую очередь как разнообразие культур и их доброжелательное общение, также некоторые ассоциаты указывают на понимание их схожести и равенства. Примечательно, что респонденты говорят об одних и тех же явлениях разными словами (межэтнические отношения = межнациональные отношения).

Внутри смысловой группы «Этнокультурная сфера» можно выделить две значимые подгруппы. Первая – элементы культуры (35). Под элементами культуры в данном контексте понимаются объекты материальной и нематериальной культуры, по которым идентифицируются этносы и нации. Ассоциаты: традиции (14), обычаи (5), искусство (4), песни (3), праздники (3), танцы (3), язык (3), костюмы (2), литература (2), одежда (2), сказки (2), юрта (2), архитектура (1), атрибуты (1), балалайка (1), бубен (1), живопись (1), иероглифы (1), косички (1), музыка (1), народное творчество (1), наряды (1), национальные костюмы (1), орнамент (1), руны (1), скульптура (1), узоры (1), унты (1), фольклор (1), хлопковая одежда (1), хоомей (стиль пения) (1), хоровод (1), чум (1), этника (1), этнические рисунки (1).

Вторая значимая подгруппа – народы (19). Это ассоциации с конкретными этносами. Ассоциаты: русские (4), буряты (3), арабы (1), белорусы (1), евреи (1), итальянцы (1), казаки (1), калмыки (1), китайцы (1), литовцы (1), народы Кавказа (1), народы Севера (1), татары (1), украинцы (1), чеченцы (1), эскимосы (1), японцы (1). Также сюда входят понятия «богатырь» (1) и «джигит» (1) – этническая принадлежность в них не указывается, но подразумевается.

Общая характеристика обеих подгрупп: позитивная этническая идентичность для многих респондентов ассоциируется с идентификацией человека с конкретной этнической группой путем нахождения конкретных объектов общей культуры.

Следующей группой (2) ассоциатов являются **нерелевантные и косвенные ассоциации** (89). Они объединены в одну группу ввиду невозможности однозначного разграничения в рамках эксперимента. Нерелевантные ассоциаты – такие ассоциаты, которые связаны с темой по чисто субъективным основаниям, понятным только респонденту (перья, снег), либо не связаны с ней вообще (смех, юмористическое). Косвенные ассоциаты – ассоциаты, связь которых с темой эксперимента не прослеживается напрямую, но легко восстанавливается с помощью дополнительных звеньев (медведи – возможно, это была цепочка Россия – тайга – медведи). Ассоциаты: позитив (6), радость (6), одинаковая (4), общие признаки (3), улыбка (3), благо (2), жизнь (2), интерес (2), красота (2), общее (2), счастье (2), аналогия (1), баланс (1), блондины (1), быт (1), бытие (1), вера в лучшее (1), вершина (1), веселый (1), веселье (1), вместе (1), внешность (1), выделяющая (1), гармоничность (1), гармония (1), глаза (1), государство помогает (1), день города (1), добро (1), доброжелательность (1), доброта (1), древность (1), единичный (1), живое знание (1), идея (1), индивидуально (1), интеллект (1), композиция Quest Pistols – «Непохожие» (1), корни (1), красивые (1), Лада (1), легально (1), медведи (1), место в мире (1), наука (1), научное (1), неизвестность (1), неповторимость (1), новое (1), образ (1), образование (1), один (1), одинаковый (1), перья (1), познание (1), положительная (1), положительное (1), помнить (1), похожие (1), правильный (1), выбор (1), приятное (1), путешествие (1), равные (1), развитие (1), Римская Империя не так строилась (1), свет (1), сила (1), символизм (1), смех (1), снег (1), совесть (1), совместность (1), совпадение (1), создание (1), солнечный свет (1), спокойная жизнь (1), удаль (1), форум (1), харизма (1), холод (1), хорошее (1), хорошо (1), храбрость (1), цикады (1), черты лица (1), честность (1), эмоции (1), юмористическое (1). В данной группе можно заметить большое количество ассоциатов на первое слово из понятия-стимула «позитивная» в отрыве от контекста остальных составляющих понятий. Объясняется это наибольшей понятностью слова – в настоящее время оно является общеупотребительным и повседневным. Обилие ассоциатов в этой категории не является чем-либо негативным: именно запись абсолютно любых ассоциаций – это и есть задание из инструкции участникам.

В третью группу входят ассоциаты, связанные с **общественной сферой** (89), а именно: взаимоотношения людей, их отношение друг к другу, структура общества, общественные и политические явления. Ассоциаты: братство (13), толерантность (13), взаимодействие (10), общение (9), люди (9), сопереживание (7), единство (6), мир (6), общность (6), объединение (6), патриотизм (6), связь (6), уникальность (5), дружба (4), принадлежность (4), взаимность (3), идентичность (3), менталитет (3), подобие (3), похожесть (3), схожесть (3), ценности (3), человек (3), герой (2), дружелюбие (2), любовь (2), общество (2), отличие (2), различие (2), расположение (2), совместимость (2), соответствие (2), взаимоуважение (1), все мы люди (1), все равны (1), все свои (1), группа (1), гуманизм (1), держаться за руки (1), древние люди (1), друзья (1), единомышленники (1), жизнь без убийств (1), коммуникация (1), конформизм (1), любовь к родине (1), народовластие (1), непохожесть (1), нет расизму (1), норма (1), одина-

ковость (1), однополчане (1), однородность (1), однотипность (1), отношение (1), отсутствие стереотипов и предрассудков (1), патриоты (1), поддержка (1), подобие поведения (1), политика (1), политический курс (1), политкорректность (1), положение (1), понимание (1), признание присутствие человека в группе (1), равенство (1), равноправие (1), разные люди (1), собратья (1), событие (1), сограждане (1), содействие (1), солидарность (1), сопричастность (1), социализация (1), социальность (1), соцпрограммы (1), союз (1), сплоченность (1), стать своим (1), сходство (1), терпимость (1), уважение (1), уклад (1), хан (1), этикет (1). Данная группа ассоциатов является второй по популярности после группы этнокультурной сферы (нерелевантные ассоциаты не берем в расчет), и в ней в среднем наибольшее количество повторяемых ассоциатов + ряды слов-синонимов (однородность, однотипность). Это означает, что для студентов понимание позитивной этнической идентичности тесно связано с ощущением присутствия в группе, оценки окружающих, объединения с другими людьми, чувства защищенности. Также большое внимание уделяется урегулированию взаимоотношений с другими группами – ассоциат «толерантность» упоминается достаточно часто.

Еще одна значимая смысловая группа (4), связанная с категорией «**самовосприятие**» (22). В ней отражено все, что связано с мыслями и эмоциями индивида относительно самого себя в контексте этнической идентичности. Ассоциаты: идентификация (4), самосознание (3), мировоззрение (2), самодостаточность (2), быть в ладу с собой (1), индивид (1), индивидуальность (1), каким я себя ощущаю (1), комфорт (1), личность (1), не такой как все (1), определенность (1), поведение (1), самобытность (1), самовосприятие (1), самоопределение (1), самопонимание (1), своеобразие (1), уверенность (1), устойчивость (1), что человек для себя определяет (1), чувство достоинства (1). В данную группу попали ассоциаты, обозначающие процесс идентификации с этнической группой, а также ее влияние на индивида – его восприятие, поступки и действия. Мы можем наблюдать как положительные последствия идентификации (комфорт), так и мысли, связанные с обособлением (не такой, как все). Удельный вес этой категории демонстрирует, что для студенческой молодежи очень важным является аспект изменения мировоззрения в группе, встречается идея самореализации за счет идентификации с этнической группой (чувство достоинства).

Следующая смысловая группа (5) – **территория** (18). В данную группу вошли ассоциаты, указывающие на территориальные единицы, географические объекты. Ассоциаты: Отечество (3), страна (2), страны (2), ареал (1), Енисей (1), жить в своей стране (1), континенты (1), Кызыл (1), люди на одной территории (1), материки (1), Москва (1), поле (1), Родина (1), Россия (1), северное сияние (1), степь (1), тайга (1), Тува (1).

Выделение данной группы ассоциатов свидетельствует о том, что понимание этнической идентичности среди студентов во многом связано с территорией, на которой располагается тот или иной народ, а также с природными особенностями местности (северное сияние).

Не менее важной для раскрытия социального понимания позитивной этнической идентичности является смысловая группа ассоциатов (6), связанных **религией** (16). Ассоциаты: вера (5), религия (4), бог (2), обряд (2), ритуал (2), алтарь (1), дух (1), идолы (1), ислам (1), исламизация (1), мантры (1), мифология (1), приметы (1), табу (1), шаманизм (1), Шива (1). Данная группа полученных ассоциатов указывает на значимость религиозного вопроса в

контексте позитивной этнической идентичности. В то же время группа не является крупной и по частоте упоминания она сильно уступает другим. В ней преобладают слова-ассоциаты, имеющие отношения к религиям, которые считаются экзотическими. Интересно то, что ни один из респондентов не указал ассоциаты, которые относятся к религии, обозначенной им как исповедуемая в начале анкеты. Так, респондент, указавший в анкете индуизм, в качестве слова-ассоциации записал шаманизм, а респондент, указавший православие, записал ислам. Это свидетельствует о том, что при сравнении себя с людьми других этнических групп человек обращает внимание на религиозное отличие и считает его достаточно значимым, в то же время как собственная религия кажется обычной, понятной, стандартной.

Следующая смысловая группа (7) обозначена категорией «**семья**» (14). Ассоциаты: родство (4), близнецы (3), семья (2), брак (1), брат (1), братья (1), дети (1), дети будут белыми (1), жить в своем роду (1), одна большая дружная семья (1), отец (1), поколение (1), предки (1), родители (1). Данная группа ассоциатов указывает на важность кровнородственных связей в контексте понимания позитивной этнической идентичности.

Самой маленькой группой ассоциатов является группа (8) **негативных характеристик** (9). Ассоциаты: война (1), конфликт (1), ложь (1), не самая лучшая идея (1), отрицание (1), пыль в глаза (1), расизм (1), травля (1), чурка (1). Наличие данной категории свидетельствует о том, что даже в контексте позитивной этнической идентичности студенты помнят о негативных аспектах межэтнических отношений. 4 ассоциата (ложь, не самая лучшая идея, отрицание, пыль в глаза) указывают на нежелание респондентов идентифицировать себя с какой-либо этнической группой, скептическое отношение к этническим вопросам.

В последнюю категорию (9) попали данные из анкет, в которых **нет ассоциатов** (8). 7 респондентов не дали ответа, либо поставили прочерк. 1 респондент написал, что это «сложное понятие». Некоторые респонденты спрашивали интервьюера, что ему делать, если он не понимает смысла понятия-стимула. Среди таких анкет есть анкеты обоих полов, всех трех направлений обучения и разных возрастов.

Проведенный ассоциативный эксперимент со словом-стимулом «позитивная этническая идентичность» позволил выявить определенную систему социальных смыслов предложенного понятия, бытующих среди студенческой молодежи Сибири. Понимание позитивной этнической идентичности среди студенческой молодежи г. Красноярска на примере студентов Сибирского федерального университета посредством ассоциаций следующее: это принадлежность к этносу, знание его культуры, общность с этим народом, соблюдение традиций, братство, толерантность по отношению к представителям других этносов. Это так называемые приоритетные социальные смыслы в понимании позитивной этнической идентичности. Помимо ассоциаций этнокультурной сферы, студенты имеют много косвенных ассоциаций, а также ассоциаций, связанных с вопросом общественных отношений и самовосприятием. Выделение данных категорий как приоритетных свидетельствует о значимости межэтнических отношений для студенческой молодежи как фактора самореализации, формирования чувства достоинства. Периферийные смыслы предложенного понятия связаны с негативными характеристиками, относящимися к межэтническим отношениям в целом. Это свидетельствует о наличии негативного отношения определенного процента молодежи к этническому вопросу.

Список литературы

1. Назаров А. И., Соколов Р. В. Ассоциация и ассоциативный эксперимент: разные судьбы // Вопросы психологии. 2007. № 4. С. 125–138.
2. Середкина Н. Н. Теоретическая модель позитивной этнической идентичности и механизмы ее формирования // V Международная научно-практическая конференция «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы». 2015. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/ethnic-migration2015/participant/13926>.
3. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 386 с.
4. Google-форма для респондентов. URL: https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSd_aNuaMCqPk4c5bjxACnvgkFYhO9V1wuXjs5muTrjNKIGGqg/closedform.
5. Frolova A. S., Lubsky A. V., Posukhova O. Y., Serikov A. V., Volkov Y. G. Ideological Grounds for Settlement of Inter-Ethnic Relations in Modern Russia: Competition of Ideas and Ideology of Humanism *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. № 6 (4). P. 58–63.
6. Schwartz S. J., Syed M., Yip T., (...), Seaton E. K., Sellers R. M. (2014). Methodological Issues in Ethnic and Racial Identity Research With Ethnic Minority Populations: Theoretical Precision, Measurement Issues, and Research Designs. *Child Development*. 2014. № 85 (1). P. 58–76.
7. Umaña-Taylor A. J., Quintana S. M., Lee R. M., Deborah Rivas-Drake, Schwartz Seth J., Syed M., Yip T., Seaton E. Ethnic and Racial Identity During Adolescence and Into Young Adulthood: An Integrated Conceptualization. *Child Development*. 2014. № 85 (1). P. 21–39.
8. Rivas-Drake D., Seaton E. K., Markstrom C., Quintana S., Syed M., Lee R. M., Schwartz S. J., Umaña-Taylor A. J., French S., Yip T. Ethnic and Racial Identity in Adolescence: Implications for Psychosocial, Academic, and Health Outcomes. *Child Development*. 2014. № 85 (1). P. 40–57.
9. Rivas-Drake D., Syed M., Umaña-Taylor A., Sellers R. M., Yip T. Feeling Good, Happy and Proud: A Meta-Analysis of Positive Ethnic-Racial Affect and Adjustment. *Child Development*. 2014. № 85 (1). P. 77–102.
10. Heath A., Demireva N. Has multiculturalism failed in Britain? *Ethnic and Racial Studies*. 2014. № 37 (1). P. 161–180.
11. Lee J., Zhou M. The Success Frame and Achievement Paradox: The Costs and Consequences for Asian Americans. *Race and Social Problems*. 2014. № 6 (1). P. 38–55.
12. Alba R., Jiménez T. R., Marrow H. B. Mexican Americans as a paradigm for contemporary intra-group heterogeneity // *Ethnic and Racial Studies*. 2014. № 37 (3). P. 446–466.
13. Becker K. Linguistic repertoire and ethnic identity in New York City // *Language and Communication*. 2014. № 35 (1). P. 43–54.
14. Wong A. W. M., Hall-Lew L. Regional variability and ethnic identity: Chinese Americans in New York City and San Francisco // *Language and Communication*. 2014. № 35 (1). P. 27–42.
15. Jackson E., Benson M. Neither 'Deepest, Darkest Peckham' nor 'Run-of-the-Mill' East Dulwich: The Middle Classes and their 'Others' in an Inner-London Neighbourhood // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2014. № 38 (4). P. 1195–1210.
16. Koptseva N., Kirko V. Processes of acculturation Khakases (Indigenous people of Southern Siberia), living outside of the Khakassia in the urban and student environment // *American Journal of Applied Sciences*. 2014. № 11 (12). P. 1969–1975.

17. Koptseva N. P., Kirko V. I. The impact of global transformations on the processes of regional and ethnic identity of indigenous peoples Siberian Arctic // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. № 6 (3) P. 217–224.
18. Koptseva N. P., Zamarayeva Y. S., Kirko V. I. Characteristic features of ethnic labor migration in the Krasnoyarsk Krai (Central Siberia, Russia) // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2015. № 5. P. 100–108.
19. Zamarayeva Y. S., Kistova A. V., Pimenova N. N., Reznikova K. V., Seredkina N. N. Taymyr Reindeer Herding as a Branch of the Economy and a Fundamental Social Identification Practice for Indigenous Peoples of the Siberian Arctic // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. № 6 (3). P. 225–232.
20. Noels K. A. Language variation and ethnic identity: A social psychological perspective // *Language and Communication*. 2014. № 35 (1). P. 88–96.
21. Smith R. C. Black Mexicans, Conjunctural Ethnicity, and Operating Identities. Long-Term Ethnographic Analysis. *American Sociological Review*. 2014. № 79 (3). P. 517–548.
22. Kulich C., Lorenzi-Cioldi F., Iacoviello V. Moving across Status Lines: Low Concern for the Ingroup and Group Identification // *Journal of Social Issues*. 2015. № 71 (3). P. 453–475.
23. Jiménez-Moya G., Spears R., Rodríguez-Bailón R., de Lemus S. By Any Means Necessary? When and Why Low Group Identification Paradoxically Predicts Radical Collective Action // *Journal of Social Issues*. 2015. № 71 (3). P. 517–535.
24. Ramasubramanian S. Using Celebrity News Stories to Effectively Reduce Racial/Ethnic Prejudice // *Journal of Social Issues*. 2015. № 71 (1). P. 123–138.
25. Scharrer E., Ramasubramanian S. Intervening in the Media's Influence on Stereotypes of Race and Ethnicity: The Role of Media Literacy Education // *Journal of Social Issues*. 2015. № 71 (1). P. 171–185.
26. Platt L. Is there assimilation in minority groups' national, ethnic and religious identity? // *Ethnic and Racial Studies*. 2014. № 37 (1). P. 47–70.
27. Thijs J., Verkuyten M. School ethnic diversity and students' interethnic relations // *British Journal of Educational Psychology*. 2014. № 84 (1). P. 1–21.
28. Umaña-Taylor A. J., O'Donnell M., Knight G. P., Roosa M. W., Berkel C., Nair R. Mexican-Origin Early Adolescents' Ethnic Socialization, Ethnic Identity, and Psychosocial Functioning. *The Counseling Psychologist*. 2014. № 42 (2). P. 170–200.
29. Martinovic B., Verkuyten M. The political downside of dual identity: Group identifications and religious political mobilization of Muslim minorities // *British Journal of Social Psychology*. 2014. № 53 (4). P. 711–730.
30. Romero A. J., Edwards L. M., Fryberg S. A., Orduña M. Resilience to discrimination stress across ethnic identity stages of development. *Journal of Applied Social Psychology*. 2014. № 44 (1). P. 1–11.
31. Shulist S. «Graduated authenticity»: Multilingualism, revitalization, and identity in the Northwest Amazon. *Language and Communication*. 2016. № 47. P. 112–123.

УДК 316.334.56-054.72

Д. Е. Брязгина

Иркутский государственный университет

МИГРАНТЫ В ГОРОДСКОМ СООБЩЕСТВЕ: ЭТНИЧЕСКИЙ РЫНОК КАК МЕСТО ВСТРЕЧИ

Рост масштабов трансграничных миграций в 1990-х годах привел к формированию в постсоветских городах особых локальностей, связанных с развитием новых моделей социально-экономических взаимодействий. Одним из проявлений новых моделей отношений являются этнические рынки, которые стали неотъемлемой частью пространства многих российских городов. Основу их деятельности составляют трансграничная торговля и миграции, в результате чего новые объекты определяются и маркируются городским сообществом как этномиграционные.

Этнический рынок представляет собой сложный феномен, включающий в себя множество экономических, общественных и межэтнических взаимоотношений. Появление рынков в период экономического кризиса способствовало их быстрому росту и интеграции в городскую жизнь. Со временем они стали не только комплексом социально-экономических практик и взаимодействий, но и элементом повседневности города, его инфраструктурой. В связи с этим этнические рынки становятся одним из факторов развития городской среды, который до сих пор остается практически не изученным. Немногочисленные исследования постсоветских этнических рынков ограничиваются описанием и анализом локальных кейсов с позиции глобальных социально-политических и экономических трансформаций [1], формирования трансграничных связей [2], социально-экономического развития рынков [3] и др. При этом вне научных рефлексий остается изучение рынков в контексте развития городского пространства и повседневности, их влияния на жизнь локальных сообществ.

Целью исследования является анализ этнически маркированного рынка как специфической локальности и важной составляющей городского пространства, его функций и значения в жизни городского сообщества и повседневности города.

Кейс г. Иркутска представляет собой наглядный пример того, как этнические рынки влияют на жизнь города: за двадцать лет рынки заняли различные территории города, трансформируя их под свою структуру, и распространились по всем районам, обслуживая потребности местных сообществ, реконструируя их повседневные практики, взаимоотношения и пространство города [4, с. 93–94].

Эмпирическую основу исследования составляют данные полевых наблюдений 2014–2016 годов за рынком «Волжский», а также материалы интервью с жителями г. Иркутска. Все опрошенные респонденты проживают в районе расположения рынка и являются его регулярными посетителями.

В рамках научных и медийных описаний «этнических» рынков сложилось представление об их уникальности и единичности в контексте города. Однако помимо масштабных тор-

говых площадей, занимающих значительные территории, в Иркутске существуют более мелкие рынки, расположенные не только в центре, но и в других его частях. Такие локальности привязаны к определенным частям города, ориентированы на жителей обособленных районов и отличаются от более крупных рынков набором устоявшихся практик, взаимодействий и представлений о них.

Одной из таких локальностей является рынок «Волжский», расположенный в Октябрьском районе г. Иркутска. В этой части города находится большой деловой центр, в котором размещен крупнейший «этнический» комплекс – «Шанхай-сити Молл» с прилегающими к нему торговыми площадями (в просторечии «Большой Шанхай»). Однако рынок «Волжский» не относится к территории центра, хотя и располагается неподалеку от одной из основных улиц города. Его местоположение привязано к зоне продовольственной торговли, а функционирование связано с обслуживанием потребностей жителей близлежащих территорий.

Этническая торговля здесь фактически является частью продуктового рынка. Мигранты появляются на нем в середине 1990-х годов в ходе реорганизации городского пространства: располагавшийся неподалеку «китайский» рынок был расформирован, в результате чего китайцы перекочевали на соседнюю территорию еще формирующейся в то время торговой площади. Примечательно, что рынок возникает на территории, ранее исключенной из жизни горожан. Респонденты с трудом вспоминают, что располагалось в этом районе до его появления, отмечая, что до появления рынка их взаимодействие с пространством здесь ограничивалось ожиданием трамвая. Соответственно, опыт освоения пространства этой части города и рефлексия этого опыта напрямую связана с рынком. Это способствует его органичному включению в повседневность местных жителей, он становится частью их жизненного пространства и местом регулярных посещений и встреч.

Еще одним свидетельством прочной интеграции в жизнь горожан является особое место этнического сегмента в структуре рынка «Волжский». Несмотря на то, что около половины его пространства занято мигрантами, жители определяют рынок, прежде всего, через пространственные, экономические и социальные, а не этнические категории. Для них рынок – это, в первую очередь, источник разнообразных недорогих товаров, расположенный в шаговой доступности, место встречи со старыми знакомыми и соседями, а также совокупность привычных практик и взаимоотношений.

С рынком также связан особый характер взаимоотношений, выстраиваемый по линии продавец – покупатель: взаимодействие в процессе покупки нередко сопровождается неформальной беседой и становится основой для выстраивания более длительных отношений, которые, в свою очередь, обеспечивают регулярность таких интеракций и возможности индивидуального подхода к покупателю. В связи с этим деловой характер экономических практик дополняется межличностными контактами, трансформирующими форму социально-экономических отношений рынка и расширяющими возможности экономического обмена.

Исследование одного из кейсов этнических рынков Иркутска показывает, какое влияние рынки оказывают на повседневную жизнь городских сообществ. Социальные процессы и отношения, лежащие в основе функционирования рынка, локализованного и ориентированного на жителей отдельных внутригородских территорий, приводят к тому, что этничность растворяется в повседневности, при этом не исчезая окончательно. «Этнический» рынок становится органичной частью городского пространства, определяющей и изменяющей повседневные практики и жизнь людей в городе. В результате мигранты успешно интегрируются в

местное сообщество, а их этничность в этих условиях оказывается лишь маркером отдельных элементов городской структуры и экономики.

Список литературы

1. Hohnen P. A Market out of Place? Remaking Economic, Social, and Symbolic Boundaries in Post-Communist Lithuania. Oxford; N. Y.: Oxford University press, 2004.
2. Nyiri P. Chinese in Eastern Europe and Russia: A Middle Minority in a Transnational Era. London: Routledge, 2007.
3. Рыжова Н. П. Трансграничный рынок в Благовещенске: формирование новой реальности деловыми сетями «челноков» // Экономическая социология. 2003. Т. 4, № 5. С. 54–71.
4. Григоричев К. В. Базар и город: «китайский» рынок как точка сборки городского пространства // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 86–104.

УДК 314.151(=581)(571.5)

О. Л. Корнева

Иркутский государственный университет

МИГРАЦИЯ КИТАЙЦЕВ В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ: НАПРАВЛЕНИЯ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Миграционная ситуация в российско-китайских отношениях вызвала интерес экспертов на рубеже XX–XXI веков и до сих пор не теряет актуальности. Такие исследователи, как В. Г. Гельбрас, Ж. А. Зайончковская, В. И. Дятлов и другие, внесли огромный вклад в изучение проблемы миграций из Китая в различные регионы России.

Прежде чем углубляться в анализ китайской миграции в Восточную Сибирь, нужно указать на некоторые закономерности, касающиеся России в целом. Китай является важнейшим поставщиком рабочей силы и туристов в Россию из числа стран дальнего зарубежья. В начале 90-х годов китайцы уверенно стали пересекать российские границы. Однако из-за введения визового режима в 1994 году въезд китайских граждан был ограничен. На протяжении первых 15 лет XXI века миграция из КНР в Россию стабильно увеличивалась. Если в 2000 году число китайских мигрантов составляло всего 1 121 человек, то в 2014 и 2015 годах оно увеличилось до максимального на данный момент значения: 10 543 и 9 043 человек соответственно [1]. И это только легально приехавшие граждане Китая. Следует отметить, что разрыв в миграционном приросте 2014 и 2015 годов связан не столько с экономическим кризисом, сколько с изданным в 2015 году законом об обязательном экзамене по русскому языку при переезде в Россию.

Миграционная политика на региональном уровне определяется в соответствии с федеральным законодательством. Но это не доказывает, что региональной миграционной политики быть не может. Несмотря на ограничение возможностей субъектов РФ в регулировании миграций, местная Федеральная миграционная служба может стимулировать, контролировать и ограничивать поток трансграничных передвижений населения в регион.

Одним из стратегически важных регионов, в которых китайская миграция играет значительную роль, является Восточная Сибирь. Китайские мигранты, как правило, расселяются в областных центрах Восточной Сибири: Иркутск, Красноярск, Чита, Улан-Удэ и т. д.

Иркутская область – яркий пример миграционного притока китайцев в Восточную Сибирь. Как из постсоветских стран, так и из КНР граждане массово приезжали в Иркутскую область уже с 90-х годов. В 2007 году доля китайцев среди официально занятых граждан составила 18,6 % [2]. Согласно данным УФМС России по Иркутской области, граждане КНР приезжают в регион со следующими целями (данные за 9 месяцев 2008 года): деловые поездки – 47,4 %; трудовая деятельность – 41,4 %; туризм – 4,9 %; частные поездки – 3,1 %; обучение – 1,9 %; гуманитарные (научные, культурные) – 1,3 % [3].

Коммерческая и трудовая деятельность – основные цели пребывания граждан Китая в Иркутской области. Так как в начале XXI века заметно улучшилась экономическая ситуация в регионе, повысился спрос на иностранную рабочую силу в отдельных секторах региональной экономики (лесозаготовка, строительство). Дешевая китайская рабочая сила стала более приемлемой для работодателей, чем местное население: гастарбайтеры работают быстрее и эффективнее, к тому же у них мало требований к условиям труда.

Китайские мигранты постепенно стали неотъемлемой частью экономической жизни Иркутской области. Данные УФМС РФ по Иркутской области свидетельствуют, что самыми распространенными среди китайских рабочих являются следующие сферы деятельности: строительство, сельское хозяйство, промышленность, торговля. Более зависима от рабочей силы из КНР сфера строительства, так как более 90 % китайских трудовых мигрантов заняты в этой отрасли [3].

Однако иркутяне чаще видят китайские кафе и магазины, чем мигрантов-строителей. Кроме того, сложился определенный образ китайского иммигранта, основанный на стереотипах о китайцах как о «нерасчлененной массе» [4]. Этот образ в большинстве случаев связан с бедностью, антисанитарией, общинностью, демографической экспансией, с чем-то чужеродным и странным.

Несколько другое отношение к китайским бизнесменам: речь уже идет об экономической экспансии региона и России в целом. Однако бизнесмены из КНР пребывают в России в среднем не более 2–3 лет, после чего снова возвращаются на родину, а затем тех китайцев заменяют другие предприниматели [5]. Поэтому о них тоже сложился стереотип как о цельном механизме, действующем исключительно в своих коммерческих интересах и в интересах КНР.

На основе вышесказанного можно выделить некоторые негативные стороны и угрозы по отношению к региону. Во-первых, среди выходцев из КНР, занятых в Иркутской области, велика доля нелегальных мигрантов, что приводит к развитию теневой экономики и росту преступности. Во-вторых, практически нет притока высококвалифицированных специали-

стов из Китая, их большая часть устремляется в развитые страны Запада. Существуют также алармистские настроения, связанные с экономической и демографической экспансией. Помимо этого, китайские трудовые мигранты создают социальную нагрузку в регионе. Они изолированы от принимающего общества и зачастую не понимают местного языка и культуры. Китайцы, как и многие другие иностранные мигранты, никогда не будут идентифицировать себя как россияне. Поэтому чем больше возникает таких анклавов, тем опаснее этническая миграция становится для российского общества.

Но есть и преимущества в трудовой миграции в регион: по мнению Ж. А. Зайончковской, «сейчас в Китае много трудовых ресурсов, и это наше счастье, что у нас под боком такая страна» [6]. Имеется в виду, что из-за дефицита рабочих рук на непопулярных рабочих местах Россия, в особенности ее азиатская часть, нуждается в привлечении иммигрантов. Действительно, если российское законодательство обеспечит регулирование миграции из КНР, не допуская подавления народов страны китайским этносом, то в целом трудовая миграция полностью будет соответствовать интересам РФ и Китая.

Помимо трудовой, в Иркутской области широко представлена и туристическая миграция. Туризм играет важную роль в экономике и внешнем статусе региона. Среди китайцев популярны основные виды туризма, которые представлены в Иркутской области: познавательный, оздоровительный, активный, деловой. Большинство поездок в Приангарье связано с главной достопримечательностью региона – с озером Байкал.

Граждане Китая в числе лидеров по иностранному турпотoku в Иркутскую область: уступая Германии до 2007 года, Китай занял первое место в 2008 году и составил целых 40 % от количества всех туристов из-за рубежа [7]. Однако из-за того, что статистика туристических поездок далеко не всегда является точной, трудно сказать, сколько китайцев приезжает в Иркутскую область.

По мере роста числа китайских туристов администрация г. Иркутска решительно настроена модернизировать туристическую инфраструктуру, направленную на гостей из Китая. Увеличено количество прямых рейсов из городов КНР в Иркутский аэропорт. Ежегодно в Иркутске появляются новые гиды-переводчики, специализирующиеся на китайском языке. Создаются новые турфирмы, работающие преимущественно с китайцами, приезжающими на Байкал. На уровне правительств РФ и КНР активно продвигаются проекты по развитию безвизовых контактов.

После 2014 года наблюдалось общее снижение въездного потока в регион из зарубежных стран. Несмотря на это, количество китайцев и во всей России, и в Иркутской области по сравнению с 2014 годом увеличилось на 63,4 % в 2015 году [8]. Однако въездной поток из стран Запада значительно снизился. Ситуация в сфере международного туризма в России после 2014 года, безусловно, стала производной от политической обстановки. Это в очередной раз доказывает, что сфера туризма играет роль «мягкой силы» в межгосударственных отношениях.

Образовательная сфера деятельности китайцев в Восточной Сибири является не менее перспективной для области. Российские вузы довольно популярны среди китайцев: основная причина в том, что оплата за обучение значительно ниже, чем в Китае. Но это направ-

ление все еще испытывает множество трудностей. Как и с общей миграцией китайской диаспоры, предпочтительным остается Центральный федеральный округ РФ.

Приангарье относительно других регионов остается довольно востребованным для китайских студентов. В Иркутске готовят экономистов, лингвистов, филологов, переводчиков с упором на русский язык.

Большинство китайцев, выпустившихся из Иркутских университетов, хотели бы остаться в России. В связи с этим законодательство РФ пошло иностранцам навстречу: в 2014 году были заметно упрощены условия получения гражданства для иностранных студентов. Проработав в России 3 года, можно стать гражданином страны [9]. Однако для многих выпускников трудоустройство вызывает огромные трудности. Они не знают, где работать, поэтому многие вынуждены вернуться на родину, а некоторые остаются в университете [10].

По мнению В. Г. Гельбраса, для России было бы выгодно формирование ядра китайских мигрантов из числа студентов. Он призывает к масштабному привлечению китайской молодежи, чтобы модернизировать российские учебные заведения и подготовить хороших специалистов, знающих русский язык, культуру, политику, желающих работать в России. Нужно приложить максимум усилий и для того, чтобы не было безработных выпускников [11].

В итоге мы наблюдаем, что образовательная и туристическая сферы миграционной политики остаются самыми перспективными. Эти направления меньше подвергаются критике экспертов, и противоречивых моментов гораздо меньше. Как и другие регионы России, Иркутская область нуждается в пополнении бюджета, а развитие туристической и учебной миграции – это довольно эффективное решение.

Что касается миграции в коммерческих целях, угроз и противоречий здесь достаточно. Рост трудовой миграции несет за собой опасения в сознании принимающего общества о «желтой опасности». Но на данном этапе более актуальны проблемы адаптации китайских мигрантов в российском обществе, регулирования миграционных потоков, легализации трудовой деятельности и бизнеса граждан КНР.

На сегодняшний день китайская миграция стала важным элементом глобальной дипломатической стратегии Китая. Стоит подчеркнуть, что данная стратегия не имеет агрессивного характера. Какие бы цифры о миграции китайцев ни приводили российские эксперты и журналисты, в Восточной Сибири представителей данной национальности относительно мало. Во всяком случае, количество мигрантов на Востоке России несравнимо с их числом в странах Юго-Восточной Азии.

Рассмотрев миграционную ситуацию в Восточной Сибири, мы можно сделать вывод: миграция жителей КНР, безусловно, важна для этого региона. Существуют как огромные экономические перспективы, так и потенциальные угрозы. Трудовые мигранты оказывают большее влияние, поэтому для России важно стимулировать туризм и поток студентов из Китая. Особенно привлекателен потенциал китайских студентов: они могут способствовать развитию положительных взаимоотношений культур и народов России и КНР. Кроме того, при регулировании миграционной политики следует обратить больше внимания на собственные геополитические интересы страны. Например, необходимо стимулирование миграционного притока китайцев в различные регионы, а не только в приграничные области и Центральный ФО.

Список литературы

1. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>.
2. Дятлов В. И. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография / науч. ред. проф. В. И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 396 с.
3. Влияние мигрантов из Китайской Народной Республики на демографическую, экономическую и миграционную ситуацию региона. URL: ufms.irkutsk.ru/files/oapik_chn.doc.
4. Дятлов В. И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 3–4 (58–59). С. 121–149.
5. Китайцы в городе. URL: <http://newsbabr.com/baik/?IDE=7630>.
6. Китайские мигранты заменят узбеков и таджиков. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:30854>.
7. Статистика туристского потока // Агентство по туризму Иркутской области. URL: <http://irkobl.ru/sites/tour/topical/page.php>.
8. Отчеты о деятельности агентства по туризму иркутской области. URL: <http://irkobl.ru/sites/tour/report>.
9. О гражданстве Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. от 01.05.2016) // Справочная-правовая система «Консультант плюс». URL: <http://www.consultant.ru/>.
10. Студенты из КНР: «Остаемся в ИГУ»: офиц. сайт ФГБОУ ВО «ИГУ». URL: <http://isu.ru/ru/news/newsitem.html?action=show&id=2667>.
11. Гельбрас В. Перспективы китайской миграции на Дальнем Востоке // Отечественные записки. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/perspektivy-kitayskoj-migracii-na-dalнем-vostoке>.

УДК 314.151(=438)(571.51):004.94

М. Н. Бабайцев*Тверской государственный университет***ОПЫТ СОЗДАНИЯ ИНТЕРАКТИВНОЙ ИНФОГРАФИКИ
С ПРИМЕНЕНИЕМ 3D-ТЕХНОЛОГИЙ,
ОТРАЖАЮЩЕЙ МИГРАЦИЮ ПОЛЯКОВ
НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ В XVI–XXI ВЕКАХ**

Описывать исторические процессы и события, в том числе и историю миграции населения, только лишь посредством текста – не всегда рациональная затея. В таком случае достаточно трудно представить указанные процессы и события в пространстве и времени. Теряется дополнительная информационная нагрузка, способствующая формированию более детального взгляда на изучаемую проблему. По этой причине во всех школьных учебниках истории присутствуют карты, схемы, фотографии, помогающие созданию в сознании ученика полноценной картины описываемых в тексте событий. Символы, составляющие текст, сами по себе не содержат никакого образа. Он появляется только лишь тогда, когда символы, повинувшись определённой языковой логике, выстраиваются друг за другом и составляют слова и словосочетания. Исключением может быть иероглифическое египетское письмо, письма народа Майя и некоторые другие подобные. Изображения представляются не только набором линий, точек и прочих геометрических фигур или в виде пикселей. Сами по себе все эти элементы не несут практически никакой информации. Лишь видя их в совокупности, человек извлекает цельный образ, который, в отличие от текста, лишённого контекста, может быть интерпретирован многогранно, что, несомненно, положительно. До XX века изображения были плоскими (2D). Появление 3D-изображений стало возможно благодаря интенсивному развитию цифровых технологий и вычислительной техники в конце прошлого века. Трёхмерное изображение несет в себе на порядок больше информации, нежели изображение двухмерное. Случается так, что 3D-изображение какого-либо объекта, существующего в мире, содержит 80–100 % информации, которой обладает сам оригинал. В этом можно убедиться, работая с сервисом «Google. Карты» в режиме 3D [1].

Привнести в историю какие-либо новшества представляется делом трудным, в силу ее консервативности. Однако многие современные достижения могут предоставить дополнительный инструментарий для исследователя, упростить и оптимизировать его работу, повысить эффективность. Таковым инструментом в работе в рамках исторической информатики являются 3D-технологии, а опытной площадкой – реконструкция процесса миграции поляков на территории Сибири в XVI–XXI веках. Конечный продукт – инфографика. Целью работы является получение первичного опыта по реконструкции исторического процесса с применением 3D. В задачи входят: выработка алгоритма действий; создание инфографи-

ки; предварительная оценка рентабельности использования 3D-технологий в истории. Географические рамки: территория Сибири, хронологические рамки: XVI–XXI века.

Работа по созданию инфографики подразделяется на 2 этапа. Первый – научный. Это поиск, обобщение, анализ, доработка информации касательно объекта или процесса, отображаемого посредством инфографики. Второй – технический. Заключается в визуализации подготовленного материала.

Акцент в работе сделан на второй этап, так как он и определяется целью исследования. Информационным базисом для создания инфографики служит следующая таблица, содержащая обобщенные сведения о миграции польского населения.

Таблица 1

Хронология расселение поляков на территории Сибири в XVI–XXI веках [2]

Этап	Годы	Событие	География	Численность, тыс. чел.
1	1619, 1667	Ссылка военнопленных русско-польских войн. Возвращение части польских военнопленных на родину по условиям мирных договоров (Дулинского, Андрусовского)	Польша – Сибирь Сибирь – Речь Посполитая	1,5
2	1760–1770	Ссылка в Сибирь сторонников Барской конфедерации и других недозволенных политикой, проводимой русским царем совместно с правительством Речи Посполитой	Речь Посполитая – Сибирь. Большинство сослали в Западную Сибирь, часть в Иркутскую губернию	н/д
3	1794	Восстание Тадеуша Костюшко, ссылка участников.	Речь Посполитая – Сибирь	~3
4	1795–1813	Единичные высылки после 3-го раздела Речи Посполитой и поражения Наполеона	Речь Посполитая, Европейская Россия – Сибирь	~0,01
5	1815–1820	Единичные высылки членов организаций «филоматов»	Речь Посполитая – Сибирь	~0,005
6	1830–1832	Ссылки участников польского восстания 1830–1831 годов	Речь Посполитая – Сибирь	20
7	1833–1850	Ссылки участников тайных освободительных организаций	Речь Посполитая – Сибирь	~0,03
8	1863 – вторая половина 1860-х	Ссылки участников польского восстания польского восстания 1863–1864 годов	Речь Посполитая – Сибирь	18
9	1870–1880	Ссылка участников социалистического и пролетарского движения в Польше.		н/д
10	1890–1910	Эмиграция трудовая в Сибирь: <ul style="list-style-type: none"> ■ строительство Транссиба (1891–1901); ■ русско-японская война (1904–1905); ■ переселение в связи со Столыпинской аграрной реформой (1906–1917); ■ ссыльные волнения в Польше (1905–1907) 	Польша, Западная Украина – Сибирь (Томск, Иркутск)	н/д
11	1914–1918	Первая Мировая война: поляки-беженцы и пленные поляки	Польша, Западная Украина – Сибирь	н/д
12	1939–1953	Депортированные поляки	Восточная Польша, Западная Украина, Белоруссия – Сибирь	320 [3]

Из таблицы видно, что миграция происходила в основном в Сибирь из территорий, населенных поляками: Польши, Западной Украины, Белоруссии. Переселение происходило как насильственным путем (ссылки), так и мирным (трудовая миграция). Численность переселенцев варьировалась от нескольких сотен до 18 тысяч человек. Переселение происходило в краткий срок до года, так и длиною в несколько десятилетий. В 1860 году в Сибири проживало 20 тысяч поляков [4, с. 538]. По переписи 1897 года на территории Сибири проживало около 25 тысяч поляков, по переписи 1920 года – 57 тысяч.

Теперь рассмотрим процесс создания инфографики. Он имеет следующую структуру:

- 1) создание карты Сибири в 3D;
- 2) добавление необходимого ландшафта: гор, рек, лесных массивов, населенных пунктов;
- 3) добавление условных элементов инфографики;
- 4) поэтапное анимирование;
- 5) рендеринг.

Для построения карты Сибири в трехмерном пространстве потребовался школьный атлас [5, с. 38–39] по географии за 7-й класс, содержащий физическую карту Евразии (масштаб 1:43000000), – с помощью него стало возможно выделить особенности рельефа территории, а также школьный атлас [6, с. 4–5] по географии за 9-й класс, из которого была взята административная карта России (масштаб 1:20000000), необходимая для построения территории Сибири в ее современных границах. Карты были отсканированы с разрешением 300 dpi – достаточного для того, чтобы различить мелкие детали рельефа. Обе карты были использованы в качестве подложки на сетке координат, и по ним чертились границы и строился рельеф. Поскольку масштаб у карт не совпадает, было принято решение с помощью внутренних средств программы уменьшить масштаб физической карты до 1:20000000. Это позволило с большой точностью показать особенности рельефа в истинных границах Сибири. Для упрощения работы оцифрованные карты предварительно обрабатывались в графическом редакторе PAINT.NET, в частности удалялись лишние элементы, лежащие за границей воссоздаваемой территории. Далее с помощью графического редактора Illustrator был создан контур территории по административной карте и переведен из растровой графики в графику векторную (произведена трассировка изображения по принципу черно-белого логотипа) – это необходимо для дальнейшего импорта в среду 3D MAX. Далее произведен импорт готового контура в программу 3D MAX и с помощью модификатора Extrude задан объем. Наложена текстура – оцифрованная физическая карта (рис. 1).

Далее на модели по вершинам полигональной сетки были сделаны возвышения гор с помощью инструмента Soft selection модификатора Edit poly. Добавлены несколько иконок городов с подписями, имитация растительности (Foliage) (рис. 2).

Далее добавлены иконки, имитирующие переселенцев, а также линии, указывающие на направление миграции. Произведена анимация в соответствии с таблицей. Добавлен таргетированный источник света (Omni), задний фон (Plane) (рис. 3).

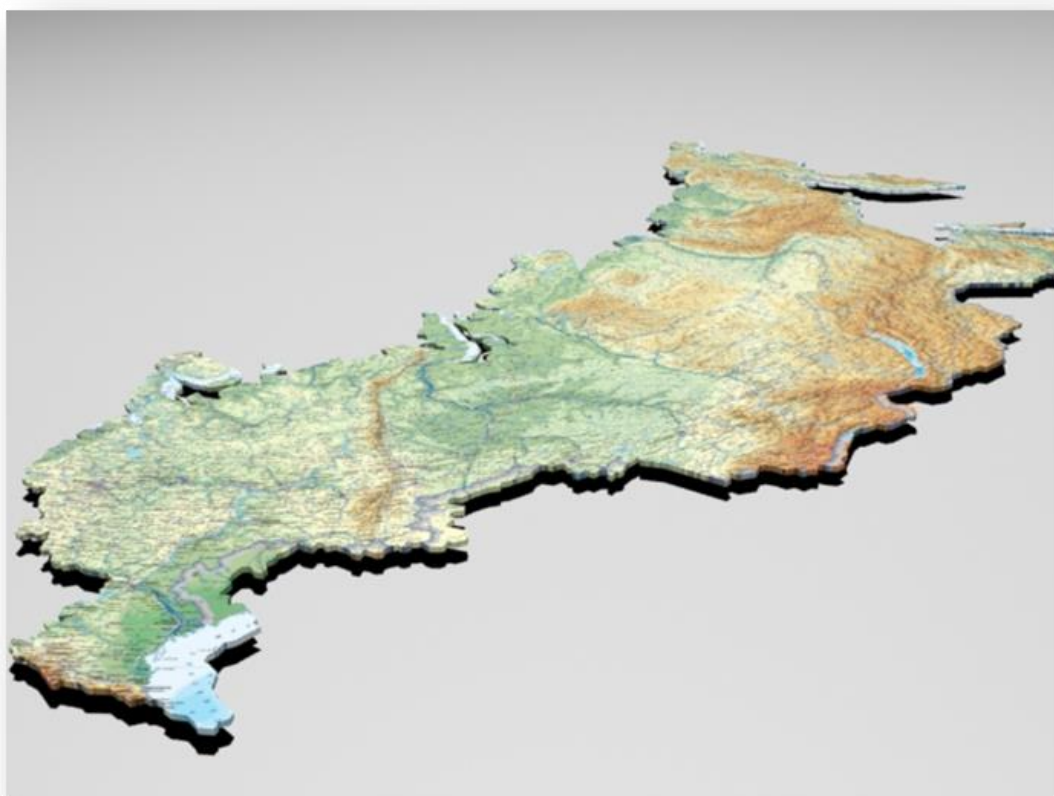

Рис. 1. Трехмерная модель территории России

Рис. 2. Модель с растительностью и несколькими городами

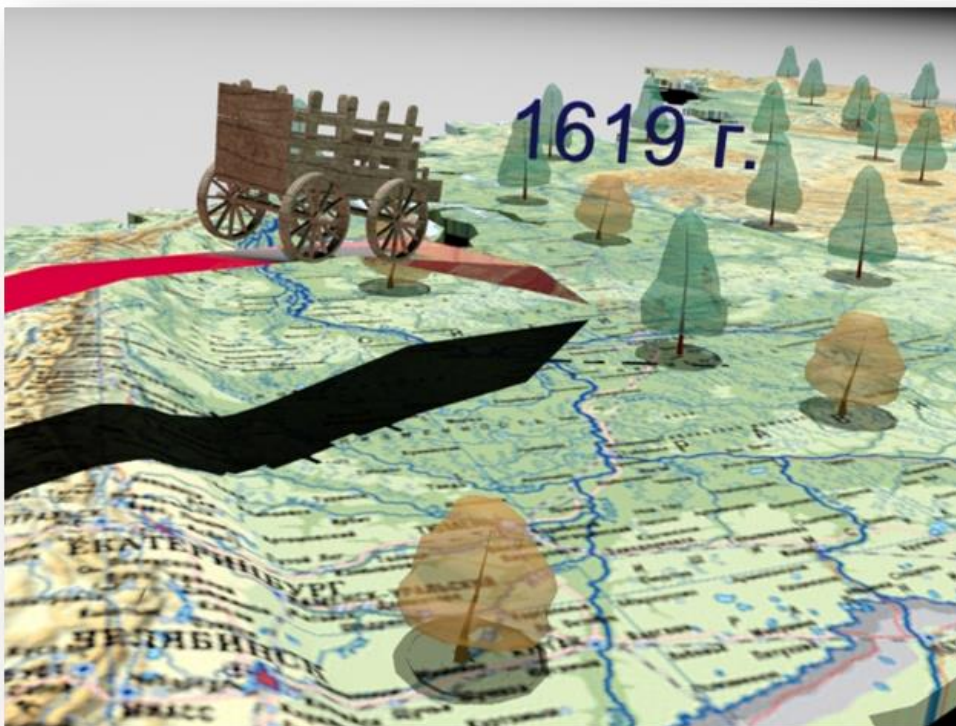

Рис. 3. Модель с элементами анимации

В итоге получился видеоролик длиной в несколько минут, наглядно отображающий процесс миграции польского населения.

Несмотря на ряд трудностей, которые возникли в процессе создания инфографики, следует сказать, что визуализация получилась удачной. Самые серьезные проблемы возникли в связи с отсутствием изначально качественных текстур. Трудно найти высококачественную карту разрешением больше чем 4 000×4 000 пикселей. Сканирование карты из атласов – вариант приемлемый, но в процессе сканирования на изображении появляются разнообразные артефакты. Также проблемой стала небольшая деформация текстуры (карты) относительно модели (объемного контура России). Создание высокодетализированной поверхности оказалось нерентабельным – слишком сложная становится модель и компьютер уже не в состоянии оперативно и безошибочно обрабатывать ее. С другой стороны, нет необходимости столь точно отображать детали рельефа. Достаточным оказалось отобразить лишь самые крупные горные массивы (Урал, Тибет).

Глоссарий

- Рендеринг – процесс визуализации компьютерной модели в графике.
- DPI (dots per inch) – количество точек на дюйм, определяющие качество графики.
- Трассировка растрового изображения – процесс перевода растровой графики по определенному алгоритму в векторную с помощью специального программного обеспечения.
- Модификатор – алгоритм, изменяющий форму или свойство моделируемого объекта.

Список литературы

1. Google maps. URL: <https://www.google.ru/maps/>.
2. Скальский А. Поляки в Сибири // Восточно-Сибирская правда. 29.06.2002.
3. Б. а. Polish experts lower nation's WWII death toll. URL: http://www.expatica.com/de/news/Polish-experts-lower-nations-WWII-death-toll_164804.html.
4. Jerzy Jan Lerski et al. Historical Dictionary of Poland 966-1945. London: Greenwood Publishing Group, 1996. 784 с.
5. География. 7 класс: атлас / под ред. Н. А. Курбского. М.: Дрофа, 2016.
6. География. 9 класс: атлас / под ред. А. Н. Приваловской. М.: ДИК. 2012.

УДК 329.78(571.14)

Е. С. Иванова¹, Н. Н. Касенова²

¹ Направление «Педагогическое образование», профиль «Начальное образование»,
Институт детства, Новосибирский государственный педагогический университет

² Кандидат педагогических наук, старший преподаватель ПИМНО Института детства
Новосибирского государственного педагогического университета

МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ г. НОВОСИБИРСКА КАК УСПЕШНАЯ ПЛАТФОРМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

В наше время становится особо актуальным вопрос формирования этнической мобильности молодежи. Все мы знаем, что процессы культурной динамики проявляются в способности сложных культурных систем адаптироваться к меняющимся внешним и внутренним условиям своего существования. Возникает множество вопросов: какую деятельность осуществляют различные организации, направленную на этническое самоутверждение и самоопределение? Широка ли сфера распространения традиций и их перерождение, возможно ли сохранение традиций определённой этнической группы? Какие факторы культурной динамики этноса влияют на развитие этнической культуры в большей мере, а какие – в меньшей? В Новосибирской области распространено взаимодействие культур разных этносов, для которых характерна целостность, наличие упорядоченных тенденций, а также направленный характер. Но как вы могли наблюдать, становится всё меньше народов, придерживающихся чётких рамок традиций, определённых правил общения с другими народами, уклада, быта и т. д., происходит трансформация сущности и природы этничности, а где-то вовсе забывание особенностей традиций этносов.

В связи с данным обстоятельством мы ознакомились с понятием «этническая мобильность» – термин, употребляемый в этнографии и культурологии для обозначения деятельности, направленной на этническое самоутверждение и самоопределение [2].

Данное понятие подтверждает необходимость организации мероприятий, которые позволят сформировать у молодежи их этническую идентичность и помогут им приблизиться к своим корням и прошлому своего народа.

Традиционная этническая культура определяет и нормирует все аспекты жизнедеятельности этноса: уклад жизни, формы хозяйственной деятельности, обычаи, обряды, регулирование социальных взаимоотношений членов сообщества, тип одежды, питания, отношения с природой, миром, предания, верования, поверья, знания, язык, фольклор как знаково-символическое отражение традиции [1]. Столкновение этих деталей даёт интересные результаты дальнейшего существования культуры как таковой. В качестве примера можно рассмотреть Новосибирскую область и те мероприятия, которые способствуют сплочению молодежи и приобретению опыта своего народа (день города, день народного единства и т. д.).

Что же касается молодежных объединений, то в Новосибирске известны губернаторские центры, направленные на развитие молодёжи, одним из которых является креативное пространство «Тут». Данное молодежное объединение постоянно проводит, мастер-классы, игры, кинопросмотры, тренинги, квартирники и многое другое.

На данные мероприятия может прийти каждый как к себе домой. Здесь можно читать книжку, работать, играть, знакомиться с хорошими людьми, посещать мероприятия, заниматься творчеством, пить чай или кофе и делать практически всё что угодно, если это не нарушает свободу других.

«ТУТ» всегда открыт творческим людям, которые не просто готовы впитывать в себя новые оригинальные идеи, но и делиться ими с окружающими – ты сможешь реализовать свои творческие идеи и даже провести своё мероприятие.

Подробно остановимся на мероприятиях, которые можно провести каждому, кто в какой-либо теме заинтересован.

Интересным событием центра «ТУТ» является просмотры художественных фильмов о малых народах Сибири и Дальнего Востока. Здесь подробно рассказывают историю появления народов, интересные факты о них. Затем идет процесс анализа, который выражается в обсуждении значимости данного фильма для культуры и развития народов и всего государства в целом.

Следующими важными событиями являются мастер-классы: мехенди (рисование хной), изготовление ловцов снов, энкаустика (картины утюгом и восковыми мелками), браслеты из кожи, арт-пикники. Они позволяют расширить кругозор молодежи, увидеть новые культуры под определенным углом, научиться создавать этнические произведения искусства.

Один из последних мастер-классов проводил работник эколого-этнического центра Александр Мокеров: «Жизнь сводила меня с мастерами Бурятии, Тывы, Алтая, Камчатки и Мурманска, у которых я с удовольствием перенимал различные секреты мастерства». После посещения мастер-класса по изготовлению браслетов из кожи, был проведен опрос участников, в том числе и руководителя [3].

Нам стало интересно, все ли мероприятия направлены лишь только на обучение новому ремеслу и развитию молодёжи или эти мероприятия имеют иной подтекст. Ответ Мокерова Александра: «Для меня вопрос никогда не сводился к ремеслу. Собственно, изначально человек вышел из леса. Природная среда вместе со всеми ее погодными условиями, ветрами снегом и жарой как колыбель наша, словно мать, укачивающая младенца. Шаг на пути прогресса технического должен сопровождаться равным шагом на пути прогресса морального. Но в итоге Человек создал себе отличную техническую базу, максимально облегчил свой быт и тем самым разорвал связь со своими истоками, с природной средой. Изучение традиционной культуры – это в первую очередь попытка восстановить эту связь, увидеть традиции, прочно вплетающиеся в смену времен года и промыслы, характерные для той или иной местности... При этом знания не должны уподобляться «мертвичине» научных исследований или оторванной от реальности реконструкцией. Они должны быть плотно вплетены в реальность, в современные условия быта и в цели человека».

Проведя беседу с руководителем мастер-класса, мы услышали ответ, похожий на определение этнической мобильности, то есть в Новосибирске преследуется цель не только научить людей чему-то новому, но и укоренить в памяти особенности этнической принадлежности, а также просветить в области культуры и традиций разных народов.

После мастер-класса, всем участникам был задан вопрос «Что нового вы почерпнули для себя из этого мастер-класса?». Ответы респондентов разделились так: 96 % – научились новому виду деятельности, приобрели новых знакомых, узнали и вспомнили историю некоторых народов; 4 % – смогли осуществить новый вид деятельности с помощью руководителя.

Таким образом, важность молодежных объединений в формировании этнической мобильности неоспорима. Этническая мобильность складывается под влиянием определённых факторов: движущих сил, источников и условий их реализации, лежащих в основе развития этнической культуры. В литературе распространена точка зрения, что в современном мире значимость традиций резко снижается. Но результаты опроса оказались другими, та молодежь, которая посещает подобные мероприятия, намного больше владеет общекультурными ценностями, чем та молодежь, которая не посещает их.

Именно те объединения, которые работают с молодежью, помогают сплотить и объединить население города. Это свидетельствует о важности в поддержании таких объединений не только со стороны самих участников, а также всего государства.

Список литературы

1. Иванова Ю. В. Этнос: социокультурная динамика и традиции: автореферат дис. ... д-ра филос. наук. М., 2000. 48 с.
2. Нездемковская Г. В. Зарождение и развитие этнопедагогике России. М.: Просвещение, 2011. 166 с.
3. Центр эколого-этнического воспитания. URL: <https://vk.com/dendroparknsk/>.

УДК 504.75

Е. И. Парфенова¹, Н. М. Чебакова², Е. Г. Швецов³

¹*Кандидат биологических наук, сотрудник Института леса им. В. Н. Сукачева СО РАН, ФИЦ КНЦ СО РАН*

²*Доктор биологических наук, старший научный сотрудник Института леса им. В. Н. Сукачева СО РАН, ФИЦ КНЦ СО РАН*

³*Кандидат технических наук, научный сотрудник Института леса им. В. Н. Сукачева СО РАН, ФИЦ КНЦ СО РАН*

КЛИМАТ В АСПЕКТЕ КОМФОРТНОСТИ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ИЗМЕНЕНИИ КЛИМАТА В СРЕДНЕЙ СИБИРИ В XXI ВЕКЕ⁴

Л. Н. Гумилев связывал миграции кочевых народов с изменениями климата [1].

С развитием цивилизации человек перестал напрямую зависеть от климатических условий окружающей среды. По образному выражению Б. Б. Прохорова [2], «броня цивилизации» позволила человеку преодолевать дискомфорт среды ценой технологических или экономических затрат. Однако в начале XXI века широко известные данные дистанционного зондирования Suomi NPP показывают, что ночная освещенность территории Сибири, которая ассоциируется с плотностью населения, проходит в основном вдоль Транссибирской магистрали по зоне лесостепи, обладающей оптимальными для человека условиями тепло- и влагообеспеченности.

Тема глобальных изменений климата обсуждается в научном сообществе уже несколько десятилетий, однако не так много исследований посвящено анализу влияния этих изменений на процессы миграции [3].

Цель настоящего сообщения – рассмотреть условия для проживания человека на территории Средней Сибири с точки зрения суровости/комфортности климата, характеризующих суммой отрицательных температур ниже 0 °С и наличием вечной мерзлоты, которые будут меняться под влиянием прогнозируемого потепления климата к концу века.

Объекты и методы

Существует около 30 показателей, используемых для характеристики эколого-ресурсного потенциала территории, необходимого для жизни и деятельности человека, на основе которых создаются карты оценки природных условий жизни населения [4; 5]. Климатические показатели обычно включают: эффективные эквивалентные температуры января и июля; теплоощущение человека зимой и летом; температурные режимы зимы и лета; продолжительность экстремального периода и безморозного периода; продолжительность отопительного периода; годовые амплитуды среднесуточных температур; сумму температур за вегетационный период; продолжительность пасмурного периода; продолжительность периода с осадками; продолжительность периода со снегом; силу ветра; среднегодовую продолжительность метелей; среднюю оценку совокупности климатических

© Парфенова Е. И., Чебакова Н. М., Швецов Е. Г., 2017

⁴ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 16-05-00496.

условий. В районировании территории России по условиям жизни населения выделяются семь зон: I – абсолютно дискомфортная, II – экстремально дискомфортная, III – дискомфортная по теплообеспеченности, IV – относительно дискомфортная, V – условно (относительно) комфортная, VI – комфортная, VII – дискомфортная (по водообеспеченности). Наибольшей комфортностью обладают природные условия крайнего запада Русской равнины и Предкавказья, а также отдельные участки приокских и приволжских территорий, принадлежащие зонам смешанных и широколиственных лесов и частично степным и лесостепным ландшафтам. Основной массив степных, лесостепных, подтаежных и южнотаежных ландшафтов входит в зону благоприятных условий жизни населения. Сюда же отнесена южная часть Приморья и Приамурья. Среднеблагоприятными условиями обладают ландшафты средней и отчасти северной тайги. Арктические, субарктические и северотаежные ландшафты относятся к категории малоблагоприятных и неблагоприятных [4, 5].

В настоящем сообщении рассматривается территория Средней Сибири в окне с координатами 85–105 в.д. и 51–75 с.ш., включающая Красноярский край, Республики Хакасия и Тыва. Для характеристики суровости климата мы вслед за [6] будем использовать два показателя: сумму отрицательных температур ниже нуля и присутствие вечной мерзлоты. Для показателя сумм отрицательных температур были приняты следующие градации, характеризующие суровость климата.

Таблица

Градации суровости климата по [6]

Условия для проживания человека	Суммы температур ниже 0 °С
Абсолютно экстремальные	Ниже –6 251
Экстремальные	–5 001 до –6 250
Суровые	–3 751 до –5 000
Неблагоприятные	–2 501 до –3 750
Умеренные	–1 251 до –2 500
Относительно благоприятные	Выше –1 250

Второй показатель суровости условий окружающей среды – наличие вечной мерзлоты. Географическое положение границы вечной мерзлоты рассчитывалось на основе климатических индексов тепло- и влагообеспеченности и годового количества осадков [7].

Для определения параметров климата Средней Сибири конца текущего века были использованы данные CMIP 5 (IPCC 2013, www.ipcc-data.org). Были обработаны данные 10 моделей общей циркуляции атмосферы и океана (МОЦАО) ведущих мировых климатических центров. Для исследуемой территории мы проанализировали прогнозные изменения аномалий январской температуры в соответствии со сценариями rcp 2.6 и rcp 8.5, представляющими наиболее мягкий и наиболее жесткий сценарии изменения климата, для 10 МОЦАО к 80-м годам текущего века (условный временной срез 2070–2099 годов). Усредненные по территории Средней Сибири аномалии январской температуры показаны на рис. 1, из которого видно, что для нашей территории разные МОЦАО дают значения аномалий январской температуры, различающиеся в разы. Поэтому на их базе путем простого усреднения был рассчитан ансамблевый сценарий изменения для каждого метеопараметра (температуры января и июля и годового количества осадков) для конца текущего века, по которым были построены слои сумм отрицательных температур и границы вечной мерзлоты.

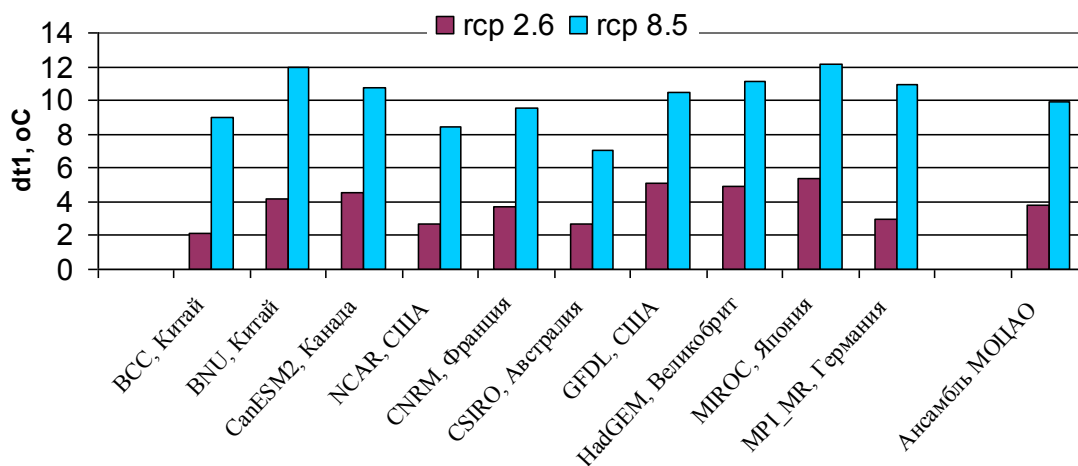

Рис. 1. Аномалии январской температуры для территории Средней Сибири по CMIP 5 (www.ipcc-data.org)

Результаты

Построенные карты суровости условий территории Средней Сибири (рис. 2) демонстрируют, что современный климат в целом может быть охарактеризован как суровый и неблагоприятный, за исключением зоны умеренных условий, которая субширотно повторяет расположение зоны лесостепи и лишена неблагоприятного влияния вечной мерзлоты.

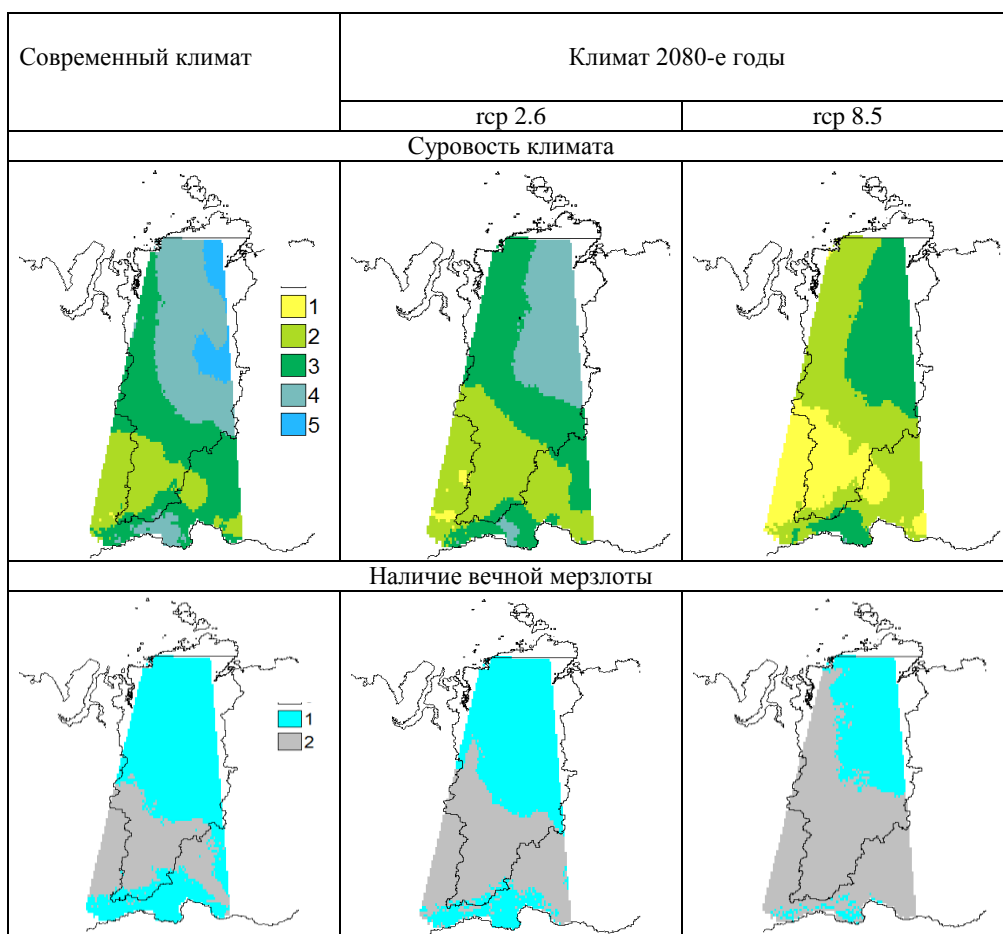

Рис. 2. Степень суровости климата (верхний ряд): 1 – относительно благоприятный; 2 – умеренный; 3 – неблагоприятный; 4 – суровый; 5 – экстремальный. Присутствие вечной мерзлоты (нижний ряд): 1 – зона вечной мерзлоты; 2 – территория, свободная от вечной мерзлоты

Как следует из прогнозных расчетов, к середине 2080-х годов на территории Средней Сибири произойдет смягчение климата, и большую часть территории будут занимать зоны с умеренными условиями и, в зависимости от сценария, с большим или меньшим участием зоны относительно благоприятных условий.

Сопоставление карт показателя суровости климата и плотности населения для территории России [5, 6] демонстрирует хорошую корреляцию между ними и позволяет сделать вывод, что прогнозируемое смягчение климата в будущем может привести к повышению миграционной привлекательности территории Средней Сибири к концу текущего века.

Список литературы

1. Гумилев Л. Н. Изменения климата и миграции кочевников // Природа. 1972. № 4. С. 44–52.
2. Прохоров Б. Б. Экология человека. 2010. 320 с.
3. Пиге Э., Пеку А., Гюктенер П. де. Миграция населения и изменение климата // География и природные ресурсы. 2012. № 2. С. 5–14.
4. Web-Атлас: Окружающая среда и здоровье населения России. 2003. URL: www.sci.aha.ru/ATL.
5. Виноградова В. В., Золотокрылин А. Н., Кренке А. Н. Районирование территории Российской Федерации по природно-климатическим условиям // Изв. РАН, серия географич. 2008. № 5. С. 106–117.
6. Заболотник С. И. Суровость климатических условий на территории России // География и природные ресурсы. 2010. № 3. С. 69–74.
7. Tchebakova N. M., Parfenova E. I. and Soja A. J. Climate change and climate-induced hot spots in forest shifts in central Siberia at the turn of the 21st century // Regional Environ. 2011. Research doi: 10.1007/s 10113-011-0210-4.

УДК 314.151:81'27

М. Е. Шмальц

Научный сотрудник отделения английского языка и языковой типологии факультета философии и филологии при университете им. Йоганна Гутенберга, г. Майнц (ФРГ)

МИГРАЦИОННАЯ ТРАВМА КАК ФАКТОР ОБЕДНЕНИЯ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ: ПРИМЕР НИЖНЕКОЛЫМСКИХ ЮКАГИРОВ

Юкагиры являются коренным малочисленным народом Сибири. С культурной и языковой точки зрения можно говорить о двух юкагирских субэтнусах, проживающих соответственно в низовьях (тундренные юкагиры) и верховьях (лесные юкагиры) Колымы. Языки обоих субэтносов находятся под угрозой полного исчезновения: число компетентных носи-

телей языка нижнеколымских юкагиров исчисляется несколькими десятками, в то время как языком верхнеколымских юкагиров в полной мере владеет всего несколько человек. Кибрик [1, с. 267], разработавший пятиступенчатую шкалу, определяющую жизнеспособность языка, поместил юкагирский язык в группу III. Таким образом, юкагирский язык, уже почти 30 лет находившийся в одном шаге от того, чтобы оказаться признанным «смертельно больным» [1, с. 264], в наше время, несмотря на определённые усилия, принимаемые к его сохранению, как-то: обучение юкагирскому в начальной школе с 1979 года [2, с. 113] с последующим введением этого предмета в программу обучения в средней школе, создание юкагирской письменности, издание литературы на юкагирском языке и трансляция радиопередач на нём, – по всей видимости, может считаться таковым. Особую остроту положению юкагирского языка придаёт тот факт, что он практически перестал передаваться от старшего поколения к младшему.

К такому плачевному положению привело в первую очередь существенное снижение числа юкагиров как таковых (с предположительно 9 000 во время прихода русских первопроходцев на Колыму до 442 по данным переписи 1959 года [3, с. 23]). Не менее существенную роль в утере юкагирским языком общественной значимости и, как следствие, в его обеднении или даже утрате сыграло образование в 30-х годах школ-интернатов, в которых юкагирские дети пять дней в неделю обучались в отрыве от семьи, а также осуществлённое в середине 50-х годов в ходе укрупнения коллективных хозяйств переселение юкагиров из моноэтнического поселения Тустах-сень в новообразуемый многонациональный укрупнённый колхоз при посёлке Андрюшкино Нижнеколымского района Якутской АССР.

В особенности вышеупомянутый централизованный миграционный процесс пагубно отразился на юкагирском языке в силу следующих обстоятельств. Несмотря на то, что, со слов самих носителей языка, детям под угрозой наказания запрещалось разговаривать на родном языке в школах-интернатах, на выходных и каникулах они снова окунались в родную языковую среду. Более того, поскольку юкагирские колхозы "Светлый путь" и "Оленевод" весьма успешно занимались хозяйственной деятельностью, можно предположить, что по крайней мере внутри колхозов, где юкагиры сами определяли общественно-культурную повестку дня, юкагирский язык обладал высоким престижем. Это отразилось в частности в том, что нижнеколымские юкагиры в начале 50-х годов открыли собственную начальную школу, смягчая таким образом отрицательное воздействие на юкагирский язык школ-интернатов. Как отмечает Курилов, «всё это положительно влияло на этническое самосознание жителей и способствовало сохранению традиционной культуры и широкому распространению юкагирского языка на всей территории колхоза» [4, с. 20]. Это временное возрождение юкагирского языка было прервано, когда его носители после переселения оказались на новом месте проживания, по сути, одним из этнических меньшинств [5], вынужденных прибегать к помощи иного языка (поначалу якутского, в более позднее время – русского) для полноценного общения со своими односельчанами, что не могло не сказаться на состоянии юкагирского языка у представителей подрастающего поколения. Имели место и явные общественные эксцессы, когда, опять-таки со слов самих юкагиров, при переписи населения этнических юкагиров записывали в эвены, оправдывая это тем,

что такого народа, как юкагирский, попросту не существует. Этим, вероятно, в определённой мере можно объяснить крайне низкое количество зарегистрированных юкагиров в ходе переписи 1959 года (см. выше). Неудивительно, что в таких обстоятельствах носители языка развили в себе отношение к родному языку, не подразумевавшее склонности к тому, чтобы сохранять его. Даже те немногие из юкагиров, которые постоянно живут в тундре и стараются прививать родной язык своим детям, перестают делать это по достижении их детьми школьного возраста, что делает необходимым переезд в Андриюшкино (микромиграция), мотивируя это тем, что ребёнок должен сначала овладеть имеющим несравненно большее значение в российском обществе русским языком. Такое отношение со стороны старших ведёт к тому, что и дети, осознавая низкий общественный престиж родного языка, который, впрочем, для большинства юкагирских детей можно так назвать лишь с большой натяжкой, не желают им овладевать в полной мере. Даже существенный прирост юкагирского населения (1 509 человек по переписи 2002 года [6, с. 12]) и создаваемые государством возможности для изучения юкагирского языка в школе не оказывают должного воздействия. Язык воспринимается детьми на уровне английского, как иностранный с той лишь разницей, что последний может иметь практическую пользу в их жизни. Красноречивым свидетельством такому положению вещей явился разговор с одним из пожилых юкагиров, с готовностью нашедшим причины, по которым его внучке следовало бы овладеть русским и английским языками, но на возражение о том, что и юкагирский не стоило бы забывать, лишь нетерпеливо махнув рукой. Представляется уместным предположить, что не возможность, а необходимость употребления родного языка является залогом его сохранения.

Налицо, таким образом, так называемая «культурная травма» [7], обусловленная двумя типами миграции: приходом иной доминирующей культуры (в данном случае якутской и русской) и уходом в среду иной доминирующей культуры. Примечательно, что более сильное непосредственное воздействие на жизнеспособность языка оказывает последняя. До тех пор, пока сохраняется известная степень изоляции от доминирующей культуры, та не может привести к угасанию языка. В этой связи можно привести пример многих языков Дагестана и Памира, сохраняющихся и по сей день, несмотря на малое количество носителей, благодаря своей географической обособленности и вытекающей из неё обособленности языковой [1, с. 259].

Последствия культурной травмы для юкагирского языка можно наиболее отчётливо показать на примере упрощения, которому подверглась система актуального членения предложения в языке носителей, рождённых после 1950 года. В юкагирском языке логическое выделение того или иного члена предложения достигается не только и не столько интонационно либо с помощью изменения порядка слов в предложении, сопряжённого иногда с использованием особых синтаксических конструкций, как в русском или других хорошо известных европейских языках, но благодаря морфологическим средствам. Приведенные ниже примеры иллюстрируют изменения в форме слов в соответствии с тем, какой член предложения логически выделен: сказуемое, представленное непереходным (1) и переходным (2) глаголом, подлежащее при непереходном глаголе (3), подлежащее при переходном глаголе (4), прямое дополнение (5) и обстоятельство (6).

- (1) Уо *мэ=кэлу-й.*
ребёнок PREDF=приходить-INTR.3SG
„Ребёнок **пришёл**.“ (а не, например, ушёл)
- (2) Уо *альба-лэ мэ=лэв-м.*
ребёнок рыба-ACC PREDF=есть-TR.3SG
„Ребёнок рыбу **съел**.“ (а не, например, поймал)
- (3) Уо-лэәкэлу-л.
ребёнок-FOC приходить-SF
„Пришёл **ребёнок**.“ (а не, например, взрослый)
- (4) Альба-лэ уо лэв.
рыба-ACC ребёнок.FOC есть.AF
„Рыбу съел **ребёнок**.“ (а не, например, взрослый)
- (5) Уо *альба-лэә лэв-мэлэ.*
ребёнок рыба-FOC есть-TR.3SG.OF
„Ребёнок съел **рыбу**.“ (а не, например, мясо)
- (6) Уо *альба-лэ а́бинэә лэв-м.*
ребёнок рыба-ACC тайком есть-TR.3SG
„Ребёнок съел рыбу **тайком**.“ (а не как-либо иначе)

У носителей юкагирского языка, родившихся после 1950 года, отмечаются разного рода отклонения от классической системы актуального членения предложения. Так, в ответ на вопрос, который однозначно требует употребления схемы приведённой в примере (5), употребляется схема, отражённая в примере (6).

- (7) *Нэмэ-лэ Катя мери-млэ? – Катя йахтэ-лэ мери-м.*
что-ACC Катя слышать-TR.3SG.OF Катя песня-ACC слышать-TR.3SG.OF
„Что услышала Катя?“ „Катя услышала песню?“

В то время как старшие представители этого поколения признавали свою ошибку, если им на неё указывалось, то более молодые носители утверждали, что оба варианта правильны.

Самым сильным отклонением была подвержена схема выделения подлежащего при непереходном глаголе. В зависимости от возраста носителей в первую очередь происходила утрата приимённого суффикса *-лэә*, затем его употребление рассматривалось грамматически неправильным, причём глагол также терял соответствующий показатель логического выделения, суффикс *-л*. На этой ступени носители языка по крайней мере строили вопросы, учитывая требования системы актуального членения предложения. На последней ступени происходила утрата необходимых показателей и в вопросе. Поскольку, так же как и в предложениях с логическим выделением прямого дополнения, здесь начинала употребляться конструкция, предназначенная для логического выделения обстоятельств (см. (6)). Можно говорить о том, что распад системы актуального членения предложения сопровождается обобщением в пользу этой языковой схемы, что ведёт к размыванию и её функции. Такой выбор носителей юкагирского языка предположительно связан с тем, что она относительно слабо маркирована и имеет наибольшее типологическое сходство с глагольными формами русского и якутского языков.

Список сокращений

З = третье лицо; ACC = винительный падеж; A = подлежащее при переходном глаголе; F, FOC = логически выделенный член предложения (фокус); INTR = показатель непереходности; O = прямое дополнение; PRED = сказуемое; S = подлежащее при непереходном глаголе; SG = единственное число; TR = показатель переходности

Список литературы

1. Kibrik A. E. The Problem of Endangered Languages in the USSR. *Endangered Languages*. Eds. Robert H. Robins and Eugenius M. Uhlenbeck. Oxford: Berg, 1991. P. 257–273.
2. Курилов Г. Н. Программа возрождения языка и культуры юкагиров. Проблемы возрождения исчезающих юкагиров / ред. И. Е. Томский. Якутск: Северовед, 1996. С. 112–124.
3. Донской Ф. С. Население: расселение и демографическая ситуация. Проблемы возрождения исчезающих юкагиров / ред. И. Е. Томский. Якутск: Северовед, 1996. С. 22–33.
4. Курилов Г. Н. Фольклор юкагиров // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 25 / гл. ред. А. П. Деревянко. М., Новосибирск: Наука, 2005.
5. Астахова И. С. Самоуправления юкагиров Якутии: история становления и современность. *Современные проблемы науки и образования*. № 6. 2013. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10937>.
6. Батянова Е. П., Тураев В. А. Введение. Народы северо-востока Сибири / отв. ред. Е. П. Батянова, В. А. Тураев. М.: Наука, 2010. С. 8–18.
7. Штомпка П. Социальное изменение как травма // *Социологические исследования*. 2001. № 1. С. 6–16.

УДК 329.7(571.14)

С. А. Мадюкова¹, О. А. Персидская²

¹ Кандидат философских наук, научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

² Младший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

ЭТНИЧЕСКИЕ АНКЛАВЫ В ПРОСТРАНСТВЕ г. НОВОСИБИРСКА

Большинство современных крупных городов России являются привлекательными для трудовых мигрантов, что приводит к интенсификации миграционных потоков и появлению

этнических анклавов трудовых мигрантов на их территориях. Само понятие «анклав» происходит от латинского *inclavatus* – «закрытый» и изначально обозначает часть территории государства, полностью окруженную территорией другого государства. Однако в настоящее время данный термин актуализирован в этническом срезе. Наиболее часто этнический анклав понимается как место компактного проживания одного этноса (этнической группы), окруженное территорией проживания другого этноса (группы этносов). Мы будем понимать под этническим анклавом локализацию по этническому признаку в местах проживания, в разделении труда и пр.

Важно понимать двойственность природы формирования этнического анклава. С одной стороны, и здесь стоит согласиться с В. И. Мукомелем и И. М. Кузнецовым, анклавизация – результат политики принимающего сообщества. «И дело не только в бытовых, чаще всего не складывающихся отношениях между представителями общины и местным населением. Огромное значение приобретает действенность социальных, экономических, культурных институтов, призванных обеспечивать социализацию населения. Однако в современных условиях они слабо ориентированны на социализацию мигрантов, прибывающих из других социумов» [1, с. 34]. В данном контексте одной из ключевых причин возникновения этнических анклавов, на наш взгляд, является рост антимигрантских настроений у принимающего сообщества в современности. Представители принимающего сообщества руководствуются популярными в обществе стереотипами и предрассудками, проецируя их «по умолчанию» на всех этнических мигрантов (подробнее о формировании стереотипов восприятия мигрантов см. [3, с. 112–119; 3, с. 47]).

С другой стороны, анклавизация имеет природу осознанной стратегии адаптации «по легкому пути» самих мигрантов к принимающему обществу, что обусловлено низким уровнем готовности сообщества мигрантов к интеграции в местное сообщество. Причинами такой стратегии могут являться сложная бюрократизированная процедура оформления регистрации и разрешения на работу, плохое знание русского языка и российского законодательства, представление (не обосновательное) о принимающей среде как враждебно настроенной.

Таким образом, в современных российских городах нередко локально воспроизводится этнокультурная система и социальная структура «страны исхода» на новой территории. С одной стороны, анклавизация имеет положительные стороны для мигранта, нередко в прошлом сельского жителя, упрощая и минимизируя его взаимодействия с принимающим обществом. С другой стороны, опора на традиционные структуры и практики «исключённого» проживания препятствуют социализации и адаптации к городской среде, преодолению языкового барьера (нередки случаи незнания русского языка, или знания лишь минимально необходимого набора фраз), мигранты лишены доступа к образованию, повышению профессиональной квалификации. Кроме того, «проблематичность существования такой среды в том, что она имеет тенденцию превратиться в устойчивую, преемственную и саморазвивающуюся теневую достаточно сильно коррумпированную субкультуру с соответствующей обслуживающей инфраструктурой, включающей местных жителей и официальных лиц разного уровня и с вероятной привязкой к определенным территориям принимающего сообщества, то есть в некоторый конфликтоген-

ный многонациональный анклав городской среды» [1, с. 33]. Таким образом, успешность взаимной адаптации принимающего сообщества и мигрантов является актуальнейшей задачей современности, которая ждёт своего решения.

Наличие и территориальное расположение очагов межэтнической напряженности и этнических анклавов на карте г. Новосибирска выяснялось в ходе экспертных интервью, проведенных исследователями из Института философии и права Сибирского отделения РАН и Новосибирского государственного технического университета в 2016 году в рамках работ по гранту РГНФ №16-03-00144 «Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: построение системы показателей и апробация в деятельности органов муниципального управления города Новосибирска» (руководитель Ю. В. Попков). В качестве экспертов были выбраны представители научного сообщества, имеющие опыт исследований межэтнических отношений и миграционных процессов, а также специалисты администраций, социальных и культурных учреждений города, работающие, в том числе, с мигрантами. Эмпирическую базу данной работы составили 13 интервью, десять из них – с представителями научного сообщества, три – с административными работниками и специалистами социальных и культурных учреждений города.

На основе анализа интервью можно заключить, что экспертное сообщество скорее склоняется к тому, что в Новосибирске проблема этнических анклавов стоит не остро. Зачастую эксперты называли этническими анклавами территории, где концентрировано проживает значительное число трудовых мигрантов, которые воспринимаются принимающим сообществом как выбивающиеся из общей этнической картины города. В числе таких территорий эксперты упомянули рынки и некоторые окраины города, что, на наш взгляд, объяснимо двумя факторами – разделением труда по этническому принципу (трудовые мигранты из регионов Кавказа и Средней Азии заняты, в первую очередь, в таких сферах деятельности, как строительство, обслуживание и торговля, причем именно рыночная) и дешевизной «окраинного» жилья даже в ущерб транспортной доступности. В числе таких территорий эксперты упомянули рынки, которые были зафиксированы как потенциально конфликтные области и в массовом опросе, а особенно – Хилокский рынок в Кировском районе и рынок на Гусинобродском шоссе, а также прилегающий к нему жилмассив на ул. Высоцкого, жилые массивы на Родниках и Снегирах и некоторые окраины города. Аналогичные данные были получены группой исследователей из Института философии и права СО РАН при массовом опросе жителей Новосибирска в 2014 году. Отвечая на вопрос, какие места в Новосибирске могут стать или уже стали очагами межнациональной напряженности, опрошенные особенно выделили Хилокский (49 %) Гусинобродский (48 %), Левобережный (14 %) рынки и прилегающие к ним территории [4, с. 160].

В числе ключевых для формирования зон концентрированного проживания мигрантов факторов эксперты выделили как общие социальные тенденции, связанные со спецификой взаимодействия принимающего сообщества и мигрантов в условиях глобализирующегося общества, так и некоторые специфичные для России в целом и Новосибирска в частности обстоятельства. Среди последних – фактор давления русского принимающего сообщества и социально-культурная специфика состава мигрантов.

Характеризуя зоны концентрированного проживания мигрантов в г. Новосибирске, эксперты обратили внимание прежде всего на практически полную закрытость данных зон для социальных контактов и отметили, что если контакты с жителями таких зон и случаются, то носят вынужденный и эпизодический характер. При этом эксперты не отрицают, что в значительной степени негативным характером взаимоотношения с населением зон концентрированного проживания иноэтничного сообщества наделяет само стереотипно мыслящее принимающее сообщество. Предположения экспертов о том, что находится за границей закрытого сообщества, в целом можно разделить на два типа. Для первого типа характерны представления об анклаве как о потенциально несущем угрозу принимающему сообществу месте. В словах экспертов звучали опасения, связанные с возможной криминальной или экстремистской деятельностью жителей анклавов. Представления второго типа отличает убежденность в том, что анклавы служат временной и наиболее простой формой адаптации для недавно приехавших людей. В целом, говоря об анклавах, эксперты отмечали, что при их физическом присутствии на территории города отсутствует объединение социальной системы анклава с сетью города, иными словами, они адаптированы, но они не интегрированы в культуру.

В числе мер, которые могут способствовать преодолению анклавизации, экспертами названы создание специальных площадок и учреждений для проведения культурных и межкультурных мероприятий (культурно ориентированная стратегия), вовлечение иноэтничного населения в разного рода национально-культурные объединения и правительственные органы (стратегия формализации отношений).

В заключение стоит отметить вселяющий оптимизм факт, что некоторые эксперты предполагают, что проблема анклавизации в России не будет острой и в будущем уже потому, что Россия является многонациональной страной и у ее граждан исторически выработаны практики бесконфликтного межэтнического взаимодействия.

Список литературы

1. Кузнецов И. М., Мукомель В. И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: Ин-т социологии РАН, 2005. 51 с.
2. Мадюкова С. А., Персидская О. А. Субъективные и объективные аспекты восприятия мигрантов в массовом сознании принимающего сообщества (на примере г. Новосибирска) // Сиб. философ. журн. 2015. Т. 13, № 4. С. 112–119.
3. Мадюкова С. А. Стереотипы и заблуждения в восприятии мигрантов принимающим сообществом // Россия – пространство диалога народов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2016. 112 с. С. 47.
4. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / Ю. В. Попков [и др.]; под ред. Ю. В. Попкова; ИФПР СО РАН. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 273 с.

УДК 378:316.614(=1-571.51)

Н. Н. Касенова

*Кандидат педагогических наук, старший преподаватель Психологического института детства
Новосибирского государственного педагогического университета*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

На сегодняшний день, исходя из объективных условий (отсутствие в данной местности соответствующих профессиональных образовательных организаций), большое количество абитуриентов получают образование за пределами своих республик, краев, областей. В связи с этим в г. Новосибирске насчитывается около четырех крупных студенческих землячеств из представителей коренных народов Сибири: алтайское, бурятское, тувинское, якутское. Каждое землячество в течение учебного года активно участвует в студенческой жизни, проводит культурные и спортивные мероприятия (национальные праздники, межвузовские соревнования, пр.). Во время проведения этих мероприятий у каждого из студентов, которые приобщены к своему землячеству, есть возможность не только приобщиться к социокультурной среде города (области, края, республики), но и раскрыть свои таланты (среди студентов много музыкантов, певцов, танцоров, спортсменов) [1, с. 38].

Приехавшие в чужой город студенты оказываются в новой социальной среде, приобретают новую социальную роль. Происходит естественное уменьшение влияния семьи, близких родственников, культурных традиций на их нравственное развитие и профессиональное становление.

Студенты, представители малых коренных народов Сибири, – это особая социальная и возрастная категория населения, характерной чертой которой является необходимость адаптации к изменившимся условиям жизнедеятельности. Специфика возрастных особенностей и трудности, возникающие в связи с необходимостью адаптации к новой социальной и этнокультурной среде, порождают особый спектр проблем и приводят к появлению потребности этих студентов в социально-педагогической поддержке.

История Новосибирска неразрывно связана с судьбами разных народов, которые внесли огромный вклад в его становление и развитие. Сегодня в городе действуют 12 национально-культурных автономий и более 40 общественных национальных организаций культурно-этнической направленности [3, с. 209]. В связи с данным аспектом хочется поделиться исследованием, проведенным мною в 2009х–2016 года, которое более подробно описано в диссертации «Формирование культуры межнационального

общения у представителей коренных народов Сибири в процессе их профессиональной подготовки в педагогическом вузе».

Из табл. 1 видно, что больше всего в НСО проживает бурят – 1 312 человек и тувинцев – 1 253 человека. Меньше всех представителей малочисленных коренных народов Сибири – теленгитов, тубаларов, челканцев, отнесенных в единую группу с алтайцами (табл. 1).

Таблица 1

Национальная принадлежность людей, проживающих в НСО на 2010 год

Национальность	Численность соответствующей национальности	Из них владеющие русским языком
Алтайцы	543	543
Теленгиты	17	17
Тубалары	11	11
Челканцы	7	7
Буряты	1 312	1 312
Тувинцы	1 252	1 239
Якуты (саха)	629	626

Новосибирск является крупнейшим образовательным и научным центром Западной Сибири. Ежегодно тысячи абитуриентов из Сибири, Дальнего Востока, ближнего и дальнего зарубежья поступают в высшие учебные заведения Новосибирска. Государственные вузы Новосибирска предлагают для абитуриентов обширный выбор перспективных образовательных программ, а также фундаментальные и прикладные направления. В связи с этим перед каждым вузом встает вопрос о качестве современного высшего образования, которое будет предложено студентам. Данные качества включают в себя следующие важные составляющие, как информационное и материально-техническое обеспечение образовательного процесса и оснащенность учебных корпусов, наличие спортивно-оздоровительных комплексов и культурно-досуговых центров и т. д. Для иногородних абитуриентов актуальным вопросом является наличие общежитий и условия проживания в них (табл. 2).

Таблица 2

Численность студентов государственных высших учебных заведений, получающих стипендию, и численность студентов, проживающих в общежитиях (тыс. человек)

Численность студентов	2011	2012	2013
нуждающихся в общежитиях	26,9	26,9	30,5
в том числе проживающих в общежитиях	22,5	22,3	25,3

Данные сведения показывают, что численность студентов, нуждающихся в общежитиях, с 2011 по 2013 год выросла с 26,9 до 30,5, что связано увеличением числа студентов из других регионов и Новосибирской области.

Важным показателем, имеющим значение для настоящего исследования, являются миграционные процессы, которые влияют на показатель уровня образования, полученного выпускниками вузов г. Новосибирска. Данный процесс показывает число выбывших и прибывших в регионы: Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Тыва, Республика Саха (Якутия) (табл. 3).

Информация в табл. 3 «Число прибывших и убывших в возрасте 14 лет и старше по регионам» показывает, какое количество человек с высшим профессиональным образованием въехало в регионы. Наибольшее количество человек с высшим образованием въехало в Республику Бурятию (5 506), наименьшее – в Республику Алтай (1 314). В Новосибирскую область со средним общим образованием приехало 10 544 человека. Поскольку крупные вузы и колледжи находятся в г. Новосибирске, основной поток – это студенты, прибывшие с целью получения дальнейшего образования.

Таблица 3

Число прибывших и убывших в возрасте 14 лет и старше по регионам (численность и миграция населения Российской Федерации в 2010 г.)

Регионы	Образование тех, кто прибыл		Образование тех, кто выбыл	
	Высшее профессиональное (высшее)	Среднее общее (полное)	Высшее профессиональное (высшее)	Среднее общее (полное)
Республика Алтай	1 314	-	-	954
Республика Бурятия	5 506	-	-	5 049
Республика Тыва	1 639	-	-	3 253
Новосибирская область	-	10 544	9 504	-
Республика Саха (Якутия)	3 902	-	-	5 292

Рассмотрев основные статистические данные по регионам и отдельно по Новосибирску, необходимо отдельно обратиться к Новосибирскому государственному педагогическому университету и студентам – представителям коренных народов Сибири, обучающимся в стенах данного вуза.

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» является одним из крупных педагогических вузов Сибири и Дальнего Востока. Основное направление вуза – подготовка будущих педагогических работников. Также вуз обучает специалистов непедагогических профилей (туризм, менеджмент, экономика, реклама и т. п.).

Университет обладает развитой информационно-образовательной средой. В НГПУ реализуются многие научные фундаментальные и прикладные исследования за счет финансовой (грантовой) поддержки российских и международных научных фондов (в объеме более 6 млн руб. в год). На сегодняшний день в вузе сложились семь крупных научных школ, разрабатываются 20 комплексных тем по девяти отраслям наук.

В связи с этим необходимо обратить внимание на следующий материал (опрос), который представлен на сайте <http://nsru.ru/>: «Опрос для первокурсников университета». Данный опрос покажет основные факторы, которые явились определяющими для представителей коренных народов Сибири при поступлении в НГПУ (табл. 4).

В данном опросе первокурсникам необходимо было указать те факторы, которые способствовали им в выборе НГПУ для поступления (при выборе факторов первокурсник мог выбрать несколько вариантов ответа).

Результат выявил тройку основных факторов: на первом месте – наличие бюджетных мест, на втором – наличие интересующего профиля обучения и на третьем месте – государственный статус вуза. Все остальные факторы значительно уступают в выборе абитуриентами НГПУ, что видно из результатов опроса.

Следующей важнейшей информацией для исследования является примерное количество поступающих из интересующих нас регионов. Нами был выполнен запрос в приемную комиссию о количестве поступающих из других субъектов РФ: Республик Алтай, Бурятия, Тыва, Якутия (Саха).

Таблица 4

Опрос для первокурсников университета

Вопрос	Ответ
Наличие бюджетных мест	228
Наличие интересующего профиля обучения	224
Государственный статус вуза	170
Разнообразная, интересная студенческая жизнь	71
Наличие общежитий	66
Внешний вид, состояние учебных корпусов, аудиторий	56
Популярность выпускников НГПУ среди работодателей, престижность диплома	44
Транспортная доступность вуза, близость к месту проживания	41
Отзывы выпускников вуза	32
Мнение родителей	29
Мнение учителей	21
Частота появления информации о НГПУ в СМИ, социальных сетях	18

Из данной информации мы видим, что в 2013/14 учебном году приемной комиссией был сделан подробный отчет, результаты которого представлены в следующих графиках (рис. 1, 2).

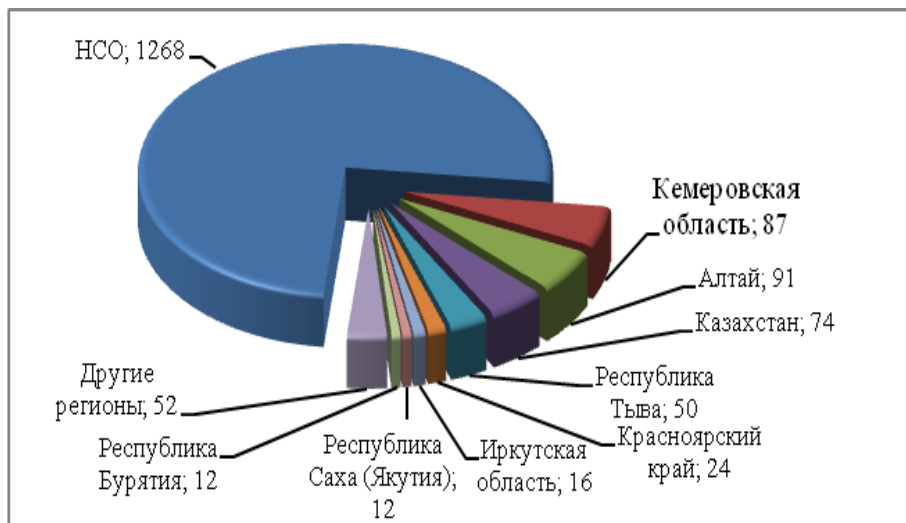

Рис. 1. География поступающих в 2013 году (бюджет)

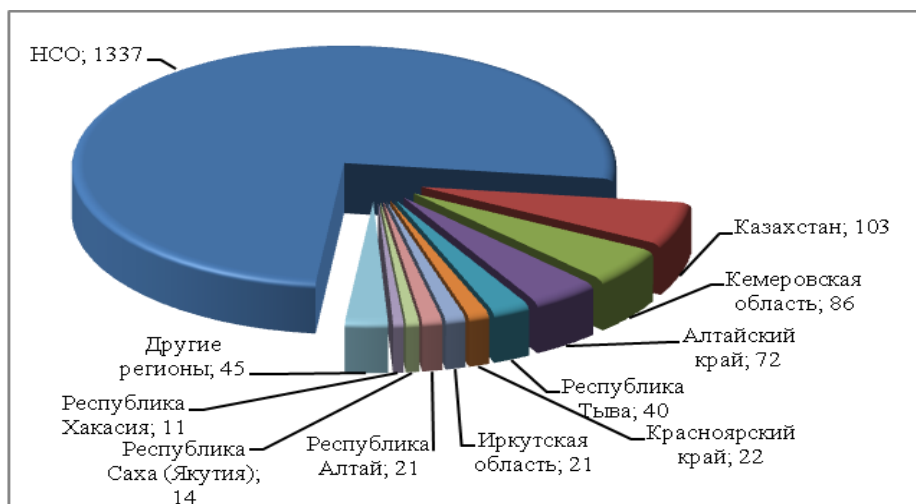

Рис. 2. География поступающих в 2014 году (бюджет)

Из рис. 2 видно, что интерес у абитуриентов из других регионов к НГПУ огромен. Из Республики Тыва только на бюджетные места поступило 40 человек, по словам начальника управления профориентации, подготовки и набора абитуриентов ответственного секретаря приемной комиссии ФГБОУ ВО «НГПУ» Кавалер Елены Ивановны, из данного региона поступают в НГПУ только абитуриенты-тувинцы, русских нет.

Республику Алтай как отдельный регион впервые выделили в отчетных документах при учете абитуриентов в 2014 году, до этого Алтайский край и Республика Алтай фиксировались общим названием «Алтай». В 2014 году из Республики Алтай на бюджет поступил 21 человек (рис. 3).

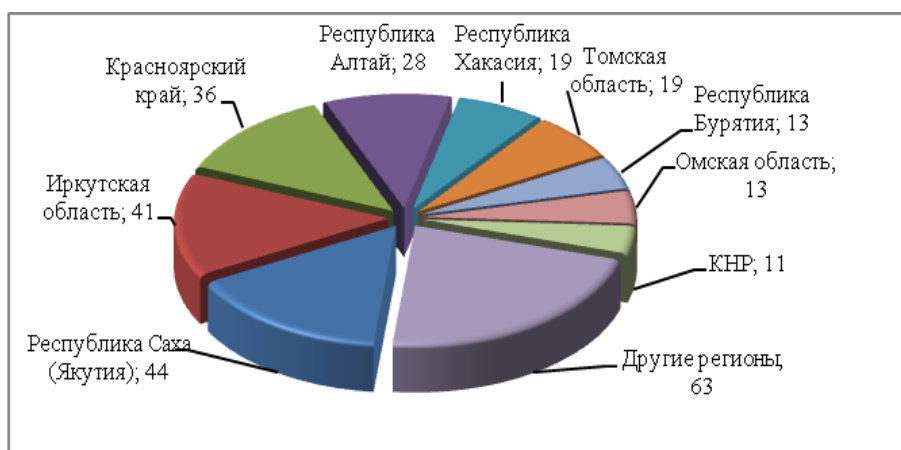

Рис. 3. География поступающих в 2014 году (бюджет и внебюджет)

Диаграмма (рис. 3) показывает, что на бюджетные места из Республики Якутия (Саха) поступило 14 человек, на внебюджет – 30 человек. Основная часть студентов поступила на внебюджетные места «на основании решения приемной комиссии (протокол № 11 от 31 июля 2014 года), договора о целевом приеме граждан» [5]. Студенты целевого набора по окончании вуза руководствуются указаниями заказчика целевого обучения.

Таким образом, профессиональная подготовка не может состояться до тех пор, пока студент не адаптируется ко всем специфическим особенностям региона и вуза, куда он

приехал получать высшее педагогическое образование. В связи с этим проблема адаптации студентов является важной задачей любого вуза.

«Адаптация – постоянный динамичный процесс, в ходе которого происходит не только интеграция личности в социум, но и профессиональное, личностное развитие и самореализация» [2].

Из данного определения следует, что в педагогических вузах возникает необходимость в моделировании межнационального образовательного пространства как особой социально-педагогической среды, которая направлена на развитие потенциала студента в культурном и творческом русле. Образовательное пространство, построенное с учетом адаптационных процессов, позволит «реализовывать ценностное, уважительное отношение к личности, гуманное отношение между людьми, педагогическую и социально-психологическую поддержку и защиту личности» [2].

Образовательное пространство вуза предоставляет возможность студентам педагогического вуза культурно самовыражаться, приобщаться к мировым и региональным культурно-историческим ценностям другого региона, повышать профессиональную подготовку и оттачивать свои навыки в педагогическом мастерстве, при этом повышать свою педагогическую культуру и осуществлять межкультурное общение. Соответственно, именно в педагогическом вузе должна быть организована поликультурная, образовательная среда, где будут учитываться этнические особенности будущих педагогических работников [4, с. 59]. Ведь именно правильно организованная социокультурная адаптация представителей коренных народов Сибири может стать фактором современной этнической мобильности в процессе их профессиональной подготовки в педагогическом вузе.

Список литературы

1. Агавелян О. К., Касенова Н. Н., Кергилова Н. В. Психологические условия формирования этнической идентичности и этнической толерантности студентов республики Алтай // Сиб. пед. журн. 2012. № 7. С. 36–40.
2. Беспалова Е. Н. Система мероприятий, направленных на социальную адаптацию студентов, представителей коренных малочисленных народов Сибири к условиям профессионального образования // III Общероссийская студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум» 15–20 февраля 2011 года. 2006. URL: <http://www.rae.ru/forum2011/pdf/1433.pdf>.
3. Касенова Н. Н., Кергилова Н. В., Уханов С. В., Акунов М. Н. Формирование этнокультурной компетентности учащейся молодежи (на материале Алтайского землячества г. Новосибирска) // Образование и культура в развитии современного общества: материалы междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2009. С. 209–218.
4. Касенова Н. Н. Формирование культуры межнационального общения у представителей коренных народов Сибири в процессе их профессиональной подготовки в педагогическом вузе: дис. ... канд. пед. наук. М., 2016. 268 с.
5. Новосибирский государственный педагогический университет. Приказы о зачислении от 31 июля 2014. URL: http://www.nspu.ru/entrant/Nabor_2014/prikazy_zachis/prikazy_31.07.14.php?spec=144iesjen.

УДК 37.035(=1-571.51)

У. В. Танабасова

*Лаборант лаборатории когнитивных исследований и психогенетики
Томского государственного университета*

УСТАНОВКИ КОЛЛЕКТИВИЗМ – ИНДИВИДУАЛИЗМ КАК ФАКТОР РИСКА ФОРМИРОВАНИЯ ДЕПРЕССИИ У НАРОДОВ СИБИРИ

Депрессия является одной из ведущих проблем здравоохранения в современном мире [6]. Исходя из последних эпидемиологических данных депрессия распознается во всех странах и во всех этнических группах [5]. Результаты кросскультуральных исследований свидетельствуют о том, что, несмотря на существование общих признаков депрессии, субъективное переживание и предъявление симптомов расстройства взаимосвязано с культурной принадлежностью человека. На необходимость научной разработки данной проблемы для решения задач выявления, профилактики и помощи указывает ее социальная острота в Сибирском федеральном округе [1; 3], где проживают многочисленные этнические группы народов Сибири.

Цель исследования: выявить выраженность ценностей коллективизма – индивидуализма у представителей этнических групп Сибири с различной выраженностью симптомов депрессии.

Выборку составили 170 человек: 42 человека (в возрасте от 23 до 77 лет) – жители республики Алтай, которые находились на амбулаторном или стационарном лечении по поводу психических расстройств и состояний, сопровождающихся симптомами депрессии; 128 человек – представители Камчатского края: коряки и ительмены – 69 человек (в возрасте от 24 до 65 лет) и чукчи – 59 человек (от 25 до 45 лет), которые были обследованы психиатром при диспансеризации населения.

Была использована методика «Показатели индивидуализма – коллективизма» (Г. Триандис, разработка Л. Г. Почебут) [4].

Результаты

С помощью описательной статистики было обнаружено, что для представителей группы «Коряки» характерна направленность на коллективизм: преобладают значения вертикального коллективизма (4,38), в то время как значения горизонтального индивидуализма имеют наименьшие значения (3,67). Для группы «Ительмены. Чукчи» наибольшую значимость имеет установка на вертикальный коллективизм (4,52), вертикальный индивидуализм, напротив, обладает наименьшей значимостью (4,01). В группе «Алтайцы» наиболее выражена установка на вертикальный коллективизм (4,85), необходимо отметить, что установку на вертикальный индивидуализм также можно учитывать как доминирующую (4,79).

В то время как установка на горизонтальный индивидуализм наименее значима для данной группы (4,16). С помощью Критерия Краскала – Уоллиса выявлены статистически значимые различия между группами по всем шкалам коллективизма – индивидуализма. В результате попарного сравнения установлено, что проявления горизонтального коллективизма ($U=1537,50$; $p=0,017$) и горизонтального индивидуализма ($U=1330$; $p=0,001$) более выражены в группе «Ительмены. Чукчи», чем в группе «Коряки». Показатели вертикального коллективизма значимо ниже в группах «Коряки» ($U=887,50$, $p=0,001$), «Ительмены. Чукчи» ($U=779,00$, $p=0,001$), чем в группе «Алтайцы» ($U=205,50$, $p=0,000$). Горизонтальный коллективизм также менее выражен в группе «Коряки» ($U=885,00$, $p=0,001$) и «Ительмены. Чукчи» ($U=888,50$, $p=0,015$), чем в алтайской этнической группе. Более того, по показателям вертикального индивидуализма установлено, что он значимо ниже в группе «Коряки» ($U=755,50$, $p=0,000$), «Ительмены. Чукчи» ($U=647,50$, $p=0,000$), чем у «Алтайцев». Установка на горизонтальный индивидуализм также более выражена в группе «Алтайцы» ($U=935,50$, $p=0,002$), чем в группе «Коряки». Таким образом, на основании описательного и сравнительного анализов можно отметить, что установки, связанные с коллективизмом, выражены в группах «Коряки» и «Ительмены. Чукчи». В группе «Алтайцы» невозможно однозначно определить явные предпочтения. Представители алтайской этнической группы, включенные в клинические группы, различаются на уровне статистической значимости по всем шкалам коллективизма – индивидуализма с национальными группами «Чукчи. Ительмены» и «Коряки», которые не были отнесены к клиническим группам.

Можно предположить, что вне зависимости от традиционной культуры респонденты с проявлениями симптомов депрессии имеют неоднозначные установки коллективизма – индивидуализма, которые способны явиться фактором риска формирования депрессии.

Список литературы

1. Бохан Н. А., Мандель А. И., Кузнецов В. Н. Распространенность психических расстройств среди населения сельских муниципальных образований Севера Сибири: основные тенденции и прогноз // Социальная и клиническая психиатрия. 2001. Вып. 4. С. 40–45.
2. Крюкова Т. Л. Социокультурные синдромы коллективизм / индивидуализм как контекст совладания со стрессом у россиян // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19, № 4. С. 130–135.
3. Манчук В. Т., Надточий Л. А. Состояния и тенденции формирования здоровья коренного населения Севера и Сибири // Бюллетень Сибирского отделения РАМН. Вып. 3. Т. 30. 2010. С. 24–29.
4. Почебут Л. Г. Взаимопонимание культур: методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности. СПб., 2007. 281 с.
5. Weissman M. M., Bland R. C., Canino G. J., Faravelli C., Greenwald S., Hwu H-G. et al. Cross-national epidemiology of major depression and bipolar disorder // JAMA: Journal of the American Medical Association. 1996. № 276. P. 293–299.
6. Леон Ф., Калибацева З., Молчанова Е. Культура и депрессия: определение, диагностические сложности и рекомендации // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. № 6 (17). URL: <http://medpsy.ru>.

УДК 398(=512.157)

Н. Н. Середкина*Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета***ОБРАЗ ЯКУТСКОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ГРУППЫ
В СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАКТИКАХ**

Художественные практики являются одной из репрезентативных сторон культурной жизни этнических групп на протяжении всего их исторического развития. Посредством определенной системы визуальных знаков мастера декоративно-прикладного, изобразительного, косторезного искусств конструируют образ своей этнокультурной группы. В данной работе представлены результаты анализа визуальных знаков произведений изобразительного искусства 1990–2000-х годов, выполненных якутскими художниками.

Одной из характеристик этноса, выраженной визуальными знаками произведений изобразительного искусства, является тенденция приверженности этнокультурной группы своим духовным мировоззренческим основам. Данная тенденция выражена в живописных произведениях, знаково-символические формы которых представляют религиозно-ритуальные обряды, характерные для якутской культуры. Репрезентантами являются произведения М. М. Лукиной «Триптих Ысыах» (1993) и «Желанный берег» (1998), М. Ханды «Общение шаманки с духами» (1996), Н. В. Николаевой «Шаман» (2000), К. П. Гаврильевой «Алгыс» (1997), А. А. Осиповой «Северный праздник» (2010), Т. Е. Шапошниковой «Ысыах» (2012) и др.

В художественном пространстве картины М. М. Лукиной «Желанный берег» (1998) представлен момент шаманской мистерии – «камлание». Согласно якутским верованиям, во время камлания шаманы кроме духов-покровителей призывали ряд личных духов-помощников. Часть этих мифических персонажей представлялась в образе невидимых людей. В анализируемом произведении изображение фигуры, танцующей рядом с шаманом, может быть проинтерпретировано как художественный знак выражения внутреннего состояния шамана в состоянии экстаза, полета по мирам Вселенной. Не случайно женская фигура представлена с поднятыми руками, имитирующими полет птицы. Идея духовной связи шамана с Верхним миром находит свое воплощение не только в художественных образах, имеющих человеческое обличие, но и в абстрактных знаковых конструкциях художественного пространства картины. Данное направление представлено творчеством М. Ханды. Одной из репрезентативных работ мастера является картина «Общение шаманки с духами» (1996). Художественным языком данного произведения является язык абстрактных «первобытных» знаков. Автор тем самым нивелирует внешние характеристики религиозного ритуала, акцентируя при этом духовное начало, лежащее в основе шаманизма, поскольку все процессы, характерные для совершения данного ритуала, совершаются на духовном, невидимом для глаза уровне. И язык символов в этом случае выступает как наиболее приемлемая форма выражения духовных ценностей национальной религии якутов.

Немаловажной стороной духовной жизни якутов является их участие в национально-ритуальных обрядах. Это выражается как в визуализации момента совершения персонажами обряда благословления, обращения к верховным божествам (К. П. Гаврильев «Алгыс», 1997), так и в символическом изображении национального танца якутов – осуохай (А. А. Осиповой «Северный праздник», 2010). В художественном пространстве произведения «Северный праздник» А. А. Осиповой представлен момент вождения хоровода, национального якутского танца. В мировоззрении якутов осуохай – это особый ритуальный танец, несущий определенную смысловую нагрузку. Во-первых, посредством символического значения ритма танца, формы круга, который образуется в хороводе, человек становится сопричастным ритму природы. Во-вторых, хоровод символизирует защиту социума от злых сил. Во время танца в хороводе происходит очищение сакрального пространства от скверны Хаоса, и моделирование нового чистого пространства. Кроме этого, считалось, что хороводный танец обладает магической способностью достижения удаленного «чужого» мира. Таким образом, посредством визуального образа танцующих в хороводе персонажей моделируется идея особого духовного таинства сопричастности человека, с одной стороны, природным ритмам, с другой – иному миру.

В произведениях якутских художников большое место занимают мотивы, связанные с традиционным хозяйствованием якутов, главным образом с рыболовством и оленеводством. Репрезентантами данных сюжетно-тематических произведений являются картины Ф. Г. Макарова «У оленеводов Оймякона» (2003), Ю. Спиридонова «Хозяин момских гор» (2007), серии А. А. Осиповой «Путь жизни» (2010), «Север» (2010) и др. Ряд знаково-символических форм художественного пространства картин (изображение зимнего времени года, группы персонажей, тянущих рыболовные сети, выгон оленей, кочевье) призваны моделировать образ крепкого духом человека, живущего в соответствии с традиционным укладом своего этноса в условиях сурового Севера. Одним из главных персонажей, сопровождающих человека в художественном пространстве картин якутских художников, является олень. У якутов, как и у многих других этносов, олень мыслится как сакральное, священное животное. Он почитается не только как самая ценная охотничья добыча, но и как символ обновления, возрождения, плодородия человека и природы в целом. Потому и художники обращаются к визуализации не только мотивов, связанных с сосуществованием человека и оленя, но и оленя как самостоятельного, единственного персонажа художественного пространства картины (Николаева Н. В. Диптих «Олени», 2013), подчеркивая, таким образом, значимость животного как регулятора жизненных процессов.

Образ якутской этнокультурной группы раскрывается также через портреты и натюрморты. В жанре портрета работают М. Н. Иннокентьев «Портрет охотника» (2005), Ф. Г. Макаров («У оленеводов Оймякона», 2003), В. Г. Петров, И. Е. Капитонов, З. К. Курчатова, Н. П. Николаева и др. Персонажами картин жанра «портрет» выступают сами художники, дети, родственники, современники, представители того или иного рода деятельности – охотники, оленеводы, сказители. Данная знаковая система портретов якутских художников выражает идею ценности семьи и утверждает значимость культурных героев, то есть того, кто хранит традиционную культуру этноса.

Жанр «натюрморт» представлен творчеством многих якутских художников. Среди них С. Л. Гермогенова, А. С. Иннокентьева, М. М. Лукина, Н. В. Николаева, А. В. Чикачев, Т. Шапошникова и др. Знаково-семиотические формы натюрморта художников воплощают особо значимые для представителей этноса вещи. Это могут быть как традиционные для религиозно-ритуальных обрядов предметы, в частности ритуальные сосуды для кумыса (чороны), непре-

менного атрибута национального праздника Ысыах, так и предметы, предназначенные, например, для рукоделия. Данная группа произведений призвана обратить зрителя к ценности того, что составляет материальную культуру якутов, того, что окружает человека в его жизни. Другая группа натюрмортов, которая может быть по праву названной концептуальной, выражает идею безграничности и единства. Наиболее ярко данная тенденция представлена в творчестве якутской художницы Т. Е. Шапошниковой. Репрезентативными работами автора являются картины «Натюрморт» (2006) и «Натюрморт с красным яблоком» (2013). В художественном пространстве данных картин конкретные вещи приобретают форму схематичных очертаний. Одним из основных художественных приемов становится геометризм. При этом зачастую предметы натюрморта вовсе лишены контуров, сливаясь с плоскостным фоном либо переходя в другую форму. В данном концептуальном направлении работает также Н. В. Николаева. Одним из репрезентативных ее произведений является диптих «Чаят» (2008). В художественном пространстве данного произведения живописи главным «персонажем» выступает линия. Линия – это та форма, тот художественный знак, который позволяет художнику выразить суть процесса жизни, ее временных потоков, которые неосознаны человеком, но которые имеют место быть. Согласно Н. В. Николаевой, «все временные потоки перетекают друг в друга и образуют формы». Этими временными потоками выступают прошлое и настоящее, тесно сосуществующие в современном мире этнокультур. Прошлое как культурная традиция выступает основой для современной культуры. Оно переосмысливается и адаптируется к контексту мировоззрения современного человека, к опыту мировой художественной культуры в целом.

В целом, изучив историю становления и развития якутской художественной школы и проанализировав ряд живописных произведений искусства, выполненных якутскими художниками, можно сделать следующие выводы относительно характеристики образа якутской этнокультурной группы.

1. Якутская этнокультурная группа является частью большого общества. Якутский этнос открыт для диалога культур. Данная мысль находит свое подтверждение в том, что якутские художники следуют традициям, принятым в мировом художественном сообществе, а также в участии художников в многочисленных межрегиональных и международных выставочных мероприятиях.

2. Анализ живописных произведений искусства, выполненных современными якутскими мастерами, показал, что конструирование индигенной северной этничности связано с использованием уже сложившихся культурных знаковых систем в форме традиционных этнокультурных ценностей.

3. Художественный язык концептуального якутского изобразительного искусства призван выразить актуальную идею взаимопроникновения микрокультур (культур коренных и малочисленных народов) в пространство макрокультуры. Подобная неофольклорная волна создает своеобразный палимпсест, сливший современные тенденции живописи с этнической памятью.

Список литературы

1. Seredkina N. N. Cultural and semiotic strategies of constructing indigenous northern ethnicity in art (based on the Yakut art school) // Журн. Сиб. федер. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, № 4. С. 769–792.
2. Искусство Якутии: каталог / Национальный художественный музей Республики Саха (Якутия); сост. Г. А. Сафронова и др. Якутск: Бичик, 2005. 121 с.
3. URL: www.yakutskhistory.net.

УДК 316.334.56

Р. Ф. Ишмухаметов

Иркутский государственный университет

КОНСТРУИРОВАНИЕ МИГРАНТАМИ ОБРАЗА ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА: НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ИРКУТСКА

Значительно возросшая скорость общественных изменений ведёт к проблематизации личностной идентификации. Для определения своей собственной идентичности люди обращаются к наиболее понятным классификациям, например территориальным. Отсюда – актуализация проблематики городской идентичности. В центре нашего исследования – люди, приехавшие в Иркутск из Центральной Азии. Нам интересен прежде всего процесс включения в принимающее общество Иркутска людей, приехавших в город в разное время, в том числе и нынешних граждан РФ, и по разным причинам, в контексте построения ими территориальной идентичности. В своей работе мы отталкиваемся от трактовки городского сообщества как основанного на совокупности разделяемых представлений [1].

Вопрос «Что значит принадлежать к городскому сообществу – быть горожанином, представителем данного города или города вообще?» – это сложный вопрос даже для тех, кто уже живёт в городе. Это может означать и поддержание старых и текущих связей в пределах своего непосредственного окружения, и наличие возможностей для участия в той или иной форме активности, и ориентацию на некий «городской образ жизни» и т. д. В целом такую систему принадлежностей уже можно обозначить как идентичность. Тут, однако, есть сложность, связанная с тем, что город «по определению» является средоточием различных сообществ, со своей структурой, культурой и т. д., и само городское сообщество сложно изначально интерпретировать в качестве группы [2]. Представление о городе как воображаемом сообществе позволяет преодолеть разнородность многочисленных групп и рассматривать город, а не городское сообщество как маркер групповой идентичности.

Кроме того, в отношении Иркутска, как и других городов Сибири, важно учитывать переселенческий характер сибирского общества, связанный со сложным историческим процессом синтеза «аборигенного» и «пришлого» населения. При этом сами миграции остаются непреходящей частью жизни переселенческого общества Сибири. Особенно важная для нас характеристика этих миграционных процессов – чрезвычайная гетерогенность участников. Люди из самых разных конфессий, сословий, регионов и т. д. добровольно или по принуждению становились сибиряками. Впоследствии разнообразие в происхождении сибирского общества начинает восприниматься как его важнейшая черта, а рассказы о том, «сколько кровей намешано», становился любимым занятием коренных сибиряков [3].

В ходе исследования было получено семь биографических полуструктурированных интервью с людьми, приехавшими в Иркутск из стран Центральной Азии (Таджикистан, Узбе-

кистан, Кыргызстан). Причины приезда во всех случаях были различны и непосредственно связаны с объективными социально-экономическими и политическими условиями в пост-советском пространстве. В большинстве случаев Иркутск как направление для миграции, не являлся предметом собственного выбора респондентов. Определяющим фактором оказывается наличие связей или, скорее, определенного социального капитала.

Знакомый мой здесь работал, когда он приехал к нам в деревню... Я его во время разговора спросил: „А если я приеду?“ Он сказал: „Если приедешь, могу помочь, точно один месяц могу тебя поддержать со всех сторон – и материально, и морально.

Наличие такого социального капитала играет большую роль в процессе включения в город. С одной стороны, безусловно, постоянно присутствует включенность в некую референтную группу «своих», а практики и нарративы зачастую построены на том, чтобы поддерживать интенсивные связи со страной исхода, и в целом приезжие вовсе не стремятся отказаться от своей социокультурной принадлежности [4]. Другое дело, что в процессе взаимодействия с принимающим сообществом создается некий образ этого сообщества и формулируется своё положение по отношению к нему. Здесь возникают различные варианты вписывания себя в контекст жизни города, в то самое «воображаемое городское сообщество». Есть набор характеристик, которые приписываются Иркутску в силу его принадлежности к сибирским городам.

Сибирь, мне кажется, вся одинаковая. Вот в Красноярске был, там тоже, как у нас. <...> Я был в Новосибирске, но как здесь, и в Красноярске я у них жизни не видел, сплоченности, а здесь сплоченно.

Тут сибиряки, ну действительно, сейчас, когда я приезжаю в Москву, как здесь народ себя ведет и как в Москве – это небо и земля.

Гостеприимность города, о которой говорили все респонденты, превращается в очень важное его свойство и характеристику, которую в том числе нужно поддерживать.

Или вот я ночью домой еду. Подошел ко мне: „Как мне проехать в Листвянку?“ Они из Красноярска... [Я – Р.И.] ехал в другую сторону, говорю: „Я вас довезу до трассы«. С аэропорта вел до трассы, остановился и им объяснил, что прямо-прямо всё, все указатели есть. Поехал довольный [домой – Р.И.] <...> Не знаешь порой дорогу, спросил – нормально объясняют. В Москве попробуй спроси – с тобой даже не разговаривают.

«Сибирь» как некий конструкт собирает в себе много значений для респондентов. «Сибирскость» города представляется как обоснование для Иркутска в качестве гостеприимного и открытого места.

Мне кажется, это после того, как строили БАМ. Многие национальные семьи были здесь, они оставались. <...> Я чувствовал здесь гостеприимство, свободно было, не было неприязни, деления наций никакого не было.

Насколько я понимаю, ссылкой же заселяли эти места. Люди, которые из хороших, людей сюда отправляли. Раньше же, если ты богат – враг народа, ученый – враг народа.

Через обращение к разным историческим нарративам, связанным с заселением Сибири, советским временем и концептами интернационализма и т. д., обосновывается открытость Иркутска и возможность включиться в сообщество, не теряя при этом собственной идентичности.

Включение в город для мигрантов не всегда связано с конструированием территориальной идентичности, связанной с городом. Однако в процессе интеграции в принимающее сообщество мигранты прибегают к конструированию образа города, в рамках которого могут определить своё место. В случае Иркутска используются нарративы, связанные с «сибирскостью», выраженной в интернационализме, свободности этой территории. У мигрантов есть разные мотивы, вызванные разными жизненными обстоятельствами, различаются и стратегии в отношении принимающего сообщества. Не всегда они предполагают включение в жизнь Иркутска в принципе. Нельзя упрощать и проблемы столкновения разных представлений, несовпадения опытов и практик, но при этом миграция – это ресурс экономического развития города и его культурного многообразия.

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма // пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
2. Мусиездов А. А. Город как культурная форма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 3. С. 121–136.
3. Этнодемографические процессы и переселенческое общество на Востоке России: история и современность / под ред. В. И. Дятлова и К. В. Григоричева. Иркутск: Оттиск, 2012. 150 с.
4. Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: монография / ред. и сост. М. С. Розанова; пер. с англ. М. С. Розановой и А. Б. Лесохина. СПб.: Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «СТРАТЕГИЯ»; Скифия-принт, 2016. 192 с.

УДК 323.23:172.15

А. М. Обморокова

Аспирант кафедры культурологии Сибирского федерального университета

СПЕЦИФИКА ПОНИМАНИЯ СЛОВА «РОДИНА» В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА 2011 И 2016 ГОДОВ

С течением времени вопросы, связанные с процессами формирования общенациональной, этнической и региональной идентичностей, не только не теряют своей актуальности,

но и становятся более востребованными в исследованиях самых разных научных областей [1–5]. Процессы миграции, несомненно, влияют на формирование видов идентичности, так как миграция является культурным феноменом, в пространстве которого получает развитие особое культурное взаимодействие мигранта и принимающей его стороны.

При изучении формирования видов идентичностей использование метода свободного ассоциативного эксперимента позволяет выявить настроения людей, проживающих на одной территории, рассмотреть образы сознания, интегрирующие в себе умственный и чувственный опыт, которыми обладает конкретный этнос [6; 7]. «Он позволяет на основе анализа сведений опытного знания отдельных индивидуумов делать обобщающие выводы о понимании содержания той или иной культурной реалии в обществе в целом» [7, с. 68].

В данном исследовании представлены результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в современной молодежной студенческой среде. Подобное исследование было проведено в 2011 году учеными Сибирского федерального университета кафедры культурологии. Результаты исследования были представлены в научной статье преподавателя кафедры культурологи Гуманитарного института СФУ М. А. Колесник [8]. Тогда в эксперименте приняли участие 200 человек.

Пролонгированные (лонгитюдные) прикладные культурные исследования представляют большой интерес, так как позволяют выявить изменения не только во внешних социальных и культурных процессах и событиях, но и в восприятии этих событий у людей на уровне впечатлений, опыта и накопленных знаний [6]. Данный ассоциативный эксперимент направлен на выявление общероссийской и сибирской идентичности и особенностей её формирования в среде современной молодежи.

В эксперименте приняли участие студенты 1–4-го курсов Сибирского федерального университета различных направлений специальности, студенты КрасГМУ им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого и молодые люди, недавно закончившие обучение. В группе присутствовали представители разных этносов и религий. При проведении данного исследования, как и пять лет назад, за слово-стимул было взято слово «Родина». Общее число человек, принявших участие в эксперименте: 300. Респондентам было предложено написать ассоциации в количестве от 5 до 7 слов-реакций в ответ на слово-стимул. Общее количество полученных слов-ассоциаций – 366, включая повторы – 1 671.

В процессе обработки результатов был выявлен ряд положительно и отрицательно эмоционально-окрашенных ассоциаций в соотношении примерно 1:3 – 34 ассоциации негативно окрашенных и 101 положительно окрашенных (349 позитивно окрашенных ассоциаций, против 41 отрицательного).

Среди положительных ассоциаций наиболее часто повторяющаяся – *любовь* (44). Также часто встречаются такие слова, как *защита* (22), *гордость* (16), *родное* (19), *тепло* (15), *сила* (10), указывающие на восприятие родной территории как величественной и сильной. Среди отрицательных ассоциаций встречаются: *тоска*, *пьянство*, *холод*, *уродство*, *искажение*, *грязь*, *обман*, *ненависть*, *национализм*, *нищета*, *ультиматум*.

Как и в предыдущем исследовании, ассоциации условно были разделены на несколько ассоциативных категорий, которые определяют специфику понимания слова «Родина» в молодежной среде.

Самая большая группа слов относится к социальной сфере – 577 ассоциаций, включая повторы. Среди слов данной категории встречаются следующие ассоциации: *дом, мать, бабушка, родное место, семья, родители, отечество, детство, воспоминания, народ, народность, русские, друзья, жизнь, моя, Ата Мекен (пер. с киргизского – Родина)*. Часто повторяемые: *дом* (161), *мать* (93), *семья* (79), *родные места (место)* (31), *отчизна* (23). В целом данный набор ассоциаций говорит о том, что «Родина» воспринимается респондентами как место и общий дом, где живут родные и близкие люди, где проходит детство и жизнь человека. На сегодняшний день сохраняется устойчивая ассоциация Родины с женским полом и образом Родины-матери, об этом говорит часто повторяющаяся ассоциация «мать». Причем частота повторений этой ассоциации, что в исследовании 2011 года, что 2016, одинакова – 93 слова.

В территориальной группе слов встречаются следующие: *Россия, край, деревня, город, степь, малая Родина, Сибирь, граница, Красноярский край, Красноярск, Тува, Татарстан, Тулун, Дагестан, Казахстан, Черногорск, Новокузнецк, Шарыпово*. Часто повторяющиеся: *Россия* (114), *страна* (62), *Сибирь* (20), *город* (15). «Родина» воспринимается как огромная территория страны, которая вмещает и объединяет в себе города и регионы. Ассоциации, среди которых попадают названия конкретных населенных пунктов, указывают, что среди опрашиваемых присутствовали жители не только Красноярска, но и других городов и республик.

Политическая сфера включает в себя такие ассоциации: *патриотизм, Путин, Ельцин, Единая Россия, война, государство, история, патриот, победа, герои, армия, служба, долг, партия, держава, конституция, коррупция, демократия, депутаты*. Есть ассоциации, включающие в себя и знаково-символические атрибуты: *флаг, гимн, статуя «Родина-мать», парад*. Наиболее часто упоминаемые: *патриотизм* (45), *отчизна* (23), *Путин* (15), *война* (7), *флаг* (6), *победа* (5). По сравнению с результатами исследования 2011 года можно сделать вывод, что «Родина» в сознании молодежи воспринимается как героическая, победоносная держава в связи с прошлыми событиями военных лет заметно менее выражено.

Природная сфера: *земля* (54), *природа* (47), *лес* (22), *поля* (18), *простор* (14), *река* (8), *берега, медведь, зима, снег, горы, деревья, солнце, бескрайние равнины, степь, Енисей, Волга*. Большое количество таких ассоциаций говорит о том, что природа является неотъемлемой частью в понимании и формировании концепта «Родины». Многие ассоциации указывают на природное разнообразие и богатство, обширные территории и особенности климатических условий, которыми обладает родное место.

Определенное количество слов можно отнести к сфере культуры и искусства – 31 (56 ассоциаций, включая повторы). В этой категории ассоциаций присутствуют слова, указывающие на предметы культурного быта, некоторые из них очень распространенные и стереотипные в массовой культуре: *ушанка, балалайка, матрешка, водка*. Также определенное место занимают персоналии – деятели культуры: *Есенин, Лермонтов, А. А. Блок, Ленин, Толстой*. Виды искусств и народные традиции: *культура, фольклор, стихи, театр, пляски, поэзия, народные танцы, живопись, юрта, песня, курганы, хомус, кинотеатр, книги, венки, литература, речь*. Некоторые ассоциации указывают на особенности быта кочевых народов и народов Севера: *юрта, курганы, хомус*. Как и в исследовании 2011 года образ Родины предстает очень поэтичным, так как часто встречаются слова, связанные с литературой (*лите-*

ратура, поэзия, фольклор, песня, стихи, книги), а самая часто упоминаемая личность из перечисленных – поэт С. Есенин.

Ассоциации, соотносимые с религиозной и духовной сферой, по-прежнему не пользуются популярностью и составляют самую маленькую группу слов – 11 слов (21 ассоциация, включая повторения).

В результате анализа и обработки полученных данных, а также их сравнения с результатами подобного ассоциативного эксперимента 2011 года можно сделать следующие выводы:

1. Положительное восприятие образа Родины в сознании молодых людей, отраженное в преобладании положительных эмоционально-окрашенных ассоциаций над отрицательными, подтверждается и с течением времени закрепляется. Сравнительная с результатами 2011 года [8], где соотношение данных категорий ассоциаций было 1:2, можно сделать вывод, что позитивное восприятие Родины как дружественной, комфортной, радушной территории с течением времени укрепилось и даже несколько возросло в сознании молодых людей. Низкая частота повторений отрицательных ассоциаций по сравнению с положительными подтверждает данный вывод.

2. В 2011 году автор исследования пришла к выводу, что «на формирование образа Родины во многом оказывают воздействие стереотипы, связанные с советским прошлым» [8]. Тогда категория слов-ассоциаций, соотносящихся с политической сферой, была самой обширной и разнообразной, присутствовало много слов, указывающих на память военных лет (*война – 35, героизм – 28, долг – 15, победа – 9, защищенная дедом – 4*) [8]. В 2016 году ассоциации с советским прошлым также присутствуют, но уже в значительно меньшей степени (*война – 7, победа – 5, долг – 8, герои – 3*) при количестве респондентов больше в полтора раза, чем в 2011 г. Часто повторяемая ассоциация «патриотизм» (2011 – 33 раза, 2016 – 45 раз), говорит о том, что любовь к Родине, чувство гордости за неё по-прежнему актуальны, но воспринимаются, вероятно, уже в несколько иной плоскости, чем раньше. Если влияние советских реалий и военных лет понемногу ослабевает, то это может означать, что чувство патриотизма уже относится к современному состоянию Родины. Интересно в этом аспекте также то, что среди часто повторяемых слов присутствует фамилия президента России, что может указывать на то, что за последние несколько лет его персону приобрела значительную популярность в обществе, благодаря политическим, социальным событиям и освещению их в СМИ (зимние Олимпийские игры 2014 году в г. Сочи, присоединение Крыма к РФ в 2014 году и другие геополитические события).

3. Самая большая категория ассоциаций относится к социально-бытовой сфере и социальным привязанностям. Часто повторяемые слова «семья», «мать», «друзья», «дом», «родные места» указывают на то, что Родина воспринимается молодыми людьми, как нечто интимное и семейное, она дружелюбна, готова принять каждого, вне зависимости от вероисповедания и этнической принадлежности. Как и в 2011 году, самой популярной ассоциацией в этой категории является «Дом» (2011 – 102 раза, 2016 – 161 раз), что говорит о том, что «Дом» понимается как «сообщество людей, живущих вместе, Родина – общий для многих людей дом» [8].

4. В территориальном аспекте ассоциации указывают на то, что Родина – это в первую очередь большая страна, огромная площадь, определенное место. Часто упоминаемые ассоциации: *Россия* (113), *страна* (60), *город* (15). Ассоциация «Сибирь» (20) указывает на наличие идентификация себя как жителя сибирского региона.

5. Неизменной остается категория природной сферы. Чаще всего повторяются слова, которые могут фигурировать в представлении о родной природе любого жителя России вне зависимости от места рождения и этноса. Однако есть и характеристики, ярко описывающие особенности именно природы Сибири: *Енисей, зима, снег, заснеженные ели, смородина, медведь, сибирская природа, тайга*.

6. Категория культуры в 2011 году не получила пристального внимания от исследователей, так как была очень немногочисленна, хоть и отличалась разнообразием слов. В 2016 году ситуация повторяется, что может говорить о том, что влияние культурного наследия на формирование образа Родины в сознании молодежи осталось примерно на одном уровне.

7. Религиозно-духовная сфера, является самой немногочисленной по количеству ассоциаций, несмотря на значительно большее количество молодых людей, участвовавших в эксперименте. Это указывает на то, что так же, как и пять лет назад, духовный образ Родины практически исчез, уступив место социально-бытовой сфере.

По итогам ассоциативного эксперимента можно сделать вывод, что Родина в сознании молодых людей формируется в первую очередь как общая для всех, дружественная территория. Результаты указывают на формирование общенациональной, а также региональной идентичности в позитивном ключе. В целом нет заметных различий с результатами ассоциативного эксперимента 2011 года, которые бы указывали на изменения настроений в обществе или увеличение нетерпимости к расовым или религиозным особенностям других народов.

Список литературы

1. Копцева Н. П., Середкина Н. Н. Конструирование позитивной этнической идентичности в поликультурной системе: монография. Красноярск: СФУ, 2013. 183 с.
2. Замараева Ю. С. Концептуальное определение феномена миграции с позиции современной философии культуры. URL: http://sconference.org/publ/nauchno_prakticheskie_konferenii/filosofskie_nauki/socialnaja_filosofija_i_filosofija_istorii_filosofskaja_antropologija_filosofija_kultury/13-1-0-104.
3. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/analit05.php>.
4. Антонова М. С. Культурная политика в контексте региональной полиэтничности // Тр. Санкт-Петербург. гос. ун-та культуры и искусств. 2010. № 190. С. 116–122.
5. Немаева Н. О. Формирование российской социальной и культурной идентичности посредством возрождения сакрального искусства // Социодинамика. 2015. № 2. С. 54–67. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.2.14404. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_14404.html.
6. Колесник М. А. Особенности восприятия русского этноса в молодежной среде города Красноярска по результатам ассоциативного эксперимента со словом «русское» // Социодинамика. 2016. № 4. С. 59–67. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.4.18270. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_18270.html.
7. Лазуткина Е. В. Ассоциативный эксперимент по методике А. Назарова и Р. Соколова «Серия тематических ассоциаций» с выражением-стимулом «Современная российская культурная элита» со студенческой аудитории Сибирского федерального университе-

та. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016; 8(5/1):183-192. DOI:10.17748/2075-9908-2016-8-5/1-183-192.

8. Колесник М. А. Специфика общероссийской и региональной культурной идентичности студентов Сибирского федерального университета на основе результатов ассоциативного эксперимента со словом «Родина» // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 595.

УДК 364-785.14-053.5

Ю. А. Дубенкина¹, Н. Н. Касенова²

¹ Направление «Педагогическое образование», профиль «Начальное образование», Институт детства, Новосибирский государственный педагогический университет

² Кандидат педагогических наук, старший преподаватель ПИМНО Института детства Новосибирского государственного педагогического университета

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Этнокультурное и религиозное многообразие – эта одна из важных черт населения нашей планеты. Нет ни одного абсолютно мононационального государства в мире, а Российская Федерация считается самой большой и самой уникальной многонациональной и многоконфессиональной страной, где исторически сложилась традиция мирного и гармоничного взаимодействия различных этносов. Советская, а позже и российская модели межнационального мира и согласия являются предметом научного исследования для учёных всего мира [4].

В последнее время увеличивается число людей, мигрировавших в Российскую Федерацию. Миграция – это перемещение населения в пределах одной страны или из одной страны в другую [5]. Основной проблемой для мигрантов является социокультурная адаптация к новым жизненным обстоятельствам. Социокультурная адаптация – процесс приспособления человека к условиям жизни, нормам поведения, нормам общения в новой социальной среде [1].

По данным статистики большая часть мигрантов – это семьи с детьми разного возраста. Для современного образования одним из ключевых моментов является вопрос, как адаптировать данных детей к российской системе.

Школа – это один из основных институтов общества, через который осуществляется адаптация детей мигрантов. Они оказываются в новой для них социокультурной, национальной и языковой среде.

По данным УФМС Новосибирской области в нашем городе обучается около 3 000 школьников из семей, мигрировавших в Россию из бывших советских республик. Главный вопрос, который стоит перед педагогами: как найти общий язык с такими детьми?

Многие из них плохо говорят по-русски, а кто-то вовсе не понимает ни слова. Конечно, все дети разные, они воспитывались в отличающихся друг от друга условиях, их родители общаются на разных уровнях русского языка. Дети, которые были перевезены родителями не так давно, испытывают намного больше трудностей в общении с одноклассниками, чем те дети, которые проживают на территории РФ продолжительное время.

В связи с этим мы хотим рассмотреть проблему социокультурной адаптации детей мигрантов младшего школьного возраста, которые недавно переехали с родителями в г. Новосибирск.

Данные дети мигрантов трудно усваивают школьную программу, что снижает их самооценку, негативно отражается на отношениях с окружающими, может снижать социальный статус ребенка среди сверстников. Выделяют ряд типичных источников неуспеваемости детей-мигрантов – плохое знание русского языка и слабая подготовка к школе, а иногда и вовсе ее отсутствие. В результате общего действия этих факторов дети мигрантов начинают воспринимать социум, в котором они вынуждены находиться, как их дискриминирующий.

Решение вышеописанной проблемы состоит в целенаправленном обучении младших школьников взаимодействию и сотрудничеству непосредственно в классных коллективах. Обучать детей взаимодействию и сотрудничеству необходимо сразу же после их появления в школе: это способ избежать формирования и закрепления стереотипов, в том числе этнических. В центре внимания должно стоять формирование дружелюбного отношения к товарищу, готовности к обсуждению проблемных ситуаций и умения находить правильные и корректные решения.

В каждом учебном заведении осуществляются меры языковой адаптации, реализуемые, как правило, с помощью индивидуальных и групповых занятий. Помимо этого, вряд учебно-методических комплектов (УМК) входят учебники по русскому языку и литературному чтению, предназначенные для обучающихся в начальной школе детей мигрантов и переселенцев. К ним относятся: УМК «Русский язык: от ступени к ступени» (русский язык как иностранный); издательство «Просвещение» выпустило учебники для детей-мигрантов и переселенцев [3].

Ребенок, который приехал в Россию, обязательно будет учиться в общеобразовательной школе. Он должен не просто научиться говорить, читать и писать по-русски, он должен освоить учебно-научный стиль речи, чтобы потом успешно получать образование наряду с носителями русского языка. Поэтому в 2006 году Департамент образования Москвы издал указ о создании «Школ русского языка» – структурных подразделений внутри обычных школ, которые бы обучали детей-иностранцев русскому языку в течение одного учебного года. Особенность методики, разработанной для ШРЯ заключается в том, что навыки учебной деятельности, педагоги восстанавливают, прививают или формируют фоновые знания, смягчается культурный шок, так как ребенок видит, что не только у него языковые проблемы. Кандидат филологических наук доцент Московского института открытого образования Ольга Синёва говорит, что «когда перед педагогом иноязычный коллектив, но он однородный, допустим тюркоязычные дети, то материал выстраивается сообразно ситуации. Если

в классе дети-инофоны, носители языков с разными типами грамматического строя (финно-угорские, картвельские, армянский, инославянские и проч.), то и отбирать учебный материал надо по-другому» [2].

Таким образом, можно сказать, что социокультурная адаптация детей мигрантов в начальной школе необходима для развития межнационального, межкультурного развития. Благодаря работе с данными детьми, у других школьников вырабатывается интерес к новой для них культуре, формируется толерантность и вырабатывается доброжелательность.

Список литературы

1. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности: монография. Екатеринбург, 2009. 110 с.

2. Интервью с О. Синёвой «В Москве осталось всего пять «Школ русского языка» для детей мигрантов». URL: <http://migrant.ru/v-moskve-ostalos-vsego-pyat-shkol-russkogo-yazyka-dlya-detej-migrantov/>.

3. Сборник методических рекомендаций по внедрению программ-тренингов для детей мигрантов, детей вынужденных переселенцев дошкольного возраста. Салехард: ГАОУ ДПО ЯНАО «Региональный институт развития образования», 2012. 73 с.

4. Раджабов Хаджи-Мурат. Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов. URL: <http://www.islam.ru/content/analytics/30355>.

5. Шуклина Е. А., Зборовский Г. Е. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 80–91.

УДК 364-785.14-054.7

Б. В. Федотов¹, М. И. Дворецкий²

¹ Кандидат исторических наук, доцент кафедры технологий обучения, педагогики и психологии Инженерного института Новосибирского государственного аграрного университета

² Кандидат педагогических наук, доцент ПИМНО Института детства Новосибирского государственного педагогического университета

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ К НОВОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Изучение проблемы этнокультурной адаптации переселенцев, прибывающих в Сибирский федеральный округ, представляется важным как с точки зрения изменений в национальном составе данных территорий, так и перспектив их дальнейшего развития в экономическом, социальном и культурном контекстах.

На проблеме миграции в России неоднократно заострял свое внимание глава государства В. В. Путин. Он отмечает важность нормальной адаптации мигрантов в обществе, однако подчеркивает необходимость выполнения с их стороны определенных требований. Ведущее место среди этих требований к людям, желающим жить и работать в России, по мысли президента страны, занимает «их готовность освоить нашу культуру и язык» [1].

В 2013 году Центр изучения национальных конфликтов (ЦИНК) и Федеральное информационное агентство «Клуб Регионов» приступили к осуществлению совместного проекта «Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России». На основании материалов, полученных в ходе данного исследования, стало возможным не только получить представление об уровне межэтнических противоречий, но и спрогнозировать вероятный сценарий развития ситуации в указанной сфере в каждом из субъектов Российской Федерации. Специалисты пришли к выводу, что межэтническая напряженность в Новосибирской области остается на среднем уровне.

Значительная часть конфликтных ситуаций связана с онлайн-экстремизмом, что обусловлено современными возможностями пользования Интернетом. Здесь заметна направленность против «азиатов» и «кавказцев». Как правило, ксенофобный контент размещают жители областного центра в возрасте от 18 до 27 лет. Достаточно сильно выражен так называемый бытовой национализм, который проявляется в переносе националистических взглядов и предрассудков на уровень обыденных отношений между людьми разных национальностей.

В то же время на территории области представлено большинство известных российских националистических организаций и движений («Другая Россия», НДП, «Реструкт» и др.), которые пользуются существенной поддержкой населения, особенно молодежи. Для новосибирских активистов характерен (даже в большей степени, чем для националистов в Москве) раскол по вопросу украинского кризиса.

В регионе сохраняется сложная демографическая ситуация: в 2012 году, впервые за постсоветский период, уровень рождаемости незначительно превысил уровень смертности, однако население области увеличивается по-прежнему в первую очередь за счет миграционного прироста. При этом происходит отток квалифицированных рабочих кадров в Москву и экономически развитые регионы – Южный федеральный округ и Северо-западный федеральный округ, который компенсируется за счет притока мигрантов из Средней Азии, Закавказья и российских регионов с более низким уровнем социально-экономического развития (ряд регионов Сибирского федерального округа и Дальневосточного федерального округа). В то же время рост экономики Новосибирской области опережает среднероссийские показатели, что требует еще большей интенсификации миграционных процессов. С учетом того, что в области лишь четыре процента населения не имеют работы, мощный приток гастарбайтеров способен стать дестабилизирующим фактором [2].

Но даже при самых благоприятных условиях контакта могут возникать сложности и напряженность при общении с представителями страны пребывания. Поэтому большое значение приобретает изучение межкультурной адаптации, в широком смысле понимаемой как сложный процесс, в случае успешного завершения которого человек достигает соответ-

ствия (совместимости) с новой культурной средой, принимая ее традиции как свои собственные и действуя в соответствии с ними. Обычно выделяют внутреннюю сторону адаптации (психологическую адаптацию), которая проявляется в участии индивида в социальной и культурной жизни новой группы, полномправном межличностном взаимодействии с ее членами. Социально-культурная и психологическая адаптация взаимосвязаны между собой: «В то время как социальная неадекватность ведет и вызывает психологические нарушения, имеет место и обратная связь, поскольку психологическое недомогание отражается на поведении, в том числе на различных социальных навыках» [3, с. 692].

Немаловажное значение имеет готовность мигрантов к переменам. Визитеры в большинстве случаев восприимчивы к изменениям, так как обладают мотивацией к адаптации. На «приживаемости» мигрантов благоприятно сказывается наличие доконтактного опыта – знакомство с историей, культурой, условиями жизни в определенной стране. Первым шагом к успешной адаптации является знание языка, которое не только уменьшает чувство беспомощности и зависимости, но и помогает заслужить уважение местных жителей. Благоприятное влияние на адаптацию оказывает и предшествующее пребывание в любой другой инокультурной среде, знакомство с «экзотикой» – этикетом, пищей и т. п. Овладение специфическими коммуникативными умениями, поведенческими стратегиями межкультурного взаимодействия и способами преодоления жизненных трудностей, которым человека можно научить, также способствует успешной адаптации.

Одним из важнейших факторов, благоприятно влияющих на процесс адаптации, является установление дружеских отношений с местными жителями. Прошло свыше четверти века после распада СССР. За этот непростой для России период произошли существенные изменения в понимании происходящих миграционных процессов, а органы власти, учреждения образования и культуры, столкнувшись с проблемами миграции, постепенно приобрели ценный опыт решения узловых проблем, не дожидаясь указаний сверху и принятия соответствующих законодательных актов. Нам же хотелось осветить лишь одну из граней по данной теме. Представляется важным не только трудовая занятость этнических групп в различных субъектах СФО. Важно посмотреть на данный вопрос с иных позиций. А что происходит в молодежной среде? Насколько комфортно или, напротив, не столь комфортно подрастающему поколению из семей мигрантов находиться в новых условиях? Будущее принадлежит молодежи, поэтому и анализ необходимо проводить в молодежной среде.

Объектом нашего исследования стали центры досуга молодежи. Следует напомнить, что еще недавно они являлись центрами дополнительного образования, но уже свыше трех лет они имеют новый статус, а руководят их работой по-прежнему комитеты молодежной политики при местной администрации. Эти центрам принадлежит особая роль не только с точки зрения толерантности в отношении различных этнических групп и национальных диаспор, но и в налаживании между ними здоровых морально-нравственных отношений.

Такие центры сегодня действуют повсеместно в Новосибирской области. Практически в каждом районе или районном центре можно получить информацию со стороны органов власти об этой работе, так как их деятельность строится в условиях определенной автономии, однако на основе руководящих документов и постановлений по всей вертикали адми-

нистративного управления. Они объединяют подростков и молодежь в возрасте до 35 лет с целью удовлетворения их культурных запросов и полезной занятости в свободное от учебы и трудовой деятельности время.

Важно было посмотреть не только на количество занятых в этих центрах детей и подростков, но и взглянуть на их национальный состав. Руководители клубных объединений отмечают устойчивый год от года рост представителей этнических групп из бывших союзных республик. Здесь лидерами выступают чаще всего выходцы из Средней Азии. Несколько слов о работе одного из таких центров, который получил название «Звездный» и функционирует в Дзержинском районе г. Новосибирска. Он получил широкую популярность благодаря реализации многих интересных идей, появлению в его составе нескольких структурных подразделений (домов культуры), различных клубов и кружков, созданных творчески мыслящими педагогами, вовлечению в его деятельность сотен молодых людей и членов семей. За время существования центра «Звездный» через него прошло несколько тысяч человек. Для кого-то центр стал местом встреч для удовлетворения вопросов досуга. Но немало и тех, кому он помог сформировать профессиональную ориентацию, а в широком смысле – дать импульс в развитии своего творческого потенциала и самореализации.

Одним из важнейших направлений по работе с молодежью является ее патриотическое воспитание, а сама эта задача возложена на военно-патриотический клуб «Сила» (ВПК «Сила»). Его деятельность берет свое начало с сентября 2000 года. В данном клубном формировании на протяжении всего этого периода работали и продолжают работать опытные педагоги, которые в прошлом являлись профессиональными военнослужащими или сотрудниками правоохранительных структур. Они имеют за плечами и необходимый педагогический багаж и опыт служебной деятельности в районах со сложной обстановкой. Деятельность Клуба охватывает комплекс вопросов, связанных с формированием патриотического сознания и выработкой первоначальных навыков в области военного дела. Программой данного клубного формирования предусматривается решение такой основополагающей задачи как формирование активной жизненной позиции подростков и молодежи, а ее реализация построена на основе изучения героического прошлого нашего Отечества и освоения курса начальной военной подготовки. К основным формам организации деятельности относятся групповые занятия по основам военного дела. Но наряду с изучением элементов военной подготовки широкое распространение получили такие формы работы, как конкурсы на лучшего курсанта по строевой подготовке, по знанию оружия, выполнению приемов рукопашного боя, викторины об истории войны и армии, тематические утренники, уроки мужества, экскурсии в музеи, посещение учебных центров воинских частей и военно-учебных заведений, участие в днях открытых дверей в воинских частях, исполнение номеров художественной самодеятельности военной тематики и др.

Нельзя не сказать о том, что сформированные группы воспитанников представляют собой во многом интернациональное явление. В их составе можно увидеть представителей многих этносов, проживающих на всем постсоветском пространстве. Значительная их часть представлена выходцами из Северного Кавказа и Средней Азии. В данном клубном формировании общая численность занимающихся составляет свыше 50 человек и состав групп

ежегодно претерпевает изменения. Однако четко обозначилась тенденция увеличения численности занимающихся детей и подростков, этнически принадлежащих к выходцам из Средней Азии. В настоящее время их численность выросла до 75 процентов. С каждым подростком ведется персональная работа. Эту задачу выполняет педагог-психолог. Индивидуальное общение помогает лучше понять установки и мотивацию детей и юношей. Важным представляется понимание причин и условий, которые привели их в клубное формирование. В ходе опроса 92 % курсантов, представляющих этнические группы выходцев из Средней Азии, заявили, что они хотели бы пойти служить в ряды Российских вооруженных сил, а в клубе надеются получить необходимые знания в области военной подготовки. Лишь 8 % рассматривают в качестве приоритетной задачи не воинскую службу как таковую, а развитие своей физической подготовки и выносливости, умение постоять за себя. Лишь 3% из данной группы заявили о своей готовности проходить службу в рядах вооруженных сил на случай, если не получится поступить в высшее учебное заведение, и тогда возникнет необходимость первоначальных знаний и навыков военной подготовки для службы в армии.

Неуклонно увеличивается доля тех детей, которые родились в Новосибирской области или иных российских регионах, хотя их родители являются выходцами из Средней Азии. Их численность составляет около 25 %, причем 7 % из них заявили, их родители родились в Новосибирской области. Свыше половины курсантов клубного формирования живут в данном регионе уже более семи лет. Немало и тех, кто учится в Новосибирске, начиная с нулевого класса. И хотя все дети не забыли свой родной язык, так как в их семьях, как правило, разговаривают на родном языке, многие из опрошенных признают, что язык их Родины (там, где они родились) с каждым годом дается с большим трудом.

На наш взгляд, следует посмотреть и на социальные условия их жизни. Большая часть детей живет в многодетных семьях. Их родители, как правило, имеют небольшие доходы, где матери в половине случаев лишены возможности работать. В квартирах (это жилье эконом-класса), проживает от пяти до одиннадцати человек, включая не только близких, но и иных родственников. Пребывание вне дома и соответственно проведение своего досуга где-то на стороне, видимо, не стоит сбрасывать со счетов и исключать в качестве причин нахождения этих детей в центрах занятости молодежи, учитывая столь непростые жилищные условия.

Опрос позволил сделать и еще один очень важный вывод, связанный не только с пониманием детьми и подростками своей идентичности, но и их отношением к тем условиям, в которых они оказались. Говоря о своей Родине как о территории за пределами России, члены клуба признают важность выполнения конституционного долга, правовых норм РФ и в значительной степени воспринимают новые условия как вторую Родину.

Анализ миграционных процессов в Новосибирской области и, в частности, особенностей адаптации мигрантов к новым условиям этнокультурной среды, позволяет сделать следующие выводы:

- проблема адаптации мигрантов является чрезвычайно сложной и требует комплексного подхода;
- для успешного решения проблемы адаптации мигрантов недостаточно усилий только административных органов;

- чрезвычайно важным представляется объединение усилий общественных организаций и образовательных учреждений;
- особое место должна занимать работа с молодыми людьми, она требует особого подхода, новых форм и обобщение передового опыта.

Список литературы

1. Путин В. В. Россия: национальный вопрос / Политика: газ. 23.01. 2012.
2. Гроздья гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Весна – осень 2014 года. URL: rating@roscink.ru <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/>.
3. Уорд К. Азбука аккультурации // Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер, 2003. С. 692.

УДК 172.15:316.472.4

К. А. Дивеева

*Руководитель отдела социологии межнациональных отношений
Центра социологических исследований*

МОЛОДЕЖНЫЙ ЭТНИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Сегодня тема молодежного экстремизма, том числе этнического, является более чем актуальной. С одной стороны, столь пристальное внимание исследователей, властей, представителей охраны правопорядка к данной проблеме обусловлено экономическими, социальными и политическими событиями, с другой стороны, тем, что феномен молодежного экстремизма приобрел новую, ранее неизвестную форму. С распространением глобальной сети Интернет, а именно таких коммуникационных ресурсов, как социальные сети, масштабы распространения экстремистских идей увеличились. Об этом свидетельствуют факты привлечения к административной и уголовной ответственности лиц, распространяющих экстремистские материалы в социальных сетях «ВКонтакте», «Facebook», «Twitter» и др. [3]. Упрощенный доступ к информационным ресурсам, новые способы и средства коммуникации позволяют экстремистам эмоционально и информативно влиять на миллионы людей, привлекать их к своим акциям, пропагандировать свои идеи, призывы, принципы. В таких условиях наиболее уязвимой является молодежь. Молодые люди больше остальных вовлечены в контент различных интернет-ресурсов, а значит, больше остальных подвержены влиянию экстремистской идеологии.

Среди молодежи особой популярностью пользуются социальные сети. По данным сайта ComScore, до 88 % пользователей Рунета имеют аккаунты в социальных сетях, большую часть аудитории которых составляет молодежь в возрасте от 18 до 34 лет [4]. Причина такой популярности социальных сетей в том, что они дают возможность свободного обмена информацией, неограниченной коммуникации в реальном времени, консолидации в виртуальные социальные сообщества, в рамках которых обсуждаются общественные явления и процессы. Выражая свои взгляды, вступая в дискуссии с другими зарегистрированными пользователями, участник сети убеждает аудиторию в истинности своей точки зрения, но в то же время испытывает на себе влияние идей других участников виртуального пространства [2]. Нередко это служит поводом изменения своих гуманистических взглядов на радикальные, а в некоторых случаях экстремистские. Вместе с тем социальные сети изобилируют материалами экстремистской направленности, способными не просто спровоцировать пользователя на принятие экстремистской идеологии, но и побудить к действию. Так, например, результаты исследования, проведенного в 2014 году специалистами Центра социологических исследований «Мониторинг Общественного Мнения», показали, что существует три коммуникативные стратегии, реализуемые участниками социальной сети «ВКонтакте» в рамках виртуальных сообществ, связанных с межнациональной проблематикой: 1) стратегия формирования ненависти к представителям другой национальности; 2) стратегия побуждения к насилию над представителями других национальностей; 3) контрстратегия защиты другой культуры и нации [1].

Первая стратегия включает в себя несколько речевых тактик, в основе которых лежит эмоционально-оценочный аспект. Авторы экстремистских текстов обвиняют выходцев из кавказских регионов в совершении преступлений и разбойных действий по отношению к населению принимающей территории. Размещение видеороликов, фотографий с запечатленными на них актами совершения разбойных действий и преступлений выходцами из кавказских регионов служит как бы подтверждением обвинений в их адрес. Эти материалы вызывают чувство обеспокоенности в сознании молодых людей за свое будущее, заставляют воспринимать иностранных мигрантов, в том числе и трудовых, как угрозу выживания жителей принимающего региона. Это подтверждают такие высказывания: *«вот те люди которые не дают Русским жить спокойно. Благодаря им мы боимся ездить на автобусах, самолетах, ходить на вокзалы и аэропорты их называют ТЕРОРИСТЫ СМЕРТНИКИ . Если запретить им въезд на нашу родину все будит по другому !!!»; «друзья!! а, самое страшное что в 2050 году чернажопых мусульман заполнит уже более 80 процентов чем россияян».* Вместе с тем иностранные мигранты, преимущественно представители кавказских национальностей, воспринимаются молодыми людьми как отсталый, бесполезный народ. Представление о нации в целом формируется на основе наблюдения за ее единичными представителями, проживающими в социально-культурных условиях другой страны, а также на убеждении в том, что все азиатские страны – это бедные страны с неразвитой экономикой и низким уровнем культуры. *«Кавказцы – бесполезная нация. Они ничего не производят, а только потребляют. Среди них нет писателей, художников, ученых. Они гордятся своей родиной, но постоянно мигрируют в другие страны от нее подальше. Если их стереть с лица земли, никто*

не заметит, ибо мир ничего не потеряет, наоборот станет лучше. Будет намного меньше войн, меньше крови. И огромные деньги, выделяемые на Кавказ пойдут на более нужные вещи».

Другой стратегией, распространенной в сообществах социальной сети «ВКонтакте», является стратегия побуждения к насилию над представителями других национальностей. Авторы этой стратегии транслируют идеологию фашизма, национал-шовинизма, радикализма, распространяют идеи культа силы, отчуждения от общественных норм и призывают к объединению во имя защиты Родины от так называемых «чужих». Указанная стратегия является наиболее опасной, так как содержит в себе поведенческий аспект. Это подтверждают следующие комментарии: *«в красноярске в черемушках чурки как дома РУССКИХ ГОНЯЮТ ДАВАЙТЕ ОБЪЕДИНИМСЯ И ВОСТАНОВИМ ПОРЯДОК НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ!!!!»; «друзья давайте держаться вместе!мы должны быть сильнее них тем более на нашей земле мы заставим их уважать Русскую культуру Русский народ и Русских женьщин!!!!жить по нашим правилам на нашей земле не смеяться над Русским народом!!!!!».* В данных высказываниях заложен эмоциональный посыл, апеллирующий к индивидуальным переживаниям. Ущемление личных прав и свободы русского человека служит мотивом консолидации с целью восстановления так называемой справедливости через осуществление насильственных действий над представителями других национальностей.

Еще одной стратегией, противоположной двум предыдущим, является контрстратегия защиты другой культуры и нации. Данная стратегия представлена репликами, содержащими логические аргументы, которые доказывают абсурдность некоторых утверждений. Авторы таких аргументов «отзеркаливают» дискредитирующие высказывания в адрес представителей других национальностей и приводят доказательства своей правоты: *«Я в шоке ребят.. как вы можете так рассуждать?!!! вас же не выгоняют со стран куда выездите отдыхать!!! Хотя мы тоже не ангелы и оставляем огромную память о России в других странах!!! может начнем делить мир на мусульман и христиан? бред какой-то!!! Вы сами то уверены, что вы русские? все ли ваши предки русские??».* Данная стратегия встречается нечасто. В большинстве случаев характер подачи текста более выраженный и агрессивный.

Кроме того, некоторые исследователи отмечают, что сами тексты, транслирующие экстремистскую идеологию, построены особым образом с использованием манипулятивных технологий. Так, например, специалисты Донского государственного технического университета В. В. Котлярова, М. М. Шубина и О. Н. Сысоева отмечают, что в социальных сетях эффективно применяются суггестивные технологии для вовлечения молодежи в ряды террористов. По мнению исследователей, наиболее эффективными такие технологии являются в социальных сетях по ряду причин. Во-первых, существует высокая степень доверия населения к неофициальным источникам информации. Во-вторых, привлечение аудитории происходит посредством нереального обещания решения любых проблем. В-третьих, сетевые сообщества часто формируются на основе эмпатии. Механизм рекрутинга действует по особой схеме, в результате которого реальный жизненный мир жертвы полностью замещается виртуальным и человек становится готовым к террористической деятельности.

Таким образом, в условиях активного распространения интернет-ресурсов многие социальные явления приобретают новую форму, и молодежный этнический экстремизм не является исключением. Переходя из реальной жизненной сферы в виртуальную, он приоб-

ретают новые свойства и возможности. Современные способы и средства коммуникации позволяют эмоционально воздействовать на сознание миллионов людей посредством различных стратегий и тактик, а в ряде случаев и манипулятивных технологий. Следствием такой деятельности является вовлечение молодых людей в экстремистские организации, которые имеют свои виртуальные аналоги. Особенностью экстремистских организаций является то, что они постоянно «эволюционируют», образуя новые наиболее агрессивные и социально-опасные структуры, создающие угрозу безопасности общества.

Список литературы

1. Антонова Ю. А. Виртуальное сообщество в социальной сети как способ распространения экстремистской идеологии среди молодежи // Политическая лингвистика. 2012. № 4. С. 71–80
2. Котлярова В. В., Шубина М. М., Сысоева О. Н. Молодежный экстремизм в социальных сетях: специфика и теоретическое осмысление // Вестн. высш. шк. Массовые коммуникации и молодежь. 2016. № 5. С. 95–99.
3. Расизм и ксенофобия // Информационно-аналитический центр «Сова». URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/>.
4. Исследовательская компания ComScore.com. URL: <http://ComScore.com>.

УДК 323.23:172.15

Н. О. Немаева

Аспирант кафедры культурологии Сибирского федерального университета

ЭТНОСПЕЦИФИКА СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «СВЯЩЕННОЕ»: РЕЗУЛЬТАТЫ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Устойчивость этнической группы определяет ее внутреннее единство: ощущение сопричастности к общности и общая система ценностей, являющаяся важнейшей составляющей ядра культуры [1; 2]. Сегодня в условиях всемирной глобализации, широкой компьютеризации и информатизации общества происходят процессы утраты идентичности, смещаются ценности [3; 4]. Проблемы идентичности как внутреннего самосознания требуют изучения не только со стороны своих внешних проявлений, но и в области глубоко личного восприятия действительности, в изучении которого в последние годы широко применяется ассоциативный эксперимент. Данный вид эксперимента основан на вербальных ассоциациях, сосредоточенных вокруг слова-стимула, выбранного согласно поставленным задачам. Ассоциации указывают на смысловое наполнение слова-стимула, вкладываемое в него испытуемым. При проведении ассоциативного эксперимента в группе людей, объединенных по одному или нескольким признакам, в случае большого числа повторяющихся ассоциаций можно говорить об их культурной обусловленности [5; 6].

Среди студентов Сибирского федерального университета был проведен свободный ассоциативный эксперимент со словом-стимулом «священное». Слово «священное» явно ориентировано на духовную сферу и напрямую связано с религиозной идентичностью, что позволяет, не только выявить существующую систему ценностных ориентаций, но и охватить наиболее широкий спектр явлений, оказывающих влияние на ее формирование.

В эксперименте приняли участие 300 человек обоих полов в возрасте от 17 до 25 лет. Все респонденты являются студентами Сибирского федерального университета и обучаются на гуманитарных, технических, естественнонаучных и творческих направлениях от 1 до 4 года обучения. В результате обработки полученных данных было получено 392 ассоциации (1 379 слов), при этом 78 из 300 респондентов представили количество ассоциаций меньше предложенного минимума в 5 слов, а еще 126 – минимально заданное количество.

Наибольшее количество полученных ассоциаций относятся к религиозной сфере и сфере ценностных ориентаций, так к религиозной сфере относятся 365 слов-ассоциаций, к сфере ценностных ориентаций – 317.

В свою очередь, данные группы можно разделить на несколько категорий. Религиозную на материальное (228): «церковь» (81), «икона» (24); и нематериальное (139): «религия» (40), «Бог» (39), «вера» (24). Большая часть полученных ассоциаций относится к предметам и объектам Православной культуры (128), значительно меньшая к Буддизму (3) и Исламу (2).

Сфера ценностных ориентаций подразделяется на ценности, обусловленные социальными привязанностями (173): «семья» (68), «дом» (23), «мама» (18), и представленные в меньшем количестве, универсальные (общечеловеческие) ценности (139): «любовь» (29), «жизнь» (17), «чистота» (10).

Оставшиеся группы отличаются сравнительно небольшим количеством слов-ассоциаций и относятся к: природным объектам и явлениям (49): «небо» (7), «дерево» (5), «солнце» (5); актуальным целям респондентов (29): «учеба» (7), «карьера» (3); ассоциациям, связанным с гражданской сферой (27): «держава» (6), «страна» (6), «Россия» (3); истории (28) и мифологии (17).

По данным эксперимента понятийное ядро слова «священное» состоит из слов «церковь» и «семья», в центральную часть понятия входят «религия», «Бог», «любовь», на периферии «вера», «икона», «дом», «храм».

Оценочный компонент (183) представлен как положительными (154), так и отрицательными (29) ассоциациями. Наиболее часто положительные ассоциации характеризуют отношение респондентов к объектам, воспринимаемым ими как священные, в целом «священное» характеризуется как «святое» (19), «важное» (18), «ценное» (12). Отрицательное отношение в основном выражается в негативном отношении к религии как к обману (9), заблуждению (8). С учетом коннотации понятий «священное» и «религия» преобладание положительных характеристик свидетельствует о преимущественно хорошем отношении к религии, при этом большая часть респондентов воспринимает священное как относящееся к Православию, что указывает на присущую большинству опрошенных православную идентичность.

В результате обработки данных ассоциативного эксперимента сформулированы следующие выводы:

1. В среднем на респондента приходится 4,5 слова-реакции, у 27 % опрошенных существуют затруднения с определением слова «священное», что косвенно свидетельствует об утрате ценностных ориентиров значительной части сибирской молодежи.

2. Ведущую роль в системе ценностей занимают социально обусловленные связи: ценности локализуются в пределах семьи и ближайшего окружения.

3. Понятие «священное» слабо соотносится с государственными и политическими сферами, что опосредованно указывает на разрыв современного сознания с «русской идеей» и православной моделью «Святой Руси», несмотря на широкое распространение данного термина [7].

4. «Священное» воспринимается как реально существующая действительность. Небольшое число исторических и мифологических ассоциаций и преобладающее количество ассоциаций с предметами и объектами культа, в частности указание таких мест, как «церковь», «храм», «собор», говорят о восприятии «священного» как реально существующей действительности.

Список литературы

1. Усманова З. А. Вербальная репрезентация общечеловеческих ценностей сквозь призму квебекской идентичности // Система ценностей современного общества. 2014. № 34. С. 49–53.

2. Ягубова С. Я. Типологизация ценностей: социально-философский анализ // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2016. № 3. С. 221–229.

3. Обморокова А. М. Отражение процессов региональной идентификации и самоидентификации в Красноярском культурном пространстве (на материале анализа концепта «Родина») // Социодинамика. 2015. № 3. С. 69–93.

4. Мишучков А. А. Традиционные ценности в глобализирующемся мире // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2015. № 3 (178). С. 65–71.

5. Назаров А. И., Соколов Р. В. Ассоциация и ассоциативный эксперимент: разные судьбы // Вопросы психологии. 2007. № 4. С. 125–138.

6. Васильева С. П., Ильина А. Г. Семантическое поле «Религия», по данным ассоциативного эксперимента // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. 2013. № 3. С. 162–166.

7. Щербинин А. И. Щербинина Н. Г. Конструкт «Святая Русь» и его смысловые актуализации // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015. № 3 (31). С. 5–14.

УДК 314.151:394(571.150)

А. И. Евдокимов

*Аспирант кафедры философии и культурологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова*

**ВЛИЯНИЕ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЙ МИГРАЦИИ
НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА САЯНО-АЛТАЯ***

Внешние миграционные процессы на территории Саяно-Алтайского региона, к которому относятся республики Алтай, Тыва и Хакасия, в период независимости Российской Федерации отмечаются некоторыми тенденциями. Во-первых, это эмиграция некоторых этнических групп, связанная с процессами репатриации (например, немцы, евреи). Во-вторых, это иммиграция в регионы трудового населения, преимущественно из азиатских государств. Если в 1990-е годы эту нишу практически полностью занимали китайские мигранты, то в XXI веке их вытеснили мигранты из государств Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан). В последние годы также можно отметить рост популярности региона у трудовых мигрантов из Северной Кореи. В-третьих, необходимо сказать о специфических особенностях исследуемых республик. Так, в Республике Хакасия существует особое культурно-историческое поле отношений с кыргызским этносом, представители которого когда-то проживали на территории республики. Синергетический эффект данного фактора и фактора интенсификации потоков трудовой миграции из Центральной Азии сделал кыргызов в Хакасии самой крупной центрально-азиатской этнической группой – 45,7 % из числа всех мигрантов и государств Центральной Азии [1]. Республика Алтай граничит с Казахстаном, поэтому районом наибольшей активизации отношениями между мигрантами и местного населения является Кош-Агачский район. Экспертами зафиксировано, что именно в этом районе происходит обострение межэтнических отношений между казахами и алтайцами, в первую очередь, на почве религиозного давления и распределения властных ресурсов [2].

Таким образом, Саяно-Алтайский регион сегодня является полем сложных многомерных социальных процессов, в ходе которых происходит трансформация идентичностей как этнических групп в принимающем сообществе, так и в среде мигрантов из стран Центральной Азии. Можно согласиться с Ю. С. Замараевой, что динамика межэтнических отношений, существующих в данном поле, приводит к следующей дилемме: «либо сохранение своего уникального единства и продолжение локального развития родной культуры в истории, либо растворение в поликультурных социальных сообществах ради появления новых целостностей» [3].

© Евдокимов А. И., 2017

* Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ МК-587.2017.6.

В июне – сентябре 2016 года на территории Республик Алтай, Тыва и Хакасия сотрудниками Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова было проведено массовое социологическое исследование [4]. Для проведения массового опроса использовалась целевая, непропорциональная, стратифицированная выборка. Всего было опрошено 1 000 человек, из них: в Республике Алтай – 190 человек, в Республике Тыва – 290 человек, в Республике Хакасия – 520 человек. Опрос проводился среди представителей разных этнических, половозрастных и социально-профессиональных групп.

Результаты последних социологических исследований (2014–2015 годы) показали, что такие понятия, как «миграция» и «мигранты», в сознании жителей Саяно-Алтайского региона преимущественно наполнены отрицательными коннотациями [5]. В данном исследовании мы поставили перед собой задачу, выяснить, в каких сферах общественной жизни региона это проявляется, в связи с чем респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, в какой из сфер общественной жизни влияние мигрантов из стран Центральной Азии наиболее ощутимо?».

Результаты исследования по трем республикам показали, что 32,6% респондентов ощущают наибольшее влияние мигрантов из Центральной Азии в экономической сфере, 13,5 % респондентов – в социальной сфере, 10,7 % респондентов – в культурной (духовной) сфере, 3,1 % – в политической, 9,3 % респондентов не ощущают влияния ни в одной из сфер, 30,9 % респондентов затруднились ответить. Эти данные подтверждают многочисленные мнения экспертов о превалировании влияния центрально-азиатских мигрантов в экономической сфере общественной жизни регионов прибытия. Ответы респондентов показали практически полное отсутствие миграционной составляющей в политической жизни региона. Несмотря на активную работу диаспор и других общественных инструментов влияния на региональные власти, недостаток информации в местных СМИ и общий характер обособленности и закрытости миграционных групп в глазах местного населения делают мигрантов аполитичными. Наибольший интерес представляет показатель «затруднившихся ответить», который лишь немногим меньше экономического показателя. Такое большое число «затруднившихся» респондентов можно объяснить рядом причин. Во-первых, это респонденты, которые просто не хотели отвечать на поставленный вопрос. Во-вторых, это респонденты, которые в целом ощущают влияние со стороны мигрантов из Центральной Азии, но не могут его соотнести с какой-то определенной сферой жизни общества. Это свидетельствует о смещении крена экономического влияния мигрантов в сторону более глубоких социокультурных динамических межэтнических процессов.

Данную гипотезу подтверждает более детальный анализ ответов респондентов в контексте региональной и этнической составляющих. В Республике Тыва результаты исследования подтверждают основные тенденции анализа общей совокупности ответов. Экономическое влияние здесь достигает своего максимума – 37,9 % респондентов, преобладание культурного и социального влияния отмечается 11,4 и 7,6 % респондентов соответственно. 12,1 % респондентов не ощущают влияния мигрантов из стран Центральной Азии ни в одной из сфер. Результаты ответов представителей титульного этноса (тувинцев) в целом совпадают с данными по республике. Можно сделать вывод, что в Республике Тыва миграция

больше всего проявляется в своем традиционном экономическом характере и связана с сезонным приездом трудовых мигрантов на заработки.

В Республике Хакасия преобладание влияния центрально-азиатских мигрантов в экономической сфере жизни общества отметили 33,3 % респондентов, в социальной – 16,5 % респондентов, в культурной – 9,5 %. 5,1 % респондентов не ощущают влияния ни в одной из сфер. Представленные данные подтверждают значение культурно-исторического фактора в восприятии центрально-азиатской миграции в регионе. При этом в ответах представителей хакасского этноса влияние в социальной сфере достигает значительного показателя в 21,4 %. Столь ощутимое отклонение от генеральной совокупности объясняется наметившейся в последние годы активизацией социальных отношений между хакасами и кыргызами, в первую очередь представленной в виде увеличения числа смешанных браков.

В Республике Алтай преобладание влияния мигрантов из стран Центральной Азии в экономической сфере отметили всего 22,6 % респондентов, зато влияние в социальной и культурной сфере отметили 14,2 и 12,6 % респондентов соответственно, что суммарно превосходит показатель экономического влияния. 16,3 % респондентов не ощущают влияния ни в одной из сфер. Столь небольшой процент респондентов, отметивших влияние мигрантов на экономическую сферу, связан с преобладанием сферы туризма в экономике региона, в которую доступ мигрантам из стран Центральной Азии получить непросто. Еще более примечательны результаты ответов алтайцев, среди которых только 12 % респондентов ощущают наибольшее влияние мигрантов в экономической сфере, 10 % – в культурной, 18 % – в социальной и 20% – не ощущают ни в одной из сфер. Однако в данном случае необходимо учитывать тот факт, что исследование проводилось в г. Горно-Алтайске, и ответы респондентов в Кош-Агачском районе, наверняка, сильно бы отличались.

Миграция из стран Центральной Азии продолжает оставаться одной из важных составляющих общественной жизни населения Саяно-Алтайского региона, а также «одним из факторов, консолидирующим это сообщество» [6]. Несмотря на то, что в каждой из исследуемых республик существуют свои особенности как самих отношений между мигрантами и местным населением, так и их восприятием, комплексный анализ динамики этих отношений в общем поле этнокультурных и этносоциальных взаимодействий способствует более ясному пониманию механизмов адаптации мигрантов и гармонизации межэтнических отношений в каждой из республик.

Список литературы

1. Евдокимов А. И. Южно-Сибирский вектор центрально-азиатской миграции: кыргызы в Хакасии // Экология Южной Сибири и сопредельных территорий. Вып. 18: в 2 т. / отв. ред. В. В. Аношин. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2014. С. 165.
2. Мадюкова С. А., Персидская О. А. Региональная специфика этносоциальных процессов и межэтнических отношений в Республике Алтай // Новые исследования Тувы. 2014. № 2 (22). С. 103.

3. Замараева Ю. С. Особенности социокультурных трансформаций миграционных процессов в XX – нач. XXI вв. (на примере Красноярского края) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 649.

4. Социологическое исследование (июнь – сентябрь 2016 г., Хакасия, Тыва, Алтай). Грант Президента РФ по теме: «Российская гражданско-национальная идентичность: новые риски и способы преодоления (региональная модель)» (проект МК-6746.2015.6). Выборочная совокупность – 1000 чел.

5. Евдокимов А. И. Миграционный фактор социокультурной модернизации в Саяно-Алтайском регионе // Современные исследования социальных проблем: электрон. науч. журн. № 3 (59). 2016. С. 221.

6. Ерохина Е. А. Этнические границы в межэтническом сообществе (на примере Республики Хакасия) // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 103.

УДК 316.023(=112.2)(571.51)

О. Г. Осипов

*Магистр первого года обучения сетевой программы «Отечественная история»
Гуманитарного института Сибирского федерального университета*

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА В XX–XXI ВЕКАХ

Советские немцы подверглись в 40-е годы чудовищным действиям со стороны советской власти. 28 августа 1941 г. Был издано постановление СНК СССР «О переселении немцев Поволжья», немцев Поволжья полностью переселили из родных мест в Казахстан, Урал, Сибирь. Республику Немцев Поволжья ликвидировали. Красноярский край принял 75 тыс. немцев. Но в 1942 году всех трудоспособных немцев-мужчин от 17 до 50 лет, затем и женщин отправили трудиться в рабочие колонны по всему Советскому Союзу. Условия жизни там были, как в лагерях. Немцы гибли от холода, голода и болезней. Многие дети остались без опеки и были направлены в детдома или стали беспризорниками. Не все немцы смогли вернуться к своим семьям после войны, некоторым запретили переезжать с места работы. После войны на месте проживания немцев образовали спецкомендатуры, контролировавшие и ведущие учёт немцев. Но когда к власти пришёл Хрущёв начались перемены к лучшему.

Частичная реабилитация

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»

снимал немцев с учёта спецкомендатур, однако не возвращал потерянного имущества и не давал право вернуться в место высылки. Но сменить место жительства стало возможно, не возвращаясь в регион, откуда приехал. Что и сделали многие немцы. На 1959 год в Красноярском крае находилось 66 733 немца, хотя в 1941 году прибыло 75 тыс. человек. С отменой спецпоселения в 1956 году немцы стали постепенно уезжать из Восточной Сибири, главным образом в Казахстан и Среднюю Азию, где также жили немцы. Те, кто оставался, адаптировались к жизни в Сибири. Немцев стремились задействовать в сельском хозяйстве. Подавляющее большинство из них были знакомы с крестьянским трудом – трактористы, коневоды, слесари, кузнецы. Но вскоре они потребовались на Севере, где переселенцам пришлось заняться охотой и рыбалкой. Но даже здесь они поднимали сельское хозяйство. В колхозе имени Свердлова, в деревне Селиванихе Туруханского района, где трудились немцы, увеличились показатели урожайности. В Старо-Туруханске поселенец Шульц на голом месте организовал пригородный совхоз. Вскоре хозяйство обеспечивало районный центр ранней зеленью, молоком, творогом, из года в год увеличивал поставки мяса, обеспечивал все потребности в картофеле и капусте.

Луч света появился в виде Указа Президиума ВС СССР от 29.08.1964 «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья"». С немцев снимались обвинения в пособничестве агрессору, но их возвращение в места отсылки и восстановление республики немцев Поволжья не предусматривалось. Немцы постепенно приживались на новой территории. Проявлялась частичная ассимиляция немцев с русским населением, одним из признаков которой являлось повсеместное овладение русским языком. Молодые немцы использовали его наравне с родным языком.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3.11.1972 «О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан» дал право немцам вернуться в Поволжье. По итогам Всесоюзной переписи 1970 г. в Красноярском крае немцев было 56 650 человек. Прироста населения нет из-за внутренней миграции, ассимиляции. Хотя в 1979 году сокращение уже не столь значительное – около 2 тыс. человек 54 518 человек. Ехать на другой конец страны, где тебя не ждут, где нет твоего дома, твоей земли, твоей семьи, мало кто решался. Люди оставались в местах своей бывшей депортации или искали более подходящие места.

В 1989 году немцев в Красноярском крае было 54 254 человека. Немецкое население Красноярского края уже не снижается высокими темпами, но и не растёт. Мир менялся, шла Перестройка в СССР, налаживались внешние связи с Западной Европой. Немцы СССР хотели изменить своё ущемленное положение. В 1988 году они организовали 3 делегации к руководству ЦК КПСС. Их целями были: полная реабилитация немцев в СССР, восстановление АССР Немцев Поволжья, создание немецких национальных районов в местах проживания немцев, помощь в репатриации немцев в Германию. Однако руководство СССР не приняло их. Партийные работники, местные жители районов Поволжья и мест проживания немцев начали проводить антинемецкую кампанию по недопущению восстановления республики немцев Поволжья, бойкотированию создания общественных организаций советских

немцев. Однако благодаря целеустремленности и любви к своему народу в марте 1989 года создаётся Всесоюзное Общество Советских Немцев «Возрождение» с теми же целями, которые выдвигались на трех делегациях в Москве.

В августе 1990 года 3-я Конференция "Возрождение" выдвинула ультиматум: если власти СССР не восстановят республику немцев Поволжья, то немцы СССР репатрируют в Федеративную Республику Германии. В июле 1990 года руководство СССР осознало взрывоопасность обстановки и постановило созвать Съезд советских немцев. Советская власть хотела сделать Съезд подконтрольным советской власти, но делегаты поддерживали возрождение АССР НП. Тогда Съезд решили перенести. Но ВОСН "Возрождение" решило провести Чрезвычайный Съезд немцев СССР 12–15 марта 1991 года. На нём был избран Временный Совет по восстановлению республики немцев Поволжья. 18–20 октября 1991 года состоялся первый съезд немцев СССР, но официального разрешения проблемы восстановления республики немцев Поволжья от властей СССР не поступило. В декабре 1991 года СССР развалился, прекратилась связь с немецкими диаспорами в бывших союзных республиках. Российская федеральная власть также не решила вопрос по национальной автономии в Поволжье. Начавшиеся экономические, социальные трудности в России были причинами репатриации российских немцев в Германию.

Репатриация немцев в ФРГ по программе переселения этнических немцев. 1993 год – настоящее время

В 1990 году рухнула Берлинская стена, и Германская Демократическая Республика, входившая в социалистический лагерь, объединилась с Федеративной Республикой Германии, входившей в капиталистический лагерь.

Правительство Объединенной Федеративной Республики Германии осуществляло возвращение этнических немцев и немецких граждан в Германию вне зависимости, в каком веке и по каким причинам они покинули Германию, с 1953 года. Поток переселенцев был большой. Немецкие переселенцы (официально: нем. *Aussiedler* – «переселенцы»; с 1993 года – *Spätaussiedler* – «поздние переселенцы») – Лица немецкой национальности или немецкие граждане, попадающие под действие Закона «О делах перемещенных лиц и беженцев», принятого в 1953 году, а также члены их семей. Переселенец получает немецкое гражданство, пособие, льготы для открытия бизнеса. Потомки немцев тоже являются немецкими переселенцами. Члены семьи могут переехать с переселенцем, даже если супруг не является немцем, немкой, но состоит в браке более 3 лет. Дети получают немецкое гражданство вне зависимости от национальности. Супруг другой нации только вид на жительство. Немецкий переселенец должен подать заявление с формулировкой своего происхождения и причины переселения, затем по прибытии он получает визу, сдаёт экзамен по немецкому языку, однако из-за несдачи его могут выслать из страны. Получает свидетельство переселенца, затем получает немецкое гражданство, гражданство страны, из которой уехал, остается действительным.

Поздние немецкие переселенцы – переселенцы после 31 декабря 1992 года из стран бывшего СССР, стран Варшавского договора, Китая. С 2013 года условия переселения облегчились, теперь необязательно переселять семью за один раз. Также экзамен по немецкому

языку можно передавать, от сдачи освобождены несовершеннолетние дети и больные люди. Немецкие переселенцы с Украины с 2014 года принимаются вне очереди.

Также по этому закону могли переселиться немецкие беженцы, покинувшие до 1937 года территории развалившейся Германской и Австро-Венгерской империй и другие страны, беженцы Второй мировой войны; депортированные из земель Польши, Прибалтики, перешедших к СССР, беженцы из этих земель; беженцы из советской зоны оккупации Германии после 1945 года. Однако приём беженцев был недолгим до 1 января 1993 года.

Год	Общее число	В т.ч. из стран бывшего СССР	В том числе по отдельным странам бывшего СССР:						Польша	Румыния	Прочие страны
			Россия	Казахстан	Украина	Киргизия	Узбекистан	Таджикистан			
1990	397.073	147.950	-	-	-	-	-	-	133.872	111.150	4.101
1991	221.995	147.333	-	-	-	-	-	-	40.131	32.184	2.347
1992	230.565	195.629	55.882	114.426	2.700	12.620	3.946	3.305	17.749	16.154	3.783
1993	218.888	207.347	67.365	113.288	2.711	12.373	3.882	4.801	5.431	5.811	3.226
1994	222.591	213.214	68.397	121.517	3.139	10.847	3.757	2.804	2.440	6.615	3.075
1995	217.898	209.409	71.685	117.148	3.650	8.858	3.468	1.834	1.677	6.519	3.059
1996	177.751	172.181	63.311	92.125	3.460	7.467	2.797	870	1.175	4.284	2.262
1997	134.419	131.895	47.055	73.967	3.153	4.010	1.885	415	687	1.777	1.470
1998	103.080	101.550	41.054	51.132	2.983	3.253	1.528	203	488	1.005	1.434
1999	104.916	103.599	45.951	49.391	2.762	2.742	1.193	112	428	855	1.482
2000	95.615	94.558	41.478	45.657	2.773	2.317	920	62	484	547	1.377
2001	98.484	97.434	43.885	46.178	3.176	2.020	990	56	623	380	1.176
2002	91.416	90.587	44.493	38.653	3.179	2.047	844	32	553	256	1.359
2003	72.885	72.289	39.404	26.391	2.711	2.040	714	26	444	137	1.018
2004	59.095	58.728	33.358	19.828	2.299	1.634	646	27	278	76	947
2005	35.522	35.396	21.113	11.206	1.306	840	307	15	80	39	616
2006	7.747	7.626	5.189	1.760	314	183	62	6	80	40	113
2007	5.792	5.695	3.735	1.279	244	211	96	10	70	21	126
2008	4.362	4.301	2.660	1.062	210	128	123	11	44	16	108
2009	3.360	3.292	1.918	851	268	122	44	1	45	23	88
2010	2.350	2.297	1.462	508	160	95	12	6	34	15	58
2011	2.148	2.092	1.257	616	90	65	9	8	33	21	2
2012 ²³	1.817	1.782	1.119	422	118	97	6	0	12	22	1
2013 ²⁴	2.427	2.386	1.307	785	159	59	12	10	11	30	0
2014 ²⁵	5.649	5.613	2.704	2.069	532	120	47	4	23	13	0
2015 ²⁶	6.118	6.096	2.760	1.988	926	144	80	9	13	7	2
2016 ²⁷	4.683	4.675	2.202	1.601	516	100	37	8	-	-	-

С 1992 по 1996 год поток немецких переселенцев ФРГ рос с 55 до 63 тыс., но затем стал постепенно снижаться – до 21 тыс. в 2005 году. Это связано с улучшением социально-экономических условий в России, увеличением зарплат, развитием сферы услуг и торговли, промышленности, сельского хозяйства, интеграцией немцев в российское общество, развитием высшего образования.

Переселение и перспективы переселения немцев в Российскую Федерацию. 2006 – настоящее время

Российская власть понимает, что необходимо оперативно решать вопросы миграции. Государственная Программа по содействию добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников позволит вернуть в Россию людей, покинувших Россию по

разным причинам и желающих вернуться обратно. Немцы тоже могут вернуться по данной программе. Российская федеральная, региональная и муниципальная власти уважительно и адекватно относятся к любым народам, проживающим в России.

Соотечественниками являются: 1) граждане РФ, проживающие за рубежом; 2) лица, имевшие гражданство СССР, проживающие в странах бывшего СССР, получившие там гражданство, лица без гражданства; 3) выходцы из Российской империи, Российской республики, РСФСР, СССР и их потомки. Данные люди уже знакомы с российской культурой, владеют русским языком.

Немцы, проживающие в странах бывшего СССР, в большей части были депортированы из России в республики Средней Азии. Российское общество больше не воспринимает немцев как врагов. Немцы могут спокойно интегрироваться в российское многонациональное общество. Немецкая культура будет развиваться, будет поддерживаться на всех уровнях. В странах Средней Азии, Прибалтики русскоязычное население имеет ограничения в употреблении русского языка, трудоустройстве, развитии российской культуры. В Казахстане принято брать на работу в первую очередь казахов, связи с этим русские и немцы, составляющие значительную часть населения, остаются без работы. 180 тыс. немцев на 2016 год проживало в Казахстане.

Немецкому населению лучше селиться в регионах проживания немцев, в регионах Российской Федерации, таких как Красноярский и Алтайский края, области Западной Сибири и др. Красноярский край будет интересен немцам, благодаря высокому уровню развития промышленности, энергетики, лесопереработки, сельского хозяйства, сферы услуг. Среди немцев много как специалистов промышленности, так и сельского хозяйства, и бизнеса. В Минусинской котловине они могут с успехом заниматься сельским хозяйством, как их предки.

Программа Красноярского края «Оказание содействия добровольному переселению в Красноярский край соотечественников, проживающих за рубежом, на 2013–2020 годы» утверждена Постановлением Правительства Красноярского края № 415 от 29.08.2013. Программа Красноярского края "Содействие занятости населения" Постановлением № 502 от 30.09.2013. Уполномоченный орган по реализации второй программы – Агентство труда и занятости населения Красноярского края. Основными целями программы переселения являются количество участников программы, прибывших в Красноярский край (4 331 человек за 2013–2020 годы), и общая численность участников программы с учётом членов их семей (6 811 человек).

Привлечение в экономику Красноярского края квалифицированных трудовых ресурсов из соотечественников, проживающих за рубежом, заполнение свободных вакансий по рабочим профессиям, техническим и иным востребованным специальностям. Будет проводиться обучение необходимым специальностям, также дополнительное профессиональное обучение, помощь в трудоустройстве соотечественников по программе переселения.

Процедура оформления схожа с немецкой программой репатриации немцев. Необходимо обратиться в консульство или посольство Российской Федерации в стране прожива-

ния, написать заявление, в котором обосновать, что являешься соотечественником, указать образование, опыт и место работы. Затем идёт присвоение статуса соотечественника, получение свидетельства участника Государственной программы, члены его семьи также получают свидетельства участника Государственной программы и при необходимости визы.

Российская Федерация компенсирует расходы на переезд, включая оплату консульского сбора и сбора в счет возмещения фактических расходов, связанных с оформлением визы и приемом заявления о выдаче разрешения на временное проживание, проезд и провоз личного имущества. Участник Государственной программы имеет право ввезти в Российскую Федерацию личное имущество без ограничения общей стоимости и вне зависимости от веса товара, включая транспортные средства. Участники Государственной программы и члены их семей освобождаются от уплаты таможенных пошлин, налогов и сборов в отношении товаров (включая автомобиль) при их ввозе в Российскую Федерацию при пересечении границ стран Таможенного Союза – Казахстан, Беларусь, Россия. Льготы предоставляются на 18 месяцев после прибытия в Россию.

Соотечественник вправе выбрать территорию вселения – территория субъекта Российской Федерации или ее часть, куда целенаправленно привлекаются участники Государственной программы. Устанавливаются две категории территорий вселения: территории приоритетного заселения, стратегически важные, и территории неприоритетного заселения. Участнику Государственной программы и (или) членам его семьи, переселяющимся в Российскую Федерацию на территорию приоритетного заселения с территории иностранного государства подъемные выплачиваются в следующих размерах: участнику Государственной программы – 150 и 90 тыс. руб. на первом и втором этапах выплаты соответственно; каждому члену семьи участника Государственной программы – 70 и 50 тыс. руб. на первом и втором этапах выплаты соответственно. Первый этап – сразу после приезда и постановки на учет по месту пребывания либо регистрации по месту жительства, второй – по истечении 18 месяцев со дня постановки на учет по месту пребывания либо регистрации по месту жительства на территории данной категории. К сожалению, Красноярский край не стал территорией приоритетного заселения, но зато мы можем предложить большой выбор сфер деятельности – от сельского хозяйства до бизнеса.

Участнику Государственной программы и (или) членам его семьи, временно проживавшим на законном основании на территории приоритетного заселения, подъемные выплачиваются в следующих размерах: участнику Государственной программы – 50 и 30 тыс. руб. на первом и втором этапе выплаты соответственно; каждому члену семьи участника Государственной программы – 25 и 15 тыс. руб. на первом и втором этапах выплаты соответственно. Переселенцы могут получить гражданство РФ по упрощенной форме, без сдачи языкового теста, экзамена Истории России, законов РФ, сбора медицинских справок. Гражданство РФ можно оформить после получения разрешения на временное проживание или вида на жительство, для граждан Беларуси и Туркмении действует последняя мера.

Высококвалифицированные специалисты – научные работники и преподаватели для научных исследований и преподавательской деятельности могут быть приглашены в Россию или приехать по собственному желанию. Для этого необходимы виза или приглашение на въезд в Россию, официальное ходатайство о привлечении высококвалифицированного

специалиста, которое заменяет разрешение о привлечении иностранного работника, квот на данные разрешения нет. Затем по прибытию и регистрации на месте жительства возможна выдача постоянного вида на жительство в РФ. Научные работники из числа немецких научных кадров стран бывшего СССР были бы очень востребованы в красноярских научных центрах, университетах, особенно в СФУ, который повышает свои рейтинги год из года, участвует в проекте повышения конкурентной способности российских вузов 5–100, реализует инновационные научные проекты в различных сферах науки.

Патент на трудовую деятельность на основе ФЗ №357 «О внесении изменений в правовое положение иностранных граждан» позволяет приехать в Россию по патенту для трудовой деятельности. Возможность остаться рассматривается самим гражданином и уполномоченными органами. Трудовая деятельность на основе патента не требует получения визы. Для работы в Российской Федерации могут приехать граждане иностранных государств: 1) желающие заниматься трудовой деятельностью в отношении граждан РФ – личные, домашние работники; 2) работа на юридические лица и индивидуальных предпринимателей; 3) работа частным нотариусом; 4) адвокатская деятельность с созданием собственного кабинета; 5) иная деятельность, которая подлежит регистрации и (или) лицензированию. Но здесь условия более жёсткие – нужно иметь документ о владении русским языком, знание истории России, основ законодательства РФ, однако сдача экзамена, по которым для бывших российских немцев и их потомков не доставит большой проблемы. Также нужно иметь миграционную карту с целью визита, документ о постановке на учёт по месту пребывания, заявление о выдаче патента, другие документы. Также необходимо получить заявление о выдаче патента, выданное физическим, юридическим лицом, берущим вас на работу. Максимальный срок действия 12 месяцев. Граждане Беларуси и Туркмении, находящиеся и работающие в РФ, могут оформить разрешение на временное проживание или сразу вид на жительство

Заключение. Немцы являются народом России, частью многонационального общества. Нельзя принижать права народа, его чувства и стремления к идентичности. Нужно больше общаться, находить общие связи, не разделять людей на высших и низших, тогда возможны доверительные отношения, плодотворное сотрудничество и спокойная жизнь в России. Современной России необходимо развивать собственную науку, осваивать инновационные технологии, внедрять эффективные способы производства. Переселение немцев, русских и других народов, покинувших Россию, поможет стране и переселенцам стать единым сильным, развитым государством.

Список литературы

1. О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении: Указ Президиума ВС СССР от 13.12.1955.
2. Евменова Л. Этнические культуры Приенисейского края, 2008.
3. «О внесении изменений в Указ Президиума ВС СССР от 28.08.41 "О переселении немцев Поволжья"»: Указ Президиума ВС СССР от 29.08.1964.
4. О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного для отдельных категорий граждан: Указ Президиума ВС СССР 03.11.1972.

5. О делах перемещенных лиц и беженцев: закон ФРГ 19.05.1953.

6. Государственная программа Красноярского края «Содействие занятости населения», 30.09.2013.

7. Государственная программа по содействию добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, 22.06.2006.

8. О внесении изменений в ФЗ №115"О правовом положении иностранных граждан: федер. закон № 86 от 9.05.2010.

9. О внесении изменений в правовое положение иностранных граждан: федер. закон № 357 от 24.11.2014.

УДК 314.15:316.7(571.51)

М. Р. Арпентьева

*Старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования
Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского*

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ И МИГРАЦИИ СИБИРИ

Один из центральных моментов демографической и культурной политики Сибири, бывшей колонии России, а сейчас – огромной части нашей страны, где проживают тюркские, монгольские, самодийские, чукотско-камчатские, енисейские, тунгусо-маньчжурские, финно-угорские, эскимосско-алеутские и сино-тибетские народы, связан с решением проблем миграции, адаптации мигрантов и преодоления разрыва между разными типами культур, которые представляют собой представители России и в том числе Сибири и представители стран «ближнего» и «дальнего» зарубежья. Прежде всего, для разных культур важны такие измерения их культурных особенностей, как «коллективизм и индивидуализм», а также смежных с ними, рождающих кризис этнической идентичности как кризис отношений с собой и кризис отношений с миром в целом. Миграционные процессы в Сибири во многом обусловлены близостью Казахстана и других стран Средней Азии. Специфика культурно-этнических миграций региона связана, во-первых, с приграничным положением (с Китаем и Казахстаном), а также продолжающимся миграционным обменом с Германией, поддерживающей немецкие области на Алтае и Омске и включающей в себя порядка 3,5 миллионов немцев из бывшего СССР, называющих его «доисторической Родиной». Среди мигрантов Казахстана преобладают русские (около 70 %), украинцы (около 5 %), казахи (около 5 %), немцы (около 3 %) и татары (около 3 %). До конца XX века численность населения Сибири неуклонно увеличивалась за счет мигрантов – переселенцев из европейской части страны, всегда был высоким и естественный прирост населения. Важную

роль в формировании этнического состава региона сыграли принудительные миграции: финны, поляки, литовцы, латыши, эстонцы. Сейчас, напротив, для Сибири важна проблема оттока населения и изменился характер потоков: условия жизни в регионах Сибири стали экстремальными, ставящими население на грань вымирания или бегства, население Сибири и Дальнего Востока за последние два десятилетия лет (с 1990-х по 2010-е годы) сократилось примерно на 2 миллиона человек, в том числе и из-за массовой эмиграции немцев Алтая, составлявших в годы СССР 80 % населения. Также важны и иные программы репатриации, принятые в Германии, Израиле, Греции, Польше, странах Прибалтики, вызвавшие отток иных национальностей. Существуют и процессы «смены идентичности», при которых люди перестали скрывать свою национальность: на рубеже веков этот процесс способствовал относительному росту доли немцев и сгладил отрицательные демографические последствия почти тотальной эмиграции немцев в Германию. Кроме того, многие немцы-мигранты живут «между Россией и Германией», часть вообще – возвращается (половина выезжающих в последние годы становятся реэмигрантами). В большей степени это связано с внутренней миграцией в западную и центральную часть Российской Федерации. Что касается миграции из Китая, то по численности китайской диаспоры Россия находится на одном из ведущих мест в мире: их на территории России, в том числе и Сибири, несколько миллионов, поэтому говорят о «китайской экспансии, при которой в большинстве случаев найти информацию о гражданстве, а тем более об этническом составе трудовых мигрантов невозможно, а сами китайские общины весьма медленно ассимилируются с местным населением – по собственной инициативе и по причине отсутствия инициативы со стороны России. Кроме Казахстана и Китая из стран ближнего зарубежья лидируют Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Армения: «китайская угроза» при этом сменилась «узбекской (кавказской) угрозой». Основной причиной огромной миграции в Сибири современности является демографический переход, значительное превышение рождаемости над смертностью азиатских аграрных странах. При этом сообщества мигрантов за последние годы приобрели четкую иерархическую структуру, характерную для диаспор. Местное же население, по оценкам специалистов не менее 30 % случаев, либо живет в условиях депрессивных поселений – многотысячных «городов-ловушек», где люди имеют жилье и более-менее обустроенный быт, но не имеют работы, а также, как следствие, возможности выезда в другие регионы, либо пытается переехать в центры, в том числе центр России. Психологические проблемы человека, связанные с его этнической принадлежностью, могут быть расположены на континууме «личностные – семейные – родовые – этнические – общечеловеческие». Межгрупповые и межличностные формы взаимодействия образуют некоторый континуум, на одном полюсе которого можно расположить варианты социального поведения человека, полностью обусловленные фактом его группового членства, а на другом – такие формы социального взаимодействия, которые полностью определяются индивидуальными характеристиками участников. При рассмотрении проблемы кросс-культурного взаимодействия изучение межкультурной адаптации (понимаемой как сложный процесс, благодаря которому человек достигает соответствия (совместимости) с новой культурной средой, а также результат этого процесса) всегда имеет большое значение [1–7].

Многие исследователи отмечают поликультурность современного мира, выделяя ряд характеристик или синдромов разных культур [8]:

1) дистанцированность власти: трактовка сообществом/культурой фундаментальной проблемы человеческого неравенства, степень, с которой облечённые меньшей властью члены организаций и институционализированных групп принимают неравное распределение власти и ожидают этого неравенства;

2) избегание неопределённости: переживание общественного напряжения в ожидании неизвестного будущего отражает то, в какой степени та или иная культура задаёт своим членам ощущение спокойствия либо беспокойства в нерегламентированных ситуациях;

3) индивидуализм/коллективизм: интеграция индивидов в первичные группы, степень интеграции членов какого-либо социума в группы, которые оберегают их, взамен получая беспрекословную преданность, и противостоят другим группам;

4) маскулинность/фемининность: распределение ролей/ценностей между мужчинами и женщинами, гендерными группами: варьирование ролей от ассертивных и состязательно-агрессивных, до умеренных и «заботливых»;

5) долгосрочная/краткосрочная ориентированность: выбор фокуса внимания и ценностей для действий человека: будущее, настоящее или прошлое, то есть упорство, бережливость, статусная иерархизация отношений, наличие чувства стыда или «подвижная смиренность» (*flexumility*), взаимные социальные обязательства, уважение традиций, боязнь «потерять лицо», личная устойчивость и стабильность;

6) потворство желаниям/сдержанность: удовлетворение базовых человеческих потребностей, относящихся к наслаждению жизнью либо к самоконтролю, свободное удовлетворение потребностей, связанных с наслаждением жизнью и получением удовольствия, или сдержанность, при которой удовлетворение потребностей контролируется и управляется путём введения строгих общественных норм.

Для описания организационных культур важны еще другие параметры:

1) ориентация на процесс в противовес ориентации на результат, при котором в организациях, ориентированных на результат, представление о своей деятельности у сотрудников приблизительно одинаково, а в организациях, ориентированных на процесс, представление весьма различно, что есть свидетельство их «силы»;

2) ориентация на работу и ответственность только за результаты работы сотрудника в противовес ориентации на работника и ответственность за благосостояние членов культуры, что отражено в модели «управленческой решётки»;

3) профессионализм/космополитизм в противовес местничеству. противостояние внутренней и внешней систем координат: сотрудники идентифицируются как члены профессионального сообщества или члены организации, для которой они работают [9];

4) открытые/закрытые системы – общий стиль внутренней и внешней коммуникации, а также степень лёгкости, с которой принимают посторонних и новичков;

5) жёсткий/нежёсткий стиль управления – степень формализации и пунктуальности в рамках данной организации как компонент профессиональной технологии организации;

б) прагматичность/следование правилам – преобладающий способ (гибкий либо жёсткий) взаимодействия с окружением, в частности с клиентами, степень «ориентации на потребителя».

В современной этнопсихологии, кроме того, выделяется ряд факторов успешных кросс-культурных контактов, связанных с процессом адаптации и «культурным переносом»:

1. Психологический подход фокусируется на способах приспособления изменяющегося опыта к новой культуре, связанным с ними сложностям («рисками»): ностальгия, культурный шок (culture shock), маргинальность, культурное напряжение (напряженность), культурное утомление [3; 7]. Отмечается важность интегративной работы с мигрантами и местным населением.

2. Социологический подход исходит из того, что социальные условия также играют важную роль в помощи мигрантам приспособиться к новой культуре. Способ или характер помощи мигрантам, беженцам, наличие и роль локальных этнических сообществ (меньшинств) в культуре-хозяине (культуре большинства), распространенные в культуре-хозяине установки оказывают влияние на адаптацию. Необходимость поиска работы, потребность в самоопределении у мигрантов, необходимость реализации мультикультурной концепции социальной помощи – это «риски», связанные с социальным аспектом [5; 6].

3. Процессуально-ориентированный подход использует понятие аккультурации. Термин «аккультурация» согласно Дж. Берри, Т. Г. Стефаненко и другим исследователям, выступает как структура (рамка) для описания процесса адаптации человека или группы к новой культуре. Поэтому разделяют собственно аккультурацию – адаптацию социальной группы, и психологическую аккультурацию – адаптацию индивидуального субъекта в инокультурной среде. Аккультурация означает, что группы индивидов из разных культур вступают в непосредственный и продолжительный контакт, последствиями которого являются изменения элементов оригинальной культуры одной или обеих групп [6, р. 242–252; 3–5]. Модель «стресс аккультурации» описывает ситуацию, когда люди, адаптируясь в иной культуре, не могут с легкостью изменить свой поведенческий и интерпретативный репертуары и/или попадают в ситуацию конфликта ценностей. В процессе аккультурации возникает конфликт, при котором источники возникших проблем лежат не в культуре, а в межкультурном взаимодействии [1; 2; 7]. Термин «шок» подразумевает негативный опыт, однако стресс активизирует и позитивные психологические процессы. Согласно теории аккультурации этот процесс связан с поддержанием культуры (важность сохранения культурной идентичности) и участием ее представителей в межкультурных контактах (степень включенности в иную культуру). Конечный результат аккультурации – достигнутая долговременная адаптация со стабильными изменениями в индивидуальном или групповом сознании в ответ на требования среды. Для того чтобы охарактеризовать аккультурацию используются три основных концепта: 1) вынужденность контактов с инокультурной общностью (voluntariness of contacts); 2) аттитуды аккультурации (acculturation attitudes); 3) стресс аккультурации (acculturation stress). Эти три концепта дают в целом возможность кратко охарактеризовать понятие «аккультурации» и ее возможные варианты. Дж. Берри и его последователи также выделяют ряд этнических групп – типов социальных общностей, по-разному переживающих ее: беженцы, иммигранты, местные жители – представители боль-

шинства и представители меньшинства, временные жители (учащиеся или работающие). Разница между ними заключается: в степени добровольность кросс-культурных контактов; в степени постоянства этих контактов (носят ли контакты временный или постоянный характер). Это сказывается на том, насколько проблемным оказывается контакт: так, мигранты испытывают меньше сложностей, чем беженцы и местные жители, а временные жители (учащиеся, туристы) – больше, чем постоянно живущие в стране представители их же этнических групп [6]. Однако культурные изменения (изменения культуры) и миграции не всегда приводят к стрессу и, кроме того, многие взаимодействия культур приводят скорее к позитивным, чем деструктивным, эффектам. Тем не менее существует взаимосвязь между характером аккультурации и уровнем стресса. Так, маргиналы и обособившиеся переживают более выраженный стресс, чем те, кто выбирает стратегии интеграции и ассимиляции. В качестве других важных факторов можно назвать характер установок (установок) аккультурации, уровень их осознания, наличие и характер социальной помощи, доступ к принятию важных социально-политических решений. Таким образом, адаптация к культурному многообразию – содержательно и процессуально вариативный феномен, зависящий от множества внутренних и внешних по отношению к адаптирующимся личности и группе факторов. Его изучение и практическая реализация должны быть комплексными, интегративными. Сибирь нуждается, как и остальные районы России, занимающей второе место в мире по объему миграций, в целенаправленной политике и практике интегративно-воспитательной работы с мигрантами и местным населением, реформировании деятельности миграционных служб с репрессивно-контролирующих на интегративно-помогающих, активизации социальной, педагогической и медицинской работы с мигрантами и иными нуждающимися.

Список литературы

1. Гучинова Э., Комарова Г. Антропология социальных перемен. Исследования по социально-культурной антропологии: сб. ст. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 210–224.
2. Минигалиева М. Р. Кросс-культурные аспекты социально-психологической помощи. Калуга: Манускрипт, 2002. 190 с.
3. Минигалиева М. Р. Толерантность и мультикультурализм: современная этнопсихология и мультикультурное консультирование. Калуга: КГУ, 2012. 332 с.
4. Психология беженцев и вынужденных мигрантов: исследования и опыт практической работы: сб. / под ред. Г. У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001. 320 с.
5. Стефаненко Т. Г., Шлягина Е. И., Ениколопов С. Н. Методы подготовки к межкультурному взаимодействию // Методы этнопсихологического исследования. М.: МГУ, 1993. С. 55–78.
6. Berry J. W. Psychology of acculturation: Understanding individuals moving between cultures // Applied cross-cultural psychology. L., 1990. P. 232–253.
7. Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in Contact / ed. by S. Bochner. Oxford: Pergamon Press, 1982. P. 5–44.
8. Hofstede G. Cultures and organizations: Software of the mind. Glasgow, 1994. 576 p.
9. Merton R. K. Social Theory and Social Structure. N.Y.: Free Press. 1968/1949. 702 p.

УДК 327:371.41

А. П. Мовнар*Кафедра культурологии Сибирского федерального университета*

МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И КИНО: ОБРАЗ ИРАКЦЕВ И КУРДОВ В ИРАНском КИНЕМАТОГРАФЕ

Долгое время жизни иностранцев не уделялось внимания в иранском кинематографе, так как творцы стремились своими картинками решать социальные проблемы именно иранского общества. Такое положение дел сохранялось вплоть до начала 1980-х годов, когда развернулась Ирано-иракская война. Она заставила иранских кинематографистов по-новому взглянуть на представителей других государств. И на каждую из наций у них был свой взгляд вне зависимости от того, какими именно являлись, например, те же иракцы. Естественно, что такое событие, как Ирано-иракская война, оставило свой отпечаток на образе иракских жителей, демонстрируемом иранскими режиссёрами. Но иракцы не единственные иностранцы, которых можно встретить в фильмах иранских режиссёров. Также там часто появляются курды. Объясняется это весьма тесным взаимодействием иранцев с курдами, многие из которых проживают на территории Ирана. Целью данного исследования является определение влияния дипломатических отношений Ирана с Ираком и курдами на образы этих народов в иранском кинематографе. Работа проводится на материале таких фильмов, как «Брак благословенных», Мохсен Махмальбаф (1989), «Башу – маленький чужой среди своих», Бахрам Бейзаи (1990), «Затерянная в Ираке», Бахман Гобади (2002), «Слеза холода», Азизолла Хамиднежад (2004), «И черепахи могут летать», Бахман Гобади (2004).

Образ иракцев в кинематографе Ирана

После Ирано-иракской войны иракцы стали очень часто появляться в произведениях иранских режиссёров. Можно смело утверждать, что они занимают второе место после иранцев по упоминаниям в кинопроизведениях. Именно поэтому справедливо начать исследование именно с анализа иракского народа. Но прежде, чем анализировать кинопроизведения, необходимо понять, каковы политические отношения между Ираном и Ираком в действительности. Долгое время Иран и Ирак были союзными, дружественными государствами. Так было вплоть до 1979 года, когда в результате Исламской революции к власти пришел аятолла Хомейни и была провозглашена Исламская республика Иран. Именно в этом году глава Ирака Саддам Хусейн решил на обострение отношений с Ираном и ввёл туда войска в надежде захватить иранские нефтяные месторождения. Конфликт обострился настолько, что привёл к Ирано-иракской войне 1980–1988 года. Война унесла большое количество жизней, её результатом стало перемирие, которое оставило страны в прежних границах. Но, несмотря на то, что мир между Ираном и Ираком был достигнут, и Саддам Хусейн не оставлял надежд о захвате нефтяных

месторождений, и иранское руководство готовило специальных добровольцев для того, чтобы свергнуть режим Саддама [1]. Нормализация отношений между Ираном и Ираком наступила в 2004 году, когда вместо свергнутого американцами Саддама Хусейна к власти пришло временное правительство. И несмотря на то, что поначалу Иран отказывался признавать данное правительство, считая его полностью подчиняющимся США, в итоге дружеские отношения между двумя странами были восстановлены. А тогдашний президент Ирана Махмуд Ахмадинежад даже совершил дипломатический визит в Ирак [2]. И сейчас уже многие эксперты, а также многие руководители ближневосточных стран утверждают, что именно Иран имеет большое влияние на политику Ирака [3].

После краткого анализа дипломатических отношений двух государств можно переходить к исследованию образа иракцев в иранском кинематографе. Стоит сразу же отметить, что образ иракцев менялся с течением времени. Также у различных режиссёров иракский народ показан по-разному. Но всё же у большинства из них иракцы имеют общие черты. В более ранних работах, таких как «Брак благословенных» и «Башу – маленький чужой среди своих», не происходит никакого разделения иракцев на хороших и плохих. И даже нет выделения кого-то одного, ответственного за уничтожение большого количества иранских жителей. Все иракцы являются плохими, убийцами, врагами. Из-за иракцев у иранцев кошмары. Также при описании иракцев герои, например, используют слово угнетатели. В «Браке благословенных» в качестве солдат-убийц, либо готовящихся на тренировочных площадках, либо участвующих в боевых действиях, представлены как иракские мужчины, так и женщины. Зритель может увидеть этих убийц вживую. Также в кадре часто появляются иракские танки, автоматы и артиллерия, наносящая удары по войскам Ирана.

Немного по-другому дело с визуализацией иракцев обстоит в фильме «Башу – маленький чужой среди своих». Иракцы также являются убийцами и врагами. Но теперь их мы можем видеть лишь в качестве артиллерии, уничтожающей иранские поселения и оставляющей многих детей сиротами. Жизнь главного героя разрушена бомбардировками иракцев, он видит, как его мать заживо сгорает, и вынужден бежать из своего родного поселения. Но после того, как он прибывает в другую деревеньку, зритель видит и здесь последствия войны с иракцами. В деревне практически нет молодых мужчин, женщины вынуждены в одиночку растить детей и работать на полях. В более поздних фильмах всё-таки происходит разделение иракцев на хороших и плохих. А плохие иракцы даже получают своего лидера. Во всех бедах беженцев виноват Саддам Хусейн и его армия.

В фильме «Затерянная в Ираке» появляются такие персонажи, как иракские беженцы. Режиссёр демонстрирует, что и иракцы страдают от войны. Но именно в данном конкретном фильме такая демонстрация происходит с небольшим отличием от предыдущих фильмов. Здесь зритель не видит солдат и взрывов. Но видит последствия войны: разгул преступности, минные поля, над головой героев постоянно пролетают самолёты-бомбардировщики. Также опасность иракской армии обозначается вербально. Героям рассказывают о том, как те молодые иранцы, которые попадают в армию на территории Ирака, принуждаются к службе в этой самой армии. И, наконец, самый яркий момент, указывающий на жестокость иракской армии – братские могилы, окруженные так назы-

ваемыми плакальщицами. В них покоятся расстрелянные жители Ирака, пятнадцать тысяч мужчин.

Фильм «И черепахи могут летать» вновь возвращает образ иракских солдат. Зритель видит сцену, в которой иракские солдаты гонятся за детьми, убивают их родителей, насилуют девочек. Жестокость, которая ломает детей, заставляет их постоянно бояться за свою жизнь. Но опять же, как и в предыдущем фильме, главными виновниками горя людей являются Саддам Хусейн и его армия. А с уничтожением Саддама все проблемы должны разрешиться. Подводя итоги данного параграфа, стоит отметить, что на протяжении всего изучаемого периода иракцы демонстрировались как враги, приносящие смерть, горе и разрушение. Но всё же со временем иранские режиссёры пришли к выводу, что не все иракцы желали уничтожения иранского народа и что и с их стороны есть пострадавшие от войны люди. Стоит также отметить, что такие изменения происходят с временным отдалением от войны. Чем больше времени проходит, тем дружелюбнее становится образ иракцев в кинематографе Ирана.

Образ курдов в иранском кинематографе

Вторыми после иракцев по демонстрации в иранских фильмах являются курды. Причем как иракские, так и иранские. Иранские курды являются важной частью Ирана, в то время как курды иракские также страдали от режима Саддама Хусейна и сражались против него, таким образом, частое обращение к теме курдов не является чем-то удивительным. «Идея о создании «Великого Курдистана» живёт в умах и сердцах десятков миллионов курдов» [4]. И именно это является основной проблемой современного иранского руководства. Стоит сразу сказать, что Иран не стремится уничтожать курдов. Ирану важно сохранить целостность своей страны и не допустить гражданской войны на своей территории. Таким образом, руководство страны стремится сотрудничать с курдами и предлагает им различные пути развития курдского края. И, как отмечают эксперты, такие союзнические отношения с иранскими курдами, позволяют иранским властям развивать свои отношения с иракскими курдами, так как те имеют тесные связи со своими иранскими соотечественниками. Но всё же отмечается, что, несмотря на такую позитивную динамику, в отношениях Ирана и курдов всё ещё сохраняются проблемы. Отдельная часть курдов по-прежнему стремятся создать Великий Курдистан. Некоторые политические оппоненты помогают им в этом, в том числе и поставляя оружие. И следовательно, между курдами и иранской армией происходят вооруженные столкновения. Но всё же большинство курдов и иранцев желают именно мирного разрешения всех разногласий между народами. Благодаря столь разнообразным отношениям Ирана с курдами, их образ в творчестве иранских режиссёров также разносторонен. В фильме «Затерянная в Ираке» перед зрителем предстают курды-беженцы. Причем беженцами являются как иранские, так и иракские курды. И те и другие являются жертвами войны, а точнее одной из сторон войны – Саддама Хусейна и его армии. Также курды показаны работающими и творческими, талантливыми людьми. Они отстраивают свои поселения, обучают детей. К тому же не теряют веры в лучшее и подбадривают друг друга песнями и танцами. К иранцам относятся с благосклонностью, поэтому угрозы Ирану в их образе нет. Такое же изображение курдов можно увидеть в фильме «И черепахи могут летать». Они – жертвы иракского правительства, жертвы Саддама Хусейна. Это объединяет их

с иранцами. Как и в предыдущем фильме, курды здесь показаны трудолюбивыми. Они бесстрашно отправляются собирать мины, которые потом могут обменивать на различные другие вещи, например, антенны, пулеметы и патроны. Важно также заметить, что при демонстрации курдов в обоих фильмах практически не встречаются молодые мужчины, только дети, женщины и старики. Что опять же указывает на то, что курды являются жертвами войны, а мужчины на этой самой войне погибли.

Совсем иной образ курдов предстает перед зрителем в фильме «Слеза холода». Здесь как раз проявляется агрессивная сторона курдского народа. Они минируют поля, устраивают засады и убивают иранских солдат. Руководство иранской армии называет курдов «партизаны» и «вражеские лазутчики, не понимающие человеческого языка». Также режиссёр отмечает хитрость курдов. Они никогда не атакуют в лоб, потому что знают, что иранцы превосходят их по боевой мощи. Всегда стараются победить врага именно своей хитростью. Также командиры курдского восстания показаны жестокими, считающими, что курды не должны контактировать с иранцами, а сами иранские солдаты должны уничтожаться, так как являются оккупантами на курдской земле. Но, что интересно, в данном фильме представлен и другой образ курдов. Люди, которые не просто уничтожают иранских солдат, а борются за свою землю. Один из иранских солдат отмечает, что «курды – это те, с кем можно говорить, кому можно сочувствовать и помогать». Поэтому он не считает чем-то ужасным свою влюбленность в курдскую пастушку и помощь курдской старушке. Этот же солдат утверждает, что «курды – простые люди, которых легко в чём-то убедить». Именно благодаря этому солдату создаётся положительный образ курдов, к которому зритель проникается симпатией и которому сопереживает. И наконец, хотелось бы отметить две сцены, которые указывают на то, что именно единение с курдами – залог успеха Ирана. Первая сцена – это взаимная помощь курдской девушки и иранского солдата друг другу во время снежной пурги. Они прячутся в пещере, а позже признают, что если бы не действовали сообща, то погибли бы. Вторая сцена – финальные кадры, в которых сначала сам солдат подрывается на mine, а затем, увидев это, пастушка бежит к его телу, сама гибнет от взрыва. Таким образом, режиссёр хочет показать, что если разногласия между народами не будут улажены, то они оба обречены на гибель. Из всего вышеописанного можно предположить, что влияние дипломатических отношений двух стран на образ курдов в иранском кино не велико. Так как иранские режиссёры всегда стремились продемонстрировать разные стороны курдского народа, а не представлять его либо лишь с отрицательной или же, наоборот, лишь с положительной стороны.

Список литературы

1. Mottaki: no one can harm Iran-Iraq relations. URL: <http://edition.presstv.ir/detail/115569.html>.
2. Кольчугин Н. П. Иран и Ирак стремятся к дружественным отношениям. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/21-05-12e.html>.
3. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (59): в 2 ч. Ч. I. С. 37–39.
4. Жигалина О. Курдский вопрос в Иране. URL: http://www.iran.ru/news/analytics/87113/Kurdskiy_vopros_v_Irane.

УДК 304.44; 7.071.1

А. В. Кистова

*Кандидат философских наук, заместитель директора по научной работе
Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова, доцент кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета*

СЛОЖНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СИБИРСКИХ ХУДОЖНИКОВ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА (ТВОРЧЕСТВО ДАШИ НАМДАКОВА)

В начале XXI века особую популярность начинают приобретать сибирские художники – представители коренных народов, получившие академическое художественное образование в художественных институтах и в Российской академии художеств. В наибольшей степени это касается представителей Якутии, Бурятии, Хакасии. Одним из самых ярких примеров является творчество бурятского скульптора-графика Даши Намдакова, получившего мировое признание.

С чем же связан растущий интерес в России и за рубежом к творчеству таких мастеров? В качестве гипотезы предлагается рассмотреть феномен сложной культурной идентичности, который, скорее всего, характерен для сибирских художников, совмещающих народные и академические традиции, что делает их работы понятными широкому кругу людей от азиатов до европейцев.

Концепция сложной идентичности начала складываться в начале 2000-х годов в западной социальной и культурной антропологии. Согласно теории Софии Роккас и Мерилин Брюер могут быть выделены несколько типов мультиидентичности, среди которых действительно сложным является только один вариант сочетания различных групповых идентификаций личности – этот тип авторы именуют «слияние» [7].

Под сложной идентичностью исследователи понимают осознанную принадлежность личности к разным группам при условии одновременного понимания различий и интеграции их ценностей.

Тип мультиидентичности «слияние» – действительно, сложная идентичность, которая выстраивается как равнозначность разных культурных групп в сознании индивида. Для нее характерна выработка общего принципа, делающего несовместимые объекты или качества совместимыми – рождение новой структуры, объединяющей несколько различных.

Авторы рассматривают также факторы формирования сложной социальной идентичности. В качестве таковых выделяются:

- сложность социального опыта (неоднородность социальной и культурной среды, в которой формируется личность человека);

- готовность воспринимать сложные структуры (когнитивная направленность личности на развитие, расширение взглядов, принятие новых значимых ценностей);
- ситуативные факторы, способные повлиять на тип формирующейся идентичности: самобытность, когнитивная нагрузка, стресс, ингрупповая угроза.

Опираясь на обозначенные выше условия, предлагал рассмотреть особенности жизни и творчества бурятского скульптора, графика, ювелира и дизайнера Д. Намдакова как процесс и результат формирования сложной идентичности типа «слияние».

Феномен Даши Намдакова

Даши Намдаков родился в многодетной семье потомственного ремесленника (резчика по дереву), работавшего в рамках национальной буддийской традиции, в 1967 году в Забайкалье. Он был шестым ребенком и с детства приучен к труду и ремеслу. Но в отличие от своего отца, братьев и сестер его ждала особенная судьба «удачливого солнца». Именно такое имя Дашинима («даши» – удача, «нима» – солнце) ему дали при рождении ламы с напутствием: «Если не умрет в 15 лет, станет великим» [2, с. 3]. После продолжительной болезни в 15-летнем возрасте Даши получает второе напутствие, но уже от местных шаманов: «Твое созидание – это твоя шаманская практика» [2, с. 3]. Так, на пересечении буддизма и шаманизма начала складываться судьба молодого мастера.

Рис. 1. Дашинима Намдаков

Сложность социального опыта

Бурятия – территория слияния шаманизма, ламаизма и русской культуры. Исторически сложившаяся зона пересечения культур, традиций, народов. Именно в таком сложном социальном пространстве родился и рос маленький Даши.

Рис. 2. Маленький Будда. 2011

Рис. 3. Сибирский шаман

Полученное им в 15-летнем возрасте напутствие от шамана только усилило сложность его социального опыта: «Шаманская практика, энергия пройдут сквозь тебя, и в этом твое предназначение. Всё, что ты творишь своими руками, не твоя заслуга. Это заслуга твоих предков. Через тебя они решили донести искусство. Ты же просто звено, которое служит для передачи информации из мира духовного в мир земной» [2, с. 17]. Это благословление придало всему творчеству Даши сакральный смысл, ориентируя его на самые различные архетипичные темы: от первобытных времен и буддийских образов до фантастических героев и красавиц.

Еще одно усложнение социального опыта произошло в период его обучения в Красноярском художественном институте, где Намдаков получил профессиональное художественное образование и освоил русскую академическую традицию.

В результате сложился неповторимый стиль мастера, который в формах классической скульптурной пластики стал воплощать древнейшие образы мира Азии и Европы, сочетая их с элементами фантастичности и сказки.

Тайна Миллихарья: «Он известен как Пикассо бурят и Гайгер Сибири. Он похож на рок-звезду и лепит как ангел, и его работы включены в коллекции, в частности, Владимира Путина и Романа Абрамовича» [4, с. 2].

Рис. 4. Идея. 2010

Готовность воспринимать сложные структуры

Бурятия – родина кочевников-номадов с невероятно адаптивным и гибким отношением к жизни. Именно это архетипичное мышление является основой уникального художественного почерка Даши Намдакова.

Универсализм кочевого образа жизни и мышления, когда кочевнику приходилось быть и воином, и пастухом, и ремесленником, сформировал когнитивную настроенность бурятов вообще на восприятие сложных структур, открытое отношение к новому и универсализм в жизни и ремесле.

Адаптивность и синкретичность характерна не только для древней национальной памяти, но и для бурятского буддизма, который пришел из Индии, через Китай и Тибет в варианте ламаизма и не только не уничтожил местные шаманские верования, но и включил хранителей мест и покровителей определенных территорий в число буддийских божеств.

Д. Намдаков: «Я хотел бы понять бурятские и буддийские традиции рационально, но, я думаю, что-то во мне знает это лучше, чем я сам» [6, с. 3].

Боб Турман: «... он соединяет человека с природой и с жизнью. И он Пикассо бурят» [3, с. 7].

Рис. 5. Стихия. 1999

Рис. 6. Степная Нефертити. 2001

В целом творчество Даши Намдакова представляет собой сложный сплав азиатских, античных, общечеловеческих образов и архетипов, которые неожиданным образом вдруг проявляют себя в одних и тех же произведениях для разных зрителей. Азиаты видят в его работах знакомое и родное, европейцы – диковинное и фантастическое, но все равно чем-то знакомое.

Д. Намдаков: «Я ученик Микеланджело и Бурделя, Брейгеля и старого японского искусства. А также это сам я» [6, с. 2].

Сабрина Тавернес: «Его работы отражают восточную культуру, но в них вы находите и «Звездные войны» [4, с. 2].

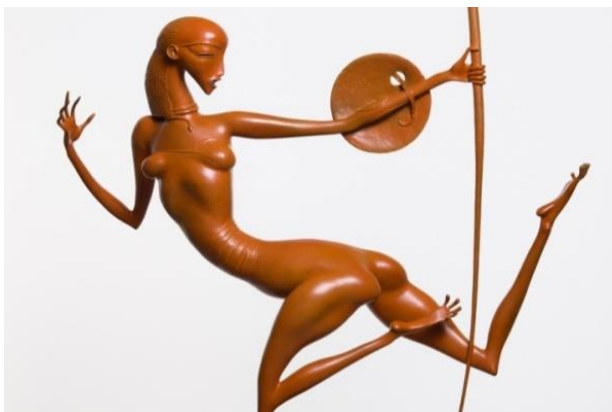

Рис. 7. Victory. 2014

Рис. 8. Птица и тигр. 2014

Художник так говорит о своем опыте знакомства с европейской скульптурной традицией: «Когда попал в Европу, я удивился, как непохожа их скульптура – любая – на нашу. Чтобы понять Генри Мура, понадобилось много времени, он совершил во мне просто революцию... Хочется, чтобы скульптура «вжилась» в пространство. Я не знаю, получится ли это, но ведь это и интересно. Если бы знать точно, тогда бы я потерял интерес. А когда нет интереса, для меня уже работа не имеет смысла. И, конечно, это особая ответственность, когда ставишь вещь в среде. Приходится учиться каждый раз заново» [5, с. 13]. Эти слова как нельзя лучше представляют направленность творчества Даши на поиск нового, интересного, на открытость миру и различным традициям. Но при этом автор сохраняет верность своим этнокультурным архетипам.

Рис. 9. Чингисхан. Мраморная арка, Лондон. 2011

Ситуативные факторы

К ситуативным факторам, повлиявшим на формирование сложной идентичности Д. Намдакова можно отнести следующие.

1. Благословление ламы и шаманов в детстве и юности.

2. Встреча с учителем – Львом Николаевичем Головницким, скульптором, членом Российской академии художеств в годы учебы в Красноярске (1988–1992). Именно этот человек открыл для молодого мастера историю мирового искусства и поддержал его талант, не слав его своеобразия.

3. Поддержка художественной среды: первая профессиональная выставка в Иркутском областном художественном музее (2000) принесла успех и признание его таланта; принятие в члены Союза художников России (2001) и предоставление собственной мастерской в Иркутске.

Рис. 10. Лама с бубном. 2003

Рис. 11. Жемчужина. 2005

4. Многочисленные выставки в Москве, Санкт-Петербурге, Китае, США, Европе, последовавшие за первой удачной выставкой в Иркутске. Затем переезд в Москву и открытие Арт-студии.

Рис. 12. Белая Львица. 2007

Рис. 13. Жук-паук 2. 2006

5. Опыт работы в кино (фильм «Монгол» режиссера С. Бодрова, 2007), где Д. Намдаков выступил в роли художника-постановщика.

6. Переезд в Лондон вместе с семьей. Наследник кочевников желает дать лучшее образование своим детям, которые уже говорят на трёх языках: русский, бурятский, английский.

7. Принятие в члены Флорентийской Академии изящных искусств – последнее событие на сегодняшний момент в блистательной судьбе удачливого солнца из Бурятии (октябрь 2015 г.), являющееся закономерным продолжением восхождения мастера со сложной идентичностью не только в качестве носителя азиатских культурных ценностей, но и общеевропейских и даже в большей степени общечеловеческих.

Рис. 14. Грация. 2014

Таким образом, проведенный анализ позволяет определить, что художник Даши Намдаков действительно обладает редкой сложной идентичностью, которая сложилась в удивительных условиях пересечения и слияния бурятской, буддийской, шаманской, российской и общемировой культур.

В своих произведениях мастер, проявляя сложную культурную идентичность, раскрывает зрителю многогранную азиатско-европейскую и архаико-фантастическую вселенную, которая одновременно и пугает, и притягивает, позволяя реципиентам с разной культурной идентичностью пережить и прочувствовать различные психоэмоциональные опыты.

Изучение и популяризация подобных феноменов может являться весьма перспективным направлением деятельности профессиональных сообществ, способствующих укреплению позитивной региональной и общенациональной идентичности.

Среди мер, способствующих формированию сложной культурной идентичности и, следовательно, развитию творчества художников из числа коренных народов Сибири, можно назвать следующие:

- изучение истории мирового искусства;
- знание основ теории и методологии искусства;
- знакомство с тенденциями современного искусства и новейшими художественными практиками;
- организация семинаров и фестивалей для обмена опытом;
- помощь в подготовке к участию в современных художественных акциях («Молодая Сибирь», «Молодость России», международные биеннале современного искусства и др.);
- кураторская помощь в создании выставочных проектов и поиске собственного авторского стиля.

Список литературы

1. Комарова Н. П. «Поэт Азии». Искусство скульптуры Даши Намдакова. 8 с.
2. Марц Л.В. Традиция и новаторство в искусстве Даши Намдакова. 17 с.
3. Меньшикова М.Л. Новое звено традиции. 16 с.
4. Миллихарья Т. Даши Намдаков и мир мифов. 3 с.
5. Ткачева М. Кочевник в городе. 13 с.
6. Туоминен М.-К. Даши Намдаков. 6 с.
7. Roccas S., Brewer M. B. Social identity complexity // *Personality and Social Psychology Review*. 2002. № 6. P. 88–106.

УДК 314.15(=512.154)

Э. Б. Броттрагер

Аспирант Омского государственного университета

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ДРЕВНОСТИ И СОВРЕМЕННОСТИ У ЭТНИЧЕСКИХ КЫРГЫЗОВ

I. Миграция населения – это перемещение определенных групп людей из одного места в другое. Во все времена перемещаться на новое место людей заставлял поиск лучшей жизни. Миграция бывает внутренней, которая означает перемещение внутри одной страны – часто это из села в город, и внешней – из одного государства в другое. Это самое общее и весьма упрощенное определение явлению миграции.

II. Тема этнических миграций одна из важнейших и проблемных исследований культурогенеза народов Евразии. Это общие процессы, свойственные всем евразийским кочевым или полукочевым племенам, они характерны и для кыргызов, но кыргызы имели свою миграцию и прошли пять исторических этапов своего культурного развития, именно в рамках миграционного процесса.

1. Енисейский этап (по Д. Г. Савинову, С. В. Киселеву, Э. Б. Вадецкой, С. Г. Кляшторному, Ю. С. Худякову), когда кыргызы под натиском гуннов пришли на Енисей из Западной Монголии и Восточного Туркестана. Как и все скотоводческие племена (саки, усунь, тагарцы), кыргызы имели специфические черты, свойственные кочевничеству.

2. Алтайский этап, когда в IX–X веках кыргызы переселяются на Алтай (по Д. Г. Савинову, С. Г. Кляшторному, А. М. Мокееву). Культура кыргызов приобретает новые черты. Согласно теории С. А. Плетневой о стадиях развития культуры кочевых народов, на Алтайском этапе кыргызы переходят от ордо и ставок к городам. Строят гробницы, города, дома, приобретают свою письменность (осваивают тюркскую письменность), религию, близкую огнепоклонничеству индоевропейцев. Переживают эпоху Великодержавия. Происходят важные изменения в культуре в результате миграции в Сибирь.

3. Тянь-шаньский этап. В этот период часть кыргызов переселяется на Тянь-Шань в составе Монгольской империи, потеряв свою государственность. Иногда в миграционных процессах культура меняется, меняется даже самоназвание народа. Так, другая часть кыргызов, оставшихся на Енисее, стала развиваться под названием хакас. Но сохраняется историческая память, она хранится в эпосе, фольклоре, обрядах, традициях, в культурах. И все-таки определяющим остается хозяйственно-культурный тип – скотоводство.

4. При насильственном оседании в советскую эпоху с планами коллективизации, индустриализации Киргизской ССР в рамках Советского Союза хозяйство у кыргызов снова становится многоплановым. Поменялась экономика коренным образом. И у советской культуры, социалистического образа жизни совершенно иные миграционные моменты, цели и задачи.

5. В результате распада СССР, уже в составе СНГ, кыргызы приобрели самостоятельность, и субкультура заменяет уже национальная культура.

Каждый этап отличается от предыдущего.

III. Особую сложность в исторических реконструкциях культурогенеза играет археологический материал, который «требуется не интуитивного уровня, с использованием упрощенных механических концепций миграционного характера». «Культурологические разработки позволяют говорить о разных типах развития, каждый из которых может быть проанализирован на материалах археологии».

IV. Бесценными источниками в изучении культурогенеза кыргызского этноса являются национальный эпос, традиции, язык, религия, которые, в свою очередь, несут следы культурного синтеза с сопредельными этническими группами через идеологию или культурный потенциал в целом, через хозяйственно-культурные типы. При этом и кыргызы оказываются в зоне различных культурных влияний.

УДК 314.745.22/.26

В. Н. Блохин

*Старший преподаватель кафедры истории и педагогики
Белорусской государственной сельскохозяйственной академии*

ПОЛИТИКА ИНТЕГРАЦИИ БЕЖЕНЦЕВ: БЕЛОРУССКИЙ ОПЫТ

Среди глобальных проблем международного сообщества в начале XXI века необходимо выделить проблему вынужденной миграции (беженцев). В настоящее время число таких людей, на которых распространяется мандат Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), составляет более 60 млн. Рост числа беженцев в последние годы связан с кровопролитными конфликтами на Ближнем Востоке. С 2015 года с проблемой массового наплыва беженцев столкнулись страны Европы.

Приоритетной задачей международного сообщества является защита прав и благополучия вынужденных мигрантов, поиск долгосрочных решений для них. В то же время необходимо обеспечение четкого разделения между теми, кто спасается от насилия и преследования, и теми, кто перемещается по своей воле. Беженцам необходима безопасность, помощь и поддержка во время изгнания.

Несмотря на значительный прогресс в области защиты прав человека, решение задачи защиты беженцев стало более сложным, что требует применения инновационных подходов, сильной приверженности и вовлечения все большего числа участников.

Люди в принимающих обществах должны помнить о том, что беженцы оставляют свои семьи, дома и имущество не по своей воле, а в силу обстоятельств, которые они не могут

контролировать. Необходимо помнить и о том, что поиск убежища на чужой территории из страха перед насилием и преследованием является одним из основных прав человека и что права беженцев – это те же права человека. Принятие и уважение беженцев является обязанностью каждого человека [1].

Представительство УВКБ ООН помогает двум категориям беженцев: официально признанными белорусскими властями и получившими статус беженцев и тем, кто зарегистрирован УВКБ ООН как лица, ищущие убежища. С момента своего открытия Представительством УВКБ ООН в Беларуси зарегистрировано свыше 6 000 лиц, ищущих убежища. По информации из государственных источников, на территории Беларуси проживают более 35 000 потенциальных беженцев из стран СНГ, преимущественно граждан Украины.

Представительство УВКБ ООН осуществляет в Беларуси ряд проектов, среди них: ежегодная программа «Забота о беженцах и ищущих убежища», а также две специальные программы – Программа сотрудничества с государственными структурами и Программа по предоставлению технической и финансовой поддержки неправительственным организациям. Главной целью программ УВКБ ООН является содействие повышению заинтересованности государственных и негосударственных организаций в решении проблем беженцев, а именно: помощь государственным учреждениям Беларуси в доведении национальных норм и методов работы с беженцами до международных стандартов; помощь государству в управлении процессом адаптации беженцев в белорусском обществе; содействие предоставлению помощи и социальных услуг наиболее социально незащищенным группам ищущих убежища: женщинам, детям и престарелым [3].

Важнейшей стратегической целью УВКБ ООН, как в Беларуси, так и во всем регионе, является обеспечение защиты для всех лиц, нуждающихся в ней. Обеспечение защиты лиц, ищущих убежища, и беженцев включает:

- беспрепятственный доступ на территорию;
- мониторинг границ, выделение из миграционных потоков лиц, ищущих убежища, и беженцев;
- соответствующую политику, законодательство и методы работы;
- качественную и оперативную процедуру определения статуса беженца;
- систему защиты, учитывающую гендерные и возрастные особенности подопечных лиц;
- защиту против злоупотребления, сексуального и гендерного насилия, эксплуатации;
- внимание к лицам, не имеющим гражданства;
- развитие системы информирования о странах происхождения беженцев [2].

Представительство УВКБ ООН проводит активную работу по выработке долгосрочных решений для беженцев, наиболее реальным из которых является интеграция в общество. В этой области организация разработала совместные проекты с местными органами власти по решению жилищной проблемы для лиц, признанных беженцами.

Беларусь и страны ЕС сталкиваются со сложными миграционными ситуациями, и зачастую эти проблемы представляют собой угрозу для национальной безопасности. По мнению представителей ЕС, за последние годы Республика Беларусь достигла значительных успехов в сфере защиты беженцев и в этом плане может являться положительным примером для других стран.

Привлекательность Беларуси как страны для иммиграции возрастает. Менталитет, моральный дух и культура белорусов в сочетании с политической практикой способствуют тому, что Беларусь стала страной с постоянным положительным миграционным сальдо.

Восприимчивость белорусов к чужой беде, способность сопереживать и сочувствовать стали частью имиджа страны на международной арене.

Однако сегодня надо работать и над встречным процессом. А именно: интегрировать все лучшее, талантливое, трудоспособное, что несет с собой миграция, ради пользы белорусского общества и государства. Большой вклад в разрешение этой проблемы вносят общественные организации Беларуси, которые успешно реализуют проекты с общим названием «Местная интеграция беженцев».

Пока количество беженцев в Беларуси невелико – примерно 2 000 человек. Однако, за 2014–2015 годы в страну прибыло более 50 000 граждан Украины, что связано с военным конфликтом. Лишь около 1,5 % украинских мигрантов обратились за предоставлением статуса беженца.

Все, что ищут беженцы, – это место, где можно вести безопасную и достойную жизнь. Проблема в том, что государств, где можно вести такую жизнь, меньше, чем мест, откуда люди все чаще спасаются бегством. Задача мирового сообщества заключается в том, чтобы создать все условия для возвращения беженцев на родину.

Беларусь сегодня классифицируется как страна транзита миграционных потоков. Возможно, проблема мигрантов в целом и беженцев в частности касается ее несколько меньше, чем других государств. Однако по мере экономического роста, повышения уровня жизни народа Беларусь все в большей степени будет становиться страной, в которую будут стремиться попасть мигранты из более бедных государств. Поэтому необходимо готовить к этому общественное мнение. Должно совершенствоваться законодательство: оно призвано в большей степени соответствовать будущим вызовам [4].

Таким образом, Беларуси необходимо учитывать опыт европейских стран в обеспечении прав беженцев и их интеграции в общество, а также не допускать ошибок в ситуациях массового притока мигрантов. Видится нужным проведение реформирования и дальнейшее улучшение системы приема беженцев, стоит уделять больше внимания повышению качества образования для мигрантов, особенно детей беженцев. Именно качественное образование дает возможность найти достойную работу и реализовать свой потенциал в новых условиях проживания.

Список литературы

1. Селиванова Т. Всемирный день беженцев – 2009 в Беларуси // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2009. № 2. С. 54–57.
2. Моргун Ю. Ф. Достижения и задачи в сфере защиты беженцев в Беларуси // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2007. № 2. С. 56–62.
3. Моргун Ю. Ф. Права человека и защита беженцев // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2000. № 5. С. 38–49.
4. Селиванов А. В. Роль белорусских средств массовой информации в формировании атмосферы толерантности в обществе // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2009. № 1. С. 69–74.

УДК 314.151(571)

А. С. Ким

Доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права, ведущий эксперт Краевого научно-практического центра мониторинга этноконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций (Хабаровский край)

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ЭТНОМИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Современный мультикультурализм, давно выйдя за академические рамки, переставая быть официальным политическим курсом целого ряда европейских государств является устойчивым дискурсом социального существования, с которым ассоциируются культурное разнообразие и групповые культурные идентичности. В пользу этого говорит его широкое зарубежно-региональное распространение, проявляющееся в институционализации его установок и практик в сфере миграционной и этнической политики. Однако степень исследованности соотношения общего и особенного в регионально-страновой институционализации мультикультурализма сравнительно невысока.

Между тем в связи с воздействием масштабной этнической миграции для России весьма актуально рассмотрение реализации мультикультуралистской модели. В составе Российской Федерации есть регионы Дальнего Востока, которые по способу формирования населения имеют много общего со странами – «родинами» мультикультурализма (США, Канада, Австралия), ибо заселялись преимущественно иммиграционными потоками при малочисленности аборигенного населения. Так, в Хабаровском крае, по данным Федеральной миграционной службы, присутствуют представители 145 народов и этнических групп. На предприятиях региона, только по официальным данным, трудятся около 30–35 тыс. иностранных мигрантов. В основном это приехавшие в Дальневосточный регион граждане стран СНГ. На их долю приходится 41 % прибывающих в край иностранных рабочих [1, с. 85]. Большинство иностранных граждан зарегистрировано по месту пребывания в Хабаровске – 71,1 % и Хабаровском районе – 8 %. В первом полугодии 2013 года на миграционный учет в Хабаровском крае было поставлено 67 024 иностранных граждане и лиц без гражданства. По данным миграционной службы, по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года рост численности мигрантов составил 7,3 % [2]. В 2014 году на миграционный учет встало 131 181 человек (–0,2 %) [2], за 11 месяцев 2015 года – 117 022 человека (–3,1 %), в том числе зарегистрировано по месту жительства 3 055 человек (+82,9 %), из них прибывших в визовом порядке – 52 776 человек (+4,5 %) [2]. При этом сохраняется тенденция преобладания в составе приезжающих граждан среднеазиатских стран СНГ. Таким образом, по своим динамическим характе-

ристикам иммиграционные потоки не претерпевают значительных изменений, и в целом следует отметить, что миграционная ситуация остается сложной с точки зрения усиливающейся этноконфессиональной многосоставности населения Хабаровского края.

Мультикультурализм как понятие появился в академическом и социально-политическом лексиконе Канады и США в конце 1960-х годов для обозначения новых интеграционных проектов, кардинально отличавшихся от классической модели «плавильного котла» (melting pot), которая ранее стихийно сложилась в этих государствах. В отличие от ассимиляционного проекта мультикультурная модель концентрируется на усилиях принимающего общества по созданию благоприятных условий для интеграции иммигрантов. С точки зрения мультикультуралистского дискурса, наложение принципиальных социально-экономических различий на этнические, конфессиональные и расовые создает мультипликативный эффект социального неравенства, которое невозможно преодолеть без реализации определенных мер, инициированных властными институтами.

Модель мультикультурной демократии начала реализовываться в США с 1970-х годов. В ее основе лежит постулат о возможности длительного параллельного сосуществования различных расовых и этнических групп в рамках единого национального государства с сохранением многообразия и разноликости культурных форм (например, этнических культур, религиозных и расовых сообществ). Реализация мультикультуралистской модели привела к следующим процессам институционализации иммиграционной политики.

1. В условиях резкого увеличения легальной иммиграции нормы гражданского равноправия стали применяться для интеграции иммигрантов из всех стран мира, а процесс натурализации стал единообразен для выходцев из любых государств вне зависимости от этнического происхождения.

2. Либерализация гражданских прав иммигрантов активизировала политическую деятельность этнокультурных групп по реализации гражданских и политических прав и свобод, сопровождавшуюся ростом значимости судебных инстанций в этом процессе. Например, суд первой инстанции в Техасе обязал правительство штата позволить детям нелегальных иммигрантов посещать государственные школы [3, с. 66].

Можно предположить, что заимствование такого рода радикальной либерализации иммиграционной политики приведет к резкому увеличению и без того пестрого этнокультурного многообразия Дальневосточного региона, а последовательная институционализация мультикультуралистских ценностей позволит иммигрантам различного этнокультурного происхождения добиваться признания групповых интересов в публичной сфере. Формирование диаспор, члены которых не принимают правила местного общепития и не разделяют базовых гражданских и культурных ценностей страны приема, чревато масштабными конфликтными ситуациями. На Дальнем Востоке России, пусть и в отличной от других федеральных округов форме, присутствует признание этнокультурного ядра российской нации – русской культуры, ставшей одновременно национальной культурой России. Данное обстоятельство не вписывается в формат модели североамериканских «иммиграционных» государств, а следовательно, делает невозможным принятие исходных установок на радикализацию этномиграционной политики в версии

мультикультурализма. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года настраивает на укрепление единства российской нации посредством развития интеграции народов России путем сочетания этнокультурной самобытности и гражданской идентичности. Следовательно, иммиграционные группы должны интегрироваться в российское общество, а не продуцировать формирование диаспоральных сетей и сообществ [5]. Что касается поддержания культурного своеобразия приезжих, то оно должно быть в приватной сфере и поддерживаться за счет их собственных усилий. Государство же не должно запрещать публичное выражение своеобразия в формах, не противоречащих закону.

К сожалению, дефицит трудовых ресурсов в Дальневосточном регионе, сопровождающийся неблагоприятной демографической ситуацией, обуславливает отток русскоязычного населения и растущий приток этнических мигрантов, что с неизбежностью приводит к постоянному воспроизводству интереса к классической мультикультуралистской модели, а следовательно, к увеличению вероятности институционализации ее практик. Именно поэтому необходимо изучать опыт конфликтных ситуаций и конфликтов, возникающих как между иммигрантами и старожильческим населением, так и между различными этнокультурными группами самих приезжих. В условиях Дальнего Востока это весьма актуально, поскольку в конфликты могут быть вовлечены представители этносов, которые являются коренными или давно проживающими на территории Российской Федерации.

Таким образом, механическое заимствование мультикультурализма приведет к мультипликации конфликтного потенциала, включающего целый спектр проблем, связанных с усложнением этномиграционных процессов. С другой стороны, интеграция в практики регионального менеджмента полезных с точки зрения рационального развития дальневосточных территорий компонентов мультикультурализма вполне возможна. При условии проведения политики сохранения и развития национальной и региональной идентичностей в процессах регулирования этнической миграции заслуживают внимания «аффирмативные» (утверждающие, позитивные) практики, нацеленные на обеспечение прав меньшинств с точки зрения рациональных усилий государства по аккультурации иммигрантов и их потомков, направленных на обеспечение их функциональной социальной мобильности посредством системы образования [6, с. 144–145]. Кроме того, с учетом необходимости позитивной интеграции в принимающее общество требуют изучения практики применения норм гражданского равноправия в процессе натурализации иммигрантов. С этой точки зрения интересно было бы исследовать опыт деятельности судебных инстанций США в сфере реализации иммигрантами полных гражданских прав, а также активизацию политической деятельности этнокультурных групп, вызванную либерализацией гражданских прав. Следовало бы также изучать деятельность институтов, сформировавшихся в результате развития Движения за гражданские права, которые позволили иммигрантам добиваться признания групповых интересов в публичной сфере [3, с. 66–67].

Стратегия сочетания политики интеграции и политики ассимиляции в регулировании этномиграционных процессов должна быть в связке с социально-экономической стратегией

развития Дальнего Востока. Между тем рост промышленного производства в регионе составил более чем 5 % (по состоянию на сентябрь 2016 года (по стране в целом по итогам 2016 года ожидается 0,3 %)). Кроме того, следует иметь в виду существенное сокращение оттока населения (в 3,5 раза за 6 месяцев 2016 года). Весьма показательны также привлечение за 2016 год более 1 триллиона рублей дополнительных инвестиций (свыше 300 инвестиционных проектов) [4, с. 2]. На Дальнем Востоке создано 13 территорий опережающего развития (ТОР), особый статус «свободного порта» получили Владивосток и еще 4 порта [4, с. 4]. При этом необходимо видеть объективные сложности для создания новых предприятий в регионе. По мнению А. Габуева, руководителя программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского Центра Карнеги, рабочая сила на российском Дальнем Востоке по сравнению с соседними государствами довольно дорогая и малочисленная – на огромной территории проживают всего 6,2 млн человек. Сначала следует грамотно воспользоваться тем, что дала природа, – повысить объемы экспорта нефти и газа, создавая условия, чтобы строились предприятия для все более глубокой переработки. Так же нужно поступить с металлами, лесом, сельским хозяйством, рыбой [4, с. 4]. Итак, целесообразно определиться прежде всего с научно обоснованным управлением местным человеческим капиталом. И только в дополнение к этому рассматривать на предмет прагматичного использования институциональные практики мультикультурализма.

Список литературы

1. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Дальневосточном федеральном округе (по материалам социологических исследований): препринт / И. Ф. Ярулин [и др.]. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2014. 96 с.
2. Официальный сайт Управления ФМС России по Хабаровскому краю. URL: <http://www.27.fms.gov.ru/about/Statistic>.
3. Зайка К. Модели национальной интеграции в условиях возрастающих иммиграционных потоков // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 59–70.
4. Колесниченко А. Марш-бросок на Восток // Аргументы и факты. 2016. № 36 (1869).
5. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52, ст. 7477.
6. Тощенко Ж. Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки: монография. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 432 с.

УДК 314.152.2:325.1

Т. А. Федотова*Кандидат экономических наук, доцент**Днепропетровского национального университета им. О. Гончара***ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В УПРАВЛЕНИИ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ**

В современных условиях доминирующей тенденцией в международных отношениях является глобализация, одним из проявлений которой выступает международная миграция рабочей силы. Все большее распространение и значение получает перемещение человеческих ресурсов, предопределенное социально-экономическими, военными, этническими и религиозными факторами. Существенный рост масштабов международной миграции, вовлечение в нее значительных потоков рабочей силы актуализирует исследование миграции рабочей силы как одной из форм международных хозяйственных связей и ее влияния на мировое хозяйство и национальные экономики стран.

Невзирая на то, что важнейшие аспекты международной миграции рабочей силы нашли свое отражение в трудах многих исследователей, отдельные проблемы, в частности миграционные концепции экономистов развитых стран с учетом возможности их адаптации на национальных просторах, методический инструментарий экономических и социальных эффектов от миграции рабочей силы, остались в определенной степени вне их внимания. Требуется системного анализа и проблема эффективного государственного влияния на процессы трудовой миграции на общегосударственном и региональном уровнях с учетом особенностей, предпосылок, факторов и форм миграции в каждой стране.

Важность исследования миграционных процессов предопределена также стремительным ростом их объемов, наращиванием интенсивности, распространением на всю территорию страны, весомым влиянием на ее экономическое и социальное развитие. Особое место миграции рабочей силы в современных условиях определяется в первую очередь ее динамизмом, быстрым реагированием на изменения в обществе и экономике.

На постсоветском пространстве в последнее время сложилась особая ситуация, когда внутренняя миграция в пределах бывшего СССР превратилась во внешнюю, что потребовало разработки активной миграционной политики. Рост открытости национальных экономик неминуемо приводит к все большему их включению в международный обмен рабочей силой. Усиление территориальной миграции населения предопределяется такими причинами:

- во-первых, структурной перестройкой экономики и связанными с ней ростом безработицы, процессами разгосударствления собственности и приватизации, которые сопровождаются увеличением мобильности капитала, его интенсивным межотраслевым и географическим переливанием;

- во-вторых, неравномерностью в размещении производительных сил, существенными отличиями в социально-экономических условиях жизни в селе и в городе, в разных регионах страны;
- в-третьих, резким ухудшением экологической ситуации в отдельных регионах;
- в-четвертых, интенсификацией миграционных процессов на национальной почве;
- в-пятых, расширением внешнеэкономических связей стран и либерализацией режима выезда граждан за границу.

Обобщим негативные последствия трудовой миграции для стран постсоветского пространства:

1. Выезжает часть трудового потенциала, в том числе высококвалифицированные специалисты, которые впоследствии теряют свои профессиональные навыки, поскольку за рубежом производимая ими работа часто носит примитивный и непрестижный характер [1].

2. Морально-психологический аспект имеет разностороннее влияние: с одной стороны, распадаются семьи, часто молодые, остаются безнадзорными дети и люди преклонных лет, с другой – работая в другой стране, работники теряют собственное здоровье, не получая при этом квалифицированную медицинскую помощь, часто заняты тяжелым физическим и ненормируемым трудом, проживая в сложных бытовых условиях, а кроме этого, они не имеют гарантии получения заработанных средств и правовой защиты от преступных элементов.

3. Рост цен на товары и услуги на внутреннем рынке, в частности на жилье, при существующей низкой покупательной способности основной массы населения. Это, в свою очередь, приводит к неравномерному распределению средств и к еще большему расслоению общества, поскольку самые бедные слои не имеют возможности выехать за границу на заработки.

4. Общее разочарование, потеря национального самосознания, приобретение чужих обычаев и несвойственного менталитета.

К позитивным последствиям трудовой миграции можно отнести следующие:

1. Уменьшение социального напряжения и нагрузки на рынок труда, в частности снижение уровня безработицы.

2. Значительный денежный (валютный) приток (заработанные средства), который дает широкие возможности для увеличения собственного благосостояния населения.

3. Возможность материального содержания на родине семей, в частности детей, финансирование их учебы, улучшения жилищных условий, покупки товаров долговременного пользования, оздоровления родственников и т. п.

3. Развитие малого бизнеса за счет привлеченных средств от "челночной" торговли.

4. Расширение мировоззрения, понимание реальных условий рыночной экономики развитых стран, изучение иностранных языков.

Приоритетами в общем направлении государственной политики в сфере миграции нами предлагаются следующие (рис. 1).

Рис. 1. Приоритеты в общем направлении государственной политики в сфере миграции

На сегодня одна из острейших проблем для многих стран постсоветского пространства заключается в переводе в законное и управляемое русло миграционных процессов [2]. Соответственно, стратегия правительства стран должна иметь такие направления:

1. Улучшение правовой и институциональной базы через реализацию положений миграционного законодательства, приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами.
2. Регулирование деятельности частных посредников, которые оказывают услуги по трудоустройству граждан-резидентов.
3. Подписание соглашения со странами, в которых работают незаконно работники-мигранты, и со странами, которые желают привлечь работников.

Обобщение и анализ полученных результатов позволяет предложить систему государственной поддержки мигрантов на региональном уровне, которая должна включать такие механизмы поддержки, как информационное (помощь в организации трудовой миграции) и правовое (защита прав мигрантов в принимающей стране) обеспечение. Организационная поддержка должна предусматривать создание сети бизнес-инкубаторов, основными заданиями которых определены консультационная помощь; трудоустройство на рабочие места за рубежом, соединенное с подготовкой и переквалификацией работников. Для усиления деловой активности предлагается использование доходов международных мигрантов как инвестиционного ресурса, выведение трансфертов, которые инвестируются мигрантами в места их постоянного проживания, из-под налогообложения, предоставление льгот по налогообложению прибылей и дивидендов на инвестированный капитал.

Рекомендации для повышения эффективности в сфере трудовой миграции содержат следующие элементы, приведенные на рис. 2.

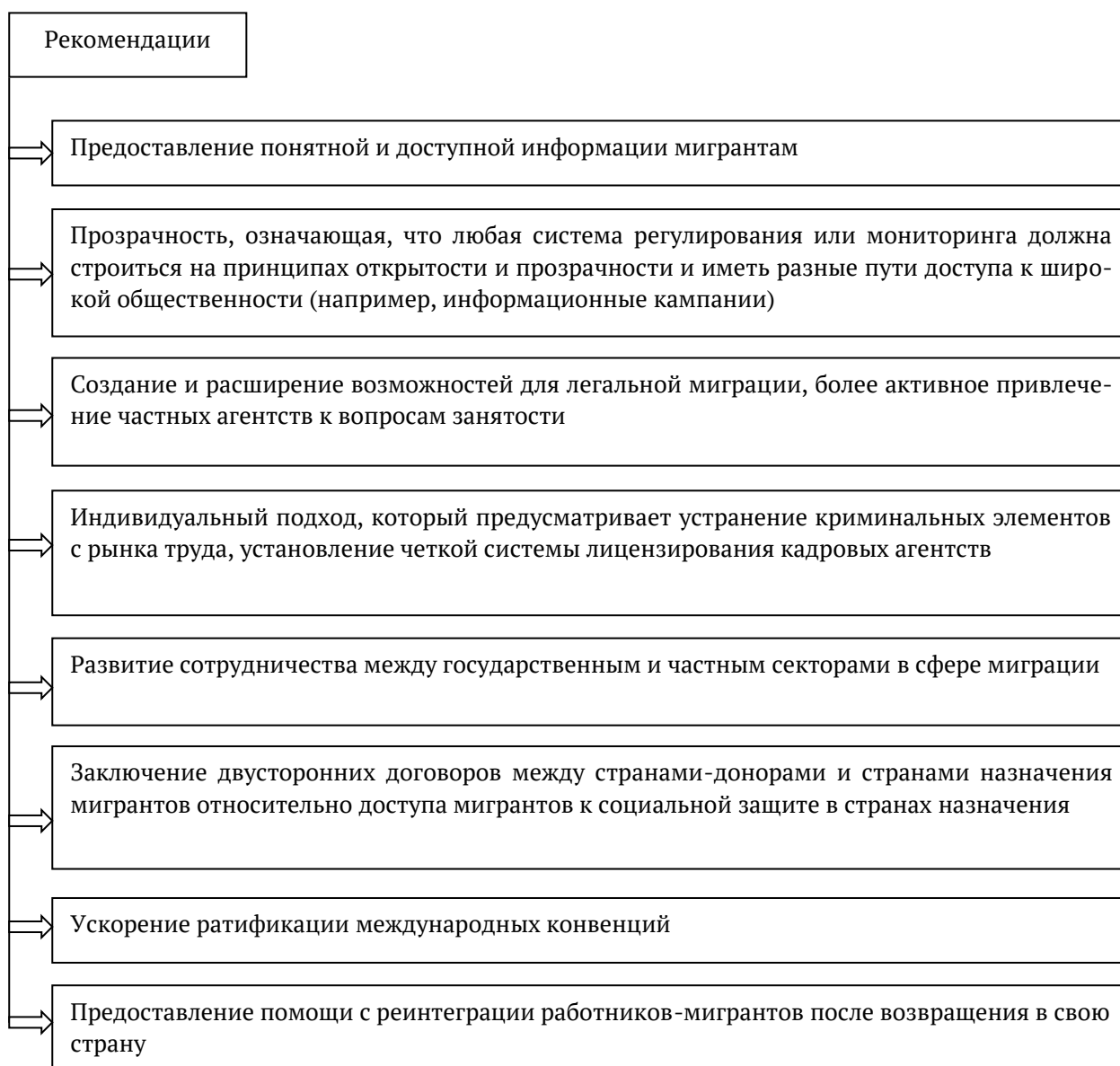

Рис. 2. Рекомендации для повышения эффективности в сфере трудовой миграции

Указанные мероприятия, несомненно, откроют новые возможности для координации усилий и более эффективного управления программами МОМ и других международных организаций в сфере трудовой миграции. Сотрудничество с социальными партнерами может усилить те виды деятельности, которые уже реализуются в направлении наилучшей практики.

Только совместный подход стран к решению проблем управления миграционными потоками, тесное взаимодействие ответственных за обеспечение миграционного порядка служб и ведомств, организаций и стран Европейского Союза смогут обеспечить эффективную деятельность в сфере законной и незаконной миграции в Восточноевропейском регионе.

Список литературы

1. Кириллова Е. Украинские трудовые мигранты в России // Миграция и рынки труда в постсоветской России. М., 2008. С. 87.
2. Разинский В. Евразийская миграционная система: особенности становления и развития. URL: <http://central-eurasia.com/2015/09/22/evraziyskaya-migracionnaya-sistema-os>.

УДК 314ю151(711.8)

Т. С. Мостахова*Доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных экономических и социальных исследований Якутского научного центра Сибирского отделения РАН***МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ:
СПЕЦИФИКА И ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ**

Миграционные процессы имеют особую значимость в формировании населения северных регионов. По мнению Л. Л. Рыбаковского, низкий уровень заселенности приграничных, а в первую очередь северных и восточных регионов России связан с неспособностью государства защитить собственные территориальные интересы, а в итоге это «может привести к непоправимым геополитическим результатам» [1].

Миграционный приток долгое время являлся основным источником роста численности населения на Севере, в том числе и в Республике Саха (Якутия). Наибольший миграционный прирост наблюдался в республике в 70–80-х годов. В 90-е годы в Республике Саха (Якутия) возник отрицательный миграционный отток, настолько существенный, что стало регистрироваться сокращение общей численности населения региона [2].

В отличие от федерации в целом, где коэффициент миграционного прироста имеет положительное значение, Дальневосточный регион на протяжении последних десятилетий теряет свое население (табл. 1). Отрицательный коэффициент миграционной убыли хотя и несколько увеличился, но остается с отрицательным значением. Еще более сложное положение отмечается в Республике Саха (Якутия). Хотя за 1990–2007 годы коэффициент миграционного оттока несколько увеличился, но тем не менее он остается в 2 раза большим, чем по Дальневосточному федеральному округу.

Таблица 1

Динамика миграционного прироста населения за 1990–2014 годы, на 10 000 человек

Территория	1990	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Российская Федерация	19	44	25	9	11	22	21	21	19	17
Дальневосточный федеральный округ	-49	-188	-83	-32	-44	-28	-32	-53	-40	-39
Республика Саха (Якутия)	-60	-219	-92	-49	-74	-103	-88	-96	-70	-56

Из региона, традиционно притягивающего население, как и все северные территории, республика стала регионом интенсивного миграционного оттока. Трансформация подходов к освоению, сокращение горнодобывающего производства привели к свертыванию сети расселения, особенно на севере республики, закрытию так называемых неперспективных поселений. Итогом этих процессов стал интенсивный миграционный отток за пределы ре-

гиона. В формировании численности населения республики произошла смена составляющих его роста – миграционный фактор перестал играть главенствующую роль, характерную для предыдущего периода. Отток населения за пределы республики не компенсируется сокращавшимся в начале столетия естественным приростом.

Важной структурной характеристикой миграционной подвижности является так называемая генетическая структура населения, то есть распределение населения по месту рождения, времени вселения и продолжительности проживания на данной территории. Население, длительное время проживающее на данной территории или являющееся ее уроженцами, создает более стабильную основу демографического потенциала, нежели население, часто мигрирующее. В связи с этим его вполне можно использовать при оценке демографической безопасности региона.

Материалы переписей населения о распределении населения по продолжительности проживания в месте постоянного жительства свидетельствуют о том, что значительная часть населения Якутии участвовала в миграционных процессах. Особенно это характерно для горожан старше 30 лет, около 90 % которых хотя бы один раз меняли место жительства.

Общий рассматриваемый период неоднозначен по своим тенденциям (табл. 2). Перепись 1989 года зафиксировала итоги значительных миграционных перемещений во время интенсивного промышленного освоения территории субъекта [3]. В то время доля неместных уроженцев составляла 61,7 %.

Таблица 2

Доля лиц, живущих в данном населенном пункте не с момента рождения, в общей численности населения, % (по переписям населения 1989–2010 гг.)

Возраст населения	Все население			Городское население			Сельское население		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Всего	61,7	47,0	58,9	70,8	58,2	62,1	43,3	27,4	46,5
моложе трудоспособного	30,2	15,4	16,7	37,1	20,4	17,4	18,3	9,1	15,8
в трудоспособном	78,0	57,6	69,9	85,5	67,7	71,4	60,5	36,4	66,9
старше трудоспособного	66,8	65,5	82,3	88,5	81,9	86,3	38,6	36,9	75,0

Существенный вклад миграционных перемещений в формирование населения РС(Я) показали и результаты микропереписи населения 1994 года. Почти половина якутян (47,8 %) хотя бы раз в жизни сменили место жительства. Почти пятая часть (17,4 %) жила в республике более 25 лет, 44,2 % – от 10 до 25 лет. То есть по сравнению с другими годами произошло существенное сокращение именно этой части населения; покинули республику наиболее адаптированные к суровым условиям Севера мигранты.

К 2002 году показатель сформированности населения за счет местных уроженцев уменьшился до 47 %. На снижение миграционной подвижности населения республики указывает и сократившаяся более чем в 2 раза доля населения младше трудоспособного возраста, живущего в данном населенном пункте не с момента рождения.

Период новых социально-экономических условий вновь увеличил миграционную подвижность населения. Доля людей, проживающих в местности не с рождения, увеличилась до 58,9 %. В городской местности миграционная подвижность населения еще выше, что и отра-

жается на генетической структуре городского населения. Даже у сельских жителей старше трудоспособного возраста наблюдался очень значительный рост данного показателя.

Показатели генетической структуры населения свидетельствуют о значительно большем вкладе миграционных процессов в формирование населения Якутии по сравнению с Российской Федерацией в целом. Миграционная компонента сохраняет свою значимость для демографической безопасности региона.

Сравнительно высокая миграционная подвижность населения оказывает существенное влияние на изменения в этническом составе населения. В структуре мигрантов, прибывших в республику, преобладают мигранты из стран СНГ (99,2 % в 2014 году). В числе последних второе место занимают выходцы из Средней Азии (после украинцев, занимающих 1 место в данной структуре). Причем доля этих мигрантов постоянно увеличивается. Например, доля мигрантов из Киргизии возросла в 4 раза, из Таджикистана – почти в 10 раз.

Изменения в национальном составе населения, вызванные интенсивным миграционным движением, выступают фактором, влияющим на межэтническую обстановку. По данным опросов, проведенных Информационным центром при Главе Республики Саха (Якутия), постоянно сокращается доля респондентов, оценивающих межэтнические отношения как стабильные. В то же время удельный вес лиц, считающих межэтнические отношения неблагоприятными, значительно возрос: с 21,3 % в 2005 году до 30,9 % в 2014 году. Если долю последних дополнить теми, кто затруднился ответить, то получается не очень благоприятная ситуация. Почти половина населения республики считает, что в регионе не все благополучно в сфере межэтнических отношений.

В целях улучшения межэтнических отношений в республике принята государственная программа «Гармонизация межэтнических отношений в Республике Саха (Якутия)», исполнителем которой является Министерство по развитию институтов гражданского общества РС(Я). В рамках данной программы проводится ряд мероприятий по адаптации мигрантов, работа с национально-культурными объединениями. Кроме того, определенную работу с мигрантами проводит и миграционная служба, однако в большей степени работу регистрационного характера. Представляется, что работа с мигрантами в регионе, отличающемся значительным миграционным оборотом, должна иметь более существенное содержательное наполнение, нежели проведение мероприятий этнокультурного характера.

Миграционные процессы, длительное время бывшие источником формирования трудовых ресурсов, до сих оцениваются в том числе и в этом ракурсе. Например, в проекте Стратегии республики до 2030 года предполагается использование внешних мигрантов для восполнения дефицита специалистов в тех или иных отраслях хозяйства, в основном на промышленных объектах. Причем в качестве ожидаемого результата ставится достижение коэффициента миграционного прироста до 9,9 на 100 тыс. человек (при современном уровне – 5,6). Достижение целевого ориентира такого уровня возможно только при значительных финансовых вложениях в создание условий для закрепления мигрантов, что представляется весьма проблематичным. Это потребует и значительного изменения в управленческой системе работы с мигрантами; очевидно, что мер в рамках действующей госпрограммы будет явно недостаточно.

Таким образом, миграционные процессы в Республике Саха (Якутия) оказывают существенное влияние на воспроизводство населения Республики Саха (Якутия). Значимость миграции для формирования трудового потенциала, особенно в условиях Севера, а также в аспекте влияния на социальную обстановку в регионе, должна быть подкреплена адекватными управленческими действиями в этой сфере.

Список литературы

Рыбаковский Л. Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты. URL: <http://www.religare.ru/article10942.htm>.

Сукнева С. А., Мостахова Т. С. Демографическое развитие региона: оценка, прогноз, политика. Новосибирск: Наука, 2002.

Мостахова Т. С., Туманова Д. В. Миграционная привлекательность региона (на примере Республики Саха (Якутия)) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 13. С. 18–23.

УДК 314.151(571.51)

Ю. М. Аксютин

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

МИГРАЦИЯ И МИГРАНТЫ КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ОЦЕНКАХ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ЮЖНОЙ СИБИРИ*

Многочисленные экспертные опросы и агрегированные данные массовых социологических исследований свидетельствуют, что в современной России формируется весьма неоднозначное восприятие процессов внешней и внутренней миграции. С одной стороны, экономика страны в целом и регионов в частности испытывает уже объективную потребность в постоянном притоке как минимум трудовых мигрантов. С другой стороны, в массовом сознании с миграцией связываются серьезные опасения, обусловленные как реальным влиянием мигрантов на характер межэтнических отношений, структуру экономики, что особенно чувствуется в периоды экономического спада, так и активным тиражированием штампа «миграционного нажима». В таком контексте анализ вопросов, связанных с особенностями восприятия миграционной ситуации и индекса антимигрантских настроений в российском социуме, обладает

как академической, так и практической значимостью. Это особенно актуально для полиэтнических регионов, одним из которых является Южная Сибирь (Республики Хакасия, Тыва, Алтай).

Большинством исследователей отмечается, что в последние годы в структуре миграции в Сибирский регион, как официальной, так, вероятно, и реальной, увеличивается доля выходцев из стран Центральной и Средней Азии. В то же время в массовом сознании живет устойчивый стереотип «китайского миграционного нажима» [1; 2]. С целью выявления специфики трансформации восприятия и отношения к мигрантам со стороны принимающего регионального сообщества нами в 2014–2016 годах были осуществлены эмпирические исследования (с применением квотной выборки пропорционально численности населения республик). В ходе анализа результатов массовых опросов было установлено, что порядка 39 % (2016 год – 36,9 %; 2015 год – 38,9 %; 2014 год – 43,2 %) респондентов относятся к факту миграции из стран Центральной и Средней Азии отрицательно. Несколько меньше среди опрошенных было тех, кто выказал безразличное отношение к приезду на заработки в регион людей из Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии (2016 год – 35 %; 2015 год – 38,5 %; 2014 год – 37,7 %). Положительно относящихся к приезду мигрантов из указанных стран было 13,5 % (2014 год – 9,7 %; 2015 год – 12,8 %) [3–5]. Восприятие мигрантов из Китая (особенно – трудовых) также можно назвать стабильно негативным. Отрицательное отношение в 2016 году к выходцам из Поднебесной, приезжающим в регион на заработки, демонстрировали – 34 % (2014 год – 39,7 %; 2015 год – 38,6 %), безразличное – 35,2 % (2014 год – 36,7 %; 2015 г. – 36,6 %), положительное – 14,7 % (2014 год – 10,4 %; 2015 год – 13,6 %) респондентов. Затруднились с ответом – 16,1 % (2014 год – 13,2; 2015 год – 11,2 %) опрошенных. Иными словами, стереотип «китайского миграционного нажима» явно не изжил себя. Отмечаемое снижение потока миграции из Китая с одной стороны, и усиление притока мигрантов из ряда бывших советских республик (в первую очередь из Киргизии), активно осваивающих ранее занятые местным населением экономические ниши (сбор дикоросов, сезонные работы и др.) практически не сдвинули маятник негативного восприятия трудовых мигрантов из Китая. Наличие этнокультурной окрашенности негативного восприятия миграции проявилось и в оценках фактов трудовой миграции из Восточной Европы, Запада и Востока России. Так, негативную оценку миграции из Восточной Европы в исследуемый регион в 2016 год дали 26,8 % (2014 год – 32,8 %; 2015 год – 31,9 %) опрошенных, индифферентную – 42,5 % (2014 год – 40,4 %; 2015 год – 42,5 %), положительную – 14,6 % (2014 год – 13 %; 2015 год – 13,9%). Затруднились с ответом – 16,1 % (2014 год – 13,7 %; 2015 год – 11,7%) респондентов. Миграционные потоки как с Запада России, так и с Востока страны в равной степени (расхождения в рамках погрешности 1 – 2 %) негативно воспринимают – 20,1 % (2014 год – 24,9 %; 2015 год – 21,9 %), безразлично – 43,6 % (2014 год – 42,5 %; 2015 год – 42,5 %), положительно – 18 % (2014 год – 13,4 %; 2015 год – 13,6 %).

Не нашел своего подтверждения распространенный тезис о значительной опосредованности влияния миграции на этносоциальную ситуацию. Восприятие населением миграционных потоков из Китая, Центральной и Средней Азии во многом характеризуется тем, что в них усматривается не столько явление, детерминированное глубокими социально-экономическими причинами, сколько фактор, непосредственно воздействующий на состояние межнациональных отношений. На это указывает тот факт, что миграции придается

высокое, превосходящее другие социальные и экономические причины, значение фактора дестабилизации межнациональных отношений. Миграцию как основную причину обострения межнациональной напряженности в регионе в 2016 год отметили 28,9 % (2014 год – 26,6 %; 2015 год – 30,4 %). По своему конфликтогенному заряду миграционный фактор в сознании жителей региона практически равновесен «бытовому национализму» (2014 год – 29,1 %; 2015 год – 35,4 %; 2016 год – 31 %) и значительно опережает «политическую нестабильность» (2014 год – 11,7 %; 2015 год – 11,1 %; 2016 год – 14,6 %), «ухудшение экономической ситуации» (2014 год – 10,1 %; 2015 год – 8,9 %; 2016 год – 11,4 %).

В заключение тезисно отметим: во-первых, Южная Сибирь была и останется регионом притяжения мигрантов, однако отношение к мигрантам, а особенно трудовым, в Южной Сибири сегодня описывается в терминах «устоявшегося неприятия», что, конечно, свойственно полиэтничным регионам, особенно в периоды экономического спада; во-вторых, несмотря на то, что в основе межэтнической напряженности лежат более глубокие социально-экономические причины, нежели сами по себе миграционные процессы, именно последние воспринимаются как одна из основных причин этой напряженности – фактор, непосредственно воздействующий на состояние межнациональных отношений самим присутствием мигрантов. Очень небольшая часть населения понимает, что экономика региона уже нуждается в притоке мигрантов. Однако все более отдаляющаяся в культурном отношении миграция поддерживает образ «чужого» в общественном сознании, а значит, и настороженное отношение, и высокий уровень ксенофобии. В то же время очевидно, что решение многих проблем в данной сфере зависит не только от желания и активности самого населения, но предполагает продуманные и целенаправленные усилия ответственных управленческих структур и общественных организаций.

Список литературы

1. Смирнова Т. Б. Этнические миграции в Сибири по данным статистики и неформальным наблюдениям // Вестн. Ом. ун-та. Серия «Исторические науки». 2015. № 1 (5). С. 71–75.
2. Евдокимов А. И. Миграция как фактор демаркации культурных различий в борьбе за сохранение национальной идентичности (на примере Саяно-Алтайского региона) // Материалы XIII межрегион. науч. конф. молодых ученых. Новосибирск: Омега Принт, 2016. С. 152–154.
3. Социологическое исследование (2014 г.) в рамках гранта Президента РФ по проекту: «Анализ этнокультурных оснований ценностно-идентификационных конфликтов в постсоветской России: региональный аспект». Соглашение № 14.124.13.2456-МК. Выборочная совокупность – 1000 чел. (Тыва – 290 чел., Хакасия – 520 чел., Алтай – 190 чел.).
4. Социологическое исследование (2015 г.) в рамках гранта РГНФ по проекту «Трансформации надэтнической идентичности в контексте трендов традиционализации и модернизации: имперскость, советскость, этничность и российская гражданственность» (Проект № 14-03-00493). Выборочная совокупность – 1000 чел. (Тыва – 290 чел., Хакасия – 520 чел., Алтай – 190 чел.).
5. Социологическое исследование (2016 г.) в рамках гранта Президента РФ по проекту: «Российская гражданско-национальная идентичность: новые риски и способы преодоления (региональная модель)». Соглашение № 14.Z56.15.6746-МК. Выборочная совокупность – 1000 чел. (Тыва – 290 чел., Хакасия – 520 чел., Алтай – 190 чел.).

УДК 378.1-054.7(571.17)

Л. В. Куркина*Заведующий кафедрой физического воспитания Кемеровского ГСХИ*

ПРОБЛЕМЫ В НАПРАВЛЕНИИ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ-МИГРАНТОВ, ПРИБЫВШИХ НА ОБУЧЕНИЕ В КЕМЕРОВСКУЮ ОБЛАСТЬ (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОГО ГСХИ)

В современном мире придается огромное значение сохранению и укреплению здоровья населения (в частности, молодежи), в том числе и для РФ, является одной из главных социальных задач государства.

Вопросы охраны здоровья и адаптации населения (молодежи) неразрывно связаны с обеспечением санитарно-гигиенического, санитарно-эпидемиологического медицинского благополучия как среди самих мигрантов, так и в населенных пунктах принимающих территорий.

Многие стороны жизни охвачены кризисом. Особенно напряженная экологическая ситуация складывается в последние годы в промышленном городе Кемерово и близко расположенном к нему Кемеровском районе (схема 1–3 и рис. 1).

Техногенез – совокупность геоморфологических процессов, вызванных производственной деятельностью человека. Техногенез – процесс изменения природных комплексов и биогеоценозов под действием производственной деятельности (ГОСТ 17.5.1.01–83). Заключается он в преобразовании биосферы, вызываемом совокупностью геохимических процессов, связан с технической и технологической деятельностью людей по извлечению из окружающей среды, концентрации, перегруппировке целого ряда химических элементов, их минеральных и органических соединений [1].

Анализируя состояние окружающей среды Кемеровской области, следует отметить, что по критериям степени напряженности эколого-гигиенической ситуации его территорию селитебного освоения можно отнести к категории напряженной. В настоящее время идет интенсивное загрязнение земель солями тяжелых металлов. Данный фактор выходит на первый план по опасности для здоровья населения (молодежи) [1].

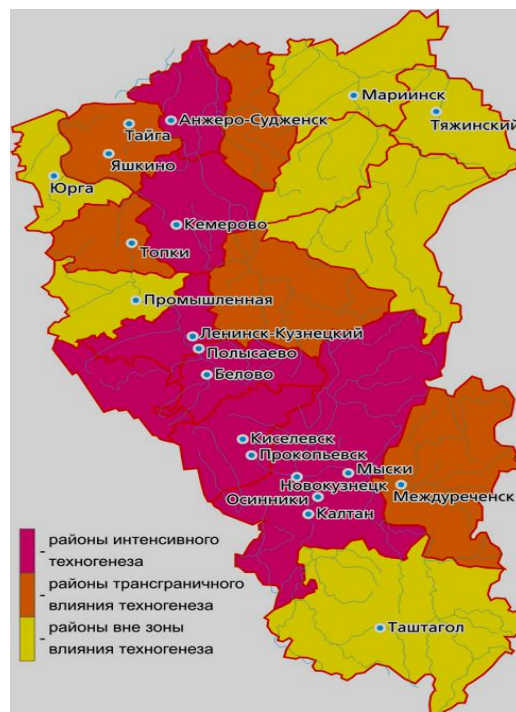

Рис. 1. Карта распределение районов Кемеровской области по интенсивности техногенеза

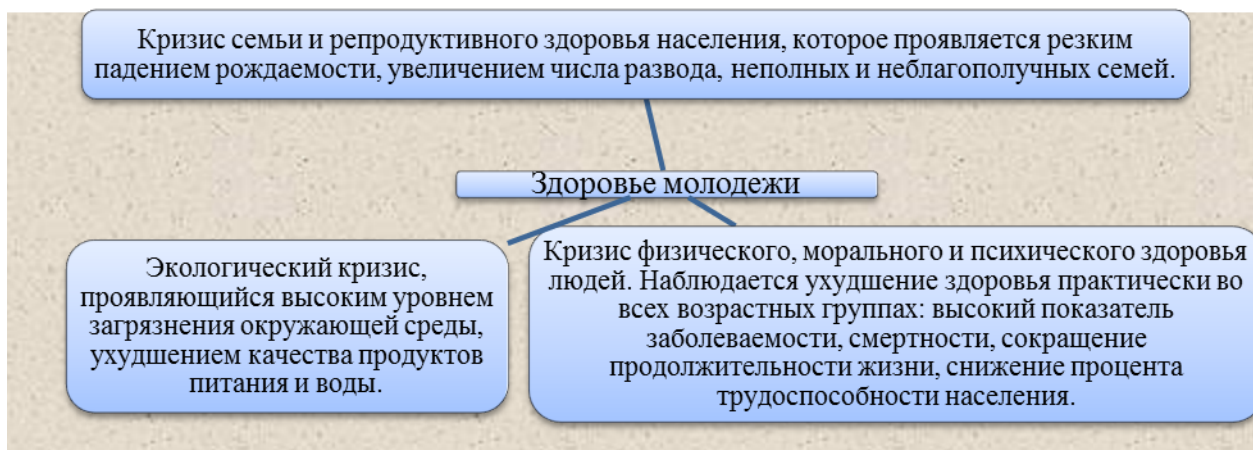

Схема 1. Влияния отрицательных сторон жизни на здоровье населения (молодежи)

Схема 2. Влияния отрицательных сторон жизни на здоровье населения (молодежи)

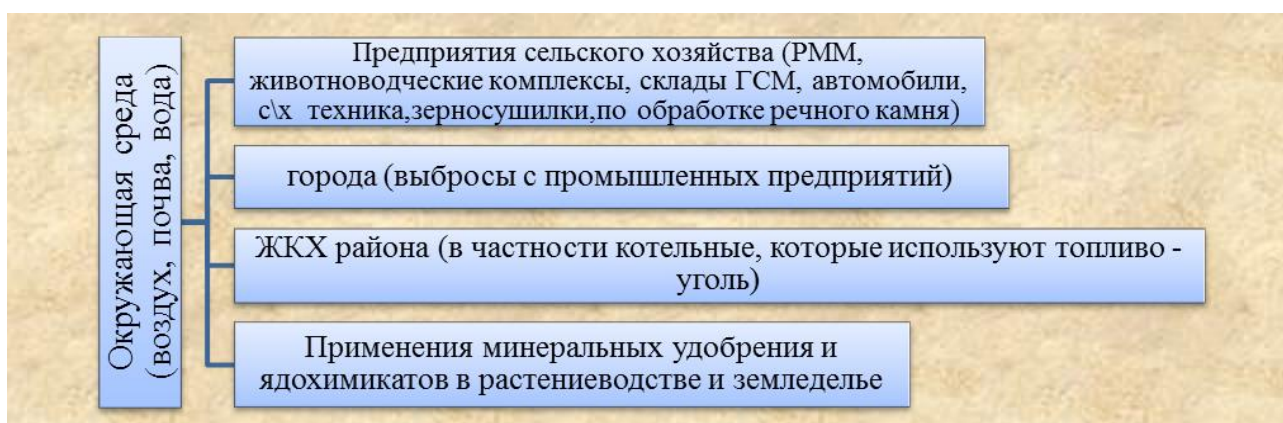

Схема 3. Основные источники загрязнения окружающей среды Кемеровского района

Необходимо отметить, что напряженность территории Кемеровского района и г. Кемерово очень сильно сказывается на индексе здоровья студентов, в частности прибывших из республик Средней Азии, на третьем году обучения. Как практика показывает, на третьем году обучения у студентов-мигрантов идет сильный срыв систем адаптации, что приводит даже к смертельному исходу [2].

Следует отметить, что показатели заболеваемости среди студентов на 1 000 населения за период 2013–2015 годов имеет тенденцию к снижению как общей (составило 4,7 раза), так терапевтической (составило 4,8 раза) (рис. 2).

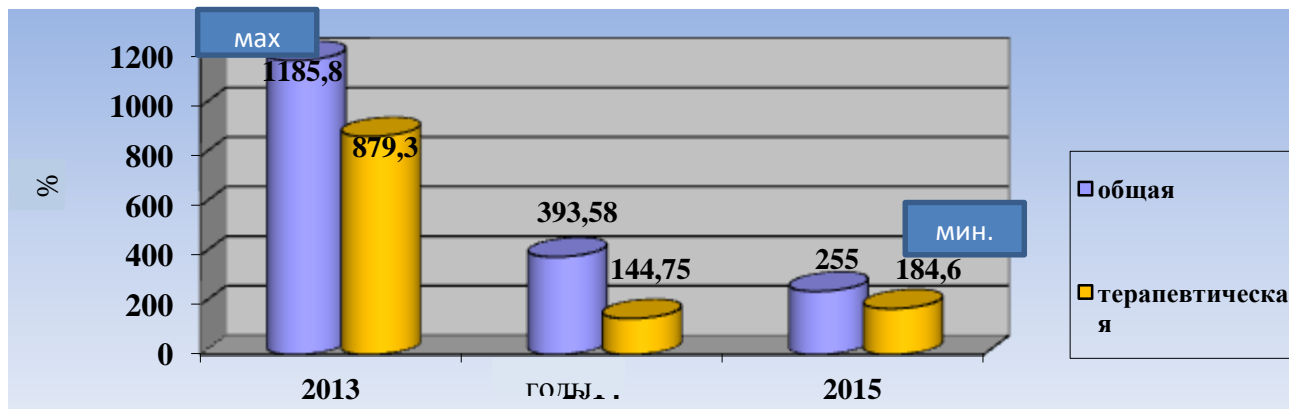

Рис. 2. Показатели заболеваемости на 1 000 населения за период 2013–2015 годов

Для этого были проведены совместные профилактические мероприятия кафедры физического воспитания и медицинских работников: вакцинация против гриппа, вирусного гепатита, клещевого энцефалита и т. д.

Необходимо отметить, что совместные профилактические мероприятия также оказали за период 2013–2015 годов благотворное влияние на снижение заболеваемости по профилю (терапев. заб. – 6,7 раза, ЛОР – 1,3 раза, хирург. – 23,8 раза, глазных заб. – 7,4 раза, невролог. заб. – 5,2 раза).

Анализируя многолетние данные медицинского обследования студентов 1-го курса за период с 2005 по 2015 год можно отметить, что поступивших студентов в 2015 году основной группы здоровья (то есть практических здоровых) было **86,44 %**, в то время как в 2005 году – всего **68,83%** (увеличилось в **1,3** раза). Также посмотрим по другим группам здоровья: медицинская (имеющие незначительное отклонение в состоянии здоровья) – 2015 год – **8,47 %**, 2005 год – **27,46 %** (то есть уменьшилось в **3,2** раза), освобожденные (имеющие значительные отклонения в состоянии здоровья) – 2015 год – **6,21 %**, 2005 год – **3,71 %** (увеличилось в **1,7** раза).

Рассматривая полученные данные, можно сказать, что увеличилось поступление практически здоровых людей их начали привлекать к спортивно-массовой и спортивной деятельности. Но также следует сказать, что увеличилось количество студентов, имеющих значительные отклонения в состоянии здоровья, они привлекались к научно-исследовательской работе. Необходимо отметить, что в последние годы снижается численность медицинской группы, студенты данной группы привлекаются к созданию роликов по ЛФК на кафедре и научно-исследовательской работе. Кроме того, проводился анализ заболеваемости с временной утратой трудоспособности (ВУТ) за период 2013–2015 годов. Как видим, уменьшилось количество как случаев на 100 студентов, так и дней пребывания на медицинской справке. Среднее пребывания на медицинской справке уменьшилось в **1,1** раза (рис. 3).

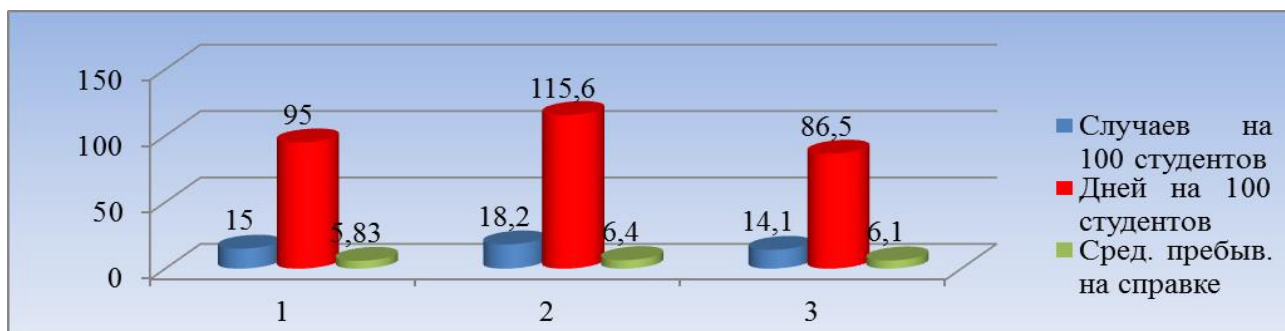

Рис. 3. Заболеваемость с временной утратой трудоспособности (ВУТ) за период 2013–2015 годов

Для исполнения нормативно-правовых документов Минздрава России, в частности «Порядок проведения диспансеризации определенных групп взрослого населения», утвержденный приказом МЗ РФ от 03.12.2012 г. № 1006 н, и 1008 н была проведена плановая диспансеризация студентов 2–5-х курсов на базе межвузовской поликлиники № 10. В процессе обследования были выявлены студенты, которые стоят на учете у специалистов с хроническими заболеваниями в период 2013–2015 годов. Проведя анализ полученных данных по плановой диспансеризации, можно сказать, что количество стоящих на учете у специалистов уменьшилось в 2,1 раза (что связано и с уменьшением количества студентов) (рис. 4).

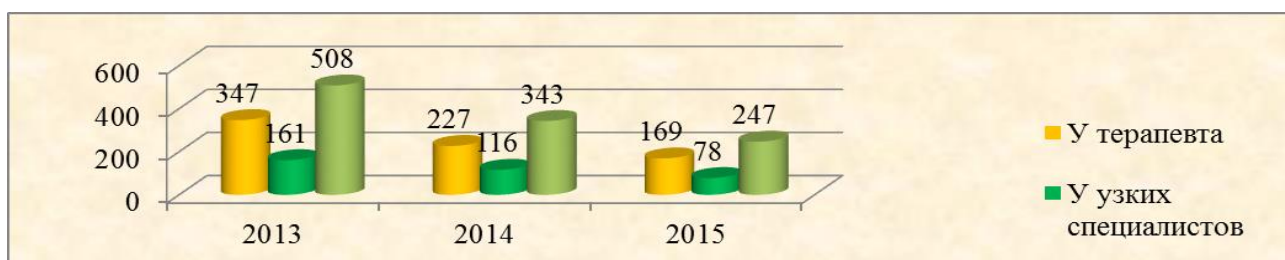

Рис. 4. Заболеваемость с временной утратой трудоспособности (ВУТ) за период 2013–2015 годов, согласно данным плановой диспансеризации

Определение сущности модели культуры здоровья сводится к тому, что здоровым может считаться человек, который отличается гармоническим развитием и хорошо адаптирован к окружающей его физической и социальной среде.

Список литературы

1. Куркина Л. В. Влияние факторов загрязнения окружающей среды Кемеровского района на здоровья мигрантов // Экологические проблемы современности: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2009. С. 48.
2. Захаренков В. В., Виблая И. В., Куркина Л. В. К модели медицинской и психологической адаптации мигрантов в сельской местности Кузбасса // Здоровьесберегающие технологии работников АПК – залог продовольственной безопасности России: сб. материалов II Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Кемерово, 27.01.2016). Кемеровский ГСХИ. Кемерово, 2016. С. 232–233. URL: http://ksai.ru/upload/nauch_trud/zdorovie-2016-yanvar/index.html#/232/.

УДК 314.152.2:325.1(571.51)19”

П. П. Шинкевич

*Аспирант кафедры этнографии, антропологии, археологии и музеологии
Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского*

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В УПРАВЛЕНИИ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (НА ПРИМЕРЕ АГРАРНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА)*

Сибирь традиционно была и в известной степени остаётся регионом пионерского освоения. Необходимость освоения огромных природных богатств края при обширности и удаленности территории, труднодоступность ряда районов, слабая развитость системы транспортных коммуникаций, суровые природно-климатические условия, слабая заселённость и малая плотность населения предопределили многообразие миграционных потоков [1, с. 55]. Одним из таких потоков, повлиявших на формирование русского населения региона, стали аграрные переселения начала XX века – так называемые «столыпинские» переселения.

Причины переселений нельзя было создать искусственно, они формировались как объективная категория в процессе исторического развития в соответствии с конкретными условиями места и времени. Переселенцы шли из мест с менее благоприятными условиями в регионы с более благоприятными условиями для развития сельского хозяйства и повышения своего материального благосостояния [2, с. 19]. Однако процесс колонизации Сибири в начале XX века обусловлен не только социально-экономическими мотивами, но и во многом продиктован геополитическими интересами Российской империи. Имперские идеологи считали необходимым разбавить население национальных окраин русским элементом, минимизировать инациональную угрозу, как внутри, так и извне империи. Потребность в освоении Сибири определялась заинтересованностью страны в использовании её природных богатств: пушнины (даже в начале XX века Сибирь давала до 40 % стоимости мировой добычи пушнины), драгоценных металлов, плодородных земель, пастбищ и лесов. Сибирь была богата всем, кроме людей. Наряду с внутригосударственными причинами переселенческого движения, игравшими главную роль, сказывались и внешнеполитические обстоятельства. Незаселённые или слабозаселённые территории стали предметом захватнических воцелений агрессивных кругов соседних государств [2, с. 19–20].

После издания манифеста царя об отмене выкупных платежей за наделные земли внесились изменения в закон о переселении 1904 года: указом 5 октября 1906 года была введена свобода передвижения крестьян, отменены ограничительные правила о паспортах, введена свобода выбора места жительства и обещано полное уравнение с другими сословиями [3, с. 121]. Были приняты указы об отводе под переселение крестьян части кабинетных и удель-

© Шинкевич П. П., 2017

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ 16-11-55008 (а(р)) «Сибирячество как историко-культурный феномен и фактор стабильности населения Омского Прииртышья (XVIII – начало XXI века)».

ных земель, о новых льготах на переселение и на получение ссуд в Крестьянском банке для покупки земли.

Занималось реализацией программы крестьянского переселения Переселенческое управление, учреждённое ещё в 1896 году. В 1907 году оно превращается в своеобразное «министерство колоний», заботящееся о всестороннем развитии окраин. В сферу его ответственности входят не только руководство передвижением переселенцев и землеотводные работы на местах их водворения, но и поземельное устройство старожильского и инородческого населения, чем ранее занималось Министерство земледелия и государственных имуществ. Сосредоточение функций по землеустройству как переселенцев, так и старожилов в одном ведомстве начинается с 1905 года, когда Переселенческое управление переходит из-под контроля МВД во вновь образованное Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). До 1909 года вопросами устройства переселенцев на месте водворения ведали чиновники ГУЗиЗ, носившие звание «заведующих водворением». Затем в целях объединения деятельности чинов Переселенческого управления эти вопросы были переданы в компетенцию одного лица – «заведующего землеустройством и переселением». На него было возложено общее руководство постановкой всех сторон переселенческого дела во вверенной ему губернии. Заведующие землеустройством и переселением в Сибири входили в состав Общих Присутствий губернских управлений, где имели право решающего голоса при обсуждении переселенческих вопросов. В штате переселенческого управления и его местных структур на 1 января 1911 года состояло 2 328 человек. В это число входили заведующие переселенческими районами и подрайонами, их помощники, работники землеотводных партий, техники, различного рода специалисты (фельдшеры, агротехники) [4, с. 556–558]. Заселение новых земель предварялось проведением широкомасштабных исследований с участием специалистов ботаников, почвоведов, гидрологов, агрономов. Процесс водворения переселенцев сопровождался изучением их экономического положения, к чему привлекались экономисты и статистики [4, с. 558].

Поземельное устройство сибирских крестьян проводилось на основе законов от 23 мая 1896 года и 4 июля 1898 года. Земля отводилась в постоянное пользование сельской общине из расчёта 15 десятин на наличную душу мужского пола, и, по возможности, крестьяне получали лесные наделы свыше 3 десятин на душу. Излишние сверх нормы земли отрезались. Исключение составляли угодья постоянного пользования, которые сохранялись в общине, если в них не нуждалась казна и крестьяне соглашались в течение трёх лет допринять на них переселенцев [5, с. 90].

В октябре 1907 года поземельно-устроительные отряды были переданы в ведение Переселенческого управления. Землеустроительные работы и выдачу наделов старались всячески ускорить, что приводило к отрицательным последствиям, как для старожилов, так и для переселенцев: участки отрезали, не дожидаясь рассмотрения жалоб прежних пользователей. Так, в 1911 году у крестьян четырёх сёл Рождественской волости Канского уезда Енисейской губернии под переселенческие участки отрезали 11 643 десятины земли. Крестьяне подали на это жалобу в Сенат, в которой оспаривали эти земли на правах собственности как отданные их дедам ещё в XVIII веке. Хотя Сенат признал участки собственностью старожилов, их просьба о замене занятых переселенцами земель казёнными осталась неудовлетворенной. Государство в земельных вопросах стало склоняться на сторону переселенцев. Чиновники по землеустройству стали легко отдавать на вырубку участки леса, которые планировалось выделить под распашку пере-

селенцам. До 1905 года все лесные участки старались оберегать [5, с. 94–96]. Подобная колони-зационная политика привела к столкновению старожилов и переселенцев.

На переселение крестьян были ассигнованы немалые средства: на обустройство переселе-нцев на новых местах, медицинское обслуживание, общественные нужды и прокладку до-рог. Переселенцы освобождались на длительное время от налогов, получали в собственность участок земли (15 гектар на главу семьи и 45 на остальных её членов), денежное пособие 200 рублей на семью. Мужчины освобождались от воинской повинности. Эти и другие ме-роприятия подтолкнули процесс переселения в Сибирь [3, с. 121]. Новосёлы имели право на ссуды от 50 до 150 рублей в течение первых трёх лет после водворения [2, с. 11–23].

С 1893 года были установлены путевые и денежные пособия, врачебно-продовольственная помощь. Для переселенцев действовал пониженный тариф на проезд в поездах, составлявший треть стоимости проезда в вагонах четвёртого класса. Льготный та-риф составлял 0,3 копейки с человеко-версты, 1/75 копейки с пуда багажа и версты и 0,5 ко-пейки с головы скота и версты. К примеру, проезд от Курска до Тюмени стоил по общему тарифу 24 рубля, по переселенческому тарифу – 5 рублей 31 копейка. В некоторых случаях допускался бесплатный проезд переселенцев и ходоков по железной дороге [7, с. 68–69].

Для организации переселений привлекались заведующие переселенческим делом в райо-нах водворения, которые руководили передвижением по Сибирской железной дороге и по рекам Иртыш, Обь и Енисей. В обязанности заведующих районами передвижения входил контроль за всеми передвижениями переселенцев, они должны были следить за перевозкой как прямых, так и обратных переселенцев, за работой и состоянием переселенческих пунк-тов, оказанием продовольственной, медицинской и административной помощи, улаживать все недоразумения. Заведующие районами оказывали переселенцам и ходокам всяческую помощь при посадке и высадке на станцию, объясняли маршрут движения до избранных ими участков. По пути следования были организованы переселенческие пункты, во главе кото-рых стоял заведующий переселенческим пунктом. Он занимался всей работой, кроме боль-ничного дела, которым занимался пунктовый врач. Регистрация и розыск отставшей пересе-ленческой клады велись в течение всего года. Инструкции предписывали содержать бараки для переселенцев на пунктах в чистоте, белить их в период усиленного движения не менее одного раза в месяц. Полы и нары должны были мыться два раза в неделю [7, с. 68–69]. Режи-страция переселенцев проводилась на немногих железнодорожных пунктах – Тюмени, Орен-бурге и Челябинске. Регистрация охватывала только официальных переселенцев, те, кто по-падал в Сибирь помимо переселенческих партий, не включались в данные статистики [8, с. 163].

Успехи организованного переселения были колоссальны. Среднегодовые площади посе-вов с 1897 по 1915 год увеличились с 2,3 млн до 7 млн десятин, валовые сборы зерна возрос-ли с 40,7 до 350 млн пудов. поголовье крупного рогатого скота увеличилось с 4 534 до 7 810 тысяч голов [9, с. 34]. По масштабам переселений период 1905–1914 годы превосхо-дит все предыдущие. Правительство поощряло переселенческое движение, предоставив од-новременнo желающим переселиться целый ряд льгот. Спад переселений начинается в 1911 году, что связано с подъёмом крестьянского движения в Европейской России, силь-нейшим неурожаем и истощением колониационного фонда в южных районах. Общий при-рост населения составил порядка 1,5 млн человек.

Таким образом, государство сыграло существенную роль в организации рассматриваемых переселений с создало максимально благоприятные условия для переселений, что привело к росту переселенческого движения и успешной адаптации переселенцев.

Список литературы

1. Гущин Н. Я. Формирование и развитие населения Сибири в XX веке: проблемы изучения // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVII–XX вв.: материалы Междунар. науч. конф. (19–21 марта 1996 г.). Новосибирск: Б. и., 1996. С. 55–63.
2. Горюшкин Л. М. Исторический опыт переселенческого движения в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVII–XX вв.: материалы Междунар. науч. конф. (19–21 марта 1996 г.). Новосибирск: Б. и., 1996. С. 18–23.
3. Артемьева В. С., Королева Т. А. Влияние столыпинской аграрной реформы на заселение Сибири // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (30–31 марта 2006 г.). Омск: Изд-во ОмГАУ, 2006. Ч. 1. С. 120–123.
5. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Иркутск: Оттиск, 2013. 624 с.
6. Когут М. Т. Переселенческое движение и поземельное устройство сибирских крестьян в годы столыпинской аграрной политики // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1991. С. 90–106.
7. Бобылева О. М. Организация перевозки переселенцев к месту водворения в Восточной Сибири 1906–1916 гг. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сб. науч. тр. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2002. Ч. 1. С. 68–70.
8. Покшишевский В. В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск: Областное гос. изд-во, 1951. 208 с.
9. Шиловский М. В. Основные потоки внешней миграции в истории Сибири XX века // Миграционные процессы в Азиатской России: сб. науч. тр. Новосибирск: Параллель, 2009. С. 32–43.

УДК 316.4(571.56)

Д. М. Винокурова

*Заведующий межкафедральной социологической лабораторией
Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета*

ЯКУТИЯ – «ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО»: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Якутия всегда выполняла роль принимающей стороны. Сюда на протяжении веков прибывали представители самых разных этносов, верований, культур и т. п. Сегодня здесь проживает население более 100 национальностей и народностей.

Якутия знает опыт колонизации с 20-х годов XVII века, центром освоения Якутии и всей Северо-Восточной Сибири стал Ленский острог, построенный на правом берегу Лены в центре якутских земель в 1632 году. Правительство с целью массового заселения территории привлекало «охочих», «вольных», «нетяглых» людей, предоставляя им льготы. Сюда также прибывали беглые и «гулящие люди», то есть свободные от подати и службы, которые занимались свободным промыслом. Тем не менее значительного роста численности населения, по-видимому, не произошло. В 1862 году большинство населения составляли якуты – 88,1 %, русские – 4,6 %, тунгусы – 5,1 %, остальные – 2,2 %. [1, с. 239]. Сегодня русские старожилы, сохранившие почти четырехстолетний опыт взаимодействия с представителями местного сообщества, сформировали два района компактного проживания – южный и северный.

С начала XX века началось промышленное освоение территории с массовым привлечением приезжего населения, и до 90-х годов миграция определяла высокие темпы прироста численности населения республики. Индустриализация в корне изменила соотношение городского и сельского населения. Если в 1926 году доля горожан составляла 5,3 %, то в 1986 году – 68 % [1, с. 433]. Однако после массового оттока приезжей части населения, которое компактно проживало в городах, это соотношение изменилось – 64,1% [2, с. 16].

Несмотря на то, что такая целенаправленная политика при плановой экономике отличалась «организованностью», как показала практика, она не способствовала массовому «укоренению» приезжей части населения. После распада СССР из республики выбыло большинство прибывшего населения из разных концов страны, потеря которого не восполнена. Так, по данным всероссийской переписи 2010 года, меняли место постоянного жительства с 1991 года и ранее 42,8 % городских жителей и 42,1 % – сельских; с 2003 по 2010 год – 30,4 % городских жителей и 35,7 % – сельских. К примеру, в 2011 году миграционный прирост (убыль) в республике составил 9 809. Вместе с тем следует учитывать при использовании статистических данных, что один и тот мигрант может в течение года сменить место жительства неоднократно [3, с. 147].

В анализе использованы данные трех исследований на темы: «Территориальная мобильность при индустриализации как контекст мигрантской коммуникативной среды» и

«Этнические мигрантские и старожильческие сообщества: процессы инклюзии и социальные сети», проводимых в рамках Приоритетных направлений 9.6 и X.100; Программ 9.6.1 и X.100.4 Сибирского отделения РАН, Блока III – «Республика Саха (Якутия) в начале XXI века: этносоциальные трансформации в условиях интенсивного промышленного освоения Севера» (2010–2016). В указанных исследованиях были использованы качественные и количественные методы: социологический опрос по квотной выборке ($\Delta \pm 5\%$) и сеансы группового интервью мигрантов из стран СНГ. Был проведен анкетный опрос в декабре 2010 года в г. Мирном ($n = 290$), в мае 2011 года Якутске ($n = 400$), в феврале 2012 года в Ленске ($n = 200$). Сбор данных проводился автором с помощью анкеты, в том числе была использована часть вопросов, разработанных И. М. Кузнецовым и В. И. Мукомелем [4, с. 42–47]. Групповое интервью было проведено в рамках исследования на тему «Этноконфессиональные отношения в г. Якутске: оценка конфликтогенности (мнение мигрантов из Армении и Кыргызстана)» по заказу Автономного учреждения Республики Саха (Якутия) «Дом дружбы народов им. А. Е. Кулаковского» в г. Якутске в октябре–ноябре 2015 года, групповое интервью на тему «Вступление в брачные отношения с мигрантами» в июне 2016 года.

Список литературы

1. Якутия. Историко-культурный атлас / науч. ред. В. Н. Иванов. М.: Феория, 2007. С. 239.
3. Республика Саха (Якутия) 2011: стат. справ. / Саха (Якутия)стат. Якутск, 2011. С. 16.
4. Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия) 2012: стат. сб. / Саха (Якутия): стат. справ. Якутск, 2012. С. 147.
5. Кузнецов И. М., Мукомель В. И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: Ин-т социологии, 2005. С. 42–47.

УДК 159.922.4

М. А. Томашевская

Филологический факультет (направление «Педагогическое образование», профиль «Иностранный язык») Лесосибирского педагогического института

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ В ДЕТСКОЙ И МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В РОССИИ

Сегодня перед современной Россией стоит важная задача развития этнического самосознания молодежи в связи с ростом этничности в условиях глобализации. Этническое самосознание, называемое еще национальным, определяет гармоничное и целостное существование личности. Именно осознание своей принадлежности к той или иной нации задает ориентиры и позволяет человеку определить важные для себя жизненные ценности, почувствовать за-

щищенность и безопасность. В настоящее время проблема национального самосознания стоит особенно остро, так как Россия переживает время социальной нестабильности. Это влечет за собой искажение традиционных ценностей и кризис в общественных отношениях, как внутригосударственных, так и в международных.

Основательно проблемой национальной идентификации заинтересовались в XX веке.

В психологии самосознание – это осознание и оценка человеком самого себя как субъекта практической и познавательной деятельности, как личности. Существует множество точек зрения о возникновении сознания у человека, рассмотрим три из них. В. С. Мерлин утверждает, что самосознание не появляется у индивида с момента рождения, но складывается на протяжении всей жизни под влиянием различных факторов [1]. Точка зрения С. Л. Рубинштейна указывает на то, что самосознание является высшим видом сознания и возникает в ходе его развития [2]. В. П. Зинченко утверждает, что самосознание и осознание окружающей действительности произошли и развились одновременно, едино и, что самое главное, взаимообусловлено [3].

Декарт как представитель философии считал, что самосознание – это единое достоверное, несомненное знание, которое является основанием всей системы знания. И. Кант, в свою очередь, различал внутренний опыт и самосознание субъекта. По Э. Гуссерлю, самосознание, понимаемое как трансцендентальная рефлексия, сближаемое с созерцанием и особого рода самовосприятием, дает самодостоверное интуитивное знание [4].

В то время как самосознание является познанием и общей оценкой человека самого себя как мыслящего субъекта, как субъекта практической и познавательной деятельности, этническое самосознание является одной из сторон самосознания и трактуется как бессознательное и осознанное отнесение личностью себя к определенной этнической общности, включающее систему представлений о себе как ее члене, эмоционально-ценностное отношение к своему этническому «Я» и регуляцию на их основе своего поведения [5].

В настоящее время перед российской системой образования стоит важная задача, которая заключается в формировании этнического (национального) самосознания у молодежи. Молодежь, выполняющая функцию смены поколений, является важной частью общества, отражением той социальной среды, в которой происходит ее воспитание. Чтобы добиться определенных результатов в этом вопросе, необходимо таким образом обернуть образовательный процесс, чтобы он полноценно раскрывал и культуру, и психологию, и образ жизнедеятельности целого этноса.

Целенаправленные усилия в сфере формирования гражданской идентичности являются гарантом развития личности с определенными взглядами и отношением к своей стране.

Е. А. Гришина отмечает, что «в российском обществе сформировались две модели гражданских идентичностей в молодежной среде в зависимости от условий жизни: «модель стабильности», отражающая процесс неопределенных идентификаций, и «модель риска» с доминирующей тенденцией деформации правового и патриотического сознания» [6]. Под гражданской идентичностью следует понимать «свободное отождествление человека с российской нацией (народом); включённость человека в общественную, культурную жизнь страны, осознание себя россиянином; ощущение причастности прошлому, настоящему и будущему российской нации» [7]. Патриотизм, гражданственность, знание конституцион-

ных прав и обязанностей, государственная идентификация – все это является структурными компонентами гражданской идентичности.

Трансформация современного российского общества, изменение социальной реальности влекут за собой «кризис идентичности», выражающийся в неопределенном отношении нового поколения к вопросам патриотического характера, неоднозначных представлениях об общепринятых ценностях, чувстве незащищенности и неуверенности за свое будущее и будущее государства.

В ходе изучения вопросов этнического самосознания, гражданской идентичности нами был проведен опрос, в котором принимали участие студенты филологического факультета Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, обучающиеся по направлению «Педагогическое образование», профиль «Иностранный язык», и учителя английского языка разных школ города, описывающие ситуацию, происходящую в школьной среде. Такой выбор опрашиваемой аудитории был обусловлен специфичностью изучаемого предмета. Иностранный язык является мощным инструментом в социокультурной ориентации. Студент или обучающийся, изучающий иностранный язык, через познание другой культуры сравнивает с ней культуру своей страны. Вместе с этой идеей в настоящее время появляется новый подход в изучении иностранного языка. Теперь он выступает эффективным условием для воспитания патриотизма. Именно сопоставительный анализ способствует не только расширению знаний о культурных особенностях иноязычных стран, но и более детальному, глубокому изучению культурной составляющей своей общности. Такой необычно новый подход к изучению иностранного языка повлек за собой интерес к исследованию реальной ситуации.

В ходе опроса студентам был задан вопрос: «Если бы у Вас была возможность переехать из России, воспользовались бы ей? Почему?» Учителям был предложен другой перечень вопросов:

1. Есть ли в классах, где Вы работаете, дети, которые хотят переехать из России?
2. В чем причина такого явления?

Позиции студентов и обучающихся разошлись. Из 34 опрошенных студентов 85 % ответили, что не покинут свою страну при возможности переезда зарубеж и выделили следующие причины:

- привязанность к Родине, дому, семье;
- комфортное проживание на территории России;
- отсутствие почвы для успешного проживания на территории другой страны;
- перспективные направления развития своей профессиональной деятельности в России;
- любовь к истории, культуре, языку своего государства;
- нежелание ощущать себя эмигрантом;
- осознание проблемных сторон в других странах;
- наличие возможности для личностного саморазвития в своей стране;
- стремление к стабильности;
- владение информацией о государственных программах, способствующих улучшению жизни внутри государства.

Остальная часть опрошенных студентов, готовых переехать из России, обозначила следующие предпосылки к этому:

- интерес к культуре;
- благоприятный климат для проживания в других странах;
- карьерный рост, перспективная работа за рубежом;
- неприятие государственного аппарата и политического режима;
- перенаселение России мигрантами.

Среди обучающихся учителя отметили высокий процент желающих переехать в другую страну. В основном рвением к переезду отличаются ученики старших классов, желание которых обусловлено:

- повышенной амбициозностью с недостаточным представлением перспектив развития на территории России;
- пропагандой «идеального» образа жизни в других странах из фильмов, книг, распространяющихся в России и сети Интернет;
- примером родителей, не раскрывших потенциал в своей стране;
- иллюзией свободы за пределами России;
- представлением о более высоком уровне образования за рубежом.

Анализируя полученные данные, мы понимаем, что студенты в своих представлениях являются более реалистичными и конкретными, в то время как школьники, переживая период самоопределения, ориентируются лишь на предполагаемые проблемы и перспективы. Студенческий возраст можно назвать решающим для формирования этнического самосознания. Именно в это время оно закрепляется, а все изменения в будущем будут уже трансформироваться, исходя из демографических, экономических или политических условий в стране. Становясь студентом, человек приближается к государственной системе. Он активно включается в проекты государственной важности, приобщается к научной среде страны, а будучи активным ее деятелем, проникается историей и культурой своего государства. Со студенческого возраста человек имеет возможность участвовать в различных конкурсах стипендиального и грантового характера. Теперь он ощущает поддержку со стороны государства за свою культурно-творческую, научную, учебную деятельность, осознает свою важность и видит реальные перспективы, которые скрыты от глаз школьников. В ходе обучения в институте устанавливаются профессиональные связи, которые в дальнейшем могут поспособствовать карьерному становлению. Будущее становится ближе и более осязаемо, чем на школьной скамье.

Одним из современных примеров инструмента становления национальной идентичности среди обучающихся является «Российское движение школьников» – общероссийская общественно-государственная детско-юношеская организация, целью создания которой явилось совершенствование государственной политики в области подрастающего поколения. Отдельный блок в структуре движения отведен патриотическому воспитанию, но и без этого, сама идея объединения на добровольном начале является предпосылкой к национальной самоидентификации среди обучающихся школ России.

Таким образом, анализ источников и данных экспериментальной работы показал, что проблема национальной идентичности в детской и молодежной среде актуальна и имеет различное воплощение.

Список литературы

1. Мерлин В. С. Структура личности: характер, способности, самосознание. Пермь: Перм. гос. пед. ин-т, 1990. 110 с.
2. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М.: Педагогическая академия наук СССР, 1957. 328 с.
3. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
4. Смирнов И. Н., Титов В. Ф. Философия: учеб. для студ. высш. учеб. зав. 2-е изд., испр. и доп. М.: 1998. 288 с.
5. Ставропольский Ю. В. Модели этнокультурной идентичности в современной американской психологии // Вопросы психологии. 2003. № 6. С. 112–113.
6. Гришина Е. А. Российская молодежь: проблемы гражданской идентичности. М.: Социум, 1999.
7. Григорьев Д. В. Формирование гражданской идентичности современного школьника // Интернет-конференция «Перспектива гражданско-патриотического воспитания в системе образования». URL: <http://proektpatriot2.jimdo.com/гражданская-идентичность/>.

УДК 37.06-053.5-044.332

Т. И. Монастырская¹, Е. В. Кузина², А. А. Ковалева³

¹ Доцент Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики

² Директор школы № 66 г. Новосибирска

³ Социолог СибГУТИ

АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Введение

Новосибирская область является привлекательным регионом для трудовых мигрантов. По данным УФМС России по Новосибирской области за 12 месяцев 2014 года, на территории Новосибирской области находилось 106 446 иностранных граждан. По статистическим данным этой же организации, за период январь – март 2016 года на территорию Новосибирской области прибыли 16 292 мигранта, выехало из области 12 840 мигрантов, то есть миграционный прирост только за 3 месяца 2016 года составил 3 452 человека (в 2015 году за аналогичный период – 1 124 человека) [6].

Наибольшее количество мигрантов из государств Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан работают в Новосибирске. В условиях модернизации российского общества

в настоящий момент основной акцент сделан на контроль и надзор в сфере миграционных процессов. Вопросы социокультурной интеграции мигрантов в принимающее сообщество находятся на втором плане. В такой ситуации процесс социокультурной адаптации мигрантов растягивается во времени, а уровень толерантности принимающего сообщества снижается. Миграция серьёзно увеличивает этническую и культурную мозаику, обнаруживает и усиливает этнокультурные противоречия между различными группами населения [3].

Численность мигрантов из стран СНГ возрастает с каждым годом не только в центральных регионах России, но и в Восточной и Западной Сибири. Несмотря на то, что структура контингента мигрантов может отличаться по регионам, проблемы их адаптации схожи. Трудовые мигранты приезжают к месту работы вместе с детьми, в том числе с детьми школьного возраста. Многие из этих детей в будущем получают российское гражданство и трудоустраиваются в России.

Средняя школа вынуждена в новых условиях решать многосторонние задачи: адаптация детей мигрантов, в том числе их социокультурная адаптация; аттестация, определение соответствия полученных знаний и выполненной ребенком учебной программы в другой стране требованиям российской школы; языковая подготовка детей мигрантов; осуществление обучения, в рамках которого не занижались бы требования к учащимся принимающего сообщества и в то же время сохранялся личностный потенциал к продуктивному обучению у каждого ученика-мигранта.

1. Российские исследования социокультурной адаптации детей мигрантов в школьной среде

Функции среды в формировании личности индивида и его адаптации к новым условиям исследовали многие учёные прошлого и современности. Первый, кто уделил этой проблеме особое внимание в социологии, был П. А. Сорокин, который отмечал, что окружающая среда в полной мере обеспечивает социальную подвижность индивида, его место в обществе [5]. Говоря о проведении исследований в России, нужно помнить, что они еще находятся на стадии зарождения, не существует чётких методов, и, как следствие, результаты пока незначительны. В России только формируются различные центры изучения, познания проблем образования учеников-мигрантов. Ряд исследователей обращают внимание на то, каким образом детей распределяют по разным школам, на проблему изучения русского языка и культурных ценностей страны и региона, социокультурную интеграцию детей мигрантов, отношение к ним в школах учеников принимающего сообщества, взаимосвязь факторов этничности и миграций [1]. При обучении детей мигрантов педагоги сталкиваются с такими проблемами, как значительные пробелы в знаниях, слабое знание или незнание русского языка, различие требований в школах, очень низкая успеваемость [4].

Образовательная среда средней школы станет эффективным средством поддержки адаптации детей и подростков из семей мигрантов, если будет решать возникающие сложности в процессе адаптации и помогать объединять детей мигрантов в принимающее их общество [2].

2. Характеристика состава учащихся школы № 66 г. Новосибирска

Несмотря на то, что с 2013 года школа прекратила обучение по программе 10–11-х классов, общее количество учеников школы не снизилось, а возросло. При этом увеличение численности учеников было связано с приемом в школу детей из семей мигрантов. Изменился национальный состав учащихся, в котором стали преобладать иноязычные учащиеся (рис. 1).

Если пять лет назад соотношение русских и иноязычных обучающихся было 3:2, то в 2015–2016 учебном году иноязычные учащиеся составляли уже 64 % от общей численности учеников школы. При этом резко возросла численность иноязычных учащихся в начальной школе (рис. 2). Национальный состав обучающихся на 01.09.2015 года представлен девятью различными национальными группами, преобладают учащиеся из семей мигрантов, прибывших из Узбекистана и Таджикистана.

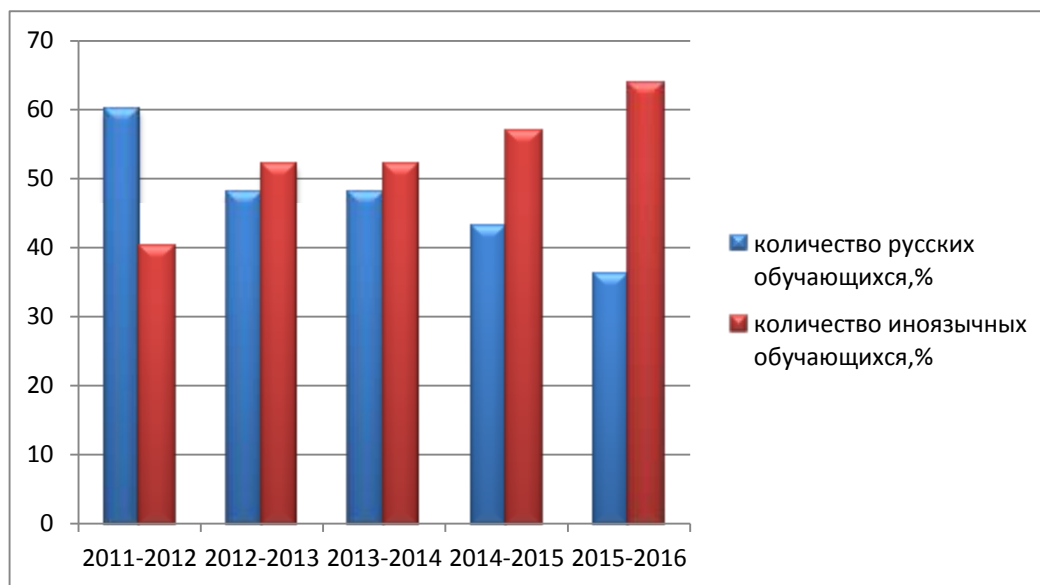

Рис. 1. Изменение национального состава обучающихся МКОУ СОШ № 66

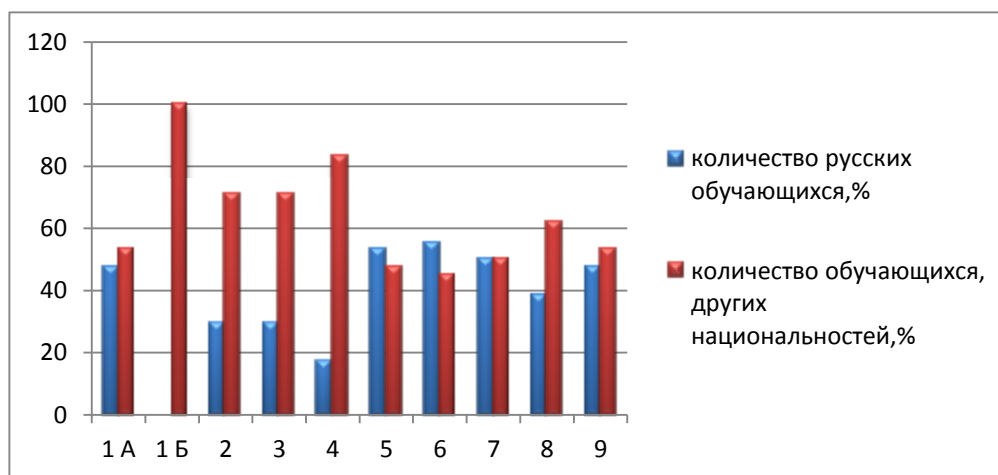

Рис. 2. Национальный состав обучающихся МКОУ СОШ № 66 (01.09.2015)

Анализ динамики национального состава школы показывает, что образовательная среда школы будет отличаться от среды школ, в которых число учащихся из семей мигрантов

не столь высоко, или такие ученики вообще отсутствуют. В данной школе педагогический коллектив должен решать параллельно задачи социокультурной адаптации и эффективной организации учебного процесса, в котором прибывшие в Россию иноязычные ученики смогли бы полностью проявить свои возможности в условиях слабого знания русского языка. Социологическое исследование, проведенное на базе школы со спецификой в национальном составе обучающихся, позволило выявить возможности и проблемы социокультурной адаптации учащихся из семей мигрантов, а также проблемы, с которыми сталкиваются педагоги, участвующие в образовательном процессе детей мигрантов.

3. Социологическое исследование социокультурной адаптации детей из семей мигрантов на примере школы № 66 г. Новосибирска

Для решения задач данного исследования были выбраны следующие методы опроса: интервью с ключевыми информантами (директором и заместителями директора школы), интервью с учителями школы, анкетный опрос учащихся из семей мигрантов.

Большинство исследователей считает, что социокультурная адаптация длится 2–3 года. Начиная с третьего года пребывания дети, как правило, уже хорошо ориентируются в иноязычной среде, достаточно хорошо знают русский язык. Генеральная совокупность при анкетировании учащихся из семей мигрантов представлена учащимися 3–9-х классов, пребывающих на территории России 1 или 2 года. При исследовании использовалась сплошная выборка.

Учителя школы выделили следующие проблемы, с которыми сталкиваются дети из семей мигрантов:

- слабое владение русским языком, которое влечет непонимание материала и учителей, языковой барьер при попытке общения, отсутствие полноты общения в русскоговорящей среде;
- низкий уровень знания истории и культуры России снижает самооценку ребят;
- часто ученики не чувствуют никакой поддержки со стороны родителей, предоставлены сами себе;
- отсутствие книг на русском языке для дополнительного прохождения материала, изучения русского языка;
- бытовые проблемы, связанные с отсутствием постоянного жилья, рабочего места ученика, отсутствие средств на школьные принадлежности, недостаточность средств на питание;
- конфликты и возникающие драки, эмоциональная озлобленность (особенно у прибывших из Узбекистана и Таджикистана);
- непонимание дисциплинарных моментов учебного процесса.

Среди проектов и мероприятий в школе, направленных на социокультурную адаптацию учащихся из семей международных мигрантов, учителя выделили следующие: консультации в группе продленного дня; кружки, факультативы; поездки в другие школы для расширения кругозора учащихся; работа с психологом; совместные праздники, вовлечение учащихся-мигрантов во все мероприятия школы, проведение совместных праздников; выезды в библиотеки, музеи. Некоторые ученики из семей мигрантов участвуют в олимпиадах,

спортивных соревнованиях, помогают украсить класс, школу к праздничным мероприятиям и т. д. На вопрос “Как эти проекты помогают в социокультурной адаптации?” учителя единогласно ответили, что если не расширять кругозор ребёнка, не развивать интерес к школьной жизни, то процесс социокультурной адаптации будет протекать очень медленно.

Учащиеся из семей мигрантов испытывают наибольшие трудности в адаптации к иноязычной среде в первый и второй год пребывания в новой для них стране. Более половины учеников (51,4 %) приехали в Россию из большого города; 42,9 % – из небольшого городка и только 5,7 % приехали из села.

Как быстро будет протекать социокультурная адаптация в образовательной среде, во многом зависит от того, как сами учащиеся относятся к образованию, насколько они включены в жизнь школы, как складываются у них отношения с учащимися и учителями, какие стратегии адаптации они выбирают в новом обществе. Большинству респондентов нравится учиться в этой школе (рис. 3). При работе с детьми мигрантов в школе выделяются дополнительные часы на предметные кружки, проводятся олимпиады, факультативные занятия по предметам, соревнования между школами.

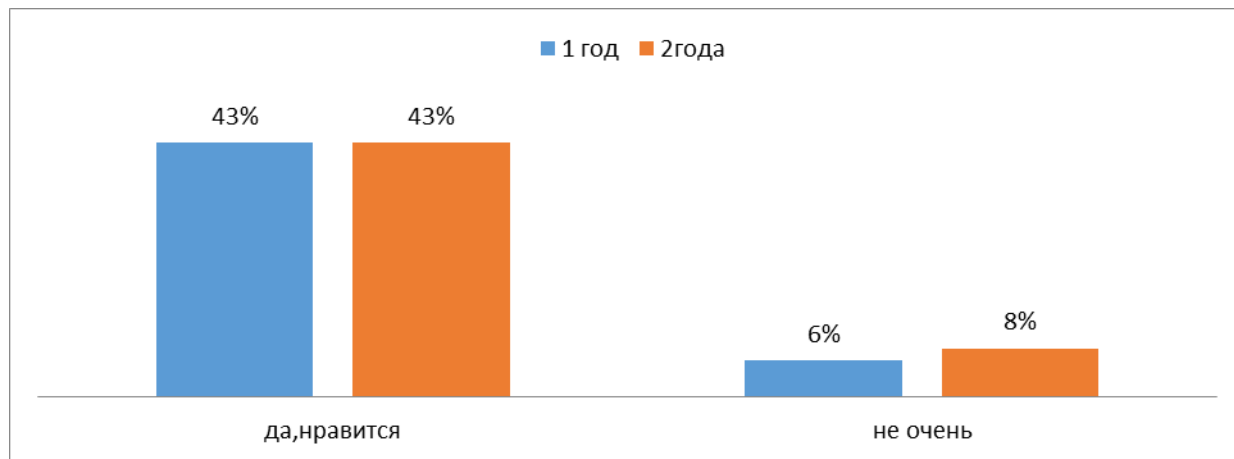

Рис. 3. Нравится ли тебе эта школа (% к числу ответивших)

Стимулирует процесс адаптации в образовательной среде и интерес к дополнительному образованию.

Не все учащиеся – международные мигранты одинаково владеют русским языком на момент приезда в Россию. Большинство детей мигрантов приезжают в Россию со слабым знанием русского языка. Свободное владение русским языком указали только 14 % учеников первого года обучения, достаточно хорошим уровнем владения языком указали 31 % учащихся (14 % – первого года обучения и 17 % – второго года обучения). Совсем не владели языком при приезде в Россию 6 % учащихся (3 % – первого года обучения, 3 % – второго года обучения в российской школе). При недостаточном уровне владения языком может возникнуть необходимость в помощи при выполнении домашних заданий (рис. 4).

Важными факторами социокультурной адаптации учащегося являются его включенность в школьную жизнь, а также общение с одноклассниками (рис. 5). Дети мигрантов достаточно коммуникабельные и активно принимают участие в разговорах с одноклассниками. Большинство учеников (68 %) первого и второго года пребывания в стране общаются со всеми

одноклассниками, однако есть и такие учащиеся, круг общения которых ограничен выходцами из своей страны. Эти ученики требуют особого внимания педагогов и одноклассников. Респонденты считают, что всем ученикам уделяется достаточно внимания со стороны учителей (92 % учащихся первого и второго года пребывания). Не удовлетворены общением 9 % опрошенных (в основном второго года пребывания в стране и обучения в данной школе).

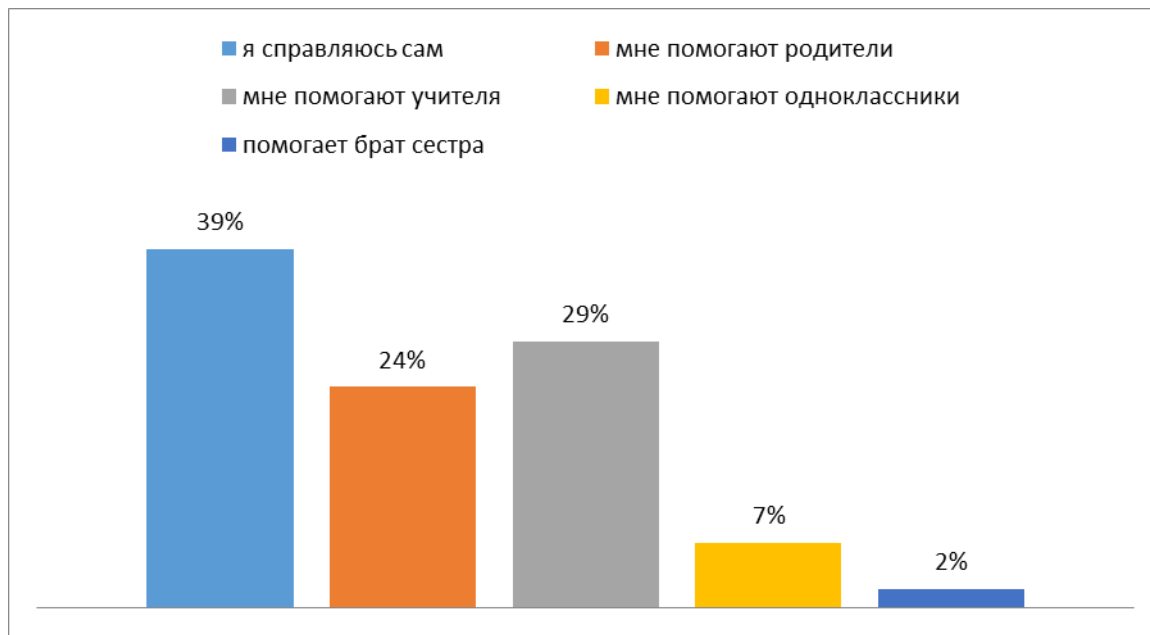

Рис. 4. Помощь в выполнении классных/домашних заданий

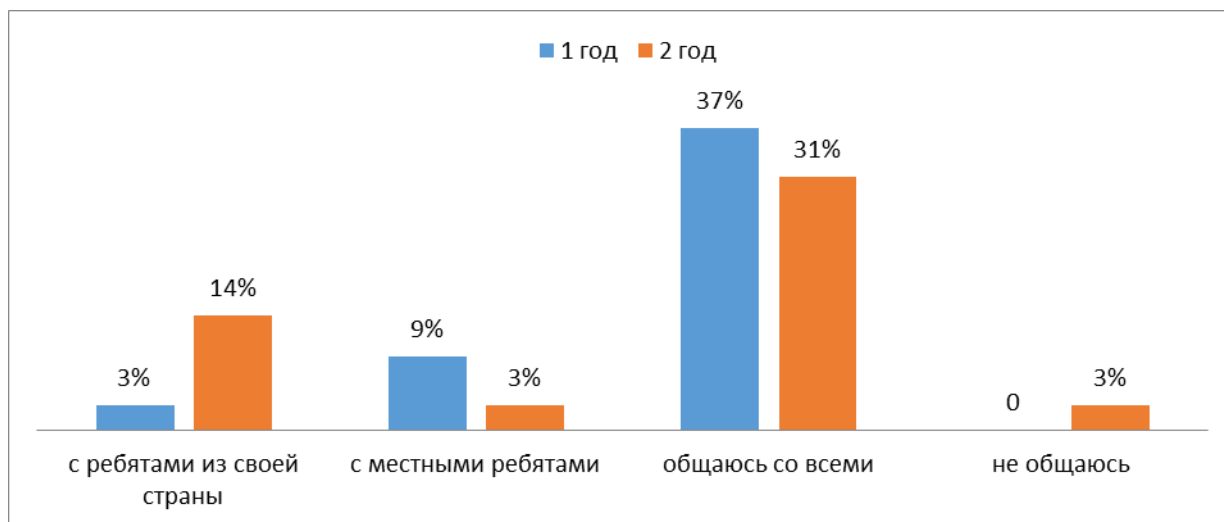

Рис. 5. С какими учениками ты чаще общаешься?

Стратегии адаптации учащихся характеризуют их представление о своем будущем, ориентацию на проживание в России, получение российского образования. Многие учащиеся из семей мигрантов хотят остаться жить в России после окончания школы (34 % – первый год проживания, 29 % – второй год пребывания в России). Пока не задумывались о своем дальнейшем проживании в России после окончания школы 15 % респондентов, обучающихся первый год, 20 % – обучающихся в российской школе второй год. 3 % респондентов, обучающихся второй год, хотят уехать в свою страну.

63 % всех опрошенных хотят окончить 11 классов, 17 % планируют обучение в вузе, 23 % – обучение в колледже, 9 % – обучение в профессиональном училище, 3 % опрошенных сразу пойдут работать.

По результатам исследования можно предположить, что большинство из учащихся мигрантов уже ориентируется на стратегию интеграции в российское общество.

Выводы

1. Анализ результатов интервьюирования учителей и администрации школы показал, что совместными усилиями учителей, администрации школы, учащихся принимающего сообщества в школе достигнут достаточно высокий уровень толерантности к менталитету и традициям прибывших учащихся-мигрантов. В школе разрабатываются социокультурные проекты, в которых учащиеся-мигранты и их родители начинают принимать все более активное участие.

2. При сложившихся практике и условиях обучения учащихся-мигрантов возникает необходимость в создании специальных интеграционных курсов для таких детей, отличающихся от курсов для взрослых и создающих базу для успешного обучения в школе.

3. Изучить все проблемы социокультурной адаптации детей-мигрантов в образовательной среде средней школы с помощью единичного социологического исследования полностью невозможно. В связи с этим особую важность приобретает регулярный мониторинг протекания процесса адаптации учащихся-мигрантов в образовательной среде школы, в том числе, социокультурной адаптации.

Список литературы

1. Андреева А. Д. Влияние раннего этнокультурного опыта на адаптационные возможности дошкольников // Психолог в детском саду. 2012. № 2. С. 53–63.
2. Ковалева Н. И. Социально-психологическое сопровождение процесса адаптации детей-мигрантов в условиях образовательного учреждения. М., 2010. С. 299.
3. Мохова Л. А., Сагоякова Н. Ф., Спирина Т. А. Социально-педагогические условия адаптации детей мигрантов в общеобразовательной школе // Вестн. Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2014. № 9. С. 96–99.
4. Омельченко Е. А. Адаптация детей мигрантов в образовательном учреждении: как помочь директорам и педагогам в решении проблемы? // Этнодиалоги: науч.-инф. альманах. 2015. № 1 (48). С. 108–120.
5. Синякова М. Г. Психолого-педагогические условия социокультурной адаптации мигрантов в образовательном пространстве мегаполиса // Мир образования – образование в мире. 2010. № 2. С. 16–24.
6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области // Миграция населения за январь – март 2016 года. URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/resources/1edf26004eee01f6a4d1a589d810d54e/Миграция+населения.pdf.

УДК 37.064-054.6-044.332

Е. А. Жирнова*Кандидат философских наук, доцент Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнёва***ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ**

В настоящее время основополагающей задачей высшего образования является не только обучения студентов профессиональным знаниям и навыкам (hard-skill), но и надпрофессиональным, социально-психологическим навыкам (soft-skills). Необходимость формирования надпрофессиональных навыков обуславливает актуальность применения интерактивных методов обучения, способствующих развитию коммуникативных и лидерских качеств студента, его предпринимательских умений, способностей к самообучению и самоорганизации. Процесс адаптации – сложный процесс, формирующий способности иностранного студента не только развиваться в области коммуникативного общения, изучения методики познания иностранного языка, но и успешно взаимодействовать в формировании новых качеств личности, приобретении новых ценностей, осмыслении значимости будущей профессии. Важность проблемы адаптации иностранных учащихся в российских вузах определяется задачами их дальнейшего эффективного обучения как будущих специалистов.

Рассматривая адаптацию, И. О. Кривцова выделяет следующие факторы успешной адаптации [1]:

- психофизиологические (связанные с переустройством личности);
- учебно-познавательные (связанные с языковой подготовкой);
- социокультурные.

Исследуем адаптацию иностранных студентов с точки зрения компетентностного подхода. Модель формирования профессиональных, коммуникативных и командно-ролевых компетенций студентов в процессе обучения, а также барьеров, препятствующих успешной адаптации, приведена на рисунке.

В ходе обучения учащиеся приобретают следующие компетенции:

- 1) профессиональные компетенции, позволяющие обеспечить высокое качество работ в рамках профессиональной деятельности;
- 2) коммуникативные компетенции, позволяющие обеспечить эффективное протекание процессов взаимодействия и благоприятный морально-психологический климат на будущей работе, а также адаптацию к профессиональной деятельности;
- 3) командно-ролевые компетенции – студенты взаимодействуют, работая в команде и выполняя при реализации учебного процесса определенные роли, что пригодится в будущей профессиональной деятельности [2].

Рисунок. Компетентностная модель выпускника и барьеры, препятствующие успешному формированию компетенций

Рассмотрим барьеры, препятствующие успешной адаптации иностранных студентов, формированию их компетенций. Приобретению профессиональных компетенций в первую очередь препятствуют учебно-познавательные барьеры. Коммуникативным компетенциям препятствуют психофизические барьеры, командно-ролевым – социокультурные барьеры.

Проведен социологический опрос студентов института машиноведения и мехатроники Сибирского государственного аэрокосмического университета, в опросе участвовало 100 студентов, из них 10 иностранных граждан. Результаты опроса были проанализированы, и предложены пути преодоления барьеров, препятствующих успешной адаптации иностранных студентов (таблица).

Таблица

Пути успешной адаптации иностранных студентов

Пути преодоления учебно-познавательных барьеров	Пути преодоления психофизических барьеров	Пути преодоления социокультурных барьеров
1. Языковой барьер – курсы языковой подготовки 2. Электронные источники информации на иностранном языке	1. Программа первичной адаптации 2. Консультационная служба 3. Взаимодействие с преподавателем и студенческой группой	1. Культурно-экскурсионная программа 2. Курсы лекций по русской культуре 3. Студенческие клубы 4. Взаимодействие с преподавателем и студенческой группой

Таким образом, адаптация иностранных студентов к образовательной среде требует применения системного и компетентностного подходов, возможно только при активном и согласованном участии руководства вуза, студентов и преподавателей. Успешная и быстрая адаптация помогает быстро включиться в учебный процесс и способствует повышению качества подготовки студентов в вузе.

Список литературы

1. Кривцова И. О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н. Н. Бурденко) // *Фундаментальные исследования*. 2011. №8 (1). С. 284–288.

2. Жирнова Е. А., Римаренко О. В. Повышение качества подготовки специалистов путем совершенствования организации самостоятельной учебной работы студентов // *Современное образование: технические университеты в модернизации экономики России: материалы Междунар. науч.-метод. конф. (27–28 января 2011 г.)*. Томск: Изд-во ТУСУР, 2011. С. 138–139

УДК 172.16

Ф. С. Приходько

Кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии и политологии, доцент Белорусской государственной сельскохозяйственной академии

ИМПЕРАТИВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОТ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА К КОСМОПОЛИТИЗМУ

Глобализация создает предпосылки для постепенного сближения народов, предоставляет новые возможности для человеческого общения, взаимообогащения различных культур. Одновременно она порождает серьезнейшие вызовы. В начале третьего тысячелетия это обострение межкультурных и религиозных конфликтов, распространение терроризма, гражданских войн, этнических чисток и геноцида.

Одним из вызовов является кризис идеи и практики мультикультурализма – политико-правового и социокультурного конституирования обособленных этноконфессиональных и этнокультурных групп. Один из современных исследователей проблем миграции, И. Шамир, еще в 2005 году писал: «Миллионы новых беженцев уже пустились в путь... их будет все больше и больше, пока однажды хрупкое социальное равновесие в Европе не надломится и не рухнет. Европа будет наводнена чужестранцами, как в свое время Римская империя, и перед ней встанет тяжелый выбор: установить систему апартеида и дискриминации или

потерять свою идентичность...» [1]. Сегодня этот кризис еще больше обострился. В настоящее время массы «новых европейцев» в большинстве своем даже не планируют ассимилироваться и полноценно интегрироваться в автохтонную национально-государственную общность, следуют своим традициям и проповедуют собственную веру (как правило, ислам). Более того, миллионы иммигрантов насаждают сегодня свою культуру и образ жизни коренному населению, эмоционально протестуют, требуя удовлетворения собственных потребностей. Это ставит в тупик правительства государств, вызывает недовольство и протесты у европейцев, способствует росту националистических настроений [2, с. 56]. Во многом отторжение западного образа жизни, его культуры обусловлено совершенно чуждыми иммигрантам социокультурными феноменами, такими как культурная и сексуальная революция, пропаганда идей либерализма, культивирование индивидуализма, гипертрофированное гендерное равенство, разрушение основ традиционного института семьи и брака и др.

Сегодня уже никого не удивляет перепрофилирование пустующих культовых сооружений в мечети и строительство новых «центров ислама». С одной стороны, растут замыкающиеся в себе, в том числе в территориальных анклавах и фактических гетто, иммигрантские общины, отчетливо противопоставляющие свои ценности ценностям социума страны проживания. А с другой – формируются озлобляющиеся и все более конфликтующие с иммигрантами автохтонные группы. И на этом фоне растут этноцентризм, ксенофобия, конфликтность. Не случайно в конце прошлого и начале нынешнего века политические лидеры ведущих стран Европы публично заявили о том, что проект «мультикультурализм» провалился.

В условиях обостряющихся глобальных кризисов и угроз исследователи, политики, пытаясь найти точку опоры для новых юридических норм и политических институтов, начинают обращаться к идеям космополитизма. Как мировоззрение он возник в эпоху античности. Космополитизм философской школы киренаиков выражался формулой «*Ubibene, ibipatrio*» («Где хорошо, там и отечество»). Космополитические идеи развивают стоики, чья философия начала формироваться в период создания империи Александра Македонского и расцвела в эпоху Римской империи. Христианство возникло как универсальная религия, и ее космополитический характер проявился в проповедях Иисуса и первых священных текстах, начиная с Посланий апостолов. В эпоху Средневековья носителем космополитических идей была католическая церковь, претендовавшая на роль объединителя всего христианского мира. В дальнейшем космополитические воззрения постепенно утрачивали религиозную составляющую и обретали сначала политический (как рассуждения о «Всемирной монархии» у Данте), а позже и гуманистический (в трудах Эразма, Г. Гроция и С. Пуфендорфа) контекст. К началу XVIII века понятие «космополитизм» стало уже широко распространенным. Космополитами считали себя Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо, Вольтер и Д. Дидро, Д. Юм и Т. Джефферсон. Французская революция стала мощным толчком к распространению космополитических идей.

Программные установки современной объединенной Европы были изложены в работах основателя и идеолога Панъевропейского союза Р. Н. Куденхове-Калерги. По его мнению, необходим перевод национальной идентичности в область личного самоопределения и пе-

решит вопрос о государственных границах. «Существует только один радикальный способ решить европейский вопрос о границах справедливо и надолго. Этот путь называется не перенос границ, а их ликвидация», – утверждал автор [3].

Трудно найти социально-философскую концепцию, сущность которой была бы извращена в XX веке так, как сущность космополитизма. Немецкий исследователь У. Бек так характеризует эту метаморфозу: «Тот факт, что этот термин оказался забытым, претерпел немало видоизменений и унижений, превратившись в бранное слово, следует отнести на счет его невольной ассоциации с Холокостом и сталинским ГУЛАГом. В коллективной системе символов эпохи нацизма «космополитизм» был синонимом смертного приговора. Все жертвы запланированного массового истребления изображались «космополитами». Неудивительно, что и само слово пало жертвой схожей судьбы... Вследствие этого по сей день во многих странах «космополитов» ставят в один ряд с проходимцами, врагами и паразитами, которых можно или даже нужно демонизировать, изгонять и уничтожать» [4, с. 3–4]. После Второй мировой войны советское государство периодически разворачивало кампании борьбы с «безродным космополитизмом».

В настоящее время в ситуации глобальных вызовов, кризисов и угроз, порожденных непримиримостью религиозного фундаментализма, этническим и государственным эгоизмом, принятие космополитических идей становится настоящей необходимостью. Космополитизм как идею и практику необходимо реабилитировать в мировом общественном сознании.

Космополитизация и глобализация – процессы близкие и взаимообусловленные. К числу качественных показателей космополитизации немецкий исследователь У. Бек относит: распространенность знания иностранных языков и института двойного гражданства; активность импорта и экспорта культурных продуктов и интенсивность трансграничных коммуникаций; мобильность граждан и представительство тех или иных этнических меньшинств в органах власти; интенсивность миграционных процессов; активность транснациональных организаций и инициатив; транснациональные формы жизни, число и характер транснациональных браков и др. [4, с. 139–140].

Список литературы

1. Шамир И. Великое переселение: статья-предвидение Исаэля Шамира о «миграционном кризисе» Европы // Геополитика. 2015. URL: <http://geo-politica.info/velikoe-pereselenie-statya-predvidenie-israelya-shamira-omigratsionnom-krizise-evropy.html>.
2. Бузин Н. Е. Европейский потоп. Между миграцией и хаосом // Беларуская думка. 2016. № 8. С. 56–61.
3. Coudenhove Kalergi, R. Praktischer idealismus / R. Coudenhove Kalergi. Wien-Leipzig, 1925. 191 s.
4. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001.

УДК 364-785.14(571.55)

М. С. Кошелев

*Доцент кафедры гражданского права и процесса Читинского института
Байкальского государственного университета, руководитель
АНО ДО «Центр социально-культурной адаптации мигрантов»*

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

Современная миграционная ситуация в мире диктует необходимость проведения проработанной государственной миграционной политики, отвечающей долгосрочным тенденциям и целям социально-экономического и демографического развития как России в целом, так и в Забайкальском крае в частности. Одним из механизмов реализации государственной миграционной политики России выступает совершенствование системы взаимодействия между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и институтами гражданского общества в сфере миграции [1, с. 28].

Особую актуальность система взаимодействия органов государственной власти и других общественных институтов приобретает в процессе адаптации и интеграции мигрантов в принимающий социум. Для Забайкальского края проблема миграции и адаптации мигрантов также является актуальной в виду полиэтничного состава региона. На территории Забайкалья проживают представители более 100 национальностей.

Анализируя имеющиеся программы социально-культурной адаптации мигрантов, стоит сказать, что в направлении укрепления межнациональных отношений и интеграции прибывающих мигрантов в региональный социум было сделано многое.

Так, в 2010 году на базе ГУК «Забайкальская краевая универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина» был создан Мультикультурный центр (МКЦ), который проводит мероприятия, направленные на сохранение и развитие национальных культур и языков, формирование позитивного отношения к представителям этносов, проживающих на территории Читы и Забайкальского края [2].

При поддержке губернатора Забайкальского края с 2000 года на территории региона осуществляет свою деятельность Ассамблея народов Забайкалья, в состав которой входят более 20 национально-культурных общественных объединений народов Забайкалья. Ассамблея помогает диаспорам поддерживать контакты с их исторической родиной, решать проблемы социального, конфессионального плана (например, возрождение традиционной культуры старообрядцев, восстановление храмов), организовывать мероприятия, направленные на развитие толерантности среди молодежи, включение в общественную жизнь региона всех этносов. Особое место в работе Ассамблеи отведено малым народам [3].

Эффективной формой интеграции трудящихся мигрантов и членов их семей в принимающее общество является организация взаимодействия руководства Забайкальского края, региональных органов государственной власти с общественными объединениями, в том числе и национальными диаспорами. Представители национальных общественных объединений входят в состав Общественных консультативных советов при федеральных органах исполнительной власти. Также активно в направлении укрепления межнациональных отношений работает Общественная палата Забайкальского края.

Кроме того, в целях содействия активной интеграции мигрантов, во исполнение Распоряжения губернатора Забайкальского края от 23 января 2012 года, начала свою работу Автономная некоммерческая организация дополнительного образования «Центр социально-культурной адаптации мигрантов», цель которой состоит в разработке и реализации концепции по социально-культурной адаптации мигрантов на территории Забайкальского края [4]. Центр координирует работу различных министерств и ведомств, проводит разъяснительную политику среди мигрантов, работает с индивидуальными и коллективными обращениями. С 2013 года Центр реализует несколько социальных проектов, направленных на адаптационную работу с мигрантами, которые осуществляют трудовую деятельность на территории Забайкальского края.

Проект «Социально-культурная адаптация мигрантов в условиях Забайкальского края» реализуется также и в районах Забайкальского края. Всего за этот период времени программу социально-культурной адаптации мигрантов посетило более 600 иностранных граждан.

Основной целью проекта является создание условий для эффективной реализации на базе Центра комплексной программы социально-культурной адаптации мигрантов в социум Забайкальского края, трансляция и тиражирование положительного опыта интеграции культур народов, проживающих в Забайкалье, и как следствие, снижение риска межнациональных конфликтов.

В ходе реализации проекта были организованы выездные презентационные площадки в шести районах Забайкальского края (Забайкальском, Борзинском, Краснокаменском, Нерч 200 иностранных граждан из Таджикистана, Киргизии, Узбекистана, Азербайджана, Казахстана, Украины, Вьетнама, Китая, Монголии, Южного Судана и других государств). В рамках отдельных образовательных площадок мигрантам оказывается не только квалифицированная юридическая, но и адресная социальная помощь. Акцент в работе программы сделан на популяризацию русского языка в инокультурной среде. Мигранты посещают бесплатные занятия по русскому языку, истории России, основам законодательства Российской Федерации. В Центре проходят творческие мероприятия, фестивали культуры, мигранты с удовольствием участвуют в праздновании традиционных для нашей страны праздников. В частности, в этом году участники проекта организовывали масленичную неделю и проводы зимы.

В рамках реализации программы было организовано молодежное международное мероприятие – «Языковое кафе», которое было запущено в декабре 2015 года. Студенческая молодежь активно подключилась к реализации проекта, в настоящее время в Центре работают более 100 волонтеров и консультантов, которые на безвозмездной основе помогают в реализации социально-значимой инициативы. В настоящее время в стадии реализации

находится проект Международного научно-образовательного молодежного конвента «Содружество», который должен объединить представителей национальных сообществ Забайкальского края, а также соседних регионов. Иностранцы посетят образовательные мастер-классы, реализуют творческие проекты.

Отдельного внимания заслуживает разработанная бесплатная экскурсионная программа для иностранных граждан, которая была запущена весной 2016 года. В настоящее время экскурсии посетили более 200 человек. В ходе посещения культурных и памятных мест города Читы, Забайкальского краевого краеведческого музея, Церкви декабристов мигранты узнали для себя много нового об истории нашей страны и края, увидели красоты Забайкальской природы, узнали о новых памятных событиях и памятниках истории и культуры [5].

Отдельное направление программы – подготовка аналитических отчетов для различных профильных министерств и ведомств Забайкальского края. Так, в апреле 2016 года на базе Читинского института Байкальского государственного университета прошла Международная научно-практическая конференция «Проблемы социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов в социальное пространство Байкальского региона», которая объединила более 100 участников, среди которых гости из Китая, Монголии, Южного Судана, стран СНГ.

Таким образом, проанализировав современную ситуацию в части реализации на территории Забайкальского края механизмов адаптации и интеграции мигрантов, можно прийти к выводу, что на территории Забайкалья существуют отдельные практики работы с мигрантами, направленные на их успешную адаптацию и последующую интеграцию в российский социум. Однако деятельность исполнительных органов власти, общественных организаций и национальных сообществ нескоординирована. Безусловно, отрицательным фактором, на наш взгляд, является реформирование Федеральной миграционной службы с передачей полномочий Министерству внутренних дел России.

Проблема интеграции огромного количества мигрантов может быть решена только при тесном взаимодействии государственных структур с институтами гражданского общества. Участие в работе по содействию интеграции национальных, общественных, правозащитных организаций, религиозных объединений является крайне необходимым. В целях укрепления межнациональных отношений, содействия эффективной интеграции мигрантов в принимающую среду эффективной видится работа комплексных Центров социально-культурной адаптации мигрантов, в частности в рамках проекта: «Социально-культурная адаптация мигрантов в условиях Забайкальского края».

По мнению экспертов, интеграция и адаптация трудящихся мигрантов и членов их семей и создание институтов содействия должны стать основными направлениями создания нормативно-правовой базы новой миграционной политики.

Список литературы

1. Бессонова В. В., Кошелев М. С. Правовая адаптация мигрантов как одно из направлений государственной миграционной политики // Миграционное право. 2013. № 4. С. 28.

2. Забайкальская краевая научная библиотека им. А. С. Пушкина. URL: <http://zabunb.ru/about/structure/detail.php?ID=170>.

3. Ассамблея народов Забайкалья: Забайкалье – полиэтничный регион. URL: https://zabmedia.ru/news/74278/assambleya_narodov_zabajkalya_zabajkale__polietnicheskij_region/.

4. Центр социально-культурной адаптации мигрантов открылся в Чите. URL: <https://www.chita.ru/news/50839/>.

5. Экскурсионная программа слушателей Центра социально-культурной адаптации мигрантов. URL: <http://www.adaptcenter.ru/news/62>.

УДК 371.833(=161.2)(235.222)

Н. В. Люля

Заведующий музеем Алтайского государственного педагогического университета

«УКРАИНСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО НА АЛТАЕ»: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Согласно последней переписи на территории Алтайского края проживает около 60 тысяч украинцев, основная масса которых является потомками украинских переселенцев конца XIX – первой половины XX века. Однако на протяжении длительного времени в Алтайском крае у такого большого этнического сообщества не было общественной организации.

В 2009 году состоялся визит посла из Украины в г. Барнаул, в ходе которого возникла идея создания украинского землячества [1]. «Все начиналось буквально с трех не равнодушных человек», – рассказывает новый председатель В. П. Михайличенко [1]. Инициатором создания и первым председателем краевой общественной организации «Украинское землячество на Алтае» стал А. Г. Назарчук. Официально она была зарегистрирована 16 октября 2009 года. С ноября 2015 года новым председателем землячества был избран В. П. Михайличенко.

Членом землячества может стать любой желающий, подавший официальное заявление на вступление в общественную организацию «Украинское землячество на Алтае». К началу 2016 года членами землячества являются более 200 человек, проживающих в районах Алтайского края и г. Барнауле [1]. В основном это представители старшего поколения от 45 лет и старше, в меньшей степени молодежь.

Одной из главных целей организации является сохранение и трансляция украинской культуры Алтая. В связи с чем члены землячества активно участвуют в различных проектах. В 2010 году землячество стало победителем конкурса проектов общегородского значения «Мы сильны вместе», по итогам которого был проведен фестиваль украинского народного творчества во Дворце культуры г. Барнаула [2]. В 2011 году совместно с Великокорусским ор-

кестром народных инструментов Е.И. Борисова организовали концерт украинской музыки, также в рамках дня национальных культур на базе парка «Лесная сказка» было представлено украинское народное творчество [2].

Приоритетным направлением, по словам В.П. Михайличенко, является сохранение и трансляция украинской песенной традиции [1]. В связи с чем в рамках реализации проекта «Традиции в наследство» [3] была предпринята попытка сбора фольклора украинских переселенцев Алтая. В районы компактного проживания украинских переселенцев (Кулундинский, Романовский, Родинский) был организован целый ряд фольклорных экспедиций под руководством члена правления землячества, кандидата педагогических наук О.С. Щербаковой. Собранный полевой материал был обработан студентами Алтайского государственного института культуры и искусств – проведена расшифровка, нотация, анализ и систематизация. Итогами проекта должно стать репертуарно-методическое пособие – аудиоальбом «Песни украинских переселенцев Алтая». Ранее землячество уже презентовало аудиоальбом «В саду гуляла», где представлены образцы песен украинцев-сибиряков с музыкальным сопровождением (20 песен), которые исполнялись коллективом «Узорье» (руководитель О. С. Щербакова). Следует отметить, что проблема сохранения элементов материальной культуры украинцев Алтая (даже возможное создание музея украинской культуры) активно обсуждается в рядах правления землячества. Однако отсутствие постоянного места размещения, проблема финансирования, активности молодежи в данном вопросе не позволяет реализовать эту идею [1].

Важным для украинского землячества стала помощь украинским беженцам в связи с трагичными событиями на территории Украины. В Алтайский край был направлен 1 371 переселенец из Украины (279 из которых дети), которые нуждались в психологической помощи, жилье, трудоустройстве и т. д. Александр Назарчук отмечал, что землячество регулярно общается с переселенцами из Украины, оказывает обратившимся посильную помощь [2]. В. П. Михайличенко рассказывал: «Многие на тот момент бежали, даже не зная куда, не имея практически ничего с собой, попадали в новые условия и сталкивались с рядом проблем – отсутствием гражданства, проблемой трудоустройства, жилья. Мы [члены землячества] пытались всячески им помочь, собирали все, что могли» [1]. В основном эта помощь заключалась в предоставлении консультации по оформлению документов, подбором жилья и рекомендациями по трудоустройству [1].

С 2016 года членами украинского землячества организована работа этнокультурного клуба «Спілкування», где все желающие изучают культуру и украинский язык. В роли преподавателей выступают члены правления землячества В. П. Яковенко и В. Р. Жоган, которые являются непосредственными носителями украинского языка. Занятия проходят один раз в неделю каждую среду с 18.00 до 20.00. Ученикам предлагается изучение правил грамматики, произношения и т. д. По итогам нескольких месяцев занятий есть положительный результат – ученики свободно могут читать тексты на украинском языке, однако перевод самого текста пока дается труднее.

Кроме того украинское землячество по приглашению администрации города активно принимает участие в общегородских праздниках, где представляют элементы материаль-

ной и духовной культуры украинцев Алтая (дегустиация национальных украинских блюд, выставка книг и фотографий). Например, День г. Барнаула, День народного единства, День Победы и т. д. [2].

Особое внимание уделяется привлечению молодых членов в общественную организацию – активных, заинтересованных в сборе, сохранении и трансляции украинской культуры. Для распространения информации создана группа в социальной сети – «Украинское землячество на Алтае» [4], где публикуется информация о культуре украинцев, материалы занятий по украинскому языку, фотоотчеты с различных мероприятий и т. д. Также следует отметить, что сами члены правления землячества активно участвуют в работах съездов Союза украинцев России, Всемирного конгресса украинцев (2011 г.), сотрудничают с украинскими землячествами других регионов России [2], уделяют внимание созданию и поддержке художественных коллективов и т. д.

Таким образом, Алтайская краевая общественная организация «Украинское землячество на Алтае» выполняет консолидирующие функции украинского этноса Алтая. Членами организации делается попытка сохранения и трансляции украинской культуры через реализацию проектов, участия в мероприятиях различного уровня, интернет-ресурсы.

Список литературы

1. Архив ЦУИиЭ ЛИК АтлГПУ. Ф. 1. Михайличенко В.П., 1988 г.р.
2. Мероприятия. URL: <http://nko22.ru/nko/meropriyatiya%F3%EA%F0/>.
3. Традиции в наследство. URL: <http://nko22.ru/nko/traditsii-v-nasledstv7086/>.
4. Украинское землячество на Алтае [группа в Вконтакте]. URL: https://vk.com/alt_ukr.

УДК 364-785.14:378(571.51)

О. Г. Смолянинова¹, В. В. Коршунова²

¹Доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой информационных технологий обучения и непрерывного образования, академик РАО, директор Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета

²Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий обучения и непрерывного образования, заместитель директора по науке Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета

ИНТЕГРАЦИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ МИГРАНТОВ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ СРЕДСТВАМИ ЭЛЕКТРОННОЙ ПЛАТФОРМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Реализация непрерывного образования по таким областям, как миграция, поликультурное образование, права человека, а также повышение уровня толерантности по отношению к мигрантам и представителям этнических меньшинств активно обсуждаются педагогической общественностью и российскими политологами. Процесс глобализации, возрастание влияния этнонационального фактора побуждает научное сообщество обратиться к рассмотрению педагогических моделей поликультурного образования, призванных обеспечить гармонизацию отношений между представителями разных этносов и национальных меньшинств в современном обществе.

В первую очередь, это связано с нарастающими случаями нетерпимости, враждебности к представителям другой культуры, непониманием их традиций и менталитета. С другой стороны, стремительные изменения развития поликультурного образования отражены в федеральных нормативно-правовых актах: проекте Концепции поликультурного образования в России (2010); Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России (2009); Концепции национальной образовательной политики РФ (2006), Федеральных образовательных стандартах.

Принцип регионализации в настоящее время выступает доминирующим фактором развития образовательных систем, реализация которого – новый этап становления вариативного образования в регионах РФ. Этот принцип позволяет региональным образовательным системам создавать условия и оптимизировать ресурсы для непрерывного образования, учитывать специфику поликультурной среды.

Образование в течение всей жизни в условиях поликультурной среды является одним из ключевых трендов международного сотрудничества в современном мире.

© Смолянинова О. Г., Коршунова В. В., 2017

* При написании статьи использованы результаты эмпирического исследования проекта РГНФ №16-16-24005 «Развитие научно-образовательного комплекса Красноярского края средствами электронной платформы непрерывного образования (PL2S)».

Красноярский край является одним из крупнейших многонациональных и поликонфессиональных регионов России. На его территории проживают представители 159 национальностей (2002 – 137, 1989 – 124). Большинство из них на протяжении многих веков осваивали огромные территории на берегах Енисея, внося посильный вклад в его историю, в развитие экономики, культуры, науки, спорта и общественно-политических процессов.

В 2013 году в крае функционировало свыше 80 зарегистрированных национально-культурных организаций с участием 52 этносов, а с учетом их филиалов, центров и представительств количество национальных институтов гражданского общества достигает двух сотен. Представителями различных этносов проводится системная работа по сохранению и развитию своего языка, культуры и традиций, проводятся научно-краеведческих исследования, осуществляются культурное просветительство, развиваются деловые связи с исторической родиной, социокультурная адаптация прибывающих в регион соотечественников.

Актуальной становится задача включения ресурсов образования и науки в процессы интеграции и социализации мигрантов в среду региона пребывания.

При написании статьи использованы результаты исследований, полученные при поддержке РГНФ в рамках научного проекта «Развитие научно-образовательного комплекса Красноярского края средствами электронной платформы непрерывного образования (PL2S)» №16-16-24005.

Проектная команда института педагогики психологии и социологии на протяжении 2016 года в ходе реализации первого этапа проекта РГНФ осуществила теоретический анализ проблемы интеграции мигрантов в социокультурную среду Сибирского региона.

Проектной командой СФУ проведены психолого-педагогические исследования на различных ступенях обучения и уровнях образования (начальное, среднее, полное (общее), среднее профессиональное, высшее образование).

Были спроектированы авторские методики измерения для каждой из ступеней обучения для определения уровня: этнической идентичности; этнической толерантности; осведомленности о национальных различиях людей.

В эмпирическом исследовании, представленном в статье, приняли участие представители целевой аудитории проекта (учащаяся молодежь, работники сферы образования и культуры).

Результаты проведенного исследования по методике оценивания поликультурной компетентности представителей целевой аудитории проекта проверялись по следующим индикаторам: толерантность, идентичность и информированность, и представлены далее.

Результаты опроса целевой аудитории проекта свидетельствуют, что от 59% довольны или скорее довольны проживанием в многонациональной среде. Результаты исследования показали остаточный значимый процент от 26% респондентов, выражающих индифферентное отношение к многонациональному составу региона. Отдельно стоит отметить результаты по ответам респондентов в части стабильной положительной динамики позитивного отношения к многонациональной среде взрослого населения края. Нейтральные и отрицательные позиции наблюдаются среди учащейся молодежи, что не позволяет сделать однозначный вывод об аккумулятивном эффекте процессов поликультурного образования.

В связи с этим отметим, что необходимы дополнительные исследования респондентов средствами глубинных интервью.

Важным аспектом исследования проектной команды является вопрос, связанный не только с поликультурной палитрой края, но и мультирелигиозным составом Красноярского края и отношением коренного населения к их представителям.

Среди респондентов преобладают те, кто доволен мультирелигиозностью социума, в котором они проживают, или индифферентны к религиозному составу социума.

Результаты предыдущих социологических исследований свидетельствуют о возрастании уровня религиозной толерантности, но для окончательных утверждений и интерпретации требуются дополнительные исследования.

Образование является одной из важнейших частей культурной системы общества. Красноярский край – один из регионов многонациональной России, где каждый живет в поликультурной среде разнообразных культур и языков. Для нашего края основной проблемой являются формирование познания культуры собственного народа, осознание многообразия духовного и материального мира, признание и понимание культурных ценностей других народов, умение жить и общаться в поликультурной стране, в глобальном обществе.

В условиях глобализации и всеобщей информатизации происходит сложный процесс взаимопроникновения, переплетения этнических групп, что выдвигает перед педагогами задачу реализации поликультурного образования, формирования у обучающихся опыта сотрудничества с людьми разных национальностей. В связи с этим возникает необходимость воспитания толерантной личности, которая ценит не только родную, но и культуру других народов, готова к диалогу в современном мире.

Интересен факт, обнаруженный в ходе исследования: существуют группы национальностей, к которым педагоги не испытывают дружеских чувств, об этом сообщили 32 % опрошенных. Для 60 % респондентов из целевой аудитории проекта таких национальностей в целом нет, но отдельные их представители вызывают неприязнь. Только 20 % респондентов высказали наиболее толерантную позицию, указав, что нет таких национальностей, к которым они заранее не испытывают дружеских чувств, причем наибольший уровень толерантности выражает учащаяся молодежь, что имплицитно свидетельствует о положительном эффекте результатов поликультурного образования в регионе.

Уровень осведомленности респондентов о национальной палитре края низкий и составляет около 20 %.

Отметим, что в регионе действуют национально-культурные объединения, которые выступают активными агентами интеграции и нормализации межэтнических отношений в многонациональном регионе. В крае имеется достаточное количество молодежных представительств данных объединений. О наличии таких объединений в крае осведомлены 29 % респондентов. При этом около 50 % респондентов не обладают точной информацией о них, но отметили, что «что-то слышали об этом», от 20 до 38 % пребывают в полном неведении. Данные факты можно объяснить недостаточной активностью молодежных НКА в средствах массовой коммуникации, особенно в соцсетях. Необходимо вовлекать студентов и школьников в различные поликультурные образовательные события, организуемые НКА на территории Красноярского

края, включать в учебный план подготовку межкультурной практики совместно с представителями НКА.

В сфере образования проблема толерантности и развития толерантного сознания становится все более актуальной и требует существенного пересмотра сложившейся образовательной теории и практики. Е. А. Ямбург отмечал в своем выступлении в МГТУ им. В. Э. Баумана: «Мы сегодня заняты чем угодно – вопросами ЕГЭ, олимпиадами, сводками зарплат и тому подобным, но только не формированием толерантности. А между тем – это одна из главных проблем современной школы и российского общества в целом...».

Проведенные исследования еще раз подтвердили высокий уровень толерантности жителей Красноярского края. Новая система подготовки педагогов в Сибирском федеральном университете обеспечила качественный уровень сопровождения процесса профессионального становления современного учителя в системе непрерывного образования. Вызовы времени системе образования в условиях социально-экономических и культурно-исторических изменений, возникающих на этапе перехода к информационному обществу в условиях поликультурной среды региона, требуют новых решений и сопровождения непрерывного образования в реальном и виртуальном пространствах с использованием электронной платформы.

Список литературы

1. Пузанова Ж. В., Демидова И. И. Опыт исследования уровня этнической толерантности студентов РУДН в 2008–2011 гг. // Вестн. РУДН. Серия «Социология». 2012. № 4. С. 107–120.
2. Радина Н. К., Моисеев А. Толерантность и социальная дистанция в восприятии этнических групп у студентов из Нижегородской области и промышленного центра // Коммуникативистика: перспективы развития социально-гуманитарного знания: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. 19 марта 2010 г. Н. Новгород: НФ ГУВШЭ, 2010. С. 118–121.
3. Студенчество в многонациональных мегаполисах и крупных городах России: Этническое самосознание и межэтнические отношения: сб. материалов по результатам социологического исследования / под общ. ред. А. В. Журавского. М., 2008. 156 с.

УДК 130.2:167.7

Н. Н. Середкина¹, Н. А. Кравченко²

¹ Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

² Кафедра культурологии Гуманитарного института, Сибирский федеральный университет

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ К. ГИРЦА
К ИССЛЕДОВАНИЮ КУЛЬТУРЫ: МЕТОД ПЛОТНОГО ОПИСАНИЯ**

Основой современных социальных исследований является их междисциплинарный характер. Данная тенденция проявляется главным образом в методологии исследования, затрагивающей вопросы не только сбора информации, но и ее интерпретации. Рассмотрению основных стратегий одной из таких методик, совмещающей в себе достижения семиотики, герменевтики и социальной антропологии, посвящена данная статья.

Выдающийся американский ученый Клиффорд Гирц (1926–2006) сформулировал свою концепцию культуры, назвав ее интерпретативной. В таком понимании культуры Гирц ориентируется в основном на Макса Вебера, но при этом создает совершенно особый метод толкования содержания культуры. В труде «Интерпретация культур» Гирц показывает, что культура, по сути, включает в себя множество иерархически расположенных сетей, которые состоят из значений слов, концептов, других символических форм.

Основным тезисом концепции Гирца становится то, что культура имеет символическую форму [10; 12], и следовательно, ее нужно анализировать с помощью интерпретации, а не буквального прочтения, и выявления неких формул и законов, присутствующих в культурном тексте и его структуре. Стоит отметить, что интерпретация в этнографических и антропологических работах до концепции Гирца, конечно, также присутствовала, но при этом только на начальных уровнях, но никогда не использовалась уже в описании окончательных результатов, то есть присутствовала нерerefлексивно.

Важным начинает считаться то, как культурный текст описывается, и в этом ключе Клиффорд Гирц предлагает метод плотного описания в исследованиях культуры, концентрируя внимание не только на описании феноменов, но и в большей степени на их символическом содержании. К. Гирц заимствует понятия «плотное», «насыщенное описание» у социолога, философа Гилберта Райла, вкладывая при этом в них свое толкование.

Плотное, или насыщенное, описание – thick description – Гирц противопоставил так называемому тонкому, или ненасыщенному, описанию, нацеленному на фактическую (и поверхностную) фиксацию особенностей и составляющих культуры, как то последовательность действий в ритуале, внешний вид, украшения, обстановка и устройство дома и т. д., но без должного осмысления [1; 13, 23].

Метод плотного описания подразумевает не только тщательное описание, четкую фиксированную картину (при всей важности этой составляющей), но и символическое прочтение феноменов культуры, поиск значений и референтов социальных действий. Не случайно Гирц при этом проводит аналогии своей концепции культуры с видением социологии Максом Вебером как «понимающей», с тем различием, что концепцию Гирца можно назвать скорее не понимающей, а истолковывающей.

Метод плотного описания предполагает интерпретацию, истолкование (сам Гирц подчеркивает, скорее, не расшифровку, а критический взгляд, упоминая о работе литературного критика). Тогда в рамках исследования ученым избирается предмет исследования, с помощью наблюдения и расспросов, интервью восполняются информационные пробелы, а после исследователь должен тщательно описать наблюдаемый феномен, та, чтобы как можно ясней были определены социальное основание и социальное значение всех символических структур, кодов, которые были описаны в данной исследователю ситуации. Именно так будет сформировано ясное и четкое значение культурного феномена для читателей работы.

При этом Гирц отмечает, что работа по интерпретации опирается на конструкции (ментальные, культурные, социальные), которые лишь приписываемы, но не тождественны представлениям изучаемых субъектов культуры (эти конструкции лишь входят в научный анализ). Прежде интерпретации полученного материала идет интерпретация того, что же имеют в виду люди данной культуры [1; 22].

Важно, что метод плотного описания предполагает хотя и относительное, но различие между непосредственно «описанием» и «спецификацией»: то есть между «определением значений, которые имеют социальные действия для самих действующих лиц», и тем, какое дает нам знание об обществе данная информация.

Сложность метода плотного описания видится в том, что те социально-культурные феномены, которыми занимается ученый, представляют собой сложные структуры с множественными значениями, неупорядоченными, неясными, а в большинстве случаев еще и чужды исследователю. И прежде чем «прочитать» сложный культурный текст, его необходимо привести в ясный, доступный для интерпретации вид. То есть именно записать изучаемые феномены, зафиксировать всю возможную информацию и уже на основе зафиксированного, записанного осуществить отбор и упорядочить [1; 26]. Неправильное, неверное истолкование метода плотного описания часто происходит из-за понимания его через противопоставление тонкому, ненасыщенному описанию.

В современной науке метод плотного описания ныне получает свое новое переосмысление в рамках корпуса *cultural studies*, социологии и психологии после некоторой критики и скептицизма 80-х годов прошлого века.

В области культурологии, культурной социологии и антропологии в наибольшей степени метод плотного описания и всю интерпретационную концепцию Гирца восприняли и переосмыслили ученые Джеффри Александер и Филип Смит, авторы так называемой «сильной программы» в культурсоциологии. По мнению ученых, Гирц сделал теорию антропологии более герменевтической, и интерпретационная концепция оказалась подходящей

для того, чтобы показать, как «работает значение (смысл) в общественной жизни» [2; 10]. Гирц показал, что «культура, по сути, была повсюду, но все же неуловима и фрагментарно кристаллизована в эстетической форме» [2; 11]. Метод плотного описания в большей мере повлиял на социологию, когда позволил отказаться от тяжеловесной теории и обратиться к более «легким» понятиям, тем не менее более пригодным для описания настроений, жестов, явлений.

Также Джеффри Александер отмечает, что его «сильная программа» в какой-то мере напоминает метод плотного описания (где описание кодов, нарративов и символов создает «сети социального значения»), а тонкое описание, в свою очередь, можно уподобить «слабой программе», в которой смысл снижен до абстрактного описания ценностей, овеществленных норм, идеологии или фетишизма [3; 13].

Питер Брукс в статье «Семиотика и плотное описание» показывает близость плотного описания и семиотики Ролана Барта. В методе плотного описания Брукс отмечает сознательное применение Гирцем своеобразного эффекта отчуждения (сознательного позиционирования себя чужим «в чужой, но познаваемой стране» [4; 19]) вместо попыток вжиться в чужую культурную среду. Также Брукс замечает, что Гирц довольствуется пониманием интерпретации как текста о тексте, где на самом деле не может быть фиксированного кода, где культура постоянно меняет коннотации, отсылает к другому коду и т. д. [4; 20]. Для Гирца общество и культура анализируемы, в основном, с точки зрения социальных представлений. Ученый называет Клиффорда Гирца «острым и убедительным читателем культурного ландшафта», тем не менее обозначая то противоречие, что, хотя Гирц критикует структуралистскую идею об едином коде, все же в своих исследованиях он работает с неким латентным кодом. Плотное описание, в глазах ученого, не является пустой абстракцией, а, скорее, «делает культурную интерпретацию единственно стоящей игрой» [4; 28].

Другой исследователь, Пол Лихтерман, рассматривает метод плотного описания скорее как социолог, но при этом достаточно многозначительно характеризует плотное описание как «глубоко теоретический проект и своего рода космополитизм», который исследователь реализует на практике через описание (или, как именует сам Лихтерман, «письмо») и интерпретацию, а также последующую возможность теоретизировать полученную информацию. Плотное описание, считает ученый, позволило «увидеть нюансы культуры, которые были незаметны при других социологических анализах» [5; 1]. Лихтерман подчеркивает, что плотное описание выявляет культурное своеобразие, самодостаточные культурные модели, свойственные определенной группе людей. Плотное описание у Лихтермана находит аналогию даже не в паутине, созданной из множества нитей, как у Гирца, а в виде строительной конструкции, когда сами описания в функции «письма» мы как бы «вешаем» на теоретические строительные леса, в результате чего из концепции получается модель. При чем «леса» – теоретическая конструкция – созданы также в результате плотного описания, когда на практике ученый открывает «культурные категории», дающие информацию о том действии, что мы изучаем [5; 2].

Возвращаясь к аналогии с паутиной, Лихтерман также обращает внимание на то, что схожие внешне культурные модели и знаки создают в разных культурах совершенно разные

узоры – значения. И исследователь, таким образом, должен быть внутренне готов к такому взаимодействию знака, действия и конкретных внешних условий. Тогда и «взгляд самого туземца» предстает культурным комплексом, отфильтрованным через взаимодействие в определенных условиях [5; 3].

У Лихтермана интерпретация сближается с искусством, точнее – драматургией, когда плотное описание тем лучше, чем сильнее и эффективней оно заставляет читателя «вообразить» описываемое событие.

Вернер Биндер отмечает, что в методе плотного описания, с одной стороны, «описание включает в себя толкование», а с другой стороны, «толкование может рассматриваться как форма описания» [6; 1]. Притом, что граница между этими 2 аспектами метода очень подвижна, стоит различать их как разные этапы научного наблюдения. При этом Биндер намного резче, чем Гирц, разводит понятия интерпретации как описания и описания как объяснения. Интерпретация может быть понята как описание, которое включает в себя новую информацию, недоступную ранее. Описание менее информативно, но и менее рискованно. В то же время объяснение есть интерпретация, толкование, которое включает в себя помимо прочего и причину явления и именно такого объяснения как новую информацию.

Также Вернер Биндер обнаруживает три типа понимания «значения», которые разворачивает в исторической последовательности, приписывая «социальное» понимание значения Максиму Веберу (когда действие понимается без учета предшествовавших намерений), субъективное – Клиффорду Гирцу (действие есть артефакт, при его анализе учитываются индивидуальные мотивы и намерения). Субъективное понимание значения как раз и является в плотном описании. Последний, третий тип понимания «значения» Биндер именует культурным и находит его в «сильной программе» Александра и Смита.

По мнению психолога Понтеротто, «насыщение» описания формируется за счет тщательного и точного описания обстоятельств социального действия или культурного феномена, значения, ожиданий и намерений действующих лиц, стратегий, мотивации, в общем, всего, что может охарактеризовать данный эпизод и помочь вскрыть глубинные значения феноменов [7].

Таким образом, можно отметить следующие особенности метода плотного описания: во-первых, это его интерпретативный характер. Интерпретация направлена на социальный дискурс. Метод фиксирует смысл феномена, его суть, содержание в читаемой форме. Плотное описание обладает микроскопичностью, то есть интерпретация, прочтение категорий реальности осуществляется через «подробное изучение чрезвычайно мелких явлений» [1; 27], метод плотного описания – в большей мере метод для локальных контекстов, с помощью которых тем не менее становится ясней и доступней более широкий контекст культуры [1; 29–30]. Метод плотного описания как стратегия интерпретации текстов культуры в ее неотъемлемой связи с социальной реальностью продолжает развиваться и осмысляться в исследованиях современных ученых.

Список литературы

1. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. О. В. Барсуковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.

2. Alexander J., Smith P. The rise and fall and rise of Clifford Geertz. *Interpreting Clifford Geertz. Cultural investigation in the Social sciences*. NY: PALGRAVE MACMILLAN, 2011. P. 10–17.
3. Alexander J. *The meaning social life: A Cultural Sociology*. Oxford University Press, 4. 2012. 309 с.
4. Brooks P. Semiotics and Thick Description (Barthes and Geertz). *Interpreting Clifford Geertz. Cultural investigation in the Social sciences*, NY: PALGRAVE MACMILLAN, 2011. P. 17–24.
5. Lichterman P. Thick Description as a Cosmopolitan Practice: A Pragmatic Reading. *Interpreting Clifford Geertz. Cultural investigation in the Social sciences*. NY: PALGRAVE MACMILLAN, 2011. P. 83–97.
6. Binder W. Interpretation and Explanation in Cultural Sociology. Conference Paper, XIV April International Academic Conference on Economic and Social Development. 2013. URL: http://academia.edu/7044224/Interpretation_and_Explanation_in_Cultural_Sociology.html.
7. Ponterotto J. Brief note on the Origins, Evolution, and Meaning of the Qualitative Research Concept Thick Description. *The Qualitative Report*, 11(3). 2006. P. 538–549. URL: <http://nsuworks.nove.edu/tqr/ol11/iss3/6.html>.
8. Trondman M. To locate in the tenor of their settings the sources of their spell. Clifford Geertz and «Strong» Program in Cultural Sociology. *Interpreting Clifford Geertz. Cultural investigation in the Social sciences*. NY: PALGRAVE MACMILLAN, 2011. P. 146–167.
9. Breyer T. Action, text, culture: reflections on hermeneutical anthropology between Geertz and Ricoeur. *Meta*. 2013. № 5 (1). P. 107–129. URL: <http://metajournal.org/download.php?id=165&type=articles.html>.
10. Svensson P. Thickening thick description: over interpretations in critical organizational ethnography. *Critical Management Research: Reflections from the Field*. 2014. P. 173–188. URL: <http://scopus.com>.
11. Freeman M. The hermeneutical aesthetics of thick description. *Qualitative Inquiry*. 2014. № 20 (6). P. 827–833. URL: <http://scopus.com>.
12. Torop P. Culture and translation. *Applied Semiotics/Semiotique appliqué*. 2010. № 24. P. 11–18. URL: <http://french.chass.utoronto.ca/as-sa/ASSA-No24/Article2en.html>
13. Geertz C. Thick Description: Toward and Interpretative theory of Culture. *Reading in the Philosophy of Social Science*. 2014. P. 214–231.
14. Lichterman P., Reed, I. Theory and Contrastive Explanation in Ethnography. *Sociological Methods and Research*. 2015. № 44 (4). P. 585–635. URL: <http://scopus.com>.

УДК 316.344.8

М. Н. Либакова

*Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии,
Сибирского федерального университета*

ГЕНДЕРНЫЕ ОБРАЗЫ В СКАЗКАХ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В настоящее время коренные и малочисленные народы Красноярского края являются объектом разнообразных исследований: социологических, психологических, медицинских, культурных и прочих, целью которых, так или иначе, является сохранение численности данных народов, их уникальной культуры в условиях активного межкультурного взаимодействия, когда ценности современного цивилизованного глобального мира стремятся заместить ценности традиционных культур.

В данной ситуации актуальным является решение проблемы того, как принимая все цивилизационные достижения, объективно повышающие уровень качества жизни коренных народов, проживающих в суровых природных условиях, сохранить их уникальную культуру, способствовать формированию позитивной этнической идентичности у представителей коренных малочисленных народов и, прежде всего, у детей.

Одним из способов решения обозначенной проблемы является сохранение национальной литературы как средоточия ценностей и смыслов традиционной культуры, характерных, в частности, для данной культуры представлений о гендерных образах.

Специалист в области культурных исследований А. Р. Усманова отмечает, что репрезентация гендера в феноменах культуры является не вторичной по отношению к реальным образам женщин/мужчин, а первичной. То есть образы, которые зафиксированы в различных артефактах культуры (и, безусловно, в сказках), выступают формирующим началом, непосредственно влияющим на действия реальных людей, воплощающих в себе конкретные гендерные образы [23, с. 417–464].

Объектом исследования данной работы являются сказки коренных малочисленных народов Красноярского края (эвенков, нганасан и кето) как основная составляющая детской литературы обозначенных народов, как форма фиксации традиционной модели семьи и культурной картины мира, представлений о гендерных ролях и образах, сохранение которых является важнейшим шагом в деле сохранения самобытной культуры коренных малочисленных народов. Для изучения особенностей сказки как носителя модели семьи и культурной картины мира применяется метод контент-анализа.

Понятие «детская литература» традиционно обозначает часть литературного наследия, адресованную детям, целью которой является воспитание ребенка, формирование его мировоззрения, развитие способностей эстетического восприятия.

Исследованию различных аспектов детской литературы уделяют внимание как отечественные, так и зарубежные исследователи. Так, Lucy Pearson на основе анализа дискурса о британской детской литературе в широком социальном контексте выявляет критерии «хорошей» и «плохой» детской литературы, раскрывает вклад крупных и малых издательств в развитие детской литературы [3].

Claudia Nelson на основе анализа канонических произведений Чарльза Диккенса, Шарлотты Бронте, Уильяма Мейкписа Теккерея, Брэма Стокера, Роберта Льюиса Стивенсона в контексте гендерного подхода изучает образы детей и взрослых, а также модели их взаимоотношений [2].

К. Jerome, K. A. Sweeney изучают проблему взаимодействия между детьми и приемными родителями, обращаются к анализу образов родителей, представленных в английской литературе, предназначенной для детей 4–8 лет [1].

В отечественных исследованиях детской литературы решаются различные задачи как общие [7], так и частные. В частности, исследуются гендерные особенности детской литературы [27], возможности литературы как способа воспитания толерантности [13], образ семьи, формируемый в литературных произведениях для детей [9], также детская литература изучается как способ знакомства с окружающим миром (Савинова, Леонтьева, 2014).

Исследованию сказки как особого жанра литературы посвящена работа А.Ю. Исаковской, в которой автор анализирует сюжеты сказок и их адаптацию в иной культурной среде, раскрывает механизмы развития межкультурной коммуникации и международных литературных связей [21].

Множество отечественных исследований посвящено изучению народных сказок, не имеющих конкретного автора и являющихся частью фольклорного наследия того или иного народа. Ученые изучают материалы, собранные в фольклорных экспедициях [12], анализируют особенности сюжетов и основных мотивов повествований [16], образы героев, рассматривают их как выражение самобытности традиционной культуры того или иного народа [10].

А. А. Ким анализирует нганасанские и кетские прозаические тексты. В работе «Фольклорный анализ и классификация хантыйских прозаических текстов, записанных Штейницом в 1936 году» [12] исследователем проводится фольклорный анализ и классифицируется сюжетный состав нескольких хантыйских прозаических текстов, записанных и переведенных на русский язык В. Штейницом в 1936 году, применяется новый подход к классификации фольклора, основанный на сюжетном действии. Также автор обращается к анализу прозаических текстов и других народов Севера – селькупов, кето, нганасан.

Российские исследователи М. А. Колесник [14], К. В. Резникова [20], Н. Н. Пименова [17], Т. Б. Владиславлева [6] изучают культурное наследие коренных малочисленных народов Красноярского края, отмечают особую значимость фольклора для процесса формирования позитивной этнической идентичности у современных представителей данных народов, а также для сохранения культуры данных народов.

Помимо аналитических исследований, не утрачивают своего значения и дескриптивные работы, так или иначе раскрывающие особенности фольклора в целом и сказок в част-

ности. Так, М. Воскобойников [7] систематизировал сведения о фольклоре эвенков, собранные как в дореволюционное время, так и за советский период, а также производит классификацию эвенкийского устно-поэтического творчества, в которой важным звеном являются сказки. Также автор уделяет внимание описанию особенностей мироотношения и мировосприятия эвенков Прибайкалья.

В исследовании, посвященном анализу эвенкийского мифологического сознания [4], О. Б. Арчакова обращается к анализу сказок с целью реконструировать картину мира, закодированную в них. В частности, автор обнаруживает, что характерной особенностью, фундаментом картины мира эвенков является идея борьбы, противостояния. Также исследователь при анализе сказок обращает внимание на упоминания о русском этносе и формирует на основе сравнения образы «русского в эвенкийской культуре» и «эвенка в отношении с русскими».

В работе Е. Т. Пушкаревой [19] представлен анализ значительного объема фольклорно-этнографического материала ненецкого народа, раскрывающего представления о картине мира у различных групп хранителей традиционной культуры. Исследователем анализируются эпические песни и мифы-сказки, комплексно рассматривается устройство мира, представленное в фольклоре ненцев.

Российский исследователь Г. Т. Поленова в статье «О чём может рассказать кетская сказка» [18] изучает кетскую сказку как выразителя особенностей быта и верований кето-охотников, демонстрирует наиболее архаичные черты строя кетского языка, представленные в сказке, приводит экстралингвистические данные, позволяющие лучше понять сказку, в частности, описание устройства чума, сакральность очага.

Таким образом, на основе анализа представленных в обзоре исследований можно заключить, что важнейшей составляющей детской литературы в традиционных культурах коренных народов является часть фольклорного наследия – сказка как элементарная форма трансляции ценностей данной культуры, как форма поддержания связи между поколениями. Ученые, решая различные исследовательские задачи, обращаются к сказкам как источнику знания о культуре коренных малочисленных народов. Далее обратимся к результатам контент-анализа сказок эвенков, нганасан и кето, на основе которых были сделаны выводы о специфике культурной картины мира, гендерных образов как части картины мира и модели семьи, представленных в изученных текстах

Культурная картина мира как многоуровневая система культурных понятий и образов, формирующая понимание мира и уверенность в правильной в нем ориентации [15] имеет определяющее значение для этнической идентификации человека, осуществляемой через приобщение к культурной картине мира своего народа, вписывание в нее себя, осознание себя частью ее. Безусловно, значительную роль в формировании культурной картины мира играет семья, поскольку именно в семье происходит формирование первичной системы ценностей человека, ядра его личности. Также определение человеком своего места картине мира, так или иначе, зависит от того, какую гендерную роль он для себя выбирает. Гендер, понимаемый как социокультурный конструкт, как социальный пол, как психологический пол, является выражением в деятельности мужчин и женщин общепринятых в дан-

ном обществе в данной культуре поведенческих шаблонов, приемлемых для системы ценностей данного этноса.

Для изучения гендерных образов в сказках народов Севера был выбран метод контент-анализа, позволяющий исследовать содержание в качественно-количественном измерении. Контент-анализ сказок эвенков, нганасан и кето позволит выделить особенности гендерных образов, характерных для традиционных культур данных народов.

1. Анализ эвенкийской сказки «Храбрый Хуркокан»

В сказке повествуется о храбром Хуркокане, который победил злого богатыря Нурговуля. Персонажи данного фольклорного произведения поделены на две категории: положительные и отрицательные. В группу положительных героев попадают сам храбрый Хуркокан и его семья, в качестве отрицательного героя выступает богатырь Нурговуль. Особенности гендерных образов раскрываются через их роли в семье: отец, мать, дочь, сын, сестра, брат, бабушка. Отрицательный персонаж – Нурговуль – не имеет семьи. Таким образом, подчеркивается значимость семьи, ее позитивное значение. Храбрый Хуркокан совершает свои подвиги во имя семьи, спасает сестер, возвращает их домой, таким образом восстанавливая ее целостность.

В произведении также четко описаны функции персонажей в соответствии с их полом: старуха/бабушка занимается детьми, воспитывает их, заботится о них, отец и мать занимаются промыслами, чтобы содержать семью, герои второго плана – дочери – занимаются хозяйством, причем, будучи пленницами богатыря, они также выполняют эти функции. Сын – защитник семьи, спаситель сестер. При этом можно отметить важность и значимость женских персонажей: вокруг бабушки-старухи держится семья, спасений дочерей – важное дело, к которому брат шел с детства: рос и вырос ради победы над богатырем.

2. Анализ сказки нганасан «Озеро смерти»

Гендерные образы нганасан также находят свое выражение через семейные роли. Сюжет сказки сосредоточен на жизни двух семей, главами которых являются Боро-хала – отец первой семьи и Ханси-тала – сын из второй семьи. В начале истории Боро, его дочь и Ханси отправляются на охоту, где Боро видит семь комолых (безрогих оленей), которые перевоплощаются в женщину, а затем в налима; так Боро осознает приближение своей смерти. Решив отдаться ей, Боро приходит на Озеро смерти, за ним следуют его дочь и Ханси. Озеро забирает Боро и сообщает Ханси и дочери Боро, что заберет их двоих детей. Через несколько лет, один из их детей (шаман) видит, что в скором времени нужно будет принести жертву Озеру. Супруги не желают отдавать детей и приносят жертвенных животных, но озеро не принимает их. За отказ отдавать двух детей оно не только забирает их само, но и еще четверых. Семья остается в нищете, и последний сын (шаман) на охоте убивает домашних оленей – самку и самца, после чего умирают родители. В конце шаман находит новую семью и получает все блага.

Особенность нганасанской семьи. Персонажи, которые являются главами семей, выделяются тем, что зовутся по имени. Ближайшие родственники, а именно жена и дети, также

носят имя главы, например: «дочь Боро», «отец и мать Хунси и жена Боро». При переходе дочери к супругу, к ее роли жены прикрепляется и ее принадлежность к отцу: «Хунси, его жена, дочь Боро». Но данная особенность характерна только для дочерей (причем только достигших определенного возраста), сыновья Хунси в своих характеристиках не выражают принадлежность к своему отцу.

Четко прослеживается различие поколений, поскольку людям из старшего поколения дается характеристика старика: «Две старухи и один старик остались», «Старики, отец и мать Хунси и жена Боро», Боро о себе: «Я старый».

При рассмотрении количества общих упоминаний можно выделить, что характеристики «мать», «женщина», «сын», «дочь» наиболее часто упоминаемые. Но нужно отметить, что глава семьи чаще всего упоминается по имени: Боро или Боро-тала в данной сказке упоминается 21 раз. Хунси или Хунси-тала – 13 раз. Таким образом, строится модель семьи, где есть глава семьи – мужчина, упоминание о котором чаще не подразумевает его ролевой функции, есть женщина с упоминанием ее материнской роли и есть дети – сыновья и дочери.

Основой для жизни нганасан является представление о человеке – главе семьи, вокруг которого строится жизнь социума, а также именно он взаимодействует с высшими силами. Он задает иерархию, формирует вокруг себя сплоченную, закрытую от внешних воздействий семью. Основной причиной для выделения такого главы является физическое преимущество перед другими членами общества, его опыт, а также способность взаимодействовать с высшими силами.

3. Анализ кетской сказки «Женщина и чертовка»

В сказке «Женщина и чертовка» гендерные также образы раскрываются через семью. Представленная модель семьи состоит из двух пар с детьми. Подчеркнуто, что бытовые и воспитательные функции выполняют только женщины. Мужчины отсутствуют в качестве активных персонажей. Сюжет сосредоточен вокруг женщин. Младшее поколение характеризуется обобщенно – «дети», гендерные особенности каждого конкретного ребенка не подчеркнуты и не важны.

Кето представляют тип семьи объединенной, где воспитательные функции выполняют женщины, отцы не участвуют в воспитании детей. Родительские качества также не подчеркнуты – присутствует некоторая отдаленность, нет акцента на кровных родственных связях. Также нет акцента на особенностях каждого конкретного ребенка. В данной сказке женщина раскрывается как мать, как защитница и как хранительница очага. Причем отрицательный персонаж, чертовка, также является женщиной, таким образом, подчеркивается активность женского начала.

В заключение необходимо отметить, что сказки коренных малочисленных народов Красноярского края представляют собой уникальную форму сохранения представлений о картине мира, о месте человека в ней, о гармоничных способах взаимодействия человека с миром и с другими людьми, о тех ролях и функциях, которые человек должен выполнять в соответствии с принадлежностью к определенному полу.

Сказка представляет собой один из видов фольклорной прозы, присущий традиционной культуре, и является основной формой детской литературы. Она является частью системы воспитания, поскольку содержит в себе этические ценности (воспевание красоты, доблести, силы, смелости, нравственные и моральные ориентиры), выступающие «правилами жизни», а также практические рекомендации, советы, схемы действия, нужные в той или иной жизненной ситуации.

В каждом проанализированном тексте наглядно раскрывается следующая особенность, характерная для традиционных культур: однозначное определение ролей, закрепленных за человеком в зависимости от его биологического пола. Все важнейшие гендерные характеристики раскрываются через принадлежность человека к семье.

Анализ сказки как важного элемента воспитания, где отчетливо выражены представления о моделях семьи, картине мира, имеет определенное значение для понимания ценностей традиционной культуры того или иного народа, что, в свою очередь, является необходимым условием для сохранения такой культуры в условиях глобальной интеграции.

Существующие в настоящее время проблемы сохранения уникальных культур коренных малочисленных народов Севера в определенной степени связаны с изменениями представлений о семье (вследствие практики воспитания детей в интернатах), а также утратой традиционных представлений о том, какую роль играет в семье человек в зависимости от его гендерной принадлежности и возраста.

Сказка как часть детской литературы представляет собой способ формирования личности, ориентированной на сохранение традиций своего этноса, а также сказка позволяет в современном мире научных достижений, различных гаджетов, делающих жизнь человека более комфортной, не забыть истоков своей культуры, своих этнических корней, таким образом способствуя формированию позитивной этнической идентичности у молодого поколения.

Также необходимо подчеркнуть, что в настоящее время существование традиционной культуры в определённой степени переносится в виртуальную реальность. Так, например, тексты сказок коренных малочисленных народов Красноярского края можно найти в сети Интернет [5] среди сказок других народов. Преимущественно тексты сказок приводятся на русском языке в том виде, в котором были зафиксированы в ходе фольклорных экспедициях советскими учеными [22]. Следовательно, для полноценного сохранения самобытности традиционных культур коренных малочисленных народов Красноярского края, необходимо проводить работу по фиксации сказок на языке оригинала.

Список литературы

1. Jerome K., Sweeney K.A. Birth Parents' Portrayals in Children's Adoption Literature // *Journal of Family Issues*. 2014. № 35 (5). № 677–704.
2. Nelson C. Precocious Children and Childish Adults // *Age Inversion in Victorian Literature*. 2012. P. 1–211.
3. Pearson L. The Making of Modern Children's Literature in Britain // *Publishing and Criticism in the 1960s and 1970s*. 2013. P. 1–218

4. Арчакова О. Б., Трифонова Л. Л. Мифологические представления эвенков: по материалам народных сказок. Благовещенск, 2006. 283 с.
5. Библиотека сказок Хобобо. URL: <http://www.hobobo.ru/>.
6. Владиславлева Т. Б. Культурно-историческое наследие как ресурс инновационного развития коренных малочисленных народов Севера // Вестн. Моск. гос. лингвистич. ун-та. 2011. С. 608, 9–20.
7. Воскобойников М. О фольклоре эвенков Прибайкалья // Фольклор эвенков Прибайкалья. 1967. С. 3–21.
8. Воскобойников В. М. Детская литература вчера и сегодня. А завтра? // Вопросы литературы. 2012. № 5. С. 76–88.
9. Гурская М. А. Психологический и культурный климат семьи в современной детской литературе. Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1. С. 196–200.
10. Захарова К. И. Этнокультурные реалии в фольклоре малочисленных народов республики Саха (Якутия) и инуитов Канады (на материале сказок) // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2015. № 21. С. 32–35.
11. Исаковская А. Ю. Детская сказка в русской советской литературе (рецепция мировых сюжетов): дис. ... канд. филол. наук; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2012.
12. Ким А. А. Фольклорный анализ и классификация хантыйских прозаических текстов, записанных Штейницом в 1936 году // Вестн. ТГПУ. 2011. № 3. С. 156–161.
13. Кичева Е. Д. Современная детская литература об особых детях как средство воспитания толератности. Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. 2015. С. 240–242.
14. Колесник М. А. Обзор изучения фольклора коренных народов Севера // Litera. 2014. № 3. С. 9–11.
15. Кузнецова Т. Ф. Культурная картина мира как ядро тезауруса в концепции Владимира Андреевича Лукова. 2015.
16. Осипова М. В. К проблеме классификации мотивов в айнских волшебных сказках // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 4 (48). С. 128–131.
17. Пименова Н. Н. Культурное наследие коренных малочисленных народов Красноярского края и современные культурные практики // Человек и культура. 2014. № 2. Р. 28–66.
18. Поленова Г. Т. О чем может рассказать кетская сказка // Вестн. ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 52–55.
19. Пушкарева Е. Т. Картина мира в фольклоре и традиционных представлениях ненцев: системно-феноменологический анализ: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003.
20. Резникова К. В. К вопросу об эпическом культурном наследии коренных малочисленных народов Красноярского края // Litera. 2016. № 2. С. 20–34.
21. Савинова С. В., Леонтьева Т. П. Детская литература как средство формирования природоведческих знаний у младших школьников // Концепт: науч.-метод. электрон. журн. 2014. № 32. С. 11–15.
22. Сказки народов Севера. URL: <http://libatriam.net/read/365334/#>.

23. Усманова А. Р. Гендер и культура в парадигме культурных исследований. Введение в гендерные исследования. Ч. 1. Харьков, 2001. С. 427–464.

24. Уткина О. А. Гендерный аспект в детской литературе. Что читают мальчики // Вестн. Удмурт. ун-та. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2012. № 3–4. С. 79–83.

УДК 316.344.8

Д. С. Пчелкина

ЭТНИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОБРАЗОВ ШКОЛЬНИКАМИ (РЕЗУЛЬТАТЫ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Кризисность подросткового возраста определяется социокультурными условиями, а также радикальными биологическими, психологическими, социальными и правовыми изменениями, в целом **промежуточностью** этого возраста в онтогенезе (М. Мид, Л. С. Выготский, В. И. Слободчиков и др.). Промежуточность статуса подростка заключается в том, что он пребывает в состоянии между взрослым и ребенком. Происходит избавление от родительской опеки в попытках получить или отстоять собственную независимость. И это избавление происходит не через отделение, разрыв отношений, а путем возникновения нового качества отношения, стремления к более дифференцированным отношениям с другими людьми. Все прежние идеалы подвергаются переоценке, поскольку отношения подростка с миром, обществом, различными социальными группами в целом дисгармонизированы. Подростковый период считается периодом социального созревания личности. Взгляды на окружающую действительность меняются. В течение периода с 11 до 15 лет человек стремится осмыслить свою жизнь, свои права и обязанности, понять и утвердить самого себя, формируется стремление быть и считаться взрослым, чувство взрослости является структурным стержнем личности. Подросток определяет, что является нормами, идеалами для него самого.

Именно система ценностей является тем базисом, что соединяет деятельность индивида и социокультурную систему – определяет модели поведения, убеждения, мировоззрение, привязанности, то есть определяет личность как таковую и общество в целом. Подросток в процессе самопознания, определения ценностных ориенторов в том числе выстраивает для себя образ мужчины, образ женщины, осмысляет их роли и функции в социуме.

При исследовании различия мужских и женских ценностных ориентиров был введен термин «гендер». Понятие «гендер» (*gender*) возникло в связи с необходимостью разграничить биологический и социальный пол. Так, слово *gender* в английском языке означает «социальный пол в совокупности с его психологическими и культурными признаками». Исследователи утверждают, что современная гендерная теория не ставит под сомнение наличие

определенных биологических, социальных, психологических различий между женщинами и мужчинами: гендерная теория основывается на отрицании связи между анатомией мужчин и женщин и выполняемыми ими социальными ролями. Гендер находится под постоянным влиянием культурных норм, социальной ситуации, исторических факторов развития общества и т. п. Иначе говоря, имеет значение социокультурная интерпретация тех или иных различий между мужчинами и женщинами. В настоящее время выделяют два вида идентичности: социальную и личностную (персональную).

Ассоциативный эксперимент является одной из наиболее эффективных и разработанных техник анализа. Ассоциация является символической, иногда прямой проекцией понятий, образов, часто неосознаваемого содержания сознания. У каждой личности ассоциативное поле свое по составу наименований, по силе и количеству связей между ними. Закономерно, что уровень образования является одним из критериев объема понятий. Преимущество ассоциативного эксперимента – простота и удобство применения, так как он может проводиться с большой группой испытуемых одновременно. Испытуемые работают со значением слова в «режиме употребления». Испытуемый должен отвечать на определенный набор слов-стимулов как можно быстрее любым пришедшим ему в голову словом. Исследователем фиксируется тип ассоциаций, частота однотипных ассоциаций.

Данный ассоциативный эксперимент включал опрос 70 респондентов. Результаты опросов анализируются, исходя из этнической принадлежности опрошенных, так как это позволяет зафиксировать, насколько стереотипные представления маскулинности и феминности эффективно работают у современных подростков, в том числе учитывая их этническую принадлежность. Для ассоциативного эксперимента респондентам были предложены понятия «мужское» и «женское».

«Женское» в ответах респондентов

Все ответы респондентов можно разделить на три группы: положительные, нейтральные и негативные характеристики.

Респонденты группы 1 – немцы, латыши, поляки

К группе положительных к слову «женское» относятся: мать (2)¹, (1), чувство (1), дом (1), жизнь (1), уют (1), шоппинг (2), магазин (1), развлечения (1), интересность (1), разнообразность (1).

К группе негативных характеристик относятся: тупость (1), лень (1), диета (1), вес (1).

Группу нейтральных представляют слова: Фрейд (1), феминизм (1), платье (2), одежда (2), красота (2), стиль (1), прическа (1), духи.

Количество опрошенных – 5 человек.

Респонденты группы 2 – татары, грузины, азербайджанцы

Группу положительных характеристик составляют следующие слова: мама (6), красота (3), бабушка (1), девушка (1), забота (1), нежность (2), мягкое (1), обнимающее (1), расслабленное (1), длинные волосы (2).

¹ Здесь и далее в скобках указано количество повторений данного слова в ответах респондентов.

К нейтральным характеристикам относятся: одежда (2), прическа (1), туфли на каблуках (1), косметика (1), магазины (1), украшения (1), фигура (1), роды (1), розовый цвет (1).

Группу негативных характеристик составляют такие характеристики, как: некрасивое (1), уродливое (1), хитрое (1), непонимающая (1), слабое (1), хрупкость (1).

Количество респондентов – 8 человек.

Респонденты группы 3 – евреи

Положительные характеристики составляют следующие слова: гармония (1), любовь (1), романтичность (1), семья (1).

Группу нейтральных характеристик составляют такие слова, как: тело (2), феминизм (1), эстроген (1), феминистка (1), одежда (1).

К группе отрицательных характеристик относятся следующие слова: несправедливый (1), ущемление (1), диета (1).

Число опрошенных – 5 человек.

Респонденты группы 4 – русские

Следующие слова относятся к группе положительных характеристик: мать (13), бабушка (4), сестра (4), тетя (3), жена (1), семья (2), подруга (3), бизнес-леди (2), феминистка (2), кухарка (2), человек (1), развитие (2), спортзал (1), работа (5), культура (2), искусство (3), мудрость (2), нежность (1), женственность (2), аккуратность (1), хитрость (2), сильный характер (5), решимость (5), скромность (2), элегантность (2), забота (3), поступок (2), скромность (2), мягкость (1), стиль (1), наглость (1), ласковая (1), доброта (1), любовь (7), уход (1), красота (13), коса (1), молодость (1), стройность (1), грудь (4), грация (2), тонкое (1), руки (4), фигура (4), глаза (1), губы (1), украшения (4), ребенок (4), кукла (1), солнце (2), шутки (1).

Нейтральные характеристики составляют такие слова, как: помощь мужчине (1), готовка (2), домашняя работа (2), вера (1), путешествия (2), слабость (1), любит сплетни (2), думает, что не такая, как все (2), розовый (2), магазин (2), цветы (3), ваза (1), одежда (6), платье (3), наряды (3), духи (2), косметика (3), волосы (5), 90-60-90 (1), весы (1), мелодрамы (1), разговоры (2).

К группе негативных характеристик относятся: блондинка за рулем (1), эмоциональность (2), злорадство (2), нет памяти (1), строит из себя (2), распущенная (1), месячные (3).

Количество опрошенных – 54 человека.

«Мужское» в ответах респондентов

Респонденты группы 21 – немцы, латыши, поляки

Следующие характеристики относятся к положительным: поступки (2), сила (2), мощь (1), мышцы (1), смартфон (1), папа (1), благородство (1), мужское дело (1).

К нейтральным характеристикам можно отнести: мужской пол (1), черный (1), одежда (3), очки (1), обращение (1).

Такая характеристика, как матерщинник (1), составляет негативную характеристику слова «мужское».

Количество опрошенных – 5 человек.

Респонденты группы 2 – татары, грузины, азербайджанцы

Группу положительных характеристик составляют следующие слова: папа (4), творчество (1), мнение (1), сила (4), мощь (1), род (1), наглость (1).

К нейтральным характеристикам относятся: охота (1), рыбалка (1), тело (3), парфюм (1), синий цвет (1), короткие волосы (1), большой (1), плечи (1), рука (1), глаза (1), прическа (1), борода (1), квадратное (1).

Группу негативных характеристик составляют такие характеристики, как: брюхо (1), сидит за компьютером (1), грубое (1).

Количество респондентов – 8 человек.

Респонденты группы 4 – русские

Следующие слова относятся к группе положительных характеристик: папа (20), дедушка (2), брат (2), дядя (1), муж (3), парень (2), человек (7), самец (3), глава семьи (2), вожак (2), работник (9), сын (1), мужчина (3), мужик (4), мальчик (3), мастер (1), защитник (5), помощник (1), индивидуалист (1), солдат (2), президент (2), учитель (2), кутюрье (1), директор (1), ремонт (6), семья (1), носит на руках (1), сильный (14), мощный (7), смелый (2), храбрый (2), логика (2), хороший (2), умный (4), мужественный (5), брутальный (2), оберегает (1), веселый (4), поступок (1), четкость (1), обязанность (1), татуировка (2), красивый (2), спорт (9), охота (1), рыбалка (1), походы (1), баня (1), машина (5), автомобиль (3), игры (2), собака (2).

Нейтральные характеристики составляют такие слова, как: начальство (1), необычный (1), тестостерон (1), строгость (2), много ест (1), сдерживание эмоций (1), хладнокровный (1), патриархат (1), официальный (1), гендер (1), национальность (1), право (1), одеколон (2), голос (2), борода (5), кадык (2), темные волосы (2), тело (7), мускулы (3), пресс (4), телосложение (5), одежда (8), пиджак (3), галстук (3), рубашка (3), брюки (2), носки (1), тяжелый (2), телевизор (1), телеканал (1), легион (2), компьютер (2), телефон (2), статуя (2), говорит по-русски чисто (2), паспорт (1), гараж (1), жареная картошка (1), кофе (2).

К группе негативных характеристик относятся: неответственный (1), глупый (1), оказывает давление (1), грубый (2), плохой (1), злой (1), жадный (1), ужасный характер (2), гордость (1), нервный (1), нытье (5), власть (1), болтливый (1), носки валяются (1), диван (1), курение (2).

Количество опрошенных – 54 человека.

Подводя итоги исследования, можно выявить общие ассоциативные ряды понятий, характерные для всех представленных этнических групп, и характерные особенности, присущие определенной группе.

Так, можно говорить о том, что практически все подростки визуализируют мужское и женское через образы отца и матери, через образы родственников. В каждой группе зафиксированы длинные ассоциативные ряды, связанные с внешними признаками, внешностью – различная одежда, обувь, косметические средства, украшения. Это связано с возрастными особенностями респондентов, поскольку для психологии людей подросткового возраста характерна акцентировка на внешности, на внешнем воплощении чего-либо, это проявление интереса к окружающему миру, к тому, как проявляют себя другие индивиды.

Также указанному возрасту вне зависимости от этнической принадлежности свойственна жесткая поляризация понятий, поэтому закономерны ассоциации, находящиеся в оппозиционном положении относительно друг друга. Так, слово-стимул «женское» наделяется рядом «красивое – уродливое», «умная – глупая», а «мужское» характеризуется «добрый – злой», «ответственность – безответственность» и т. д.

Однако результаты позволяют сделать некоторые выводы относительно этнических особенностей понимания женского и мужского у современных подростков:

- Ассоциации респондентов-евреев являются наиболее актуальными социально: к слово-стимулу «женское» предложили слова «феминизм», «феминистка», «ущемление». На опросных листах эти понятия были зафиксированы первыми, что говорит о том, что понятия «женское» и «феминизм» обладают в данный момент времени наиболее сильными связями между собой.
- Респонденты-евреи также обращаются к ассоциациям, связанным с внешним видом, однако наделяют их негативной коннотацией. Используются слова «диета», «вес».
- Респонденты группы 2, в состав которой входили татары, грузины, азербайджанцы, репрезентируют в обоих случаях (и на слово «женское», и на слово «мужское») относительно стереотипные ассоциации. Например, это ассоциации, определяемые родственными узами, – папа, мама; акцентирующие черты стереотипной внешности мужчины и женщины (так, «женское» наделяется длинными волосами, а «мужское» – короткими); описывающие черты характера, традиционно приписываемые восточной женщине, – мягкость, нежность, слабость (ассоциация «красота» не является для данной группы респондентов ведущей) и мужчине – сила, мощь, ответственность.
- Группа респондентов 1, включающая немцев, латышей, поляков, наделяет «женское» негативными чертами характера – лень, тупость; акцентирует внимание на внешних показателях статусности – «мужскому» приписывается смартфон, «женскому» предлагается отправиться на шоппинг и в магазин; также акцентируется внимание к телу – зафиксированы ассоциации «диета» и «вес». Реже встречаются ассоциации, связанные с родственными связями, семейными узами, – реже в сравнении с остальными этническими группами, принимавшими участие в эксперименте. Также встречается понятие «феминизм».
- Группа русских респондентов являлась наиболее многочисленной, поэтому ответы опрошенных из этой группы представлены в виде разнообразных ассоциативных рядов. Ответы респондентов показывают два направления в понимании подростками маскулинности и феминности – традиционное и трансформирующееся. С одной стороны, зафиксированы понятия-родственники: папа, мама, бабушка, дядя, тетя, сестра. И женскому, и мужскому приписаны стереотипные качества характера: красивое, нежное, заботливое, грациозное и т. п., помогающее мужчине – женское, и сильное, мощное, умное, защищающее и т. п. – «мужское», ходящий в походы, в гараж, в баню, на охоту и рыбалку, оставаясь добытчиком. С другой сто-

роны, стоит отметить, что по результатам эксперимента в данной группе можно зафиксировать изменения и трансформацию образа «женского» и «мужского». Расширяется представление о сферах деятельности и реализации потенциала: так, женскому предлагается стать бизнес-леди, за исключением ответа одного респондента отсутствует понятие «жена», наделяют «женское» делом, занятием, постулируется актерское начало; респонденты приписывают женскому такие черты характера, как решимость, логика, ум, поступок, деятельность и т. п. Несмотря на то, что мужское остается сильным и смелым, одновременно респонденты наделяют «мужское» слабостью, безответственностью и нытьем.

- Русские известны вниманием к внешнему виду, поэтому ответы в этой группе наиболее подробно ассоциируют гендерные отличия через различные виды одежды, украшений, косметики, обуви и т. д.

И в завершение стоит отдельно сказать, что в целом образ «мужского» не претерпел каких-либо значительных изменений, в то время как представление о «женском» переживает трансформацию. «Женское» отправляют в спортзал, реже ассоциируют с замужеством, но ассоциируют с занятостью на работе, отправляют путешествовать, и достаточно часто звучит слово «феминизм». Без изменений образа «женского» прошла эксперимент группа, состоящая из этносов, традиционно патриархального уклада жизни – татар, грузинов, азербайджанцев. Поэтому если говорить о межкультурных взаимодействиях среди различных этнических групп, то необходимо учитывать этот факт, что меняется способ видения женского в современном мире, в том числе и в Красноярске.

СЕКЦИЯ 2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 331.1(470.57)

А. Г. Уляева

*Научный сотрудник Института социально-экономических исследований
Уфимского научного центра РАН*

ДИСПРОПОРЦИИ РАССЕЛЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН В РЕЗУЛЬТАТЕ УСИЛЕНИЯ АГЛОМЕРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Согласно теории пространственного развития экономики, существуют три измерения пространства – плотность, расстояние, разобщенность, которые являются рабочими понятиями из доклада «О мировом развитии 2009: новый взгляд на экономическую географию» [1]. Вызовам низкой плотности, больших расстояний, высокой разобщенности пространства, затрудняющим ход экономического и социального развития, противостоят такие принципы политики территориального сплочения, как концентрация экономической активности, связанность, взаимодействие. Целенаправленная реализация этих принципов позволяет качественно изменить пространство функционирования различных процессов жизнедеятельности и повысить их эффективность [7]. Вышеназванными категориями можно оперировать при анализе трансформации экономического пространства вследствие активизации процессов урбанизации, а также последующей субурбанизации в крупных городах. В данной статье рассмотрим трансформацию плотности расселения и экономической активности в Республике Башкортостан и роль в ней агломерационных процессов.

1. Трансформация плотности расселения

Общий прирост численности населения Республики Башкортостан (РБ) за период с 2005 по 2014 год является отрицательным: количество населения снизилось на 0,23 % (с 4 081 349 до 4 071 987 человек). При этом в структурно-пространственном аспекте в настоящее время, как и 10 лет назад, в крупных городах, на имеющих статус городских округов (8), проживает почти половина населения республики, причем доля населения, проживающего в них, за последние 10 лет увеличилась с 45,4 до 47,7 %.

Если рассматривать прирост населения по муниципальным районам (МР) и городским округам (ГО) РБ, то получим, что в 45 из 54 МР за последние 10 лет наблюдается отток населения, из которых в 22 МР отток превысил 10 % от проживающего население (в том числе 20,1 % в Аскинском районе, 19,53 % в Балтачевском районе, 16,83 % в Бижбулякском районе). Если рассмотреть выделенные МР на карте РБ, то они либо находятся на границе республики, либо занимают промежуточное географическое положение между крупными городами региона.

Агломерирование городов проявляется в значительном приросте, наблюдаемом не столько в крупных ГО, сколько в МР, приближенных к городам, что отражает усиливающиеся

ся процессы субурбанизации. Факторами, влияющими на субурбанизацию, являются: уровень развития малоэтажного строительства; автомобилизация, сочетание индивидуального и общественного транспорта; взаимодействие агломераций с межгородской периферией, где в более отдаленной перспективе будут формироваться новые центры расселения [5].

Так, население Уфимского района, на территории которого находится ГО г. Уфа, за 10 лет увеличилось на 38,59 %, в Иглинском МР республики, территориально приближенном к столице, – на 20,66 %, при этом прирост населения в самой столице составил 6,94 %. Это отражает тот факт, что высокая стоимость жилья в Уфе и низкое качество экологической сферы определяют изменение мотивации населения для выбора столицы в качестве места проживания, тогда как территориальная доступность столицы от близлежащих МР в купе с транспортной доступностью и развитостью дорожной инфраструктуры приводят к максимальной привлекательности Уфимского и Иглинского районов для внутрирегиональных миграционных потоков.

Доказательством прироста населения, обусловленного усиливающимися агломерационными процессами, является обеспечение прироста вследствие миграционных процессов, а не процессов, обусловленных естественным приростом населения [6]. В развитых странах агломерации существуют фактически, не будучи административными единицами; территорию объединяют маятниковые трудовые миграции и тесные экономические взаимосвязи [4]. За период с 1995 по 2014 год средняя ежегодная убыль населения в республике составила –4,82 тыс. человек, за период с 2005 по 2014 год – 400 человек в год. С другой стороны, естественный прирост населения в городах РБ выше, чем в сельских поселениях, что, в свою очередь, отражает более высокое качество жизни в городах республики.

Перспективы трансформации расселения в РБ особо заметны, если рассмотреть плотностные характеристики муниципальных образований. Разрыв в плотности населения городских округов значителен – 60,17 раз в 2005 году и 64,36 раза в 2014 году. За рассматриваемый период плотность населения в столице выросла на 6,94 %, в то время как на близлежащих к ней территориях прирост составил 11,15 %. Но при этом видно, что 58-кратный разрыв в плотности населения в столице и приближенных к ней районах определяет возможности ускоренной застройки и заселения этих МР.

Выявленные тенденции субурбанизации, отражающие трансформацию расселения населения республики, определяют и территориальное распределение прироста строительства жилья в регионе. Среднегодовой объем строительства жилья в 2014 году в РБ на 64,9 % превышает аналогичный показатель 2005 года. При этом доля строительства жилья в ГО РБ за последние 10 лет существенно не изменились: 43,5 % в 2005 году и 43,8 % в 2014 году. Однако если рассмотреть изменения прироста жилья в МР, то видно, что наибольшие темпы прироста характерны для районов, на территории которых находятся крупные города (Уфимский МР).

Концентрация населения и активная застройка территорий близ городских округов Республики Башкортостан являются следствием трансформации концентрации в городах экономической активности региона. Одновременно с усилением концентрации населения в ГО и близлежащих к ним МР происходит параллельное стягивание экономических ресурсов в крупных городах.

2. Трансформация диспропорций экономического развития

В Республике Башкортостан за период с 2007 по 2014 год доля 8 городских округов по показателю отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами выросла с 60,1 до 84,1 %, то есть суммарный вклад 54 МР сегодня составляет лишь 15,9 %. В территориальном аспекте основной вклад в производственную деятельность приходится на столицу республики (ГО г. Уфа): по сравнению с 2009 годом в 2014 год ее вклад увеличился с 48,2 до 55,2 % (с учетом индексов потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации в 2009–2014 годы). Среди МР максимальный прирост приходится также на районы, расположенные вокруг крупных промышленных ядер региона (в ГО г. Уфа, г. Стерлитамак, г. Салават).

В 9 МР наблюдается снижение среднегодовых объемов производств товаров и оказанных услуг в 2014 году по сравнению с 2009 годом (с учетом инфляции за соответствующий период), в том числе и на значительные величины (–47,3 % в Калтасинском, –41,8 % в Зианчуринском, –31,4 % в Бижбулякском районах). При этом в ряде МР за аналогичный период наблюдается значительный прирост показателя, вплоть до двукратного прироста среднегодовых объемов произведенной продукции и оказанных услуг в стоимостном выражении за 2014 год по сравнению с 2009 годом (164,9 % в Чишминском, 99,8 % в Давлекановском районах). Если проанализировать пространственную трансформацию структуры производства в Республике Башкортостан, то видно, что происходит все большая концентрация производства в столице республики (даже если сравнивать период с 2009 по 2014 год).

Интересен тот факт, что максимально приближенные к столице 6 МР (Уфимский, Иглинский, Кармаскалинский, Благовещенский, Кушнаренковский и Чишминский районы) в сумме дают всего 3,7 % от республиканского объема отгруженной продукции, что обуславливает их роль больше как места расселения населения и рекреации, чем промышленного центра региона. Стерлитамакско-Салаватский промышленный узел вместе с Стерлитамакским районом, на территории которого располагаются ГО, вносят значительный вклад в производственную деятельность республики, но его доля немного сократилась. Также сократилась доля объема отгруженной продукции в промышленных центрах РБ: ГО г. Нефтекамск с близлежащей территорией и ГО г. Октябрьский вместе с г. Туймазы и Туймазинским районом. Традиционно отсталые муниципальные районы северо-востока и Зауралья Республики Башкортостан еще больше ухудшили свои позиции.

Прирост стоимостных объемов отгруженной продукции в муниципальных районах и городских округах, как правило, коррелирует с показателями прироста инвестиций в основной капитал. Доля городских округов в суммарном объеме инвестиций в основной капитал в 2014 году составила 66,1 % (в 2005 году показатель был немного ниже – 63,8 %. Если привести в сопоставимый вид через показатель «объем инвестиций в основной капитал на душу населения»), то ситуация несколько другая –18,9 % в ГО (в 2005 году 23,0 %). Но это не связано с ростом инвестиционной привлекательности сельских территорий, а обусловлено снижением численности населения практически во всех МР РБ. В целом в 2014 году (как и в 2005 году), инвестиции сосредоточены в МР, приближенных к ГО, но с определенным смещением акцентов (значительно снизились инвестиции в Благовещенском районе, в котором одновременно

с этим наблюдается спад промышленного производства). Касательно городских округов, то доля ГО г. Уфа в 2014 году составляет 70,12 % от суммарного объема инвестиций в городских округах РБ и 46,3 % от общереспубликанского объема инвестиций. При этом за последние 10 лет значимость Уфы как центра привлечения инвестиций выросла.

Таким образом, агломерационные процессы, то есть стягивание демографических, экономических и иных ресурсов вокруг крупных городов, сочетание в них урбанизации и субурбанизации с формированием устойчивых процессов трудовой миграции и пригородной жилой застройки, формирование полицентрической сетки агломераций как нового каркаса регионального экономики являются объективным процессом трансформации внутрирегионального экономического пространства [2]. При этом их влияние на пространственное развитие региона носит амбивалентный характер, выражающийся в полярности воздействия на социально-экономические процессы.

Список литературы

1. World Bank. The World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography. Washington D.C.: World Bank, 2008. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5991>.
2. Атаева А. Г., Уляева А. Г. Исследование факторов формирования и развития городских агломераций как направления усиления межтерриториального взаимодействия в регионе // Экономика и предпринимательство. 2015. № 12-1 (65-1). С. 369–373.
3. Атаева А. Г., Орешников В. В. Проблемы прогнозирования и сценарного моделирования социально-экономического развития территориальных систем. Институт экономики УрО РАН. 2012. С. 10–33.
4. Зубаревич Н. В. Агломерационный эффект или административный угар? // Российское экспертное обозрение. 2007. № 4–5 (22). С. 11–13.
5. Львов Д. С. Путь в XXI век: Стратегические проблемы и перспективы российской экономики. Глава 18. Тенденции и перспективы расселения. URL: <http://www.leadnet.ru/lvov/lvov18.htm>.
6. Орешников В. В. Прогнозирование изменения уровня рождаемости под влиянием социально-экономических факторов // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Ч. 1. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2012. 285 с. С. 264–270.
7. Пространственные и временные тенденции социально-экономических процессов на российском Севере / отв. ред. В. Н. Лаенцев. М. Сыктывкар, 2012. 346 с.

УДК 323.1

И. С. Лысенко

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук
Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнёва*

СОДЕРЖАНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

В настоящее время межэтнические отношения приобретают особую значимость. Для изучения межэтнических отношений, определения их перспективы важно понимать содержание межэтнических отношений, из чего они складываются? Чем регулируются?

Мы исходим из того, что межэтнические отношения есть отношения между представителями различных этносов. Регулируются, соответственно, межэтнические отношения этническими нормами, не зафиксированными в законодательстве. Представляется важным исследование не только вопроса этнических норм, но и то, в каком отношении они находятся с нормами права, зафиксированными в законодательстве.

Историческая эпоха либо усиливает значение норм права, на основе которых строится общество как нация, или же усиливает значение внеправовых норм, на основе которых строится общество как этнос. Нормы, будь то этнические нормы или нормы права, всё время изменяются, трансформируются. Значение норм может преувеличиваться или преуменьшаться в зависимости от исторической ситуации. По нашему убеждению, в мире сознательно предпринимается много попыток для активизации отношений, которые будут формироваться на основе этнических норм. Так, преуменьшают значение норм права и усиливают значение этнических норм такие события как, карикатуры на пророка Мухаммеда, опубликованные датской газетой *Jyllands-Posten* в сентябре 2005 года и французским журналом *Charlie Hebdo* в 2015 году.

Рассмотрим содержание межэтнических отношений и, в частности, этнических норм. Этнические нормы всегда присутствуют в жизнедеятельности общества независимо от того, санкционированы они государством или нет. Проблема заключается в следующем: хоть нормы права и демонстрируют равенство всех перед законом, этнические нормы доказывают обратное.

Этнические нормы представляют собой сложное нормативное, регулятивное и социальное явление общественной жизни. Каков же объём этнических норм, из чего они состоят? Это, прежде всего, этническое мировоззрение, психология, мораль, нравственность. Этнические архетипы, пословицы, поговорки также представляют собой отражение определённых этнических норм. Но не в меньшей степени жизнь любого этноса регулируется и предубеждениями, предрассудками, стереотипами, заблуждениями, мифами, подозрительностью, тщеславием, презрением, социальной завистью. Этнические нормы оформляются как вербально, так и в определённых действиях. Они могут носить как энтропийный, так и антиэнтропий-

ный характер. Так, французский мыслитель Гельвеций уже в XVIII веке обращается к проблеме содержания мировоззрения, которое самым прямым образом влияет на отношения между представителями разных этносов.

Гельвеций пишет: «О народах можно сказать то же, что и о частных лицах: подобно тому, как каждый из нас считает себя непогрешимым, всякое противоречие рассматривает как оскорбление и в другом уважает только собственный ум и восхищается им, так и каждый народ уважает в другом только идеи, сходные с его собственными; всякое противное мнение является источником презрения. Например, араб, убеждённый в непогрешимости своего калифа, смеётся над глупым легковерием татарина, считающего своего ламу бессмертным. Со своей стороны, жители горы Бата, убеждённые в том, что каждый человек, съевши перед смертью жареную кукушку, становится святым, смеются над индусами: не смешно ли, говорят они, подводить к постели больного корову и воображать, что если эта корова, когда её дёрнут за хвост, выпустит мочу и несколько капель её попадут на умирающего, то этот умирающий станет святым?» [4, с. 296].

По мнению Гельвеция, все народы восхищаются своими недостатками и презирают противоположные достоинства. Народы порой высмеивают в иной культуре традиции, которых сами же придерживаются. В этом смысле мыслитель делает любопытный вывод о том, что, чтобы иметь успех в каком-нибудь государстве, надо носить на спине горб того народа, среди которого находишься. Вот на какого рода различия в нравах и обычаях и основывается взаимное презрение народов, по выражению Гельвеция. Очевидно, что презрение в данном случае основано на собственной правоте, непогрешимости, высокомерии. Далее Гельвеций продолжает: «Каждый народ убеждён, что он один обладает мудростью, а все остальные глупы, и походит на того жителя Марианских островов, который был убеждён, что во всём мире существует только один язык – его, и отсюда заключал, что остальные люди не умеют говорить... Люди так часто не замечают своих заблуждений, потому что они невежественны, и вообще самая неизлечимая их глупость состоит в том, что они считают себя умными. Это заблуждение, свойственное всем народам и являющееся отчасти следствием их тщеславия, заставляет их не только презирать нравы и обычаи, отличные от их, но и рассматривать как дар природы превосходство, которое некоторые из них имеют над другими, а между тем этим превосходством они обязаны только политическому строю своего государства» [3, с. 300].

Гельвеций задаётся вопросом, казалось бы простым. Но он сложен настолько, насколько прост: «Много ли найдётся таких, которые понимают, что презирать какую-либо нацию всегда несправедливо?» [3, с. 302].

Как мы узнаём, что этнические нормы присутствуют в обществе? Например, во Франции женщины ходят в хиджабе – это признак того, что в обществе в принципе присутствуют этнические нормы и что часть населения отдаёт приоритет этническим нормам. О присутствии этнических норм и соответствующих им социальных институтов свидетельствуют и этнические праздники, отмечаемые публично, и национально-культурные объединения, организующие их.

Например, в русской культуре самым ярким архетипом является Илья Муромец. К архетипам, как нам представляется, можно отнести и Александра Невского, Александра Суворова. Они воплощают собой образ патриота, бесстрашного защитника Отечества, воспевают военную стратегию и отвагу. Не случайно во время Великой Отечественной войны именами

Суворова и Невского названы ордена. Все эти архетипы задают систему мышления в определённых исторических условиях и отношениях.

К числу этнических норм, которые существенным образом определяют межэтнические отношения, можно отнести шириат (нормы мусульманского права), адат (так называемое обычное право народов Кавказа). «Жить по адату», «судиться по адату» – значит, жить и судиться по тем неписаным правилам, которыми руководствовались с незапамятных времён. Исследователями давно выявлено, что адат включает в себя три разных явления: обычаи, живущие в народном предании; законы, действующие в определённой местности; способы разбирательства судебных дел [14, с. 94]. Например, молодое Советское государство, пытаясь привлечь на свою сторону мусульманское население, в первые годы своего существования поддерживало на Северном Кавказе шириатские суды в ущерб адату. Сознательно преувеличивалось значение внеправовых норм, поскольку понималась важность межэтнических отношений в полиэтническом государстве. Выступая 13 ноября 1920 года на Чрезвычайном съезде народов Дагестана, тогдашний нарком по делам национальностей И. В. Сталин заявил: «Дагестан должен управляться согласно своим особенностям, своему быту, обычаям» [14, с. 103]. Мусульмане, проживающие в сёлах и городах Северного Кавказа, предпочитали обращаться в шириатские суды, а не в советские.

Обратимся к другому примеру. После распада СССР и грузино-абхазской войны 1992–1993 годов. Абхазия фактически вышла из состава Грузии, но не присоединилась к Российской Федерации. На её территории не действовали ни грузинские, ни российские законы. Милиция и правоохранительные органы, в которых преобладали грузины, перешли на территорию Грузии. Резко обострилась криминогенная обстановка [1, с. 281]. В этот период жизнедеятельность абхазцев определялась прежде всего этническими нормами, традициями. Так, суд и исполнительная власть сосредоточились в руках фамильных и родовых сходов, которые были организованы из советов старейшин, созданных ещё в советские времена. Эти советы заменили собой прежнюю советскую администрацию абхазских поселений. Известен случай, когда в абхазском селе Блабурхуа в 1994 году функции судебных и правоохранительных органов взял на себя родовой сход односельчан-однофамильцев Барцыц. Основу всех правил, которые оформлялись письменно, составил абхазский адат, передававшийся до этого изустно. Участвовали в юридическом оформлении и записи нового адата практикующие юристы, которые получили ещё советское юридическое образование. Тем самым этнические нормы в Абхазии в начале 1990-х годов приобрели первостепенное значение. Обусловлено это тем, что облик абхазцев как нации претерпевал значительные трудности. Жизнедеятельность нации нарушилась политическими, экономическими и социальными катаклизмами, и её существование начало восполняться жизнедеятельностью этноса.

Общеизвестно, что человек фиксирует окружающий мир в своём сознании в виде различных образов, которые могут не точно отражать действительность. При этом создаваемые в человеческом сознании образы в значительной степени определяют его поведение. Во многом из таких достаточно субъективных образов состоят этнические стереотипы. Этнический стереотип представляет собой упрощённый, схематический образ народа, этноса. Термин «стереотип» произошёл от греческих слов *stereos* – «твёрдый» и *typos* – отпечаток. Нередко слово «стереотип» используется как синоним слов «стандарт» и «шаблон». Американский журналист Уолтер Липпман первым предпринял попытку дать определение стереотипу. По его выражению, это упорядоченные, детерминированные культурой картинки мира в голове

человека, которые экономят усилия человека в восприятии сложных социальных объектов, защищают его ценности, права. Стереотип практически всегда выступает в качестве регуляторов поведения и представляет собой важнейший элемент мировоззрения.

Этнические стереотипы, действительно, часто заполняют собой информационный вакуум, когда у человека нет собственного мнения, нет объективных данных о происходящих процессах. В этом случае стереотипы заменяют самостоятельное мышление. Чаще всего они навязываются средствами массовой коммуникации, рекламой, исторической обстановкой. Существуют, например, такие стереотипы, как «все шотландцы-мужчины носят юбки», «французские мужчины очень романтичны», «евреи – хитрые и умные», «китайцы трудолюбивы», «кавказец – опасный человек», «прибалты медлительны». Роберт Оганян выделяет ещё и такой стереотип, как «экзистенциальное поведение кавказцев в Москве» [3, с. 119]. Тем самым различаются этнические стереотипы положительные, нейтральные и отрицательные. Стереотипы всегда основаны на эмоциях, и они достаточно устойчивые. Другими словами, стереотипы всегда представляют собой оценочное суждение.

Роль стереотипов в межэтнических и межнациональных отношениях огромна. Они самым серьёзным образом могут регулировать и определять характер межэтнических и межнациональных отношений. Например, в спокойной межэтнической ситуации широко распространённые схематичные характеристики этносов могут быть отодвинуты на периферию или могут восприниматься с юмором и не играть практически никакой заметной роли в отношениях, регулируемых этническими нормами [9, с. 159]. Но актуализированные этнические стереотипы в период возникновения и нарастания напряжённости в обществе только усугубляют конфликт, разделяя людей по этническому или же этноконфессиональному признаку. Негативные стереотипы всегда выступают показателем неблагополучия в межэтнических отношениях. Как пишет З. В. Сикевич, этнические стереотипы косвенно обеспечивают позитивный или негативный характер этнической комплиментарности [17, с. 114].

Так, основываясь на контент-анализе средств массовой информации, В. К. Малькова отмечает, что ещё в 2001 году отечественные газеты были переполнены стереотипами о России. В их числе: «Россия всегда была богата талантами и природными ресурсами. При этом мы никогда не жили богато», «Россия – страна неудачников и неумех», «России нужен царь», «Россия непостоянна и непредсказуема» [12, с. 129]. На наш взгляд, спустя тринадцать лет мало что изменилось в этих стереотипах. Они по-прежнему живучи. Мало того, они дополняются и стереотипом агрессора. Яркий тому пример ситуация, развернувшаяся в Украине в 2014 году, где руководство страны предприняло попытку консолидировать общество на основе таких негативных и энтропийных стереотипов, как «Украина – это Европа», «Россия – враг и агрессор», противопоставляя тем самым, с одной стороны, жителей России и Украины, а с другой – русских и украинцев. Именно негативные этнические стереотипы быстро «оживают» в период этнических кризисов, социальных и политических катаклизмов.

Известно, что в значительной степени на характер отношений в обществе влияют стереотипы, предубеждения в отношении определённых этносов. Они, к сожалению, занимают важное место в жизнедеятельности общества и составляют нормативно-ценностную систему, которая проявляет себя в социальном поведении. Предубеждения, стереотипы могут быть сформулированы как вербально, так и в определённых действиях. Сущность предубеждений энтропийная, поэтому государство пытается корректировать нормативно-ценностную систе-

му, которая регулирует жизнедеятельность этносов в рамках информационной политики правовыми мерами.

Один из распространённых стереотипов – это понятие «кавказец». Употребление данного слова, как правило, носит негативный оттенок. И получилось так, что негативный оттенок данного слова переносится на отношение к представителям всех этносов, проживающим в кавказском регионе Российской Федерации. Тем самым негативные стереотипы определяют специфику межэтнических отношений и влияют на межнациональные взаимоотношения. Подобный стереотип часто встречается в средствах массовой информации, и только когда на это обстоятельство обратили внимание учёные, начался процесс искоренения этого стереотипа из нормативно-ценностной системы. Вместо данного понятия стало употребляться понятие «житель кавказского региона», «представитель неславянской внешности». Но хотелось бы подчеркнуть тот факт, что, на наш взгляд, в самом слове «кавказец» не содержится негативного смысла. Этот смысл был исключительно сконструирован. Оно всего лишь обозначает региональную принадлежность жителя РФ, точно так же, как определяют региональную принадлежность такие понятия, как «сибиряк», «северянин», «южанин», «алтаец» и т. д.

В краевых газетах встречается пример того, как не только одно понятие, но целые высказывания негативного характера могут определять межэтнические и межнациональные отношения. Мы обратились к контент-анализу двух краевых газет – «Красноярский рабочий», «Красноярский комсомолец». Так, в различных статьях вышеупомянутых газет встречаются следующие выражения достаточно негативного содержания: «вредительство с китайским акцентом», «активно включали китайца и быстро забывали русский язык», «в Красноярске завершился процесс над маньяком из Таджикистана», «кровавый мигрант», «привыкайте к новым канонам красоты, ведь если верить учёным, через несколько десятков лет все люди планеты будут чуть-чуть азиатами», «как классно пойти и убить ещё одну таджикскую девочку».

«Образ врага» представляет собой коллективный общечеловеческий стереотип, который имеет общие для всех культур черты: агрессор, насильник, ненасытный захватчик, воплощение зла и уродства. Образ врага наделяется абсолютной дегуманизацией и отсутствием человеческих черт [3, с. 193]. В этой связи важно заметить, что негативный стереотип, как правило, используется для доминирования, унижения, поддержания власти. Приведём примеры нескольких стереотипов, которые в настоящее время внедряются в общественное сознание на территории Украины и влияют тем самым на межэтнические отношения: «Российская агрессия на Украине – это атака на мировой порядок», «Киев должен принять новую оборонную доктрину, в которой Россия будет признана страной-агрессором».

Веками культивируется общеизвестный стереотип относительно России: «Россия – работодатель этносов». Однако история показывает, что это не соответствует действительности. Так, В. И. Котов в работе «Межэтническое взаимодействие» отмечает, что в отличие от западной цивилизации, доминирующий этнос (русские) в процессе колонизации территорий не подвергал уничтожению местные народы, а стремился органично включить их в цивилизационную систему [7, с. 209].

Стереотипы могут формироваться как относительно отдельного этноса, так и в отношении отдельного государства. Тем самым стереотипы будут влиять в равной степени на межнациональные и межэтнические отношения, поскольку носителями и норм права, которыми регулируются межнациональные отношения, и этнических норм, которыми регулируются межэтнические отношения, являются одни и те же люди, составляющие общество, страну.

Эти стереотипы формируются как извне, так и внутри самой страны. Яркий тому пример Соединённые Штаты Америки, которые с определённым успехом сами формируют о себе стереотипы, главный месседж которых – великая и исключительная страна. Об одном из таких стереотипов рассуждает Уильям Блум. «К моему глубокому удивлению в июне 2008 года я случайно наткнулся на сайт ВВС США и на первой странице страницы обнаружил заголовок "Превыше всего"», – пишет У. Блум [1, с. 8]. По его убеждению, этот заголовок очень похож на лозунг Германии времён 1930-х годов: «Германия превыше всего». Можно было бы предположить, что это всего лишь невинный намёк на летающие высоко в небе самолёты, однако на той же странице даётся ссылка на другой сайт, где фраза «превыше всего» повторяется ещё чаще, а также содержатся ссылки на сайты, посвящённые «господству в воздухе», «господству в космосе» и «кибергосподству». «Эти ребята не шутят», – уверен Уильям Блум.

Механизм работы стереотипов во многом воплощает собой теорему У. Томаса: «Ситуация, определённая людьми как реальная, реальна по своим последствиям». Подобная идея развивалась и в работах американского психолога и публициста Сэма Кина. Он писал о том, что войны начинаются в умах людей. «Сначала мы создаём образ врага. Образ предваряет оружие. Мы убиваем других мысленно. А затем приобретаем палицу или баллистические ракеты, чтобы убить их физически. Пропаганда опережает технологию» [3, с. 192].

Этническое предубеждение, предрассудок представляет собой негативную враждебную установку к этносу или отдельному человеку. Предубеждение характеризуется стереотипными убеждениями. Сам характер предубеждений подтверждается этимологией слова – то, что предшествует рассудку. Поэтому такая установка плохо поддаётся корректировке рациональными аргументами. Действительно, многими учёными замечено, когда личный опыт человека вступает в противоречие со стереотипом и предубеждением, опыт воспринимается как исключение [5, с. 17]. В этой связи Игорь Кон обращается в своей работе к результатам исследования, которое подтверждает истинность данного положения. Белые шахтёры, работающие с афроамериканцами, сравнительно легко вырабатывают благоприятную установку к совместной работе с представителями другой расы. Но те же самые рабочие считают нежелательным жить в одном доме с ними [4, с. 46]. Также многими учёными замечено, что одни и те же характеристики, вызывающие резко отрицательное отношение в связи с определённым этносом, могут оцениваться позитивно, если речь идёт о другом этносе.

Вот как описывает У. Блум американцев, подверженных стереотипам и предубеждениям: «... видно наличие у них ряда существенных информационных пробелов и заблуждений, которые часто не позволяют людям разглядеть очередную ложь или пропагандистский трюк правительства. Они либо не информированы, либо забыли о том, что происходило в прошлом и способны пролить свет на настоящее. Иногда они, даже зная факты, не способны применить их в нужный момент. Их легко можно увести в сторону, предложив любой правдоподобный аргумент, противоречащий тому, во что они верят или же думают, что верят. Даже «просветлённым» требуются частое напоминание и просвещение» [2, с. 15].

Заблуждение есть неадекватное представление, понимание действительности, имеющее для субъекта познания видимость истинного знания. Заблуждение имеет объективные основания, обусловленные ограниченностью социальной практики и познания или абсолютизацией отдельных сторон практической познавательной деятельности. Нередко основаниями заблуждения являются исторически обусловленные предрассудки. Иными словами, недостаточность образования человека, ограниченный кругозор будут только укреплять заблуждения.

Самый распространённый механизм поддержания стереотипов и предрассудков особенно в мирное время, когда межэтнические и межнациональные отношения относительно стабильны, – это юмор (анекдоты, шутки), то есть тот или иной этнос превозносится за счёт других этносов, преувеличиваются и высмеиваются недостатки. В советское время в общественном сознании большое распространение получили анекдоты с этнической окраской: анекдоты про русского, немца и француза, анекдоты про чукчу, серия анекдотов под названием «армянское радио». Например, в советском кино юмор многих комедий построен на смешливом образе представителей отдельных национальностей, высмеивании недостатков героев, связанных с их этнической принадлежностью. К таким фильмам можно отнести «Мимино», «Кавказскую пленницу», «Джентльменов удачи», «Кан-Дза-Дза». Эти фильмы обожаемы несколькими поколениями и никогда не рассматривались как источник социальной энтропии в обществе. Напротив, они составляют культурное достояние русского народа и российской нации.

При этом общеизвестно, что юмор может рассматриваться психологами как акт агрессии. Схожей точки зрения придерживаются и некоторые исследователи, занимающиеся проблемами национализма. Так, французский учёный Амандин Рэгамэ полагает, что этнический юмор представляет собой одну из самых удобных форм расизма, поскольку он позволяет избежать негативных реакций с помощью ссылки на то, что «это всего лишь шутка» [15, с. 361]. В этом отношении науке уже известен случай с отечественными сериалами «Наша Раша» и «Дружба народов». За то время, что транслировался сериал «Наша Раша», слова «таджик» и «неквалифицированный рабочий» стали синонимами [15, с. 369]. В дискурсе о миграции фигура «торговца с кавказского региона» вытеснилась мигрантом из Центральной Азии. Тем самым юмор способствовал рождению определённых стереотипов в отношении определённых этносов.

Важнейшую, если не главную, роль в культивировании стереотипов и предубеждений играют средства массовой информации. Многочисленные исследования свидетельствуют о регулирующей реальности функции этнической информации в СМИ [11, с. 157]. Журналист или редактор всегда осознаёт, какую статью ему надо опубликовать – доброжелательную или наоборот. Авторы материалов хорошо знают, что, передавая любую информацию, можно с помощью многочисленных журналистских приёмов делать разные акценты, подчёркивая или скрывая отдельные стороны явления [10, с. 112]. Значительная часть журналистов, пишущих на тему межэтнических отношений, знают ситуацию поверхностно. Иногда даже плохо представляют этнический состав в своём регионе. Н. Г. Деметер, автор статьи, посвящённой стереотипам о цыганах, с сожалением отмечает нежелание средств массовой информации отказываться от обращения к стереотипам [5, с. 147]. Автор приводит массу примеров из СМИ, в которых исключительно в негативном свете упоминается этническая принадлежность человека. А между тем упоминание национальности человека, тем более в негативном свете, без его ведома является нарушением конституционных прав. Согласно ст. 26 Конституции РФ «каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность». Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности» [8, с. 9]. Однако следует заметить, что стереотипы в СМИ создаются не только журналистами, но и людьми, которым они предоставляют возможность высказываться.

В настоящее время одним из мощных ресурсов формирования стереотипов в области средств информации является Интернет. Так, в последние годы Ютуб переполнен короткими

видео на 15–30–40 секунд и 1–2 минуты, в которых явно формируется определённый стереотипный образ дагестанца. Вся протяжённость подобных видео сопровождается ритмичным произношением слова «Дагестан» под музыкальный микс. Многие такие видео стали интернет-мэмом (сюжет или фраза, как правило, остроумная и ироническая, спонтанно приобретающая популярность в интернет-среде).

Как пишет немецкий исследователь Тило Саррацин, существуют целые организации, структуры, работающие над формированием в общественном сознании заблуждений, стереотипов, мифов, предубеждений [16, с. 246]. В частности, таких немало в современной Германии. Например, они работают над установлением знака равенства между критикой ислама и исламофобией, расизмом, антисимитизмом, национал-социализмом. Самый распространённый приём – упрекать критиков ислама в недостаточной либеральности. В этой связи Саррацин приводит убедительный пример подобной технологии. Либерально быть против тех убеждений и уклада жизни, которые отличаются от твоих собственных. Но подобная либеральность не может распространяться на тех, кто не хочет терпеть отличающиеся убеждения и уклад жизни. Другими словами, принимающей стороне необходимо испытывать к трудовым мигрантам исключительно сочувствие, сострадание, соучастие, что и будет расцениваться как проявление либерализма. Но это же принимающее население не имеет права на собственное критическое мнение в отношении трудовых мигрантов, так как это будет уже проявлением этнофобии. И нередки случаи, когда социальную критику (нарушение общественного порядка, несоблюдение норм права, зафиксированных в российском законодательстве), не имеющую никакого отношения к этнической принадлежности человека, переводят в русло этноконфликта, сопровождая её обвинениями в этнофобии, национализме, шовинизме. На наш взгляд, подобная технология используется для создания заблуждения о том, что в России процветает национализм. Какое-то время в России подобная технология имела успех. Однако в настоящее время, как нам представляется, она не имеет никакой силы.

Хотелось бы обратить внимание и на такую технологию, как технология американского социолога Джозефа Овертона. В средствах массовой информации она ставится на службу формирования многочисленных стереотипов, заблуждений, способствующих только замутнению разума и дестабилизации межэтнических отношений. В двух словах её можно описать следующим образом. Как сделать приемлемыми вещи, которые до этого считались невозможными, как узаконить аморальные вещи? Существует много возможностей для распространения и легализации стереотипа либо идеи, которые и называются «окнами» Овертона. Например, к невозможным вещам, которые в последнее десятилетие стали допустимыми, а в некоторых случаях нормальными, относится национализм в Прибалтике. С помощью технологии Овертона внедряются в общественное сознание европейцев такие негативные стереотипы, как «русские – агрессоры», «националисты – освободители Прибалтики».

Первый этап утверждения стереотипов по технологии Овертона – перевод стереотипа из категории немыслимого в область радикального под предлогом свободы слова. Раз за разом создаются информационные поводы, чтобы лишний раз озвучить сконструированный стереотип. Одновременно его начинают обсуждать эксперты, медийные лица. И в данном случае не важно, что этот стереотип осуждается. Такое публичное обсуждение фиксирует факт пересмотра позиции. Если раньше это даже не обсуждалось, поскольку было очевидным, то сейчас факт обсуждения ставит под сомнение некогда очевидную идею. Постепенно появляются сторонники новой идеи.

На втором этапе тема нацизма ассоциируется с такими гуманными ценностями, как сочувствие, сострадание. И людям как бы предлагают сменить гнев на милость, придав нацизму человеческое лицо. Так, многочисленные сюжеты о примирении нацистов с русскими солдатами представляют собой месседж о том, что они выполняли всего лишь приказ и они – такие же люди, как и все остальные. Такая позиция приводит если не к позитивному, то уж точно не к осуждающему отношению к нацизму. Предпринимается попытка снять агрессивный и осуждающий настрой по отношению к нацизму. Подобное более выгодно Германии, нежели России, так как Германия стремится реабилитироваться после поражения и разделить ответственность с Россией. Ставится знак равенства между русским солдатом и солдатом Вермахта. При этом сами немцы воспринимают за оскорбление, когда нацистов Вермахта называют немецкими солдатами. Они чётко разделяют понятия немецкий солдат и нацист, фашист. Третий этап заключается в том, что сочувствующее отношение к нацизму и нацистам воспринимается в качестве нормы гуманного общества. А кто не согласен, распинаются как радикальные элементы. После этого идёт поиск прецедентов истории через рассказы о милосердии и сочувствии нацистов к русскому населению. Тем самым для оправдания и легитимизации нацизма и нацистов используют очеловечивание посредством формирования положительного образа. Следует отметить, что эта технология мало заметна и человек даже не подозревает, что оказывается жертвой технологий.

Таким образом, содержание межэтнических отношений складывается из этнических норм (традиции, обычаи, религиозные верования), этнических предубеждений, предрассудков, заблуждений. Поддержание стереотипов и заблуждений, не соответствующих действительности, осуществляется различными способами. Сформировать заблуждение достаточно просто, но оно с большим трудом поддается влиянию, корректировке. Однако всё же существуют способы борьбы со стереотипами на этнической почве, но они требуют огромных усилий, времени и терпения. Например, важно помнить и всегда поддерживать знание в общественной среде, что человек обладает множественными идентичностями, которые пересекаются между собой. Кроме того, человек есть представитель определённого этноса, он, прежде всего, мужчина или женщина, человек среднего, молодого или пожилого возраста, талантливый художник, спортсмен, архитектор, инженер, кулинар и т. д. Многочисленные исследования показывают, что напоминание людям об этих пересекающихся идентичностях способствует только позитивному восприятию и ослабляет предубеждения.

Рост восприятия сходств других с собой увеличивает симпатию к другим. В этом смысле информация в СМИ, ведущая к осознанию наличия сходств между разными этносами, может играть значительную роль в развенчивании предубеждений и стереотипов в отношении отдельных этносов и тем самым способствовать межэтнической доброжелательности.

Список литературы

1. Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана). М.: Вост. лит., 2002. 368 с.
2. Блум У. Смертоносный экспорт Америки – демократия. Правда о внешней политике США и многом другом: пер. с англ. / под ред. Е. Логинова. М.: Кучково поле, 2014. 272 с.
3. Гасанов И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага» // Психология национальной нетерпимости: хрестоматия / сост. Ю. В. Чернявская. Минск: Харвест, 1998. 560 с.
4. Гельвеций К. А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., Мысль, 1973. 647 с.

5. Деметер Н. Г. Стереотипы цыган в российских СМИ//Молодёжь Москвы: адаптация к многокультурности/под ред. М. Ю. Мартыновой и Н. М. Лебедевой. М.: РУДН, 2007. -527 с.
6. Кон И. Психология предрассудка // Психология национальной нетерпимости: хрестоматия / сост. Ю. В. Чернявская. Минск: Харвест, 1998. 560 с.
7. Котов В. И. Межэтническое взаимодействие // Российская многонациональная цивилизация: единство и противоречия / отв. ред. В. В. Трепавлов. М.: Наука, 2003. 378 с.
8. Конституция Российской Федерации. Гимн Российской Федерации. Серия «Закон и ОБЩЕСТВО». РОСТОВ Н/Д: ФЕНИКС, 2004. 48 С.
9. Малькова В. К. «Не допускается разжигание межнациональной розни...»: Книга об этнической журналистике. Из опыта анализа российской прессы. М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2007. 244 с.
10. Малькова В. К., Тишков В. А. Неужели мы такие? Стереотипы русских, россиян и России в современной российской прессе. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М., 2002. 348 с.
11. Малькова В. К. Этничность, толерантность и СМИ: прикладные аспекты проблемы // Этнология обществу / отв. ред. С. В. Чешко. М.: Оргсервис-2000, 2006. 384 с.
12. Малькова В. К., Тишков В. А. Этничность и толерантность средствах массовой информации. М., 2002. 348 с.
13. Оганян Р. Биометрическая ксенофобия // Москва – Кавказ. Россия «кавказской национальности» / Медведко Л., Оганян Р. М.: Грифон, 2007. 256 с.
14. Российский Кавказ. Книга для политиков / под ред. В. А. Тишкова. М.: ФГНУ «Росин-формагротех», 2007. 384 с.
15. Рэгамэ А. Юмор, расизм и отказ в признании: таджички и передача «НАША RUSSIA» // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели...: сб. ст. / сост. и отв. ред. Е. Деминцева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 384 с.
16. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М.: Рид Групп, 2012. 400 с.
17. Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999.

УДК 330.59:314.151

Н. П. Гуляева

Кандидат философских наук, доцент Сибирского федерального университета

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ КАК ФАКТОР МИГРАЦИИ

Огромная территория Красноярского края занимает самый центр России. Здесь, на площади более двух миллионов квадратных километров, проживают менее трех миллионов людей, причем миллион сосредоточен в краевом центре.

Население края непостоянно. При освоении Центральной Сибири местное население смешивалось с пришлым. Так было и во времена строительства первых острогов, и при великих стройках советского периода. Непостоянно население края и сейчас. Однако причины и характер изменений в наши дни имеют ряд характерных отличий.

До распада СССР волны миграции были связаны с внутривосточными перемещениями населения. В последнюю четверть века ситуация изменилась. После образования новых независимых государств потоки миграции, пребывая в том же географическом пространстве, обрели иные характеристики как в политико-правовом, так и социальном измерении.

При этом в XXI веке наблюдается интересная ситуация: если в первом десятилетии века край преимущественно терял население (коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек в 2005 году составил минус 64, в 2010 – минус 15), то за последние годы наблюдается снижающийся, но выраженный прирост (в 2011 – 28, в 2012 – 13, в 2013 – 5 и в 2014 – 3 человека соответственно).

Однако прирост достигается исключительно за счет межстрановой миграции, тогда как в результате обмена с другими территориями России край теряет население. Например, за январь – август 2016 года превышение уехавших из края над приехавшими в пределах страны составило 3 771 человек. При этом в результате обмена с иными государствами население увеличилось на 3 855 человек.

Сформировавшиеся потоки миграции работают на увеличение численности населения за счет притока из государств Средней Азии (за январь – август 2016 года миграционный прирост составил из Таджикистана 1061 человек, Казахстана – 424 человека, Узбекистана – 162 человека, Киргизии – 448 человек), Кавказа (Азербайджан – 418 человек, Армения – 345 человек) и Украины (1 050 человек). Основной отток населения происходит в Центральный (сальдо миграции –1 641 человек), Северо-Западный (–807 человек) и Южный (–1 419 человек) федеральные округа России.

Чем вызвана такая диспропорция? Согласно современным теориям миграции (подробнее см. [1]) люди меняют место жительства в поисках лучших условий жизни. Оценивать последние можно по различным критериям. Основные демографические показатели, обычно используемые для этой цели, такие как ожидаемая продолжительность жизни и пр.,

в данном случае не совсем удобны. Поскольку речь идет о населении, формирующемся в рамках единого социально-экономического пространства (современная Россия) или пространства, входившего в это единство в недалеком прошлом (страны СНГ), то вариабельность данных показателей сравнительно невелика (табл. 1). Их выравнивание происходило еще в советское время [2].

Следовательно, для определения причин и мотивов миграции необходимо привлекать иные данные. В частности, мнение самих мигрантов (табл. 2 и 3). В качестве причин, подтолкнувших к переезду, обычно называют учебу, работу, эколого-климатические условия, возвращение к прежнему месту жительства и личные обстоятельства. Отметим, что если для межрегиональной миграции в пределах России ведущим мотивом являются личные обстоятельства, затем учеба и работа, то ситуация с межстрановой миграцией иная. Сохраняется приоритет личных обстоятельств для всех мигрантов. Но для прибывших второе место занимает работа, за ней с сильным отставанием идут возвращение к прежнему месту жительства и учеба. В то же время для выбывших за личными обстоятельствами следует возвращение к прежнему месту жительства, и только потом работа и учеба.

Заслуживает внимания то, что обострение обстановки (межнациональной, криминальной) в качестве причины указывается крайне редко. Так, для Украины это 0 случаев на 2010, 1 на 2009, 0 на 2008.

Однако приведенные данные показывают только мнение людей, но ничего не говорят об объективных обстоятельствах, вызвавших миграцию. На взгляд автора, более уместно сравнение показателей развития социальной сферы и потребления, поскольку именно они позволяют сопоставить реальные условия жизни.

В качестве данных для сравнения были взяты такие, как потребление продуктов питания на душу населения, обеспеченность услугами здравоохранения и образования. Источниковая база – данные национальной и международной статистики [3–15]. Безусловно, не меньшим потенциалом для сопоставления обладают данные, характеризующие соотношение реальной заработной платы, обеспеченность жильем и доступность/востребованность культурных учреждений, однако объем настоящей работы не позволяет их здесь привести.

Таблица 1

Продолжительность жизни (по данным Всемирного банка и Госкомстата, 2013 год)

Государство	Женщины	Мужчины
Россия, в том числе	76	66
Красноярский край	75	64
Азербайджан	74	68
Армения	78	71
Казахстан	75	66
Киргизия	74	66
Таджикистан	73	66
Узбекистан	72	65
Украина	76	66

Таблица 2

Мотивы миграции для прибывших на территорию края (по данным Госкомстата, 2010 год)

Государство	Учеба		Работа		Прежнее место жительства		Экология и климат		Личные, семейные обстоятельства	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Россия, межрегиональная миграция	3 273	5,8	3 101	5,5	1 908	3,4	120	0,2	6 929	12,3
Международная миграция, в том числе	104	0,2	2 298	4,1	156	0,3	17	0,0	2 535	4,5
- Азербайджан	15		195		6		2		554	
- Армения	15		144		1		3		274	
- Казахстан	18		51		22		9		337	
- Киргизия	13		755		16		1		249	
- Таджикистан	21		800		2		0		317	
- Узбекистан	3		128		6		0		197	
- Украина	5		51		43		1		336	

При анализе потребления сразу бросается в глаза относительно лучшая структура питания населения Красноярского края. Превышение потребления мяса, молочных продуктов, яиц (по сравнению с некоторыми странами в два-три раза и больше) можно объяснить разницей в культуре питания и более высокими энергозатратами, характерными для сурового климата региона. Но оказывается, что сибиряки съедают больше фруктов и ягод, чем население южных республик, а по потреблению овощей несколько отстают только от Азербайджана и Украины, что никак нельзя объяснить ни традициями национальной кухни, ни особенностями территории.

Таблица 3

Мотивы миграции для выбывших с территории края (по данным Госкомстата, 2010 год)

Государство	Учеба		Работа		Прежнее место жительства		Экология и климат		Личные, семейные обстоятельства	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Россия, межрегиональная миграция	1 534	2,8	1 806	3,3	2 457	4,5	291	0,5	10 863	20
Международная миграция, в том числе	25		28		96	0,2	7		326	0,6
- Азербайджан	1				5		3		14	
- Армения			1		1		3		2	
- Казахстан	4		7		8				38	
- Киргизия			1		1				4	
- Таджикистан			1		4				1	
- Узбекистан					1				1	
- Украина	6		3		49		4		87	

При этом отметим, что доля расходов на питание в структуре потребительских расходов домохозяйств для Армении составляет 43,6 %, Азербайджана – 40,4 %, Казахстана – 42,2 %, Киргизии – 50,5 %, Украины – 53,1, тогда как в Красноярском крае – 27,4 %.

Для анализа обеспеченности медицинскими услугами были отобраны показатели, приведенные в табл. 5, поскольку в задачу входила оценка доступности/востребованности сферы здравоохранения, а не состояние здоровья населения.

Данные показывают, что возможность получить медицинскую помощь в Красноярском крае выше, чем на иных территориях, несмотря на широко известные проблемы в этой области.

Согласно данным национальных статистических служб, уровень грамотности взрослого населения и охват детей и подростков с 6 до 18 лет общим средним образованием, колеблются незначительно, превышая 98 % по всем территориям. Таким образом, данные характеризуют ситуацию в общем, но не пригодны для выявления различий. Для этих целей использованы показатели обеспеченности местами в детских садах и количество студентов профессионального образования на 10 000 чел. По Красноярскому краю доступность мест в детских садах оставляет желать лучшего, несмотря на положительную динамику последних лет. Однако в Киргизии и Таджикистане – ситуация более сложная.

Таблица 4

**Потребление продуктов питания на душу населения в год
(по национальным статистическим данным, 2015 год)**

Территория/Государство	Потребление продуктов питания на душу населения в год								
	Мясо и мясопродукты, кг	Хлеб, кг	Молоко и молочные продукты, кг	Яйца, шт.	Сахар, кг	Картофель, кг	Растительное масло, кг	Фрукты и ягоды, кг	Овощи, кг
Красноярский край	83,9	94,1	270,1	213	31,8	60,5	11,2	78,6	97,3
Азербайджан	33,9	138,4	272,1	158	30,2	71,8	10,4	78	106,5
Армения	22,8	136,8	21,6	126	7,2	42	6	46,8	79,2
Казахстан	73,6	129,8	233,6	164	41,9	48,5	19,3	64,4	90,2
Киргизия	31,2	181,2	94,8	66	10,8	46,8	10,8	12	50,4
Таджикистан	12	144	73,2	72	12	32,4	15,6	20,4	82,8
Узбекистан	Данные отсутствуют								
Украина	55,2	102	237,6	228	33,6	79,2	19,2	37,2	105,6

Что касается получения профессионального образования, то лидирующую позицию занимает Казахстан (639 студентов всех уровней профессионального образования на 10 000 человек), затем следует Киргизия (соответственно 570) и только потом Красноярский край (507). При этом если в Казахстане приоритет за средним профессиональным образованием, то во всех остальных случаях мы наблюдаем абсолютное доминирование высшего.

Таблица 5

Обеспеченность населения медицинскими услугами (по национальным статистическим данным, данным ВОЗ и Всемирного банка, 2013–2015 годы)

Территория/ Государство	Обеспеченность мед. персоналом на 10 000 чел.		Число боль- ничных коек на 10 000 чел.	Доля бере- менных, по- лучающих дородовой уход	Роды, сопровожда- емые квалифици- рованным мед. персоналом (%)
	Врачи	Средний мед. персонал			
Красноярский край	47,6	118,7	85,7	99,8	99,9
Азербайджан			47	91,7	97,2
Армения	37,6	48,8	39	99,1	99,5
Казахстан	39,5	92,8	72	99,2	98
Киргизия			48	97	98
Таджикистан	20,8	53,8	45,6	78,8	86
Узбекистан			44	97,2	95,6
Украина	47,3	87,3	87	98,6	99

Таблица 6

Доступность дошкольного и профессионального образования (по национальным статистическим данным, данным ВОЗ и Всемирного банка, 2012–2015 годы)

Территория/ Государство	Численность детей до- школьного возраста на 100 мест в детских садах	Численность студентов среднего профессио- нального образования на 10 000 чел.	Численность студентов высшего профессио- нального образования на 10 000 чел.
Красноярский край	101	159	348
Азербайджан	89	59	168
Армения		81	322
Казахстан	97	352	287
Киргизия	118	166	404
Таджикистан	104	69	198
Узбекистан	Данные отсутствуют		
Украина		39	377

Подводя итоги, заметим, что приведенные данные демонстрируют относительно лучшие условия жизни в Красноярском крае. Это означает, с одной стороны, применимость данного подхода при анализе миграций для выявления мотивов перемещений. С другой – анализ должен быть детализирован и представлен в динамике, что существенно повысит его качество.

Список литературы

1. Блинова М. С. Социологические теории миграции населения. М.: КДУ, 2009.
2. Сидоренко А. Продолжительность жизни в СНГ: трансформационный кризис и страновые различия. URL: // <http://demoscope.ru/weekly/2013/0541/tema05.php>.
3. Продовольственная безопасность и бедность: бюллетень Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2016. № 1.
4. Продовольственная безопасность и бедность: бюллетень Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2016. № 2.

5. Основные показатели обследования бюджетов домашних хозяйств: стат. сб. Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2016.
6. Здравоохранение в республике Таджикистан: стат. сб. Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2016.
7. Образование в Республике Таджикистан: стат. сб. Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2016.
8. Информационный бюллетень по национальной безопасности и бедности. Бишкек: Нацстатком Кыргызской республики, 2016.
9. Здоровье населения и здравоохранение в Кыргызской Республике 2010–2014 гг.: стат. сб. Бишкек: Нацстатком, 2015.
10. Образование и наука в Кыргызской республике: стат. сб. Бишкек: Нацстатком, 2014.
11. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.gks.ru>.
12. Национальная статистическая служба республики Армения: официальный сайт. Режим доступа URL: <http://armstat.am>.
13. The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan: официальный сайт. URL: <http://www.stat.gov.az>.
14. Государственная служба статистики Украины: официальный сайт. URL: <http://ukrstat.gov.ua>.
15. World Bank Open Data. Режим доступа URL: <http://data.worldbank.org>.
16. Global Health Observatory data repository. URL: <http://apps.who.int/gho/data/?theme=main>.

УДК 314.151:378

А. Ю. Лыткина, К. И. Пастухова

Институт экономики, управления и природопользования Сибирского федерального университета

УЧЕБНАЯ МИГРАЦИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Красноярский край является регионом с высоким экономическим потенциалом, раскрыть которому в полном объеме мешает сырьевая направленность экономики, исторически сформировавшаяся на территории Красноярского края: она не может обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие, потому что при истощении полезных ископаемых требуется разведка новых месторождений, которая, в свою очередь, нуждается в привлечении все более высоких капитальных вложений. Поэтому государству целесообразно уделить большее внимание инновационному развитию региона путем рационального

использования сырьевых ресурсов для создания и финансирования новых источников дохода, акцентируя внимание на том, что обеспечение комфортных условий для деятельности молодых специалистов является базисом инновационного развития региона.

Ссылаясь на опыт развитых стран, можно утверждать, что эффективная государственная политика в области инноваций и образования способствует развитию «экономики знаний» на данных территориях. Для устойчивого развития экономики необходимо следовать опыту стран с высоким доходом от инновационной деятельности: США, Япония, Германия и др. [1]. В СССР такой опыт был, создавались большие запасы «человеческого» ресурса. Но на данный момент государство не уделяет должного внимания вопросу инновационного развития, делая акцент на стимулировании экспорта природных ресурсов. Модернизация экономики невозможна без правильного отношения к главной производительной силе общества – высококвалифицированному и высокоинтеллектуальному труду.

На данный момент на территории Красноярского края присутствует недостаток квалифицированных специалистов, который препятствует трансформации сырьевой модели экономики в инновационную. Приток студентов, несмотря на относительно небольшую долю в общих миграционных потоках, играет огромную роль в развитии науки и инновационного потенциала, росте высокотехнологичных отраслей и «знаниеёмких» секторов сферы услуг, таких как образование, здравоохранение, связь и др., и экономики в целом [2]. В обучении своих граждан за рубежом и приеме иностранных студентов заинтересованы как посылающие, так и принимающие их страны, берущие на себя часть издержек по их обучению. Однако в первую очередь в получении образования за границей заинтересованы сами студенты, которым оно необходимо для последующего трудоустройства за рубежом и профессионального роста на родине, о чем свидетельствует увеличение численности иностранных слушателей, обучающихся за собственный счет.

География потоков студентов, отражая отчасти направленность общих миграционных потоков, имеет свои особенности. На нее огромное влияние оказывают культурно-лингвистические факторы. Основная часть студентов едет в англо-, германо- и франкоговорящие страны. А среди стран с менее распространенными языками наибольшей популярностью у студентов пользуются те государства, которые активно занимаются внешнеэкономической деятельностью и, вероятно, привлекательны для обучения коммерческим дисциплинам.

Рисунок. Предпочтения в территориальном расположении вуза

Нами был проведен опрос, согласно которому самыми приоритетными местами для получения высшего образования студентами Красноярского края являются страны Европы, а также Северной Америки (50,5 % от общего числа опрошенных людей). Наблюдается тенденция того, что региональные студенты предпочитают вузы, находящиеся в Ленинградской области, тем, что находятся в родном крае и в Московской области. При этом только 8,2 % респондентов хотели бы остаться в Красноярском крае, что говорит о существующих проблемах, связанных с получением образования. Наименьшая популярность для учебной миграции выявлена у стран Африки, Южной Америки и Австралии (рисунок).

Также опрос выявил основные причины эмиграции студентов в другие регионы и страны, проживающих на территории Красноярского края. Результаты представлены в таблице.

Таблица

Основные причины учебной эмиграции

Причины	%
1. Высокая степень материально-технического обеспечения и оснащенности учебных заведений	13,51
2. Развитая инфраструктура города/региона/страны	15,32
3. Высокая заработная плата, качество жизни	15,32
4. Престижность образования за рубежом / в столице	16,22
5. Вести самостоятельный образ жизни (без влияния родственников)	5,41
6. Высокий уровень квалификации педагогов	9,91
7. Работать в большой международной компании	9,91
8. Экологическая обстановка	5,41
9. Нет причин уезжать из Красноярска	5,41
10. Другие причины	3,60

Нами были сделаны выводы о том, что большинство респондентов считают образование, полученное за границей и в европейской части России, элитным, соответственно, данный аспект позволит студентам повысить свой социальный статус, а также улучшить качество жизни. Важной причиной учебной эмиграции является инфраструктура учебного заведения и того города, страны, где обучается человек.

Согласно официальной статистике, основными странами, предпочитающие вузы Красноярского края в качестве учебных заведений для получения высшего образования, являются Киргизия, КНР, Казахстан, Таджикистан. Однако в настоящий момент на долю иностранных студентов приходится всего 2 % от общего числа обучающихся в университетах Красноярского края [3].

Для того чтобы повысить иммиграционные потоки и снизить эмиграцию студентов в Центральную часть России и за рубеж, нами были сформулированы следующие предложения:

1. Привлечение большего числа представителей (преподавателей) иностранных учебных заведений в край и ведущих специалистов страны с открытыми лекциями и курсами.
2. Создание благоприятных условий проживания для студентов.
3. Модернизация образования: введение модульного образования и проведение занятий в форме решения ситуационных задач и деловых игр.

4. Введение системы скидок для успешных студентов.

5. Развитие инфраструктуры города и края, создание эстетически приятных условий для обучения.

6. Популяризация Сибири, а также Красноярских вузов за счет проведения Универсиады – 2019 (повышение степени престижности обучения в крае).

7. Улучшение материально-технической оснащённости вузов.

Реализация предложенных мер позволит на долгосрочной основе улучшить условия получения высшего образования в Красноярске, что благоприятно повлияет на раскрытие научно-технического потенциала Сибири и повысит инновационную конкурентоспособность региона.

Список литературы

1. Гуриева Л. К., Джигоев А. В. Миграционная политика как инструмент инновационного развития экономики: зарубежный опыт // Вестн. Северо-Осетин. гос. ун-та им. Коста Левановича Хетагурова. 2014. Вып. 4. С. 584–588.

2. Цапенко И. П. Международная миграция ученых и студентов: возможности государственной политики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2007. Вып. 2–3. С. 37–58.

3. Выхованец О. Д. Образовательная миграция как часть миграционной политики России // Доклад на заседании Научного Совета ФМС России. № 387. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0387/analit01.php>.

УДК 314.151:323

К. В. Падерина

Аспирант Сибирского института управления – филиала РАНХиГС

МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Введение

Миграционные процессы оказывают значительное влияние на экономическое развитие региона. Трудовые ресурсы, в том числе высококвалифицированные кадры обеспечивают экономику региона необходимым базисом роста и развития. В данном контексте региональным властям принципиально важно проводить курс на сохранение имеющихся и увеличение

притока потенциальных трудовых ресурсов, в том числе квалифицированных кадров, для обеспечения нужд экономики.

Новосибирская область – регион с развитым промышленным, научным и сельскохозяйственным потенциалом. Основу экономики региона составляют такие отрасли, как обрабатывающие производства, операции с недвижимым имуществом и оказание услуг, оптовая и розничная торговля, транспорт и связь, а также сельское хозяйство. Новосибирская область является одним из ведущих инновационных регионов России. Доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте Новосибирской области значительно превышает среднероссийский уровень. Обеспечить такой потенциал необходимыми трудовыми ресурсами представляется непростой задачей, требующей особого внимания со стороны региональных властей.

Миграционные процессы в Новосибирской области

В области наблюдается устойчивый приток мигрантов. По данным Росстата [1], за период с 2007 по 2014 год в Новосибирскую область из других регионов России прибыло 219 255 человек, из-за рубежа за аналогичный период – 62 817 человек. При этом наблюдается значительный рост прибытий из-за рубежа с 2011 года: в 2,8 раза по сравнению с 2010 годом и в 1,8 раза по сравнению с 2009 годом, в котором максимальное число прибытий иностранных граждан за период с 2002 по 2010 год.

Стоит отметить и увеличение числа выбывших. Динамика числа выбывших характеризуется устойчивым ростом. Значительный рост выбывших в иные регионы России наблюдается с 2011 года. В 1,5 раза увеличилось количество уехавших в другие регионы в 2011 по сравнению с 2010 годом. Общая динамика по прибывшим и выбывшим в регионе представлена на рис. 1.

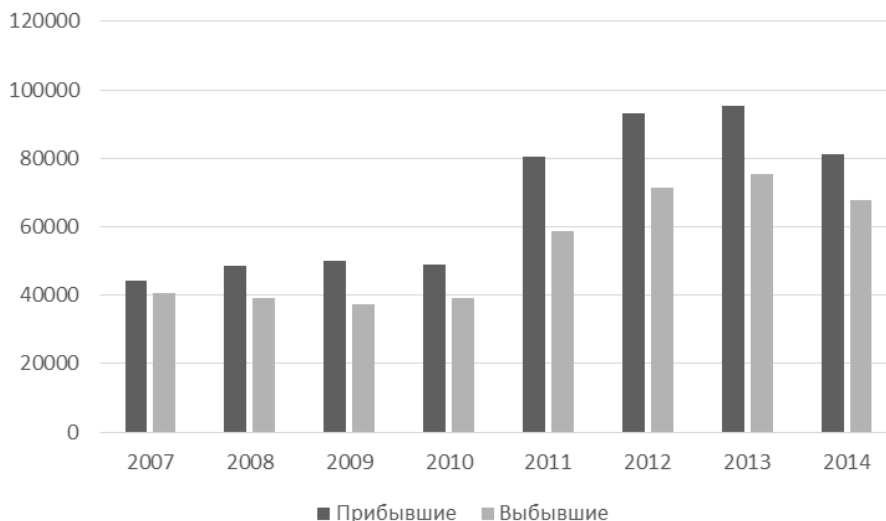

Рис. 1. Миграция населения Новосибирской области

Помимо роста числа прибытий мигрантов в Новосибирской области наблюдается устойчивый миграционный прирост. Положительное сальдо миграции фиксируется органами государственной статистики с 2004 года. Однако динамика миграционного прироста в Новосибирской области имеет волнообразный вид с пиковыми точками в 2009 и 2011 годах. С 2012 года наблюдается устойчивое снижение миграционного прироста (рис. 2).

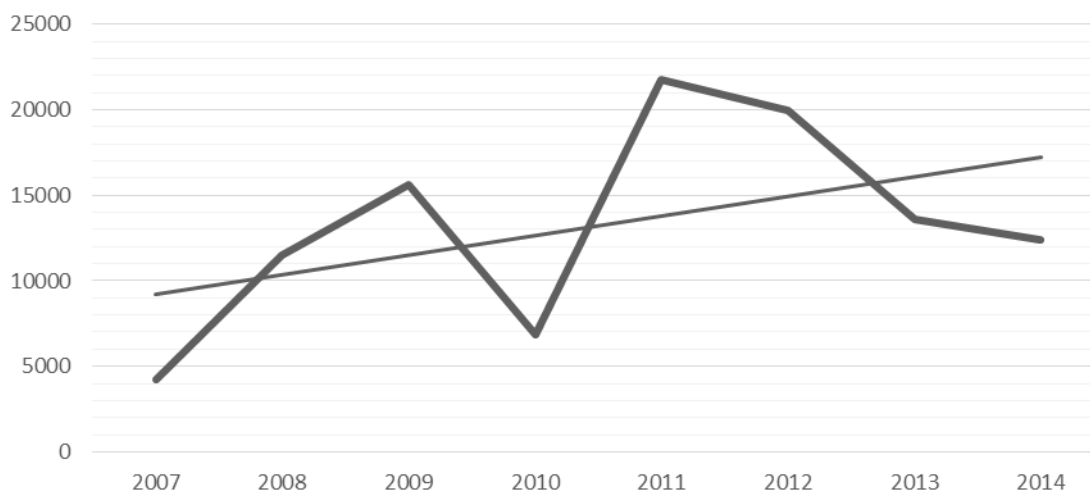

Рис. 2. Миграционный прирост (убыль) в Новосибирской области

Миграционный прирост в Новосибирской области обеспечивается за счет притока мигрантов в город. В сельской местности наблюдается устойчивая миграционная убыль. Причиной тому является привлекательность областного центра – города Новосибирска и близлежащих городов, входящих в Новосибирскую агломерацию, – г. Бердска, Искитима, Обь и поселка Кольцово. Таким образом экономические факторы детерминируют миграционные потоки в регионе. Мигранты остаются в городских поселениях с развитой инфраструктурой, развитым рынком труда, жилищными условиями.

Миграционная политика в Новосибирской области и экономика региона

Миграция оказывает значительное влияние на многие аспекты экономики региона. В данной работе хотелось бы затронуть тему взаимовлияния миграционных процессов и экономических аспектов развития территории.

В 2003 году в Новосибирской области была принята концепция регулирования миграционных процессов, 2006 год отмечен началом реализации политики привлечения соотечественников из-за рубежа. Эти меры дали большой миграционный приток и оказали влияние на рынок труда области [2]. Для подтверждения влияния миграции на рынок труда нами был рассчитан коэффициент корреляции Пирсона между сальдо миграции и уровнем занятости в области в 2010–2014 годах. Значение коэффициента составляет 0,740, что означает тесную корреляционную связь между индикаторами. Можно предположить, что увеличение миграционного потока заставляет расти занятость населения путем трудоустройства мигрантов.

Для оценки влияния миграции на другие аспекты экономики нами была рассчитана факторная матрица. Подобное исследование было проведено по Северо-Западному федеральному округу [3]. К факторам отнесли:

X_1 – численность иностранных работников, осуществляющих трудовую деятельность в Новосибирской области, человек;

X_2 – среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. человек;

X_3 – среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.;

X_4 – среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.;

X_5 – валовой региональный продукт, млн руб.;

X_6 – стоимость основных фондов в экономике, млн руб.;

X_7 – общая площадь введенных в действие зданий жилого и нежилого назначения, тыс. м²;

X_8 – оборот розничной торговли, млн руб.;

X_9 – инвестиции в основной капитал, млн руб.;

X_{10} – численность зарегистрированных безработных (на конец года, тыс. чел.). Полученная матрица парных коэффициентов корреляции отражена в таблице.

Таблица

Матрица парных коэффициентов корреляция факторов

	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8	X_9	X_{10}
X_1	1,000	0,667	0,771	0,696	-0,908	0,543	0,236	0,700	0,818	-0,803
X_2		1,000	0,682	0,614	0,609	0,508	-0,004	0,595	0,742	-,0667
X_3			1,000	0,992	0,994	0,945	0,642	0,985	0,991	-0,997
X_4				1,000	0,998	0,971	0,723	0,996	0,973	-0,998
X_5					1,000	0,969	0,712	0,994	0,974	-0,990
X_6						1,000	0,749	0,956	0,898	-0,928
X_7							1,000	0,754	0,588	-0,650
X_8								1,000	0,972	-0,984
X_9									1,000	-0,992
X_{10}										1,000

Наиболее сильное влияния иностранные мигранты оказывают на оборот розничной торговли, что может объясняться их занятостью в данной отрасли. Также тесная связь наблюдается между количеством мигрантов и среднедушевыми денежными доходами, а также показателем «Среднемесячная начисленная заработная плата», что может говорить о росте доходов населения с увеличением числа мигрантов. Обратная корреляционная связь наблюдается между количеством мигрантов и уровнем безработицы. Это может означать, что с ростом числа мигрантов безработица снижается. Отрицательное значение коэффициента корреляции между числом мигрантов и валовым продуктом может означать, что при снижении валового продукта снижается число мигрантов.

Дальнейшее исследование данных аспектов позволит сформулировать направления миграционной политики с учетом факторов экономики региона.

Список литературы

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. Росстат. М.: Федеральная службы государственной статистики. 2015. 1266 с.
2. Анофриков С. П. Влияние миграционных процессов на состояние рынка труда Новосибирской области // Изв. Том. политехн. ун-та. 2013. Т. 323, № 6. С. 40–46.
3. Чернов А. С. Влияние трудовой миграции на региональный рынок труда // Вестн. МГТУ. 2012. Т. 15, № 1. С. 245–249.

УДК 316.647.5

Е. Ю. Довгополов

Кандидат юридических наук, доцент, юрист Центра исследования проблем российского права

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ КАК КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

Одной из важнейших проблем миграционной политики является разработка и реализация превентивной деятельности по глубокому предупреждению этнокультурных конфликтов между мигрантами и принимающим обществом, формированию согласия и позитивной интеграции [1]. Конфликтологическую проблематику управления миграционными процессами следует рассматривать в контексте постсоветского превращения этничности в катализатор социальной стратификации и усиления цивилизационно-культурных границ. Необходимость раннего предупреждения ксенофобии и этнического национализма, являющихся предпосылками формирования межэтнической конфликтности, наиболее актуальна в молодежной среде, прежде всего, в среде учащихся, которые в наибольшей степени подвержены разнообразным идейно-политическим воздействиям, особенно с учетом влияния сетевых структур, формирующихся в пространстве интернет-коммуникации. Это показало, в частности, масштабное социологическое исследование, проведенное в 2013–2014 годах при поддержке Правительства Хабаровского края в рамках проекта «Высшие учебные заведения Хабаровского края – территория межнационального согласия: профилактика этнического экстремизма». Были опрошены студенты Тихоокеанского государственного университета, Хабаровской государственной академии экономики и права, Дальневосточного государственного университета путей сообщения и университета (всего было опрошено 1 558 респондентов, доверительная вероятность составила 95 %, доверительный интервал $\pm 3,9$ %; выборка была случайная на этапе отбора респондентов) [2, с. 10–11]. Исследование выявило наличие следующих этнических конфликтогенов в сознании около 30 % опрошенных:

- 1) отсутствие научного понимания сущности, характера и основных закономерностей развития этнических процессов и межэтнических отношений;
- 2) низкий уровень этнологической культуры с точки зрения обладания адекватными представлениями о культурах других народов и навыками межэтнического общения (распространенность клише, штампов и стереотипов);
- 3) низкий уровень общегражданской (русской) идентичности, распространенность тождества «россиянин – русский»;
- 4) аморфность и неустойчивость базовых ценностей, определяющих этнополитическую ориентацию в решении этнонациональных проблем [2, с. 3].

В этой связи представляется актуальным выявление конфликтологической проблематики миграционной политики в аспекте раннего предупреждения (превенции) межэтнических кон-

фликтов, формирования толерантного сознания молодежи. Основным содержанием такой проблематики является научно обоснованное управление процессами формирования толерантности и высокой культуры межэтнического общения в молодежной среде Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.

Первым направлением превентивной деятельности является кропотливая работа по формированию высокой культуры межэтнического общения в студенческих коллективах. С одной стороны, необходима интеграция студенческих групп на основе коллективных ценностей (образования, науки, студенческой субкультуры), а с другой – проведение работы, направленной на ознакомление с традициями, искусством и духовными ценностями народов России и бывшего СССР. Сфера досуга студенческой молодежи должна быть наполнена мероприятиями интегрирующего характера, направленными на формирование единой студенческой «корпорации». Студенчество должно самоидентифицироваться как наиболее передовая часть молодежи, от которой в значительной мере зависит продвижение страны по пути модернизации и демократического развития. Такая самооценка обусловит формирование в студенческой среде ценностных установок, которые соответствовали бы объективным общественным потребностям патриотического воспитания на основе толерантности и межнационального согласия. Целесообразно продумать формы и механизмы вовлечения студентов в интеграционную деятельность. Это во многом снимало бы вопросы негативного влияния националистических стереотипов и предрассудков. Из опыта СССР можно было бы заимствовать некоторые практики, при условии их адаптации к современным реалиям. Речь идет, например, о КВНах, студенческих строительных отрядах, ударных комсомольских стройках, интернациональных молодежных коллективах, клубах интернациональной дружбы, днях героя-антифашиста.

Следующим направлением превентивной деятельности является разработка алгоритмов управления различными идейно-политическими трендами в студенческой среде с целью формирования общероссийского патриотического сознания. Следует отметить, что такая кардинально новая проблема так и не начала эффективно решаться в течение последних двух десятилетий после распада СССР. Применительно к патриотическому воспитанию молодежи следует отметить, что современное российское государство так и не сформировало систему социально-политических ценностей, которые бы пришли на смену идеологии советского патриотизма. Здесь следует указать на две фундаментальные проблемы. Во-первых, это проблема формирования общероссийской идентичности, ценностных установок гражданского патриотизма в условиях политического плюрализма, взаимодействия различных идейно-политических трендов. Во-вторых, речь идет о проблеме формирования патриотического сознания применительно к современным реалиям России, являющейся, в отличие от СССР, не интернациональным, а национальным государством, в котором происходит формирование полиэтничной, многосоставной российской нации на фоне масштабной этнической миграции из бывших советских республик.

Документом, который в известной степени определяет мировоззренческую направленность деятельности по гармонизации межэтнических отношений, является Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года, введенная в действие Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666 [3]. Она была актуализирована 22 октября 2013 года на заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ [4]. На этом заседании в речи В. В. Путина была высказана необходимость создания на единой методологической основе региональных центров мониторинга межэтнических отношений,

оценки рисков и предупреждения конфликтных ситуаций [4]. Представляется, что раннее предупреждение (превенция) межэтнических конфликтов должно быть составной частью социально-политической деятельности по формированию патриотического и толерантного сознания молодежи, поскольку только в пространстве межнационального согласия и сотрудничества возможно продвижение и укрепление патриотических ценностей. Более того, в содержание основных направлений превентивной деятельности входят: 1) интерактивные мероприятия с участием представителей молодежи различных политических ориентаций в формате свободной дискуссии; 2) сочетание различных идейно-политических тенденций в молодежной среде с целью их интеграции в общегражданскую патриотическую платформу.

Целесообразно раскрыть некоторые организационные аспекты социально-политической деятельности по формированию толерантного сознания молодежи в условиях масштабной этнической миграции.

Во-первых, существует проблема неподготовленности управленческих и социализирующих институтов к выполнению требований сегодняшнего дня. За редким исключением, основная масса чиновников и работников сферы образования не владеют необходимыми знаниями и навыками, необходимыми для специализированной деятельности по раннему предупреждению межэтнических конфликтов, противодействию ксенофобии и профилактике радикального национализма.

Во-вторых, присутствует сильная инерция мышления, связанная с непониманием сущности и роли «регулярной профилактики, разработки форм и способов поддержания позитивных (консенсусных) бесконфликтных межэтнических отношений» [5, с. 17]. В основном признается необходимость регулирования и разрешения уже сформировавшихся конфликтов, которые в большинстве случаев рассматриваются «как «пожаротушение», то есть непосредственное воздействие на конфликт с целью его немедленного прекращения» [5, с. 16–17].

В-третьих, существует стереотипное убеждение, что предупреждение радикального национализма в молодежной среде – это исключительно функция правоохранительных органов. Неудивительно, что при этом происходит непонимание места и роли учебно-воспитательной и научно-образовательной деятельности в образовательных организациях по раннему и глубокому предупреждению этнонационалистических проявлений на мировоззренческом уровне.

Вышеперечисленные факторы обуславливают недостаточную активность властных структур в части социально-политической деятельности по формированию системы раннего предупреждения межэтнических конфликтов, вследствие чего отдельные разрозненные усилия не получают должной административно-ресурсной и финансовой поддержки и не трансформируются в скоординированные проекты превентивной деятельности. Для исправления данного положения на территории одного из крупнейших регионов Дальнего Востока – Хабаровского края началась работа по формированию вышеуказанной системы [6]. При всей сложности ситуации вселяет надежду деятельность правительства края по активизации работы его новой структуры – Управления по реализации государственной национальной политики в составе Главного управления внутренней политики [7] и его решение об учреждении с 2016 года автономной некоммерческой организации «Краевой научно-практический центр по мониторингу этноконфессиональных отношений и раннему предупреждению конфликтных ситуаций» [6]. Представляется, что данные шаги, сделанные органами государственной власти данного субъекта Российской Федерации, послужат формированию конфликтологических и организационных основ превенции радикального национализма и этнического экстремизма в молодежной

среде, что, в свою очередь, позитивно скажется на решении проблем управления этномиграционными процессами.

Вместе с тем следует отметить, что конфликтологическая проблематика, естественно, не сводится только лишь к проблемам образовательно-воспитательной превенции. Речь должна идти о широком спектре научно-практических вопросов, связанных с социокультурными, социально-экономическими, демографическими, правовыми и социально-политическими аспектами взаимодействия мигрантов с принимающим обществом, разработке стратегии позитивной интеграции мигрантов.

Список литературы

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Президентом РФ 13 июня 2012 года. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz3ghQn8szv>.
2. Стадник В. Ю. Этнополитическая конфликтогенность студенческой молодежи Хабаровского края: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2014. 30 с.
3. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666 // Собр. законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.
4. Стенографический отчет о заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации 22 октября 2013 года // URL: <http://state.kremlin.ru/council/28/news/19475>.
5. Ким А. С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор: методология, теория, регионалистика: монография. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011. 330 с.
6. Итоговая резолюция Дальневосточного гражданского форума от 15 ноября 2015 г. : направлена врио начальника департамента по реализации общественных проектов Аппарата Полномочного представителя Президента РФ в ДФО А. И. Веденяпиной заместителю Председателя Правительства Хабаровского края – руководителю Аппарата Губернатора и Правительства края А.Н. Мкртычеву письмом от 29 декабря 2015 г. № А56-5138: п. 9. URL: <http://www.opkhv.ru/civilforum27/2015/materials/1597>.
7. Положение о главном управлении внутренней политики Губернатора и Правительства Хабаровского края: утв. пост. губернатора Хабаровского края от 28 ноября 2014 г. № 88 // Собр. законодательства Хабаровского края. 2015. № 11 (ч. I).

УДК 314.156

Л. В. Анжигалова

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова*

РЕСУРСЫ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: СИСТЕМНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ

Уже не вызывает сомнения факт, что в условиях глобализации этносы и этнические группы ускоренными темпами теряют уникальность и целостность во времени и пространстве. Вследствие этого западная наука, как правило, даже считает их «воображаемыми сообществами», создаваемыми акторами – конструкторами. Норвежский учёный Ф. Барт указывал, что этнические группы (или этносы) определяются, прежде всего, по тем характеристикам, которые сами члены группы считают для себя значимыми и которые лежат в основе их самосознания [1, с. 17–41]. С этим нельзя не согласиться, поскольку мы вынуждены констатировать, что этносов в классическом виде сохранилось не так уж и много, разве что в труднодоступных горах Тибета или Памира. Они живут на своих исторических землях, говорят на своем языке, ведут традиционный образ жизни и хозяйствования, составляя коллективную целостность во времени и пространстве. Большинство же этнических общностей, существующих объективно, тем не менее, не представляют этой целостности. Они, как правило, конструируют себя как таковую, основываясь на тех или иных маркерах.

Современные этносы и этнические группы, к сожалению, утрачивая свою целостность, теряют способность к перспективному развитию. С другой стороны, мы являемся свидетелями поиска этническими акторами ресурсов сохранения и развития собственных народов. С. В. Лурье подчеркивает: «Для каждого этноса характерна своя уникальная модель реакции на ситуацию, которая угрожает ему гибелью...» [2, с. 85].

Этносы имеют различный объективно существующий набор и объем ресурсов сохранения и развития, совокупность которых составляет этнический капитал, способствующий формированию и развитию субъектности этноса. Последняя понимается нами как способность этноса как коллективной единицы к самопознанию, самоопределению и саморазвитию. Проиллюстрируем уровень субъектности на примере хакасского народа.

Этносы отличаются друг от друга по ряду объективных параметров. Проиллюстрируем их на примере хакасского народа.

1. Национально-государственный статус. Ресурсы народа в решающей степени зависят от уровня самоопределения народа. Республика Хакасия (РХ), образованная в 1991 году, стала полноценным субъектом Российской Федерации. В сравнении с предыдущим статусом (автономная область в составе Красноярского края) – это существенный шаг вперед, в том числе за счет таких, большей частью символических, ресурсов, как Конституция Республики Хакасия, республиканское законодательство, органы государственной власти

и пр. Символичность их определяется тем, что они не в полной мере способствуют реальному решению многих проблем хакасского народа. Согласно материалам практически всех 13 съездов хакасского народа (1990–2016 годы), представители этноса слабо представлены в органах законодательной и исполнительной власти. Законодательная база решения проблем хакасского народа также не усовершенствована, например, так и не принят закон о сохранении культовых мест, защите нематериального культурного наследия и пр.

2. Географический и геополитический факторы (включенность или изолированность от различных культурно-цивилизационных центров и их интересов). Например, хакасы живут рядом с родственными, исторически и культурно, народами (шорцами, алтайцами, тувинцами). Обмен опытом в решении проблем этнического развития оказывается эффективным и плодотворным.

3. Состояние и качество природной среды обитания. Среди проблем последних лет можно назвать бесконтрольное и хищническое расхищение природных богатств Хакасии (тайги, водных ресурсов, животного мира, строительство опасных предприятий и пр.). Для этноса утрата родной земли является фактором, ведущим к его гибели.

4. Демографические процессы, в том числе доля в общем населении региона. Хакасы как этнос, давший имя республике, составляют всего 12 % в населении региона. Поэтому их этнический потенциал существенно меньше, чем символический статус.

5. Особенности самоуправления этноса (вовлеченность во власть или отчуждение от нее; в том числе формирование собственно этнических форм самоуправления). Хакасы начиная с конца 1980-х годов сформировали две формы самоуправления: съезд хакасского народа (исполнительный орган Чон чобі) и родовое движение (Совет старейшин хакасского народа). Последний, скорее, является формированием фамильной солидарности, но не родовым в его строгом смысле слова. Это явление может считаться неотрадиционалистским феноменом, так как в Совет старейшин хакасского народа сегодня входят женщины и молодые люди, что противоречит традиции.

6. Структура экономики и экономическая активность этнофоров. Мнение, что они должны заниматься только традиционными формами хозяйствования, можно считать устаревшим. Хакасы ныне заняты во всех отраслях экономики, что определяется традиционно высоким уровнем образования. Это явление было отмечено и в советский период.

7. Качество социальных программ. Многие вопросы, в том числе социального плана, в республике решаются программно-целевыми методами. В Комплексной программе социально-экономического развития РХ на 2010–2020 годы названо, помимо прочих задач, содействие развитию «человеческого капитала», которое предусматривает повышение качества и доступности предоставляемых гражданам социальных услуг (образование, здравоохранения, культура). Вместе с тем нужно отметить, что в республике в течение ряда лет особое внимание уделяется так называемым «малым селам», в которых проживает и коренное население.

8. Баланс социальных сил, в том числе в гендерном аспекте. Известно, что в традиционном обществе гендерное распределение функций было строго определено и неукоснительно соблюдалось. Однако сегодня многие мужские роли утрачиваются (обеспечение безопас-

ности и достатка семьи за счет, например, охоты и скотоводства и пр.). Женские же роли приросли в силу активной вовлеченности женщин во все сферы общества. Гендерный дисбаланс привел к уменьшению роли мужчин и утрате их авторитета на всех уровнях бытия этноса. Это стало существенным деструктивным для этноса фактором.

9. Состояние этнической культуры, в первую очередь языка. В целом можно отметить, что хакасская культура стала бесспорным неотрадиционалистским феноменом: культура стала ресурсом развития этноса, в том числе и коммерческим. Вместе с тем незнание большинством хакасов, особенно молодежи, родного языка в определенной степени обесценивает это явление. Резкое сужение сфер применения родного языка как фундамента национальной культуры имеет тенденцию ее превращения лишь в декоративный компонент общекультурного пространства региона.

10. Состояние религиозного сознания, отношений и институтов. Поиск духовных оснований собственной идентичности привел национальную интеллигенцию к принятию в качестве такового тенгрианства.

Включенное наблюдение показывает, что в течение последних почти тридцати лет ответственность за свой народ у хакасов характеризовалась различными интенциями. В конце 1980-х годов – это политическая консолидация, которая привела к проведению 1-го съезда хакасского народа и образованию Республики Хакасия, в середине 1990-х – начале 2000-х – развитие культуры, в последнее десятилетие – поиск религиозных оснований этничности, которые часть национальной интеллигенции находит, как мы уже отмечали, в тенгрианстве.

Еще большее сужение социальных функций хакасского языка, сложности при трудоустройстве молодежи и отсутствие перспектив развития, асоциальное поведение (алкоголизм, наркомания и пр.) вновь зафиксированы на последнем съезде хакасского народа (2016 год). Реакция хакасского народа в целом на все эти проблемы может быть охарактеризована как пассивная, этническая солидарность невысокая, а значит, уровень духовности оставляет желать большего. Вместе с тем, осторожный оптимизм внушает деятельность отдельных этнофоров, продолжающих самореализацию в сфере культуры.

Список литературы

1. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сб. ст. / под ред. Ф. Барта. М.: Новое изд-во, 2006.
2. Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997.

УДК 331.556

Т. О. Гусельникова*Иркутский государственный университет*

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ТРУДОВЫМИ МИГРАНТАМИ КАК ЗАЛОГ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

В далеком прошлом миграция выступала в таких формах, как работорговля, военные и колониальные переселения, а также кочевничество. Со временем формы миграции видоизменились, и основную популярность приобрела трудовая миграция, которая охватила весь мир и приобретает глобальный характер. На начало XX века в мире насчитывалось 45 миллионов мигрантов, а в XXI веке эта цифра возросла до 214 миллионов человек, что составляет 3,1 % всего населения Земли. В 10 странах с наибольшим числом мигрантов сосредоточено примерно 52 % их численности. Таким образом, в США 21 %, или 45,8 миллионов человек. Далее со значительным отставанием идет Россия 11,3 миллиона человек. Подавляющее большинство мигрантов прибывает к нам из Украины (21,28 %), немного меньше прибывает к нам мигрантов с Узбекистана (13,86 %) и Казахстана (10,88 %) [1]. Такая масштабность миграции трудовых ресурсов является неотъемлемой особенностью современности.

Вопросы трудоустройства мигрантов занимают важное место в направлении государственной миграционной политики. Государственная политика совершенствуется, тем самым улучшая положение трудовых мигрантов, их правовую защищенность, но эта единственная составляющая, которая рассматривается в отношении трудоустройства мигрантов. Немаловажно, какое место мигрант будет занимать в структуре организации, как эффективно использовать данные кадры для организации? Разработкой данных вопросов занимаются единичные предприятия, которые нацелены на эффективность своей организации.

Нельзя не согласиться со словами премьер-министра РФ Дмитрием Медведевым, который отметил, что «трудовых мигрантов не стоит бояться, ими нужно грамотно управлять» [2]. Многим организациям выгоднее использовать нелегальных трудовых мигрантов, потому что они беззащитны перед законом, они не потребуют выплаты недоплаченных денег. Этим и пользуются недобросовестные работодатели. В первую очередь это недоработки в области миграционной политики, но также ответственны за это и работодатели, которые трудоустраивают мигрантов без регистрации и провоцируют в дальнейшем все больший приток, а также развитие фирм по трудоустройству мигрантов без обращений в органы государственной власти. Нелегальные мигранты могут создать проблемы также и для организации, низким качеством работы, и несоответствием занимаемой должности.

Каждый работодатель сталкивается с вопросом привлечения иностранной рабочей силы, будь она высоко- или малоквалифицированной, нужен грамотный подход в отношении управления данными кадрами и увеличения эффективности своей организации. Так, при трудоустройстве мигрантов не следует делить на высококвалифицированных специалистов и

разнорабочих, которые выполняют низкоквалифицированную работу. Первое, что необходимо знать работодателю, – это особенности культуры мигранта. Немаловажно также провести собеседование с мигрантом, независимо от квалификации, на общих основаниях назначить испытательный срок, который может длиться чуть больше, чем у гражданина страны. Именно на этом этапе следует рассмотреть многие аспекты положения мигранта в организации: посмотреть, как повысилась эффективность производства, переговорить с сотрудниками предприятия, также в этот период возможно создание стрессовых, кризисных ситуаций, которые требуют незамедлительного правильного решения. Стремление к обучению у мигрантов – также необходимая составляющая, и здесь работодатель действует, как и по отношению к молодому специалисту. Многие работодатели считают, что мигрант должен иметь опыт работы, но как ему его получить? Получается замкнутый круг: "нет опыта работы, потому что не берут на работу, а на работу не берут, потому что нет опыта работы". Карл Манхейм отметил, что существует очень важная характеристика молодого человека, а также и мигранта: «быть молодым (мигрантом) означает стоять на краю общества, быть во многих отношениях аутсайдером».

Преобразование мигранта из аутайдера в важнейший потенциал фирмы очень важная управленческая задача не только для работодателя, но и сотрудников отдела кадров. Выраженный и воспитанный внутри компании специалист-мигрант более лоялен к работодателю, ориентирован на высокие результаты по сравнению со специалистами, принятыми извне.

Последний тип селекции при трудоустройстве мигранта – это критериальное собеседование. Такой тип собеседования представляет под собой интервью, во время которого кандидату задаются вопросы о том, что бы он сделал в определенной ситуации (связанной с будущей профессиональной деятельностью), а его ответы оцениваются с точки зрения заранее выработанных критериев. Преимущества критериального собеседования состоят в использовании вопросов и методов оценки, которые непосредственно связаны с будущей деятельностью кандидатов, а также существует реальная возможность легко их проранжировать [3, с. 67].

Но со стороны политики предприятия необходимо учесть факт обучения мигрантов, повышения качества владения русским языком, а также помощь с организацией проживания. На данный момент привлечение мигрантов могут позволить себе только крупные организации. Ведь работодатель маленькой фирмы откажет при приеме специалисту без опыта работы, потому что его придется обучать (тратить время, деньги и силы), что вызывает трудности у компании, а вот большие компании охотнее берут молодых специалистов на работу. У крупных организаций имеется достаточный административный ресурс при отборе специалистов, а также организация получения опыта, карьерного роста и знаний.

Таким образом, привлечение мигрантов позволяет расширить и обновить кадровую структуру предприятия, привнести новые идеи в связи с вхождением нового типа культуры, но такое привлечение требует отдачи со стороны предприятия, грамотной и структурированной, продуманной политики предприятия, которая предполагает нормальное функционирование с привлечением не только молодых кадров, но и иностранных. Открытость предприятия позволит расширить горизонты деятельности фирмы, обновить кадры, что необходимо для любой организации.

Список литературы

1. Глобальная миграция (откуда, кто и куда мигрирует) // Жизнь мигрантов. URL: <http://rosinvest.com/acolumn/blog/jkh/557.html>.
2. Проблемы мигрантов // Вести.RU. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=874343>.
3. Денисова А. А. Нетрадиционные методы подбора и оценки персонала // Управление персоналом. 2007. № 24. С. 66–70.

УДК 331.556:351.83

С. С. Седельников

*Кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*

МАРГИНАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ И УТРАТА ИДЕНТИЧНОСТИ

Одной из причин формирования маргинальной личности является утрата ею своей идентичности. В культурной маргинальности природу маргинального человека определяет чувство внутриличностного конфликта, вызванное промежуточным положением на границе двух культур; изменяются привычные представления об окружающем мире, что приводит к внутреннему расколу личности. Исследователи отмечают, что новые социальные структуры и отношения могут возникать на границе старых структур.

Если разделить социальных маргиналов на тех, кто опустился на «социальное дно», и тех, кто находится в ситуации смены одного социального статуса на другой, то можно увидеть различие и в их психологических чертах. В процессе смещения на «социальное дно» изменяется сознание индивида, на первое место выходят инстинкты простого выживания, отступают культурные нормы поведения, возникает агрессия; происходит смена ценностных ориентаций, формируется нетерпимость по отношению к существующим социальным институтам.

Для индивидов, находящихся в состоянии смены социального статуса, характерными чертами являются: неопределенность, сомнения в личной ценности, личностная дезорганизация. Степень выраженности данных чувств и состояний зависит от особенностей самого индивида, от конкретного вида социального статуса – мигрант, безработный. В результате миграционных процессов в массовом сознании людей растет ощущение неприкаянности [1, с. 50].

Маргинальное поведение – это пограничное поведение, выражающее особое, промежуточное положение человека в социуме. Это не аномалия, а иная норма, поскольку может иметь и позитивный характер. В частности, как отмечают исследователи, оно может иметь

позитивные проявления в экономической, политической, бытовой сферах социальной жизни [2, с. 84]. Так, в экономической сфере выделяют такую форму поведения, связанную, например, с безработицей, как продуманное поведение (когда человек берется за любую работу, даже понижающую его социальный и профессиональный статус). К конструктивным формам поведения в ситуации безработицы можно отнести: использование межличностных связей (поиск поддержки со стороны семьи, единомышленников); активное использование индивидуальных ресурсов (когда человек рассчитывает только на свои индивидуальные качества, навыки).

Первым попытку рассмотреть человека в его многочисленных отношениях с миром экономики сделал А. Смит [3]. Основой теории А. Смита было стремление взглянуть на человека с трех точек зрения – моральной, гражданской (государственной) и чисто экономической. Заслуга А. Смита заключается в том, что он первым попытался объяснить экономические отношения между людьми с учетом особенностей их натуры. Он считал, что человек по своей природе существо достаточно эгоистическое, а потому его личные цели могут противоречить интересам других людей. А. Смит не идеализирует человека, учитывает его природную лень и недостатки. Вместе с тем исследователь отмечает постоянное стремление людей к улучшению своего положения. А. Смит считает, что это стремление и есть источник, из которого происходит как общественное и национальное, так и частное богатство.

А. Смит построил свою стройную социально-экономическую систему не вопреки, а исходя из врожденной, эгоистической природы человека. Он первым понял, что в экономических отношениях не надо полагаться на альтруизм или гуманные черты человеческого характера. Вы преследуете свою корыстную выгоду, но делаете то, что полезно для всего общества в целом. Правда, полностью обуздать человеческий эгоизм и злоупотребления никакой экономической механизм не в состоянии. Поэтому человечество на протяжении своей длительной истории производило юридические законы, нормы законодательного права, правила социального поведения. Они и составляют противовес эгоистическим устремлениям отдельных лиц и облегчают их сотрудничество в мире социальной экономики.

История цивилизации показала, что существуют лишь два стимула воздействия на людей, чтобы заставить их работать производительнее, – насилие и экономический интерес. В течение тысячелетий люди считали, что лучше использовать насилие, это казалось простым. Понадобились века войн, революций и мятежей, чтобы понять, что это не лучший способ повышения производительности труда. Не избавившись полностью от такого стимула, как «насилие», люди постепенно пришли к выводу, что для достижения таких сугубо экономических явлений, как «производительность труда», «экономический прогресс» лучше использовать именно экономический интерес человека.

Поскольку человек является одновременно существом биологическим, социальным и экономическим, со временем человечество выработало сложный социально-экономический механизм, который состоит из многочисленных элементов, рычагов повышения влияния, стимулирования и ограничения противоречивой человеческой природы. Современные так называемые «социальные экономики» предназначены для выработки

способов совместной жизни и экономического сотрудничества; обеспечения права каждого человека действовать согласно соображениям собственной выгоды; направлению реализации людьми их собственных интересов, способствования благосостоянию всех членов общества в целом; ограничения действий людей, чтобы их собственная выгода не могла стать препятствием другим людям.

Современные социально-экономические устройства в разных странах различны, но базируются на таких противоречивых чертах человека, как стремление к благосостоянию и духе соперничества, природном эгоизме и склонности к обмену, жажде справедливости и чувстве собственности, стремление к конкуренции друг с другом и чувстве гуманизма и т. д.

Некоторое время считали, что «человеческое» и «экономическое» в человеке – несовместимы, однако обе эти характеристики чрезвычайно тесно связаны, испытывают взаимное влияние.

Одним из главных факторов экономического прогресса человечества, безусловно, следует считать стремление к росту благосостояния: человек всегда хочет жить еще лучше, еще интереснее, еще комфортнее. Беспредельность человеческих желаний и потребностей, как ничто другое, заставляет человека постоянно отыскивать все новые и новые способы получения все новых и новых благ, как материальных, так и духовных. Беспредельность потребностей заставляет человека совершенствовать способы и методы своей деятельности, увеличивать объемы производства и качество продукции. В определенном смысле потребности – движущая сила развития экономики, но экономика, в свою очередь, порождает новые потребности.

Чтобы больше потреблять – надо больше производить. Это постоянное противоречие решается через труд, причем все более продуктивный. Когда мы говорим о полезности вещей или услуг, то речь идет об их способности удовлетворять какую-либо потребность: духовную или материальную.

Одновременно полезность товара или услуги еще не гарантирует производителю хороший материальный доход. Покупатели всегда прицениваются к товару и решают проблему: достоин ли этот товар тех денег, которые за него требуют, и выгодно ли его покупать. Производители товаров и услуг знают, что заработать больше денег они смогут лишь тогда, когда предложат потребителям товары более дешевые, более привлекательны, чем те, что предлагают другие товаропроизводители. Конкуренция – это экономическая борьба между производителями за изготовление как можно более привлекательных товаров, привлечение как можно большего числа покупателей и получение как можно большей выгоды.

Социально-политический тип маргинального поведения касается различных сторон политической жизни общества. Изолированность, пессимизм маргинала могут проявляться в политической апатии индивида. Деклассированные индивиды могут проявлять себя в массовых акциях протеста, уличных беспорядках. С другой стороны, такие черты, как честолюбие, стремление к самовыражению, могут способствовать активности маргинальной личности и выражаться в ее борьбе за власть.

Как отмечается большинством исследователей, маргинализация традиционных и вновь образующихся социальных групп и структур является господствующей тенденцией в обще-

ствах переходного типа, моделями поведения в различных сферах жизнедеятельности: экономической, социальной, политической и т. д. Индикатором маргинальности является наличие «теневого» поведения, то есть поведения, которое не вписывается в традиционные представления о стандартном поведении элементов той или иной социальной структуры. Например, в качестве такого маркера в этнической среде выступает харизматическая личность. Маргинальный харизматик зачастую не считается с традициями, обычаями этнического образования, а сам выступает в качестве универсального генератора норм и обычаев.

Маргинальная харизма проявляется в непростые периоды жизни общества. Причины ее появления чаще всего не единичны. Следует говорить о комплексе причин социального, политического, экономического, культурного, цивилизационного, субъективно-личностного характера. Маргинальная харизма нередко помогает обществу быстрее выявить новые приоритеты. Вместе с тем наличие в обществе маргинального харизматика есть один из признаков нарушения социальной стабильности. Такое нарушение может быть обратимым и необратимым. В первом случае оно носит ситуативный характер и преодолевается методами социального управления, во втором – перерастает в социальный кризис. Чем быстрее общество осознает значимость деятельности маргинального харизматика, тем быстрее оно способно найти новые резервы для дальнейшей эволюции.

Вместе с тем такая личность до конца не отдает себе отчета о последствиях своих действий. В большинстве случаев маргинальный харизматик способен на адекватное осознание собственных поступков только после того, как им были совершены те или иные действия деструктивного характера. В большинстве случаев маргинальный харизматик – это орудие разрушения. Маргинальные харизматики (особенно в религиозной и этнической среде) не способны на принятие любого инакомыслия, в этом заключена их основная опасность для общества.

Харизматик-маргинал чаще всего проявляется в период социальных трансформаций. С одной стороны, он выступает в качестве созидательного начала, так как позволяет обществу найти новые ориентиры; с другой – он способен на серьезные разрушения существующей социальной системы. Маргинальная харизма – атрибут изменяющегося общества.

Социокультурные процессы второй половины XX и начала XXI века характеризуются глубокими радикальными и необратимыми преобразованиями, суть которых заключается в гомогенизации и диверсификации общества. Процессы гомогенизации общества обуславливаются возрастанием интенсивности общения между людьми и народами, цивилизациями и культурами с помощью средств массовой информации и телекоммуникационных сетей. Одним из проявлений диверсификации общества является актуализация проблемы национальной самобытности, ориентация на специфическое, уникальное. Необходимо дальнейшее изучение тех изменений, которые происходят с человеком, осмысливающим свою идентичность между двумя и более культурами.

Интенсивное миграционное движение во второй половине XX века привело к появлению новых этнических сообществ. В ряде случаев складывается личность, характеризующаяся бикультурностью и двуязычием в новых этнокультурных процессах. Необходимым является уточнение функциональных характеристик маргинальности, выявление роли и зна-

чимости маргинальной личности для инновационной творческой деятельности, позиционирование маргинала, существующего на пересечении различных культур. Важно продолжить рассмотрение сущностных характеристик маргинальной личности как индивида, находящегося на границе двух различных культур.

Список литературы

1. Лазарев Ф. В. Разум и мудрость в горизонте новой культурной парадигмы. Симферополь, 2004.
2. Мельник С. Н. Социологический анализ маргинальности в социальной структуре современного российского общества на примере Приморского края: дис. ... канд. социол. наук. Владивосток, 2003.
3. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. 1–2 кн. // Антология экономической классики. М., 1993. Т. 1. 820 с.

УДК 331.556

Л. В. Сокрута

Магистрант второго курса направления «Социология»

Пермского государственного национального исследовательского университета

УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПОТОКАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ В РФ

Миграции были во все эпохи, вызывались самыми разнообразными причинами, принимали разные формы и сопровождали развитие цивилизаций. В настоящее время международной миграцией охвачены, по существу, все страны мира, которые принимают участие во внешней политике. Мировое сообщество постоянно изменяется в результате процесса глобализации. Государства, общества, экономические системы и культуры в различных регионах мира все больше интегрируются и становятся все более взаимозависимыми. Новые технологии обеспечивают быстрое перемещение капитала, товаров, услуг, информации и идей из одних стран и континентов в другие. Миграционная политика в РФ находится в постоянном движении. Когда меняется экономическая ситуация, то возникают новые приоритеты в отношениях с различными странами. Что происходит на современном этапе в миграционных процессах? Данная дискуссия остается актуальной и одной из самых обсуждаемых и сегодня. Так, в докладе И. В. Ивахнюк на тему «Миграционная политика России – новый этап?» было отмечено, что, согласно «Итоговому докладу о результатах и основных направлениях деятельности ФМС России за 2015 г.», в 2015 году миграционный прирост со-

ставил 90 % от общего прироста населения РФ [1], это говорит об остроте данного явления и необходимости поиска ответов на множество возникающих вопросов.

Несмотря на позитивные последствия миграции, среди которых наиболее весомые – это увеличение численности населения и дешевый неквалифицированный труд, существуют так же и негативные последствия. Например, особой проблемой для многих стран является нелегальная миграция, а именно нелегальный въезд, пребывание и нелегальная занятость. В России данный вид миграции наиболее распространен. Из тех, кто работает, разрешение на работу имеют менее 30 %, а регистрацию по месту жительства – около 50%, часть из которых является поддельными [2]. Поэтому такая миграция имеет криминогенный характер, что обостряет и без того сложную криминальную обстановку в стране. «Только за последнее время к административной ответственности за нарушение миграционного законодательства было привлечено 2 млн человек – огромная цифра. Возбуждены десятки тысяч уголовных дел», – отметил премьер-министр Д. А. Медведев на пленарном заседании Государственной Думы [3].

Существующая политическая ситуация, где можно отметить достаточно жесткое влияние определенных стран, руководители которых проводили самостоятельную политику, привела к новому переселению народов. Поэтому миграционная политика становится одной из самых главных тем в мировых новостях. Государственная миграционная политика Российской Федерации основывается на общепризнанных принципах и нормах международного права, и международных договорах Российской Федерации, положениях Конституции Российской Федерации и выражается во всех федеральных законах и нормативных правовых актах субъектов Федерации. Осуществляется иммиграционный контроль через ФМС России во взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти (ФПС России, ФСБ России, МВД России, ГТК России) [4].

Миграционная ситуация в России позволяет определить приоритеты миграционной политики, сосредоточить усилия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации на: во-первых, предупреждении и предотвращении негативных последствий миграционных потоков; во-вторых, адаптации и интеграции мигрантов на новом месте жительства; в-третьих, пресечении незаконной миграции и обеспечении регулирования внешней трудовой миграции, а также оптимизации размещения населения и трудовых ресурсов посредством социально-экономических миграций. Миграция рабочей силы – сложное, весьма неоднозначное явление, требующее постоянного изучения в контексте развития экономики, как отдельно взятого государства, так и всего мира. Мигранты в поисках наиболее высокой заработной платы, чтобы увеличить свое материальное благосостояние, перемещаются из страны в страну. Проблема внешней миграции сегодня стоит наиболее остро. Но полностью миграционные потоки прекратить в действительности невозможно, так же как и не представляется возможным непринудительными методами выселить значительную часть мигрантов. Задача государства не сводится к тому, чтобы полностью ликвидировать миграционные потоки. Основная задача состоит в том, чтобы привлечь именно ту категорию мигрантов, которая действительно желает трудиться. Иначе говоря, вести отбор мигрантов при их въезде в страну по определенным критериям, то есть создать критерии отбора.

Разрешить въезд в страну лишь тех, кто, во-первых, владеет языком той страны, в которую перемещается, во-вторых, дееспособен и имеет справку по здоровью и при этом не имеет совершенных особо тяжких преступлений, в-третьих, имеет хотя бы среднее образование и способности к трудовой деятельности, а также обязательно документы, подтверждающие гражданство своей страны. Наиболее опасная проблема, о которой часто упоминают, – это коррупция со стороны национальных служб иммиграции, которые обычно создаются при министерствах труда, юстиции или внутренних дел, использующих в своих интересах несовершенство законодательной базы. Да и сами мигранты ищут пробелы в законодательстве для того, чтобы воспользоваться социальными благами, им неположенными. Из-за сложной и жестко иерархизированной структуры государственного аппарата, контролирующего миграцию, существует опасность неконтролируемой миграции. Чтобы избежать данной угрозы, можно провести комплекс мероприятий. Например, создать специальный государственный орган по контролю за легализацией мигрантов, а также предпринимателям и отделам кадров разрешить так называемую официальную «вербовку кадров». Исходя из их производственных потребностей, «легализовать мигрантов», создав определенный ценз для предпринимателей и разработав адекватные налоговые ставки на данный вид деятельности, при этом создав критерии для эффективного контроля. Так как без него частное привлечение к работе мигрантов с «черной» заработной платой будет способствовать росту нелегальной иммиграции. Развитие международного сотрудничества в области миграционной политики и жесткий контроль над нелегальными мигрантами обеспечивают защиту государства от криминальной среды, находящейся под патронажем этнических диаспор. Нужны более жесткие меры в решении этих проблем, более жесткая и строго регламентированная миграционная политика по регулированию миграционных потоков. Нельзя, чтобы повторилась ситуация, когда в начале 1990-х годов произошла «утечка умов» и за рубеж на постоянное место жительства уехало около 10 % научных работников разного профиля (около 75 тыс. человек). Потеря специалистов отражается на всех отраслях российской науки и образования. Зарубежная и отечественная практика говорит о том, что миграционная политика должна находиться под неусыпным контролем государства и должна регулировать численность, состав, направление движения, интеграцию трудовых мигрантов с учетом интересов, прежде всего, страны и региона. Миграцию как наиболее остро стоящую проблему XXI века нельзя остановить, ее можно лишь решить путем обеспечения рационального сочетания административно-правовых, финансово-экономических и социально-психологических методов воздействия.

Список литературы

1. Миграционная политика России – новый этап? Заседание Демографической секции Центрального дома ученых РАН. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0679/nauka01.php>.
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>.
3. Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://www.duma.gov.ru>.
4. Концепция государственной миграционной политики РФ. URL: www.nasledie.ru.

УДК 331.556:331.5.024.54

Н. Л. Микиденко², Т. И. Монастырская¹, С. П. Сторожева³¹ *Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и психологии Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики*² *Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и психологии Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики*³ *Кандидат культурологии, доцент кафедры социологии, политологии и психологии Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики*

ОПЫТ ОЦЕНКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ТРУДОВОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НСО)

Территории Сибирского региона, в том числе и Новосибирская область, в последнее десятилетие становятся все более привлекательными для трудовой этнической миграции. Согласно аналитическим отчетам ФМС, которая занималась регистрацией прибывающих и выдачей разрешений для проживания и трудоустройства до 5 апреля 2016 года, в Новосибирской области в 2014 году на законных основаниях находилось свыше 106 тысяч иностранных граждан, в первом полугодии 2015 года находилось свыше 71 тысячи человек, через пункты пропуска государственной границы въехало свыше 76 тысяч иностранных граждан, из которых более 46 тысяч поставлено на миграционной учет впервые [1]. Основная цель прибытия иностранных граждан – трудовая деятельность на территории области. Значительная часть мигрантов, въехавших для трудовой деятельности, приехали из стран Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия).

Трудовые ресурсы и человеческий капитал: потери и приобретения. Страны, теряющие трудовые ресурсы в результате миграций, отмечают негативные последствия массового отъезда граждан. Так, к негативным последствиям миграции для человеческого капитала Кыргызстана аналитики относят «утечку мозгов», то есть выбытие квалифицированных кадров из производственной системы государства, что ослабляет национальные инновационные способности, деформирует социально-профессиональную структуру населения в результате значительного оттока молодежи, определяет дефицит работников среднетехнических профессий, ослабляет аграрный сектор вследствие выезда сельского населения [2, с. 83]. Авторы отмечают, что возвращение трудовых мигрантов в Кыргызстан будет иметь положительный эффект для развития человеческого капитала страны за счет прибытия в страну специалистов с новыми компетенциями и навыками, полученными в странах иммиграции [3].

Озабоченность потерей от трудовой миграции выражают и власти Узбекистана. В качестве мер, стимулирующих возвращение на родину, власти Узбекистана в 2015 году плани-

ровали создать 409,5 тысячи рабочих мест в семи регионах страны для тех трудовых мигрантов, которые захотят вернуться на родину. Вернувшимся предлагается работа по месту жительства либо возможность начать самостоятельно предпринимательскую деятельность, поддержка со стороны правительства и коммерческих банков, предоставление в аренду неиспользуемых объектов государственной собственности, а также земельные участки, высвобождаемые в результате сноса неиспользуемых объектов. При инвестировании подобных проектов предполагается учитывать доходы, полученные мигрантами во время трудовой деятельности за рубежом [4].

Современные исследователи миграции обращают внимание на микроуровневые аспекты миграционного поведения, так как в современном обществе общественно организованные формы миграции сменяются «индивидуализированными», а управление миграцией становится возможным с точки зрения понимания микроэкономических основ этого процесса, как экономических, так и неэкономических факторов миграционного поведения. Одной из основных таких концепций является концепция человеческого капитала [5, с. 135]. Авторы подчеркивают, что эконометрические модели, построенные на основе этой теории, позволяют оценить в монетарном выражении множество факторов, которые определяют последствия миграции для индивида.

По определению И. А. Крутий и О. В. Красиной, под человеческим капиталом понимают совокупность навыков, умений и знаний, а также установок, интериоризируемых индивидом и выступающих для него в качестве основы реализации жизненного сценария. Человеческий капитал, по замечанию Г. Беккера, формируется за счет инвестиций в человека, среди которых можно назвать обучение, подготовку на производстве, расходы на здравоохранение, миграцию и поиск информации о ценах и доходах. Определяя элементы, входящие в структуру человеческого капитала, Н. А. Бураншина и Н. Л. Иванова включают в него знания, умения, навыки, способности, здоровье, культурно-нравственный капитал и социальную идентичность. Знания, умения, навыки, в свою очередь, подразделяют на: профессиональные; предпринимательские; организационные, имеющие ценность и приобретаемые только в конкретном муниципальном образовании; социальные, связанные с социализацией и межличностными коммуникациями, например, умение пользоваться Интернетом, знание иностранных языков, умение водить машину и т. п. [6]. В современных исследованиях трудовой миграции больший упор делается на адаптацию мигрантов в новых условиях, однако методология оценки трудовых ресурсов и человеческого капитала пока остается неразработанной.

Возможности оценки трудовых ресурсов и человеческого капитала трудовой миграции. Для оценки качества трудовых миграционных ресурсов использован вторичный анализ данных, полученных в результате исследования «Информационные потребности трудовых этнических мигрантов (на примере прибывающих из стран Средней Азии в Новосибирскую область)», проведенного в декабре 2014 – январе 2015 года в рамках реализации социально-значимого проекта «Новосибирск – территория доступной информационной среды для трудовых этнических мигрантов» [7]. Цель исследования заключалась в воссоздании общей картины информированности трудящихся мигрантов о разных аспектах пребы-

вания в месте трудовой деятельности (правовых, социальных, социально-культурных) и источниках получения информации о возможностях трудоустройства и проживания в г. Новосибирске. В то же время ряд вопросов, которые были включены в анкету, позволяет говорить об уровне образования, профессиональных навыках, владении родным и русским языками, о навыках получения информации не только по неформальным каналам, но и из ресурсов сети Интернет, о желании и умении использовать эти источники. Исследование предполагало опрос в местах концентрированного пребывания трудящихся мигрантов: в зале по обслуживанию иностранных граждан УФМС по Новосибирской области, на предприятиях, работающих с трудящимися мигрантами. В выборке были представлены группы, различающиеся по гражданству, полу, возрасту, месту проживания на родине, владению русским языком, уровню образования. Всего в опросе приняло участие 523 респондента, приехавших из стран Средней Азии: Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, разных возрастных групп (рис. 1). Все участники исследования – лица трудоспособного возраста от 17 до 62 лет.

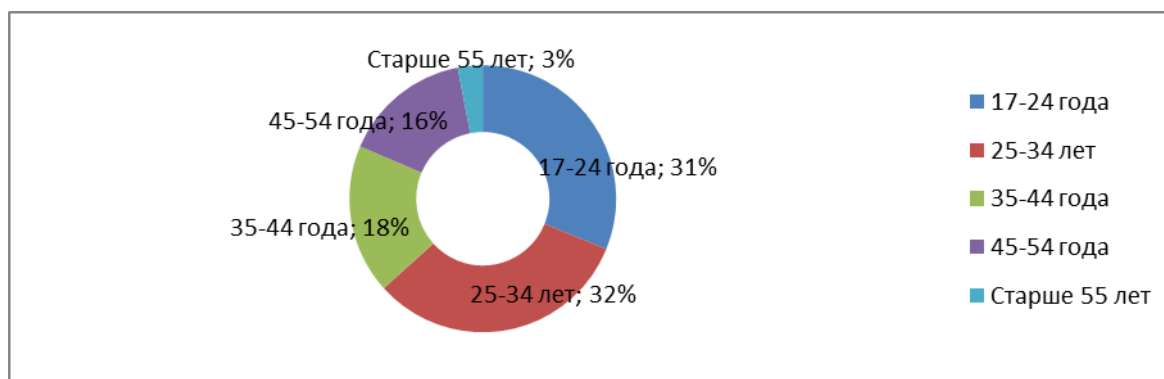

Рис. 1. Распределение респондентов по возрасту

90,1 % респондентов в момент опроса имели работу, 1,5 % – обучались в учебных заведениях. Только 8,2 % опрошенных временно не работали. Основные сферы занятости опрошенных трудовых мигрантов – строительство, транспорт, торговля, сфера услуг (клининговые компании, флористика), швейное и пищевое производство, ЖКХ, сельское хозяйство. Более высокий профессиональный статус имели всего 3 человека (два врача и 1 предприниматель), что составило менее 0,05 %. Распределение респондентов по уровню образования приведено на рис. 2.

Рис. 2. Уровень образования респондентов

Больше половины приехавших для трудовой деятельности (66 %) не имеют профессиональной подготовки, что будет определять сферы их занятости.

Важным аспектом в оценке качества человеческого капитала является владение языком страны пребывания. Почти 40 % респондентов на вопрос «На каком языке Вам легче читать?» помимо родного назвали русский язык (допускалось выбрать несколько вариантов ответов) (рис. 3). Этот факт является важным для включения мигрантов в адаптационные процессы, получение правовой и медицинской помощи, при трудоустройстве, а также при организации обучения детей, так как знание матерью или близкими русского языка упрощает взаимодействие с принимающим сообществом. По данным ФМС за 10 месяцев 2015 года 38 741 иностранный работник, прибывший из стран с безвизовым порядком въезда, подтвердили владение русским языком. Из общего количества подтвердивших владение русским языком сертификаты РУДН представили 27 045 человек [1].

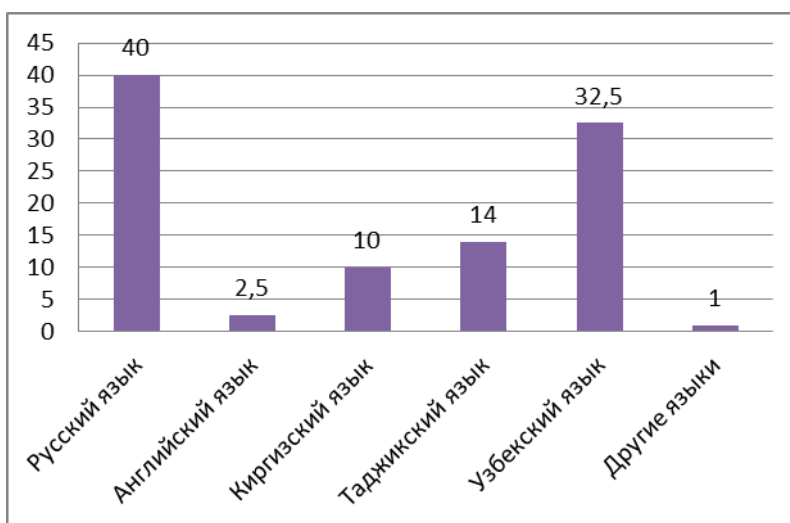

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «На каком языке вам легче читать?» (%)

На вопрос о наличии доступа к Интернету 63,5 % ответили утвердительно, еще 3,3 % – иногда могут его получить. 31,7 % респондентов доступа к Интернету не имеют. В 52,2 % случаев выход в сеть происходит с мобильного телефона, 34,2 % – с домашнего компьютера или планшета, еще 4,9 % – с компьютера на работе. В отличие от мужчин, женщины имеют меньше возможностей доступа к Интернету.

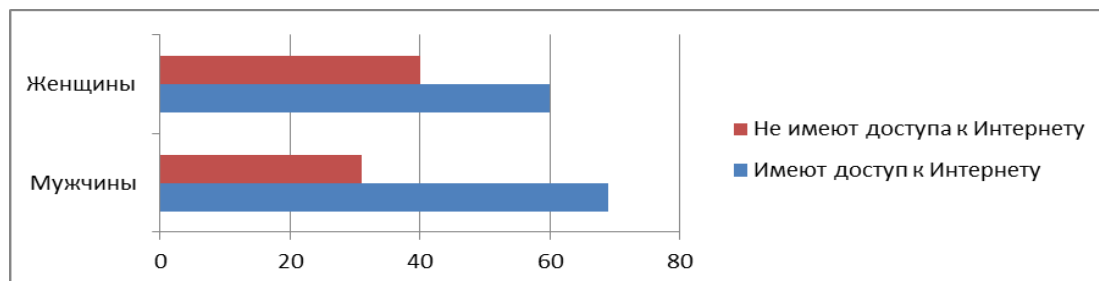

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Имеете ли Вы доступ к Интернету?» (%)

Возможность использования Интернета среди респондентов группы 17–24 года составляет 81%, среди респондентов 25–40 лет – 71,4 %, а в группе старше 41 года доступ к сети имеют только 32,8 % респондентов.

Общие проблемы в оценке качества человеческого капитала трудовой миграции.

Несмотря на некоторое отличие миграционного контингента по регионам страны, существуют общие тенденции и проблемы в оценке и применении трудовых ресурсов мигрантов и их человеческого капитала.

Притоки зарубежных мигрантов в Россию имеют для принимающего сообщества неоднозначное значение. С одной стороны, процесс старение населения требует притока трудоспособного населения извне, так как по прогнозам население России к 2030 году по сравнению с 2012 годом уменьшится от 142 до 139 млн человек, и при этом население пожилого возраста, то есть выше 65 лет, составит более трети от всего населения [8; 9]. С другой стороны, для развития инновационной, конкурентоспособной экономики, для выполнения стратегического проекта «Инновационная Россия – 2020» нужен человеческий ресурс, характеризующийся профессионализмом, компетентностью, способностью быстро обучаться на протяжении всей жизни [10]. Таким образом, создается противоречие между качеством профессионализма прибывающих мигрантов и требованиями инновационного развития российского общества, так как большая часть прибывающих трудовых мигрантов не имеет необходимого набора компетенций для создания инновационного продукта для международного рынка.

Второе противоречие заключается в том, что любая активно развивающаяся страна пытается оставить за собой право на квалифицированный труд, а мигрантам предлагается заполнить ниши низкоквалифицированного рынка труда. Часть трудовых мигрантов готова на такие условия с целью дальнейшего пребывания в стране, получения гражданства, оформления российской пенсии, которая значительно превосходит размеры пенсии в их родных странах. Но как долго мигрант готов трудиться на предложенных условиях? Достаточно сложно составить экономический прогноз заполнения рынка неквалифицированной рабочей силой. Насколько выгодно принимающему сообществу такая неквалифицированная рабочая сила?

Детальных экономических расчетов пока не предложено ни в России, ни в странах Западной Европы, хотя в этих странах ведутся активные дебаты между экономистами, особенно по вопросу, насколько достоверны имеющиеся статистические расчеты «выгодности» пребывания мигрантов в стране. Экономисты также приходят к противоположным выводам.

Во-первых, по затратам социальной сферы на мигрантов в настоящий момент нет полной картины, и поэтому расчеты затрат на душу мигранта не являются точными [11]. Во-вторых, сальдо бюджета мигранта окажется в минусе, если в его расчеты будут включены общие расходы государства, такие как расходы на оборону, инфраструктуру, правовую систему, полицию и др. Что касается, например, Германии, то в данный момент миграция является убытком для государственного бюджета и социальной сферы [12].

Для осуществления подобных проектов необходимы инвестиции государств принимающего сообщества. И если в некоторых странах Северной и Западной Европы правительства стран готовы инвестировать образовательные проекты для мигрантов, то в России этот вопрос пока остается нерешенным, что отмечается в ряде работ российских ученых [4]. Поскольку существует неоднозначность в оценке необходимости трудовых миграционных ресурсов для развития отдельных территорий, достаточно сложно разработать концепцию дифференциации потенциала трудовых мигрантов с целью оптимизации процессов управления трудовыми миграционными потоками.

Список литературы

1. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности УФМС России по Новосибирской области на 2014 г. и плановый период 2015-2017 гг. Новосибирск, 2015. С. 30. URL: <http://fms-nso.ru/ufms/static/Plan%20i%20prognoz>.
2. Бейшеналы Н. Э., Перебоев В. С. Вступление Кыргызстана в Таможенный союз и Единое экономическое пространство: последствия для рынка труда и человеческого капитала // Евразийская экономическая интеграция. 2013. № 3 (20). С. 83.
3. Последствия вступления Кыргызстана в Таможенный союз и ЕЭП для рынка труда и человеческого капитала страны. СПб., 2013. 122 с. URL: http://www.eabr.Org/general/upload/CII%20-%20izdania/Proekti%20i%20dokladi/Kyrgyzstan%20-%20CU/EDB_Centre_Report_13_Full_Rus_1.pdf.
4. Около 400 тысяч рабочих мест создадут для вернувшихся в Узбекистан мигрантов // ДемоскопWeekly. 2014. № 621-622. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0621/panorm01.php>.
5. Моисеенко В. М., Чудиновских О. С. Теория человеческого капитала и исследования миграционных процессов в России // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 124–137.
6. Buranshina N. A., Ivanova N. L. Human capital of a municipal entity: notion and structure // Вестн. Урал. академии управления. URL: <http://vestnik.uara.ru/en/issue/2011/04/24/>.
7. Грантовое соглашение Министерства регионального развития НСО № 49 от 17.10.2014.
8. Население, учтенное при Всероссийской переписи населения 2010 года // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-01_02.pdf.
9. Предполагаемая численность до 2030 года: статистический бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. М., 2010. С. 5–225.

10. Инновационная Россия – 2020 (Стратегия Развития Российской Федерации на период до 2020 года). М.: Минэкономразвития России, 2010. 105 с. URL: <http://datis.pro/upload/aed/Innovative-Russia-2020.pdf>.

11. Rickens, Christian. Hans-Werner Sinn über Einwanderer: "Ich vermute per Saldo immer noch einen großen Gewinn". URL: <http://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/interview-hans-werner-sinnmigration-bringt-deutschland-gewinn-a-1011147.html>.

12. Sinn, Hans-Werner. Zuwanderer in Deutschland Migration: Gut für den Arbeitsmarkt, schlecht für den Staat // Wirtschaftswoche, 10. Februar 2015. URL: <http://www.wiwo.de/politik/deutschland/zuwanderer-in-deutschlandmigration-gut-fuer-den-arbeitsmarkt-schlecht-fuer-den-staat/11339866.html>.

13. Питухина М. А., Сигова С. В. Влияние зарубежной трудовой миграции на качество человеческого капитала в России // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Вып. 1. Т. 6. 2013. С. 14–21.

УДК 32.019.51

К. Петрова

ПАТРИОТИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. ОСОБЕННОСТИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ У ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКА (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Межкультурная коммуникация в современном мире невозможна без сложившегося общественного сознания как определенного «образа», представления о той или иной культуре. Поиск источника этого общественного сознания – национальной идеи – занимает умы многих ученых, философов, политиков на протяжении нескольких веков. В условиях формирования наций, образования национальных государств со своей экономикой патриотизм становится неотъемлемой частью общества. Современная Россия обращается к патриотизму как идее, способной объединить многонациональный народ в единую страну. Доказательством этого служит одно из последних утверждений спикера Совета Федерации Валентины Матвиенко: «России нужна не спущенная сверху идеология, а национальная идея, основанная на патриотизме» [1]. Утверждение патриотизма в качестве национальной идеи предлагает и лидер страны, В. В. Путин: «В России не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма» [2].

Понятие патриотизма связывают с трепетным отношением к своей Родине, но представление о сущности патриотизма у разных людей разное. По этой причине одни люди считают себя патриотами, а другие их таковыми не считают.

Комплексное рассмотрение данного понятия предлагает В. И. Лутовинов в статье «Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления», выделяя различные компоненты этого явления – социально-политические, духовно-нравственные, культурные, исторические и др. Все элементы выступают в единстве и, являясь направлены на применение человеческой деятельности на благо Отечества [3].

Данное понятие рассматривали множество исследователей, в том числе философ В. Соловьев, который определил, что чувство патриотизма естественно слабеет в городском быту, но в этих условиях появляется привязанность к своей культурной среде или к родной гражданственности [4]. Поэтому возникает вопрос, можно ли говорить о преобладании региональной привязанности, особенно в сибирском регионе, история которого предоставляет множество примеров формирования особой идентичности.

Исследование ставит своей целью выявить представления о патриотизме у жителей города Красноярска с помощью метода ассоциативного эксперимента. Данный метод позволяет получить большой объем качественного материала, в котором основной интерес представляет эмоциональный аспект отношения респондента к предложенному слову-стимулу.

В исследовании принимали участие респонденты трех возрастных групп: 1-я группа – 11–14 лет, 2-я группа – 17–20 лет и 3-я группа – 28–47 лет. Участникам эксперимента было предложено слово-стимул «патриотизм». Все ассоциации разделены на несколько смысловых блоков у разных возрастов.

Первый блок включает в себя понятия, характеризующие принадлежность к определенному месту, территории, идее. У первой возрастной группы в этот блок входят 15 наименований, пять из которых можно отнести к Сибири (Красноярск, Енисей, город, часовня и др.). Во второй группе 13 наименований, в которых также присутствуют ассоциации, связанные с местом проживания (Сибирь, родные края и др.). В последней группе есть ассоциации, связанные с принадлежностью к общности (братство). Родина – наиболее часто встречающееся понятие. Все слова несут положительный или нейтральный оттенок. Данная группа является самой популярной среди ассоциаций старшей возрастной группы – это говорит о том, что респонденты данного возраста испытывают чувство патриотизма только в связи с конкретным местом.

Следующий блок представляет собой совокупность различных понятий: качеств, которые могут охарактеризовать патриотизм, и чувств, которые респондент испытывает к данному явлению. Этот блок самый масштабный среди второй возрастной группы. В данном блоке встречаются слова, которые несут негативный, отрицательный оттенок.

Блок «Действия» включает в себя ассоциации, предложенные респондентами, которые характеризуют деятельность, связанную с данным явлением. У первой группы представлено множество ассоциаций, предлагающих обращение к мирной деятельности (заботиться о природе, уважать) и несущих положительную или нейтральную оценку. Во второй группе больше отрицательных моментов – респонденты определяют деятельность, связанную с патриотизмом либо как нечестную, либо в негативном военном аспекте.

«Гражданский аспект» рассматривает патриотизм в качестве политической деятельности, в него входят следующие группы ассоциаций: имена, атрибуты, процессы политической и государственной жизни. В данном случае интерес представляет тот факт, что в пер-

вой группе указывается большое количество ассоциаций, связанных с культурой и ее формами, искусством, религией. Школьники указывают гораздо больше имен, нежели студенты, у которых наиболее часто упоминаемыми ассоциациями являются исторические понятия, зачастую связанные с периодом советской власти.

Понятия, которые больше всего раздражают респондентов, включены в отдельный блок. Здесь помещены только ассоциации, несущие отрицательную оценку. Можно определить, что основная проблема патриотизма, по мнению первой группы, – это неуважение к другим культурам и ложь. Вторая возрастная группа основной проблемой предлагает навязывание. Третья группа менее категорично оценивает недостатки патриотизма и говорит о необходимости границ.

Блок, включающий в себя слова, указывающие на особенность русского патриотизма, – самый малочисленный. Школьники предлагают различные лозунги, например, «Россия, вперед!», остальные группы ограничиваются указанием национальности участников этого явления – русских – или названием страны.

«Образ-отношение» включает в себя различные слова, не относящиеся к другим группам в силу того, что они несут наибольшую эмоциональную окраску. Сюда относится большинство положительных ассоциаций, формирующих идентичность. Школьники предлагают предметные ассоциации, формирующие абстрактное изображение некой территории, по-видимому, и являющейся воплощением любимой Родины. Студенты чаще называют понятия, связанные с повседневной жизнью, но у них также присутствует некоторое количество военных образов.

Группа ассоциаций, характеризующих непосредственных участников явления, также относится к часто упоминаемым. В нее входят понятия, несущие и положительную, и отрицательную оценку. Студенты чаще всего рассматривают участников этого явления как субъектов военных действий. Поэтому блок «Милитаризм» демонстрирует основное отличие отношения к данному явлению у второй группы. Можно сделать вывод о том, что студенты в большинстве своем рассматривают патриотизм в военном аспекте. Школьники и взрослые не часто указывают данные понятия, предлагая ассоциации на деятельных участников, обращенных в мирное русло.

События, связанные с патриотизмом у всех групп, – это празднование Дня Победы, Дня города, а также парад. Основные страны и регионы, на которые предлагают ассоциации, – США, Европа (Восточная у студентов), Ближний Восток.

В заключение можно сделать вывод о том, что результаты данного эксперимента показали возможные пути формирования позитивного патриотизма среди разных возрастных групп. Школьников интересуют образы, заимствованные из искусства, истории, соответственно, патриотизм может восприниматься как «мягкая сила» культуры. Студенты указывают основным недостатком данного явления его тесную связь с военной деятельностью, не как защитой, а как нападением с целью навязывания собственной точки зрения – необходимо сформировать иное восприятие данного явления. Слова-образы, которые возникают у респондентов третьей группы, демонстрируют возможность формирования патриотизма в мирном русле – через семью и соревновательный аспект – спорт.

Помимо этого, найдены основные ключевые образы, формирующие региональную идентичность через чувство патриотизма, – это образы культуры (картины красноярских художников, городская архитектура), а также природы.

Список литературы

1. Матвиенко призвала развивать патриотизм как национальную идею России // ТАСС: Информационное агентство России. URL: <http://tass.ru/obschestvo/3801835>.
2. Путин объявил патриотизм национальной идеей // Лента.Ру. URL: <https://lenta.ru/news/2016/02/03/putin/> 15:27, 3 февраля 2016.
3. Лутовин В. И. Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления // Studia Humanitatis scholar. 2013. Вып. № 2.
4. Соловьев В. С. Патриотизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIII. СПб., 1898.

УДК 378.4:316.7

О. Г. Смолянинова¹, Ю. В. Попова²

¹Доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой информационных технологий обучения и непрерывного образования, академик РАО, директор Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета,

²Магистрант Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЕ ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕСТВО*

Миграционные процессы, социально-экономические преобразования, динамика развития современного общества в регионах России диктуют необходимость совершенствования профессиональной подготовки педагогов, становления и развития профессионализма выпускников высших учебных заведений. Поликультурная среда университета призвана привести к регулированию международных и межэтнических отношений в рамках вуза, защитить представителей национальных меньшинств от ксенофобии и агрессивности в моло-

© Смолянинова О. Г., Попова Ю. В., 2017

* При написании статьи использованы результаты эмпирического исследования проекта РГНФ №16-16-24005 «Развитие научно-образовательного комплекса Красноярского края средствами электронной платформы непрерывного образования (PL2S)».

дежной среде (факты доказываются научными социологическими исследованиями), построению конструктивного межкультурного диалога.

С конца XX века в педагогике обозначился средовой подход к образованию, к использованию потенциала среды для развития личности в процессе обучения и воспитания. Образовательная среда стала рассматриваться как педагогический феномен, как система влияний и условий формирования личности, а также возможностей для ее реализации в социальном и пространственно-предметном окружении (В. А. Ясвин), как предмет и ресурс совместной деятельности ученика – учителя (В. И. Слободчиков).

Термин «поликультурная образовательная среда» на данный момент не является устойчивым. Его часто употребляют в узком значении: как среду, в которой взаимодействуют субъекты образования, принадлежащие к различным национальностям [1]. Такая среда создает условия для развития гуманистического мировоззрения обучающихся, повышения осведомленности о других народностях, религиях и культурах, осознания ими собственной социокультурной идентичности, способствует диалогу между представителями разных этнических групп и устремляет к эффективному межнациональному взаимодействию. Особенностью реализации условий для создания поликультурной образовательной среды является формирование поликультурной компетенции обучающихся.

Образовательная среда в университете сегодня отличается этническим, конфессиональным, социально-политическим и культурным разнообразием. Поликультурная образовательная среда создается администрацией образовательного учреждения, профессорско-преподавательским составом и обучающимися, призвана удовлетворить образовательные и социокультурные потребности субъектов образовательного учреждения.

Предпринятый анализ образовательной среды Сибирского федерального университета как средства формирования этнической толерантности и социокультурной идентичности обучающихся показал, что интерес к вопросам среды актуализирован в большей степени во внеучебной деятельности. В 1-м квартале 2017 года был разработан экспресс-опросник для получения экспертного мнения представителей научного педагогического сообщества г. Красноярск и Красноярского края. В экспертной оценке поликультурной образовательной среды г. Красноярск приняли участие 63 человека – учителя школ, преподаватели средне-профессиональных образовательных организаций, представители администрации образовательных учреждений, педагоги, ученые-исследователи. Были получены следующие результаты. На вопрос «Приходилось ли Вам работать с обучающимися – представителями иных национальностей?» положительный ответ дали 100 % опрошенных. Это подтверждает тот факт, что в глобализованном мире в регионах, проводящих через себя активные миграционные потоки, не осталось монокультурных коллективов и общественных групп.

Только два профессиональных педагога высшей школы, кандидата наук из опрошенных считают, что поликультурная компетенция не формируется в вузе, потому что:

- 1) «... у нас нет поликультурной среды»;
- 2) «... скорее, это вопрос общего воспитания, а не конкретного аспекта».

Данный взгляд является исключительным при общем (97,2 %) мнении научного сообщества о том, что поликультурная среда вуза является площадкой для формирования этни-

ческой толерантности как элемента поликультурной компетенции обучающихся. Обоснования, подтверждающие данное утверждение, были приведены профессиональными педагогами:

- «... в вуз поступают люди культурные, понимают плюсы от международного сотрудничества»;
- «... среда предполагает равные возможности»;
- «... есть ресурсы у вуза»;
- «влияние соц. среды (молодежной); позиция (и ее способы в том числе проявление педагогов, подача материала в определенных темах, возможность соотнести свою позицию с позицией другого студента, участие в мероприятиях кафедр, институтов, вузов»;
- «... возможно формирование, среда итак поликультурная»;
- «... студенты вуза уже достаточно взрослые и образованные, и этническая толерантность у них уже сформировалась либо находится на завершающем этапе»;
- «... поликультурная среда вуза располагает к активной коммуникации»;
- «... студенческая среда многообразна, открыта изменениям и не отторгает их (перемены). А этническое многообразие предполагает формирование культуры взаимодействия с представителями соответствующих этносов».

Согласно результатам опроса, большая часть профессиональных педагогических работников (учителей, преподавателей, методистов учебных заведений) считает что обучающиеся обладают следующим уровнем этнической толерантности: чуть более половины опрошенных (54 %) указывают, что уровень сформированности этнической толерантности – средний, 42 % – что уровень можно считать высоким, и меньшинство педагогов (4 %) выразили мнение, что уровень сформированности этнической толерантности у обучающихся низкий (рис. 1).

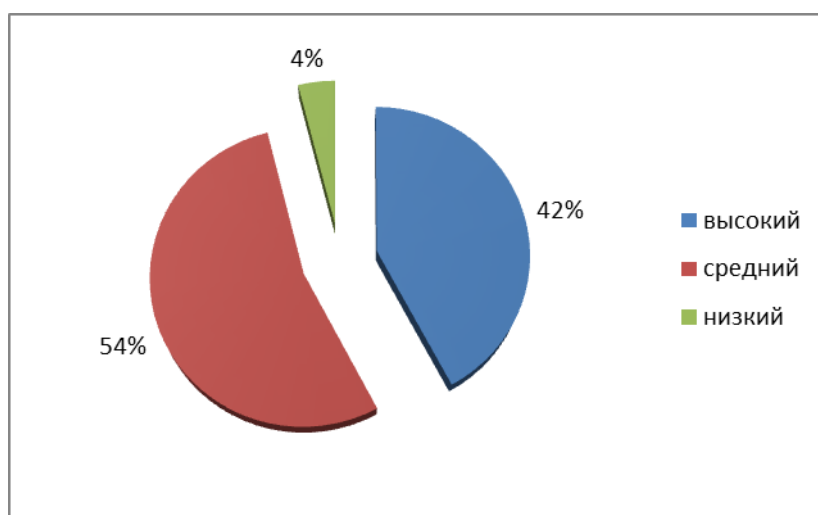

Рис. 1. Экспертная оценка уровня этнической толерантности научным сообществом г. Красноярска

Следующие мнения выразили учителя средней школы, методисты, преподаватели, научно-педагогические работники. На вопрос: «Считаете ли Вы, что толерантность – это ключевая (базовая) компетенция для современного педагога?» (рис. 2).

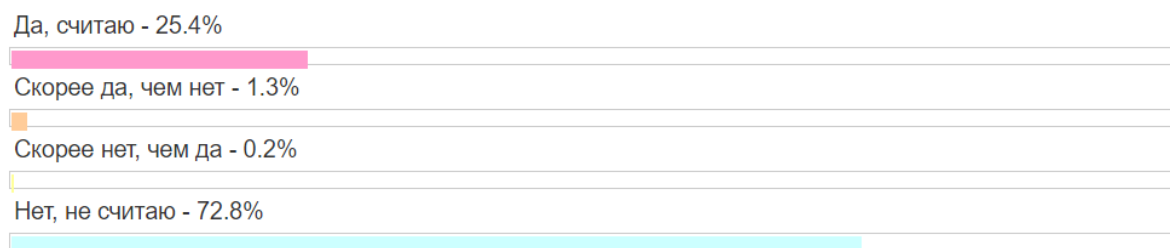
Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы, что толерантность – это ключевая (базовая) компетенция для современного педагога?»

Опрос был проведен 23 и 24 марта 2017 года в период проведения тренинга по формированию гражданской идентичности «Я – россиянин» в рамках курсов повышения квалификации СФУ. Необходимо отметить, что прямо противоположный результат ответов на аналогичный вопрос был получен ранее в ходе опроса на веб-сайте поликультурной образовательной платформы проекта ALLMEET по адресу <http://tempus-allmeet.ipps.sfu-kras.ru/index.php/ru>.

В течение 2015–2016 годов в опросе приняли участие 52 824 человека (голосование проведено на русском языке) – студенты, преподаватели, представители НКО, государственные и муниципальные служащие. Опрос был окончен в мае 2016 года.

Опрос

Считаете ли Вы, что толерантность это ключевая (базовая) компетенция для современного педагога?

Всего голосов:: 52824

Рис. 3. Результаты опроса, проведенного на сайте Межкультурной образовательной платформы СФУ

В течение двух лет, прошедших с начала опроса на сайте, в образовательной среде СФУ значительное развитие произошло в проектной научно-исследовательской и общественной

деятельности. В активную фазу перешла реализация пунктов плана мероприятий программы развития СФУ до 2021 года, таких как:

- развитие внутрироссийской и международной академической мобильности;
- получение международной аккредитации образовательных программ и интеграция в мировое образовательное пространство путем разработки и внедрения образовательных программ на английском языке, модулей магистерских программ для академического обмена, программ двойных дипломов и программы обучения русскому языку как иностранному;
- создание условий для привлечения и закрепления молодых талантливых ученых и преподавателей;
- разработка и внедрение программ адаптации иностранных студентов и научно-педагогических работников;
- формирование корпоративной культуры и новой культурно-образовательной среды.

СФУ стал активным участником в проекте «5-100», который призван повысить конкурентоспособность ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров. Реализуются выход публикационной научной деятельности СФУ на международный уровень. Осуществляются меры по привлечению студентов из ведущих иностранных университетов для обучения в российских вузах, организуются стажировки ППС и обучающихся, создаются консорциумы для открытия новых партнёрских образовательных программ с иностранными университетами и ассоциациями университетов.

В общественной деятельности стали чаще и масштабнее проводиться мероприятия с поликультурным контекстом. Активно работают Союз молодёжи СФУ, Волонтерский центр СФУ, Управление молодежной политики, Центр студенческой культуры СФУ. В межкультурной сфере реализуются (на регулярной основе) национальные конкурсы красоты и таланта, такие как «Кыргыз Периси», «Мисс Азия – Сибирь», фестивали национальных культур, конкурсы кухни и разных стран, турниры по национальным видам спорта (кубок «Манас» по мини-футболу), выставки, экскурсии, волонтерские акции. Данные мероприятия позволяют получить осведомленность о традициях и культурах разных народов, увидеть в этом многообразии и собственное место. Совместное участие усиливает чувство солидарности между представителями разных культур и способствует построению позитивного отношения и дружеских связей.

На основе анализа научных источников и практической деятельности в сфере поликультурных мероприятий на примере СФУ можно сделать вывод, что назначение поликультурной образовательной среды заключается в реализации поликультурного образования. Цель его – в обеспечении эффективного взаимодействия и превращении образовательного учреждения в открытую социально-педагогическую систему, способствующую интеграции молодого поколения в современное поликультурное общество. Важно организовать отношения между субъектами образовательного процесса таким образом, чтобы преобладающее значение придавалось сотрудничеству, совместным усилиям с опорой на компетенции субъектов, которые рассматриваются уже не как отдельные элементы, а как активные ком-

поненты системы, в которой ресурсы отдельной личности приумножаются благодаря присутствию другого. Результаты полученных исследований позволяют сделать вывод о том, что дальнейшая успешная работа в поликультурной образовательной среде университета обеспечивается такими категориями, как анализ, организация и действие.

Список литературы

1. Беловолов В. А., Султанбеков Т. И. Поликультурная образовательная среда: понятие, сущность, содержание // Педагогические науки-6. Социальная педагогика. URL: http://www.rusnauka.com/6_PNI_2014/Pedagogica/6_158291.doc.htm.
2. Постановление Правительства РФ «О мерах государственной поддержки ведущих университетов РФ в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров». URL: <http://about.sfu-kras.ru/node/9821>.
3. Практика взаимодействия Сибирского региона в сфере реализации государственной национальной политики: поликультурная образовательная платформа Сибирского федерального университета: монография / О. Г. Смолянинова и др.; отв. ред. О. Г. Смолянинова. Красноярск: Гротеск, 2016. 236 с.
4. Слободчиков В. И. О понятии образовательной среды в концепции развивающего образования. М., 2000. 230 с.
5. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М., 2001. 365 с.

СЕКЦИЯ 3

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОЦЕССАХ АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ И ИХ ИНТЕГРАЦИИ В ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО

УДК 331.556:364-785.14

Н. В. Мещеряков

Сибирский федеральный университет

НКО КАК ИНСТРУМЕНТ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ

За 2015 год в Россию прибыло 536,3 тысячи человек из разных стран. Адаптация и интеграция мигрантов остается большой проблемой для нашей страны. Процесс приспособления приезжих к новым условиям жизни составляет важный компонент миграционной политики в целом. Ведь для России миграционный труд очень важен, поскольку за последние 5 лет количество мигрантов резко возросло.

Государству необходимо понимать, что помимо обеспечения охраны прав, нужно способствовать комфортному привыканию данной категории граждан к российскому социуму. На сегодняшний момент основными механизмами реализации государственной миграционной политики Российской Федерации являются:

- совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере миграции с учетом норм международного права;
- развитие международного сотрудничества Российской Федерации в сфере миграции, гармонизация миграционного законодательства Российской Федерации и унификация статистического учета в этой сфере в рамках межгосударственных объединений;
- включение задач и мероприятий по реализации государственной миграционной политики Российской Федерации в государственные, федеральные и региональные программы;
- совершенствование системы взаимодействия между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и институтами гражданского общества в сфере миграции;
- постоянный мониторинг и анализ происходящих на территории Российской Федерации миграционных процессов;
- развитие научных исследований в сфере миграции.

Но для того чтобы оптимизировать отношения мигрантов с новой окружающей средой, государству необходимо подключать гражданское общество.

Некоммерческие организации (НКО) призваны интегрировать процессы миграции с внешним окружением. НКО вполне способны выполнять конкретные адаптационные программы для мигрантов, как по запросу государства, так и по своей инициативе. Несомненно, есть определенные проблемы функционирования НКО как социального института адаптации мигрантов. Ведь экономическое положение российских НКО пока остается неустой-

чивым, поскольку значительная их часть испытывает сегодня серьезные финансовые трудности, не говоря уже о том, что некоторыми движет чисто финансовый мотив: «дайте нам денег, а мы поможем». Но главная проблема такова, что в этих организациях очень мало специалистов, которые могли бы работать с мигрантами. Хотя они и не являются основополагающей. И поэтому нужно дать возможность НКО работать с мигрантами. К счастью, за последнее время отмечается увеличение коммуникативной активности НКО с государством.

Для обеспечения продуктивной работы НКО и получения положительных результатов по адаптации мигрантов предлагается ряд мер, стимулирующих общественные организации:

- обеспечение простоты регистрации и ведения деятельности для НКО касаясь процессов миграции;
- поддержка в сфере финансирования со стороны государства;
- налаживание конструктивной связи между НКО и государством;
- обеспечение дополнительного освещения деятельности НКО в СМИ;
- создание единой среды для НКО, работающих в сфере миграции.

Правильно организованная связь государства с третьим сектором поможет стране решить ряд актуальных проблем и развиваться как демократическое государство с сильным гражданским сектором.

УДК 331.556:738

М. Г. Смолина¹, М. В. Морозова²

¹ Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета;

² Магистрант второго года обучения кафедры культурологии Гуманитарного института Сибирского федерального университета

ВНУТРЕННЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СРЕДЕ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СИБИРСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОЙ ШКОЛЫ КЕРАМИКИ)

Согласно статистике ООН, около миллиарда человек сегодня находятся в состоянии миграции. Из них только 300 тысяч – международные мигранты, остальные же мигранты – внутренние, те, кто ищет работу в индустриальных центрах, или же те, кто переезжает из села в город. Диспропорции рынка труда – один из важнейших факторов для миграции, утверждают ученые. В одном регионе – переизбыток, а в другом – недостаток квалифицированных кадров [2].

Под внутренней трудовой миграцией понимается переезд в другой регион внутри страны с целью получить временную (на первых порах) работу [1]. Исследователи расходятся в вопросе, считать ли внутренней трудовой миграцией переезд на постоянное место жительства, если основной мотив – это поиски работы. Некоторые из них полагают, что внутренней миграцией следует называть только случай с временной работой при постоянном возвращении к месту жительства. Сегодня преобладают индивидуальные стратегии, которые имеют общие тенденции. Так, можно считать, что внутренняя трудовая миграция часто влечет за собой смену постоянного места жительства, и скитания от прежнего места жизни к новому месту работы постепенно угасают при обретении твердой почвы под ногами.

Российская керамика в ее разнообразии школ исследовалась учеными-искусствоведами [12; 15; 16]. Красноярская школа керамики была изучена авторами В. Малолетковым [11], Т. Ломановой [10], М. В. Москалюк [14], Е. Краснова [8], М. Ивлиева [3]; анализ творчества отдельных красноярских керамистов произвел коллектив исследователей СФУ [4; 5; 13; 17–19].

Концептуальными основами работы являются труды Н. П. Копцевой и К. В. Резниковой [5], посвященные различным аспектам сибирской идентичности.

Главной проблемой служит вопрос о влиянии или невлиянии миграционного фактора на сложение самобытного творческого объединения красноярской школы керамики. Объектом исследования при данном предмете становятся миграционные процессы.

Методы, используемые в исследовании, – это анкетирование, обобщение анкетных данных, анализ художественных репрезентантов, а также аналогии сложения художественных школ в истории искусства.

Обстоятельства советского и постсоветского времени служат факторами, детерминировавшими возникновение данной школы в этот период. В советское время организовано решалась проблема равномерного обеспечения кадрами частей огромной страны. Была практика, когда молодых специалистов трудоустривали по распределению. Именно благодаря этому в городе Красноярске появился первый представитель красноярской школы керамики – Алесь Яковлевич Мигас, художник родом из Белоруссии. Далее последовало стечение в КГХИ ряда художников из художественных училищ близлежащих сибирских регионов: Кемерово, Кызыл, Чита. В этом поколении керамистов был известный ныне художник, выпускник кемеровского училища, Иван Николаевич Кротов. Выбор Красноярска как места для обучения керамике, разумеется, часто обусловлен экономическим фактором: у абитуриентов из поселков нет финансовой возможности обучаться дальше Красноярского государственного художественного института, иначе они бы предпочли вузы Санкт-Петербурга или Москвы.

На рис. 1 показано процентное соотношение по месту рождения основного ядра представителей красноярской керамической школы. Из этого можно сделать вывод, что больше половины из них – местного происхождения, то есть рожденные в пространстве Восточной Сибири, остальные же были рождены большей частью в Западной Сибири, единицы рожденных на Дальнем Востоке Сибири, а также родом из европейской части России и бывшего СССР.

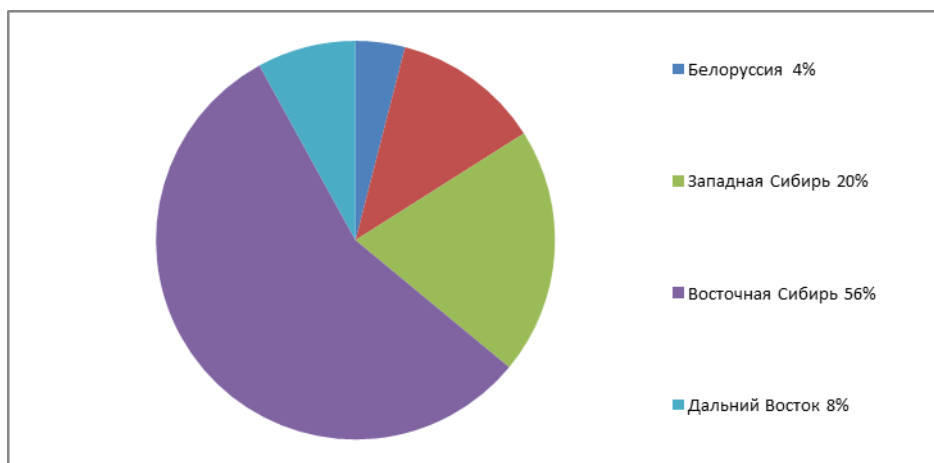

Рис. 1. Места рождения известных красноярских керамистов (Белоруссия, Европейская часть России, Восточная Сибирь; Дальний Восток; Западная Сибирь)

Что касается периода 1990–2000 годов, нельзя не вспомнить известный процесс «утечки мозгов» за рубеж. Научная и интеллектуальная элита России усиленно исчезала из страны в 1990-е годы. Однако, исходя из специфики креативных профессий, можно сделать предположение, что художник мобилен, он находится в поиске и останавливается подолгу там, где есть большая свобода мышления и самовыражения.

В 1990-е годы некоторые молодые художники Красноярска покинули город в поисках других возможностей. Согласно проведенному опросу из Красноярска уехали не менее 7 состоявшихся, приобретших известность керамистов, что составляет менее четверти от основного ядра школы.

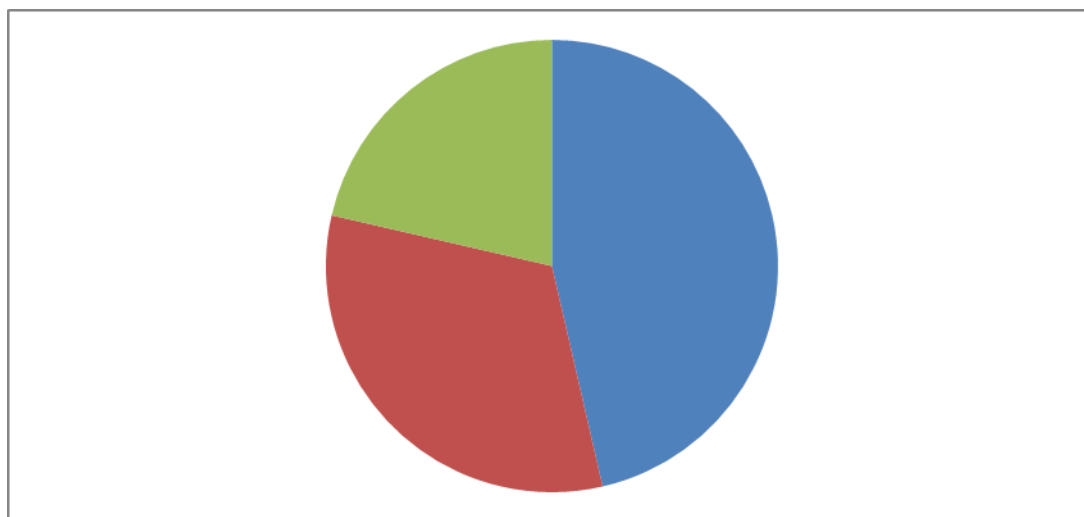

Рис. 2. Визуализация состояния внутренней трудовой миграции в среде керамистов Красноярска на конец XX– начало XXI века (синее – урожденные красноярцы, работающие в этом же городе; красное – приехавшие в Красноярск для учебы и работы из других населенных пунктов; зеленое – керамисты, покинувшие город)

Те представители школы, которые жили и работали в Красноярске, даже если они прибыли из других частей России, сформировали некую общность именно в связи с глубокой

пропитанностью духом этой земли, ее историей, своеобразием и степенью свободы от канонов центральных керамических школ. Многие из них, проучившись в Красноярске, уезжали не так далеко, оставаясь в пределах Сибири, и основывали свои студии и центры в сибирских городах и поселениях.

Однако новые поколения художников-керамистов (рожденных в 1970–1980 годах) состоят в основном из местных жителей, которые никуда не собираются мигрировать в поисках более интересных работ, они довольны атмосферой и работой, которая у них есть. Вероятно, потому что сложилась школа как объединение единомышленников, возникло понятие «свое». Здесь нет еще тех производственных масштабов, какие есть на территории Европы. Поэтому в ходу теплые дружественные связи, которые постепенно могут перерасти в общие бизнес-стратегии, создание новых креативных индустрий.

У художников, так же как и у представителей других профессий, одной из причин миграции может быть учеба, работа, благоустройство города, но возможны и некоторые специфически профессиональные, эстетические причины (красота природы, уровень культуры, доступность художественного материала, оборудованность мастерских, наличие благодарного зрителя). Поэтому при проведении анкетирования авторы стремились отсеять эти специфические причины. Были опрошены 20 представителей красноярской школы керамики. Целью анкетирования является выявление роли миграций для сложения своеобразного красноярского регионального качества керамики, в чем именно благотворность воздействия перенесенных ими культурных традиций, как долго художнику после переезда требовалось пропитаться духом красноярской культуры, чтобы стать ее представителем? По каким причинам дух земли не отпускает от себя красноярских керамистов, которые были рождены здесь, в Красноярском крае, и почему они не уехали в другие регионы, были ли соблазны, каким образом они были преодолены?

Причины, которые заставляют мигрировать население, очень просты – это высокие заработки и самореализация. Однако опыт красноярской школы керамики показывает, что процент творцов, выехавших из Красноярска невысок. Возможности творческой самореализации – это доступность материалов, выставочной деятельности, организация ярмарок и торговых точек, источники вдохновения и большая свобода от диктатов производства.

Географическое расположение и отсутствие в городе центров производства керамических изделий определило самобытный характер красноярской школы. Художники обрели некую свободу и размах для творческих поисков.

Найдем несколько примеров из истории искусства, для того чтобы оценить, насколько это типичный случай в культуре. Например, в истории восточной культуры, отличающейся большей традиционностью, мы встречаем ситуацию прихода новых художественных сил (мастеров) в отдельные центры и, соответственно, большую роль миграции как населения, так и культурных традиций, и художественных образов. Например, в Индии в I веке до н. э. появилась гандхарская школа скульптуры. Ее своеобразием были новые, эллинистические формы в изображении Будды. Большую роль сыграло своеобразие расположения этой местности – Гандхара находится на Северо-Западе Индии, где за сто лет до этого обитали завоеватели греко-бактрийского и парфянского происхождения. И только в 140–130 годы до н. э.

эллинистические государства были разгромлены тюрками-шаками, выходцами из Средней Азии, которые стали новыми управленцами этой территории. Тем не менее художественные традиции эллинизма были закреплены и проявились в этой школе, смешавшись с азиатскими. В сущности, Гандхара всегда была местом усиленной миграции, именно через Северо-Запад Индии входили, словно через ворота, новые захватчики территории. Именно встреча двух начал в данном случае породила нечто своеобразное спустя столетие.

Экстраполировав опыт древней истории на ситуацию с красноярской керамикой, мы можем предположить, что Сибирь является той территорией, на которой встретились архаические силы древней культуры коренных народов Сибири и русско-славянские традиции. Завоевание Сибири русскими произошло в XVII веке, в течение многих столетий русские являлись для коренных народов агентами европейской культуры, «высшей» культурной жизни. Осознание своеобразия и прелести примитивизма, древней сибирской архаики было новым ощущением в рамках модернистских направлений европейской истории искусства, например, к этому склонен «неопримитивизм». Этот стиль присутствует в художественном творчестве некоторых сибиряков второй половины XX века – в творчестве археолога и живописца Владимира Феофановича Капелько он представлен ярко. Однако искусство керамики было прекрасной почвой для восприятия архаики, так как качество материала глины – очень сообразно архаическому мышлению, в котором творчество было в синтезе с прикладной жизненной сферой. Большую роль играет расположение, как в случае с Гандхарой. Но Гандхара была на территории, где миграционный поток населения был сильнее. Вероятно, в течение столетия здесь произошла смена доминирующего элемента этнокультурного состава. Сибирь, согласно данным социологов, также активно меняется на данный момент, в центры приезжают из соседних регионов, республик, провинций. Представители русской элиты мигрируют на запад и за рубеж. И этнокультурный состав сибирского региона достаточно мозаичный. Поэтому данная ситуация показывает замечательные условия для развития здесь нового синтетического культурного целого, при условии, что миграция будет не спонтанным явлением, а целенаправленной стратегией, влияющей на повышение качества художественных кадров. В случае со скульптурными школами Древней Индии стоит заметить, что эти школы стали возможны благодаря покровительству правителей, которые к тому же были толерантны как в вопросах вероисповедания, так и в вопросах национальной идентичности.

Возьмем пример из европейского искусства, связанный с региональными школами живописи Италии в эпоху Возрождения. Если флорентийская школа живописцев Ренессанса славилась своим превосходным рисунком и линиями, то венецианцы почему-то предпочитали цветовые пятна и совершенствовались именно в колорите. Вероятно, одна из причин этого кроется в особенностях истории Венеции, которая дольше других областей Италии оставалась связанной с Византией, восточной культурой христианства. В Средние века, как и в Византию, в Венецию также вторгались арабы-мусульмане. «Восточность» венецианского искусства проявилась и в эпоху Возрождения (ткани, книги, архитектура того времени несет на себе отпечаток оживленных экономических и художественных отношений с мусульманами). Флоренция в Италии, расположенная на западной части страны, ранее

постигла свет разума Ренессанса, Венеция же все видела картины более смутно, эмоционально, спонтанно и поэтому интуитивно выбирала колористический подход к живописанию. Венецианская школа – это великая итальянская живопись эпохи Возрождения, породившая таких знаменитых мастеров, как Тициан и Тинторетто.

Этот исторический пример показателен, так как в Сибири также наблюдается встреча западного и восточного. И для нее совершенно естественным ходом является необходимость создавать новокачественную стилистику, в которой есть что-то от западных школ и что-то от местного архаического начала, которое можно идентифицировать скорее как восточное, так как этнические характеристики многих коренных народов и их историко-культурные связи с восточным миром очевидны.

Для работы художники и по сей день выбирают именно шамотную массу. Шамот – это материал для художника, ничем не ограниченного в поисках, наиболее подходящее решение в работе с пространством, в которое будет вписано произведение. Следует иметь в виду возможность именно в шамотных массах решать сразу несколько задач: это и точно найденный масштаб, и лаконизм пластики, особая цветовая проработка и стремление к наиболее точному выражению замысла, раскрытию темы. Ведь где как не в шамоте можно показать всю силу и мощь материала, раскрыть его пластические и колористические возможности. Эта разновидность керамических изделий является наиболее «сибирским» явлением в красноярской керамике, о чем неоднократно писали исследователи российского декоративно-прикладного искусства [11].

Мастера красноярской школы особый акцент делают на новое прочтение корневых, мифологических и знаковых первооснов искусства далеких предков, бережное отношение к традициям народного орнамента, соединение керамики с другими материалами. Важным и объединяющим качеством является стремление керамистов к художественно-философским обобщениям.

Декоративные композиции красноярских керамистов, разные по тематике, формообразованию, использованию материалов и колористическим решениям, обладают общими качествами и особенностями: образной цельностью, лаконизмом пластики, цветовой сдержанностью, точно найденным масштабом (Малолетков, 2006).

У А. Мигаса (рис. 3), С. Анфуриева (рис. 4), И. Кротова (рис. 5), С. Гинтер (рис. 6) есть общие свойства произведений – это монументальность и обобщенность их работ. У каждого из них своя авторская интерпретация сибирских архаических форм. Сибирское представлено обобщенно, без акцента на какой-то конкретной этнической культуре. На рис. 3 представлена декоративная композиция, лейтмотивом которой являются метаморфозы, превращения, трансформации, естественные формы. Элементы множатся, сливаются друг с другом, усложняются и снова разветвляются, пребывая в непрекращающемся движении. В композиции «Маленькие воины» (рис. 4) нашел отражение духовный мир древних народов Сибири. Органично вписанная в окружающую среду, она сливается с травами и деревьями. Через знаки, образы и символы художник говорит о том, что понятно каждому из нас, о вечных законах мироздания.

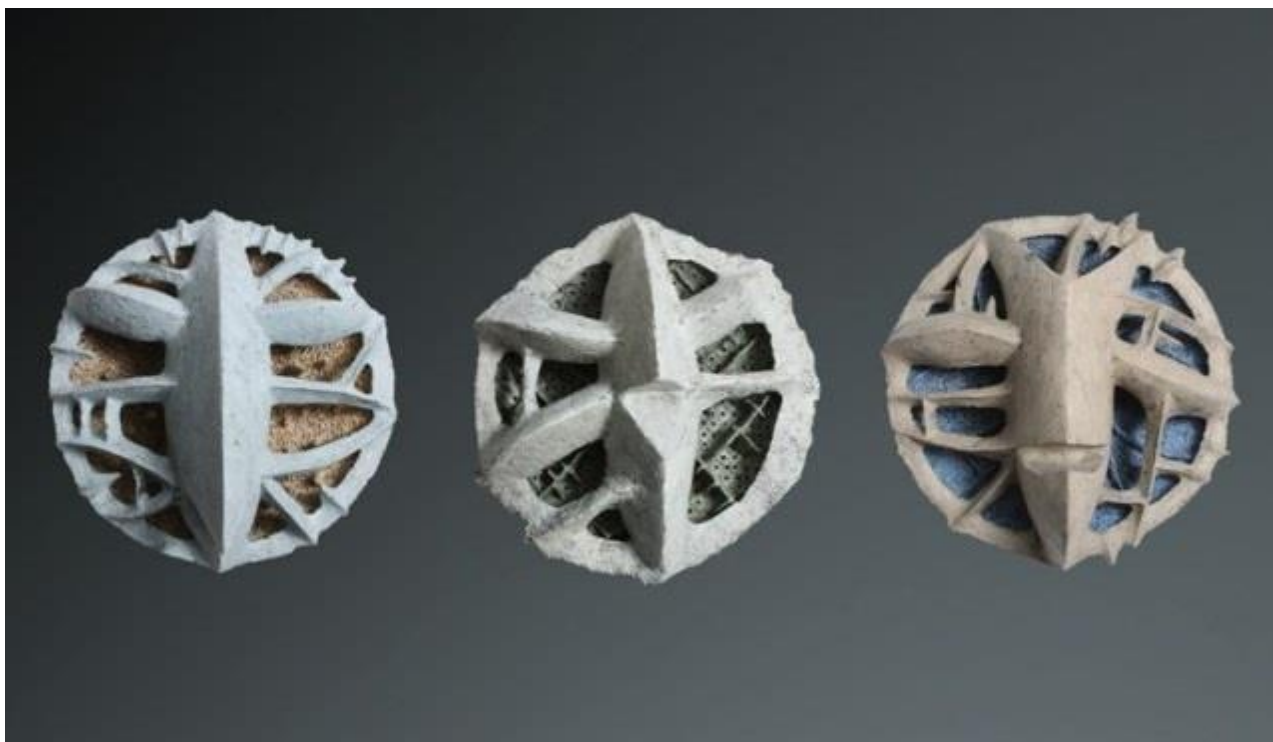

Рис. 3. А. Я. Мигас. Хбитусы. 2011 год. Декоративные пласти. Шамот, ангобы, смешанная техника

Рис. 4. С. Е. Ануфриев. Маленькие воины. 1995 год. Декоративная композиция. Глина, соли, окислы

Рис. 5. И. Н. Кротов. Дети молний. 2004 год. Декоративные пласти. Шамот, металл, цветные массы, оксиды

Рис. 6. С. М. Гинтер. Воспоминание. 2011 год. Декоративная форма. Шамот, глазурь, обжиг раку

Современное прочтение образов древнего мира представлено в композиции «Духи большой реки» (рис. 5). Маска, личина идола как нечто сакральное. Символы складываются в целостный художественный образ. В современной декоративной форме нашли отражение образы славянских мифов и древнерусской культуры (рис. 6). Здесь мастерски воплощена тема становления мира, непрерывающегося процесса движения жизни и одновременного равновесия.

В работах Н. Семеновой, М. Ленченко (рис. 7), А. Горелова прослеживается обращение к образам древней мифологии сибирских народов. Картина мира древних людей, по-своему увиденная и переведенная мастерами в пластический язык художественной керамики, проявляется не просто как творческий полет фантазии автора, но как поиски нового прочтения

традиций коренных народов Сибири, Хакасии. Выразительность композиции в данном случае достигается за счет тонкой стилизации и точно найденной формы. Через простые бытовые сцены жителей древней Сибири раскрывается монументальность и внутренняя сила персонажей.

Рис. 7. М. В. Ленченко. 1. Воды... Пить... 2006 год. Декоративная пластика. Шамот, соли, эмали.
2. Собирательница кизяка. 2006 год. Декоративная пластика. Шамот, соли, эмали, дерево

Образы скульптуры и живописи воплощают в своих произведениях такие, как И. Малогулко, Ю. Юшкова, Е. Краснова (рис. 9). Их работы отличает чистота формы, игра пластических объемов, сдержанность, лаконичность, точно найденные колористические решения и в то же время глубокое философское осмысление бытия и реалий сегодняшнего дня. Тема межличностных отношений, человеческая сущность и эмоции раскрываются через образы животного мира. Цельная, монолитная композиция Юлии Юшковой полна легкости и грациозности (рис. 8).

Рис. 8. Ю. Ю. Юшкова. Лев и дева. 2009 год. Декоративная пластика. Шамот, глазури, флюсы

Рис. 9. Е. А. Краснова. Люди и вещи. 2013–2014 годы. Декоративная пластика. Шамот, глазури, флюсные ангобы, эмаль, надглазурная роспись

В работе Е. Красновой (рис. 9) представлен мир людей со всеми его причудами, радостями и сложностями. Здесь нашли отражение проблемы и вопросы современного мира. С помощью минимального количества выразительных средств достигается глубина содержания. Обращение к более декоративным фантазийным и анималистическим образам прослеживается в работах О. Рябовол (рис. 10) и С. Шинкаренко (рис. 11). Каждая из работ художниц – это композиции-размышления, сложные по замыслу, наполненные символами и аллегориями. При всей простоте и лаконичности композиции (рис. 10) глубокая и многогранная содержательная сторона: первооснова мироздания.

Рис. 10. О. В. Рябовол. Рыба-кит. 2001 год. Декоративная пластика. Шамот, соли, глазури

Рис. 11. С. Э. Шинкаренко. Птицы-дивы. 2009 год. Декоративная пластика. Глина, потечные глазури

«Птицы-дивы» (рис. 11) олицетворяют женское начало во всей полноте и многогранности. Ясный и цельный художественный образ, но в то же время присутствует двойственность прочтения за счет совмещения декоративного и утилитарного характера композиции. Ирина Окрух, Елена Краснова, Светлана Гинтер, Иван Кротов, Алесь Мигас, Юлия Юшкова, Светлана Шинкаренко, Ирина Малогулко, Инесса Соловьева, Анастасия и Ирина Лычагины, Марина Ленченко, Александр Горелов, Сергей Ануфриев, Тамара Криво, Наталья Самсонова, Ольга Рябовол, Наталья Семенова – эти и некоторые другие художники представляют в данный момент значительную группу мастеров красноярской керамики.

В настоящее время красноярская керамика занимает важное место в развитии искусства России. Несмотря на то, что основной состав красноярской школы керамики представлен мастерами первых выпусков КГХИ, в один ряд с ними сегодня становятся многие молодые керамисты.

Выводы

В соответствии с проведенным опросом керамистов красноярской школы керамики (13 основных представителей) можно сделать выводы о том, что внутренняя трудовая миграция, прежде всего, связана именно с регионами Сибири, поэтому красноярская школа становится источником распространения керамических технологий в Сибири. Отдельные представители красноярской школы керамики переезжают жить в другие сибирские города, распространяя традиции и, таким образом, единый стиль керамики, идентифицирующийся с Сибирью. Внутренняя трудовая миграция играет существенную роль в экспансии данного стиля.

Разнообразие художественных произведений красноярских керамистов представлено довольно широко – свободная пластика, ярко проявившая себя в шамотных монументальных формах, камерные образы малой пластики, лирическая поэтика и философская метафизика.

Главной целью художников сегодня является поиск собственного пути, своей темы, почерка, адекватного самовыражения в искусстве. Некоторые художники обращаются к прочтению памятников древнего искусства Сибири в меньшей степени, но полностью уйти от этой темы здесь, в Сибири, практически невозможно.

Производственный масштаб керамического искусства отсутствует в Сибири, поэтому красноярская керамическая школа становится центром, связанным с уникальным созданием авторских произведений искусства, здесь господствуют исключительно индивидуальные стратегии творчества и, тем не менее, присутствует общее духовное начало, которое объединяет творения художников и позволяет видеть в них причастность к единой школе.

Список литературы

1. Андреева А. А. Определение понятий «внешняя трудовая миграция» и «внутренняя трудовая миграция» в рамках социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 18–20.
2. Вендина О. И. Социальная роль миграции. 2014. URL: <https://postnauka.ru/video/24270>.

3. Ивлиева М. В. Декоративно-прикладное искусство Красноярского края. Искусство Сибири. Традиции и преемственность: сб. материалов науч.-практ. конф., посвященной 75-летию образования Красноярского края. 2009.
4. Кистова А. В., Кушнарева А. В. Творческий метод Натальи Семеновой в русле Красноярской керамической школы // Современные проблемы науки и образования. 2003. № 2. URL: www.science-education.ru/108-8734
5. Копцева Н. П., Резникова К. В. Выбор методологических оснований для современных культурных исследований // Журн. Сиб. федер. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». 2009. № 4 (2). С. 491–506.
6. Копцева Н. П., Саймова В. С. Своеобразие творческого метода Светланы Шинкаренко. Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. URL: www.science-education.ru/ru/article/view?id=8620.
7. Копцева Н. П., Бахова Н. А. Система культуры Красноярского края: основные субъекты и культурные ценности // Журн. Сиб. федер. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Т. 3, № 1. С. 344–381.
8. Краснова Е. А. Особенности монументально-декоративной керамики КГХИ (1983–2007 гг.) Современные тенденции и проблемы развития художественного образования России: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. 2008. С. 107–109.
9. Ломанова Т. М. Декоративно-прикладное искусство Красноярского края. Мир, преображенный руками мастеров. Красноярск: Поликор, 2015. 320 с.
10. Ломанова, Т. М. Образы древней Сибири в керамике Красноярска // Наскальное искусство в современном обществе: сб. материалов междунар. науч. конф. 2011.
11. Малолетков В. А. Основные этапы развития российской Декоративной керамики последней трети XX века: дис. ... кандидата искусствоведения; Моск. гос. худ.-пром. ун-т им. С. Г. Строганова. М., 2006.
12. Малолетков В. А. Три школы в декоративной керамике России 70–90-х годов XX века. Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: сб. науч. тр. 2004. Вып. 3. МГХПА им. Г. С. Строганова.
13. Миркес М. М., Григорьева Т. Ю. Творчество Алеся Мигаса в русле российских керамических традиций (Красноярская школа керамики). Современные проблемы науки и образования. 2013. №2. URL: www.science-education.ru/ru/article/view?id=8735/
14. Москалюк М. В. Все, что в сердце. Художники Красноярья вчера, сегодня, завтра. Красноярск: Поликор, 2010. 288 с.
15. Мусина Р. Р. Традиционная отечественная керамика. Особенности развития, Художественное своеобразие (вторая половина XIX века – 1980-е годы): автореф. дис. ... д-ра искусствоведения; Моск. гос. худ.-пром. академия им. С. Г. Строганова. М., 2013.
16. Николаев В. Ю. Культурные коды русской керамики рубежа XX–XXI веков // Вестн. МГУКИ, 2015. № 2 (64).
17. Пименова Н. Н., Сергиенкова Н. М. Особенности творчества Юлии Юшковой как представителя красноярской школы керамики. Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. URL: www.science-education.ru/ru/article/view?id=8737.

18. Семенова А. А., Герасимова А. А. Особенности творческого метода Сергея Ануфриева. Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. URL: www.science-education.ru/ru/article/view?id=8768/.

19. Смолина М. Г., Сошенко М. В. Особенности творчества Ольги Рябовол в российской керамической традиции. Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. URL: www.science-education.ru/ru/article/view?id=8619.

УДК 316.4.063.3:7.011

М. В. Тарасова¹, А. Кочерова²

¹*Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета*

²*Кафедра культурологии, Сибирский федеральный университет*

ИНТЕГРАЦИЯ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО: ВНЕДРЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КУРСА «МИРОВАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА» КАК МЕТОД СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

Процессы глобализации в современном мире стимулируют разные виды миграции, увеличивают вариативность форм взаимодействия культур. Но при этом не менее сильна тенденция регионализации, вызванная потребностью ощущения определенной идентичности. И в миграционном дискурсе регионализация является формой реакции на пространственное перемещение мигрантов. то есть происходит идентификация себя с более мелкими социальными структурами, чем национальные государства.

Тенденция, ведущая к глобализации культур, проявляет себя благодаря диалогу культур. Это явление в его соотношении с конструированием идентичности изучается в Сибирском регионе на примере местных миграционных процессов и процессов интеграции. Например, Н. П. Копцевой и Н. А. Баховой в статье «Система культуры Красноярского края: основные субъекты и культурные ценности» [40] обозначено существование некоего «ядра» общечеловеческой культуры, которое постоянно обновляется благодаря указанным выше процессам. Состоит оно из обобщений исторического, культурного и религиозного опыта различных народов.

Население Сибири тоже подвержено этим двум тенденциям (стремление влиться в мировое сообщество и региональное обособление «сибиряков»), но при этом наш регион является местом постоянно курсирующих миграционных потоков.

И в рамках изучения данного явления был оценен уровень толерантности региона в ходе исследования Н. П. Копцевой «Анализ процессов аккультурации в малых городах субъектов Российской Федерации на примере Красноярского края» в 2014 году. Обозначен он как

высокий, и выявлено «настроение для дальнейшего взаимодействия с иными этносами как положительно настроенное». Кроме того, было отмечено, что общество нашего региона в целом готово к стратегии интеграции. Однако «не хватает внешних факторов (в виде господствующей идеологии мультикультурализма), чтобы стратегия интеграции стала бы господствующей» [39].

Немного другие основания для интегрирующих процессов в социокультурном пространстве выделяет Ю. С. Замараева. В статье «Актуальность исследования отношения мигранта и принимающей среды в контексте современной философии культуры» сама сущность миграции рассматривается как процесс отношения культур, в течение которого могут проявиться прежние и появиться новые культурные ценности.

В любом случае диалог культур рассматривается в качестве позитивного процесса для обогащения любой культуры. И важно, что «ни одна из культур в этом диалоге не может претендовать на право исключительного голоса или единственно верного мирозерцания» [40].

На этом основана и сравнительная культурология Е. П. Борзовой. Оформленная в виде учебного пособия в двух томах книга «Сравнительная культурология» 2013 года в полной мере может служить описанием современного российского подхода к кросс-культурным исследованиям [32].

Другие авторитеты-представители кросс-культурного подхода это Дж. Уитинг, Р. и Ле Вин. Их подход может быть рассмотрен в рамках школы «Культура и личность», и сосредоточены они, в основном, на особенностях культурной идентификации личности [42].

Современные западные авторы, изучающие межкультурное взаимодействие на основе явления миграционных процессов, уделяют большое внимание взаимодействию мигрантов и учителей принимающего общества, дающих первым образование. Например, в США в целом межкультурный опыт обозначается важнейшим ресурсом для формирования системы образования. Причем в монографии Нью-йорских авторов S. Marginson и E. Sawir «Ideas for intercultural education» (2011) международное образование предлагается конструировать на основе культурного опыта и принимающего общества, и его «гостей» («visitors») [18].

Другие авторы, а именно M. V. Chapman, W. J. Hall, R. Colby, L. A. G. Sisler, разрабатывают уже рекомендации к структурированию такого образовательного процесса. И считают эффективным в данном случае задействовать визуальное мышление. Статья «How images work: An analysis of a visual intervention used to facilitate a difficult conversation and promote understanding» посвящена способам организации межкультурного взаимодействия в рамках образовательного процесса [6].

Такой подход близок и концепции данной статьи, в которой предлагается проблему аккультурации мигрантов решать с помощью инструментария, основанного на изобразительном искусстве и общности в принципах визуального мышления в любой культуре.

Интеграция, основанная на этих принципах, не нарушает национальной идентичности, но является созданием эффективного пространства для формирования общекультурного «ядра». Понятие «пространство» в рамках образовательного дискурса рассмотрено С. В. Костылевым и Н. П. Копцевой в статье «Применение методов и технологий арт-менеджмента в социокультурном образовательном пространстве Красноярского края». В данной работе

делается акцент на таких составляющих культурного пространства, как смысловые и символические, которые «играют роль ориентира в ценностных предпочтениях, мотивируют поведение людей» [43]. Для данной статьи культурные смыслы и символы, как некий ориентир и идеал, это одно из оснований для формирования инструментария.

Другое основание – это образовательный потенциал художественной культуры, который может быть основой формирования толерантности (например, доклад Н. П. Копцевой «Идеалообразование в процессе художественного образования как процесс формирования толерантного мышления» [38] и Н. П. Копцевой, Н. Н. Неволько, К. В. Резниковой «Формирование этнической культурной идентичности в современной России с помощью произведений национального искусства (на примере эвенкийского эпоса и декоративно-прикладного искусства)» [41]), или основой для любой коммуникации внутри культурного пространства – монографии М. В. Тарасовой и В. И. Жуковского «Коммуникативные основы художественной культуры» [53], М. В. Тарасовой «Культура и образование: принципы взаимодействия» [52].

Цель исследования состоит в выявлении в художественной культуре основания для успешной интеграции людей из разных общностей вне зависимости от их этнического состава и национальных особенностей.

Первоначальная гипотеза, давшая старт данному исследованию, была сформулирована следующим образом: художественная культура является такой сферой человеческой деятельности, которая имеет схожие основания творчества для любой национальности, хотя и находит резко отличающиеся формы выражения. Поэтому язык искусства имеет интегрирующий потенциал и может служить эффективным инструментом культурной адаптации мигрантов.

На пути достижения цели исследования были поставлены и решены следующие задачи: выявление проблемы в социокультурной адаптации мигрантов в Сибири; анализ выбранной для Сибирского региона стратегии адаптации мигрантов; выявление наличия/отсутствия связи между факторами, формирующими ментальность, и культурными основаниями для искусства; выявление интегрирующего потенциала языка искусства; составление структуры курса «Мировая художественная культура» для Сибирского региона.

Концептологические основания исследования

Концепция, обозначающая культуру в качестве пространства для идеалообразования – это синтетическая теория идеального Д. В. Пивоварова [27]. На ее основе создана концепция взаимодействия культуры и образования. В ней художественная культура обозначается ключевым фактором развития культуры в целом. Она разработана в Сибирском федеральном университете такими авторами, как В. И. Жуковский, Н. П. Копцева и М. В. Тарасова. В. И. Жуковский обозначает роль изобразительного искусства в культуре преимущественно в качестве посредника в культурном пространстве, пронизанном двумя тенденциями – эманации и иманации [27; 33; 34]. Н. П. Копцева изучает возможности влияния изобразительного искусства на формирование культурной идентичности в совокупности с толерантным мышлением [38; 42]. М. В. Тарасова описывает возможности художественной культуры

по отношению к образованию мировоззрения в целом и изучает единство особенностей визуального мышления у представителей разных культур, которое может быть активизировано и использовано в процессе образования [52–54].

Диалог культур по В. С. Библеру [28] предполагает некий коридор между взаимодействующими культурами, не принадлежащий ни одной из них. В этом смысле понятие означает выход культуры за пределы самой себя и тем самым возвращение к началу любой культуры.

Визуальное мышление, по концепции В. И. Жуковского и Д. В. Пивоварова, имеет синтетический характер, благодаря связи с абстрактно-вербальным мышлением. Однако онтологическая функция присуща только визуальной стороне мысли. Визуальное мышление наделяет продукты вербального мышления экзистенциальными свойствами [34]. В данном случае важно понятие образов, которые должны обладать наглядностью. Ведь визуальное мышление – это оперирование иконическими знаками и символами, что реализуется благодаря рационально-чувственной природе наглядных образов.

Методологическую основу исследования составляет диалектическая теория Г. В. Ф. Гегеля. Принципы данной теории проявляются в диалектическом отражении противоположно заряженных идеалов в системе культуры и социума и объясняют появление нового идеолообразующего качества в целостном развитии социально-культурных процессов.

На основе изучения имеющихся данных в исследованиях региона и теоретических оснований в целом можно утверждать, что современные условия Сибири являются достаточными для формирования общекультурного пространства на основе какого-либо ненационального признака. В данном случае этот признак избран на основе выявленной в регионе проблемы. Она заключается в том, что при необходимости социокультурной адаптации мигрантов и общего позитивного настроения к взаимодействию со стороны принимающего общества адаптация осуществляется только частично, а именно проводится социальная адаптация, но не культурная. Это может быть связано с отсутствием инструментария успешной культурной адаптации.

Положения современной эстетики, концепций, связывающих образование и художественную культуру, а также теории изобразительного искусства, связанной с изучением особенностей визуального мышления, создают наиболее благоприятные концептуальные основания для диалога культур. Искусство избрано тем инструментом, которое может содействовать решению частной миграционной проблемы региона, а также глобальной интеграционной проблемы. Методология основана на современной теории изобразительного искусства, предполагающей метод философско-искусствоведческого анализа произведений. Отношение к произведениям как к визуально-философскому тексту дает возможность их использования в качестве инструмента культурной адаптации мигрантов.

Особенности визуального мышления людей позволили выявить связи между факторами, формирующими ментальность, и культурными основаниями для искусства, а также интегрирующий потенциал языка искусства. Данные положения повлияли на методику составления структуры курса «Мировая художественная культура» для Сибирского региона.

Логика исследования данной тематики от глобальных проблем к частным диктует необходимость обозначить следующие понятия. Интеграция (аккультурация) – взаимное влияния культур, двустороннее принятие ценностей и норм, сближение культур. В качестве культурологического термина аккультурация порождает и два понятия, таких как «реципиент» и «донор» [45]. Страны-доноры – это те страны, откуда приезжают мигранты. Осваивая модели культурного взаимодействия, они становятся реципиентами культурных кодов, тогда носители культуры принимающего общества занимают позицию доноров культуры.

Сложность указанных социальных процессов определяет такую модель существования общества, как полистилизм. «Это взаимодействие в рамках одной и той же культуры множества жизненных форм. Находит свое выражение: в многообразии художественных направлений; восприятию разнородных традиций; открытости для новаций и заимствований; расщеплении единой картины мира на несколько образных систем» [47].

Расщепление картины мира не может не влиять на особенности ментальности, которая переносит коллективные установки на индивидуальный уровень. Ментальность как глубинный уровень сознания [51] восходит к понятию архетипа, что позволяет ментальностью называть «исторически переработанные архетипические представления, через призму которых происходит восприятие основных аспектов реальности» [44]. Культурные архетипы – «это базисные элементы культуры, формирующие константные модели духовной жизни. Они раскрывают свое содержание не через понятие и дискурс, но иконически, то есть посредством изобразительной формы» [46].

В итоге, ментальность складывается из культурных архетипов, архетипических образов, схемы действия в актуальной реальности и репрезентации этих представлений в художественной культуре. Этот вид репрезентации можно обозначить таким понятием, как идеал культуры.

Культурный идеал – «системообразующий культурный элемент, который включает три компонента: материальный объект, признанный ценным, технология освоения данного объекта, сверхчувственная реальность, осваиваемая посредством практики действия с объектом» [27; 52]. Таковыми идеалами являются различные объекты культуры, а также произведения искусства со всеми практиками их восприятия, трансляции и трансформации. Эти процессы осуществляются в рамках диалога, происходящего на языке искусства. Это инструментарий художественной коммуникации, обладающий универсальностью в качестве удачной модели для других коммуникационных сред. Эта модель может воспроизводиться на основе общего визуального опыта, развитых у собеседников визуально-мыслительных компетенций и должного уровня толерантности.

Рассматривая существующие стратегии интеграции, можно отметить, что наиболее эффективный способ адаптации мигрантов – это адаптационные центры. В 2016 году в Красноярске открылся самый большой Центр Сибирского региона [20]. Помимо помощи с трудоустройством в таких центрах существует также и образовательная программа: это, прежде всего, русский язык и история России. Другие точки, в которых ведется образовательная, информационная, правовая и социокультурно-адаптивная работа, – это диаспоры.

Первые точки направлены, в основном, на обучение мигрантов ценностным установкам и особенностям языка культуры принимающего сообщества. А значит, выполняют, по большей части задачи ассимиляционной стратегии. Получается, что существующие адаптационные стратегии не подразумевают такие образовательные программы, которые бы способствовали аккультурации мигрантов через экскурс в культуру. На уровне этих точек мы видим осуществляемую социальную адаптацию, но не культурную.

Вторые точки, диаспоры, созданы для поддержания и развития национальной идентичности и общности. Они образуют устойчивые этнические группы, являющиеся искусственными объединениями внутри среды с другим образом жизни и культурным языком. А значит, создают контрастные для принимающей среды объединения с отличным культурным языком.

Но и на уровне этих объединений существуют свои проблемы. Например, в одной сибирской диаспоре азербайджанцев есть опасения, что ее представители забудут свои национальные корни: «Молодежь, о которой мы говорим, у них родители русские, они родились здесь, многие из них ни разу не были в Азербайджане. Они представления не имеют, что есть национальная родина» [37].

Здесь становится ясно, что происходящая на данный момент культурная адаптация имеет еще одну проблему: потеря национальных культурных кодов мигрантами.

Эти два способа являются двумя крайностями – в одном случае создаются условия культурного шока, а в другом – воссоздается привычное окружение. Однако стратегия аккультурации подразумевает не стирание национальных особенностей мигрантов, а освоение ими новых культурных кодов с наложением на традиционные. При этом их культурные практики должны обогащать культуру-донора.

Культурные идеалы играют решающую роль в процессах аккультурации. Как указывает Ю. Н. Соломеина, «критерием успешности адаптации может считаться не отказ от своих культурных ценностей и полное принятие другой культуры, а способность соединить различные ценностные системы, освоив и приняв новые культурные нормы и ценности» [50].

Базовые элементы культуры, освоение которых означает адаптацию, можно назвать идеалами культуры. А взаимодействие с культурным идеалом подразумевает освоение той нематериальной составляющей, которую принято называть ценностями и нормами. В данном случае выполняется роль посредника между культурой как системой и реципиентом культуры.

Функции посредника важны в процессе аккультурации, когда идет взаимовлияние, но в основном культура-донор претендует на истинность существующих культурных идеалов. Один из вариантов разрешения этого конфликта заключается в том, чтобы обеспечить полистилизм: «Полистилизм культурных форм ... предполагает возникновение межкультурных коридоров, то есть нейтрального пространства, снимающего противоречия взаимодействующих культур» [50] в рамках теории культурного плюрализма [42].

Одним из важнейших и наиболее эффективных «межкультурных коридоров» выступает искусство.

Во-первых, национальная художественная культура является наглядным для стороннего наблюдателя элементом чужой культуры, который при первом впечатлении отнюдь не вызывает культурный шок, а наоборот, взывает к эстетическим чувствам, свойственным представителям любой культуры [41].

Во-вторых, в художественной культуре любого народа существуют единые архетипические установки. Это значит, что язык искусства может быть понятен представителям разных национальностей вне зависимости от их расположения в пространстве или от культурного окружения [6].

В-третьих, искусство – это сфера, порождающая ряд идеалов культуры, максимально расположенных к посреднической роли [38; 54].

Основой для описания национальных и общечеловеческих особенностей искусства является взаимодействие понятий «архетипы» и «ментальность». Оно является той областью, в которой художники фиксируют уникальность изобразительных средств и всеобщность архетипических представлений. Разнообразие форм мировой художественной культуры – наглядное пособие для участников процесса интеграции. И для этого необходимо изучение не только русского языка и истории России, но языка искусства и сопоставление различных ментальностей через наглядную его презентацию в художественных образах [44].

Одним из направлений интеграции является овладение языком искусства, на котором разные народы обретают способность взаимопонимания. Как пишет А. А. Грицанов, «в современной версии философии искусства в фокусе значимости оказывается языковая, коммуникативная функция искусства, а процедура понимания и интериоризации содержания художественного произведения трактуется не только как модель понимания в контексте общения между автором и субъектом восприятия, но шире – как универсальная парадигма взаимопонимания, валидная в самых различных коммуникативных средах» [31].

Любое произведение искусства – это знаковая система, которая может быть раскрыта в процессе коммуникации. А визуальное мышление и характеризуется оперированием иконическими знаками и символами [50]. Они являются теми наглядными образами ментальных установок, в которых обыкновенно усматривают различия между культурами. Однако тот факт, что большинство важнейших для самых различных культур символов схожи между собой, выводит к следующему тезису: сознательный взгляд на архетипические образы, а значит, способность видеть общее в разных культурах, возможен благодаря развитому визуальному мышлению.

В этом смысле понимание символа как формального средства интеграции и упорядочивания многообразного чувственного опыта дает увидеть в каком-либо знаке концентрацию особенностей той или иной культуры. Однако тот факт, что большинство важнейших для самых различных культур символов схожи между собой (например, символ креста в различных вариациях или солярные символы), возвращает к тезису об архетипах. И выводит к следующему: сознательный взгляд на архетипические образы, а значит способность видеть общее в разных культурах, возможен именно благодаря развитому визуальному мышлению [1; 7; 10]. Его характеризуют такие компетенции, как способность выделять главное в художественном образе, способность видеть роль незначительных элементов и отношение

между элементами, способность описывать особенности связей между элементами и взаимосвязи между разными планами, способность видеть целостный художественный образ и находить вербальные аналоги визуальным образам.

Любая визуально-мыслительная компетенция, развиваемая при общении с изобразительным искусством, связана с мировоззренческой компетентностью. Это не значит, что каждый носитель данного языка будет обладать схожим мировоззрением или иметь одну и ту же картину мира. В данном случае имеет смысл разделение на объект-язык и субъект-язык. «Объект-язык – система общих языковых правил и объективных знаковых значений. Носителем субъект-языка является автор высказывания, который придает новый, субъективный смысл знакам объект-языка» [45].

Интегрирующий потенциал языка искусства:

1. Наращивание точек взаимопонимания: произведение потенциально понятно любому человеку. Для его понимания нужно войти в коммуникацию на основе визуального языка [19]. И если незнакомый вербальный язык изначально вызывает отчуждение полной непонятностью для инофонов, то визуальный образ сначала воздействует подсознательно посредством, например, краскоформ (сочетание цветов и композиция) и обращается к эстетическому восприятию, свойственному всем.

2. Создание общекультурного целого: при общении с эталонными произведениями человек утрачивает «автохтонность экзистенциального опыта» [31]. Сознание подвергается воздействию через обращение к архетипическим представлениям и через совершенный акт визуального мышления. Появление общих идеалов культуры в виде эталонных произведений, с которыми были «знакомы» большинство членов этого единого пространства.

3. Развитие коммуникационных компетенций: «В процессе художественного диалога-отношения зритель и произведение изобразительного искусства обнаруживают способность к изменению своих коммуникативных свойств» [53]. Использование языка искусства позволяет создать общность тех, кто говорит на одном визуальном языке, – стирание границ между носителями разных вербальных языков.

4. Прививание толерантности визуального мышления. При увеличении опыта визуального мышления становятся видны такие вещи, как многомерность символов, раньше воспринимаемых однозначно. Сюда относится и понимание того, что привычный нам символ может быть истолкован в различных значениях, и внимательное отношение к его использованию [17, 22].

В рамках данного исследования можно предложить следующую структуру курса «Мировая художественная культура». Учитывая концептуальные основания данной работы и ее цели, структура курса должна быть выстроена из нескольких блоков. Схематически такая структура может быть представлена как спираль:

Первый блок посвящен основным архетипическим образам и представлениям. В их число входят: образ матери, образ отца, мужское и женское, детские образы, семья, любовь и эстетика, животные образы, образ мудреца, образ пути, образ искателя, странника, путешествие, образ друга, вражда, образ воина, тема войны, смерть и возрождение, а также мир, страна, регион, Родина, Сибирь.

Второй блок посвящен знаковой символике в искусстве: символ креста, солярный символ, символика мужского и женского и т. д. Интерес в том, что эти символы в большинстве своем отсылают к архетипам, а значит темы будут перекликаться с уже пройденными в другом разделе. Поэтому данный блок будет являться вторым кругом разворачивающейся спирали.

Третий блок посвящен способам конструирования картины мира в искусстве. Происходит формирование видения различных систем внутри общей целостности. Таковы, например, система художественных образов христианства, или социалистического реализма, или национальных общностей. Этот блок акцентирует внимание на двух вещах: самостоятельность каждого отдельно взятого художественного образа и целостность системы художественных образов.

Здесь позволительно проводить дифференциацию по национальному, религиозному, концептуальному признаку в искусстве, так как к этому времени у учащихся должна быть сформирована толерантность визуального мышления и коммуникационные компетенции, которые позволяют вычленять различия на изобразительном уровне и видеть общность на ментальном уровне.

Поиск единых архетипических представлений указывает на необходимость такого расположения последовательности разделов курса, в котором переплетаются элементы из следующих направлений:

1. Мировая художественная культура.
2. Особенности художественной культуры принимающего общества.
3. Особенности художественной культуры мигрантов.

Так, например, занятие, посвященное образу матери должно дать общее представление о художественных образах на эту тему в мировом искусстве, а затем провести сопоставление таковых в русском искусстве и в искусстве родной для мигрантов страны.

Наполнение данных направлений для нашего региона может быть таковым: 50 % для МХК, 20 % для русской художественной культуры, 10 % для художественной культуры коренного населения Сибири, 20 % для художественной культуры стран-доноров. Наиболее многочисленные мигранты в нашем регионе – это азербайджанцы, таджики, китайцы, узбеки и киргизы [45].

В исследовании предложен инструментарий для решения одной из локальных задач в рамках общемирового актуального вопроса об интеграции – социокультурная адаптация мигрантов сибирского региона. Инструмент – образовательный курс «Мировая художественная культура», выстроенный на основе концепций об общих архетипических представлениях, об основаниях ментальных установок, о межкультурных коридорах и об идеолообразующей функции искусства.

Эффективность инструмента основана на использовании интегрирующего потенциала языка искусства, который способствует созданию общекультурного целого в виде общих идеалов культуры, наращиванию точек взаимопонимания в виде знакомых шедевров искусства, развитию коммуникационных компетенций и прививанию толерантности визуального мышления.

Близость визуально-мыслительных компетенций и мировоззренческой компетентности обуславливает выбор изобразительного искусства в качестве поля для исследования и области для формирования содержания курса.

Внедрение данного курса в образовательную программу мигрантов видится частным моментом в решении большой задачи социокультурной адаптации.

Дальнейшее развитие исследования может быть связано с разработкой методики преподавания данного курса, а также с проектированием схожего по концепции курса «Мировая художественная культура» для представителей принимающего сообщества. Эта необходимость вызвана большим процентным содержанием мигрантов в населении региона, а значит в ходе аккультурации изменения происходят и в принимающей культуре.

Список литературы

1. Akker J. Art-based learning: painting the journey of self-realisation // *Reflective Practice*. 2014. №15 (6). P. 751–765.
2. Berezkin Y. E. Siberian folklore and the Na-Dené origins // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2015. № 43 (1). P. 122–124.
3. Bergmann S. Making oneself at home in climate change: Religion as a skill of creative adaptation // *The Changing World Religion Map: Sacred Places, Identities, Practices and Politics*. 2015.
4. Boden Z., Eatough V. Understanding More Fully: A Multimodal Hermeneutic-Phenomenological Approach // *Qualitative Research in Psychology*. 2014. № 11 (2). P. 160–177.
5. Di Maio A. Saleh Methnani's immigrato: Portrait of a migrant as a young man // *Expressions Maghrebines*. 2012. № 11 (2). P. 89–106.
6. Chapman M. V., Hall W. J., Colby R., Sisler L. A. G. How images work: An analysis of a visual intervention used to facilitate a difficult conversation and promote understanding // *Qualitative Social Work*. 2014. № 13 (4). P. 456–476.
7. Cho J. Y. An investigation of design studio performance in relation to creativity, spatial ability, and visual cognitive style // *Thinking Skills and Creativity*. 2017. № 23 (3). P. 67–78.
8. Cosmides L., Tooby J. Evolutionary psychology: New perspectives on cognition and motivation // *Annual Review of Psychology*. 2013. № 64. P. 201–229.
9. Gobbo F. Racism, 'race' and ethnographic research in multicultural Italy // *Ethnography and Education*. 2011. № 6 (1). P. 9–27.
10. Grant J. L., Buckwold B. Precarious creativity: Immigrant cultural workers // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2013. № 6 (1). P. 1–17.
11. Jarić I., Gessner J., Acolas M.-L., Lambert P., Rochard E. Modelling attempts utilized in sturgeon research: A review of the state-of-the art // *Journal of Applied Ichthyology*. 2014. № 30 (6). P. 1379–1386.
12. Jesup C., Lucas I., Nelms R., Woodruff A., Shields S. S. We've shared a lifetime with one another': using reflective visual/verbal journals to develop graduate student relationships // *Reflective Practice*. 2017. № 18 (2). P. 161–182.

13. Kvitnytskyi M. V. The origin and migration routes of cumans in the northern black sea by archaeological sources // *Stratum Plus*. 2015. № 6. P. 277–304.
14. Koptseva N. P., Kirko V. I. Modeling of the basic processes and traditional way of life of indigenous peoples of Krasnoyarsk Region (Eastern Siberia) // *Life Science Journal*. 2014. № 11 (10), 66. P. 489–494.
15. Kuzmin Y. V. The Neolithization of Siberia and the Russian far east: Major Spatio-temporal trends (the 2013 state-of-the-art) // *Radiocarbon*. 2014. № 56 (2). P. 717–722.
16. Latta M. M., Chan E. *Teaching the arts to engage English language learners*. Abingdon, Routledge, 2011. 240 p.
17. Les M., Les Z. New epistemologically oriented educational multimedia design in the context of the visual thinking capabilities of the shape understanding system // *Proceedings of the IASTED International Conference on Internet and Multimedia Systems and Applications*. 2003. № 7. P. 115–120.
18. Marginson S., Sawir E. *Ideas for intercultural education*. New York, Palgrave Macmillan, 2011. 238 p.
19. Megehee C. M., Woodside A. G. Creating visual narrative art for decoding stories that consumers and brands tell // *Psychology and Marketing*. 2010. № 27 (6). P. 603–622.
20. MigrantMedia. URL: <http://migrantmedia.ru/otkrytie-centra-adaptacii-i-integracii-migrantov-v-krasnoyarske/>.
21. Mueller A. Beyond ethnographic scriptocentrism: Modelling multi-scalar processes, networks, and relationships, In *Anthropological Theory*. 2016. № 16 (1). P. 98–130.
22. Murphy A. F. Bridging the "Culture Gap": The Impact of Arts-based Content Lessons on English Learners // *Engaging Cultures and Voices*. 2015. № 4. P. 1–32.
23. Murphy A. F. Integrating aesthetics into professional development for teachers of English learners // *TESOL Journal*. 2014. № 5 (1). P. 82–104.
24. Reinsone S. Latgalian emigrants in Siberia: Contradicting images // *Folklore (Estonia)*. 2014. № 58. P. 37–62.
25. Rice D. R., Mullen B. Cognitive representations and exclusion of immigrants: Why red-nosed reindeer don't play games // *Social Psychology of Inclusion and Exclusion*. 2004. P. 293–315.
26. Pauwels L. Visual sociology reframed: An analytical synthesis and discussion of visual methods in social and cultural research // *Sociological Methods and Research*. 2009. № 38 (4). P. 545–581.
27. Pivovarov D. V. The problem of synthesis of the main definitions of culture // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2009. № 1 (2). P. 17–22.
28. Библер В. С. *От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век*. М.: Изд-во полит. лит., 1991. 414 с.
29. Борзова Е. П. *Сравнительная культурология*. Т. 1: учеб. пособие для высших учебных заведений. СПб.: СПбКО, 2013. 239 с.
30. Гегель Г. В. Ф. *Работы разных лет*. Т. 2. М.: Мысль, 1971. 630 с.
31. Грицанов А. А. *Новейший философский словарь*. Минск: Книжный Дом, 2003. 1280 с.
32. Жуковский В. И., Пивоваров Д. В. *Зримая сущность (визуальное мышление в изобразительном искусстве)*. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 284 с.

33. Жуковский В. И., Пивоваров Д. В., Рахматуллин Р. Ю. Визуальное мышление в структуре научного познания. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1998. 184 с.
34. Жуковский В. И., Пивоваров Д. В. Интеллектуальная визуализация сущности. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1998. 223 с.
35. Замараева Ю. С. Актуальность исследования отношения мигранта и принимающей среды в контексте современной философии культуры // Наука и современность. 2010. № 5 (3). С. 96–100.
36. Ильбейкина М. И. Визуально-антропологическая специфика современных культурных практик // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vizualno-antropologicheskaya-spetsifika-sovremennyh-kulturnyh-praktik>.
37. Кашпур В. В., Поправко И. Г. Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии (томский кейс) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 354. 88–93 с. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000429284>.
38. Копцева Н. П. Идеалообразование в процессе художественного образования как процесс формирования толерантного мышления // Четвёртая международная научно-практическая конференция «Реальность этноса. Образование и проблемы межэтнической коммуникации». СПб., 2002.
39. Копцева Н. П. Анализ процессов аккультурации в малых городах субъектов Российской Федерации на примере Красноярского края // Междунар. журн. прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 3 (1). 75–79 с.
40. Копцева Н. П., Бахова Н. А. Система культуры Красноярского края: основные субъекты и культурные ценности // Журнал Сиб. федер. университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. № 3. С. 344–381.
41. Копцева Н. П., Неволько Н. Н., Резникова К. В. Формирование этнической культурной идентичности в современной России с помощью произведений национального искусства (на примере эвенкийского эпоса и декоративно-прикладного искусства) // Электрон. журн. «Педагогика искусства». 2013. № 1. С. 1–15.
42. Копцева Н. П., Резникова К. В. Методологические возможности антропологической школы «культура-и-личность» для современных российских социальнокультурных исследований // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. 388 с.
43. Костылев С. В., Копцева Н. П. Применение методов и технологий арт-менеджмента в социокультурном образовательном пространстве Красноярского края // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-metodov-i-tehnologiy-art-menedzhmenta-v-sotsiokulturnom-obrazovatelnom-prostranstve-krasnoyarskogo-kraya>.
44. Кошкарова Ю. А. Архетипический образ как основа формирования ментальности. URL: http://www.rusnauka.com/16_ADEN_2011/Philosophia/4_88895.doc.htm.
45. Кравченко А. И. Культурология: учеб. пособие для вузов. М., 2033. Академический Проект, Трикста, 496 с.

46. Левит С. Я. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1. СПб.: Университетская книга; ООО “Алетейя”, 1998. 447 с.
47. Лейбович О. Л. 10 лекций по культурологии. Пермь: ЗУУНЦ, 2002. 70 с.
48. Рафиков Р. Г. Этноатлас Красноярского края. Красноярск: Платина, 2008. 224 с.
49. Соловьев В. С. Оправдание добра. М.: Академический проект, 2010. 672 с.
50. Соломеина Ю. Н. Миграция как фактор взаимодействия культур // Вестн. Северо-Кавказ. гуманитарного ин-та. 2013. № 1 (5). С. 131–134.
51. Солонин Ю. Н., Каган М. С. Культурология: учеб. для вузов. М.: Высш. образование, 2007. 566 с.
52. Тарасова М. В. Культура и образование: принципы взаимодействия. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. 360 с.
53. Тарасова М. В., Жуковский В. И. Коммуникативные основы художественной культуры. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2010. 179 с.
54. Тарасова М. В., Жуковский В. И. Образовательный потенциал художественной культуры // Педагогика искусств. 2004. № 2. URL: <http://www.art-education.ru/AE-magazine/archive/nomer-2-2014/zhukovsky.pdf>.

УДК 316.647.5

В. Ю. Инговатов¹, Б. М. Фисенко²

¹ *Доктор философских наук, доцент кафедры философии и социологии АлтГТУ им. И. И. Ползунова*

² *Ассистент кафедры международных экономических отношений АлтГТУ им. И. И. Ползунова*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ФОРМА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

XX век, без сомнения, стал поворотной точкой в истории человечества, навсегда изменив не только облик, но и духовную сущность общественного пространства. Две мировые войны, социальные потрясения, усиление интенсивности миграции стали причинами поиска своего места в мире отдельным индивидом. Как следствие – возникновение чувства отчуждения, непреодолимого желания приобщения к той или иной культуре. В связи с этим, как мы полагаем, вполне целесообразен взгляд на культуру как на основу бытия человека.

Одно из определений культуры, данное сторонником идеи диалога культур В. С. Библером, гласит: «Культура – это форма самодетерминации индивида в горизонте личности, форма самодетерминации нашей жизни, сознания, мышления» [1, с. 289]. Смещение культуры в центр бытия индивида в условиях глобального общества актуализирует необходимость диалога культур – сложного, многогранного процесса, требующего больших усилий

со стороны субъектов диалога. Для вступления культур в такой диалог, где одна культура «задает вопрос» другой и получает на него ответ, необходимо признать актуальность и одновременность всех культур, поскольку именно тогда возможен диалог. Из этого следует, что диалог может осуществляться только по схеме «субъект – субъект». Культурный плюрализм является, таким образом, основой диалога культур (наряду с отведением культуре главенствующего места в сознании и равенством участников диалога). Не вызывает сомнения тот факт, что ключевой характеристикой в вопросе развития в обществе культурного плюрализма является чувство толерантности и терпимости к Другому.

Толерантность, по нашему мнению, является одной из форм диалога как процесса. Толерантность как характеристика общества может быть закреплена юридически, например, признанием за Другим права исповедовать иную религию (под «иной» религией мы понимаем религию, отличную от исповедуемой абсолютным большинством). Тем не менее на практике возникают сложности, одна из которых заключается, по нашему мнению, в трудности защиты либеральных свобод от групп, враждебных к ним. Философ Ю. Хабермас находит выход в средствах политического уголовного права или распоряжениях, касающихся действий по запрету организаций, чья деятельность направлена на подрыв демократических конституционных основ [2, с. 238].

Такой подход, как мы полагаем, может сыграть важную роль в разрешении межконфессиональных конфликтов: с одной стороны, либеральное государство закрепляет свободу вероисповедания, с другой – имеет рычаги давления на диссидентов, желающих радикального решения проблем. Так общество оказывается как бы принуждено к толерантному отношению к Другим.

Однако для того чтобы снять элемент принуждения (и в этом заключена еще одна трудность), необходимо исключить связь между, с одной стороны, отношением к социокультурной группе и, с другой стороны – ее социальным статусом в рамках общества целостного государства. Так, например, результаты исследования, проведенного во Франции, показали, что работодатели, имея возможность выбора между мусульманином, который приобрел гражданство Франции и христианином (неважно, коренным или нет), в 2,5 раза чаще отдадут предпочтение последнему. Также, согласно опросу, проведенному исследователями, получившие гражданство Франции мусульмане зарабатывают гораздо меньше коренных французов [3]. Влияние происхождения на ускорение или замедление социальной мобильности, несомненно, ослабляет возможности толерантного общества и усиливает неприязнь одних к другим. Возможным решением этой трудности нам видится в создании культурных центров, цель которых – помощь представителям культурных меньшинств, поддержка мероприятий, направленных на создание позитивного образа иной культуры.

Подводя итог вышесказанному, нам хотелось бы отметить, что воспитание толерантного общества – задача, необходимость которой не вызывает ни малейшего сомнения. Однако определение границ толерантности наряду с неравным экономическим положением культурных групп населения представляют собой основные трудности выполнения данной задачи. Несмотря на это, в условиях глобального мира диалог культур остается единственно верным способом снижения уровня конфликтности в обществе постмодерна.

Список литературы

1. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры: Два филос. введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
2. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи / пер. с нем. М. Б. Скуратова. М.: Весь Мир, 2011. 336 с.
3. Adida C. L., Laitin D. D., Valfort M. A. Don't Fear Muslim Immigrants // Foreign Affairs. 2016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-04-26/dont-fear-muslim-immigrants>.

УДК 314.151:378

О. В. Клычникова

Сибирский федеральный университет

«ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ» МИГРАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Получение образования всегда является очень значимым моментом в жизни человека. Правильный выбор страны, где будет проходить обучение, и образовательного учреждения определяет приоритеты профессиональной успешности человека в дальнейшем. Почему российское образование привлекательно не только для людей в нашей стране, но и для иностранных граждан?

Во-первых, Россия дает качественное образование по инженерным специальностям, естественным наукам, математическим направлениям. Отдельное место занимает медицинское образование, которое пользуется огромной популярностью за рубежом. Направления, связанные с русской музыкой, театром, изобразительным искусством по-прежнему вызывают большой интерес у иностранцев.

Во-вторых, учеба и жизнь в России дешевле, чем, например, в Европе. Это касается и стоимости жилья и расходов социально-бытового характера.

В-третьих, несмотря на то, что в российском образовании были тяжелые времена, оно продолжает цениться в мире как фундаментальное, укорененное и междисциплинарное. Это, прежде всего, широкий выбор перспективных специальностей, уникальный опыт, а также всемирно признанные дипломы [1].

Законодательство Российской Федерации предусматривает возможность получения образования для иностранных граждан как за счет государственных средств, так и на коммерческой основе. Иностранные граждане и лица без гражданства имеют равный с россиянами статус в вопросах получения образования. Их возможности для получения образования на территории РФ регулируются статьей 78 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ "Об

образовании в Российской Федерации". Под образованием понимается получение дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, а также профессионального обучения по программам профессиональной подготовки по профессиям рабочих, должностям служащих в пределах освоения образовательной программы среднего общего образования на общедоступной и бесплатной основе [2].

Кроме того, иностранные граждане и лица без гражданства имеют право на получение высшего образования за счет бюджетных ассигнований (бюджетные средства) в соответствии с международными договорами Российской Федерации, федеральными законами или установленной Правительством Российской Федерации квотой на образование иностранных граждан и лиц без гражданства, а также за счет средств физических лиц и юридических лиц в соответствии с договорами об оказании платных образовательных услуг. Для того чтобы попасть в квоту на бюджетное обучение, нужно пройти отбор, правила и процедура которого установлены Приказом Минобрнауки России от 28.07.2014 № 844 «Об утверждении Порядка отбора иностранных граждан и лиц без гражданства на обучение в пределах установленной Правительством Российской Федерации квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [3].

Размер квоты на прием на обучение иностранных граждан составляет 15 тыс. человек ежегодно. Граждане 198 стран мира могут присылать свои заявки для обучения в российских вузах по самым разным специальностям. Вузы налаживают контакты на международном уровне. Если же говорить об иностранных студентах, которые едут учиться не по квоте, а по контракту, то это вполне ощутимый заработок для вузов [1].

Но, как показывает практика, даже при самых благоприятных условиях международных контактов возникают проблемы, связанные с вопросами правового регулирования обучения иностранных граждан. Причиной тому во многом служит российское законодательство, не выделяющее иностранных студентов в отдельную категорию: они получают визы на общих основаниях, не имеют права на частичную занятость и каких-либо иных, специальных прав как иностранные обучающиеся. Занимаясь этими вопросами по роду своей деятельности, я столкнулась с целым рядом случаев, когда возникали сложные ситуации [4].

Так, например, взаимодействие вузов разных стран предполагает взаимный обмен студентами. Первое, на что хотелось бы обратить внимание в данном случае, – это оформление приглашений. В рамках договора о сотрудничестве между федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Красноярский государственный художественный институт» (КГХИ) и Хулумбуирским Институтом (Китай) предусмотрена возможность взаимной стажировки. На начальном этапе для организации и проведения стажировки китайских студентов возникла необходимость оформления приглашений в КГХИ. И точный перевод полученных копий документов на русский язык приобрел решающее значение.

В качестве примера хотелось бы привести следующие имена граждан Китая:

- гражданин ВЭН СЯОГУАН (WENG XIAO GUANG);
- гражданин АОЖИГЕЛЕ (AORIGE LE);

- гражданка У Сы (WU SI);
- гражданин ЛЯНЬ ВЭЙЕ (LIAN WEIYE).

К сожалению, китайская сторона не предоставила перевод имен с китайского на русский, были получены только копии паспортов для оформления приглашений китайских студентов. Без участия китайского переводчика оказалось невозможным правильные перевод и написание имен китайских студентов на русском языке. А от точного и правильного написания зависит и своевременное получение визы, и прибытие в оговоренные сроки. Пришлось срочно искать специалистов и оплачивать услуги переводчика.

Следующий проблемный момент связан с легализацией документов об образовании иностранных студентов, полученных на родине. Это касается всех студентов, которые обучаются по основной образовательной программе, аккредитованной вузом, причем независимо от того, будет ли это обучение на бюджетном месте или по договору возмездного оказания образовательных услуг.

Признание имеющихся документов об образовании соответствующими – это очень серьезная процедура, которая определяет законность принятия документов приемной комиссией вуза и состояния иностранного гражданина в статусе обучающегося.

Ни одна страна в мире не имеет столько международных договоров о признании и эквивалентности документов об образовании, сколько Российская Федерация. Но далеко не каждый абитуриент обязан предоставить в приемную комиссию вуза Свидетельство о признании иностранного образования и (или) иностранной квалификации.

Сама процедура признания осуществляется в соответствии с Административным регламентом предоставления Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки государственной услуги по признанию документов иностранных государств об уровне образования и (или) квалификации на территории Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24.12.2013 № 1391. Данный Регламент определяет сроки и последовательность административных процедур и действий при предоставлении указанной государственной услуги Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки [5].

Граждане Таджикистана, Казахстана, Белоруссии и некоторых других стран, действуя в рамках Соглашения Правительств государств – участников СНГ от 15.09.2004 «О взаимном признании эквивалентности документов о среднем (общем) образовании, начальном профессиональном и среднем профессиональном (специальном) образовании» и на основании Письма Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 23.05.2011 № 02-114 «О признании иностранных документов об основном общем и среднем (полном) общем образовании», не нуждаются в дополнительной легализации своих документов об образовании.

А вот документы об образовании граждан Узбекистана нуждаются в признании. Согласно части 4 статьи 107 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации", документы об образовании и (или) квалификации, не попадающие под действия международных договоров, требуют прохождения процедуры признания в соответствии с указанным Административным регламентом [5].

Далее, проблемным моментом стала процедура продления регистрации по месту временного пребывания у студентов из стран, с которыми Россия установила безвизовый режим. Обучение по основной образовательной программе предусматривает срок, например, в течение 6 лет. Так, на академический факультет по специальности 54.05.02 «Живопись» (срок обучения – 6 лет) был зачислен студент, являющийся гражданином Узбекистана. Визы, на основании которой выдавалась бы (и продлевалась в последствии на установленный период) временная регистрация, не существует. Регистрация при наличии визы носит упрощенный характер, занимает меньше времени и не требует каких-то дополнительных усилий. Если установлен безвизовый режим, как в случае с Узбекистаном, – приходится формировать два пакета документов с письмами, справками, ходатайствами, выписками из приказов. Мало того, продлить регистрацию можно не более, чем на год. А затем снова и снова дублировать документы весь период обучения. Казалось бы, безвизовый режим должен упростить пребывание студентов на территории Российской Федерации. Но на практике получается, что оформление документов для регистрации по месту пребывания таких студентов сложнее, вторичная регистрация и последующие продления возможны только в Отделениях по вопросам миграции ОП МУ МВД России с предоставлением двойного пакета документов [6].

И еще один неоднозначный фактор – материальная составляющая. Все мы знаем, что студенты, являющиеся гражданами России, имеют возможность подработки. И многие студенты, особенно старших курсов, обучаясь на дневном отделении, вступают в трудовые отношения в период своего обучения и имеют дополнительный доход. Иногда это становится вопросом выживания, поскольку нет других источников дохода. Но в отношении иностранных граждан все сложнее: совмещать учебу и работу возможно только в течение каникул. Кроме того, исключение составляют те студенты, которые работают в свободное от учебы время в этих же образовательных организациях, или в хозяйственных обществах, или в хозяйственных партнерствах, созданных образовательными организациями высшего образования, в которых они обучаются [7]. Таким образом, отсутствие нормативной правовой базы, которая регламентирует процедуры практик, стажировок иностранных студентов, включая возможность законных трудовых отношений и сложности, связанные с оформлением их временной регистрации по месту пребывания, затрудняют интеграцию российской образовательной системы в мировой образовательный рынок.

Говоря о перспективах в развитии миграционного законодательства, нельзя не сказать о новой стратегии дальнейшего развития миграционной политики страны. Ключевым этапом планирования этого процесса стала Концепция-2025, утвержденная Президентом РФ от 13 июня 2012г. Во исполнение данной программы был разработан пошаговый план реализации концепции государственной миграционной политики России. Концепция предусматривает три этапа: первый этап (2012–2015) – разработка и создание необходимых инфраструктур для реализации поставленных целей и задач; второй этап (2016–2020) – принятие программ, их реализация и мониторинг; третий этап (2021–2025) – оценка эффективности, определение основных приоритетов, корректировка основных программ. Настоящая Концепция направлена на развитие экономического, демографического, интеллектуального, социально- куль-

турного потенциала России. Реализация данной программы позволит разрешить многие острые вопросы, стоящие перед государством на данный момент [8].

Хотелось бы, чтобы при решении масштабных задач государственной миграционной политики удалось бы решить и какие – то специфические вопросы практического характера. Возможно, что результаты этих решений смогут помочь в реализации конкретных задач государственной миграционной политики как в целом по России, и на уровне отдельного образовательного учреждения.

Список литературы

1. Глебова: РФ приглашает бесплатно учиться в вузах 15 тысяч иностранцев. URL: https://ria.ru/abitura_world/20160303/1383584036.html.

2. Об образовании в Российской Федерации: федер.закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // КонсультантПлюс: информ. правовой портал. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

3. Об утверждении Порядка отбора иностранных граждан и лиц без гражданства на обучение в пределах установленной Правительством Российской Федерации квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Приказ Минобрнауки России от 28.07.2014 № 844// ГАРАНТ.РУ: информ. правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/70764076/#ixzz4PgQFjZJc>.

4. Полетаев Д. В. Учебная миграция в Россию: существующие практики и возможные перспективы // Науч. тр. Ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2012. № 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-migratsiya-v-rossiyu-suschestvuyuschie-praktiki-i-vozmozhnye-perspektivy>.

5. Практика признания иностранного образования // Федеральный центр образовательного законодательства. URL: <http://www.lexed.ru/praktika/priznanie-inostrannogo-obrazovaniya-v-rf/2/3/itog/red.php>.

6. Осуществление миграционного учета // МВД РФ: офиц. сайт.

7. О правовом положении иностранных граждан в РФ: федер.закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // КонсультантПлюс: информ. правовой портал. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/.

8. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) // ГАРАНТ.РУ: информ. правовой портал. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz4PgWHZrVR>.

УДК 316.7(517.14)

Д. В. Лапин

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии Института социальных технологий и реабилитации Новосибирского государственного технического университета

ЭТНИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ГОРОДСКОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ НОВОСИБИРСКА

Исторически сложилось, что деятельность этнических организаций и сообществ неизбежно оформляется в этнокультурной маркировке городской среды. В настоящий период в городах Российской Федерации функционирует большое количество объектов общественного питания и разноформатных торговых площадок, с одной стороны, являющихся питательной средой для межнациональных отношений, а с другой – средством презентации различных этнических сообществ. За последние два десятилетия в городе Новосибирске, данные тренды отчетливо проявили себя в рассматриваемой инфраструктуре (табл. 1).

Таблица 1

**Количество объектов сферы общественного питания и торговли
в г. Новосибирске (по состоянию на 26.10.2016 на основе мониторинга справочника «2ГИС»)**

№ п/п	Параметры	Наименование этнокультурного сообщества г. Новосибирска												
		русские	белорусы	украинцы	татары	немцы	армяне	азербайджан- цы	езиды	казахи	киргизы	корейцы	таджики	узбеки
1	Объекты общественно- го питания	189	-	2	2	6	9	8	1	2	1	7	-	9
2	Объекты торговли (ма- газины, рынки, ярмар- ки и др.)	5	3	2	4	5	3	2	2	1	1	1	1	3

Эта тенденция вполне закономерна и сопряжена с миром городской повседневности. Как отмечают У. Роджер, У. Робин, О. Ховард, «наиболее подходящими сферами для процветания этнической предпринимательской деятельности оказывались производство одежды, ресторанный бизнес, мелкая розничная торговля, частный извоз и т. п.» [1, с. 30]. Для городских межкультурных отношений это очень актуально и связано с этническими практиками. Следует отметить, что национальная кухня и сопряженные с ней социальные практики являются одними из наиболее активно используемых маркеров этнокультурной идентичности. По мнению А. А. Пустарнаковой, «особую роль в создании образа этническо-

го «Другого» играет этническая кухня» [2, с. 43]. В Новосибирске довольно активно развиваются национальные кухни народов Средней Азии и Закавказья, это связано, с одной стороны, с увеличением количества, носителей данных культур, а с другой – стремлением презентации своей этнической культуры в городской среде. Также необходимо отметить этническую торговлю, представленную мультиформатными магазинами «Бахетле» (татарская кухня) и «Добрянка» (русская кухня). Как правило, объекты гастрономии знакомят горожан с этническими традициями через систему мероприятий и проектов (розыгрыши по итогам межнациональных конкурсов, дегустация национальных продуктов и др.).

Ключевым маркером этнокультурного разнообразия является деятельность представителей этнических бизнес-структур в сфере торговли. Так, в городе Новосибирске образовались рыночные площадки, устойчиво ассоциирующиеся в сознании горожан с межэтнической сферой. Этническая торговля представлена крупнейшими для Сибири оптово-розничным рынками «НордСитиМолл», «Восток», «Дружба», «Хилокский рынок (одежда, обувь, хозяйственные товары, продукты питания и др.).

Следует учесть, что в городской среде особой спецификой обладают малые архитектурные формы, которые несут этническое информационное содержание (табл. 2).

Таблица 2

Количество архитектурных объектов относящихся к презентации культурного разнообразия г. Новосибирска (по состоянию на 26.09.2016 на основе мониторинга справочника «2ГИС»)

№ п/п	Параметры	Наименование этнокультурного сообщества г. Новосибирска												
		русские	белорусы	украинцы	татары	немцы	армяне	азербай-джанцы	езиды	казахи	киргизы	корейцы	таджики	узбеки
1	Архитектурные формы (монументы, памятники и др.)	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
2	Объекты ландшафта (скверы, парки и др.)	1	1	1	1	1	1	1	-	1	1	1	1	1

Городская среда представлена небольшим количеством объектов, связанных с этническими сообществами. Важно отметить, что данные объекты в городской среде распространяют социальную информацию об этнических культурах.

Таким образом, этнические маркеры в Новосибирске существуют в связи с общественно-исторически сложившимся этнокультурным многообразием и способствуют развитию гармоничных межэтнических отношений.

Список литературы

1. Роджер У., Робин У., Ховард О. Этнические предприниматели // Экономическая социология. 2008. № 5. С. 30–55.
2. Пустарнакова А. А. Репрезентации этнических «Других» в городском пространстве // Вестн. СамГУ. 2007. № 1. С. 41–49.

УДК 37.064-054.06-044.332

И. Г. Рогачёва

Начальник отдела дополнительного образования, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Красноярского государственного художественного института

ОПЫТ КУЛЬТУРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В КРАСНОЯРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ

Задачи, стоящие перед учебными заведениями культуры и искусства, заключаются в сохранении культурного и исторического наследия народа, обеспечении доступа граждан к культурным ценностям и участию в культурной жизни, реализации творческого потенциала нации, создании благоприятных условий для устойчивого развития сфер культуры. В частности: «целью государственной программы в области развития культуры до 2020 года определена реализация стратегической роли культуры как духовно-нравственного основания развития личности и государства, единства российского общества, для приобщения граждан к мировому культурному и природному наследию» [1].

Роль образовательных учреждений искусства и культуры в процессе профессионального самоопределения молодежи выступает двояко: с одной стороны – это профессиональная навигация, с другой – это просветительская, культурологическая деятельность, направленная на помощь российскому и иностранному абитуриенту, а затем обучающемуся достичь своих целей – получение профессии живописца, графика, скульптора и т. д, что дает им возможность в дальнейшем успешно выполнять свою профессиональную миссию и максимально использовать данные им от природы талант, способности, развить навыки и компетенции.

Красноярский государственный художественный институт как центр художественного образования Сибири и Дальнего Востока поддерживает тесные связи с различными творческими центрами ряда стран, такими как Монголия, Бурятия, Узбекистан, Казахстан.

Рассматривая особенности социальной адаптации и обучения иностранных студентов в процессе получения высшего профессионального художественного образования, можно выделить, прежде всего, стратегическую роль культуры и искусства как основной прием включения студентов в учебный процесс.

Институт в рамках реализации профессиональных программ в сфере культуры и искусства и формировании основных художественно-практических компетенций использует опыт **тьюторства** как эффективную практику культурной и социальной адаптации иностранных студентов [2].

Проблемы и психологические барьеры, появившиеся в момент переезда в Красноярск, типичны для всех иностранных студентов:

- слабое владение русским языком;
- другие природно-климатические условия;
- различие содержания и наполнения образовательной программы.

Специфика творческого вуза состоит в том, что в основу образовательной парадигмы заложено само понятие «культура», которое употребляется для характеристики определенных исторических эпох, конкретных обществ, наций, а также специфических сфер деятельности или жизни. Субъект культуры – человек, он творит, сохраняет и распространяет созданные им культурные ценности. А современная культура предполагает максимальную открытость и востребованность различных точек зрения [3].

Художественное образование является неотъемлемой частью единого культурного пространства и способствует взаимопроникновению разных национальных традиций, укреплению межэтнических контактов, помогает упрочению таких универсальных ценностей, как мир, терпимость и взаимопонимание. Русские и иностранные обучающиеся «не только узнают о многообразии культурно-исторических традиций, религий и укладов, особенностях материальной и духовной деятельности людей разных стран, но и учатся бережно относиться к непонятной порой культуре, понимать специфические особенности искусства других народов, уважительно воспринимать человека с отличным от своего мировоззрением» [4]. 6 сентября 2015 года состоялось заседание комитета Законодательного Собрания Красноярского края по образованию, культуре и спорту, на котором шла речь о мерах по развитию научно-образовательного комплекса края. Структура абитуриентов художественного института на 50 % состоит из представителей других регионов, что является лучшим показателем среди вузов Красноярского края и позволяет говорить о востребованности образования в сфере искусства и культуры среди многонациональных абитуриентов. Благодаря этому процесс социально-культурной адаптации иностранных студентов проходит достаточно гармонично.

Особенностью поступления в творческом вузе является наличие дополнительных творческих и профессиональных испытаний, кроме обязательных русского языка и литературы. Среднестатистический абитуриент, поступающий в творческий вуз должен быть уже профессионально подготовлен, чтобы сдать вступительные экзамены. Иностранные абитуриенты проходят вступительные испытания на общих основаниях и должны показать необходимый уровень профессиональных компетенций (рисунок, живопись, композиция). Как правило, это выпускники средних специальных учебных заведений, которые имеют право сдать русский язык не в форме ЕГЭ, а непосредственно в вузе. Суммируемый средний бал позволяет им участвовать в конкурсе на бюджетные места или участвовать в конкурсе на платной форме обучения. Нужно отметить, что среднее профессиональное художественное образование в странах ближнего зарубежья построено по аналогам ещё «советских образовательных стандартов», что позволяет участвовать в творческих испытаниях на хорошем профессиональном уровне.

Абитуриенты, чей родной язык не является государственным, имеют возможность компенсировать недостаточную подготовку по русскому языку высокими баллами по творческим и профессиональным испытаниям. Например, в приёмной кам-

пани 2016 года на специальность «Скульптура» было зачислены 7 абитуриентов, из которых этнически русскими являлись только двое. Качественнее других прошедшими творческие испытания были абитуриенты, представляющие другие этнические группы.

Последующая адаптация иностранных студентов связана с включением в учебный процесс, а нахождение в творческой среде и профессиональная мотивация позволяют уже к концу 1-го курса хорошо владеть навыками общения на русском языке. Освоение предметов специального цикла у них идет с опережением изучения гуманитарных дисциплин. Индивидуальное обучение и внимание со стороны профессорско-преподавательского состава и основного контингента студентов в компактных группах позволяют комфортно и мобильно провести процесс вхождения в культурную среду учебного заведения и активного приобретения необходимых для жизни основных норм, образцов, ценностей новой окружающей действительности. Успехи в профессиональной деятельности позволяют более успешно позиционировать себя в других сферах (активное участие в общих институтских мероприятиях, – таких как подготовка совместных праздников, выставок, спортивных соревнований, фестивалей). Играет роль и способ поступления: по личному заявлению или по межгосударственному соглашению, т. е. ситуация защищенности также способствует лучшей социально-культурной адаптации.

Процесс адаптации и реализации творческого потенциала иностранных студентов проходит в двух плоскостях, взаимно влияя друг на друга:

- учебно-творческой деятельности (творческая самореализация студентов в условиях аудиторных занятий, летних и производственных практик, пленэрах, участие в конкурсах и грантах);
- во внеучебной деятельности (бытовая деятельность, самостоятельная творческая самореализация, выставочная деятельность, совместные социокультурные проекты).

Первостепенную значимость для иностранного обучающегося приобретает актуализация профессии, ее осознанный выбор, что позволяет быть уверенными в дальнейшей своей востребованности как специалиста на родине, что мотивирует их к достижению высоких результатов в учебе и участию в творческих конкурсах и грантах. Это обуславливается уже достаточно «зрелым» возрастом студента – 20–25 лет, позволяющим осознанно выстраивать свою индивидуальную творческую и образовательную траекторию. Что в других вузах является серьезным психологическим барьером, учитывая различие образовательных стандартов, то в творческом вузе сам предмет образования – культура и искусство – помогает вхождению в профессиональную среду и личностному становлению.

Регулярные проекты с учебными заведениями ближнего и дальнего зарубежья (Китай, Монголия, Таджикистан, Узбекистан, Казахстан) способствуют укреплению взаимовыгодного партнерства с творческими и образовательными коллективами, что также позволяет осуществлять процессы социальной адаптации. Иностранные студенты художественного института с успехом участвуют в международном молодежном фестивале «Студенчество без границ», который проводится в целях объединения иностранных и российских студен-

тов, обучающихся в вузах г. Красноярска. Иностранцы знакомятся с российской культурой, общностью, этносом; происходит формирование толерантности и уважения к различным этносам, позиционирование г. Красноярска и Красноярского края в мировом образовательном пространстве, приобщение молодежи Красноярского края к культуре различных стран и воспитание уважительного отношения к культурам различных этнических групп. Институт землячества также является эффективным инструментом адаптации иностранных обучающихся в творческом вузе, позволяющим на бытовом уровне приспособиться к условиям жизни в России.

Внимание к национальным традициям и культурным корням обучающихся со стороны профессорско-преподавательского состава и студенческого коллектива имеет положительный результат не только в плане социальной, психологической адаптации, но при создании произведений искусств в области живописи, графики, скульптуры в виде курсовых работ, летней практики, выпускных квалификационных работ на тему многообразия культурно-исторических и национальных традиций.

В КГХИ проводится активная работа по прогнозированию будущего контингента иностранных студентов, что решает многое в адаптационном процессе иностранных обучающихся:

- обучение, воспитание (тьюторство) и подготовка к выбираемой специальности (учебно-методическая работа на подготовительных курсах);
- расширение просветительской деятельности с целью укрепления единого культурного пространства;
- своевременное информирование с использованием новейших технологий.

В ряде научных источников показано, что успешность культурной адаптации зависит от степени сходства (или различия) культуры, к которой принадлежит мигрант, и культуры, в которой он оказывается, а также от его индивидуально-психологических особенностей [5]. Но тьюторское сопровождение позволяет более внимательно отнестись к культурным и национальным предпочтениям иностранных обучающихся. Как правило, к ним прикрепляются студенты по принципу сходства культур (Монголия – Бурятия, Узбекистан – Республика Алтай и т. д), эта практика распространяется на расселение в общежитии, творческую и выставочную деятельности, совместные социокультурные проекты.

Активная языковая коммуникация, общая профессиональная терминология (для большинства стран), изучение истории культуры и искусства других стран позволяют быстрее найти точки соприкосновения. В ряде случаев при низком уровне владения языком прикрепляется педагог-переводчик (например, для обучающихся из Китая).

Тьюторство с успехом помогает осуществить и другие виды адаптации, не менее важные, чем погружение в культурную среду, например социально-бытовые. Это решение проблем питания, вопросов с медицинской страховкой и медицинским обслуживанием, с ориентацией в городе, вопросов по работе с банковскими системами и т. п.

Иностранцы студенты с тьюторами

Мастер-класс студентов КГХИ.
Узбекистан

Хусенов Хуршет. Домой.
Таджикистан

Джоу Сяо. На рисовых полях.
Китай

Тьюторское сопровождение применяется в КГХИ в течение многих лет и зарекомендовало себя как одно из основных средств социально-культурной адаптации студентов-иностранцев. Индивидуальная работа прикрепленных педагогов по совершенствованию профессионального мастерства, погружению в культурную и языковую среду создает условия для разнообразных форм и методов педагогического сопровождения, учитывающие индивидуальные затруднения в образовании, общении, бытовой адаптации.

Список литературы

1. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма на 2013–2020 годы»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014. № 317 // ГАРАНТ. РУ: инфор. правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/70644226/#ixzz4PggS7tdt>.
2. Рапацевич Е. С. Педагогика: современная энциклопедия. Минск, 2010. С. 610.

3. Культура и культурология: словарь / сост. и ред. А. И. Кравченко. М., 2003. С. 450–452.
4. Шайгозова Ж. Н. Художественная педагогика и поликультурное образование // Вестн. Нижневарт. ун-та: электрон. науч. журн. 2012. № 3. URL: <http://vestnik.nvsu.ru/arhiv/30/?st=286>.
5. Уваров М. С. Третья природа: размышления о культуре и цивилизации. СПб., 2012. 252 с.
6. Стукалова О. В. Интегративные процессы в современной культуре в контексте идей Ю. М. Лотмана (педагогический аспект) // Педагогика искусства: электрон. науч. журн. 2008. № 4. URL: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/integrativnyye-processy-v-sovremennoy-kulture-v-kontekste-idey-yu-m-lotmana>.

УДК 17.035.3:304.444

М. В. Топоева

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

«НОВАЯ ЭТНИЧНОСТЬ» КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Одним из негативных последствий глобализации является исчезновение этносов как целостности во времени и пространстве: разрушается традиционная среда обитания, этническая культура становится экспонатом этнографических музеев или праздников, социальные функции языка сужаются до бытового. Можно констатировать, что этносов в их примордиалистском смысле уже и не осталось.

Серьезной проблемой для ученых, анализирующих сущность этноса, является то, что они, как правило, рассматривают его в статике. Однако этнос в момент возникновения – совсем не то же самое, что на взлете этнического развития или же в периоды кризиса и упадка. Реальное поведение народов в истории зависит от множества причин, но в первую очередь – от их потребностей и интересов на том или ином отрезке развития. Вполне предсказуемой реакцией на процессы универсализации являются усилия акторов в ревитализации этнических сообществ, объединенных стратегическими целями по их сохранению и развитию. В этих условиях именно конструктивизм становится востребованным национальными элитами. Они формируют не столько этносы как реально функционирующие сообщества людей, сколько предлагают новые варианты «этничности» как матрицы общественного сознания, означающие констатацию принадлежности человека к определенному этносу или явлению культуры – к определенному этническому типу культуры.

«Этничность» как понятие разрабатывается западным научным сообществом с начала 60-х годов XX века. Зарубежные исследователи активно вводят понятие «этничность» вме-

сто привычного для нас понятия «этнос». Это определялось не столько тем, что в западных странах классические этносы сошли с исторической арены, но, главным образом, необходимостью усилить интеграционные процессы по формированию наций-государств и надэтнических сообществ.

Начиная с 90-х годов уже и российские ученые используют его в своих работах. По-видимому, замена понятия «этнос» «этничностью» и здесь определялась теми же причинами. Надо отметить, что конструктивизм был представлен и в период социализма, когда было принято решение о формировании «новой общности – советского народа», сегодня говорят о возможности принятия закона о «российской нации». Это свидетельствует только о том, что возникли новые проблемы, требующие своего осмысления. Так, необходимо определить, совпадают ли по объему маркеры и границы «этничности» и «этноса». По мнению Ф. Барта, этносы определяются, прежде всего, по тем характеристикам, которые сами члены группы считают для себя значимыми и которые лежат в основе их самосознания [1].

Между тем российские исследователи, понимая сложность сохранения в условиях глобализации этнических сообществ как целостности, настаивают на необходимости учитывать их объективные характеристики (маркеры) – «единство территории, культуры, исторической судьбы» [2]. Именно на них акторы этнического возрождения делают ставки, стремясь возродить этносы как пространственно-исторические целостности.

Этнос радикально изменился сам, он вписан в новую социальную реальность, этнофоры также модифицировались: они носители глобальной, региональной, этнической и индивидуальной идентичностей. В процессе конструирования появляется так называемая «новая этничность». Она не совпадает с традиционной этничностью, последняя представляет собой органическую целостность, так как процесс формирования этносов связан с адаптацией к «вмещающему ландшафту» и бытию этноса в истории. «Новая этничность» конструируется на основе либо возрождения или даже усиления традиционных, но утрачиваемых, маркеров (например, язык, религия и пр.), либо с использованием ранее не присущих этносу явлений (национальная мода и др.). В результате чего она носит скорее символический, а порой и имитирующий характер.

Список литературы

1. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сб. ст. / под ред. Ф. Барта. М.: Новое изд-во. 2006. С. 17–41.
2. Анжиганова Л. В. Эволюция мировоззрения хакасов. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2007. С. 13.

УДК 314.3:314.151(47+57)

О. И. Родак

Иркутский государственный университет

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА УРОВЕНЬ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ

Одной из самых актуальных проблем современности является миграция. Под миграцией мы будем понимать перемещение и переселение людей из одной местности в другую. Люди стремятся поменять место жительства, ищут экономическую и социальную стабильность, которая заключается в поиске работы и изменении образа жизни. Особенно это касается внутренней миграции.

Это происходит из-за того, что у нас в стране прослеживается ухудшение экономического состояния семей, чаще всего это характерно для молодых людей, которые только вступили в брак. Большинство молодых семей имеют потребность в жилье, но их доход не даёт им возможности приобрести его, тем самым отодвигая желание иметь детей на «второй план». Они думают лишь о том, как выжить самим (именно выжить!), а потом уже о рождении детей. Если молодая семья – студенты, то помимо учёбы им приходится работать, что негативно сказывается на уровне их здоровья, а в дальнейшем – на здоровье их детей. Поэтому мужской части населения приходится уезжать на заработки в Центральные регионы нашей страны [1].

По официальным данным Росстата в 2015 году из Центрального федерального округа в Сибирский федеральный округ мигрировало 19 580 человек, а вот из Сибирского в Центральный округ мигрировало людей в два раза больше (37 950 человек). А если взять 2013 год, то в Сибирском округе произошла убыль населения на 52,1 тыс. человек, в то время как в Центральный округ мигрировало 142,6 тыс. человек [2]. На основании данной статистики мы можем заметить, что население перемещается в Центральные регионы нашей страны. Вследствие этого количество мужчин в нашем регионе будет снижаться. По данным Иркутскстата в 2016 году доля мужчин в Иркутской области составляет 46,2 %, в то время как доля женщин – 53,8 % [3]. Можно предположить, что эта тенденция в дальнейшем негативно «скажется на демографической ситуации в стране», которая «приведёт к снижению рождаемости» [1].

Но если вспомнить события XX века, то современная международная миграция, наоборот, способствует повышению рождаемости в нашей стране. В конце XIX – начале XX века в России произошёл демографический взрыв. Но прирост населения, полученный в результате этого взрыва, был уничтожен в ходе ужасных исторических катаклизмов, выпавших на долю русского народа в XX веке.

Снижение рождаемости в 1930-е годы в первую очередь были вызваны голодом в 1933 году, а также крайне нестабильной социально-политической ситуацией в обществе,

связанной, прежде всего, с коллективизацией, массовыми репрессиями и мобилизацией мужского населения на так называемые стройки коммунизма. В 1936 году аборт был законодательно и сурово преследовался в уголовном порядке. Тем не менее уровень рождаемости продолжал снижаться, в том числе и за счет огромного числа нелегальных абортов. Никакого ожидаемого властями эффекта, особенно долгосрочного, запрет на аборт не дал. Сильнейший удар по уровню рождаемости нанесла Вторая мировая война, так как во время войны родилось очень мало детей, и очень много мужчин погибло в это время.

А сейчас в странах Азии, Африки и Латинской Америки, наоборот, мы наблюдаем демографический взрыв. Такое демографическое положение неизбежно приводит к миграции или даже к нашествию населения из Азии, Африки и Латинской Америки в Европу, Северную Америку и в том числе Россию. Первым предвестником такого нашествия стал исламский глобальный терроризм, война в Чечне и американские операции в Афганистане и Ираке. Поэтому эта тенденция немного стала «спасать» демографию нашей страны.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что влияние миграции на рождаемость в России носит как негативный, так и позитивный характер. С одной стороны, внутренняя миграция мужчин нарушает гендерный состав населения России, которое приводит к снижению рождаемости. С другой стороны, международная миграция помогает восстановить численность населения России, а также повысить рождаемость, но путём смешения кровей различных национальностей. Поэтому можно сделать вывод, что миграция оказывает значительное влияние на уровень рождаемости и воспроизводство населения.

Список литературы

1. Родак О. И. Россия без мигрантов в эпоху глобализации // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. (30 ноября – 2 декабря 2015 г.) / отв. за вып. Н. П. Копцева. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. С. 245–246.
2. Федеральная служба государственной статистики // Внутривоспроизводство населения по территориям прибытия и выбытия («шахматка» по федеральным округам). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/.
3. Федеральная служба государственной статистики // Численность мужчин и женщин Иркутской области. URL: http://irkutskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/irkutskstat/resources/c966d4004db57f72871eef3107d9bf7d/chisl.html.

СЕКЦИЯ 4

**РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КАК ЯЗЫК
МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ. ПРОБЛЕМЫ
ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

УДК 378.016:304.44

Я. М. Дайнеко¹, О. Г. Смолянинова²

¹ Аспирант Института психологии, педагогики и социологии
Сибирского федерального университета

² Директор Института психологии, педагогики и социологии
Сибирского федерального университета, доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой информационных технологий обучения и непрерывного образования,
академик РАО

ИССЛЕДОВАНИЕ КОМПОНЕНТОВ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БАКАЛАВРОВ – БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

В конце XX столетия международная организация ЮНЕСКО обозначила глобальной целью образования формирование общества, основанного на общечеловеческих ценностях культуры мира, толерантности, активной межкультурной коммуникации. В ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Государственной программе РФ «Развитие образования» (2013–2020 годы), ФГОС ВО особое место занимают поликультурные компетенции как сложные интегративные качества личности, выраженные в различных знаниях, умениях, мотивационном и поведенческом компонентах. Современная ситуация непрерывного развития общества предполагает гармонизацию межэтнических отношений средствами образования, связанных с результативностью деятельности с качеством образования, формированием единой национальной и культурной (этнической, региональной) идентичностей [1].

Требуется знание целого комплекса форм поведения, истории, психологии, культуры партнеров по общению, знание механизма процесса общения, наличие определенных личностных качеств и отношений, поведенческих навыков, совокупность которых можно определить термином «компетентность». Формирование межкультурной компетентности и толерантности – качеств личности, необходимых для жизни в мультикультурном социуме, является важной задачей образования [2].

С. К. Бондырева определяет толерантность как способность индивида без возражений и противодействия воспринимать отличающиеся от его собственного мнения образ жизни, характер поведения и какие-либо иные особенности других индивидов, это доминанта отказа от агрессии [3]. Т. Ю. Гурьянова рассматривает толерантность как один из показателей проявления одного из компонентов (мотивационно-ценностного) поликультурной компетентности. В качестве критериев и показателей поликультурной компетентности студентов данный исследователь выделяет: когнитивный критерий (полнота поликультурных знаний – информированность); мотивационно-ценностный критерий (толерантность, бесконфликтность, эмпатия); деятельностный критерий (сформированность поликультурных умений и навыков; наличие опыта позитивного взаимодействия с представителями разных куль-

тур) [4]. Р. Р. Агадуллин рассматривает поликультурную компетентность как важнейшую профессиональную компетентность современного учителя. Поликультурная компетентность является интегрированным результатом учебной деятельности, педагогической практики, внеучебной воспитательной работы, а также их самодетерминационных аналогов (самообразования, самообучения, самовоспитания) [5].

ФГОС ВО по УГС «Образование и педагогические науки» выделяет в качестве важнейших качеств личности: способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия; способность работать в команде, готовность толерантно воспринимать социальные, культурные и личностные различия; способность к самоорганизации и самообразованию [6].

Особое значение в этой связи приобретает реализация принципов поликультурного образования в процессе профессиональной подготовки будущих педагогов, развитие у них поликультурной компетентности как профессионального и общесоциального личностного качества. Такое двустороннее рассмотрение поликультурной компетентности педагога связано, с тем, что учитель, с одной стороны, является членом поликультурного общества, а с другой – в силу педагогической миссии должен быть способен и готов к поликультурному воспитанию подрастающего поколения [7]. Поликультурная компетентность личности определяет ее продуктивную жизнедеятельность, способность ориентироваться в различных сферах социальной и профессиональной жизни, гармонизирует внутренний мир и отношения с поликультурным обществом [8].

В рамках работ по проекту РГНФ №16-16-24005 «Развитие научно-образовательного комплекса Красноярского края средствами электронной платформы непрерывного образования (PL2S)», реализуемого проектной командой ИППС СФУ в 2016 году было проведено масштабное исследование компонентов поликультурной компетентности (толерантности, идентичности и информированности) при помощи авторских методик на различных образовательных ступенях [2]. Данная работа представляет исследование этих компонентов у бакалавров, обучающихся по УГС «Образование и педагогические науки» в ИППС СФУ. Полученные данные были сравнены в динамике с 1-го по 4-й (выпускной) курс. Представим некоторые из них.

Подавляющее большинство респондентов относят себя к русской национальности (от 95–99 %). Среди представителей других национальностей отмечены украинцы, тувинцы, хакасы, белорусы.

Показатели толерантности. Результаты опроса студентов разных курсов свидетельствуют, что от 33 до 59 % «довольны» или «скорее довольны» проживанием в многонациональной среде. Отметим, что к выпускному курсу процентное соотношение положительно относящихся к многонациональному составу региона возрастает, снижается уровень негативно настроенных (рис. 1).

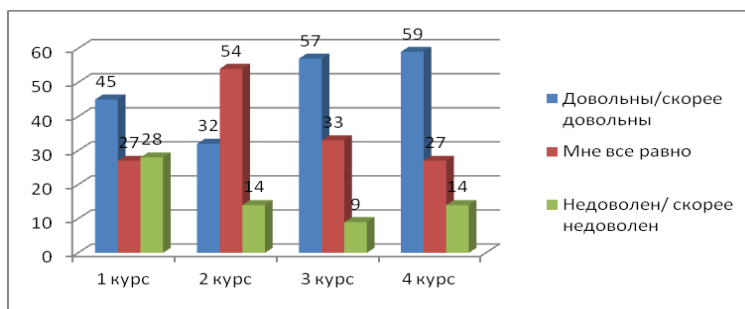

Рис. 1. В Красноярском крае проживают представители многих национальностей. Как вы относитесь к тому, что живете в многонациональной среде?, %

Среди респондентов, преобладают те, кто доволен мультирелигиозностью социума, в котором они проживают (рис. 2) или индифферентны к религиозному составу социума. Динамика по курсам указывает на снижение уровня недовольства с 18 до 10 %, однако к 4-му курсу в большей степени проявляется индифферентное отношение.

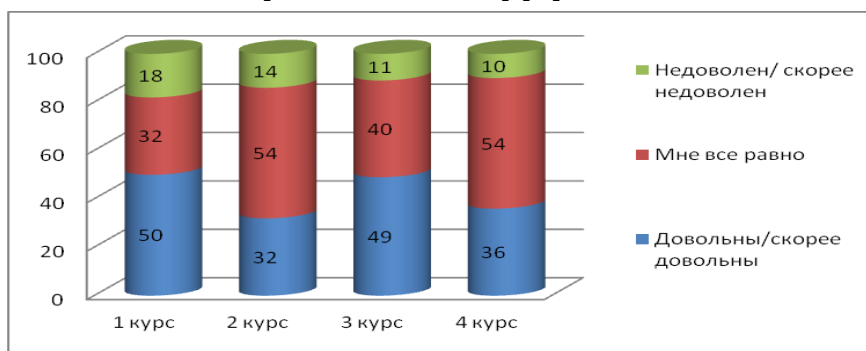

Рис. 2. В Красноярском крае проживают представители многих религий. Как вы относитесь к тому, что живете в мультирелигиозной среде?, %

О том, что существуют такие национальности или группы национальностей, к которым будущие педагоги не испытывают дружеских чувств, сообщили от 26 до 32 % опрошенных (рис. 3). Для 56 % респондентов таких национальностей в целом нет, но отдельные их представители вызывают неприязнь. Только от 12 до 22 % студентов высказали наиболее толерантную позицию, указав, что нет таких национальностей, к которым они заранее не испытывают дружеских чувств, причем наибольший уровень толерантности выражают бакалавры старших курсов.

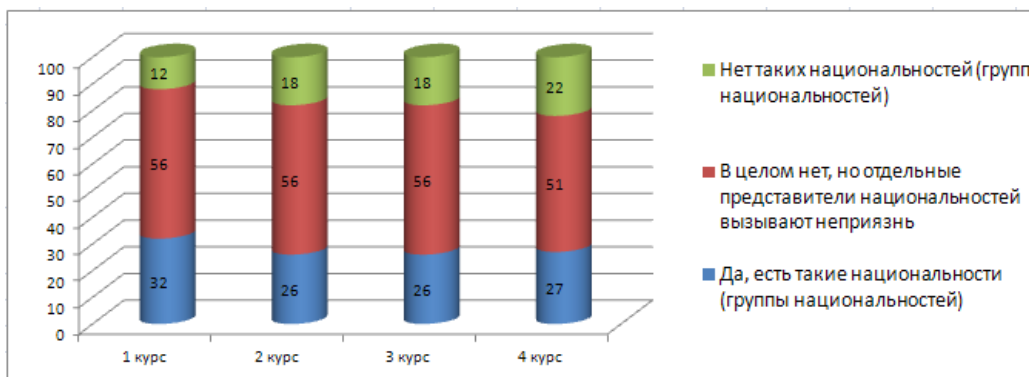

Рис. 3. Есть ли национальности или группы национальностей, к которым вы не испытываете дружеских чувств?, %

В ходе исследования была измерена социальная дистанция, которую студенты устанавливают по отношению к выходцам из разных стран. Для диагностики социальной дистанции использована шкала Богардуса. Минимальная дистанция соответствует значению «1» – готовность жителей края принимать представителей другой национальности в качестве члена семьи; «2» – готовность быть близкими друзьями с представителями других национальностей; «3» – быть соседями, проживать на одной улице; «4» – быть коллегами по работе; «5» – жить с ними в одном городе, поселке; «6» – согласие видеть их как жителей Красноярского края; «7» – максимальная дистанция, желание не видеть их в Красноярском крае.

Респонденты более открыты для контактов с представителями восточноевропейских стран (рис. 4) ($I \approx 3,33$), то есть готовы быть соседями. Более выражена дистанция относительно представителей стран Центральной Азии и Закавказья ($I \approx 4,13$ и 4 соответственно), респонденты согласны скорее быть коллегами по работе/учебе. Самая длинная дистанция установлена по отношению к представителям Китая ($I \approx 4,2$), но респонденты также готовы видеть их в качестве коллег по учебе и работе.

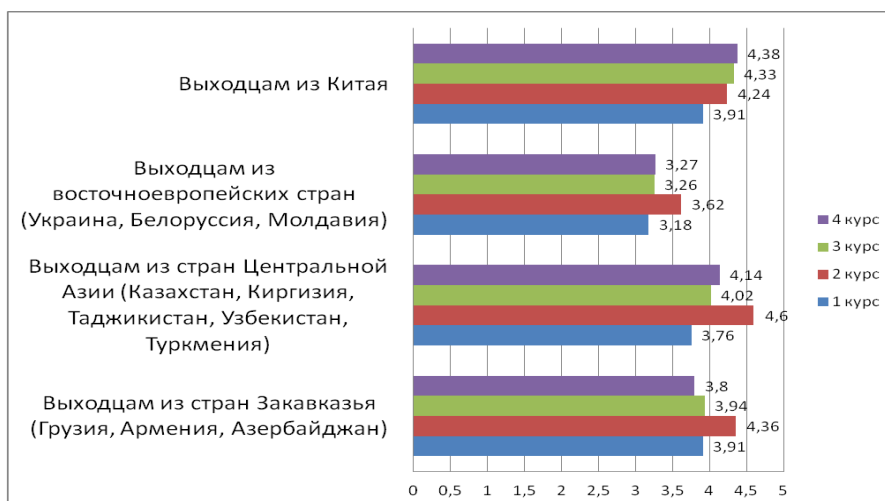

Рис. 4. Индексный анализ социальной дистанции, которую устанавливают абитуриенты по отношению к выходцам из стран Закавказья, Центральной Азии, восточноевропейских стран, Китая

Динамика по курсам видна отчетливо только относительно представителей Китая (+0,47) и стран Центральной Азии (+0,38). Наибольшие показатели дистанции демонстрируют бакалавры 2-го курса.

Для оценивания результатов выбран вариант интерпретации шкалы Богардуса, предложенный В.Сергеевым (индекс от 1 до 2 – слияние; от 3 до 5 – толерантность; от 6 до 7 – изоляция или ксенофобия) [9]. Согласно этой шкале все бакалавры находятся в пределах толерантного отношения к представителям других национальностей.

Показатели информированности. На территории Красноярского края проживают представителей 159 национальностей (Всероссийская перепись населения, 2010 год). Уровень осведомленности студентов об этом крайне низкий, составляет от 8 до 20 % и снижается к старшим курсам (рис. 5). При этом от 37 до 49 % затруднились ответить на данный вопрос анкеты, от 35 до 48 % дали неверные ответы.

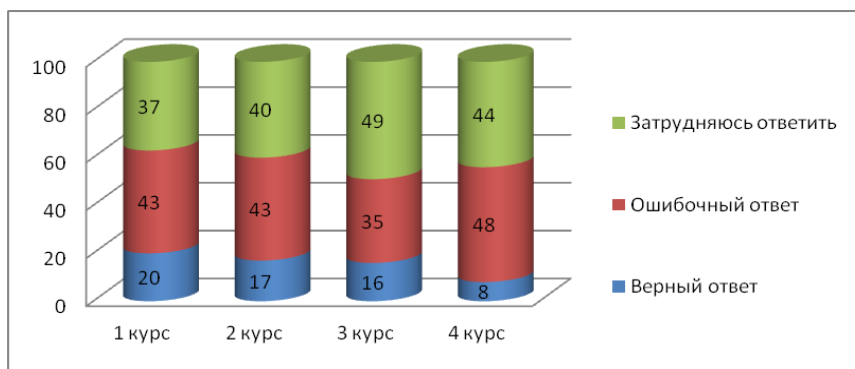

Рис. 5. Представители какого количества национальностей, по вашему мнению, проживают в Красноярском крае? %

В Красноярском крае действует свыше 70 национально-культурных объединений. Они выступают активными агентами интеграции и нормализации межэтнических отношений в многонациональном регионе. О наличии таких объединений в крае осведомлены всего от 16 до 20 % абитуриентов (рис. 6). При этом всего около 50 % респондентов не обладают точной информацией о них, но отметили, что «что-то слышали об этом», от 20 до 38 % пребывают в полном неведении.

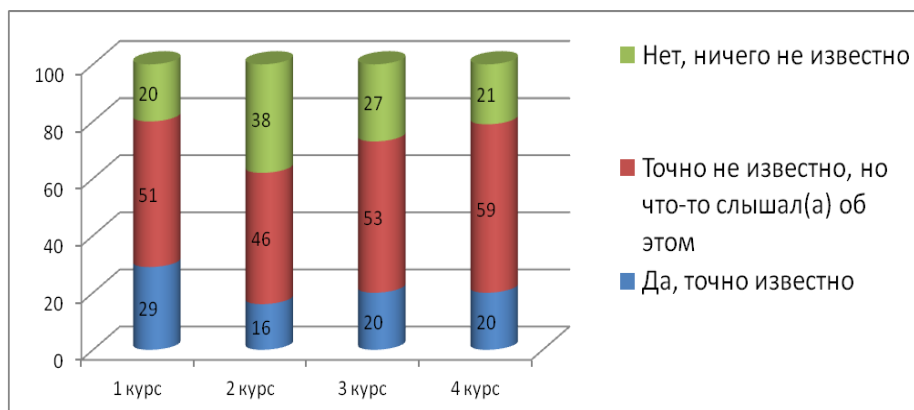

Рис. 6. Известно ли вам о существовании в Красноярском крае национально-культурных объединений (общественных организаций, объединяющих представителей тех или иных национальностей)? %

Одним из показателей осведомленности выступило знание религиозной палитры края. Так, почти 100 % опрошенных указали, что в нашем регионе проживают представители христианской религии, от 84 до 97 % в курсе о представителях ислама (рис. 7). В то же время о наличии в крае других религий известно значительно меньшему числу опрошенных. Так, на существование в нашем регионе католицизма указали от 50 до 74 % абитуриентов, буддизма – 53–62 %, старообрядчества – 33–42 % и иудаизма – 28–57 %. Упоминания о других религиях единичны. Интересен факт, что никто из респондентов не отметил, что католики являются представителями христианства.

На вопрос «Какие события в Красноярском крае за последний год, связанные с темой национальности и межнациональных отношений вы помните?» 96 % ответили, что никаких, 4 % назвали День народного единства, Курбан Байрам.

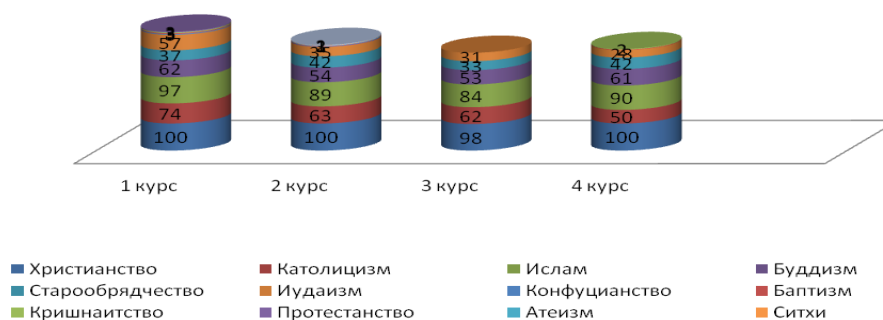

Рис. 7. Представители каких религий, по вашему мнению, проживают в Красноярском крае? %

Таким образом, по показателю «Толерантность» будущие педагоги имеют достаточно высокий уровень. Уровень же информированности является преимущественно низким. Бакалавры имеют расплывчатые и фрагментарные представления о национальном и религиозном составе жителей нашего региона, о НКО и событиях на его территории, а также влиянии этих составляющих на среду и работу педагога. Можно сделать вывод о необходимости усиления поликультурной составляющей профессиональной подготовки будущих педагогов для интеграции и адаптации детей мигрантов к условиям школы и края, поликультурного воспитания и гармонизации межэтнических взаимоотношений в школе и регионе.

Список литературы

1. Становление идентичности и толерантности в условиях поликультурного образования: монография / отв. ред. А. К. Лукина. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 260 с.
2. Практика взаимодействия Сибирского региона в сфере реализации государственной национальной политики: поликультурная образовательная платформа Сибирского федерального университета: коллективная монография / отв. ред. О. Г. Смолянинова. Красноярск: Гротеск, 2016. 236 с.
3. Бондырева С. К., Колесов Д. В. Толерантность (введение в проблематику). М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. 240 с.
4. Гурьянова Т. Ю. Формирование поликультурной компетентности студентов ссузов: на материале обучения иностранному языку: дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары, 2008. 220 с.
5. Агадуллин Р. Р. Поликультурная профессиональная компетентность современного учителя // Проблемы современного педагогического образования. М.: Пед. пресса, 2003. С. 12–172.
6. Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» (уровень бакалавриата): приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 4.12.2015 № 1426. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/440301.pdf>.
7. Поликультурная компетентность педагога: монография / С. А. Хазова, Ф. Р. Хатит. Майкоп: ЭЛИТ, 2015.
8. Новикова И. А. Формирование и развитие поликультурной компетентности педагогических работников в постдипломном образовании // Междунар. науч.-исслед. журн. Екатеринбург. 2015. Ч. 5, № 10 (41). С. 39–42.
9. Сергеев В. Социальная дистанция и национальные установки // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 57–61.

УДК 316.647.5-053.5(571.14)

Ю. С. Малетина¹, Н. Н. Касенова²

¹ *Направление «Педагогическое образование», профиль «Начальное образование»,
Институт детства, Новосибирский государственный педагогический университет*

² *Кандидат педагогических наук, старший преподаватель ПИМНО Института детства
Новосибирского государственного педагогического университета*

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ГОРОДА НОВОСИБИРСКА

Россию – страну, в которой мы живем, – можно изобразить в виде пазла: она состоит из множества народов, обладающих своей культурой, своими обычаями, и людей, говорящих на своих языках. Все народы различны по величине, по характеристикам социальным и экономическим, все имеют свой голос – язык, культуру, особый духовный склад, отличительный характер.

В Новосибирске, где население очень разнопланово в национальном аспекте, ребенок, воспитываясь в семье конкретного этноса, в рамках одной национальной культуры, поступая в школу, погружается в особую социальную среду, где знакомится с другими культурами. Примером чего может служить данные по национальному составу Новосибирской области (табл. 1).

Данная статистика подтверждает, что город Новосибирск является одним из примеров таких многонациональных поселений (городов), что резко актуализирует проблему формирования культуры межнационального общения и взаимодействия [1].

Именно поэтому проблема толерантного воспитания в условиях миграционных процессов г. Новосибирска является, по нашему мнению, актуальной и прогрессивной, имеющей социокультурную и политическую значимость, поскольку в поликультурных условиях особую важность приобретает задача объединения общества на основе толерантных ценностей, готовности защиты интересов личности ребенка и общества в целом.

Сама по себе этническая толерантность как культурная составляющая характеризуется особым отношением личности, которая проживает в мире и согласии в стране, семье, школе, классе. Что в заключение формирует у каждого такие человеческие качества: терпимость, уважение, доброжелательность. Все это способствует поддержанию благожелательных и дружеских связей между различными народами, странами. Это способствует утверждению в сознании человека понимания огромной значимости общечеловеческих ценностей и идеалов в прогрессе общества. Однако в школе имеют место быть случаи нетерпимости, непонимания к другой культуре, к иному образу жизни, религии. Едва ли не каждая школа г. Новосибирска многонациональна. В начальных классах обучаются и воспитывают-

ся представители разных национальностей, только граждан РФ, переехавших из своих этнических регионов, таких как тувинцев, якутов, алтайцев, бурят и др. встречаются все больше и больше, не считая иностранных граждан, приехавших из ближнего зарубежья (таджики, узбеки, киргизы, украинцы и др.). В связи с этим многие из учителей сталкиваются с проблемами, которые образуются на почве несформированности у учеников этнической толерантности или, напротив, уже сформированной интолерантностью.

Таблица 1

Национальный состав населения Новосибирской области по наиболее многочисленным национальностям в 2002–2010 гг.

Национальность	Человек		В % к указавшим национальную принадлежность	
	2002 год	2010 год	2002 год	2010 год
Все население	2692251	2665911	X	X
В том числе указавшие национальную принадлежность	2691855	2541052	100	100
Русские	2504147	2365845	93,0	93,1
Немцы	47275	30924	1,8	1,2
Татары	27874	24158	1,0	0,9
Украинцы	33793	22098	1,3	0,9
Узбеки	2047	12655	0,08	0,5
Казахи	11691	10705	0,4	0,4
Таджики	2784	10054	0,1	0,4
Армяне	7850	9508	0,3	0,4
Азербайджанцы	7366	8008	0,3	0,3
Киргизы	1423	6506	0,05	0,3
Белорусы	8380	5382	0,3	0,2
другие национальности	37225	35209	1,4	1,4
Не указавшие национальную принадлежность и лица, сведения по которым получены из административных источников	396	124859	X	X

На учителя начальных классов возложена огромная задача, ему требуется сформировать и установить толерантное отношение между всеми участниками образовательного процесса.

Хотелось бы отметить, что в наше время выдвигается проблема не только культуры межэтнических отношений и толерантного сознания, но и профилактики и диагностики интолерантности в обществе. Эта проблема возникает на основе особых убеждений отдельных лиц и групп, которые признают единственно истинными свое мировоззрение, образ жизни. Они считают неправильным и осуждающим все другие обычаи, религии и прочие, а себя ставят выше по отношению к остальным культурам и народам [2].

Чтобы узнать, как сформированы понятия толерантности и интолерантности у детей младшего школьного возраста, мы провели опрос учеников начальных классов школы № 50 г. Новосибирска (с 1-го по 4-й классы), где процентное соотношение учащихся, являющихся

представителями других национальностей к местным жителям находится в соотношении 30 (якуты, тувинцы, алтайцы, армяне и буряты) к 70% (русские). В опросе приняли участие 118 человек. Данный опрос был составлен нами самостоятельно.

Таблица 2

Опрос учащихся о сформированности понятий «толерантность» и «интелерантность».
Ответы выражены в процентах

Текст вопроса	Ответы опрошенных, %		
	Да	Нет	Затрудняюсь с ответом
1. Хорошо ли вы знаете историю своего народа?	75	7	18
2. Вы уважительно и доброжелательно относитесь к представителям другой национальности?	96	3	1
3. Вы охотно примете к себе в команду ученика другой национальности?	77	11	11
4. Чувствуете ли вы неблагоприятное отношение к себе со стороны других ребят из-за своей национальности?	23	75	3
5. Вам сложно выстраивать общение с ребятами из-за стеснения своей национальности, своих отличительных черт?	27	73	–
6. Вы уважительно относитесь к традициям других народов?	99	1	–
7. Знаете ли вы какие-либо праздники, игры, сказки других народов?	41	59	–
8. Хотели бы вы подружиться с представителем другой национальности и узнать увлекательные обычаи другой культуры?	98	2	–

Анализируя данные результаты, можно отметить, что большинство учеников положительно относятся к людям иной национальности, что подтверждается ответами на вопрос «Вы уважительно относитесь к традициям других народов?», где 99 % младших школьников ответили положительно. Но все же есть такие дети, пусть и в малом количестве, которые принимать другую культуру не хотят. Возможно, как показали ответы, одним из факторов данного явления можно считать незнание обычаев других культур, однако у них есть желание узнать и открыть их для себя.

Также для некоторых учеников, которые являлись представителями других регионов России (например, из Республик Саха, Алтай и Тыва), взаимоотношение в коллективе не складывались. Именно поэтому для лучшей адаптации этих ребят мы провели работу в их классах (3 «в», 4 «б») по межэтнической толерантности и усвоению лозунга «Не такой как я – не значит враг».

Была проведена ролевая игра «Остров – Этнос», где, поделившись на две команды, дети познакомились с различными народами, выбирали каждый себе национальность, надевали национальные костюмы и, не используя речь, только с помощью жестов, мимики и звуков

строили жилище, выполняли различные, приготовленные задания. Эта игра способствовала приобретению практического опыта пребывания в другой этнокультурной группе, позволила проанализировать свои стереотипы о иной культуре и получить новые знания.

Чтобы показать разнообразие народов, мы подготовили внеклассное мероприятие, где говорили о сказках разных народов и устраивали сценки, в которых принимали участие учащиеся данных классов. Целью данного мероприятия являлось формирование этнической толерантности через идею и мораль бурятских, алтайских сказок и т. д. Как результат, можно отметить, что небольшие постановки сказок разных народов познакомили детей не только с фольклором, но также дали представление о добре и зле, о различных особенностях бытовой сферы разных народов, их обычаях.

После проведения работы с детьми, мы еще раз провели анкетирование в этих классах, где дали детям бланк под названием «Путешествие». Целью было выяснение овладения детьми понятием «толерантность», выявление того, есть ли для учащихся национальности, кажущиеся им наименее привлекательными.

Задание. Представь себе, что ты собираешься в увлекательное путешествие на самолете, тебе обязательно нужна компания! Можешь взять всех. Каких ребят других национальностей ты бы взял(а) с собой в путешествие? А кого бы оставил(а)? Почему? (Перед ребёнком раскладывались 5 фотографий детей в национальных костюмах.)

Таблица 3

Итоговый опрос учащихся по сформированности понятия «толерантность».

Ответы представлены в процентах

Класс	Ответы опрошенных, %	
	Взяли с собой всех	Взяли ограниченное количество
3 «В»	87	13
4 «б»	90	10

Проделанная нами работа помогла сформировать этническую толерантность у младших школьников, где ответ «Никого не взял» полностью отсутствовал. Это позволило легко адаптировать учащихся других национальностей.

В заключение хочется отметить, что современный школьник должен правильно воспринимать и понимать единство народов, взаимосвязь и взаимозависимость всех и каждого, живущих на планете, понимать и уважать права, обычаи, взгляды и традиции других людей. Проведя работу по нашей теме, мы выяснили, что формирование этнической толерантности у младших школьников в условиях миграционных процессов города Новосибирска прошло успешно.

Список литературы

1. Касенова Н. Н. Формирование культуры межнационального общения у представителей коренных народов Сибири в процессе их профессиональной подготовки в педагогическом вузе: дис. ... канд. пед. наук. М., 2016. 268 с.
2. Кергилова Н. В. Формирование этнотолерантности младших школьников как психолого-педагогическая проблема // Сиб. пед. журн. 2010. № 11. С. 281–289.

УДК 373.5:81'37

Д. В. Шлегель*Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева***ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ СЕМАНТИЗАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ-ИНОФОНОВ И РУССКОГОВОРЯЩИХ ДЕТЕЙ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОДНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

По Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» все дети, вне зависимости от их этнонациональных, религиозных и социальных различий, имеют право на свободный выбор образовательного учреждения, личностное развитие и самореализацию [6]. Однако увеличение в русскоязычных школах числа обучающихся, для которых русский язык является неродным, требует дополнительных организационных, методических и технологических решений. По наблюдениям ученых-методистов и учителей-практиков, школьники, для которых русский язык неродной, испытывают значительные трудности при освоении основных образовательных программ, так как низкий уровень владения русским языком сказывается на качестве и темпе освоения материала и формирования универсальных учебных действий. В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом начального общего образования, выпускник начальной школы должен обладать личностными, метапредметными (познавательными, регулятивными и коммуникативными), а также предметными универсальными учебными действиями [5]. Для их формирования ребенку-мигранту необходимо хорошо ориентироваться в той языковой среде, в которую он попал. То есть ребенок-мигрант должен уметь решать не только прагматические задачи изучения русского языка для решения минимальных коммуникативных задач, но и использовать русский язык в качестве инструмента изучения различных предметных областей. Однако существует ряд объективных факторов, затрудняющих эти важные для школьника-инофона процессы.

Я. Е. Столбова в своей статье «Проблемы преподавания языка в классах полиэтнического состава» в их числе выделяет следующие: «языковое мышление школьников-мигрантов осуществляется на родном, национальном языке», «дети-мигранты плохо читают, у них бедный лексический запас, они не воспринимают переносное значение слов, не могут пересказать текст» [4].

В связи с этим во многих образовательных учреждениях ведется адаптация школьников-инофонов к освоению основной программы, которая включает в себя дополнительные занятия русским языком, знакомство с основными социальными и этикетными нормами, психологическое сопровождение обучающихся. Необходимость оптимизировать работу по таким программам в целях сокращения сроков и создания условий для максимально комфортной адаптации обучающихся вызывает повышенный интерес педагогов, психологов и лингвистов.

Поскольку русский язык является для обучающихся и средством получения знаний, и орудием мышления, и инструментом познания, мы считаем оправданным внимание к механизмам метаязыковой деятельности и с точки зрения особенностей их проявления и их использования. Так, нам кажется очевидным наличие различий в употреблении стратегий семантизации у педагогов, русскоговорящих детей и школьников-инофонов. Семантизация – это «форма метаязыковой деятельности рядового носителя языка, направленная на экспликацию мыслительного содержания, репрезентуемого словом в его (носителя) языковом сознании» [1].

Стратегия семантизации (или интерпретации семантического значения) – это «закономерный способ мыслительного действия, в результате которого происходит осмысление и истолкование значений» [3].

Н. Д. Голев говорит о существовании следующих стратегий семантизации:

1. Дефиниционная стратегия. Подразумевает установление связи «предмет – слово».
2. Ассоциативная стратегия – соотнесение предмета с его свойством, признаком. Стратегия не подразумевает выделение главных признаков предмета и носит личностный характер для каждого.
3. Описательная стратегия использует описание предмета посредством выделения его ведущих признаков.
4. Контекстная стратегия использует при определении значения контекст употребления слова.
5. Мотивационная стратегия – определение значения слова происходит с учетом мотивировочного признака, который был использован в наименовании [3].

По утверждениям ученых и педагогов-практиков, инофоны чаще используют стратегии, требующие отработки в конкретных жизненных ситуациях, тогда как русскоговорящие дети часто применяют абстрактные стратегии семантизации. Для инофонов более характерна контекстная семантизация, тогда как данный вид семантизации у русскоговорящих детей наблюдается в среднем дошкольном возрасте [2].

В таком случае проверке подлежит гипотеза, что выбор стратегии семантизации слов обучающимися одной возрастной группы зависит от их индивидуального речевого опыта и факта, родным или неродным языком для них является русский. В качестве метода проверки гипотезы может быть выбран психалингвистический эксперимент, целью которого является описание процесса семантизации слова обучающимися разных групп и выявление наиболее типичных стратегий осмысления его значения. Форма проведения эксперимента – игровая. Выбор формы обусловлен ее частым использованием в практике работы с инофонами и, как следствие, минимизацией при ее применении проявления негативных эмоций, страхов и зажатости у участников эксперимента.

При подборе дидактического материала важно учитывать факт, что на процесс семантизации влияет тип лексического значения слова – прямое оно или переносное, мотивированное или немотивированное, свободное или несвободное, номинативное или экспрессивно-синонимическое. Таким образом, в список слов-стимулов для эксперимента должны войти слова, относящиеся к денотативной лексике, при этом отражающие все типы лексических значений. Также стоит заметить, что отбор слов должен быть проведен с учетом лексических минимумов для изучающих русский язык и программы обучения школьников в конкретном классе с той целью, чтобы исключить попадание в словник лексем, неизвестных обучающимся.

Таким образом, участниками экспериментальной группы являются младшие школьники, приехавшие из других стран. Контрольной группой следует считать русскоговорящих детей младшего школьного возраста.

Критериями оценивания результатов эксперимента служат качественные и количественные характеристики ответов участников. Другими словами, в эксперименте рассматриваются:

- использованные способы семантизации при правильных/неправильных ответах;
- причины выбора способа семантизации в обоих случаях.

Аналізу подвергаются следующие аспекты:

- соответствие типа лексического значения с определенной стратегией семантизации и частотность смены стратегий при определенном типе лексического значения;
- различие выбранных стратегий русскоговорящими школьниками и инофонами.

Фиксация результатов эксперимента проводится с помощью аудиовизуальных технических средств. Таким образом, исключается возможность потери информации и учитываются возрастные особенности данной группы обучающихся (темп письменной речи).

Результаты констатирующего психолингвистического эксперимента позволят типизировать предпочитаемые стратегии семантизации школьников, для которых русский является родным или неродным языком, что может служить материалом для усовершенствования программ обучения школьников-инофонов. По этой причине результаты исследования будут полезны студентам, интересующимся обучением русскому как неродному, и педагогам-практикам, работающим с такими детьми.

Список литературы

1. Кузнецова Т. Ю. Стратегии семантизации слов и факторы, детерминирующие их выбор // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 343.
2. Милош Т. Н., Щеголева Г. С. Особенности работы над лексическим значением слова с иноязычными школьниками // Начальная школа. 2014. № 6. С. 84–91.
3. Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000, 194 с.
4. Столбова Я. Е. Проблемы преподавания языка в классах полиэтнического состава // Ярослав. пед. вестн. 2014. Т. II, № 1. С. 94–97.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/922>.
6. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/.

УДК 811.161.1:821

О. К. Бакурова*Томский государственный университет***ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ
НА ОСНОВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Важной составляющей при обучении русскому языку является усвоение культурных паттернов через художественные тексты. Многие лингвисты, в том числе и Эдуард Сепир, утверждают, что «язык – символическое руководство к пониманию культуры» [1, с. 162], что только подтверждает идею Гумбольта, которая нашла своё крайнее выражение в гипотезе Сепира – Ворфа. В соответствии с этими представлениями язык и мышление тесно связаны [2, с. 7]. И действительно, язык отображает культуру и мышление отдельно взятой нации или отдельно взятого народа. Язык тесно связан с национальной психологией, с самобытностью народа, со стереотипами мышления, традициями. «Каждый язык отражает культуру того народа, который на нём говорит», – писал Л. В. Щерба. На Земле существует около трёх тысяч языков, и каждый язык имеет свои особенности и структурную специфику. По мнению этнолога К. Леви-Стросса, «оригинальность каждой из культур заключается, прежде всего, в её собственном способе решения проблем, перспективном размещении ценностей, которые общи всем людям. Только значимость их никогда не бывает одинаковой в разных культурах» [3, с. 72].

Язык – это зеркало культуры. При изучении русского языка иностранным студентом один из важных аспектов – это проникновение в культуру, её понимание и освоение. И ничто не покажет нашу культуру лучше, чем художественная литература, на которой выросло не одно поколение русского народа.

Так почему же преподаватели русского языка как иностранного должны включать изучение художественной литературы как обязательную часть своей образовательной программы? На это есть целый ряд объективных причин.

Во-первых, перед педагогом в любой среде (в детском саду, школе или университете) встаёт непростая задача – правильно подобрать художественно-ценные и значимые тексты, в которых будет содержаться информация о культуре нашей страны. Они должны быть не только наполнены культурной составляющей жизни русского народа, но также они быть знакомыми всему языковому коллективу и составлять фоновые знания всех носителей русского языка. Кроме того, чтение подобных текстов обогащает лексические и грамматические компетенции учащихся, помогает развитию у них других видов речевой деятельности. Кроме того, чтение художественных текстов развивает аналитическое мышление и творческие умения учащихся.

Во-вторых, лишь при наличии мотивации возникает образование высокого качества. Методисты верят, что мотивация и интерес считаются важнейшими условиями качественного обучения. Ни для кого не секрет, что обучение без мотивации неэффективно. Интерес студентов к литературе и поэзии весьма велик в любую эпоху, поэтому для повышения мотивации учащихся можно использовать художественные тексты как аутентичный материал обучения.

Согласно исследованиям психологов А. К. Марковой и А. Б. Орлова, «мотивационная сфера имеет в своем составе несколько аспектов – ряда побуждений: идеалов и ценностных ориентаций, потребностей и познавательных интересов. Приобщение к материалам культур содействует пробуждению познавательной мотивации, то есть учащиеся не только осваивают программный материал, но и знакомятся с неизвестными фактами культуры, что, несомненно, вызывает у них интерес. Поэтому процесс обучения с учетом интересов учащихся становится особенно эффективным. Из всего сказанного следует, что, поддерживая интерес к языку как средству общения, необходимо развивать интерес к нему как носителю своеобразной культуры. И немаловажную помощь в этом отношении может оказать использование культурного и духовного наследия страны изучаемого языка. И, конечно, это могут быть и лучшие образцы прозы и поэзии изучаемого языка как его содержательного компонента» [4, с. 43].

В-третьих, художественные произведения отражают культуру и духовные ценности русского народа. Обучение иностранному языку на основе ознакомления учащихся с культурой народа другой страны является одним из базовых принципов обучения этому предмету. Приобщение к культуре другого народа, как свидетельствует опыт, делает изучение иностранного языка более привлекательным.

«Художественный текст является трижды культурным объектом. Во-первых, в художественной литературе отражена вся жизнь народа, в том числе и культура как важнейшая ее составляющая. Во-вторых, язык – материал, из которого изготовлен художественный текст, – это один из важнейших культурных феноменов. Наконец, в-третьих, художественный текст как произведение искусства сам является артефактом культуры» [5, с. 40].

Таким образом, при включении изучения художественной литературы в учебный план, мы развиваем следующие навыки учащихся: знание лексического запаса различных уровней (как литературных слов, так и сленга), грамматики в расширенном объеме, необходимых страноведческих и культурных сведений, полученных из аутентичных текстов; умение общаться с носителями иностранного языка посредством разнообразных стилей общения, умение читать аутентичные тексты данного языка, используя разные виды чтения, и извлекать из текстов информацию в соответствии с коммуникативными задачами видов чтения (виды чтения: просмотровое, изучающее и ознакомительное) и овладение навыками письменной речи.

Практическая цель обучения иностранному языку на занятиях со студентами-филологами – устное и письменное владение языком в границах, близких к уровню владения носителей этого языка, приобретение знаний о системе языка и умений пользоваться этими знаниями в будущей профессиональной деятельности педагога или переводчика.

С помощью прикосновения к шедеврам русской литературы учащийся достигает всех целей при изучении языка. «Цель обучения иностранному языку есть заранее планируемый результат деятельности по овладению языком, достигаемый с помощью разных приемов, методов и средств обучения» [6, с. 20].

Более этого, одна из целей методики обучения русскому языку – воспитательная. По словам А. Н. Шукина, изучение русского языка имеет большое воспитательное значение, которое проявляется в формировании личности учащихся, развитии чувства солидарности, дружбы и взаимопонимания между народами. Формирование активной жизненной позиции рассматривается в качестве важной задачи, решаемой в процессе реализации воспитательной цели [6, с. 24], в том числе и при использовании художественных произведений в качестве учебного материала.

Список литературы

1. Sapir Edward. Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality / ed. David Mandelbaum. Berkeley: University of California Press, 1949.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
3. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. 535 с.
4. Маркова А. К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте. М.: Просвещение, 1983.
5. Кулибина Н. В. Зачем, что и как читать на уроке. СПб.: Златоуст, 2001.
6. Шукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Рус. яз., 1990.

УДК 811.161.1(575.3)

Ш. С. Нозирзода

*Юргинский технологический институт (филиал),
Национальный исследовательский Томский политехнический университет*

ЗНАЧИМОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

В последнее время мы всё чаще сталкиваемся с проблемой использования русского языка в Таджикистане.

По данным Института языкознания Российской академии наук, русский язык на территории Таджикистана имеет гораздо более глубокую историю, чем может показаться на первый взгляд: Таджикистан в составе Бухарского эмирата входил в Российскую империю ещё с

1868 года. До 1940 года в таджикском алфавите использовалась латиница, тогда как современный алфавит основывается на кириллице. За этот достаточно долгий период сосуществования таджикский язык лексически обогатился в области научно-технической, общественно-политической терминологии, а также в бытовой лексике. Во времена Советского Союза в таджикских семьях считалось престижным говорить по-русски, однако это касалось в основном лишь городского населения.

Вот выдержка из научной работы Мехриниссо Нагзибековой (Таджикский Национальный Университет), где приводятся некоторые статистические данные: «По переписи 1989 года, третьим по численности этносом в Таджикистане были русские. Их численность достигала 580 тысяч человек (11 % населения республики). Они были расселены преимущественно в городах и посёлках городского типа, составляя до 30 % всего городского населения Таджикистана. События 90-х годов (гражданская война) привели к массовой эмиграции русского населения из Таджикистана. По неофициальным данным, относящимся к середине 1997 года, из Республики выехало более 70 % русского населения».

После принятия в 1989 году «Закона о государственном языке», где русский язык был лишен статуса второго государственного и остался лишь языком межнационального общения, увеличился отток русскоязычного населения из Таджикистана. Хотя русский язык всё ещё негласно оставался вторым языком, используемым не только для личного общения, но и для ведения большого количества деловой документации, в том числе и в органах государственной власти. Вывески и лозунги по инерции продолжали печатать на двух языках – таджикском и русском [2].

В новом же «Законе о языке», вступившем в силу 6 октября 2009 года, было прописано:

- таджикский и только таджикский язык является государственным на территории Республики Таджикистан, и каждый гражданин Республики обязан знать его;
- любые нормативно-правовые акты, разрабатываемые правотворческими органами должны быть выполнены только на таджикском языке;
- государственный язык является официальным языком науки;
- любые культурные мероприятия проводятся на таджикском языке;
- государственный язык также является официальным языком рекламы;
- делопроизводство организаций, осуществляющих свою деятельность на территории Республики, ведётся только на официальном языке.

Это и многое другое подробно расписано в «Законе о государственном языке». Но наряду с этим там также указано, что «органы государственной власти, органы самоуправления посёлков и сёл, а также юридические лица, независимо от форм собственности, обязаны создавать благоприятные условия для изучения государственного языка и совершенствования его знания работниками» («Закон о государственном языке Республики Таджикистан», статья 3, пункт 3). Этот же пункт присутствовал и в первом варианте Закона от 1989 года.

Важнейшим фактором расширения российского гуманитарного присутствия и сохранения национальной идентичности наших соотечественников остается русский язык, имеющий в Таджикистане статус языка межнационального общения. На русской классике воспитаны многие поколения таджиков. Русский язык продолжает оставаться средством доступа к значительному объёму общемировой научно-технической информации, культуры и искусства. В настоящее время в Таджикистане наблюдается повышенный интерес к его изуче-

нию. На основе Государственной правительственной программы он изучается во всех общеобразовательных школах и вузах страны. В каждом учебном заведении организованы группы с русским языком обучения.

По последним данным Минобразования РТ, в стране сейчас действуют 17 средних школ с русским языком обучения, а в 166 школах русский используется наряду с таджикским языком. «Русские» классы в школах и группы в дошкольных учреждениях переполнены по причине высокой востребованности. Неуклонно растет спрос на школы с обучением на русском языке, новые современные учебники, наглядные и учебно-методические пособия, мультимедийные средства обучения. Российская сторона всемерно содействует изучению русского языка в средних общеобразовательных школах и вузах РТ. Регулярно на повышение квалификации в ведущие вузы России направляются таджикские преподаватели русского языка, осуществляется обмен научными и учебно-методическими материалами, студентами, аспирантами, докторантами, стажерами и научно-педагогическими работниками. Университетам, колледжам, лицеям, гимназиям, общеобразовательным школам на постоянной основе оказывается помощь в предоставлении учебно-методической и справочной литературы, наглядных пособий по русскому языку и литературе.

Укрепление позиций русского языка происходит также в результате реализации совместных культурологических и других проектов, проведения масштабных образовательных, научно-методических и культурно-просветительских мероприятий (недель, Дней русского языка и культуры, праздников русской словесности, выездных семинаров-практикумов для учителей-русистов и пр.), создания совместных российско-таджикских авторских коллективов для подготовки и издания учебников и учебно-методических пособий нового поколения по русскому языку и литературе.

Таджикистан увеличил объем преподавания русского языка в школах страны. Эксперты отмечают, что теперь важно еще и найти для этого квалифицированных учителей.

В экспертном сообществе считают: изменение подходов к изучению в Таджикистане русского языка – пусть запоздалое, но верное решение. Правда, наблюдатели полагают, что успешно реализовать программу будет непросто. Препятствием может стать в первую очередь дефицит учителей, которые могут преподавать великий и могучий на высоком уровне.

По официальным данным, в Таджикистане сегодня не хватает 330 специалистов-русистов.

Три года назад в Душанбе попытались решить кадровый вопрос необычным способом. Таджикские власти обратились с просьбой к России направить в страну русских учителей-предметников, в том числе и филологов. Тогда республика запросила 400 специалистов. Но работать в Таджикистан из России за это время так никто и не приехал.

Русский язык, безусловно, нужен и очень важен хотя бы потому, что это часть истории Таджикистана, та часть, которую нужно беречь, а не отказываться от неё.

Список литературы

1. Алпатов В. М. Русский язык в современном мире // Решение национально-языковых проблем в современном мире. СПб., 2003. С. 426–430.

2. Алтынбекова О. Б. Законодательная основа функционирования русского языка в Республике Казахстан и Таджикистан // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Русский язык и литература в государствах Средней Азии». Душанбе, 2005.

3. Государственная программа совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на 2004–2014 годы // Нормативно-правовые акты системы образования. Душанбе, 2003.

4. Национальная концепция образования Республики Таджикистан : утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан 3.05.2002. № 200.

УДК 364-785.14:811.161.1

Т. В. Грязнухина¹, А. Г. Грязнухин²

¹Кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

²Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
Гуманитарного института Сибирского федерального университета

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ

На современном этапе развития России вопросы и проблемы, связанные с миграцией, стали носить общегосударственный характер. Перспективы социально-экономического развития России в настоящее время не могут рассматриваться без четко разработанной миграционной политики. Усилившиеся миграционные потоки изменяют демографическую карту и увеличивают масштабы межкультурного взаимодействия. В этой связи Президентом и Правительством России были утверждены федеральные миграционные программы.

Красноярский край является одним из лидеров по количеству мигрантов в Сибирском федеральном округе. В 2015 году в крае было поставлено на учет больше 174 000 иностранных мигрантов [1]. Такая активность миграционных процессов, протекающих на территории Красноярского края, оказывает своё влияние на все стороны общественной, политической и экономической жизни. И поэтому от успешного проведения миграционной политики в крае зависит развитие региона в целом. Первостепенное значение в сложившейся ситуации имеют меры по адаптации прибывающих иммигрантов к новым условиям жизни. Адаптационная политика, проводимая государственной властью, должна помочь иммигрантам осуществлять легальную трудовую деятельность и избежать межнациональных столкновений с местным населением.

Одним из основных препятствий на пути адаптации этнических мигрантов является незнание русского языка. Приезжающие в край на заработки граждане Узбекистана, Киргизии,

Таджикистана русским языком владеют слабо. Для успешного решения адаптационной проблемы в этом плане было принято решение: подтвердить владение русским языком при трудоустройстве на работу. С 2015 года все иностранцы, желающие получить работу должны сдавать экзамен по русскому языку, так как без знания языка невозможно интегрироваться в новую социальную среду, решить периодически возникающие проблемы в процессе трудовой деятельности. В Законе Российской Федерации о государственном языке прописана необходимость совершенствовать систему подготовки в области русского языка и преподавателей русского языка как иностранного, а также осуществлять подготовку научно-педагогических кадров для образовательных организаций с обучением на русском языке за пределами Российской Федерации [2]. Широкий круг специалистов в области преподавания русского языка как иностранного позволил бы обеспечить обучение русскому языку для максимального числа этнических мигрантов. Но, к сожалению, большой проблемой для края, требующей неотлагательного решения, является проблема отсутствия специалистов по социальной адаптации. Для решения этой проблемы с 2008 года стал осуществляться проект «Образовательная адаптация детей и молодежи из семей мигрантов и переселенцев в Красноярском крае». В этом образовательном процессе наряду с общеобразовательными программами по социальной, психолого-педагогической, этнокультурной адаптации должны быть использованы и программы по языковой адаптации детей и молодежи из числа мигрантов [3]. Исследования показали, что именно языковые проблемы осложняют процесс адаптации детей из семей мигрантов. Не зная языка, дети не могут усвоить и общеобразовательные программы.

Другим способом решения адаптационной проблемы явилось открытие бесплатных языковых курсов для иностранцев в Красноярске. В микрорайоне «Зеленая роща» с 2016 года начал работу центр социальной адаптации и интеграции мигрантов. В этом центре мигрантам помогут получить не только все необходимые для трудоустройства документы и медицинскую помощь. Здесь есть также специальные классы, в которых будет осуществляться подготовка и сдача экзаменов по русскому языку [1].

Фактом реализации Закона Российской Федерации о русском языке явилось открытие в Москве центров государственного сертификационного тестирования по русскому языку как иностранному. Тестирование подтверждается сертификатом государственного образца и дает право его обладателю на получение работы. Тестирование имеет несколько уровней сложности: базовый, элементарный, первый, второй, третий и четвертый. При подготовке к тестированию на гражданство оказывается консультационная помощь. Элементарный уровень владения русским языком предполагает владение минимальными языковыми средствами и позволяет общаться с носителями языка на бытовом уровне. Первый сертификационный уровень уже дает право на поступление в российские вузы с обязательным последующим изучением русского языка. При этом тестируемый должен также сдать дополнительный тестовый модуль по русскому языку с учетом его профессиональной ориентации. Второй и третий сертификационные уровни предполагают достаточно высокий уровень коммуникативной компетенции во всех сферах общения. Наличие такого сертификата позволит вести профессиональную деятельность на русском языке в инженерно-технической, естественно-научной, гуманитарной сферах. Экзамен, сданный по четвертому уровню тестирования, показывает высокую степень владения русским языком, близкую к уровню носителя языка, что значительно расширяет возможности трудоустройства испытуемого. Экзамены по русскому

языку состоят из пяти субтестов, которые включают в себя чтение, письмо, лексику-грамматику, аудирование и устную речь [4]. Центр тестирования, безусловно, помогает решению проблемы адаптации мигрантов. Но не все могут воспользоваться его услугами, так как они являются платными. И даже на первый взгляд такая небольшая сумма при оплате за тестирование элементарного и базового уровня как 5 700 и 6 500 рублей для работающих мигрантов может оказаться неподъемной. В случае неуспешной сдачи экзамена передача одного субтеста обходится в 50 % от стоимости теста. И так как это не единственный расход, который несут мигранты по прибытию в Россию, они далеко не всегда имеют возможность воспользоваться услугами центра, что естественно не способствует успешному решению адаптационной политики в целом.

Открытие новых адаптационных центров, разработка новых форм и методов работы, нормативной и методической базы в области совершенствования межнациональных и межконфессиональных отношений, формирование толерантного сознания у местного населения, основанного на понимании и принятии культурных отличий, оказание психологической и бесплатной юридической помощи в получении документов, необходимых при трудоустройстве – все вместе эти направления и определяют проводимую в крае адаптационную политику. Но все же главным фактором, необходимым для успешной ее реализации, является владение мигрантами русским языком. Ни одна проблема не может быть решена вне сферы межличностного общения. Понять и быть понятым можно только владея языком, поэтому языковым программам в рамках адаптационной политики в целом должно быть отведено первостепенное значение.

Список литературы

1. В Красноярском крае появился центр помощи мигрантам. URL: [http:// prmi-ga.ru/news/3590/](http://prmi-ga.ru/news/3590/).
2. Закон Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации (в ред. Федеральных законов от 02.07.2013 № 185-ФЗ, от 05.05.2014 № 101-ФЗ). URL: <http://base.garant.ru/12140387/>.
3. Проект «Образовательная адаптация детей и молодежи из семей мигрантов и беженцев в Красноярском крае. URL: http://www.neweurasia.ru/media/deti_sbornik1.pdf.
4. Центр тестирования. URL: <http://testmigr.ru/>.

УДК 811.161.1

Е. И. Кулько

Старший преподаватель кафедры истории и педагогики факультета бизнеса и права Белорусской государственной сельскохозяйственной академии

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: ДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Интернационализация современного высшего образования актуализирует проблему адаптации иностранных студентов к чуждой им действительности высшей школы незнакомой страны. Примерно двое из ста обучающихся в высшей школе в мире на настоящий момент – иностранные студенты. Обучение иностранных студентов – сложный и постоянно совершенствующийся процесс, который должен учитывать современный заказ общества, реальные и потенциальные коммуникативные потребности студентов. В связи с этим в учебном процессе необходимо не только использовать и совершенствовать традиционные средства обучения, но и искать новые, оптимальные формы и методы работы [1].

При организации учебной среды иностранных студентов обучение следует понимать шире, чем просто обучение неродному языку. При обучении на неродном языке он выступает не просто как средство коммуникации, а в качестве средства учебно-познавательной деятельности. Поэтому теорию обучения на неродном для учащегося языке следует рассматривать как особый раздел дидактики, не сводящийся к методике обучения иностранному языку. Преподаватель должен строить занятие так, чтобы моделировать соответствующие ситуации с учетом тех сфер, тем и языкового материала, которыми в соответствии с коммуникативным минимумом должны овладеть студенты. Работа на занятии должна быть достаточно гибкой, чтобы можно было учитывать уровень подготовки и интересы студентов. Успешность организации учебного процесса и его эффективность определяется тем, в какой степени он способен обеспечить формирование коммуникативной компетенции студентов.

Коммуникативная функция языка реализуется в конкретных видах речевой деятельности. Следовательно, практическое овладение языком предполагает, прежде всего, формирование навыков и умений в этих видах речевой деятельности, усвоение их языковых компонентов. В учебных занятиях должны найти отражение те коммуникативные задачи, которыми должен овладеть студент. Необходимо обеспечить обучение общению во всех видах речевой деятельности: в чтении и письме, говорении и аудировании, переводе с родного языка на русский и обратно. Несомненно, это очень сложная задача, так как необходимо учитывать особенности каждого вида речевой деятельности и их взаимодействие в процессе обучения языку. Ни один из видов речевой деятельности не осуществляется изолированно, независимо от других.

Следует обратить внимание на связь между рецептивными и продуктивными видами речевой деятельности, так как такое взаимодействие является необходимым условием их функционирования и условием овладения ими. Так, говорение и аудирование тесно связаны как две стороны устной речи, поэтому необходимо уделять внимание развитию навыков выразительного чтения, сочетанию элементов чтения с говорением. Связь между слушанием и говорением проявляется наиболее полно в диалогической речи. Однако эта связь осуществляется и в монологе – о отношении говорящего к слушателю и наоборот. Аудирование развивается только на основе говорения.

Поскольку русский язык необходим иностранным студентам в качестве средства овладения знаниями по конкретной специальности, важное место в обучении должно уделяться чтению. В первую очередь это тексты по специальности, овладение определенными грамматическими конструкциями, позволяющими не только усвоить, понять содержание текста, но и воспроизвести его.

В процессе работы над научным стилем речи важно обеспечить студентов дидактическим материалом, необходимым для развития навыков чтения, конспектирования, монологической речи, что даст им возможность успешно изучать специальные предметы. Отбор специальной лексики, словосочетаний, конструкций научной речи должен проводиться с учетом принципа частотности, связи лексики с грамматической структурой языка, семантической ценности и т. д. Лексико-грамматический материал должен вводиться на синтаксической основе через речевые образцы, что обеспечивает комплексность в подаче языкового материала и его коммуникативность. Для полного усвоения предложенных текстов необходимо использовать разноуровневые задания, предтекстовые упражнения, притекстовые задания, микротексты, основные тексты, послетекстовые задания.

Кроме текстов по специальности, необходимо использовать научно-популярные издания, средства массовой информации. Актуальность информации, почерпнутой из этих источников, заставляет студентов понимать информацию, передаваемую более сложными средствами, чем те, которыми они активно владеют. Прилагая определенные усилия, студенты приобретают навыки самостоятельной работы, учатся устно и письменно излагать свои мысли [2].

Обучать иностранных студентов русскому языку целесообразно посредством поэтапно возрастающего минимума, чтобы в результате подготовить их к самостоятельному овладению языковым материалом в зависимости от потребностей практики, различных жизненных ситуаций. При организации процесса обучения русскому языку как иностранному необходимо учитывать закономерные взаимосвязи между различными видами речевой деятельности и отражать их во всех аспектах обучения.

Полученные результаты создают предпосылки для дальнейшего развития ориентированной на наукоемкую практику теории обучения на неродном для учащихся языке как раздела дидактики. Среди перспективных с точки зрения развития теории направлений можно выделить:

- разработку научно обоснованного системно-методического обеспечения образовательной программы предвузовской подготовки иностранных студентов;

- разработку психолого-педагогических оснований учебно-познавательной деятельности на неродном языке;
- исследование эффективности методов обучения и форм организации учебного процесса;
- возможности интенсивных методов обучения и личностно-ориентированных методик в условиях обучения на неродном языке;
- разработку рекомендаций по оптимизации процесса обучения в условиях взаимодействия разнообразных культур.

Список литературы

1. Свиридов Н. А. Адаптационные процессы в среде молодежи // Социс. 2002. № 1. С. 90–95.
2. Сурыгин А. И. Педагогическое проектирование образовательной программы педвузовской подготовки иностранных студентов. СПб.: Златоуст, 2001. 128 с.

СЕКЦИЯ 5

РОССИЙСКОЕ И ЗАРУБЕЖНОЕ МИГРАЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: АКТУАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 325.1

Э. А. Павельева

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Юридического института Сибирского федерального университета

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Конфликты на Ближнем Востоке начала XXI века породили масштабные миграционные потоки, хлынувшие в Европу. Сирия, Ливия, Эритрея, Судан стали странами, экспортирующими мигрантов в несоизмеримых количествах. Европейские государства и Европейский союз оказались не готовы, что породило политические, социальные и экономические проблемы. Стоит отметить, что Европа не впервые сталкивается с миграционным кризисом. Наиболее глобальные волны затронули европейские государства в период и окончание Первой и Второй мировых войн. Кроме того, Европа всегда привлекала мигрантов как территория с наиболее благоприятным режимом. В свою очередь, европейские государства были заинтересованы в трудовых мигрантах: в высококвалифицированной рабочей силе, в дешевой низкоквалифицированной рабочей силе.

Европейский союз за длительный период своего существования сформировал единую миграционную политику. Это отражено в Лиссабонском договоре [1]. В ст. 77 определено стремление Союза развивать политику, вводящую в действие интегрированную систему управления внешними границами, что означает формирование единой системы контроля на внешних границах и отсутствие контроля при пересечении внутренних границ государств – членов ЕС. В данной статье не определен круг лиц, таким образом, ее действие распространяется на мигрантов в широком смысле (как экономические, так и политические).² Следовательно, лицо прибывающее на территорию государств – членов Европейского союза, пересекает лишь границу Европейского союза и проходит там контроль, а остальные границы оно может пересекать безконтрольно. Очевидно, что такие условия пребывания связаны с функционированием внутреннего рынка ЕС. Экономике государств-членов так же, как и политика и законодательство, не могут существовать в разрыве друг от друга и не быть согласованы и гармонизированы. ЕС работает над созданием сбалансированной и всеобъемлющей политики в области миграции, основанной на солидарности и ответственности, что способствует сокращению нелегальной миграции и формированию Общеευропейской системы убежища.

© Павельева Э. А., 2017

¹ В основе понятий «мигрант» и «миграция» лежит процесс перемещения в поисках наиболее благоприятного места пребывания. При этом данные явления могут носить как временный, так и постоянный характер. Трудовой мигрант осуществляет перемещение в поисках лучшего трудоустройства с целью улучшения своего экономического и социального благосостояния. Временный мигрант – беженец, осуществляет перемещение по причине невозможности пребывания на территории своего гражданства.

В п. 2 ст. 78 Лиссабонского договора определяется развитие общей политики по вопросам предоставления убежища, дополнительной защиты и временной защиты. Важно отметить, что речь идет о предоставлении адекватного статуса любому гражданину третьей страны, нуждающемуся в международной защите, а также в обеспечении соблюдения принципа невысылки. Данные положения и политика ЕС в области миграции и статуса беженцев должны соответствовать Женевской конвенции от 28 июля 1951 года [2] и Протоколу от 31 января 1967 года [3] о статусе беженцев, а также другим международным договорам.

В то же время, государства с 2011 года сталкиваются с проблемами социального и экономического характера, вызванными стихийными потоками мигрантов, пребывающих на территорию ЕС по причине невозможности проживания на территории своего государства, в следствии вооруженного конфликта или политической нестабильности. Перемещение мигрантов осуществляется по территории всего Европейского союза: через приграничные государства, государства-транзита и государства, в которых мигранты предпочитают останавливаться. Стоит отметить, что государства-члены ЕС, в соответствии с положениями Лиссабонского договора, обязуются предоставить благоприятные условия для пребывания на своей территории. В то же время, государства оказываются не в состоянии принять то количество мигрантов, которое претендует на пребывание на его территории.

С 2015 года по настоящее время в ЕС растет напряженность среди государств из-за непропорционального миграционного бремени. В частности, большинство мигрантов прибывают в Грецию, Италию и Венгрию. В свете событий 2015 года Великобритания заявила о том, что сможет принять 20 000 беженцев в течение 5 лет, а Болгария выстроила пограничные ограждения и отказалась принимать беженцев. Большинство государств выразили свое недовольство относительно ситуации, спровоцированной миграционной политикой ЕС, начало которой было положено еще в 1990 году с процесса формирования Общеввропейской системы убежища. В ЕС были сформулированы единообразные минимальные требования предоставления убежища и решены вопросы финансовой солидарности. Кроме того, на директивном уровне были урегулированы аспекты предоставления временной защиты, а также вопросы воссоединения с семьей. В 2007 году Европейская Комиссия и Совет ЕС принимают Зеленую книгу и план политики в области убежища, которые определяли три основных направления: обеспечение большей гармонизации стандартов защиты путем дальнейшего согласования законодательства о предоставлении убежища стран ЕС; эффективное сотрудничество; усиления солидарности и ответственности среди государств ЕС, а также между странами ЕС и третьими государствами. Данные акты, безусловно, направлены на защиту лиц, легально пребывающих на территорию ЕС. В соответствии с их положениями предоставляется возможность получить статус беженца, закрепиться в государстве, получить возможность трудиться или обучаться, а самое главное – находиться в безопасности и иметь возможность воссоединения с семьей.

Миграционное законодательство ЕС [4] постоянно находится в процессе реформирования и после 2010 года в некоторые акты вносятся изменения. В частности, речь идет о Директиве о предоставлении убежища, нормы которой направлены на установление более справедливых стандартов, ускоряющих и улучшающих процедуру вынесения решения о

предоставлении убежища. В этом акте также регулируется предоставление защиты отдельным категориям: несовершеннолетним, без сопровождения взрослых и жертвам пыток. Важными в данной директиве являются положения об условиях приема лиц, претендующих на убежище. Нормы обязывают государства предоставить лицам гуманные условия, например, жилье и безопасность. Изменения затронули и Директиву о международной защите, в которой устанавливается улучшение доступа к правам и мерам интеграции лицам, находящимся под международной защитой.

Особого пересмотра потребовали нормы Дублинского регламента [5], основная цель которого предотвратить «шопинг убежища» и предоставить право рассмотрения дела и ходатайства о предоставлении убежища только в одном государстве – члене ЕС. Государство должно взять на себя ответственность за содержание и заботу о лице, также регулируются вопросы возвращения лица в государство, рассмотревшее его ходатайство. Представляется важным определение критериев государства рассмотрения ходатайства. Первый критерий связан с принципом единства семьи. В большей степени он касается несовершеннолетних, а также лиц, просящих об убежище в государстве, где проживают их родственники. Вторым критерием связан с выдачей документов на жительство или виз, то есть государство, выдавшее визу, должно рассматривать ходатайство. В соответствии со следующим критерием ходатайство в течение 12 месяцев должно рассматривать государство, на территорию которого лицо незаконно въехало или пребывает. Следующий критерий определяет государство по законному въезду. Последний критерий определяет государство, в международной транзитной зоне аэропорта которого лицо пожелало подать ходатайство. Если же невозможно определить государство по критериям, установленным в Регламенте, то ответственным за рассмотрение становится первое государство, в которое ходатайство подается.

Анализируя данные критерии, можно сделать вывод о том, что ЕС попытался максимально определить ответственность государств и распределить потоки беженцев. Также стоит отметить, что учтена ответственность государства за своевременное рассмотрение и предоставление защиты и благоприятных условий пребывания. Важным является и то, что исключается возможность не рассмотрения, то есть лицо, прибывшее на территорию ЕС, не останется без защиты и более того, его ходатайство будет рассматриваться во всех государствах – членах ЕС по единым критериям.

Основные положения миграционной политики Европейского союза, в большей степени направлены на защиту прав мигрантов. В то же время вопросы безопасности не выходят из-под контроля ЕС. Стоит отметить, что положения нормативных актов говорят не только о правах граждан третьих государств, но также распределяют ответственность между государствами. Формируется единая система ответственности за рассмотрение ходатайства и предоставления убежища. В то же время данная система несовершенна и, по оценкам политиков, направлена на ущемление прав мигрантов. Действительно, можно обратить внимание на некоторое сужение прав, например, в невозможности выбирать государство, в котором лицо желало бы получить убежище. Более того, положение о передаче ходатайства и схемы переселения беженцев также ущемляют их права. Очевидно, что Европейский союз оказался на пути урегулирования миграционного кризиса, столкнувшись с непрекращаю-

щимися волнами мигрантов, пребывающих легальным и нелегальным путем. 2016 год показал, что отчасти политика имела положительный результат и миграционные потоки не имели такой стихийности, а внутренние потоки удалось путем договоренностей распределить по территории государств – членов ЕС, учитывая принцип пропорциональности. В то же время стоит предположить, что на это реформирование миграционного законодательства не закончено, необходимо определить критерии сопоставления интеграционных положений и национального законодательства, а также расширить критерии определения государства, ответственного за рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища.

Список литературы

1. Договор о функционировании Европейского союза. URL: <http://eulaw.ru/treaties/tfeu>.
2. Конвенция о статусе беженцев. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml.
3. Протокол, касающийся статуса беженцев. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees_prot.shtml.
4. Implementing the European Agenda on Migration: Progress Reports on Greece, Italy and the Western Balkans. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-15-6324_en.htm/.
5. URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/european-agenda-migration/background-information/docs/20160504/the_reform_of_the_dublin_system_en.pdf.

УДК 343

В. С. Лузан

Кандидат философских наук, докторант Сибирского федерального университета, директор Красноярского художественного музея им. В. И. Сурикова,

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

На сегодняшний день российское общество находится в переходном периоде от удовлетворения производных потребностей к интегративным (согласно теории человеческих потребностей американского антрополога Б. Малиновского). Следовательно, является абсолютно логичным возникновение новой стадии обращения государства и общества к вопросам реализации собственной культурной политики именно с 2010-х годов. В качестве одного из доказательств возникновения данного процесса может выступать активно возобно-

вившаяся дискуссия о роли и месте государства в реализации культурной политики, свободе творцов, наличии цензуры и т. д.

Под культурной политикой подразумевается система человеческой деятельности, включающая в себя ясно сформулированные цели, эффективную методологию для их осуществления, реальные действия по созданию, сохранению и трансляции наиболее значимых культурных идеалов (эталонов) и их воплощения в социально-культурной действительности.

Таким образом, от того, насколько государство и общество сможет четко и адекватно сформулировать на данном этапе цели, задачи и требования к реализуемой культурной политике, будет зависеть дальнейшая судьба Российской Федерации как независимого государства. Иначе говоря, если Российская Федерация не возьмет в ближайшее время ответственность за формирование культурной самоидентификации населения средствами культурной политики и на основе отечественной культуры, то интегративные потребности населения будут окончательно удовлетворены посредством иных культурных систем в результате глобализационных процессов, что, например, приведет к еще большему оттоку человеческого капитала за границу.

Необходимо зафиксировать возникновение с 2014 года процесса концептуального переосмотра узкоотраслевого подхода государства к культуре и понимания ее межведомственной природы, если оценивать культурную политику с позиции государственного управления. Подтверждением начала данных концептуальных перемен, помимо принятия фундаментальных стратегических документов, может косвенно выступать передача полномочий в области туристской деятельности в ведение Министерства культуры Российской Федерации с 2013 года, то есть включение в культурное строительство новых для культурной политики институтов.

Кроме того, в качестве новых субъектов культурной политики, оказывающих существенное влияние на социально-культурное развитие общества, возникает множество других институций: индивиды, социальные группы, партии, институты различных форм собственности, которые принимают активное, осознанное участие в культурной деятельности.

Нельзя не отметить, что в связи с активным становлением гражданского общества в Российской Федерации все большую роль в качестве одного из основных субъектов культурной политики приобретают профильные социально ориентированные некоммерческие организации. Ведь многие из них все чаще выбирают в качестве одной из основных целей собственной деятельности не только удовлетворение образовательных, профессиональных, познавательных и других интеллектуальных потребностей населения путем осуществления образовательной и информационной, разъяснительной деятельности, но и повышение средствами просветительской работы уровня гуманитарной и духовно-нравственной культуры российских граждан.

Можно констатировать, что на сегодняшний день сформирована нормативная правовая база, определяющая функционирование большинства традиционных субъектов культурной политики и направленная на реализацию конституционных прав граждан в сфере культуры. В то же время требуется доработка действующих нормативных правовых актов, обеспечивающих реализацию государственной культурной политики, с целью закрепления за госу-

дарством функций по реализации культурной политики, а не констатации ведомственного, узкоотраслевого подхода к культуре.

Особо стоит отметить, что 1 января 2009 года закончился переходный период реализации Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в результате чего все его положения вступили в силу на территории каждого из субъектов Российской Федерации. Это означает, что закончился процесс масштабной децентрализации системы управления традиционными институтами культуры, сформировавший три самостоятельных уровня реализации культурной политики: федеральный – во главе с Министерством культуры Российской Федерации; региональный – во главе с органами исполнительной власти в области культуры субъектов Российской Федерации; муниципальный – во главе с органами управления культурой муниципальных образований. Следовательно, можно зафиксировать кристаллизацию современной многоуровневой системы управления культурными процессами и ее окончательную децентрализацию.

Таким образом, актуальные тенденции развития государственной культурной политики Российской Федерации в условиях глобализационных процессов свидетельствуют о начале этапа формирования данного вида внутренней и внешней политики в качестве стратегического элемента государственного строительства.

УДК 346.7:314.151(985)

Т. Ю. Сидорова

*Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права
Юридического института Сибирского федерального университета*

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Считается, что заселение Арктики началось более 10 тысяч лет назад, а в настоящее время она населена уже четырьмя миллионами человек, среди которых и коренное население, и пришедшее позднее [1]. Обширная территория и невысокая плотность населения объясняются в первую очередь суровыми климатическими условиями. По существу, на сегодняшний день Арктика является домом для коренных народов, чья жизнедеятельность неразрывно связана с этими условиями. Более поздние поселенцы, конечно, появились благодаря природным богатствам Арктики, которые оказалось возможно осваивать промышленно.

Следует отметить, что наличие постоянных поселений за Полярным кругом важно для государств, поскольку обеспечивает не только их принципиальное присутствие в Арктике, но и решает различные гуманитарные и социальные задачи: медицинское обеспечение, образование, социальное обслуживание и т. п. Самым крупным городом остается Мурманск, затем идут Норильск и Рейкьявик [1]. Вместе с тем добывающие корпорации довольно часто используют вахтовый метод для решения своих экономических задач, что не исключает поддержки государствами своих заполярных поселений, в том числе и для обеспечения потребностей вахтовых поселков.

С точки зрения концепции устойчивого развития любая экономическая эксплуатация должна предполагать сохранение возможностей для будущих поколений, поэтому на наш взгляд, устойчивое развитие арктических территорий невозможно без решения вопросов мобильности в арктических территориях.

Современная программа международного сообщества в области устойчивого развития отражена в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 25 сентября 2015 года – Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (далее – Повестка) [2].

Повестка ставит 17 целей, из которых три могут иметь непосредственное отношение к арктическим территориям. Так, цель 9 требует создания «стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям». Данная цель важна именно для Арктики, поскольку суровые условия и хрупкая экосистема ставят амбициозные задачи по обеспечению жизнеспособности поселений без ущерба окружающей среде. Цель 11 «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов» подтверждает предыдущий тезис о том, что наличие поселений любого типа (временных или постоянных) должно обеспечивать их экологическую устойчивость. Это, кроме того, позволяет предположить, что предпочтение должно отдаваться поселкам двух типов: устойчивые постоянные и временные, полностью ликвидируемые после окончания эксплуатации. И, наконец, цель 15 «Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию...» также может быть обращена на благо арктических поселений.

Обозначенные ГА ООН цели устойчивого развития требуют от государств серьезных изменений в своей политике, законодательстве, а также подходах к освоению территорий с большими экологическими рисками, к числу которых относят и Арктику.

Следует отметить, что проблема соотношения временных и постоянных поселений в Арктике уже отмечалась в исследованиях. В частности, можно согласиться с мнением П. А. Минакира и С.Н. Леонова о том, что наиболее устойчивыми оказались поселения «старожильческие» [3, с. 545]. Что же касается поселков, сопровождающих освоение Арктики, то риск оказаться заброшенными и опасными для окружающей среды слишком велик. Авторы далее отмечают нерешенность вопроса о способе организации поселений – освоение (вахтовые поселки) или заселение (постоянные поселения) [3, с. 546].

Представляется, что в свете имплементации положений Повестки РФ стоит задуматься о включении принципиального положения о критериях устойчивости поселений в Арктике. Очевидно, что эти критерии должны быть распространены и на постоянные, и на временные поселки.

На наш взгляд, решить вопрос однозначно в пользу тех или иных видов поселений невозможно, поскольку это будет значительно тормозить экономическое развитие, препятствовать инвестированию в экономическое освоение.

Развитие постоянных поселений требует обеспечения мобильности населения. Если обратиться к Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года (далее – Концепция) [4], то можно увидеть, что в п. 10 отмечается дисбаланс мобильности внутри РФ. Регионы, требующие рабочей силы, наоборот испытывают проблемы с оттоком населения на Запад и в Московский регион. А п. 21 ожидаемо называет среди целей миграционной политики обеспечение потребностей экономики РФ. Однако среди направлений в п. 24 (в) мы видим опять же вахтовый метод. Таким образом, Концепция рассматривает вахтовый метод как один из способов решения проблемы экономического освоения непривлекательных или труднодоступных районов. Конечно, можно отметить и другие направления, отвечающие нашему представлению о заселении Арктики: содействие в поиске жилья, субсидирование перевозок и т. д.

На наш взгляд, при анализе Концепции стоит уделить внимание и разделу V, который указывает на информационно-аналитическое обеспечение реализации миграционной политики РФ. Анализ опыта Канады показывает, что привлечение населения в постоянные поселения невозможно без предоставления полной и исчерпывающей информации о вакансиях, возможности трудоустройства, перспективах дальнейшего проживания. Так, анализируя сайты территорий Канады (Юкон [5], Нунавут [6], Северо-Западные территории [7]), можно увидеть, что одним из важных аспектов своего устойчивого развития они видят привлечение квалифицированных работников, поэтому сами систематизируют и представляют информацию, не полагаясь на услуги сомнительных агентств. Представляется, что и российские регионы должны на своих порталах размещать полную информацию о вакансиях и преимуществах постоянного жительства в регионе.

Также интересным является опыт Канады в области поддержки населения, которое остается жить на арктических территориях и после выхода на пенсию. В отличие от России, где существовали программы переселения Север – Юг, например, в Красноярском крае [8], в Канаде стремятся поддержать пожилое население. Так, в территории Юкон каждый год принимается Pioneer Utility Grant Act [9], который дает социальные, налоговые и имущественные льготы жителям, старше 65 лет, чтобы поддержать их постоянное проживание.

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что организация постоянных поселений в Арктике и обеспечение притока туда трудоспособного населения соответствует целям Повестки дня устойчивого развития, одобренной ГА ООН, будет способствовать не только освоению, но и заселению Арктики. Реализуемая в России миграционная политика содержит механизмы, которые могут этому способствовать. Эти механизмы соответствуют опыту других арктических стран. Однако они российскими арктическими регионами почти не используются. Удержание населения в Арктике должно предполагать меры социальной, имущественной поддержки, предоставление различных льгот, включая налоговые. Подобный подход позволит не только эффективно осваивать Арктику, но и обеспечивать ее устойчивое развитие.

Список литературы

1. The Arctic. URL: <http://ru.arctic.ru/population/>.
2. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: одобрена ГА ООН 25.09.2015. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement>.
3. Минакир П. А., Леонов С. Н. Методологические проблемы прогнозирования развития Арктики Дальнего Востока России // Вестн. МГТУ. 2014. Т. 17, № 3. С. 540–551.
4. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131046/.
5. Территория Юкон: официальный сайт. URL: <http://www.gov.yk.ca/>.
6. Территория Нунавут: официальный сайт. URL: <http://www.gov.nu.ca/>.
7. Северо-западные территории: официальный сайт. URL: <http://www.gov.nt.ca/>.
8. Закон Красноярского края «О социальной поддержке граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей Красноярского края в другие районы Красноярского края» от 21.12.2010 № 11-5580. URL: <http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/4764>.
9. Pioneer Utility Grant Act. URL: <http://www.gov.yk.ca/legislation/acts/piutgr.pdf>.

УДК 341.43

Р. Х. Пайтян

*Ассистент кафедры международного права Юридического института
Сибирского федерального университета*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ БЕЖЕНЦЕВ

Проблема беженцев продолжает оставаться вызовом международному сообществу. В то время, когда государства, принимающие беженцев, должны и впредь выполнять свои обязательства по обеспечению их защиты и способствовать созданию обстановки терпимости по отношению к представителям других народов, государства происхождения беженцев обязаны предотвращать действия, порождающий массовый уход населения.

Современный мир находится в условиях длительного периода трансформации, связанного с усилением конфликтности и формированием новых порядков. Однако внешние конфликты и кризисы носят вторичный характер, отражают проявления внутренних конфликтов. XXI век стал для многих государств периодом преодоления многочисленных иллюзий,

порожденных десятилетиями процветания и гегемонии. Им пришлось осознать, что за фасадом экономической и военной мощи скрываются гораздо более опасные явления внутренней социальной и политической структуры.

Интерес представляет рассмотрение нового мирового порядка на примере политики по делам беженцев. В настоящее время повышенное внимание вызывает угрожающий рост недобровольной миграции людей. Мир столкнулся с тем, что миграционные процессы уже вышли из-под контроля, приобретая характер стихийности. И главными причинами являются вооруженные конфликты, политика дискриминации, иностранного вмешательства под лозунгом защиты прав, преследования. Новый миропорядок в этой сфере, на мой взгляд, можно определить одной фразой или лозунгом: «Как свести воедино защиту прав беженцев и естественное желание защититься от чрезмерной миграции?!»

Необходимо отметить, что изменения подходов современности к проблеме беженцев вызваны еще и поведением самих беженцев. Любое количество беженцев не создает проблем до тех пор, пока они стремятся интегрироваться в сложившуюся социальную среду, а не обособиться от нее. Сегодня же большинство беженцев, прибывающих в страны ЕС, США, РФ приходят из своих стран с чуждыми культурными установками и не стремятся усвоить ценности того общества, в котором оказались. В этой ситуации постиндустриальный мир был вынужден перейти от наступательных действий к оборонительным в области внешней политики, в частности – ограничение иммиграции из стран третьего мира.

Миграционные потоки всегда существовали, как существовали всегда войны и бедствия, заставлявшие тысячи людей уезжать из родных мест. Те, кто совершают подобные переезды, делают это для того, чтобы избежать насилия, войну, голод. Ни один человек на планете не хотел бы покинуть свое государство, если бы оно могло обеспечить мир, безопасность и достойный уровень жизни. Тем не менее мировое сообщество должно определить наиболее эффективные пути предотвращения новых потоков беженцев. К таким путям можно отнести изучение глубинных причин этих явлений, принятие мер по улучшению положения. Если главной причиной потоков беженцев является нищета, то одним из вариантов решений могло бы быть предоставление помощи в целях развития. Необходимо увеличить инвестирования в государства проживания. Не стоит делать различий между гуманитарной помощью и помощью в развитии. Если же причина массового ухода в нарушении прав человека, то решение проблемы может заключаться в постоянном наблюдении за ходом развития со стороны системы органов ООН по правам человека, осуждении нарушений мировым сообществом. Если же причинами потоков беженцев являются конфликты с применением насилия, то решения могут быть найдены в области превентивной дипломатии, посредничества [1, с. 86]

На сегодняшний день существуют и организационный, и нормативный механизмы защиты прав беженцев. Однако система защиты прав ослаблена, так как она не применяется всесторонне. Когда государства не стремятся подписать Конвенцию о защите такой уязвимой категории или вводят оговорки к тексту, потенциал системы взаимодействия и сотрудничества ослабевает, поэтому представляется верным осуществлять согласованную политику государствами. Необходима координация в деятельности всех государств. При грамотном расселения потока беженцев среди государств ЕС такого хаоса бы не произошло.

Кроме того, в международных документах, в частности в Конвенции о статусе беженцев 1951 года [2, с. 437] не был достаточно четко изложен порядок предоставления статуса лицам, обратившимся с запросом о предоставлении убежища, в том числе не указан срок, в течение которого должно быть принято юридическое решение по запросу. В итоге порядок рассмотрения просьбы о предоставлении политического убежища и принятия решений в различных странах сильно различается. Унификация в этом вопросе может противоречить интересам отдельных стран, но зато создаст единые правила, которые позволят наиболее эффективно осуществлять защиту прав беженцев.

В международных и национальных актах большинства стран отсутствует механизм защиты прав лиц, ищущих убежище, который учитывал бы групповой, массовый и экстренный характер их прибытия в страну убежища. Целесообразно было бы закрепить подобный механизм и осуществлять хотя бы временную массовую защиту таких групп.

Еще одним способом совершенствования механизмов защиты является введение института наблюдения. Механизма наблюдения за добросовестным исполнением государствами взятых на себя обязательств по Конвенции нет. УВКБ ООН подает возрастающее число представлений в национальные или региональные суды с целью достижения большей согласованности в применении решений о предоставлении убежища.

Существует правовой пробел для людей, которые перемещаются через границы вследствие стихийных бедствий и воздействия изменения климата. Конвенция 1951 года не распространяется на лиц, спасающихся от стихийных бедствий, как это было четко разъяснено судами во всем мире и УВКБ ООН. Однако наличие более широкой международной структуры, содержащей рекомендации по защите таких лиц, может помочь государствам понять и выполнять свои обязанности в этой сфере.

Важным способом облегчения участи этой категории является создание атмосферы терпимости, толерантности. Политики, представители общественности, СМИ, международные организации способны вселить в умы населения эти принципы. Но на сегодняшний день мы видим антимиграционную политику. Государствам необходимо принимать меры, направленные на борьбу с ксенофобией и нетерпимостью. Высказывания из уст мировых лидеров по поводу закрытия всех границ для граждан-мусульман создают лишь почву для террористических организаций. Кроме того, хотелось бы учитывать интересы и мнения самих беженцев, они недостаточно вовлечены в поиск решений. Раз уж мировое сообщество выделяет их в отдельную категорию и предоставляет режим защиты, значит, их мнение тоже необходимо учитывать. Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах [3, с. 1].

Реализация защиты прав беженцев часто проблематична. Для сохранения значимости института убежища необходимо, чтобы все беженцы смогли пользоваться своими правами, чтобы их защита не зависела от того, где человек ее ищет. Международное сообщество и отдельные государства должны постоянно проводить работу по решению проблем беженцев и быть готовы к действиям в чрезвычайных ситуациях.

Список литературы

1. Эрика Фелер. 50 лет международной защиты беженцев: проблемы защиты вчера, сегодня и завтра // Междунар. журн. Красного Креста. 2001. Вып. № 841–844. С. 86.
2. Конвенция о статусе беженцев 1951 г. // Права человека: сб. междунар.-правов. документов. С. 437–449.
3. Всеобщая декларация прав человека // Права человека: сб. междунар.-правов. документов. С. 1–5.

УДК 343.264

И. В. Пикулева¹, В. В. Терешкова²

¹Магистрант первого года обучения по программе «Публичная власть» кафедры международного права Юридического института Сибирского федерального университета

²Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Юридического института Сибирского федерального университета

ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ УСМОТРЕНИЯ ГОСУДАРСТВА В ДЕЛАХ О ДЕПОРТАЦИИ ИНОСТРАНЦЕВ

Международные стандарты прав человека представляют собой выработанные международным правом нормы, предопределяющие набор правовых возможностей, реализуемых каждым человеком при помощи установленных правовых средств и механизмов, а также совокупность обязательств государства по гарантированию и обеспечению таких правовых возможностей. Имплементация международных стандартов прав человека на внутригосударственный уровень является гарантией надлежащей и наиболее полной реализации прав человека, обеспечивающей, в том числе, соответствующие природе права меры защиты в случае его ограничения. К вопросу об ограничении прав человека справедливо утверждение о том, что идеал свободной личности нельзя сводить к тому, что человек в своем поведении ничем не ограничен и освобожден от ответственности перед другими людьми, обществом и государством, поскольку реализация прав человека сталкивается с частными и публичными интересами, проблемой их соотношения. Именно при ограничении прав человека, при вмешательстве государства в правореализационный процесс своих граждан определяющее значение имеет доктрина свободы усмотрения государства (*margin of appreciation*).

Несмотря на то, что доктрина свободы усмотрения государства не получила должного развития в российской правовой науке и нормативного закрепления в законодательстве Российской Федерации, значимость данной функциональной категории, выработанной практикой Европейского суда по правам человека, природа которой опре-

деляется в правовых позициях Суда, абсолютна, необходимость ее применения при определении допустимых пределов вмешательства государства в процесс реализации прав человека не вызывает сомнений. Государство, обладая определенной свободой усмотрения, дискреционными полномочиями в отношении прав своих граждан, имеет возможность «вмешиваться», ограничивать гарантированные им же и рядом национальных и международных актов права. Применение доктрины свободы усмотрения государства позволяет определить «наиболее адекватные для данного государства, общества и фактической ситуации средства и меры при исполнении своих международно-правовых обязательств» [1, с. 14] по Европейской конвенции по правам человека (далее – Конвенция). С учетом обозначенной темы исследования представляется необходимым проследить применение доктрины свободы усмотрения государства в делах о депортации иностранцев и действие механизма ограничения права на уважение семейной жизни.

Прежде всего, целесообразно начать с природы ограничения прав человека, которые могут быть классифицированы по критерию их ограничиваемости на абсолютные и относительные.

Н. М. Коркунов определял абсолютные права как «прирожденные, независимые от государства, существующие помимо него, безусловные и неизменные, а потому и неприкосновенные для власти» [2]. Обычно к абсолютным правам относят право на жизнь, достоинство, свободу и т. д. Европейский суд по правам человека в своих правовых позициях выработал свой собственный «перечень» исключительных прав человека, не подлежащих никаким ограничениям (даже в условиях абсолютной необходимости), в том числе право не подвергаться пыткам, бесчеловечному обращению, унижающему человеческое достоинство обращению; право не содержаться в рабстве; право на справедливое судебное разбирательство. Все остальные права человека являются относительными, которым «противостоят определенные обязанности лица, то есть те права, принадлежащие лицу по отношению к другому обязанному лицу» [3, с. 67]. К числу относительных прав человека, которые подлежат ограничению со стороны государства, в том числе, относится и право на уважение семейной жизни.

Далее рассмотрим сам механизм ограничения права на уважение семейной жизни, предусмотренного ст. 8 Конвенции.

В целом государственное вмешательство в правореализационный процесс своих граждан может иметь различную природу: негативные обязательства (обязательства государства воздерживаться от совершения действий по ограничению прав и свобод человека), позитивные обязательства (обязательства совершать определенные действия, направленные на надлежащее осуществление прав и свобод) или процедурные обязательства (особый вид обязательств позитивных – обязательства произвести на внутригосударственном уровне надлежащее расследование фактов нарушения прав и свобод) [4, с. 15–16]. Однако в любом из указанных случаев государству необходимо соблюдать определенные пределы своих дискреционных полномочий: любое ограничение должно быть правомерным, соответствующим правовым основаниям такого вмешательства и критериям законности.

В качестве правовых оснований на уровне Европейской конвенции по правам человека следует обозначить следующие положения:

- во-первых, ст. 15 Конвенции. В данной статье указываются обстоятельства абсолютной необходимости (*the circumstances of absolute necessity*): война, иные чрезвычайные обстоятельства, при наличии которых государство может отступить от исполнения своих обязательств. Иными словами, в подобных случаях государство может «вмешаться» в права и свободы граждан, гарантированные Конвенцией, за исключением признанных на международном уровне исключительными (ст. 2–4, 6, 13), в список которых право на уважение семейной жизни не входит. Следовательно, ст. 15 Конвенции предусматривает возможность и правомерность ограничения права на уважение семейной жизни;
- во-вторых, сама ст. 8 Конвенции (ч. 2) предусматривает возможность ограничения права на уважение семейной жизни при наличии определенных условий, о которых будет указано далее.

Таким образом, представляется возможным сформулировать основные пределы свободы усмотрения государства в отношении ограничения прав и свобод граждан, в том числе и права на информацию:

1) наличие у государства дискреционных полномочий, позволяющих ограничивать права и свободы человека и гражданина, обозначенных на международно-правовом уровне (ст. 8 и 15 Конвенции);

2) соблюдение критериев правомерности ограничения:

а) предусмотренность законом на внутригосударственном уровне;

б) целесообразность, то есть соответствие целям, указанным как в ч. 2 ст. 8 Конвенции, так и в национальных актах (например, ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации или отдельных федеральных законов);

в) необходимость в демократическом обществе. Оценка данного критерия правомерности, во-первых, предполагает оценивание соблюдения баланса интересов публичных и интересов частных, во-вторых, соразмерность (пропорциональность) ограничения. Требование соразмерности ограничения прав человека означает то, что преследуемая цель ограничения должна соответствовать, быть соизмеримой предпринимаемой мере со стороны государства: «пропорциональность как категория математическая, будучи "вовлеченная" в юридический оборот, призвана обеспечить гармоничное сочетание средств государственно-властного воздействия на личность с публично-правовыми (общественно значимыми) целями их реализации. Пропорциональность выполняет роль системообразующей категории, сводящей в диалектически непротиворечивое согласие противоположные по природе образования явления: правовая свобода и ограничение такой свободы» [5, с. 91].

Представляется, что именно таким образом выглядит международно-правовой механизм ограничения прав человека. Теперь же отследим его функционирование на примере права на уважение семейной жизни по делам о депортации иностранцев.

Прежде всего, следует отметить, что в основе права, предусмотренного ст. 8 Конвенции, лежит такое благо, как семейная жизнь. Содержание данного права в международных актах и

российском национальном законодательстве достаточно разнится. В международной практике Европейского суда по правам человека «семейная жизнь» – это автономное понятие. Исчерпывающего, закрытого перечня отношений и ситуаций, защищаемых ст. 8 Конвенции, не существует, так как Европейский суд по правам человека на основе принципа эволютивного толкования наполняет содержание данного понятия все новыми и новыми элементами, оценивая факты реальных близких отношений между людьми вне зависимости от их юридического признания в каждом конкретном случае. Данное право включает и защиту фактических брачных отношений, отношений между родителями и детьми, отношений между усыновителями и усыновленными, и возможность стать родителями и т. д. Так, в деле «Лю и Лю против Российской Федерации» рассматриваются такие элементы семейной жизни, как право родителей и детей на полноценное общение друг с другом и совместное проживание (так как с момента рождения ребенок становится неотъемлемой частью семейной жизни, интересы которого в части полноценного общения с обоими родителями, совместного проживания с ними, находятся под защитой ст. 8 Конвенции) и право супругов, находящихся в браке, на совместное проживание (сам факт наличия близкой, семейной связи, тем более между юридически зарегистрированными в браке лицами, является основанием для обеспечения государством возможности совместного проживания).

Практика Европейского суда по правам человека по делам о депортации иностранцев достаточно разнообразна, правовые позиции относительно пределов свободы усмотрения государства значительно отличны, варьируются в зависимости от особенностей рассматриваемых фактических ситуаций. Рассмотрим некоторые, наиболее интересные из них.

Так, в деле «Лю и Лю против Российской Федерации», заявитель-иностранец состоял в браке с гражданкой России, проживающей на территории Российской Федерации и имеющей в данном браке двоих детей, в целях легализации проживания обращался в государственные органы РФ для получения вида на жительство. Однако неоднократные обращения за получением разрешения на проживание были отклонены, национальным судом было принято постановление о депортации заявителя на том основании, что заявитель представляет угрозу национальной безопасности Российской Федерации со ссылкой на сведения Федеральной службы безопасности, представляющих собой государственную тайну. По данному делу Судом была сформулирована принципиальная позиция относительно широты свободы усмотрения государства, когда ограничение прав человека производится в целях защиты национальной безопасности: в рассматриваемом деле государство пользуется пределами усмотрения, которые определены спецификой публичного интереса – интереса национальной безопасности. Законотворчество в сфере национальной безопасности и предупреждения угрозы государственной безопасности характеризуется достаточно широкой свободой усмотрения. Однако, несмотря на обоснованность таких пределов свободы усмотрения, государство обязано предоставлять должные гарантии частным лицам для защиты своих прав и свобод. Таким образом, несмотря на то, что в случае наличия угрозы национальной безопасности государство пользуется достаточно широкой свободой усмотрения, подобная ситуация не отменяет позитивных обязательств государства по обеспечению механизма должной защиты своих прав лицами, чьи права были ограничены, что обеспечивает соблюдение баланса частных и публичных интересов.

В деле «Киятин против Российской Федерации» заявитель-гражданин Узбекистана состоит в браке с гражданкой России, в данном браке у них родился ребенок-гражданин Российской Федерации. Заявитель неоднократно обращался в российские государственные органы для получения вида на жительство. Однако в связи с выявленным диагнозом ВИЧ ему было отказано в выдаче разрешения на проживание, наложен штраф, принято решение о необходимости депортации заявителя. В отличие от предыдущего дела свобода усмотрения государства в данном случае сужается в связи с тем, что ВИЧ-инфицированные лица признаны уязвимой группой общества в связи с историческими особенностями развития их положения в обществе и сегодняшними реалиями отношения большинства к таким лицам, данная группа и так претерпела значительную дискриминацию в прошлом, в силу чего у государства должны быть очень веские причины для дальнейшего ограничения возможностей ВИЧ-инфицированных лиц. Кроме того, в отношении указанной категории лиц существует европейский консенсус: из 47 стран – членов Совета Европы в 44-х государствах ВИЧ – не приговор для иностранцев и лиц без гражданства, претендующих на получения разрешения на жительство, что еще больше сужает пределы свободы усмотрения государства. Таким образом, при определении пределов свободы усмотрения государства имеет место учет не только целесообразности налагаемого ограничения (охрана здоровья других лиц), но и специфика, особенности статуса лица, права которого были ограничены.

Особенности положения личности иностранца в делах о депортации, влияющие на пределы свободы усмотрения государства, можно также проследить и в деле «Бельджуди против Франции». Суд по данному делу рассуждает о значимости и соотношении фактической и юридической связи человека с государством: гражданство – это юридическое признание связи лица с государством, однако это не должно умалять фактическую связь лица с государством, не имеющей формальной «оболочки» в виде гражданства. Человек может и не иметь гражданства, но быть настолько интегрированным в данное общество и среду, что разрыв его с этой средой может стать губительным для человека, как в случае с Бельджуди. Со страной, куда его были намерены выслать власти Франции, он имеет лишь общую национальную принадлежность, а с Францией он имеет общую культуру, общий социум, привычки, традиции, язык, менталитет и пр.

С одной стороны, государство обладает значительно свободой усмотрения, так как заявителем совершено множество преступлений, в том числе тяжких, решение властей о его депортации не остановило заявителя в своей преступной деятельности. Таким образом, его высылка была бы полностью соразмерна цели предотвращения преступлений, однако, с другой стороны, заявитель родился и всю жизнь прожил во Франции, где находятся его родители, жена, братья, сестры. Заявитель получил французское образование, разговаривает на французском языке (при этом не зная языка той страны, куда его высылают). Таким образом, между указанными двумя полярными точками, характеризующими положение заявителя во французском обществе, и должен быть соблюден баланс интересов – частных и публичных. Свобода усмотрения государства в рассматриваемом случае подлежала сужению в связи с исключительными характеристиками положения заявителя во французском обществе.

Список литературы

1. Орехов О. С. Доктрина свободы усмотрения государств в практике Европейского суда по правам человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2016. 21 с.
2. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 2. Особенная часть. URL: http://www.lib.tpu.ru/fulltext/m/2009/consultant/korkunov_1_2.pdf.
3. Стремоухов А. В. О соотношении категорий понятийного ряда «права человека» // Журн. Рос. права. 2010. № 11. С. 65–73.
4. Липкина Н. Н. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека относительно свободы усмотрения государств при осуществлении вмешательства в права и основные свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.
5. Максимов И. В. «Соразмерность» как принцип установления и применения административных наказаний (методологический аспект) // Вестн. Саратов. гос. юридической академии. 2012. Доп. вып. (85). С. 89–98.

УДК 341.9:314.151(47+57)(430)

Е. Э. Андрейченко¹, В. В. Терешкова²

¹Магистрант второго года обучения по программе «Публичная власть: правовые основы организации и деятельности» кафедры конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета

²Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Юридического института Сибирского федерального университета

ЗАЩИТА ПРАВ МИГРАНТОВ КАК ПУБЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС ГОСУДАРСТВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ И ГЕРМАНИИ

Миграционная политика представляет собой публичный интерес государства. Не утрачивается со временем значимость миграционных процессов, положения иностранцев на территории страны, а также общественных настроений по отношению к ним.

Публичный интерес – это интерес общества и государства в целом [1]. Отмечают при этом, что «к публичному интересу относится не всякий государственный интерес, находящий свое отражение в праве, а только тот, который выражает потребности общества. Содержание публичного интереса составляют только общественные потребности. Притязания государства, выходящие за пределы потребностей общества, не совпадающие с ними, перестают быть содержанием публичного интереса и становятся наполнением сугубо государственного интереса...» [2]. Существует, однако, и иная точка зрения, согласно которой категорически нельзя использовать термин «государственный интерес», поскольку у госу-

дарства самого отсутствует собственный интерес, «он характеризуется принадлежностью к каким-либо социальным субъектам (личность, группа лиц, общество)» [3].

На наш взгляд, публичный интерес – это признанные законом общественные ценности, выраженные нормой права и обеспеченные силой государства.

Одна из основных функций любого государства – защита своих граждан. На основании ст. 62 Конституции РФ иностранные граждане, которые на законных основаниях находятся на территории Российского государства, обладают правами и несут обязанности наравне с российскими гражданами. Такое же правило провозглашено Международным пактом о гражданских и политических правах [4].

Миграционная политика государства выстраивается с учетом общественных интересов, но подпадают ли мигранты под защиту принимающего государства?

В доктрине международного права до сих пор отсутствует дефиниция понятия «мигрант», поэтому не совсем понятно, какие категории иностранных лиц понимать под этим определением. Не решает вопрос и наличие Конвенций. Существует термин «трудящийся-мигрант», который «означает лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого он или она не является» [5]. Конвенция о статусе беженцев выделяет категорию иностранцев, которым грозят те или иные неблагоприятные события на территории своего родного государства, из-за которых они и вынуждены его покинуть, то есть беженцы.

Исходя из этого, определим понятие «мигранты» как иностранных граждан, находящихся на территории принимающего государства на законных основаниях.

В Российской Федерации принят ряд законов, регулирующих положение иностранных лиц на территории России. В настоящее время действует Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года [6]. Данный документ предусматривает прежде всего «обеспечение национальной безопасности РФ, максимальной защищенности, комфортности и благополучия населения России», деятельность государственных органов и политики направлена на интеграцию прибывших лиц, на возвращение соотечественников, а также на формирование инфраструктуры для принятия, расселения и адаптации мигрантов [7].

Миграционная политика Германии всегда отличалась открытостью и готовностью принять иностранцев на территории страны. Исторически выделяют несколько групп иностранных граждан, которые признаны правом ФРГ и обладают законодательно установленными правами и обязанностями.

Первая группа мигрантов – этнические немцы [8]. Это категория так называемых поздних переселенцев – немцев, которым давалось право возвратиться на свою историческую родину.

Вторая группа – гуманитарные беженцы. Власти Германии стремились интегрировать лиц еврейского происхождения «ради возрождения еврейской жизни в Германии» и осознания немцами исторической вины Германии за геноцид еврейского населения СССР и Восточной Европы во время Второй мировой войны» [9].

Закон о миграции допускает третью группу – «лица, прибывшие по линии воссоединения семей» [10].

В следующие группы иностранцев входят трудящиеся мигранты и студенты/учащиеся.

Ангела Меркель с начала своей деятельности на посту канцлера провозгласила политику мультикультурализма, открывая границы и приглашая мигрантов на территорию ФРГ. Однако в настоящее время СМИ пестрят заголовками о том, что курс на «мультикульту» провален [11], а сложившаяся ситуация с засилием сирийских беженцев представляет большую проблему уже для аутентичного населения страны. Властями Германии активно обсуждается вопрос о возможности или невозможности высылки прибывших сирийских и военных беженцев.

В Закон о беженцах [12], который содержит ссылки на Правовые директивы ЕС, уже внесены изменения, касающиеся режима пребывания и допуска на территорию страны сирийского населения. Это, прежде всего, обязанность проходить интеграционные языковые курсы, ограничение передвижения (переезда) на территории страны, отказ в предоставлении статуса при установлении отсутствия оснований такового и т. д. Федеральная земля Бавария в свою очередь выразила абсолютный отказ от принятия нескончаемого потока беженцев из других стран ЕС [13].

Европейский Суд по правам человека в своих решениях о высылке и депортации выразил общие критерии определения баланса публичных и частных интересов, которые распространяются на все государства, независимо от того, идет речь о Германии или о России.

Так, в 2015 году Европейский Суд по правам человека рассмотрел дело А. Л. против России [14]. Со слов заявителя Л. А., он является гражданином РФ и был задержан правоохранительными органами в городе Санкт-Петербурге по подозрению в убийстве китайского полицейского. Заявитель на основании постановления суда был помещен под стражу в связи с тем, что являлся гражданином Китая, находящимся в списке разыскиваемых лиц Интерпола. Получение российского паспорта заявителем было незаконным, последний подлежал высылке за пределы России. И суд, проанализировав семейные связи заявителя, а именно то, что «Заявитель был женат на гражданке РФ, у него не было несовершеннолетних детей», пришел к выводу, что «общественные интересы важнее личных интересов» [14]. Заявитель жаловался на то, что во время содержания под стражей он находился в нечеловеческих условиях: «содержался в карцере в наручниках; кормили всего один раз в день, но он в любом случае не мог есть, поскольку его руки были в наручниках; на протяжении четырехмесячного пребывания в центре Заявителю было разрешено принять душ всего пять раз» [14]. Суд постановил нарушение ст. 2, 3, 13 ЕКЧП. ЕСПЧ указывает на то, что «Россия связана обязательством, которое вытекает из ст. 2 и 3, не высылать и не депортировать человека в другое государство в тех случаях, когда имеются достаточные основания полагать, что он столкнется там с реальной опасностью подвергнуться смертной казни». Запрет на въезд в РФ предполагает депортацию заявителя в Китай, если последний не покинет территорию России в течение определенного срока. Содержание в одиночной камере, отсутствие еды, питьевой воды и удобств «может быть приравнено к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, противоречащему ст. 3 Конвенции» [14].

В другом деле, Алим против России [15], ЕСПЧ нашел нарушение ст. 8 ЕКПЧ в связи с высылкой лица за пределы РФ. Камерунец Алим приехал в России для осуществления спортивной деятельности в одном из футбольных клубов, однако по окончании контракта, остался проживать на территории страны, вступив в отношения с гражданкой РФ, с которой у Алима родились двое детей. В связи с бюрократическими препятствиями заявитель пропустил срок продления разрешения на пребывание в РФ, из-за чего подлежал депортации. Суд установил, что «власти должны соблюдать справедливый баланс между соблюдением интересов личности и общества в целом; и в обоих случаях власти имеют определенные пределы усмотрения. Более того, ст. 8 ЕКПЧ не налагает на власти общего обязательства уважать выбор иммигрантами страны пребывания и санкционировать воссоединение семьи на своей территории.

Тем не менее в деле, которое связано с вопросами семейной жизни и иммиграции, рамки обязательств властей по допуску на свою территорию родственников лиц, пребывающих на ней, должны изменяться в соответствии с определенными обстоятельствами заинтересованных лиц и общими интересами, сюда можно отнести «степень вмешательства в семейную жизнь, прочность сложившихся «связей в государстве, наличие непреодолимых препятствий для пребывания семьи в родной стране одного или более членов семьи и наличие факторов иммиграционного контроля <...> или соображения соблюдения общественного порядка, обосновывающие выдворение <...>, была ли семейная жизнь создана в то время, когда заинтересованные лица были осведомлены об иммиграционном статусе одного из них и о том, было ли продолжение такой семейной жизни в принимающем государстве изначально рискованным» [15].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при определении пределов усмотрения государства в делах о высылке следует ориентироваться самим государственным органам, прежде всего, на взвешивание и соразмерность угрозы общественным интересам и негативным последствиям и претерпеваниям, которые понесет иностранный гражданин.

Сравнивая миграционное законодательство и практику Российской Федерации и Германии, можно выделить как сходные черты, так и отметить различия.

Общее – это суверенное право государств самостоятельно определять свою миграционную политику, а также названные уже критерии баланса публичного и частного интереса, ведь, как отмечалось ранее, регулирование миграционных потоков является публичным интересом. С одной стороны, есть большое количество иностранцев, по тем или иным причинам нуждающихся в защите, а с другой стороны, – это интерес собственных граждан, в том числе в рабочих местах, социальных гарантиях, экономической целесообразности.

Однако при этом стоим отметить, что цели миграционной политики у России и Германии разные.

Германия предпочитает квалифицированных мигрантов, обладающих ценными профессиональными знаниями и умениями, в Российской Федерации популярны иностранцы, занимающиеся низкооплачиваемым наемным трудом, чаще всего в сфере обслуживания. Однако при этом и в ФРГ прибывают безработные, необразованные иностранцы, а в России провозглашается вектор на обучаемость и профессионализм мигрантов, в частности, так

же, как и в Германии, вводится курс русского языка с обязательной последующей сдачей экзамена. Немецкие работодатели в рамках европейского сотрудничества обязаны принимать на работу также граждан стран, входящих в Европейский союз, в Российской Федерации для граждан стран СНГ и бывшего СССР вводятся квоты или льготные режимы, исключающие получение патентов для рабочей деятельности.

Таким образом, каждый пребывающий на территорию государства иностранец первоочередной задачей со своей стороны должен ставить ассимиляцию и интеграцию в то общество со сложившимися традициями и устоями, в котором он планирует большее или меньшее время жить и коммуницировать. По самой человеческой природе противоестественно вести кочевой образ жизни, не образуя свой род на определенной территории.

Создание условий для стабильной жизни мигрантов на законных основаниях, находящихся в пределах страны, – одна из публичных обязанностей государства, и в том числе составляющая часть общественного интереса, поскольку правомерное и предсказуемое поведение иностранцев на территории страны образует правопорядок и спокойствие в национальном обществе.

Список литературы

1. Дихтяр А. И., Рогожин Н. А. Обеспечение баланса частных и публичных интересов в судебных решениях Конституционного Суда РФ // Закон и право. 2002. № 12. URL: http://www.echr.ru/news/msg.asp?id_msg=97.
2. Рябова Е. В. Принцип баланса интересов предпринимателей и публичных интересов государства // Юрист. 2016. № 8. С. 21–24.
3. Томилов А. Ю. Публичный интерес в гражданских делах // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2009. № 36 (174). Право. Вып. 22. С. 57–60.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах // Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
5. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей: принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1990 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml.
6. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».
7. Зуева А. С., Хабибулин А. Г. Задачи и функции современной российской государственности в сфере миграционной политики // Миграционное право. 2016. № 2. С. 22–26.
8. Asylgesetz. 1. Juli 1992 // BGBl. I S. 1126. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/asylvfg_1992/BJNR111260992.html#BJNR111260992BJNG000104311.
9. Артемов В. Ю., Власов И. С., Голованова Н. А. и др. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ: монография / отв. ред. И. С. Власов, Н. А. Голованова. М.: ИЗиСП. КОНТРАКТ, 2012. С. 142–145.

10. Asylgesetz. 1. Juli 1992 // BGBl. I S. 1126. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/asylvfg_1992/BJNR111260992.html#BJNR111260992BJNG000104311.

11. Merkel erklärt Multikulti für gescheitert. SPIEGEL ONLINE. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/integration-merkel-erklaert-multikulti-fuer-gescheitert-a-723532.html>.

12. Asylgesetz. 1. Juli 1992 // BGBl. I S. 1126. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/asylvfg_1992/BJNR111260992.html#BJNR111260992BJNG000104311.

13. Почему Меркель передумала насчет беженцев. Эксперт online. URL: <http://expert.ru/2015/09/16/merkel-peredumala/>.

14. Дело «А.Л. (X.W.) против России». Европейский Суд по правам человека. Постановление от 29.10.2015 г. по жалобе № 44095/14 // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

15. Дело «Алим (Alim) против Российской Федерации». Европейский Суд по правам человека. Постановление от 27.09.2011 г. по жалобе № 27.09.2011 г. по жалобе № 39417/07 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

УДК 341:339.543

В. А. Мещериков

*Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права
Юридического института Сибирского федерального университета*

ТАМОЖЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ В МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

В настоящее время мы являемся свидетелями больших миграционных процессов в мире, которые вызваны разными событиями. Прежде всего, это локальные конфликты, которые происходят в ряде государств, что побуждает мирное население к переселению в другие государства с целью избежать насилия по отношению к себе; другие лица стремятся к улучшению своего экономического благосостояния и т. д.

Большой поток мигрантов наблюдается в европейские государства (как правило, это выходцы из стран Ближнего востока), а также в Россию (граждане Украины).

В настоящее время существует большое количество международных соглашений¹, регулирующих вопросы миграции, а также ряд нормативно-правовых актов РФ, направленных на урегулирование миграционных процессов²:

© Мещериков В. А., 2017

¹ Декларация прав человека (от 10 декабря 1948 г.), Конвенция о статусе беженцев (от 28 июля 1951 г.), Протокол о статусе беженцев (от 31 января 1967 г.), Конвенция о статусе лиц, не имеющих гражданства

Анализ международных соглашений и национального законодательства РФ приводит к выводу, что в них отсутствует правовое регулирование вопросов перемещения мигрантами своего имущества в страну пребывания.

Рассматривая вопросы перемещения своего личного имущества мигрантами через таможенную границу в страны пребывания, необходимо обратиться к национальному таможенному законодательству.

Так, если лицо переселяется на территорию РФ по причинам, которые в дальнейшем служат признанием его беженцем, вынужденным переселенцем, то по отношению к его имуществу, перемещаемому через границу государства, применяются нормы Таможенного кодекса ТС и соглашениями, заключенными в рамках ЕАЭС, так как РФ является участником Договора о Евразийском экономическом союзе [1].

Прежде чем рассмотреть предоставление льгот в отношении имущества перемещаемого через таможенную границу для личного пользования физическими лицами (в нашем случае мигрантов), необходимо остановиться на самом понятии «мигрант» и на том, какие лица подпадают под данную категорию.

В настоящее время в нормативно-правовых актах, научных работах встречается термин «мигрант», но однозначной его трактовки нет. Имеет место быть следующее определение: «Мигрант – это лицо, пересекшее или намеревающееся, согласно имеющимся у него документам, пересечь административную границу внутри государства или государственную границу между государствами» [2, с. 36].

Здесь можно согласиться с точкой зрения Е. П. Бадулина [3, с. 38], который предлагает, что за основу дефиниции «мигрант» необходимо взять изменяющиеся правовые состояния всех лиц, осуществляющих миграцию на территории РФ и за ее пределами:

- 1) граждан РФ;
- 2) иностранных граждан;
- 3) лиц без гражданства;
- 4) беженцев;
- 5) вынужденных переселенцев.

Итак, автор приходит к выводу, что под мигрантами следует понимать всех лиц (граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, беженцев и вынужденных переселенцев), осуществляющих миграцию.

Теперь рассмотрим вопрос о перемещения имущества мигрантами через таможенную границу. Необходимо отметить, что таможенное законодательство ТС и РФ не знает понятия «мигрант». В таможенном законодательстве ТС упоминаются следующие категории лиц: иностранное лицо; лицо; декларант [4]. В связи с этим в таможенном законодательстве

(от 28 сентября 1954 г.), Конвенция о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей (от 18 декабря 1990 г.), Конституция Международной Организации по Миграции (от 20 мая 1987 г.) и др.

² Федеральный закон (далее ФЗ) от 19 февраля 1993 г. «О вынужденных переселенцах», ФЗ от 19 февраля 1993 г. «О беженцах»; ФЗ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ»; ФЗ от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»; ФЗ от 31 мая 2002 г. «О гражданстве Российской Федерации» (с изменением от 11.11.2003 г.); ФЗ от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

ТС, речь идет о физических лицах, а не о мигрантах и соответственно применяются нормы Таможенного кодекса ТС о правилах перемещения товаров физическими лицами товаров для личного пользования и порядок предоставления льгот по уплате таможенных платежей на эти товары.

Специальным актом, регулирующим порядок перемещения товаров для личного пользования физическими лицами в государства – члены ЕАЭС, в том числе и в РФ, является Соглашение от 18 июня 2010 года «О порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу Таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском» (далее – Соглашение).

Соглашение [0] предусматривает льготы, применяемые в отношении физических лиц, которые признаны в соответствии с законодательством государства – члена ТС беженцами вынужденными переселенцами, а также прибывающими (переселяющимися) в государство – член ТС на постоянное место жительства. Так, в отношении личного имущества при ввозе его на территорию ТС указанными лицами никаких ограничений по таможенной стоимости и весе нет при условии соблюдения их ввоза на таможенную территорию ТС. Также данным лицам предоставляются льготы по перемещению в количестве не более одного автомобиля и одного прицепа. При этом должны быть соблюдены следующие требования: они должны находиться в собственности у лиц, быть зарегистрированы на них в стране предыдущего проживания в течение не менее 6 месяцев до даты их прибытия (переселения) на постоянное место жительства страну – члена ТС.

Также необходимо учитывать, что льготы при ввозе имущества данным лицам предоставляются с учетом того, что ввоз на таможенную территорию ТС из страны предыдущего проживания осуществляется не позднее 18 месяцев со дня прибытия лица на постоянное место жительства в государство – члена ТС; такие товары приобретены до даты признания физических лиц в соответствии с законодательством государства – члена таможенного союза беженцами, вынужденными переселенцами либо до даты прибытия (переселения) на постоянное место жительства в государство – член ТС.

При этом необходимо отметить, что государства – члены ТС (как и другие государства) вводят ограничения и запреты на отдельные категории товаров, исходя из соображения собственной безопасности, защиты жизни и здоровья своих граждан, лиц, проживающих на их территории, животных и т. д. Эти ограничения распространяются на все товары, перемещаемые через таможенную границу ТС физическими лицами. Перечень таких товаров содержится в приложении 2 Соглашения [5].

При этом необходимо учитывать, что лица, которые перемещают товары для личного пользования в страну пребывания, в обязательном порядке должны заполнить пассажирскую таможенную декларацию независимо от того имеется ли у них сопровождаемый багаж или не сопровождаемый.

В заключение можно подвести итог: таможенное законодательство ТС ЕАЭС не делит физических лиц на мигрантов, вынужденных переселенцев и т. д. При пересечении таможенной границы ТС к ним применяются общие правила перемещения товаров через таможенную границу как к физическим лицам. Льготы по перемещению товаров для личного

пользования, физические лица получают только тогда, когда приобретают соответствующий правовой статус в соответствии, с которым эти льготы предоставляются.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) // СПС КонсультантПлюс: Версия проф. URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Деятельность органов внутренних дел по обеспечению прав трудящихся мигрантов в Российской Федерации: курс лекций / под ред. Ю. Н. Демидова. Волгоград, 2005. 36 с.
3. Бадулин Е. П. Миграция: проблемы правового регулирования // ARS ADMINISTRANDI: журн. 2010. № 1.
4. Таможенного кодекса. ТС от 27.11.2009 // СПС КонсультантПлюс: Версия проф. URL: <http://www.consultant.ru>.
5. Соглашение от 18 июня 2010 года «О порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу Таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском» // СПС КонсультантПлюс: Версия проф. URL: <http://www.consultant.ru>.

УДК 159.923.2:314.151

В. А. Франц

*Доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга
Института государственного управления и предпринимательства
Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина*

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МИГРАНТОВ КАК УСЛОВИЕ ИХ ЭФФЕКТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО*

В последние несколько лет как в России, так и за ее пределами наблюдается существенное увеличение миграционных потоков, зачастую влекущих за собой рост международной и межэтнической напряженности, а также террористической активности. В связи с этим проблема интеграции мигрантов в принимающее сообщество приобретает особенную актуальность.

Многолетний опыт реализации миграционной политики в рамках парадигмы мультикультурализма, накопленный такими государствами как США и некоторые страны Европы (Великобритания, Швеция, Нидерланды), показал, что при наличии бесспорно позитивных

экономических и социальных эффектов, данный подход, по всей видимости, имеет и слабые стороны.

В пользу несовершенства мультикультуралистского подхода свидетельствуют такие тенденции, как анклавизация и маргинализация широких слоев иноэтничного населения, а также рост террористического насилия в принимающих странах. Политика ассимиляционизма, осуществлявшаяся на протяжении многих лет, в частности Францией, также не оказалась в полной мере успешной. Это говорит о том, что оптимальный алгоритм интеграции мигрантов в принимающее сообщество еще не найден.

Говоря о России, нельзя не отметить, что с точки зрения опыта приема и интеграции иноэтничного населения, наша страна уступает многим странам Европы и США, при том, что данная проблема стоит перед Россией достаточно остро. Поэтому изучение миграционной политики этих государств может быть для нас весьма полезным. Кроме того, миграционная ситуация в России имеет свою специфику, в связи с чем опыт западных стран не может быть перенесен на российскую почву в неизменном виде.

В данном контексте хотелось бы отметить, что существенный интерес представляет собой изучение наследия и опыта СССР в сфере интеграции различных этносов, который мы считаем успешным с точки зрения формирования гражданской идентичности мигрантов.

В рамках данного доклада мы рассмотрим политическую идентичность мигрантов как фактор, способный оказывать существенное воздействие на их интеграцию в принимающее сообщество. Характер этого воздействия во многом определяется тем, какие идеологические установки лежат в ее основе. Мы попытаемся показать, что грамотное формирование гражданской идентичности мигрантов может препятствовать складыванию их политической идентичности на основе этнической принадлежности, что с высокой вероятностью приводит к межэтнической напряженности и конфликтам.

Идентичность мы рассматриваем как отождествление индивидуумом себя с одной или несколькими социальными группами, предполагающее общность базовых интересов, ценностей, стереотипов мышления и поведения с остальными представителями группы. В данном контексте интересен взгляд Г. Г. Дилигенского [2], утверждавшего, что самоидентификация с большой социальной группой сама по себе является мощным фактором политического выбора. Иными словами, сущностной характеристикой идентичности является наличие политического потенциала. Политику же мы понимаем в контексте определения К. Манхейма [5] – как область столкновения и взаимоопределения интересов различных социальных общностей. При этом в современном постмодерном обществе, испытывающем на себе стремительно возрастающее воздействие глобализации, происходит размывание границ все большего числа разнообразных социальных групп. В свете этой тенденции индивидуумы и группы зачастую проявляют склонность строить свою идентичность на наиболее доступных и простых основаниях, одним из которых является этническая принадлежность, поэтому в разнородном, полиэтничном обществе особенно опасно пускать формирование идентичности мигрантов, в том числе политической, равно как и представителей титульной нации, на самотек.

Политическая идентичность, в нашем понимании, включает вовлеченность граждан в политико-институциональные взаимодействия в рамках различных политических общностей, а также на уровне государства в целом. Она формируется в процессе соотнесения

собственных взглядов индивидуума на приоритеты общественного развития с идейными ориентациями и целями каких бы то ни было политических акторов. Реализованный выбор политической идентичности закрепляется с помощью средств символической политики (имиджи, знаки, ритуалы). Результатами формирования политической идентичности социальных групп являются: структурирование общества, интеграция интересов групп, формирование общественного мнения и обеспечение социального контроля.

В рамках исследования политических аспектов миграции политический процесс мы рассматриваем как взаимодействие следующих акторов: со стороны гражданского общества – мигранты и их общины, диаспоры, организации в защиту прав и свобод мигрантов, движения, выступающие против миграции и мигрантов, а также политические партии; со стороны государства – законодательные, исполнительные и судебные органы федеральной, региональной и муниципальной власти.

Наиболее распространенными видами законной политической активности иностранцев являются использование права на забастовку, членство в политических и других организациях, участие в деятельности консультативных советов, а также в местных избирательных кампаниях. Основными индикаторами политико-правовой интеграции мигрантов служат их правовой статус, наличие или отсутствие ограничения их прав, в частности политических, условия получения гражданства страны проживания и т. п.

На наш взгляд, существует два вида факторов, влияющих на характер политической идентичности мигрантов и, в частности, на риск возникновения этнонационалистических настроений: институциональные и идеологические. Институциональные включают права мигрантов и формы их участия в социально-политической жизни государства. Идеологические включают особенности отношения к мигрантам в обществе, специфику интеграционной парадигмы (ассимиляционизм, мультикультурализм, другое), а также наличие или отсутствие общей для всех жителей государства гражданской идентичности.

Часто, неверно управляя идеологическими или институциональными аспектами интеграции, принимающие государства сами формируют ситуацию, в которой иноэтничное население начинает обостренно чувствовать свою этническую принадлежность или оказывается вынуждено проявить не всегда конструктивную политическую активность. В большинстве случаев это связано с ущемлением прав мигрантов и дискриминацией по этническому признаку. С нашей точки зрения, опыт государств, предоставляющих мигрантам максимально равные с местным населением права, в том числе политические, подтверждает положительное влияние такого подхода на уровень социальной интеграции. Мы имеем в виду опыт предоставления рядом европейских стран (Дания, Швеция, Бельгия, Нидерланды и др.) избирательного права на муниципальном уровне мигрантам, имеющим постоянный вид на жительство. Также положительную роль играет сокращение срока натурализации (США, Канада).

Даже при том, что, как показывают исследования [6], политическая активность мигрантов имеет тенденцию постепенно снижаться, важен сам факт их вовлечения в максимальное количество разнообразных аспектов общественной жизни с целью обеспечения чувства сопричастности, необходимого для формирования так называемой гражданской идентич-

ности. Удачно сформированная гражданская идентичность предполагает полное соотнесение индивидуумом себя с государственно-политической общностью, позитивное отношение к государству и в большинстве случаев высокую оценку его внешней и внутренней политики.

Ярким же примером успеха в управлении идеологическими аспектами миграции мы считаем опыт СССР. Относительно высокая степень эффективности советской интеграционной политики подтверждается опросами бывших жителей СССР, не являющихся этническими русскими. Результаты этих опросов демонстрируют, что «национальность находилась как бы в спящем состоянии внутри человека, а сознание "советского человека" во многих случаях превалировало над сознанием этничности» [4]. Достигался такой эффект путем создания привлекательных идей дружбы и равенства народов, которые широко пропагандировались посредством различных культурных практик (фестивали, симпозиумы, конференции) и массового искусства (архитектура, кинематограф, художественные и музыкальные произведения).

Таким образом, с нашей точки зрения, эффективная интеграция иноэтничных мигрантов предполагает максимизацию их политических прав, а также формирование, используя терминологию М. Лота, многомерной модели идентичности, на самом высоком уровне которой должна находиться гражданская идентичность, предполагающая некое общее ценностное ядро, разделяемое всеми гражданами государства независимо от этнической принадлежности.

Список литературы

1. Вердери К. Нации и национализм. М.: Эксмо, 2004.
2. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. Ин-т «Открытое общество». 1994.
3. Комитет гражданских инициатив, Фонд «Миграция XXI век». Концепция государственной миграционной политики на период до 2025 года: заявленные планы и реальная жизнь. 2015. URL: <http://migrant.ru/wp-content/uploads/2015/06/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8-%D0%B4%D0%BE-2025.pdf>.
4. Лурье С. В. «Дружба народов» в СССР: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации? // Демоскоп: журн. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0475/analit02.php>.
5. Манхейм К. Идеология и утопия. М.: Юристъ, Россия, 1994.
6. European Journal of Political Research. 1988. № 6. P. 635.
7. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity, Global Modernities, London: Sage, GB. P. 25–44.
8. Сайт федеральной службы государственной статистики России. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.
9. Семенов И. С. Идентичность в предметном поле политической науки, Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам Всероссийской научно-

теоретической конференции; Ин-т междунар. отношений и мировой политики Российской академии наук. 2010. С. 8–23.

10. Цапенко И. П. Управление миграцией: опыт развитых стран. Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН. М.: Изд-во «Academia», 2009.

УДК 316.72(=161.3)(571.1/.5)

А. И. Лойко

Доктор философских наук, профессор Белорусского национального технического университета

БЕЛОРУСЫ В СИБИРИ: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА

Этнические белорусы оказались в пределах Сибири по нескольким причинам. Одной из первых причин стала столыпинская реформа, на которую откликнулись крестьяне, мечтавшие о земельных наделах и самостоятельном ведении хозяйства. Второй причиной стал период, связанный с ГУЛАГом. В годы Великой Отечественной войны эвакуация способствовала миграции белорусов в Сибирь. Освоение нефтяных месторождений Западной Сибири стало еще одним фактором миграции белорусов в Сибирь.

В Сибири белорусы сохраняют этнические особенности, о чем свидетельствует деятельность Новосибирского центра белорусской культуры. Этот центр создан постановлением главы администрации Новосибирской области от 04.09.2000 № 723 в целях сохранения и развития национальной белорусской культуры по предложению президента автономии белорусов В. В. Галузо.

Центром проведена большая работа по реализации целей и задач этнокультурной деятельности, открыто 15 общественных филиалов центра в области в местах компактного проживания белорусов – Кыштовский район (дер. Колбаса), Северный, Куйбышевский, Болотнинский, Мошковский (дер. Ташара, Смоленка), Коченевский (дер. Новомихайловка) районы, г. Бердск. Создано более 50 художественных коллективов (взрослых и детских), исполняющих белорусские песни и танцы, ставить театральные белорусские постановки.

При центре работает 15 клубных формирований, из них: вокальный ансамбль «Крыничка», в составе семь человек, руководитель Дубограева Ирина Владиславовна; детские вокальные ансамбли «Святки», «Кужалёк», «Кавали»; кружок кройки и шитья «Гаспадыня»; клуб любителей национальной вышивки «Прыгажуня». Фольклорный ансамбль «Крыничка» имеет почетное звание «Народный самодеятельный коллектив». Ансамбль является лауреатом Межрегионального фестиваля-конкурса «Сибирские самоцветы», проходившем в Томске (2003), Международного фольклорного фестиваля «Сибирские родники» (Тюмень, 2003), Международного конкурса «Молодые голоса Сибири» (Новосибирск, 2005). Звание «Народ-

ный самодеятельный коллектив» получил ансамбль «Чапурушка» Коченевского филиала центра.

Традиционным стал фестиваль белорусской культуры «В гостях у Лявонихи», который проводился ежегодно. Фестиваль является своеобразным отчетным праздником о проделанной работе центра за год. На фестиваль приезжают коллективы из Новосибирска, Новосибирской области и Сибирского региона. Налажены связи с Посольством Республики Беларусь в Российской Федерации, Министерством культуры Республики Беларусь, белорусскими диаспорами Томска, Тюмени, Иркутска, Москвы, общественными организациями г. Новосибирска.

Центр принимает участие в городских и областных праздниках. Ансамбли выступали вместе с белорусским ансамблем «Сябры» на самой большой сценической площадке города. Успешно осуществляется работа по привлечению детей и молодежи к белорусской культуре. Были заключены договоры о творческом содружестве с муниципальным образовательным учреждением – школой-садом № 123, центром детского творчества (ЦДТ) «Содружество» Калининского района, с кафедрой народной художественной культуры (НХК) Новосибирского государственного педагогического университета (НГПУ).

Новосибирский центр белорусской культуры ведет разноплановую работу, в ноябре 2006 года впервые был организован и проведен областной фестиваль белорусских художественных промыслов и ремесел. 23 марта 2007 года прошел открытый региональный белорусский фестиваль-конкурс детского творчества «От Полесья до Сибири несите аисты весну».

Между учреждением культуры «Могилевский областной методический центр народного творчества и культурно-просветительной работы» и «Новосибирским центром белорусской культуры» заключено в 2013 году соглашение о культурном сотрудничестве. Оно предполагает обмен информационными и методическими материалами, проведение и участие в обменных семинарах, мастер-классах и иных культурных мероприятиях для взаимообогащения опыта работы по вопросам сохранения и ретрансляции национальной культуры.

Соглашению о творческом сотрудничестве между Новосибирским центром белорусской культуры и Культурным центром «Беларусь» Павлодарской области от 06.11.2010 с целью развития и сохранения дружественных отношений с приграничными регионами. Проект поддерживается Ассамблеей народа Казахстана Павлодарской области.

Этнические белорусы были с Беларусью в год, когда она отмечала 70-летие освобождения от немецко-фашистских захватчиков [1]. В мероприятиях приняли участие представители Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации, Министерства культуры Республики Беларусь, правительства Новосибирской области и мэрии города Новосибирска, делегации национальных автономий и землячеств белорусов Алтая, Казахстана, Омской, Томской, Иркутской и Тюменской областей, руководители дилерских структур белорусских предприятий в Новосибирске.

Белорусы уже много столетий непосредственно связаны с Сибирью, с ее освоением и развитием. Как известно, со второй половины XVI века и практически чуть ли не весь следующий век Россия вела войны с Речью Посполитой, в состав которой входили тогда бело-

русские территории. С 1558 по 1583 годы шла Ливонская война, когда Россия пыталась выйти к Балтийскому морю. Затем была Смута, польская интервенция и Смоленская война 1632–1634 годов. Через двадцать лет Россия начала новую войну с Речью Посполитой (1654–1667 годы) за белорусские и украинские земли, находившиеся под ее властью. В ходе этих войн в плен московским воеводам попадало немало польских подданных, среди которых было много выходцев из белорусских земель. Кроме того, некоторые белорусы могли добровольно присоединиться к отходящим в пределы России войскам. И именно в этот период идет интенсивное освоение сибирской земли. Оно требовало постоянного притока сильных и мужественных людей.

Во второй половине XVIII века произошли три раздела Речи Посполитой. После них в Сибирь потянулись люди, в том числе и из новых российских западных губерний, которые хотели поправить свое материальное положение, повысить социальный статус, а порой и скрыться от правосудия.

Очередной всплеск переселения, на этот раз недобровольного, последовал после разгрома восстания на территории Польши и западной части нынешней Беларуси в 1830–1831 годах. В нем участвовали и белорусские шляхтичи, которые вместе с поляками оказались в ссылке в Сибири.

Новая большая волна выходцев из белорусских земель, на этот раз крестьян, оказалась в Сибири в ходе так называемых «киселевских переселений». При Николае I в 1837 году было учреждено Министерство государственных имуществ, которое возглавил граф Павел Киселев. В ходе киселевских переселений с 1837 по 1859 год «Правила о переселении казенных крестьян» (документ, регламентирующий все правовые, административные и хозяйственные особенности этого процесса) были распространены на Сибирь. И туда двинулся поток малоземельных крестьян Российской империи, в том числе из ее западных губерний.

Причиной переселения из Белоруссии явилось малоземелье. В это время в Сибирь пришло несколько организованных партий малоземельных крестьян – выходцев из Витебской губернии, а также Смоленской, Псковской, Черниговской губерний, в границах которых находились районы проживания белорусов. Переселялись они целыми общинами, после посылки разведчиков-ходоков. Места для компактных поселений им определяла местная администрация.

Белорусские миграции в Сибирский регион прекратились почти на 30 лет, возобновившись только в конце XIX столетия и интенсивно продолжались в течение десятилетия вплоть до 1912 года.

Особенно мощный миграционный поток отмечен в 1898 году. В том году в Сибирь прибыло более 30 тысяч человек из Витебской, Виленской, Могилевской и Гродненской губерний. В 1907 году вновь около 30 % всех сибирских переселенцев были из Могилевской, Витебской и Минской губерний.

Эти переселенцы принесли в Сибирь культуру льна. Почти все крестьяне выращивали на своих угодьях лен. В начале XX века уже создавались кооперативы по сбору и сбыту льна и изготовлению льняных тканей.

Во время проведения Столыпинской аграрной реформы, когда крестьяне получили право выхода из общин и продажи своих наделов, этой возможностью воспользовались и переселились из белорусских губерний в Сибирь с 1906 по 1914 годы более 335 тыс. человек.

В годы Первой мировой войны с территории Белоруссии в Россию, в том числе в Сибирь, бежали около 1,5 млн белорусов. С окончанием Гражданской войны и образованием БССР большинство белорусов вернулись на свою историческую родину, поэтому численность белорусов в Сибири и других регионах России заметно снизилась.

К середине 20-х годов в Сибири в местах компактного проживания белорусов действовало более 700 национальных сельских советов, действовала сеть национальных белорусских школ с обучением на родном языке, на белорусском языке издавались газеты. В 20-е годы в Томском университете существовало белорусское землячество.

В годы Великой Отечественной войны в восточные районы страны из Белоруссии было эвакуировано 1,5 млн человек, часть из них после окончания войны остались жить в Сибири. В послевоенное время белорусы работали на освоении целинных земель в 1954–1962 годы на строительстве автомобильных дорог.

Белорусские миграции в Сибирь в 50–80-е годы прошлого века были связаны в первую очередь с крупнейшими сибирскими стройками. Меняется социальный статус переселенцев, приезжающих в Сибирь: отныне это не жители деревни, а квалифицированные рабочие и представители интеллигенции. И переселение идет не в сельскую местность, как ранее, а преимущественно в города и места новостроек.

В эти годы выходцы из Белоруссии принимали активное участие в создании топливно-энергетического и транспортного комплекса Сибири. На строительстве Братской ГЭС трудилось почти 2,5 тыс. белорусов, или 6,6 % от общего числа всех строителей, принимавших участие в возведении объекта. Выходцы из Белоруссии принимали участие также в строительстве Сургутской ГРЭС, Саяно-Шушенской и Усть-Илимской ГЭС. За 1956–1966 годы комсомольская организация Белоруссии направила на стройки Сибири и Дальнего Востока более 70 тыс. юношей и девушек. Трудовые коллективы белорусов работали в Тюменской области, при разработке нефтяных месторождений Сибири, внесли весомый вклад в освоение Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса, в строительство БАМа.

С середины 90-х годов начинается процесс активного возрождения белорусской культуры. Идет образование общественных организаций, национально-культурных автономий (НКА) белорусов практически во всех частях Сибири. НКА созданы во многих крупных городах Сибири и Дальнего Востока: Новосибирске, Красноярске, Иркутске, Томске, Сургуте, Владивостоке, Барнауле.

В содержании миграции белорусов в российские регионы за столетия сформировался евразийский вектор [2], который влияет на отношения двух государств. Именно он стал основанием для создания Союзного государства. В орбите отношений белорусов и русских оказались также казахи [3].

Таким образом, белорусы стали естественной частью российского общества. Они вносят важный вклад в укрепление отношений между регионами двух стран.

Список литературы

1. Духовные ценности и историческая память: к 70-летию Победы. Минск, 2015.
2. Лойко А. И. Евразийский вектор в отношениях Беларуси и России. Саарбрюккен, 2012.
3. Евразийское пространство диалога Беларуси, Казахстана, России, Армении, Кыргызстана: культура, философия, экономика. Минск, 2016.

УДК 323.1(47+57)“1950/1959”

С. А. Подъяпольский

Кандидат философских наук, директор юридического агентства «Антикризисный центр»

СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА 1950-Х ГОДОВ

В рамках междисциплинарного исследования 1950-е годы рассматриваются как противоречивый период советской национальной политики, последствия которого существенно повлияли на дальнейшее развитие этносоциальных процессов. Несмотря на сравнительно быстрое восстановление довоенной численности населения, послевоенный период компенсаторного роста рождаемости оказался непродолжительным. Демографические и иные последствия войны до сих пор во многом определяют динамику российских социокультурных процессов. Необдуманные административно-территориальные решения, ошибки при организации возвращения репрессированных народов создали почву для дальнейших конфликтов. Антицерковная кампания, угасание традиционных праздников, разрыв связи поколений в сочетании с неблагоприятными демографическими обстоятельствами, ложными приоритетами аграрной политики и авантюрными социально-экономическими преобразованиями негативно повлияли на социокультурную целостность русского этноса.

Данным текстом автор продолжает цикл статей, в которых вопросы советской национальной политики рассматриваются в широком междисциплинарном контексте¹. При этом особая роль отводится культурологическим подходам.

Актуальность многоаспектного подхода к данному вопросу закономерна. Как указывал Р. Г. Абдулатипов, «объективно в национальном вопросе присутствует комплекс социально-

© Подъяпольский С. А., 2017

¹ См.: Подъяпольский С. А. Политико-юридические штрихи к полотну дезинтеграции Советского Союза. URL: <http://krasn.pravo.ru/review/view/30333/>; Подъяпольский С. А. Советская национальная политика 1960 – начала 1980-х годов // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. (30 ноября – 2 декабря 2015 г.) / отв. за выпуск Н. П. Копцева. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. С. 251–273.

экономических, политических и территориальных аспектов развития народов»¹. Более того, данный вопрос является «концентрированным выражением состояния и самочувствия народов страны и их взаимоотношений», характеризует «определенное конкретно-историческое состояние экономики, политики, социального положения и духовного самочувствия всего общества, государства»².

В отношении 1950-х годов автор данной статьи выдвигает гипотезу, согласно которой этот период был крайне противоречивым (будет сделана попытка показать основные противоречия). А кроме того, данные противоречия существенно проявили себя в последующие годы.

1. Демография

В данной сфере можно выявить противоречие между сравнительно быстрым восстановлением довоенной численности населения и неявными последствиями Великой Отечественной, для обозначения которых специалисты используют выражение «демографическое эхо войны».

Довоенная численность населения была достигнута уже к 1955 году. И это несмотря на голод 1946–1947 годов, унесший до миллиона жизней. Послевоенный рост рождаемости дал к 1950 году ежегодный прирост на 17–18 %³. Возникло понятие «дети Победы», актуальное и по настоящее время. Так, например, оно отобразилось в творчестве поэта А. Земскова:

*Мы – дети детей Победы,
Родившихся в сорок пятом
В стране, что стояла гордо
На твёрдых своих ногах.
Военной поры приметы,
Привычные тем ребятам,
Ложатся на гриф аккордом
И в наших звучат стихах⁴.*

Вместе с тем, к примеру, Новгородская, Псковская и Смоленская области так и не преодолели демографические потери войны. Сейчас эти регионы населяет меньше людей, чем жило на соответствующих территориях в XIX веке⁵.

А главное, послевоенный период компенсаторного роста рождаемости оказался непродолжительным. Из-за тяжелых материальных условий «беби-бум» в нашей стране оказался

¹ Основы национальных и федеративных отношений: учеб. / под общ. ред. Р. Г. Абдулатипова. М.: Изд-во РАГС, 2001. С. 97.

² Там же. С. 109.

³ См.: Русские / отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М.: Наука, 2005. С. 130.

⁴ Земсков А. Мы – дети детей Победы. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=39233>.

⁵ См.: Население Новгородской области. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Новгородской_области; Население Псковской области. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Псковской_области; Население Смоленской области. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Смоленской_области.

меньше, чем в Западной Европе или США. Кроме того, дети нередко рождались с ослабленным здоровьем. Данные обследований показывали, что «дети победы» значительно «отстают» от довоенных показателей по росту и весу¹.

Уже во второй половине 1960-х годов число родившихся опустилось до отметки 1,8–1,9 млн человек по сравнению с 2,8–2,9 млн в «компенсаторные» 1950-е годы. Во второй половине 1970-х «дети Победы» вступили в брачный возраст, это привело к росту рождаемости, однако в 1980-х вновь началось снижение. Как указывают специалисты, «демографическое эхо» войны» проявилось и в снижении рождаемости, имевшем место в начале 2000-х годов².

Особой бедой страны стали в XX веке половозрастные диспропорции. «Демографические ямы» в возрастно-половой пирамиде образовались еще до войны. К этому привели потери в годы Первой мировой и Гражданской войн, голод, коллективизация, репрессии. Смертность мужчин во всех возрастах превышала смертность женскую. Вместе с тем по отдельным возрастам ситуация была наиболее неблагоприятная. Согласно переписи 1926 года, среди молодежных групп 20–24 и 25–29 лет женщины составляли 71 и 66 % соответственно. Девочки существенно преобладали и среди детей, родившихся в голодный 1932 год³.

Согласно переписи 1959 года, наибольшие потери мужчин наблюдались в возрасте от 34 до 44 лет: они вступили в войну в возрасте 17–27 лет. В возрастной группе 35–39 лет (1919–1923 годов рождения) на 100 женщин приходилось 62,6 мужчины-ровесника и 59,6 мужчин старше на пять лет. В возрасте 40–44 года (1914–1918 годов рождения) – 61,6 и 70,2 соответственно. Немногим лучше обстояло дело в возрастных группах 30–34 года (1924–1928 годов рождения) – 83,5 и 40,9 соответственно⁴.

Ярче всего, как водится, о данной ситуации сказали поэты. Юлия Друнина писала:

*Да и не с кем гулять
В сорок пятом году...
(Нашим детям понять
Трудно эту беду),
По России гремел
Костылей перестук...
Эй, пускай бы без ног,
Эх, пускай бы без рук...⁵*

Очевидцем этой ситуации была и болгарский поэт Л. Стефанова:

¹ Поляков Ю., Жиромская В., Араловец Н. «Демографическое эхо» войны // Война и общество, 1941–1945. Книга вторая. М.: Наука, 2004. URL: http://scepis.net/library/id_1260.html.

² Рыбаковский Л. Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М.: Экон-Информ, 2010. С. 126.

³ См.: Поляков Ю., Жиромская В., Араловец Н. Указ. соч.

⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 60–61.

⁵ Юлия Друнина. Стихотворения (1970–1980). URL: <https://www.litmir.me/br/?b=185394>.

*Танцевали девушки парами,
В простеньких ситцевых платьях,
На просторной танцевальной площадке
<...>
Девушки танцевали.
А парни спали
Под Харьковом,
Под Орлом,
Под Житомиром,
В белорусском дальнем Полесье...¹*

Произошло сокращение доли мужчин и в возрасте 45–49 лет. Это поколение испытало последствия не только Великой Отечественной, но также Первой мировой и Гражданской войн².

Наиболее резко соотношение полов было нарушено в сельской местности³. Как мы увидим далее, там это обстоятельство сочеталось с целым рядом других неблагоприятных обстоятельств, часть из которых были прямым следствием проводившейся тогда политики партии и правительства.

Вернувшиеся фронтовики страдали от ранений («Мы не от старости умрем, / От старых ран умрём», – писал поэт-фронтовик С. Гудзенко), а также от тяжелейшего посттравматического стресса. Популярность легендарного четверостишия Ю. Друниной («Я столько раз видала рукопашный – / Раз наяву и сотни раз во сне. / Кто говорит, что на войне не страшно, / Тот ничего не знает о войне»), отчасти, может быть, связана с тем, что у мужчин существовало много психологических барьеров, препятствовавших формулировать свой опыт подобным образом. Этот травматический опыт, вовлекший целый ряд поколений, насколько нам известно, редко становился предметом скрупулезных научных исследований. Тем более не приходилось говорить о системе психологической помощи. Затаенный, невысказанный, зачастую вытесненный опыт, тем не менее, постоянно проявлялся в социокультурных практиках и порой самым парадоксальным образом транслировался через поколения.

Характерный пример приводит психолог Л. Петрановская. Бабушка 1939 года рождения постоянно запрещает ребенку громко кричать. Мама задает вопрос, почему так. Бабушка не может ответить, а через некоторое время рассказывает сон: «Идет война, и мы с тобой сидим в кустах, прячемся от врагов. Вокруг стреляют, вокруг враги. Вдруг я вижу внучку, она идет по дорожке и громко кричит. И я в ужасе во сне понимаю, что ее сейчас убьют, потому что нельзя так делать – вокруг стреляют. Надо сидеть в кустах и молчать»⁴. Судя по всему, это вытесненное воспоминание из раннего детства.

От потерь, вызванных Великой Отечественной войной, пострадали всех народы Советского Союза. Попытки подсчитать демографические потери отдельных этнических общностей проблематичны по многим причинам, в числе которых изменения границ,

¹ Стефанова Л. Танцевали девушки парами / пер. В. Солоухина. URL: <http://www.stihi.ru/2013/12/12/12>.

² См.: Поляков Ю., Жиромская В., Араловец Н. Указ. соч.

³ См.: Там же.

⁴ Цит. по: Людмила Петрановская: «Любой тоталитарный режим первым делом разрушает семью». URL: http://portal21.ru/?ELEMENT_ID=9030.

меж- и внутригосударственные миграции, этносоциальные процессы (среди которых естественная ассимиляция). Кроме того, возникают методологические трудности, связанные с подсчетом смертности среди мирного населения, косвенных потерь и т. п.

Тем не менее не вызывает сомнений, что среди 26,6 млн погибших советских граждан значительную часть составляли белорусы, русские и украинцы. Именно жители БССР, РСФСР и УССР наиболее активно призывались в армию, а кроме того, территории как раз этих республик были затронуты оккупацией.

Согласно этнодемографическим подсчетам Л. Л. Рыбаковского, на долю РСФСР пришлось примерно 13,2 млн человеческих жизней, потерянных в 1941–1945 годах, среди которых военнослужащие – 5,8 млн, гражданское население – 7,4 млн человек¹.

Блоггер bey, сопоставив долю различных этнических общностей в населении СССР по состоянию на 1939 год, с долей представителей этих этносов в общем числе погибших военнослужащих, определил, что процент погибших военнослужащих от общей численности данной национальности составил применительно к русским 5,78 %. Это выше среднего показателя (5,08 %). Средние по всем народам СССР безвозвратные потери за вычетом потерь русских составили при этом 4,1 %². Представляется, что это лишь предварительные данные, и данный вопрос требует дальнейшего серьезного изучения.

2. Административно-территориальные преобразования

1950-е годы связаны с рядом необдуманных административно-территориальных решений. 25 января 1954 г. было принято Постановление ЦК КПСС «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР»³, 5 февраля 1954 года – Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР», а 19 февраля того же года – аналогичный Указ Президиума Верховного Совета СССР. В качестве факторов, с учетом которых принимается данное решение, в документе фигурировали «общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи»⁴ (именно в такой последовательности). Соответствующий Указ Президиума ВС СССР был утвержден Законом СССР от 26 апреля 1954 года⁵. Правовую оценку данным актам дал впоследствии Верховный Совет РФ, постановивший признать Постановление Президиума ВС РСФСР от 5 февраля 1954 года не имевшим юридической силы с момен-

1 Рыбаковский Л. Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. М.: Экон-Информ, 2010. 140 с.

2 Боевой вклад народов СССР в победу над Германией. URL: <http://bey.livejournal.com/188149.html>.

3 См.: О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР.: Постановление ЦК КПСС от 25 января 1954 года // СПС «КонсультантПлюс».

4 См.: О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР: Указ Президиума ВС СССР от 19.02.1954 // Ведомости ВС СССР. 1954. № 4. Ст. 64.

5 См.: О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР: Закон СССР от 20.04.1954 // СПС «КонсультантПлюс».

та принятия ввиду нарушения Конституции (Основного Закона) РСФСР и законодательной процедуры¹.

Истинные мотивы передачи Крыма Украинской ССР вызывают споры. Пожалуй, наиболее экзотическая версия была выдвинута М. Полтораниным. По его мнению, передача Крыма УССР избавляла РСФСР от обязательств перед американской финансовой организацией «Джойнт» по созданию в Крыму еврейской автономной Республики². Впрочем, С. Н. Хрущев объяснял решение, принятое при участии его отца, гораздо прозаичнее, связывая его с планами по строительству Каховской ГЭС и Северо-Крымского канала³ (что, кстати, соответствует приведенной выше формулировке, ставящей на первое место экономические соображения).

Следует заметить, что передача Крыма была отнюдь не единственным административно-территориальным преобразованием того времени. Ряд районов Казахской ССР были переданы Узбекской ССР⁴. Член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахской ССР Д. А. Кунаев так вспоминал о своих разногласиях с Н. С. Хрущевым: «Одна из первых стычек у нас произошла, когда он предложил мне передать несколько хлопкосеющих районов Узбекистану. Я выступил категорически против. <...> Несмотря на мои возражения, Хрущев обязал меня в партийном порядке передать Узбекской ССР Жетисайский, Кировский и Пахтааральский районы. Впоследствии все они были возвращены назад»⁵.

Также Д. А. Кунаев рассказывал и о еще одной административно-территориальной инициативе того времени: «Как-то Хрущев сказал: "Мангышлак – полуостров несметного богатства. Освоить нефть там могут только туркмены. Надо его им отдать". Мои контраргументы он пропустил мимо ушей, поэтому я попросил его переговорить с министром геологии Сидоренко. Тот поддержал меня, и Хрущев был вынужден оставить Мангышлак Казахстану»⁶.

Таким образом, у Казахской ССР имелся влиятельный лоббист, способный эффективно отстаивать свою позицию на уровне союзного руководства. У РСФСР, не имевшей даже собственной компартии, подобного лоббиста возникнуть не могло.

Следует заметить, что ранее, 29 октября 1948 год Президиум Верховного Совета принял Указ № 761/2, согласно которому город Севастополь был выделен в самостоятельный административно – хозяйственный центр со своим особым бюджетом отнесен к категории городов республиканского подчинения⁷. Руководствуясь данным указом, Верховный Совет РФ

¹ О правовой оценке решений высших органов государственной власти РСФСР по изменению статуса Крыма, принятых в 1954 году: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 21 мая 1992 г. № 2809-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 04.06.1992. № 22. Ст. 1178.

² См.: Как Крым чуть не стал Израилем // Аргументы и Факты. № 42. 15.10.2008. URL: <http://www.aif.ru/society/history/6856>.

³ См., напр.: Гамов А. Сергей Хрущев – КП: Крым передал Украине не Никита Сергеевич, а Борис Николаевич // Комсомольская правда. 2014. 20 марта. URL: <http://www.krsk.kp.ru/daily/26209.4/3093986/>.

⁴ См.: Шевякин А. П. Разгром советской державы. От «оттепели» до перестройки. М.: Вече, 2005. С. 21–24.

⁵ Кунаев Д. А. Трудно угодить всем // Совершенно секретно. 1991. № 2.

⁶ Там же.

⁷ См.: О выделении города Севастополя в самостоятельный административно-хозяйственный центр: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 года № 761/2 // СПС «КонсультантПлюс».

своим Постановлением от 9 июля 1993 года № 5359-1 «О статусе города Севастополя» принял решение «Подтвердить российский федеральный статус города Севастополя в административно-территориальных границах городского округа по состоянию на декабрь 1991 года»¹. По мнению же украинских исследователей, указ 1948 года лишь переводил Севастополь в разряд регионов, финансировавшихся напрямую из республиканского бюджета, и эта реформа никак не затрагивала вопросы юридического подчинения и административно-территориального деления².

Интересен тот факт, что в 1954 году советское правительство предложило КНР направить в Сибирь значительное количество китайских рабочих, однако вскоре это предложение было отозвано. Как писал впоследствии Н. С. Хрущев, помимо экономических соображений, здесь сыграло свою роль подозрение, что результате такой политики «Сибирь этнически станет китайской»³.

В докладе Президиума ЦК КПСС на октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 года утверждалось, что Н. С. Хрущев «вынашивает планы добровольного присоединения к Советскому Союзу Болгарии и Монгольской Народной Республики», что привело к вспышке национализма в Болгарии, где националистам удалось объединить немало людей под лозунгом: «Не хотим быть московской губернией!»

3. Ликвидация националистического подполья

Согласно Постановлению ЦК КПСС от 12 марта 1954 года, в число основных задач оперативной деятельности органов государственной безопасности входила «ликвидация остатков буржуазно-националистического подполья на территориях Западной Украины, Белоруссии и республиках Прибалтики»⁴. В составе центрального аппарата КГБ вскоре было создано Четвертое управление, отвечавшее за противодействие антисоветскому подполью, националистическим формированиям и враждебным элементам⁵. В 1956 году в Прибалтике и на Западной Украине чекисты изъяли 6 пушек, 3 миномета, 37 пулеметов, 172 автомата, 756 винтовок, 1122 пистолета и т. д.⁶

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 мая 1958 года были сняты ограничения по спецпоселению в отношении «пособников националистическому подполью и членов их семей». При этом снятие ограничений не влекло возвращения им конфискованного имущества, а также, по общему правилу, не предоставляло им права возвращаться в места, откуда были выселены. Возвращение допускалось лишь с разрешения местных властей республик, с территории которых они были выселены⁷.

¹ См.: О статусе города Севастополя: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 9 июля 1993 года № 5359-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 22.07.1993. № 29. Ст. 1132.

² См.: Сергийчук В. Город республиканского подчинения. URL: http://gazeta.zn.ua/POLITICS/gorod_respublikanskogo_podchineniya.html

³ Цит. по: Ларин А. Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М.: Муравей, 2003. С. 154–155.

⁴ Цит. по: Север А. История КГБ / Александр Север. М.: Алгоритм, 2008. С. 11.

⁵ См.: Там же. С. 18.

⁶ См.: Там же. С. 10–11.

⁷ См.: О снятии ограничений с некоторых категорий спецпоселенцев: Указ Президиума ВС СССР от 19.05.1958 // СПС «КонсультантПлюс».

В 1960 году в связи с нейтрализацией антисоветского подполья Четвертое управление было включено в состав Второго Главного, отвечавшего за контрразведку¹. С 1967 года «пресечение деятельности националистических и шовинистских элементов» стало обязанностью Второго отдела созданного в этом году Пятого управления КГБ СССР².

4. Реабилитация репрессированных народов

В послевоенном Советском Союзе существовала такая категория населения как спецпоселенцы. Речь шла о гражданах, выселенных «в районы Казахской, Узбекской, Киргизской и Таджикской ССР, Коми, Башкирской и Якутской АССР, Алтайского, Красноярского и Хабаровского краев, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Свердловской и других областей». Если первоначально контингент спецпоселенцев формировался, главным образом, из «кулаков» и «подкулачников», то с конца 1930-х годов в него влились лица, репрессированные по «национальному признаку».

Пунктом 1 Постановления Совета министров СССР от 5 июля 1954 года № 1439-649с «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев», этим гражданам, было предоставлено «право проживания в пределах данной области, края, республики, а по служебным командировкам – право свободного передвижения в любой пункт страны на общих основаниях». Данное правило не распространялось на граждан, которые «не занимаются общественно полезным трудом, нарушают режим и общественный порядок в местах поселения», а также, согласно п. 7 данного постановления, «на лиц, осужденных за особо опасные государственные преступления и направленных в ссылку на поселение после отбытия наказания, а также на категории спецпоселенцев, указанные в Приложении».

Пункт 6 того же постановления предписывал республиканским, краевым и областным властям «усилить политическую работу среди спецпоселенцев, вовлекая их в активную общественно-политическую жизнь».

Согласно п. 3 и 4 Постановления, ограничения, установленные для спецпоселенцев, снимались с детей до 16 лет включительно, а также с детей старше 16 лет, принятых и направленных в учебные заведения. Для получения образования им разрешался выезд к месту учебы в любой пункт страны³.

25 февраля 1956 г. в Докладе Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева XX съезду КПСС было впервые публично сказано «о массовом выселении со своих родных мест целых народов, в том числе всех коммунистов и комсомольцев без каких бы то ни было исключений», производившемся «уже в конце 1943 года, когда на фронтах Великой Отечественной войны определился прочный перелом в ходе войны в пользу Советского Союза». С занимаемой территории были выселены все карачаевцы, «в конце декабря 1943 года точно такая же участь постигла все население Калмыцкой автономной Республики. В марте 1944 года высе-

¹ См.: Север А. Указ. соч. С. 174. По мнению А. Севера, это «привело не только к сокращению числа сотрудников, но и к изменению тактики борьбы. Возмутителей спокойствия проще было «посадить», чем проводить с ними многочасовые воспитательные беседы». С. 175.

² Пятое управление КГБ СССР. URL: <http://ru.wikipedia.org>.

³ См.: О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев: постановление Совета министров СССР от 5 июля 1954 г. № 1439-649с // СПС «КонсультантПлюс».

лены были со своих родных мест все чеченцы и ингуши, а Чечено-Ингушская автономная Республика ликвидирована. В апреле 1944 года с территории Кабардино-Балкарской автономной республики выселены были в отдаленные места все балкарцы, а сама Республика переименована в Кабардинскую автономную Республику»¹. Также в докладе говорилось о продиктованных лично Сталиным в ноябре 1951 и в марте 1952 года решениях ЦК КПСС по делу «о якобы существовавшей в Грузии мингрельской националистической организации», в которых «утверждалось, что в Грузии якобы существует националистическая организация, которая ставит своей целью ликвидацию Советской власти в этой республике с помощью империалистических государств».

Первоначально реабилитация репрессированных народов не предполагала возвращения ссыльных на родину. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16.07.1956 «О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны» предписывал снять ссыльных чеченцев, ингушей и карачаевцев с учета спецпоселений и освободить их из-под административного надзора, поскольку «существующие ограничения... в дальнейшем не вызываются необходимостью». Однако вместе с тем в п. 2 Указа устанавливалось, что это послабление «не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены»².

Обсуждался вопрос о создании Чечено-Ингушской автономии в пределах Казахстана³. Тем не менее в 1957 г. была восстановлена национальная государственность балкарского, ингушского, калмыцкого, карачаевского и чеченского народов⁴.

Юридически данные решения были закреплены Указами Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР» (в составе Ставропольского края) и «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР». Первыми пунктами в этих указах постановлялось признать необходимым восстановить национальные автономии соответствующих народов. Далее Президиуму Верховного Совета РСФСР рекомендовалось установить границы и административно-территориальное устройство воссоздаваемых автономий, а также утвердить Организационные Комитеты, на которых, впредь до выборов Советов, возлагалось руководство «хозяйственным и культурным строительством». В тот же день был принят и аналогичный указ «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область». Также этими указами отменялись акты, запрещавшие калмыкам, чеченцам, ингушам и карачаевцам возвращаться на прежнее место жительства.

Как указывает А. А. Цуциев, Советское государство вернуло этим народам статус лояльных советских этносов и предоставило средства на обустройство хозяйства и жильем там,

¹ Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях. Доклад XX съезду КПСС. URL: http://lib.ru/MEMUARY/HRUSHEW/kult.txt_with-big-pictures.html.

² См.: О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16.07.1956 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Цуциев А. А. Указ. соч. С. 79.

⁴ Омельченко Н. А. Указ. соч. С. 389.

где оно было утрачено или не могло быть возвращено¹. Постановлением Совета министров РСФСР от 8 марта 1958 года № 245 были предоставлены льготы населению, возвратившемуся на прежние места жительства, а также переселившемуся в пределах Чечено-Ингушской АССР из горных и предгорных районов на равнину. Колхозники, рабочие и служащие чеченской, ингушской, балкарской, калмыцкой и карачаевской национальности, организованно вернувшиеся в Чечено-Ингушскую, Дагестанскую и Кабардино-Балкарскую АССР, Калмыцкую и Карачаево-Черкесскую автономные области Ставропольского края, а также в некоторые районы Северо-Осетинской АССР, Астраханской, Ростовской и Сталинградской областей на два года с момента вселения освобождались от уплаты сельскохозяйственного налога. Вновь организованные колхозы, а также колхозы, принявшие в свой состав возвратившееся население (по числу принятых семей), освобождались на этот же срок от уплаты подоходного налога. То же касалось и жителей ЧИАССР, переселившихся в плановом порядке из горных и предгорных районов в плоскостные районы².

Вместе с тем восстановление довоенного административно-территориального устройства оказалось неполным. Так и не была воссоздана республика Немцев Поволжья. Как указывает А. А. Цуциев, это аргументировалось тем, что немцы не принадлежат к коренным народам этого региона. Кроме того, по его мнению, власти полагали, что более миллион представителей этого этноса, отличающегося дисциплинированностью и высокой культурой аграрного труда, будут более полезны в районах освоения целины³. Не были возвращены к местам прежнего проживания крымские татары и турки-месхетинцы. Правительство Грузинской ССР заявил об «отсутствии возможности к размещению и устройству» последних на прежнем месте⁴.

В восстанавливаемой Кабардино-Балкарской АССР балкарские районы были включены в более обширные таким образом, что в них стало преобладать кабардинское население⁵.

Воссозданной Чечено-Ингушской АССР были переданы три не входивших в нее ранее района упраздненной Грозненской области, – Наурский, Шелковской и Каргалинский. Большую часть их населения составляли русские⁶, также там жили ногайцы. А. А. Цуциев объясняет такое решение и хозяйственным тяготением этих районов к Грозному⁷, но вполне вероятно, что определенными представителями возвращаемых народов оно могло восприниматься как своего рода компенсация за депортацию.

Напряженность создавало то обстоятельство, что после 1944 года на отнятые у чеченцев и ингушей земли из разных регионов России было переселено около 77 тыс. человек, многие из них заняли дома и квартиры, где когда-то проживали депортированные. Кроме того, для проживания были закрыты горные районы воссозданной Чечено-Ингушской

¹ См.: Цуциев А. А. Указ. соч. С. 79.

² См.: О предоставлении льгот населению, возвратившемуся на прежние места жительства, а также переселившемуся в пределах Чечено-Ингушской АССР из горных и предгорных районов в плоскостные районы: Постановление Совмина РСФСР от 08.03.1958 N 245 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же. С. 80.

⁵ См.: Цуциев А. А. Указ. соч. С. 79.

⁶ Шевякин А. П. Разгром советской державы. От «оттепели» до перестройки. М.: Вече, 2005. С. 21–24.

⁷ См.: Цуциев А. А. Указ. соч. С. 79.

АССР, что спровоцировало конфликты бывших их жителей с населением равнинных территорий. Вернувшиеся в Дагестан чеченцы-аккинцы не смогли осесть в своих селениях, так как туда были переселены жители горных аулов – аварцы и лакцы¹.

В состав Чечено-Ингушской АССР не вернулся Пригородный район, примыкавший к Орджоникидзе (ныне Владикавказ) и хозяйственно связанный с этим городом. Более того, сюда переместились осетины, на время переселявшиеся в районы, которые теперь возвращались ЧИАССР. А. А. Цуциев указывает на введение административных мер, препятствующих ингушам селиться в Пригородном районе². Несмотря на это, как утверждает В. А. Тишков, к началу 1990-х годов именно они составляли большинство населения последнего³. Так или иначе, данная ситуация спровоцировала в 1992 году осетино-ингушский конфликт.

В 1957 году в Чечено-Ингушской АССР начались конфликты между возвратившимися чеченцами и ингушами, с одной стороны, и местным населением, с другой⁴. В августе 1958 года произошли массовые беспорядки в Грозном. Поводом к ним стали похороны жителя поселка Черноречье (пригород Грозного) молодого рабочего Степашина, русского по национальности, скончавшегося от полученных в бытовой ссоре ножевых ранений. Проведение митинга было запрещено, в ответ на это похоронная процессия двинулась к зданию обкома, а когда она удалась на кладбища, на площади Орджоникидзе начался стихийный митинг, где звучали как античеченские, так и антисоветские лозунги⁵. Как указывает А. А. Цуциев, часть русского населения выдвигала требования об отделении Грозного от ЧИАССР и (или) воссоздании Грозненской области⁶.

Ближе к ночи толпа взяла здание обкома штурмом. Силами милиции КГБ оно было очищено, однако на следующий день беспорядки продолжились, были захвачены здания обкома и КГБ. В полночь в город были введены войска. Четыре дня в городе действовал комендантский час. Было возбуждено 58 уголовных дел, из города были удалены «лица, не занимающиеся общественно полезным трудом». 15–16 сентября состоялся суд над убийцами Степашина, один из них был приговорен к расстрелу. Секретарь ЦК КПСС Н. Г. Игнатов, выехавший в город для разбирательства, назвал в качестве одной из главных причин произошедшего «крупные ошибки в работе бюро обкома, горкома партии и Совета министров республики», между которыми не было «должного единства». В Чечне и Дагестане был введен особый паспортный режим⁷.

15–16 сентября 1961 года около 700 человек приняло участие в уличных столкновениях в г. Беслане Северо-Осетинской АССР⁸. 29 сентября – 3 октября 1964 года массовые беспорядки

¹ Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001. С. 97–99.

² См.: Там же.

³ Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). С. 97–99.

⁴ См.: Дым А. НАСИЛИЕ.РУ. М.: Кислород, 2008. С. 236–237.

⁵ См.: Зенькович Н. Гейдар Алиев. М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 333–337.

⁶ См.: Цуциев А. А. Указ. соч. С. 80.

⁷ См.: Зенькович Н. Указ. соч. С. 333–337. О напряженности между русскими и чеченцами в ходе возвращения последних. См. также: Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). С. 99–101.

⁸ См.: Зенькович Н. Указ. соч. С. 338.

рядки охватили г. Хасавюрт Дагестанской АССР, в которых участвовало до 700 человек. В ответ на совершенное чеченцем изнасилование девушки лакской национальности, мужчины-лакцы начали чеченские погромы. После подавления беспорядков к уголовной ответственности было привлечено девять человек¹.

По справедливому замечанию В. А. Тишкова, «исправление исторических несправедливостей невозможно через новые несправедливости»². Между тем зачастую именно к таким несправедливостям стремились активисты, действовавшие от имени этнических меньшинств. Так, многие активисты крымско-татарского движения отрицали право не только русских и украинцев, но даже и других меньшинств, тоже пострадавших от депортации, называться «народами Крыма», а тем более – решать его судьбу. Исключение делалось разве что для крымчаков и караимов, чей этногенез исторически привязан к территории полуострова. «Только эти народы, – пишет Риза Абдуллаев, – имеют юридическое и моральное право решать, каким быть Крыму»³. Исследователи крымско-татарского движения конца 1980 – начала 1990-х годов говорят, что его идеологи предполагали (хотя почти никогда не говорили об этом в официальных материалах): с приливом крымских татар, возвращающихся в Крым, часть нынешнего его 2,5-миллионного населения, в основном русских и украинцев, будет оттуда уезжать, уступая место «законным» хозяевам этой земли⁴.

5. Аграрные преобразования: освоение целины и ликвидация неперспективных деревень

Одной из главных проблем послевоенного Союза были трудности с продовольствием (голод 1947 года уже упоминался выше). Н. С. Хрущев, начав в 1953 года с ряда разумных предложений (в том числе об облегчении налогового бремени для колхозников), в дальнейшем склонялся к простым, но при этом масштабным решениям. Такими решениями стали освоение целинных и залежных земель, а также укрупнение колхозов.

Противниками распашки северных земель Казахстана были руководители ЦК КП Казахстана Ж. Ш. Шаяхметов и И. И. Афонев. Возражал и К. Е. Ворошилов, пораженный послевоенной нищетой смоленских сел. Однако Н. С. Хрущев настоял на проекте, согласно которому приоритет отдавался не развитию старопахотных, а освоению целинных земель⁵.

За пять «целинных» лет (1954–1958) было освоено почти 45 млн га целинных земель. На первых порах целина давала высокие урожаи, однако впоследствии порядка 40 % вновь освоенных земель стали пустыней и полупустыней. При этом в РСФСР развитие земледелия замедлилось до такой степени, что только за тот же период из сельхозоборота было выведено порядка 13 млн га – более трети возделываемых земель всей РСФСР⁶. В. М. Молотов

¹ См.: Там же. С. 339.

² Тишков В. А. Этнология и политика. М.: Наука, 2005. С. 45.

³ Губогло М. Н., Червонная С. М. Крымскотатарское национальное движение. Т. I. История. Проблемы. Перспективы. 1992. С. 237.

⁴ Там же. С. 205.

⁵ См.: Медведев Р. А. Н. С. Хрущев: Политическая биография. М.: Книга, 1990. С. 76.

⁶ См.: Чичкин А. Приговор русскому пахарю. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/prigovor_russkomu_paharju_2008-12-12.htm.

впоследствии утверждал, что «предлагал вложить эти деньги в наше Нечерноземье, а целину поднимать постепенно. Разбросали средства – и этим немножко, и тем, а хлеб хранить негде, он гниёт, дорог нет, вывезти нельзя»¹.

Историк-коллорационист А. Г. Авторханов в своей книге «Империя Кремля» полагает, что имела место «массовая колонизация славянским населением Туркестана и Кавказа с установкой создания там славянского большинства»². В действительности предпосылок для столь масштабных ассимиляционных проектов в послевоенном Советском Союзе не имелось. Каких-либо волнений, сопоставимых с туркестанским восстанием 1916 года, в Казахстане и Средней Азии не происходило.

Вместе с тем не вызывает сомнений, что освоение целины оказало влияние на этнодемографические процессы. По окончании кампании в Казахской ССР остались более 6 млн выходцев из РСФСР и УССР, однако после дезинтеграции СССР их число сократилось почти вдвое³. Заметим, что нам известно немало примеров, когда русские Казахстана и Средней Азии пытались вернуться на историческую Родину. Однако, поскольку оказалось, что та не готова их принять, многие из них были вынуждены вернуться обратно.

Мысль о целесообразности укрупнения колхозов созрела у Н. С. Хрущева еще в период его работы на Украине. Подобные проекты реализовывались в Черкасской и некоторых других областях УССР. После избрания первым секретарем Московского обкома и горкома партии Н. С. Хрущев решил развернуть строительство агрогородов в Московской области. В 1951 году он выступил с этой идеей на страницах «Правды», однако закрытым циркуляром ЦК данная статья была объявлена ошибочной⁴.

К идее агрогородов как таковой Н. С. Хрущев больше публично не возвращался, однако укрупнение колхозов стало значимым элементом аграрных преобразований 1950-х годов. Данная концепция была продиктована самыми благими пожеланиями: повышение экономической эффективности, улучшение быта колхозников, обеспечение их доступа к достижению культуры. Однако на практике строительство крупных центральных усадеб и «неперспективность» большинства сел и деревень часто вызвали самые неблагоприятные социальные последствия.

Как указывает Г. П. Андреева, в условиях Южного Урала «при серьезном недостатке квалифицированных кадров: агрономов, зоотехников, инженерно-технических работников на селе, – и незначительном техническом оснащении увеличение земельных площадей колхозов поставило их в более тяжелые условия работы»⁵. Результатом стало нерациональное использование, а в конечном счете – запустение многих земель⁶.

¹ Цит. по: Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991. С. 345–346.

² Авторханов А. Г. Империя Кремля. URL: <https://sites.google.com/site/svobodabook/imperia-kremla-avtorhanov>.

³ Жубатканов К. Разбуженная степь. URL: <http://avestnik.kz/?p=10368>.

⁴ См.: Медведев Р. Указ. соч. С. 56–57.

⁵ Андреева Г. П. Аграрные преобразования начала 50-х гг. XX в.: просчеты и ошибки (на примере сельских территорий Южного Урала) // Исторические исследования: материалы междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2012 г.). Уфа: Лето, 2012. С. 25–28.

⁶ См. также: Судакова О. А. Неперспективные деревни и их судьба. Кукеты, 2008.

В свете вышеизложенного уместно вспомнить, что после войны «наибольшее нарушение в соотношении полов в пользу женщин имело место в сельской местности»¹. Поэт Н. Мельников так отразил ситуацию послевоенных «неперспективных» деревень:

*Поставьте памятник деревне
На Красной площади в Москве,
Там будут старые деревья,
Там будут яблоки в траве.
И покосившаяся хата
С крыльцом, рассыпавшимся в прах,
И мать убитого солдата
С позорной пенсией в руках*².

Можно согласиться с соображением, высказанным О. И. Барковой: «Родники» нации – это её общины, а аккумуляторы и поглотители – «моря», «накопители форм» – это мегаполисы. Если «родники»-общины пересохнут, то «моря» сначала перестанут наполняться, а потом пересохнут также»³. Полагаем, что аграрные преобразования 1950-х оказали крайне неблагоприятное влияние на развитие русского этноса.

6. Образование

Образовательная система была важным инструментом формирования советской идентичности. Не вызывает сомнений связь образовательного вопроса с национальным. В преамбуле к Закону СССР от 24.12.1958 «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» не без оснований утверждалось: «В результате последовательного осуществления ленинской национальной политики все народы в Советской стране имеют школу на родном языке, для всех открыт широкий доступ к просвещению и культуре, осуществлено всеобщее семилетнее обучение, широкое развитие получило среднее, профессионально-техническое и высшее образование»⁴. Статья 7 этого закона предписывала увеличить число «девушек коренных национальностей в старших классах школ союзных и автономных республик Востока»⁵. (Яркий контраст с точкой зрения Д. Дудаева, полагавшего, что чеченским юношам достаточно четырех классов образования, а девушкам – двух.)

Вместе с тем концепция развития национальных систем образования как «национальных по форме и социалистических по содержанию» была связана с противоречием: имеют ли право власти национально-территориальных автономий обязывать детей изучать

¹ «Демографическое эхо» войны.

² Мельников Н. Поставьте памятник деревне. URL: <http://redactor3.narod.ru/stihi/pamnikmel.htm>.

³ Баркова О. И. Архитектоника социального пространства российского государства: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2016. С. 22.

⁴ Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР: Закон СССР от 24.12.1958 // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 5.

⁵ Там же.

«свой» язык? Статья 15 Закона РСФСР от 16.04.1959 «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР» решила данный вопрос следующим образом: «Установить, что обучение в школе проводится на родном языке учащихся. Предоставить право родителям решать, в школу с каким языком обучения отдавать своих детей. В школах, в которых обучение ведется на языке автономной республики, автономной области или национального округа, изучение русского языка проводится по желанию учащихся, так же как в русских школах учащиеся по их желанию могут изучать язык автономной республики, автономной области или национального округа»¹.

М. Н. Кузьмин указывает, что эти нормы были болезненно восприняты многими представителями этнической интеллигенции². Для характеристики родительского выбора, отдававшего предпочтение русскому языку перед родным, эта интеллигенция выработала термин «родительский этнонигилизм»³.

Воплощение в жизнь указанных выше норм в различных республиках отличалось. В Чувашской АССР 26 июля 1960 года было принято постановление бюро ОК КПСС и Совета министров ЧАССР «О переходе к обучению учащихся в 5–7-х классах на русском языке и мерах по улучшению изучения русского языка и литературы в чувашских школах». После этого во всех школах автономии, начиная с 5-го класса все дисциплины, кроме чувашского языка и литературы, преподавались на русском⁴. Как указывает Л. А. Ефимов, в этот период среди чувашей стало распространяться мнение, что их родной язык «дальше Канаша не приходится»⁵. По мнению исследователя, это резко расходится с мнением выдающегося чувашского просветителя И.Я. Яковлева, утверждавшего: «Русский язык чувашам необходим, но не вместо родного, а рядом с родным»⁶.

Иначе обстояло дело в Татарской АССР. 1950-е годы ознаменовались в республике принятием ряда мер, направленных на поддержку татарского языка и национальной культуры в целом. Поворотным пунктом здесь стало заседание бюро обкома КПСС, проведенное 28 апреля 1958 года заместителем заведующего отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС В. Н. Дербинов не только обстоятельно проанализировал проблемы татарской школы, но и наметил пути их решения⁷.

¹ Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР: Закон РСФСР от 16.04.1959 // Ведомости ВС РСФСР. 1959. № 16. Ст. 272.

² См.: Кузьмин М. Н. Национальная школа России в контексте государственной образовательной и национальной политики. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_82.

³ См., напр.: Шамсутдинов Д. З. Татарская национальная школа ТАССР в конце 1950 – 1970-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2014. С. 18.

⁴ См.: Ефимов Л. А. Школьная реформа 1958 г. и проблемы языковой политики в процессе ее реализации в Чувашии // Интеграция образования. 2004. № 1. С. 127.

⁵ Там же. С. 128.

⁶ Цит. по: Там же. С. 130.

⁷ См.: «Почему же бояться своего родного языка?» (Из стенограммы заседания бюро Татарского обкома КПСС 28 апреля 1958 г.) // http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg/numbers/2013_1_2/03/06/.

В. Н. Дербинов указал, в частности, на следующие обстоятельства: «татарская школа дает знания вообще по всем общеобразовательным предметам несколько ниже, чем русская школа... Вся интеллигенция, почти поголовно, и, прежде всего, учителя, работающие в татарских школах, стали отдавать своих детей в русские школы... Вслед за ними потянулся районный, сельский актив». В результате в русских классах учились «по 30–40 человек, из них 3–4 человека русских... Дело доходит до конфликтов, до заявлений в партийные органы. Жалуются в Верховный Совет республики и требуют, чтобы ребенок был принят в русский класс, хотя он совершенно не подходит для того, чтобы обучаться в русском классе... родители в разных местах нам говорили, что татарский язык сейчас нужен до Бугульмы, до районного центра, а дальше он не нужен, и какой смысл нам учить ребят в татарской национальной школе...»¹.

В. Н. Дербинов предложил укрепить материальную базу национальной школы, повысить квалификацию учителей, восстановить сеть школ татарского всеобуча, в том числе и в городах, создавать татарские классы в русских школах и, наоборот, улучшать преподавание русского языка в татарских школах. Также докладчик рекомендовал: «через 1–1,5 года, максимум 2 года, дать на вооружение татарской национальной школе хорошие учебники по татарскому языку, литературе, по русскому языку и литературе и упорядочить переводы по всем остальным предметам». Еще В.Н. Дербинов предложил удлинить срок обучения в национальной школе до 11 лет и ввести изучение татарского языка и татарской литературы во всех вузах Казани².

По мнению татарских исследователей, на данном заседании была по сути выработана концепция развития национального образования в республике³. В то же время не закладывались ли тем самым определенные предпосылки «парада суверенитетов», имевшего место в 1990-е годы?

7. Идеология

По мнению американского специалиста по психологической войне П. Лайнбарджера, после Второй мировой войны коммунистическая пропаганда «лишилась своих магических свойств»⁴ (что представляло яркий контраст с ситуацией 1920-х годов).

Как утверждает Э. Берн, «каждая группа нуждается в героях и стремится увековечить своих первичных лидеров после их смерти с помощью эвгемеризации. Эти эвгемеры оказывают сильное влияние на придание существованию группы осмысленности»⁵. В этом смысле развенчание культа личности Сталина на XX съезде не могло не нанести значительного удара по социокультурной целостности советского общества. В этом смысле характерны стихи А. Галича, повествующие о том, как заключенные ГУЛАГа сносили памятник Сталину:

¹ Там же.

² См. : Там же.

³ См. : Там же.

⁴ Лайнбарджер П. М. Э. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания / пер. с англ. Е. В. Ламановой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2014. С. 120.

⁵ Берн Э. Лидер и группа. О структуре и динамике организаций и групп / пер. с англ. А. Грузберга. М.: Эксмо, 2008. С. 58.

*А это ж Гений всех времён,
Лучший друг навеки!
Все стоим, ревмя ревём,
И вохровцы, и зэки.*

*Я кайлом по сапогу
Бью, как неприкаянный,
И внезапно сквозь пургу
Слышу голос каменный:*

*"Был я Вождь вам и Отец,
Сколько мук намелено!
Что ж ты делаешь, подлец?!
Брось кайло немедленно!"*

*Но тут шарахнули запал,
Применили санкции –
Я упал, и Он упал,
Завалил полстанции...*

*Ну, скостили нам срока,
Приписали в органы,
Я живой ещё пока,
Но, как видишь, дёрганный...¹*

Была ли эта травма компенсирована?

В 1961 год на XXII съезде КПСС были провозглашены авантюрные лозунги: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме... За 20 лет мы построим в основном коммунистическое общество»². Невыполнимость данных положений влекла перспективу для последующей социокультурной фрустрации, разочарования в коммунистической идеологии.

На XXII съезде раздавались щедрые обещания: «Советский Союз превысит экономический уровень наиболее развитых капиталистических стран и займет первое место по производству продукции на душу населения, будет обеспечен самый высокий в мире жизненный уровень народа и созданы условия для достижения изобилия материальных и культурных благ»³. С. Е. Кургинян видит в таком повороте вопроса «гуляш-коммунизацию», то есть утверждение приоритета материального над духовным, влекущее крах идеократической системы⁴.

¹ Галич А. Поэма о Сталине. Глава 4. Ночной разговор в вагоне-ресторане. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=44405>.

² О программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад товарища Н. С. Хрущева 18 октября 1961 года // Материалы XXII Съезда КПСС. М. : Госполитиздат, 1961. С. 140.

³ Там же. С. 141.

⁴ См. : Кургинян С. Е. Красная весна. М. : МОФ ЭТЦ, 2015. С. 294–308.

По выражению С.В. Лурье, культурной темой «советского человека», являвшегося основой социокультурного сценария «дружбы народов», были великие цели. Это был «человек, который стремился встать «впереди планеты» всей, верящий, что его трудами «и на Марсе будут яблони цвести». Ради этих марсианских яблонь и существовала эта игра компромиссов, тактичность, политес»¹. Сужение перспективы до уровня показателей по молоку и мясу способствовало истощению данной культурной темы, а значит, в конечном счете и ослаблению «дружбы народов».

8. Религия и традиционная культура

В годы Великой Отечественной войны несколько ослабло давление государства на Церковь. Была открыта часть храмов. Как указывает Р. А. Медведев, в Москве в годы войны более половины родителей крестили детей, множество верующих собиралось в храмах². В северно-русских деревнях в Святки появились христославцы, которые ходили и славили Христа – тогда как в 30-е годы люди боялись даже колядовать³.

Открылись духовные учебные заведения, стал выходить «Журнал Московской патриархии». Семинаристами нередко становились бывшие фронтовики. Для некоторых из них это было исполнением обета, данного на полях сражений. Около половины насельников Псково-Печерского монастыря в 1950-е годы были ветеранами войны⁴.

В период власти Хрущева гонения на религию усилились. Разрушались церкви. Так, на Украине Полтавская епархия сократилась с 340 храмов в 1958 до 52 в 1964 году. Получил широкую огласку снос Преображенской церкви в Москве⁵. В 1950–1960-е годы многие священники, монашествующие и миряне прошли через тюрьмы. Было закрыто и разрушено множество храмов, закрыты почти все монастыри⁶.

Православная вера на Руси была тесно связана с традиционной культурой. Как указывает А. В. Фролова, «после разрушения православных храмов сакральность, по мнению крестьян, перешла к природным святым местам: ручьям, источникам, колодцам. И теперь воду в Крещенский праздник в каждой местности брали из своей святыни..., подобные святые места в дальнейшем приняли на себя функции разрушенных монастырей и церквей»⁷. (Вспоминаются, конечно, строки С. А. Есенина: «Теперь и богу негде помолиться. / Уж я хожу украдкой нынче в лес, / Молюсь осинам... / Может, пригодится»⁸.)

¹ Лурье С. В. Российский национальный проект: культурные «крепости» и «сценарии» (из теории и практики). URL: <http://svlourie.ru/Russian-ethnonational-project>.

² См.: Медведев Р. А. Указ. соч. С. 227.

³ См.: Фролова А. В. Традиционный народный календарь севернорусского населения и советская повседневность // Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX – начала XXI вв. / отв. ред. А. В. Буганов. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 271.

⁴ Юренко А. И. Путь православного священника – героизм повседневной жизни // Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX – начала XXI вв. / отв. ред. А. В. Буганов. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 332–333.

⁵ См.: Медведев Р. А. Указ. соч. С. 227–228.

⁶ См.: Юренко А. И. Указ. соч. С. 332–333.

⁷ Фролова А. В. Указ. соч. С. 273–274.

⁸ Есенин С. А. Возвращение на родину // Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. М., 1970. С. 86.

Как и православие, традиционная культура пережила после Победы краткий период возрождения, а затем также подверглась репрессиям. Информаторы А. В. Фроловой отмечали, что именно после войны, когда в родные места возвращались фронтовики, в деревнях старались по местным обычаям широко и весело отмечать все календарные праздники: «После войны, народу-то много пришло, кто из армии, кто еще. Вот они на праздник соберутся, идут впереди, частушки поют, а мы молодежь за ними сзади подглядываем»¹.

В северно-русских деревнях до конца 1950-х сохранялись традиции съезжих праздников. В соответствии с традицией их праздновали 2–3 дня. Как сказал один из информаторов А. В. Фроловой, «до конца пятидесятых каждый год собирались на праздники, а затем приезжала милиция и всех разгоняли ...»².

Борьба против съезжих праздников, мотивированная нарушениями трудовой дисциплины, употреблением алкоголя, приносила свои «плоды». Первой из структуры праздников выпадала церковная часть, затем стали исчезать традиционные развлечения, беседы, танцы, застенки, столбы, круги, сократилось время родственного гостевания... Характерно, что большинство информаторов прямо связывают запрет съезжих праздников с приходом к власти Н. С. Хрущева и появлением большого количества новых советских праздников³.

Л. А. Тульцева пишет о борьбе партийных властей против весеннего ритуального шествия «Гоньба утушки». По воспоминаниям, особенное раздражение вызывал «традиционный праздничный комплекс женской одежды, передававшийся от матери к дочери и надевавшийся только для праздничного хоровода-шествия»⁴. В Усть-Цильме Архангельской области в местах проведения «горочных» хороводов администрация села организовывала «смотри» сельского духового оркестра, заглушавшего пение участников праздника⁵.

Угасание традиционных праздников, разрыв связи поколений в совокупности с неблагоприятными демографическими обстоятельствами и авантюриными социально-экономическими преобразованиями негативно влияли на развитие русского этноса как социокультурной целостности.

Если в Украинской ССР позднее, в 1970-е годы местные власти, работники учреждений культуры способствовали возрождению народных обычаев и обрядов, проведению традиционных праздников⁶, то для РСФСР, это не было характерно. Правда, имели место отрядные исключения из общего правила (к примеру, съемка фильма «Праздник на Печоре» советскими документалистами в 1975 году⁷).

¹ Фролова А. В. Традиционный народный календарь севернорусского населения и советская повседневность // Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX – начала XXI вв. / отв. ред. А. В. Буганов. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 271.

² См.: Там же. С. 276.

³ См.: Там же. С. 277.

⁴ См.: Тульцева Л. А. Заговенье на Петров пост: этнокультурное наследие русских в образах Утушки, Костромы, Русалки-коня // Русские: этнокультурная идентичность / отв. ред. и сост. И. В. Власова. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 241.

⁵ См.: Дронова Т. И. Хороводный праздник «горка»: традиции и инновации // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4 (44). С. 105.

⁶ См.: Ельченко Ю. Н. Новому человеку – новые обряды. М.: Политиздат, 1976. С. 70.

⁷ См.: Дронова Т. И. Указ. соч. С. 105–106.

Одним из первых симптомов кризиса стала наметившийся в 1950-е годы подъем потребления спиртных напитков. Ф.Г. Углов приводит статистику, согласно которой с 1940 по 1980 год население страны увеличилось на 35 %, а производство алкогольных напитков возросло в несколько раз¹. При этом, по мере развития деструкции, само пьянство приобретало всё более негативный характер. В этом смысле примечательны слова Ю. В. Мамлеева: «Впоследствии, во время эмигрантской жизни в 70–80-х годах, во время возвращения и жизни в России в 90-х годах и в XXI веке, алкоголь не имел и тени того таинственного воздействия, которым он обладал для нас в 60-е годы. <...> Более того, алкоголь в наше время, сейчас, в XXI веке, на мой взгляд, приобрёл какой-то чёрный, негативный оттенок. Чем объяснить эту разницу? <...> Я думаю, разгадка – в душевном, психологическом состоянии людей в России в 60–70-е годы прошлого века и теперь, в XXI веке. Так называемая перестройка изменила ситуацию, и в плане алкоголя – в худшую сторону. Депрессивное состояние или просто попытка уйти от забот и тревог жизни только способствуют негативному воздействию алкоголя, бездонному упадку»².

По итогам проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

1. Несмотря на сравнительно быстрое восстановление довоенной численности населения, послевоенный период компенсаторного роста рождаемости оказался непродолжительным. Демографические и иные последствия войны до сих пор во многом определяют динамику российских социокультурных процессов.

2. Необдуманые административно-территориальные решения, ошибки при организации возвращения репрессированных народов создали почву для дальнейших конфликтов.

3. Антицерковная кампания, угасание традиционных праздников, разрыв связи поколений в сочетании с неблагоприятными демографическими обстоятельствами, ложными приоритетами аграрной политики и авантюрными социально-экономическими преобразованиями негативно повлияли на социокультурную целостность русского этноса.

Список литературы

1. «Почему же бояться своего родного языка?» (Из стенограммы заседания бюро Татарского обкома КПСС 28 апреля 1958 г.). URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymus/main/?path=mg:/numbers/2013_1_2/03/06/.

2. Авторханов А.Г. Империя Кремля. URL: <https://sites.google.com/site/svobodabook/imperia-kremla-a-avtorhanov>.

3. Андреева Г. П. Аграрные преобразования начала 50-х гг. XX в.: просчеты и ошибки (на примере сельских территорий Южного Урала) // Исторические исследования: материалы междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2012 г.). Уфа: Лето, 2012. С. 25–28.

4. Баркова О. И. Архитектоника социального пространства российского государства: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2016. 26 с.

5. Берн Э. Лидер и группа. О структуре и динамике организаций и групп / пер. с англ. А. Грузберга. М.: Эксмо, 2008. 288 с.

¹ Углов Ф. Г. В плену иллюзий. М.: Мол. гвардия, 1985. С. 219.

² Мамлеев Ю. В. Сумасшедший экстаз. Из книги воспоминаний // Завтра. 2015. 3 дек. № 48 (1149). URL: <http://zavtra.ru/content/view/sumasshedshij-ekstaz/>.

6. Боевой вклад народов СССР в победу над Германией. URL: <http://bey.livejournal.com/188149.html>.
7. Галич А. Поэма о Сталине. Глава 4. Ночной разговор в вагоне – ресторане. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=44405>.
8. Гамов А. Сергей Хрущев – КП: Крым передал Украине не Никита Сергеевич, а Борис Николаевич // Комсомольская правда. 2014. 20 марта. URL: <http://www.krsk.kp.ru/daily/26209.4/3093986/>.
9. Губогло М. Н., Червонная С. М. Крымскотатарское национальное движение. Т. I. История. Проблемы. Перспективы. 1992. 30 с.
10. Дронова Т. И. Хороводный праздник «горка»: традиции и инновации // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4 (44). С. 103–109.
11. Друнина Ю. Стихотворения (1970–1980). URL: <https://www.litmir.me/br/?b=185394>.
12. Дым А. НАСИЛИЕ.РУ. М.: Кислород, 2008. 384 с.
13. Есенин С. А. Возвращение на родину // Собр. соч. в 3 т. Т. 2. М., 1970. С. 86.
14. Ефимов Л. А. Школьная реформа 1958 г. и проблемы языковой политики в процессе ее реализации в Чувашии // Интеграция образования. 2004. № 1.
15. Жубатканов К. Разбуженная степь. URL: <http://avestnik.kz/?p=10368>.
16. Земсков А. Мы – дети детей Победы. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=39233>.
17. Зенькович Н. Гейдар Алиев. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 608 с.
18. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963.
19. Как Крым чуть не стал Израилем // Аргументы и Факты. № 42. 15.10.2008. URL: <http://www.aif.ru/society/history/6856>.
20. Кузьмин М. Н. Национальная школа России в контексте государственной образовательной и национальной политики. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_82.
21. Кунаев Д. А. Трудно угодить всем // Совершенно секретно. 1991. № 2.
22. Лайнбарджер П. М. Э. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания / пер. с англ. Е. В. Ламановой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2014.
23. Ларин А. Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М.: Муравей, 2003. 223 с.
24. Лурье С. В. Российский национальный проект: культурные «скрепы» и «сценарии» (из теории и практики). URL: <http://svlourie.ru/Russian-ethnonational-project>.
25. Людмила Петрановская: «Любой тоталитарный режим первым делом разрушает семью». URL: http://portal21.ru/?ELEMENT_ID=9030.
26. Мамлеев Ю. В. Сумасшедший экстаз. Из книги воспоминаний // «Завтра». 2015. 3 дек. № 48 (1149). URL: <http://zavtra.ru/content/view/sumasshedshij-ekstaz-/>.
27. Медведев Р. А. Н. С. Хрущев: Политическая биография. М.: Книга, 1990. 268 с.
28. Мельников Н. Поставьте памятник деревне. URL: <http://redactor3.narod.ru/stihi/pamnikmel.htm>.
29. О выделении города Севастополя в самостоятельный административно-хозяйственный центр: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября 1948 г. № 761/2 // СПС «КонсультантПлюс».

30. О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР.: Постановление ЦК КПСС от 25 января 1954 года // СПС «КонсультантПлюс».
31. О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР: Закон СССР от 20.04.1954 // СПС «Консультант-Плюс».
32. О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР: Указ Президиума ВС СССР от 19.02.1954 // Ведомости ВС СССР. 1954. № 4. Ст. 64.
33. О правовой оценке решений высших органов государственной власти РСФСР по изменению статуса Крыма, принятых в 1954 году: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 21 мая 1992 года № 2809-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 04.06.1992. № 22. Ст. 1178.
34. О предоставлении льгот населению, возвратившемуся на прежние места жительства, а также переселившемуся в пределах Чечено-Ингушской АССР из горных и предгорных районов в плоскостные районы: Постановление Совмина РСФСР от 08.03.1958 № 245 // СПС «Консультант-Плюс».
35. О программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад товарища Н. С. Хрущева 18.10.1961 // Материалы XXII Съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961.
36. О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев: постановление Совета министров СССР от 5.07.1954 № 1439-649с // СПС «КонсультантПлюс».
37. О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16.07.1956 // СПС «КонсультантПлюс».
38. О снятии ограничений с некоторых категорий спецпоселенцев: Указ Президиума ВС СССР от 19.05.1958 // СПС «КонсультантПлюс».
39. О статусе города Севастополя: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 9.07.1993 № 5359-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 22.07.1993. № 29. Ст. 1132.
40. Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР: Закон СССР от 24.12.1958 // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 5.
41. Омельченко Н. А. История государственного управления в России: учеб. М.: Проспект, 2008. 464 с.
42. Основы национальных и федеративных отношений: учеб. / под общ. ред. Р. Г. Абдулатипова. М.: Изд-во РАГС, 2001. 352 с.
43. Поляков Ю., Жиромская В., Араловец Н. «Демографическое эхо» войны // Война и общество, 1941–1945. Книга вторая. М.: Наука, 2004. С. 232–264.
44. Пятое управление КГБ СССР. URL: <http://ru.wikipedia.org>.
45. Рыбаковский Л. Л. Людские потери СССР и России в Великой отечественной войне. М.: Экон-Информ, 2010. 140 с.
46. Север А. История КГБ // Александр Север. М.: Алгоритм, 2008. 336 с.
47. Сергейчук В. Город республиканского подчинения. URL: http://gazeta.zn.ua/POLITICS/gorod_respublikanskogo_podchineniya.html.
48. Стефанова Л. Танцевали девушки парами: пер. В. Солоухина. URL: <http://www.stihi.ru/2013/12/12/12>
49. Судакова О. А. Неперспективные деревни и их судьба. Кукеты, 2008. 42 с.

50. Тишков В. А. Этнология и политика. М.: Изд-во «Наука», 2005. 240 с.
51. Тульцева Л. А. Заговенье на Петров пост: этнокультурное наследие русских в образах Утушки, Костромы, Русалки-коня // Русские: этнокультурная идентичность / отв. ред. и сост. И. В. Власова. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 237–262.
52. Тульцева Л. А. Русский праздник и демография в XX – начале XXI в. // ЭО. 2011. № 4. С. 64–74.
53. Углов Ф. Г. В плену иллюзий. М.: Мол. гвардия, 1985. 263 с.
54. Фролова А. В. Традиционный народный календарь севернорусского населения и советская повседневность // Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX – начала XXI в. / отв. ред. А. В. Буганов. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 262–284.
55. Хрущев Н. С. О культуре личности и его последствиях. Доклад XX съезду КПСС. URL: http://lib.ru/MEMUARY/HRUSHEW/kult.txt_with-big-pictures.html.
56. Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2007. 128 с.
57. Чичкин А. Приговор русскому пахарю. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/prigovor_russkomu_paharju_2008-12-12.htm.
58. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991. 623 с.
59. Шамсутдинов Д. З. Татарская национальная школа ТАССР в конце 1950-х – 1970-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2014. 26 с.
60. Шевякин А. П. Разгром советской державы. От «оттепели» до перестройки. М.: Вече, 2005. 448 с.
61. Юренко А. И. Путь православного священника – героизм повседневной жизни // Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX – начала XXI вв. / отв. ред. А. В. Буганов. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 327–348.

УДК 316.72

В. В. Шейбак

*Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела народоведения
Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси*

КАЛИНИНГРАДСКОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО БЕЛОРУСОВ: ФОРМИРОВАНИЕ, СТРУКТУРА, ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В российской этнологической науке проблема функционирования национально-культурных объединений относится к числу особо актуальных. Учитывая потенциал подобных организаций в осуществлении этнической консолидации и мобилизации, их влияние

на этнокультурные процессы, исследовательский интерес к ним закономерен. В Республике Беларусь в последние годы этнологи также все чаще обращаются к вопросу о роли, которую возлагают на себя действующие в столице и шести областях страны национально-культурные объединения. В контексте исследования истории и современного состояния белорусской диаспоры за рубежом нельзя не обратить внимание на общественные объединения белорусов, которые созданы нашими соотечественниками в различных странах, причем немалое их количество – в Российской Федерации. В настоящей статье мы рассмотрим, насколько эффективна и конструктивна деятельность одного из крупных белорусских общественных объединений – «Калининградского землячества белорусов».

Калининградская область России – регион, в этнической структуре населения которого доля белорусов значительна. В течение второй половины XX – начала XXI века по численности они занимали второе место после русских. По данным переписи населения 2010 года, в Калининградской области белорусы в количественном отношении пусть ненамного, но уступали украинцам и, соответственно, переместились на третью позицию (русские – 772 534 человек (86,4 % от общего числа жителей региона), украинцы – 32 771 (3,7 %), белорусы – 32 497 (3,6 %)).

Региональная национально-культурная автономия «Калининградское землячество белорусов» не является старейшим белорусским объединением в регионе (образовано в 2001 году), но сегодня лидирует по численности членов, играет заметную роль в этно- и социокультурной жизни Калининграда и области. С момента возникновения объединение активно взаимодействует с местными органами власти и уже немало сделало для поддержания культурного диалога, экономического сотрудничества Калининградской области с Республикой Беларусь.

«Калининградское землячество белорусов», руководит которым в настоящее время С. М. Зезера (родилась 14.09.1967 в г. Ладушкин Калининградской области), располагает значительным количеством активистов (по данным на 2007 года – 285 человек) и имеет разветвленную структуру (отделения землячества функционируют в 18 из 22 муниципальных образований Калининградской области), то есть можно констатировать, что объединение действительно способствует консолидации проживающих в регионе белорусов. Примечателен факт, что отделения этого белорусского объединения были сформированы также на Калининградской железной дороге и на большом десантном корабле «Минск» Балтийского флота ВМФ Российской Федерации [1].

Спектр задач, решаемых объединением, широк, но культурное направление считается одним из приоритетных. За полтора десятка лет своего существования оно немало сделало для популяризации белорусского языка и народной культуры. Пользуются известностью и постоянно приглашаются к участию в различных фестивалях, концертах действующие под эгидой объединения, фольклорные народные ансамбли «Чабор», «Весялуха», ансамбль белорусской песни «Крыница», вокальное трио «Краса» и др. Ежегодно члены землячества приобретают белорусские книги и бесплатно передают их в областные, городские и сельские библиотеки региона. Национально-культурным объединением были выделены средства для установки в г. Калининграде памятника Франциску Скорине [2]. Также объединением были реализованы крупные культурные проекты, репрезентирующие духовно-нравственное единение, общность исторических корней рус-

ского и белорусского народов. В частности, благодаря проявленной землячеством инициативе в 2006 году в г. Калининграде на ул. Кутузова был обустроен сквер российско-белорусской дружбы. В центре сквера находится мраморная композиция – карта Беларуси. По кругу установлены шесть скамеек, по числу областей в республике, и тумбы с гербами этих регионов [3].

Об активности объединения, разнообразии организуемых им культурных мероприятий свидетельствуют годовые отчеты. Например, в 2011 г. «Калининградское землячество белорусов» участвовало в организации концерта Белорусского государственного ансамбля «Песняры», концертного тура по Калининградской области (Светлый, Мамоново, Янтарный) группы «СССР» (г. Минск), творческие коллективы белорусского объединения выступили на концерте, театрализованном мероприятии в период празднования в г. Калининграде Дней славянской письменности и культуры и др. [4].

Деятельность общественного объединения белорусов, тот вклад, который оно вносит в этнокультурное развитие региона, не остаются незамеченными средствами массовой информации. К примеру, в 2012 году в интервью журналисту газеты «Калининградская правда» Н. Дмитриеву, приуроченному к общему для российского и белорусского государств празднику – Дню единения народов Беларуси и России, отмечаемого 2 апреля, – руководитель «Калининградского землячества белорусов» С. М. Зезера выделила наиболее значимые, с ее точки зрения, достижения, результаты работы объединения, отметила, какую помощь оказывает соотечественникам историческая родина: «Язык (белорусский – В. Ш.) мы сохраняем в народном творчестве. В области созданы и успешно выступают на концертных площадках пять художественных национальных коллективов. В прошлом году у одного из них – ансамбля песни «Весьялуха» из посёлка Красное Мозырского сельского поселения Правдинского района – был юбилей, исполнилось четверть века. Эта дата стала праздником и для проживающих в области белорусов, и для представителей других национальностей. На юбилейный концерт приехали любители белорусской песни из многих городов и посёлков... Кстати, костюмы для ансамбля нам подарила Беларусь, их шили в одном из лучших ателье Минска. Не забываем мы и соотечественников – ветеранов войны и становления области. К Новому году организовали силами культурной автономии подарки. Наши ветераны были тронуты таким вниманием» [5].

Белорусское объединение принимает активное участие в ежегодно организуемом общественной организацией «Совет национально-культурных сообществ Калининградской области» при поддержке регионального правительства фестивале национальных культур. В 2015 году фестиваль проходил 27 августа. «Калининградским землячеством белорусов» было обустроено Белорусское подворье, где гости фестиваля имели возможность ознакомиться с образцами материальной (изделиями декоративно-прикладного искусства, традиционными блюдами) и духовной (песнями, танцами) культуры народа [6].

Эффективность работы «Калининградского землячества белорусов», выражающаяся во множестве реализованных этнокультурных проектов, значимых не только для проживающих в регионе представителей белорусского этноса, но и для калининградского общества в целом, объясняется тем, что в рядах объединения немало тех, кого следует отнести к категории лиц, имеющих уровень доходов выше среднего, обладающих высоким социальным

статусом. Принадлежность белорусов – членов объединения – к элитарному слою калининградского социума является фактором, способствующим поддержанию на высоком уровне контактов с исполнительными органами власти региона. Это обстоятельство, в свою очередь, оказывает влияние на двусторонние контакты Калининградской области и Республики Беларусь. «Калининградское землячество белорусов» самым активным образом содействует процессам их культурного и экономического взаимодействия.

На примере упомянутой выше С. М. Зезера хорошо видно, что можно успешно сочетать профессиональную и общественную деятельность. Она, будучи главой белорусского объединения, членом Совета Федеральной национально-культурной автономии «Белорусы России», одновременно является генеральным директором крупной (основана в 1993 году) компании ООО «Кенигсберг Трейдинг», занимающейся обеспечением рынка эксклава строительными материалами и товарами народного потребления и членом Совета по делам белорусов зарубежья при Министерстве иностранных дел Республики Беларусь.

Необходимо упомянуть, что до Светланы Михайловны руководящие посты и в компании, и в общественном объединении занимал Михаил Иосифович Гриб (22.09.2941 – 27.09.2010, уроженец деревни Соченяты Сморгонского района Гродненской области БССР). В Калининградской области М. И. Гриб проживал с 1960 года. После окончания школы обучался в Калининградском мореходном училище, а затем в техническом институте рыбной промышленности и хозяйства. С апреля 1993 по сентябрь 2010 года (фактически до своей кончины) являлся генеральным директором Общества с ограниченной ответственностью «Кенигсберг Трейдинг». Во многом благодаря усилиям именно М. И. Гриба было создано и с момента основания успешно развивалось национально-культурное объединение «Калининградское землячество белорусов».

Установлению и развитию культурных и экономических связей Калининградской области и Республики Беларусь М. И. Гриб придавал исключительно важное значение, посвятил этому многие годы своей жизни. Он был одним из инициаторов создания Балтийско-Белорусского торгового дома, что являлось конкретным шагом в процессе выполнения программы экономического, делового и политического объединения России и Беларуси. Балтийско-Белорусский торговый дом являлся одним из основных поставщиков щебня, цемента для строительства ТЭЦ-2, железнодорожных путей региона, на реконструкцию здания рынка г. Калининграда, третьего причала бассейна г. Балтийска, минерального порошка для производства асфальта для автодорог Калининградской области [7].

Некоторые члены «Калининградского землячества белорусов» занимали и занимают высокие должности в системе исполнительной и законодательной власти региона. Это, в частности, руководители администраций таких городов, как Зеленоградск, Светлый, Мамоново, мэр г. Калининграда Александр Ярошук, спикер областной Думы Сергей Булычев [8]. Участвуют в жизни землячества белорусы, занимавшие высокие командные должности в армии и на флоте. Например, это бывший первый заместитель командующего Балтийским флотом вице-адмирал В. Апанович, бывший командующий береговыми войсками Балтийского флота генерал-лейтенант В. Артюх и др.

Выводы. Можно констатировать, что действующее на территории Калининградской области крупное белорусское общественное объединение – Региональная национально-культурная автономия «Калининградское землячество белорусов» – вносит заметный вклад в этнокультурное развитие региона. Вместе с тем его деятельность способствует этнической самоидентификации проживающих в области белорусов, формированию у них чувства принадлежности к белорусскому этносу, сохранению родного для них языка и культурных особенностей, популяризации белорусских традиций. Примечательно, что в работе общественного объединения принимают активное участие белорусы, обладающие в калининградском социуме высоким социальным статусом, принадлежащие к местным элитарным кругам. Это обстоятельство, с одной стороны, в значительной степени облегчает выполнение спектра задач, стоящих перед объединением, с другой – позволяет поддерживать конструктивный диалог с руководством Калининградской области, а также расширять связи с исторической родиной – Беларусью.

Список литературы

1. Третье поколение. В 18 из 22 муниципальных образований Калининградской области есть белорусские землячества // Народная газета. 2009. 15 дек. URL: <http://ng.sb.by/soyuznoe-veche/article/trete-pokolenie-v-18-iz-22-munitsipalnykh-obrazovaniy-kaliningradskoy-oblasti-est-belorusskie-zemlyachestva.html>.
2. Баркун Г. Переселенцы // Белорусская нива. 2014. 13 февр. URL: http://www.belniva.by/news_full.php?id_news=65994.
3. Семенова О. Белорусский сквер в калининградском пейзаже // Гомельская праўда. 2009. 11 дек. URL: <http://gp.by/category/society/13711.html>.
4. Отчет о работе Региональной национально-культурной автономии «Калининградское землячество белорусов» за 2011 год // Ассамблея Народов России. Калининградское региональное отделение. Совет Национально-культурных сообществ Калининградской области. 2012. URL: <http://xn--j1aflc.xn--p1ai/index.php/2012-02-16-08-54-37/ob-edineniya/belorusy/42-otchet-o-rabote-regionalnoj-natsionalno-kulturnoj-avtonomiii-kaliningradskoe-zemlyachestvo-belorusov-za-2011-god.html>.
5. Дмитриев Н. Мы – одна семья / Н. Дмитриев // Калининградская правда. 2012. 31 мар. URL: http://www.kaliningradka.ru/site_pc/region/index.php?ELEMENT_ID=1579.
6. Новости РНКА «Калининградское землячество белорусов» // Федеральная национально-культурная автономия «Белорусы России». 2015. URL: <http://www.belros.org/news/index.php?news=1429>.
7. Гриб Михаил Иосифович (22.09.1941-27.09.2010) // Федеральная национально-культурная автономия «Белорусы России». 2015. URL: <http://www.fnkabr.ru/famous/index.php?person=2109>.
8. Осипович О. ...И белорусский оттенок в его палитре // Союзное вече. 2008. 1 нояб. URL: <http://www.souzveche.ru/articles/our-union/6264/>.

УДК 614.3:314.151(470)(571)

Е. Б. Бедрина¹, Н. Л. Струин²

¹ Кандидат экономичеких наук, доцент УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН

² Кандидат медицинских наук, главный врач ГБУЗ Свердловского областного кожно-венерологического диспансера

САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РЕГИОНОВ УРАЛА И СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ПОВЫШЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ*

По мере роста процессов глобализации экономики увеличивается миграционная активность населения, происходит рост индустрии международного туризма, поездок в рамках проектов международного бизнеса, растет внешняя трудовая и образовательная миграция. В этих условиях особенно актуализируются вопросы контроля за санитарно-эпидемиологическим благополучием принимающих регионов и проведения мониторинга миграционных процессов. Важность данных мероприятий обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, мигранты и лица, вернувшиеся из-за рубежных путешествий и командировок, могут выступить в роли переносчиков ряда «новых» или «хорошо забытых» для данной территории заболеваний. Так, по данным министерства здравоохранения в 2014 году в 23 регионах Российской Федерации были зарегистрированы 95 случаев импортируемой кори. В 2010 году из Таджикистана в Свердловскую область был завезен вируса дикого полиомиелита. Во-вторых, граждане другого государства вне зависимости от их статуса, автоматически попадают в группу риска ввиду необходимости преодоления процесса адаптации и интеграции, оторванности от семьи, ограниченного доступа к медицинским услугам. В-третьих, хорошо известный на западе «эффект здорового мигранта» [1, с. 12–13], в российских условиях практически не работает в виду специфики миграционных потоков, высокого уровня эксплуатации и неблагоприятных условий проживания большинства трудовых мигрантов. В-четвертых, территория Урал и часть Сибирь являются транзитными территориями на пути «северного» наркотрафика из Афганистана через государства Средней Азии и России в Европу, что ведет к росту наркомании и других, сопутствующих ей социальных заболеваний.

Социально значимые заболевания представляют особую группу заболеваний, зависящих от социально-экономических условий жизни населения, представляют общественную опасность, а значит, требуют привлечения дополнительных средств, направленных на их ликвидацию, а также укрепления материальной базы учреждений здравоохранения. Показательность Урала и Сибири связана с неблагоприятными климатическими условиями и большим скопле-

© Бедрина Е. Б., Струин Н. Л., 2017

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария повышения социально-экономического благополучия регионов России».

ние исправительных учреждений, отличающихся высоким уровнем распространения туберкулеза и ВИЧ-инфекции среди их обитателей, а также с высоким уровнем криминализации общества в период 90-х годов XX века, повлекшей за собой всплеск наркомании.

Анализ статистических данных подтвердил широкое распространение социально значимых заболеваний на территории Урала и Сибири. В частности, показатели заболеваемости ниже средних по России в 2014 году имели: по наркомании и туберкулезу только 2 из исследуемых регионов, по ВИЧ-инфекции – 5, по сифилису – 6. Только Ямало-Ненецкий автономный округ имел приемлемый уровень санитарно-эпидемиологического благополучия. А вот Иркутская и Кемеровская области, напротив, по всем видам рассматриваемых заболеваний имели показатели, превышающие как общероссийский уровень, так и средний уровень по выбранной совокупности.

Показатели заболеваемости наркоманией в 2014 году превысили средний по России уровень в Челябинске более чем в два раза, в Свердловской, Тюменской, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской областях и Республике Алтай на 50 %. Анализ динамики заболеваемости наркоманией по данным с 2010 по 2014 год выявил ее сокращение в большинстве регионов при сохранении роста в Тюменской, Челябинской, Иркутской, Омской и Томской областях, Забайкальском крае и Республике Алтай. Также подтвердилась зависимость уровня заболеваемости от близости региона к границе Казахстана.

Кемеровская область оказалась лидером по заболеваемости ВИЧ-инфекцией, ее показатель по данному заболеванию в 2014 году превысил аналогичный показатель по Российской Федерации почти в 4 раза. При этом высокий уровень заболевания ВИЧ-инфекцией наблюдался во всех регионах, за исключением Алтайского края и Томской области. Также присутствовала ярко выраженная корреляция между заболеваемостью ВИЧ-инфекцией и наркоманией. В Уральском федеральном округе лидером по распространению ВИЧ-инфекции среди населения является Свердловская область. В 2016 году уровень заболеваемости ВИЧ-инфекцией в г. Екатеринбурге составил 1 826 человек на 100 тыс. человек, или 1,8 %, превысив эпидемиологическую норму [2], что также может быть связано и с повышением выявляемости данного заболевания. С 2010 по 2014 год во всех регионах Урала и Сибири наблюдался устойчивого роста численности ВИЧ-инфицированных. По данным 2015 года в десятку регионов России, имеющих высокий уровень данного заболевания, вошли: ХМАО (Югра), Тюменская, Челябинская, Новосибирская, Иркутская и Кемеровская области.

По данным 2014 года уровень заболеваемости туберкулезом в Иркутской области более чем в два раза превысил общероссийский показатель, а в Республике Тыва почти в три раза. Высокий уровень заболеваемости туберкулезом в Республике Тыва объясняется, в том числе, наличием генетической предрасположенности этнического состава населения к данному заболеванию [3]. Рост заболеваемости туберкулезом также имел место во всех рассматриваемых регионах на протяжении с 2010 по 2014 год. Заболеваемость инфекциями, передающимися половым путем (ИППП-далее) принято связывать с нехваткой знаний по гигиене и правильно сформировавшимся навыками поведения. Высокий уровень заболеваемости ИППП имели национальные Республики Бурятия, Тыва, Хакасия, а также Забайкальский край, Иркутская, Кемеровская и Томская области. С 2010 по 2014 год во всех исследуемых регионах наблюдалась устойчивая тенденция сокращения заболеваемости ИППП.

Таблица 1

Сравнительный анализ заболеваемости населения регионов Урала и Сибири социально значимыми заболеваниями с численностью населения и долей прибывших из-за рубежа в 2014 году

Регионы Уральского и Сибирского федеральных округов	Заболеваемость впервые в жизни установленным диагнозом на 100 тыс. населения				Численность населения, тыс. чел.	Доля прибывших из-за границы на 10 тыс. чел. чел.
	наркомания	ВИЧ-инфекция	туберкулез	сифилис		
Курганская область	21,4	81,4	85,8	21,2	870	23,0
Свердловская область	27,1	169,3	90	25,1	4327	14,3
Тюменская область	21,8	103,1	83,1	20,7	3581	88,5
ХМАО (Югра)	18,5	107,7	60	21,3	1612	51,5
Ямало-Ненецкий АО	7,8	32,5	49,5	13,9	540	227,8
Челябинская область	36,5	117,1	54,6	17,6	1429	24,0
Республика Алтай	21,8	44,5	65,5	24,4	214	23,4
Республика Бурятия	5,6	56,9	90,1	71,8	978	13,3
Республика Тыва	5,2	6,1	160	135,1	314	9,6
Республика Хакасия	10,2	23,1	60,1	41,1	536	31,7
Алтайский край	12,3	113,3	103,4	24,4	2385	41,9
Забайкальский край	21,6	34,3	67,8	54,2	1087	15,6
Красноярский край	5,6	84,1	88,8	38,9	2859	31,8
Иркутская область	26,8	149,2	116,6	61,7	2415	16,1
Кемеровская область	22,8	239,8	106,9	48,8	2725	27,2
Новосибирская область	22,5	149,4	101,8	28,1	2747	51,3
Омская область	21,4	133,0	90	37,3	1978	49,0
Томская область	15,7	149,0	63,6	41,7	1074	41,9
Российская Федерация	14,5	63,3	57,5	25		

* Более темным цветом выделены ячейки с показателями, превышающими средние значения в общей совокупности выборки. Средний показатель по доле прибывших из-за границы на 10 тыс. человек подсчитан без учета данных по Ямало-Ненецкому АО.

Источник: [4].

Для оценки санитарно-эпидемиологического благополучия в условиях роста трудовой миграции был проведен сравнительный анализ заболеваемости населения регионов Урала и Сибири социально значимыми заболеваниями и доли прибывших из-за рубежа в общей численности населения регионов. Данный анализ не выявил наличия явно выраженной корреляции между этими показателями (табл. 1).

Однако, как показывают медицинские исследования, уровень заболеваемости социально значимыми болезнями среди иммигрантов значительно выше, чем у автохтонного населения. К примеру, среди мигрантов, прошедших медицинское освидетельствование в Свердловской области в 2011 году, было выявлено 68 случаев заболеванием ВИЧ-инфекцией, 329 туберкулезом, 296 сифилисом, в 2012 году – 57, 207, 133 соответственно. Если соотнести эти показатели с количеством мигрантов, прошедших медицинское освидетельствование, то получится, что в 2011 году в Свердловской области пришлось на 100 тыс. мигрантов, прошедших медицинское освидетельствование, 117 человек с ВИЧ-инфекцией, 564 – с заболеванием туберкулеза, 528 – с заболеванием сифилисом, в 2012 году – 128, 466 и 298 соответственно.

Рост миграции в связи с гуманитарной ситуацией на Украине привел к росту числа инфекционных заболеваний в принимающих регионах. Так, в 2015 году в Свердловской области, среди мигрантов, прошедших медицинское освидетельствование на 1 января 2015 года, было выявлено случаев: 587 ВИЧ-инфекции, 227 туберкулеза, 115 ИППП и 2030 других инфекционных заболеваний на 100 тыс. чел. соответственно. В 2015 году показатель заболеваемости сифилисом на 100 тыс. осмотренных у мигрантов составляет 450,1 чел., что в 14,7 раз выше аналогичного показателя заболеваемости у жителей Свердловской области.

Кроме того, в России не определен правовой статус лиц без гражданства, что не позволяет проводить эффективный контроль за их передвижением. Многие из них являются лицами, вышедшими из мест лишения свободы и носителями тех или иных инфекций.

Негативную лепту в формирование санитарно-эпидемиологического благополучия в условиях роста трудовой миграции в Российской Федерации внесла патентная система 2010 года, которая позволила части мигрантов, трудоустраивающихся к физическим лицам, не проходить медицинское освидетельствование, что существенно снизило уровень выявляемости заболеваний на протяжении с 2010 по 2013 год. (табл. 2).

Таблица 2

Данные освидетельствование иностранных граждан и лиц без гражданства в Свердловской области на заболеваемость сифилисом с 2008 по 2015 год

Год	Освидетельствовано иностранных граждан	Выявлено мигрантов, больных сифилисом:		Доля в структуре заболеваемости, %	Показатель на 100 тыс. осмотренных	Темпы изменения выявляемости заболевания
		всего в отчетном году	из них при освидетельствовании			
2008	117255	440	н/д	13,5	375,3	–
2009	52269	308	н/д	11,5	589,3	57,0
2010	56813	341	н/д	14,7	600,2	1,8
2011	56119	296	н/д	15,3	527,5	–0,1
2012	44659	133	н/д	9,1	297,8	–43,5
2013	45652	150	114	11,9	328,6	10,3
2014	29883	120	118	11,0	401,6	22,2
2015	66869	301	255	23,6	450,1	12,1

Внесенные изменения в законодательство Российской Федерации в ноябре 2014 года, обязывающие всех мигрантов в течение 30 календарных дней со дня въезда в Российскую Федерацию представить документы, подтверждающие отсутствие заболевания наркоманией и инфекционных заболеваний из Перечня, а также сертификат об отсутствии у данного иностранного гражданина заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека [5], привели к существенному росту степени выявляемости заболеваний.

Проблемами реализации механизма медицинского освидетельствования мигрантов является высокий уровень латентной миграции и недоведение или несвоевременное доведение до адресата ввиду его отсутствия по указанному адресу уведомления о принятии решения о нежелательности пребывания иностранного лица с выявленной патологией.

Таким образом, исследование выявило крайне неблагоприятную ситуацию с распространением социально значимых заболеваний, сложившуюся на Урале и в Сибири. В частности, наличие устойчивой тенденции роста численности ВИЧ-инфицированных и больных туберкулезом.

С нашей точки зрения, для оздоровления санитарно-эпидемиологической ситуации в российских регионах необходимо усилить контроль за миграционными процессами, легализовать правовой статус лиц без гражданства, больше внимания уделять разъяснительной работе по профилактике социально-значимых заболеваний.

Список литературы

1. Укрепление здоровья мигрантов в России и США с использованием подхода общественного здоровья. Обзорный доклад. Фонд Евразия, 2014.
2. Роспотребнадзор Свердловской области. URL: <http://www.66.rospotrebнадzor.ru/>.
3. Росстат. URL: <http://www.gks.ru/>.
4. Ондар Э. А. Туберкулез в Республике Тыва: эпидемиология, клинико-социальные особенности и генетические основы подверженности: автореф. дис. URL: http://www.dissercat.com/content/tuberkulez-v-respublike-tyva-epidemiologiya-kliniko-sotsialnye-osobennosti-i-geneticheskie-o?_openstat=cmVmZXJ1bi5jb207bm9kZTthZDE7.
5. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: федер. закон от 24.11.2014 № 357-ФЗ, ст. 13.3. URL: www.consultant-so.ru.

УДК 172.1

Н. А. Корниенко

Профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры «Технологии обучения психологии и педагогики» Новосибирского государственного аграрного университета

О СООТНОШЕНИИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ, ПАТРИОТИЗМА И НАЦИОНАЛИЗМА

Начну с того, что понятие «патриотизм» в перестроечные годы стало подаваться в продемократических средствах массовой информации как сугубо негативное и потому, что само слово «патриотизм» отзывается в современной России настороженностью любого нерусского, подсознательно вызывая в нем чувство национального дискомфорта. Но в не меньшей степени и потому, что у русских, живущих в национальных субъектах нашей федерации, не вызывает никакого энтузиазма упоминание о патриотизме так называемых титульных народов. В большинстве, крайне малочисленных, однако, через своих представителей доминирующих в управленческих эшелонах, которые осуществляют политику

больно затрагивающую интересы не титульного большинства. Да и в новой Европе трактовка национализма приобретает сугубо негативный характер [1].

Но не в патриотизме ли здесь дело. Налицо подмена понятий. То, с чем мы все имеем дело, – обыкновенный национализм, причем зачастую в крайних проявлениях, исторически имеющий глубокие корни и обретший в разных краях и весях своих идеологов и глашатаев. А патриотизм, к примеру российский, русский, бурятский, татарский или калмыцкий, вовсе не причем. Кроме того, срабатывает и механизм психологической защиты. Идеологическое воспитание советского времени закрепило в массовом сознании, что национализм является чем-то неприличным и даже постыдным. На самом деле, открыто называть себя националистами до сего времени рисковали сравнительно немногие: либо убежденные его приверженцы, либо субъекты, рассчитывающие на дивиденды, небескорыстно вызывая на себя волну возмущения своих цивилизованных соотечественников. Для большинства же признание в этом «пороке», даже если это действительно так явно, неприемлемо. Вот тогда-то, в подсознании обывателя и происходит вытеснение неудобного, вызывающего тревогу понятия и замещение его более благозвучным, как патриотизм [2, с. 79–80].

Естественно, следует учитывать и психогенетическую природу националистического. Если исходить из выводов К. Юнга, В. Розанова, Н. Лосского, Г. Лебона, Й. Мьеэна, Н. Бехтеревой, О. Крылова, несмотря на разность объектов их исследований и идеологические позиции, то суть национализма в своей первооснове может быть оценена как глубоко дремлющий подсознательный инстинкт, обусловленный не только сохранением чистоты своего рода, но и неким утонченным чувством, идущим из глубины человеческой души. В научной интерпретации – некий «биохимический голос», идущий от памяти и воплощенный в таком, с одной стороны, нравственном, а с другой, «автономном психическом» [3] качестве, как совесть. Отсюда попытки «борьбы» с этим чувством не более, чем попытки борьбы с природой человека. Но известно, что с природой нельзя бороться. Ее нужно понимать. И, понимая, управлять процессами.

В противопоставлении патриотизма и национализма довольно часто ссылаются на высказывания Д. Лихачева, который, разделяя эти два понятия, подчеркивает, что патриотизм – «это даже не чувство, это важнейшая сторона личной и общественной культуры духа, когда человек и весь народ поднимаются над самими собой и ставят себе сверхличные цели» [4, с. 468]. Национализм же, по его мнению, – «самое тяжелое из несчастий человеческого рода...». «Как и всякое зло, оно скрывается, живет во тьме и только делает вид, что порождено любовью к своей стране. А порождено оно на самом деле злобой, ненавистью к другим народам и той части своего народа, которая не разделяет националистических взглядов».

Таким образом, во-первых, национализм базируется на чувствах неуверенности и неполноценности, а во-вторых, «сознательная любовь к своему народу не может сочетаться с ненавистью к другим народам» [5].

На первый взгляд, убедительно. Тем более, что говорит все это патриарх русской историографии и литературоведения. И по большому счету, если воспринимать сказанное в качестве некоего нравственного императива, кажется, что это действительно так. Но при внимательном рассмотрении возникают и определенные вопросы.

В контексте русской традиционной трактовки национализма как отрицательного феномена (что не свойственно западной традиции), к примеру, если отдельный человек в определенных условиях способен «подняться над собой», то народ может лишь осознать себя самим собой, а значит, выделить себя по известному принципу «свой – другие» (где же здесь зло?); подняться же над самим собой – значит, если не прибегать к позитивной аллегории, с большой вероятностью потерять этого «самого себя». Или как это можно отрицать соединение любви и ненависти в одном субъекте? Человек – не электронная машина, не допускающая в своей программе столь значимого противоречия. Он куда более сложен и в отличие от ЭВМ моментально выдает сигнал сбоя, от природы противоречив. А противоречия лежат в основе его побуждений и действий, причем как в норме (предмет психологии), так и в патологии (предмет психиатрии).

В определенной степени данное противоречие корректируется уровнем культуры человека, смягчая или обостряя проявление данного противоречия, но не ликвидируя его вовсе, а лишь очерчивая правила хорошего тона, да и то в ситуациях, преимущественно равновесных, когда стороны не нарушают неких правил приличия. А если они нарушаются одной из сторон или обоюднo!? [6, с. 81–83].

На характер противоречия оказывают воздействие множество факторов разной природы и силы действия: социальных, идеологических, политических, экономических, психологических и т. д. Неслучайно, нигде в мире мы не сможем найти идеального решения проблем, им порождаемых. В одном случае напряжение вследствие намеренно, явно или тайно создаваемых привилегий титульной нации, как, к примеру, в прибалтийских государствах, в Казахстане или на Украине, в Молдавии, Узбекистане и т. д. В другом случае, вследствие нарушаемых пропорций и группового этнонационального эгоизма, как в любящих поучать весь мир и только три десятилетия назад пошедших по пути преодоления расовой сегрегации в Соединенных Штатах, где, несмотря на жесткие нормативы, еще далековато до идиллии. Или в России, где никаких правил в данной области, похоже, еще долго не будет выработано.

Противопоставление патриотизма и национализма оказывается до известной степени искусственным, поскольку эти два феномена различны по своей природе. А вот их соединение вполне естественно, что было подмечено Н. О. Лосским, определившим патриотизм как «естественную любовь к Родине, и национальное чувство, то есть любовь к русскому народу как носителю важных духовных и исторических ценностей» [7].

Патриотизм – феномен нравственный и обращен к той сфере ценностного мира человека, который лежит в основе нравственной самоидентификации того или иного народа, формирования, по Д. С. Лихачеву, его «культуры духа» [8]. Кроме того, патриотизм формируется естественным путем и превращается в особую ценность по мере взросления личности (равно как и народа, кристаллизации ее ценностных, а шире – жизненных ориентаций). Выполняя целый ряд позитивных функций, он не может быть ни опасным, ни негативным фактором, а лишь определяет параметры, в которых любой народ может быть самим собой.

Национализм по своей природе уходит корнями в этнонациональную сферу. И если и обретает нравственное содержание, то в связи с ней. Ярko проявившийся в Европе на рубе-

же XVIII–XIX веков, в эпоху становления национальных государств и национально-буржуазных революций, он сыграл определенную положительную роль, став и объединяющей силой, и союзником зарождавшейся западной демократии.

Нами проведено исследование по материалам Министерства региональной политики Новосибирской области, которая всегда отличалась многонациональным составом и многоконфессиональностью. Этому способствовали активные переселенческие процессы конца XIX – начала XX века, развивающаяся многоотраслевая экономика и особенности географического положения. Быстрое развитие промышленности, транспортных связей, строительных отраслей привлекали в область выходцев из европейской части страны, представителей сибирских народов и народов Азии.

Несмотря на большое количество приезжих из разных концов России, большинство жителей Новосибирской области, как показывают проводимые с 1959 года Всероссийские переписи, относят себя к русскому населению.

Не стала исключением и последняя перепись населения 2010 года. Перепись показала, что на фоне зарегистрированных в области представителей около 180 национальностей и национальных групп русские представляют наиболее многочисленный этнос и составляют в общей численности населения 88,74 % (93,1 % – от указавших свою национальность).

Свыше 1 тыс. человек, кроме русских, насчитывает 21 этническое сообщество, из них более 10 тыс. имеют только 6 этносов, при этом у 68 этносов численность не превысила 5 человек. Наиболее многочисленные: немцы – 1,2 %, татары – 0,9 %, украинцы – 0,8 %, узбеки – 0,5 %, казахи и таджики – по 0,4 %, армяне и азербайджанцы – по 0,3 %, киргизы и белорусы – по 0,2 % (от числа указавших свою национальность).

В районах области отсутствуют компактные поселения каких-либо национальных групп, лишь в ряде районов наблюдаются относительно компактные поселения немцев, украинцев, татар, белорусов и казахов.

На протяжении всей истории своего развития Новосибирская область отличалась стабильной межнациональной ситуацией, взаимоуважительными отношениями между народами. И даже активные миграционные процессы последнего десятилетия, хоть и внесли свои коррективы в национальную карту региона, не стали тем фактором, который позволил бы разрушить сложившийся баланс и гармонию в сфере межнациональных отношений.

На сегодняшний день в области зарегистрированы и действуют 75 общественных национальных организаций, в том числе: 8 региональных и 23 местных национально-культурных автономий, которые представляют 27 национальностей. В районах и городах области зарегистрированы только 10 общественных организаций (5 немецких, 2 украинские, 2 армянские, 1 татарская). Остальные действуют в г. Новосибирске.

Три общественных организации являются межэтническими:

- Ассамблея народов Новосибирской области (председатель И. Э. Дуквен);
- Ассоциация национально-культурных автономий и национальных организаций г. Новосибирска и Новосибирской области «Содружество» (председатель А. Г. Гареев).

Многие годы регулирование этносоциальных процессов осуществляется на основе сложившейся практики взаимодействия министерства с институтами гражданского общества.

Данная практика строится на принципах непосредственного контакта с руководителями общественных национальных организаций и национально-культурных автономий, а также с руководящими органами межнациональных общественных организаций.

В настоящее время Губернатором области создан и ведет работу Совет по межнациональным отношениям. Многие годы действует рабочая группа по делам казачества в Новосибирской области.

В области реализуется Комплексный план действий по гармонизации межэтнических отношений и реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, в Новосибирской области на 2016–2018 годы, Государственная программа Новосибирской области «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов, проживающих на территории Новосибирской области, на 2015–2020 годы».

Формами взаимодействия с институтами гражданского общества по вопросам государственной национальной политики являются:

- 1) регулярное участие представителей областных исполнительных органов государственной власти в заседаниях межнациональных общественных организаций, в мероприятиях, проводимых национальными общественными организациями и объединениями;
- 2) проведение ежегодных конференций и форумов (научно-практическая конференция «Культура и образование этнических сообществ Сибири», международный форум «Россия глазами народов Сибири», ежегодный гражданский форум «Гражданский диалог» и др.);
- 3) обсуждение актуальных вопросов национальной политики в ходе личных приёмов, рабочих совещаний, круглых столов, семинаров и т. п. с руководителями общественных организаций и лидерами общественного мнения.

В целях раннего предупреждения межнациональных конфликтов органами государственной власти Новосибирской области принимается ряд мер, таких как:

- 1) осуществление мероприятий по сохранению этнокультурного многообразия области;
- 2) проведение текущего мониторинга развития межнациональных отношений;
- 3) регулярное взаимодействие с национальными общественными организациями и авторитетными лидерами по профилактике проявлений религиозного и национального экстремизма;
- 4) взаимодействие с исполнительными органами государственной и муниципальной власти, территориальными подразделениями федеральных исполнительных органов власти, институтами гражданского общества по вопросам реализации государственной национальной политики, в том числе предупреждению ксенофобии, экстремизма и терроризма в сфере межнациональных отношений.

В рамках развития и укрепления межэтнического сотрудничества, предупреждения проявлений национального экстремизма представители национальных общественных ор-

ганизаций активно привлекаются к участию во многих социально значимых областных и общегосударственных мероприятиях:

- 1) областные межнациональные праздники: международный фестиваль национальных культур «Единство через культуру», демонстрирующий культурные традиции, дружбу и согласие между народами, День единения славянских народов, Дни славянской письменности и культуры, ярмарка общественных инициатив и др.;
- 2) мероприятия, посвященные празднованию Дню защитников Отечества, Дню Победы в Великой Отечественной войне;
- 3) привлечение общественных национальных организаций к мероприятиям, посвящённым праздникам День народного единства, День России, День борьбы с терроризмом.

Сегодня видим одну из главных задач министерства – это укрепление единства российской нации и межнациональных отношений, сохранение национальной культуры и традиций народов Новосибирской области. Ведь не секрет, что этноконфессиональные отношения в области составляют существенную часть общественных отношений и напрямую оказывают важное влияние на сохранение спокойствия и стабильности в регионе.

Список литературы

1. О патриотизме и гражданственности: учеб. пособ. для студентов / под ред. А. А. Козлова. СПб, 2005. 227 с.
2. Корниенко Н. А. Новые исследования эмоционально-ценностной сферы личности: монография. Кн. 3: Гражданственность и патриотизм – основы духовно-нравственного развития и воспитания личности. Новосибирск: НГАУ, 2011. 408 с.
3. Юнг К. Г. Психология архетипа младенца. Душа и миф: шесть архетипов. Киев; М., 1977.
4. Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. М., 1991.
5. Ломоносов М. В. О воспитании и образовании / сост. Т. С. Бутырина. М.: Педагогика, 1991.
6. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс // Избр. тр. / пер. с исп.; сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. М.: Весь мир, 1997.
7. Лосский И. О. Характер русского народа. М., 1990.
8. Лихачев Д. С. Великое наследие: избр. работы: в 3 т. Т. 2. Л., 1987.

УДК 314.151(=581)(571.1/.5)

Б. А. Кощеев

Доцент кафедры права и философии

Новосибирского государственного педагогического университета

ИМПЕРАТИВЫ КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ В СИБИРЬ

В 2008 году Россия вошла в пятерку ведущих стран, в которые устремляются миграционные потоки [1]. На территории Сибири значительная часть иммигрантов имеют «китайское лицо». И в научной литературе, и в официальных сводках государственных органов называют различные цифры китайских мигрантов в России: от нескольких десятков тысяч до одного миллиона человек [2]. Эксперты-демографы говорят о 300–500 тыс. одновременно присутствующих в России китайцев, единодушно утверждая, что постоянными жителями из них являются не более 35 тыс. Большинство граждан КНР пересекают российско-китайскую границу для временного пребывания в России: туристы, бизнесмены, торговцы, студенты и пр. По оценке директора ФМС К. Ромодановского, в 2010 году количество китайцев по всей России составило 248 тыс. чел [3]. Похожие данные приводит в своих работах В. Портяков (крупный эксперт-китаист) [4, с. 107].

Проблемы нелегальной миграции китайцев в Сибири не существует, хотя есть много китайских мигрантов, которые занимаются незаконной трудовой деятельностью. Их численность в 7–8 раз превышает количество законно работающих, которых насчитывается всего 10–12 тыс. человек [5, с. 74–75].

Миграционные императивы – это научные установки, содержащие консолидированные требования к иммиграции со стороны ученых, внедряемые в массовое и политическое сознание через научные публикации, СМИ и высшую школу.

Императив № 1. Не пугаться самим и не пугать китайской миграцией других, а научно изучать её на основе фактов. Среди огромного числа научных публикаций глубокие аналитические работы встречаются не часто. Но авторы даже самых компетентных исследований, объективно изучая развитие китайской миграции в прошлом и настоящем, часто избегают заглядывать в будущее. Отказ от прогнозирования лишает научный взгляд перспективы и делает выводы ученых ограниченными по времени и скоропреходящими [6, с. 147–148].

Кроме того, оценки и предложения ученых и экспертов не обладают непререкаемым авторитетом, и государственная власть мало прислушивается к ним. Но они могут повлиять на принятие политических решений опосредованно – через изменение общественного мнения о китайской миграции.

Императив № 2. Общественное сознание России заражено ксенофобией в специфической форме мигрантофобии и нуждается в очищении. Мигрантофобия – это комплекс подсознательных и сознательных страхов у россиян, сочетающихся с агрессивностью и подозрительностью по поводу настоящего или будущего нашествия и засилья китайцев.

Мигрантофобией страдает не только народ, но и властные структуры всех уровней [7, с. 81]. Мигрантофобия порождает отрицательное отношение к мигрантам, их неприятие и становится психологической почвой для распространения в обществе ложных идей и теорий о «демографической экспансии», о «китайской угрозе», «желтой опасности» и др. [8, с. 122]. На почву, подготовленную психологическими предрассудками, легко ложатся семена великодержавного национализма, европоцентризма и геополитических представлений российской интеллигенции и правящего класса.

Чтобы развеять все мифы и тревожные настроения населения, чтобы снять все идейные спекуляции, российские ученые должны стать активными участниками идеологической борьбы, в центре которой стоит вопрос о выборе стратегического курса России на мировой арене. Их гражданский долг состоит в отстаивании подлинных интересов России, для чего им надо использовать все практические возможности для опровержения вымыслов, ложных оценок, прозападных и проамериканских политиков в нашей стране и за рубежом.

Нужно помнить о развернувшейся в мире информационной войне вокруг России, в ходе которой определенные круги Японии и США пытаются намеренно распространить в России антикитайские настроения, чтобы поссорить её с Китаем [5, с. 74–75].

Императив № 3. Китайская миграция нужна как России, так и Китаю. Всемирный банк считает, что России каждый год требуется порядка одного миллиона трудоспособных иммигрантов для полной компенсации сокращения населения и устойчивого экономического роста [9]. Продолжающийся демографический кризис стал камнем преткновения на пути экономического развития Сибири, а нехватка рабочей силы, вызванная естественной убылью и оттоком населения, стала головолломной проблемой для местной и центральной власти.

9 октября 2007 года вышел Указ Президента РФ № 1351, который утвердил концепцию демографической политики РФ на период до 2025 года [10]. Эта концепция определила комплекс мер по улучшению демографической ситуации в стране, в том числе за счет создания условий для привлечения и интеграции китайских мигрантов в российское общество. Реализация этих мер частично стабилизировала ситуацию на рынке труда в 2014–2015 годах за счет внешней миграции, но не улучшила её.

В 2014 году была принята «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [3]. Эта большая программа государственных мер по целевому заселению Сибири и других регионов. Малолюдность и не освоенность сибирских территорий усилили впечатление соседей о слабости России и незначительности для неё этой земли и тем самым стали угрожать её национальной безопасности [5, с. 73].

Китайское правительство, со своей стороны, заявило о готовности направлять в Сибирь 200–300 тысяч трудовых мигрантов для работы в сельском хозяйстве и других отраслях. Однако сами китайцы едут в Россию неохотно и количество их год от года сокращается. Российское общество и местные власти оказались не готовы к их приему.

Но экономическая потребность и интерес России к использованию китайской рабочей силы велики, и отказаться от них невозможно без причинения ущерба экономике Сибири. Надо только умело управлять миграционными потоками, контролировать деятельность

иностранных мигрантов на сибирской земле и регулировать отношения мигрантов с местными жителями правовыми методами.

Императив № 4. Россия ещё должна стать привлекательной для китайских мигрантов и показать им своё доброе азиатское лицо. Слабая заселенность Сибири сама по себе не делает её привлекательной для китайских переселенцев. Более того, экономическая притягательность России в последнее время падает, так как разрыв в уровне жизни китайцев и россиян уменьшается, а такие преимущества России, как лучшая экология, личная безопасность и возможность иметь несколько детей, теряют своё значение для китайской молодежи [11, с. 18].

Надо планомерно готовиться к приему гастарбайтеров из Китая, а не пассивно ожидать их. Адаптация мигранта на новом месте жительства – это не только приспособление его самого к новым условиям жизни, но и приспособление условий жизни к потребностям мигранта. Адаптация требует усилий не только от переселенца, но и от принимающей стороны, которая должна создать все условия для обустройства мигранта на новом месте [12].

Для привлечения достаточного количества переселенцев из Китая Россия должна изменить миграционную политику, поскольку ни миграционное законодательство, ни деятельность миграционной службы не соответствуют в полной мере потребностям социально-экономического и демографического развития страны, «недостаточно ориентированы на привлечение иностранных работников на долгосрочной основе, не содержат мер по их адаптации и интеграции в российское общество» [13, с. 100].

Не только миграционные службы и местные органы власти, но и само население, общественные организации, предприниматели и местные СМИ должны принять доброжелательное и деятельное участие в приеме и устройстве мигрантов. Только совместными усилиями они смогут создать привлекательный облик Сибири.

Императив № 5. Сибирь должна стать витриной России в Северо-Восточной Азии: что хорошо для Сибири, то хорошо и для России. Национальный интерес России состоит во всестороннем освоении и развитии этого региона. Будущее России закопано в сибирских недрах, и она должна добыть его любой ценой. Надо создавать все условия для воспроизводства своего населения и активизации внутренней миграции в Сибирь, то есть продвигать российскую цивилизацию на восток. Нужна эффективная социальная политика государства и финансовые инвестиции в развитие региона [2, с. 37]. Ключ к нормализации и оптимизации китайской миграции в том, чтобы сами сибиряки своими собственными руками начали преобразование Сибири [11, с. 19].

Когда Россия не на словах, а на деле докажет миру, что она сильна не только ядерным оружием, но и созидательной мощью своего народа, тогда ни у кого даже мысли не появится сделать её своим сырьевым придатком или территориальным довеском.

Императив № 6. Реальность нашего времени такова, что планы России по возрождению и модернизации Сибири невозможно осуществить без сотрудничества с Китаем, который сам заинтересован в тесных отношениях с Россией в целях своего развития. Потребность в экономическом и политическом взаимодействии осознают оба государства [7, с. 122].

Сотрудничество с Китаем становится самым главным внешнеполитическим приоритетом России. Она рассчитывает на его поддержку в реализации своих внутренних планов и

называет его своим стратегическим партнером. Но российско-китайские отношения асимметричны, так как сама Россия занимает далекое 10-е место среди стран, торгующих с Китаем. Ключевым стратегическим партнером Китая являются США, о чем не следует забывать России при реализации своей восточной политики. США, а не Россия – главный источник инвестиций, инноваций и новейших технологий для Китая. Россия пока не в состоянии оторвать Китай от этого живительного источника [14, с. 29].

Требуется реальная, а не декларативная интеграция с Китаем и прежде всего в сфере трансграничных отношений. Одного межправительственного сотрудничества не достаточно, хотя именно оно, а не частный бизнес, становится движущей силой партнерских отношений. Частный бизнес Китая уже не верит в перспективу совместных инвестиционных проектов с российскими предпринимателями. Для активизации приграничных отношений на российской стороне очень мало энергичных и инициативных людей [15, с. 12–13].

Но и государственные программы, оторванные от интересов местных жителей и частного бизнеса малоэффективны, так как выполняются только на 10–30 % от запланированного объема мероприятий. Все подобные программы наталкивались на непреодолимые для российского правительства препятствия: большие расстояния, климат, европоцентризм, иную культурную среду, инерцию мышления, непрофессионализм исполнителей и высокую стоимость их реализации [2, с. 50].

Судьбоносный поворот России на Восток, как обычно, является лишь демонстрацией намерений. Китай не будет за нас решать наши задачи. «Было бы заблуждением ожидать от него, что он станет тем локомотивом, который вытащит нашу экономику из кризиса и введет нас в число великих тихоокеанских держав» [2, с. 50].

Императив № 7. Для осознания и выражения перспективных интересов России и Сибири необходимо новое планетарное мышление.

Планетарный размер богатств Сибири требует и планетарного подхода к их разработке. Но Россия лежит на сибирских богатствах как собака на сене и со страхом думает только о том, сможет ли она сохранить их для себя и своих потомков «в условиях растущего дефицита природных ресурсов на планете в целом и, в частности, в переполненном населением соседнем Китае» [6, с. 147].

Пришло время осознать тот факт, что Россия в одиночку не сможет освоить бескрайние просторы Сибири и овладеть её бездонными ресурсами. Только совместный труд с соседями по разработке и использованию подземных и надземных сокровищ Сибири сделает нас друзьями и определит судьбу наших государств в XXI веке. Помогая Китаю решать его внутренние проблемы, мы тем самым сможем решить с его помощью и свои. Сотрудничество, доведенное до степени взаимопомощи и дружеского участия в судьбе другого – это не односторонняя уступка Китаю, это не отказ от защиты своих интересов, это самый дальновидный и надежный способ их реализации.

Национальный интерес России заключается в безопасном для неё развитии Китая. Россия все в большей степени попадает в зависимость от ситуации внутри Китая и должна сделать всё от неё зависящее, чтобы ход событий в этом гиганте принял благоприятный для неё оборот [6, с. 156].

О своем единодушии с Россией, о связанности Китая и России общей судьбой говорил заместитель Генерального консула КНР в г. Хабаровске г-н Юй Цзюнь. Выражая общее мнение правительств обеих стран и широких кругов общественности, он заявил: «Китаю нужна стабильная, процветающая и могучая Россия. Равным образом России нужен такой же Китай» [16, с. 8].

Список литературы

1. Доклад Фонда ООН по народонаселению. Нью-Йорк, 2006.
2. Ларин В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX – нач. XXI в.). М., 2005.
3. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/8278>.
4. Портяков В. Я. О новых моментах в иммиграционной политике России // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5.
5. Бояринцев И. Демографический аспект российских геополитических интересов в Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6.
6. Кульпин-Габайдулин Э. С. Россия и Китай: проблема безопасности и сотрудничества в контексте глобальной борьбы за ресурсы // Полис: Политические исследования. 2008. № 6.
7. Ларин А. Г. Российско-китайские отношения и китайские мигранты в оценке россиян // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6.
8. Бабаян Д. Демографический компонент российско-китайских отношений: вызовы и выгоды. // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 6.
9. Время новостей. 2005. 17 ноября.
10. Собрание законодательства РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.
11. Портяков В. Я. Российский вектор в глобальной китайской миграции // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 2.
12. Воробьева О. Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания РФ. 2003. № 9.
13. Прудникова Т. А. Административно-правовое регулирование миграционных процессов. Современность и перспективы. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
14. Гарусова Л. Н. Возможности и риски политики России в АТР: фактор США и Китая // У карты Тихого океана: информационно-аналитический бюллетень № 38 (236). Восточный вектор российской политики и его политические и экономические последствия (по материалам круглого стола) 17 марта 2015 г. Владивосток, 2015.
15. Кучук О. В., Фокин Н. И. Присутствие Китая в экономике России: формы, динамика, прогнозы // У карты Тихого океана: информационно-аналитический бюллетень № 25 (223). Китайский фактор в развитии Тихоокеанской России в начале XXI века (по материалам круглого стола) 18 мая 2012 г. Владивосток, 2012.
16. Доклад заместителя Генерального консула КНР в г. Хабаровске г-на Юй Цзюня // информационно-аналитический бюллетень № 25 (223). Китайский фактор в развитии Тихоокеанской России в начале XXI века (по материалам круглого стола) 18 мая 2012 г. Владивосток, 2012.

УДК 331.556:364-785.14

А. С. Мельникова

Кандидат экономических наук Института экономики УрО РАН

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ*

Проблема адаптации мигрантов является актуальной проблемой как для России, так и для зарубежных стран. Изучение динамики потоков, структуры и состояния мигрантов невозможно без оценки влияния приезжих на местное сообщество и обратной взаимосвязи. Выбор методов изучения адаптации трудовых мигрантов, оценки их влияния на социально-экономические процессы принимающей территории осложняется трудностью сбора информации, характеризующей этнические, культурные, социальные, религиозные различия различных социальных групп.

Традиционные методы изучения трудовой миграции подразумевают регистрацию мигрантов в месте прибытия и выбытия, что позволяет получить информацию о численности и структуре прибывающих и убывающих мигрантов, направления миграции. Также путем косвенных расчетов рассчитывается сальдо миграции, анализируется естественное движение по периодам в динамике. Дополнительные данные дает перепись населения, в частности сопоставление информации о месте рождения и месте фактического проживания, характеризует сальдо миграции как внешней, так и внутренней. Статистические методы позволяют получить сведения о продолжительности проживания населения на определенной местности, географии перемещения мигрантов. Для углублённого изучения миграционных потоков применяются методы математической статистики (дисперсионный и корреляционный анализ, теория выборки, расчёт динамических рядов и относит, величин и др.), теория игр, моделирование, системный анализ и др. Для предоставления данных о миграционных балансах или потоках используются смешанные статистические и картографические методы [1].

Все перечисленные методы обладают одним существенным недостатком – они не дают представление о культурных различиях и этнических проблемах, возникающих в местах проживания мигрантов. Личностные взаимоотношения, социокультурные и религиозные различия, внедрение запретов, бытовые и семейные особенности приезжих в местное сообщество трудно оценимо с точки зрения традиционных методов анализа. Еще более закрыты данные о проблемах включения трудовых мигрантов в жизнь и культуру принимающей территории. Выбор инструментов изучения миграции должен учитывать региональные особенности, направление и формы миграционных процессов. Этот выбор определяется целями и задачами, программой исследования, основными гипотезами, выбранным объектом изучения (мигранты, предприятия, насел, пункты и др.) [2].

© Мельникова А. С., 2017

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 16-02-00422 «Мониторинг внешней трудовой миграции в разработке инструментария повышения социально-экономического благополучия регионов России».

Именно поэтому основой изучения социокультурных различий и проблем адаптации мигрантов можно назвать социологические методы. Они позволяют получить информацию не только о количестве и направлениях миграции, но и изучить проблемы адаптации мигрантов на принимающей территории, их влияния на местное сообщество, выявить социальные проблемы, оценить качество прибывающих трудовых мигрантов, а также выявить потенциальные резервы и факторы миграции. Важнейшим направлением исследования является культурная интеграция и адаптация мигрантов и местного сообщества, структура и динамика возникающих социальных отношений на принимающей территории.

Применение социологических методов ставит задачу разработки соответствующего целям и задачам исследования инструментария, с помощью которого можно оценить различные социальные и экономические аспекты жизнедеятельности мигрантов. Специалисты выделяют три основных вида сбора социологической информации: опрос, анализ документов и наблюдение [3].

При изучении миграционных процессов метод опроса используется наиболее часто. Анкетирование применяют для регистрации проблемных точек во взаимоотношениях мигрантов и местного сообщества: мотивов поведения, жизненных установок, социокультурных различий. Этот метод часто называют массовым, поскольку он подразумевает опрос широкого круга лиц по заранее разработанному опросному листу. Более глубоко изучить проблему позволяет метод интервьюирования или экспертный опрос. Он предполагает выбор компетентных респондентов для получения менее структурированной, но при этом более обширной информации об изучаемом явлении. Так, опрос представителей миграционных служб, представителей диаспор, местных общественных организаций и предпринимателей дает возможность поиска консенсуса при принятии решений о миграционной политике. Следует отметить, что экспертный опрос трудоемок и сложен для последующего анализа, поскольку включает в основном открытые вопросы и мнения респондентов.

Наблюдение наиболее часто используемый метод, как правило, он дополняет другие и включает прямую регистрацию событий.

Более подробно остановимся на анализе документов. Он включает такие методы, как традиционный анализ и контент-анализ. Традиционный анализ позволяет интерпретировать документы в соответствии с поставленными целями и задачами исследования. Контент-анализ позволяет перевести смысловые единицы массовой текстовой информации в количественные показатели.

Продemonстрируем применение специфических социологических методов для изучения миграционных процессов на территории. Для примера рассмотрим применение контент-анализ СМИ для изучения поведения и целевых установок мигрантов, их адаптации и влияния на жизнедеятельность населения принимающей территории, формирование образа мигранта через СМИ. Большое внимание исследователей уделяется изучению настроений и позиции принимающего трудовых мигрантов сообщества. В этой связи необходимо отметить большое влияние средств массовой информации на формирование мнимых и реальных угроз со стороны мигрантов, раскрывая проблемы взаимоотношений мигрантов и жителей принимающей территории.

Некоторые исследователи считают информацию из печатных и интернет-источников одной из основных при изучении миграционной ситуации на уровне конкретной территории. Средства массовой информации являются традиционными носителями информации об общественных настроениях, политике властей в отношении миграции, социальных проблемах, интересах и ожиданиях мигрантов. Они информируют, создают образы, предлагают слова для вербализации и оценки проблем и явлений, формируют дискурсы. Общественное мнение во многом складывается не в процессе непосредственного общения, а в результате внедрения суждений и установок, созданных при помощи медиа-образов.

Функции СМИ в современном обществе многообразны. Можно выделить только некоторые из них, которые могут оказать влияния на проблемы этнокультурной адаптации мигрантов:

- сбор, обмен и распространение информации между социальными объектами [4];
- формирование единого информационного пространства через механизм социальной идентичности различных слоев населения, в том числе мигрантов;
- освещение замыслов, символов, дискурсов и информационной повестки дня, формирующих общественное мнение о тех или иных событиях;
- трансляция и формирование оценок и ценностей сообществ;
- возможность идеологической и политической мобилизации людей в ответ на те или иные информационные вызовы и факты.

Исходя из значительной роли средств массовой информации в формировании общественного мнения о проблемах миграционной политики, национальной и культурной адаптации мигрантов в местном сообществе, мы можем говорить о важности изучения региональных СМИ, в частности газет и интернет-ресурсов. Именно они отражают настроения и проблемы местного населения, формируя его самосознание. Разнообразие интересов местных сообществ особенно ярко выражается в сфере структуры миграционных потоков, моделей поведения мигрантов, реакции на них принимающего населения. Важное значение имеет анализ печатных и других информационных изданий, формируемых самими мигрантами.

При изучении адаптационных проблем мигрантов и местного сообщества следует отметить большую роль региональных и местных средств массовой информации в формировании позиции местного населения относительно мигрантов. Процесс передачи информационных потоков в едином информационном пространстве выражается, в том, что представители властных структур используют суждения журналистов для формирования миграционной политики, которая становится информационным поводом для материалов в СМИ.

Каждое конкретное исследование в зависимости от поставленных целей и задач предполагает разработку специфического инструментария. Социологические методы исследования дают возможность сбора и анализа эмпирической информации о социальной, культурной, религиозной, этической адаптации мигрантов, которые традиционными статистическими методами получить не представляется возможным. В частности, именно с помощью методов социологических исследований можно получить такую уникальную информацию об этносоциальной интеграции и адаптации мигрантов на принимающей территории

как: уровень освоения и использования языка, браки в иммигрантской среде, формирование диаспор в различных социально-этнических группах, самоидентификация мигрантов, возможные пути культурного и этнокультурного развития иммигрантов.

Список литературы

1. Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения / отв. ред. В. Н. Шубкин. М.: Наука, 1975. 231 с.
2. Рабочая книга социолога / М. Н. Руткевич, Г. В. Осипов, С. Ф. Фролов и др.; АН СССР, Ин-т социол. исследований. М.: Наука, 1976. 512 с.
3. Шарков Ф. И. Основы теории коммуникации: словарь-справочник. М., 2002. С. 40.
4. Ядов В. А., Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы. М., 1972.